

БЕСТСЕЛЕР ПО ВЕРСИИ
THE NEW YORK TIMES

ПИТЕР
ФРАНКОПАН

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

ДОРОГА ТКАНЕЙ, РАБОВ,
ИДЕЙ И РЕЛИГИЙ

Путешественники во времени

Питер Франкопан

**Шелковый путь. Дорога
тканей, рабов, идей и религий**

«ЭКСМО»

2015

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Франкопан П.

Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий /
П. Франкопан — «Эксмо», 2015 — (Путешественники во
времени)

ISBN 978-5-699-95706-4

«Шелковый путь» – больше чем книга, это настоящее исследование британского историка и преподавателя Оксфордского университета Питера Франкопана. В книге рассматривается вся история человечества за последние 2000 лет. Вы узнаете, как возник шелковый путь из Азии в Европу, какие войны велись за контроль над ним, а также поймете его истинное значение для всего мира. Вы увидите, что история развивалась совсем не так, как мы привыкли изучать в школе. Так, столетия назад интеллектуальные центры мира, «Оксфорды» и «Кембриджи», «Гарварды» и «Йели», находились не в Европе, а в городах Средней Азии, куда и съезжалась вся просвещенная молодежь в поисках успеха.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-95706-4

© Франкопан П., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Заметки о транслитерации	6
Предисловие	7
1. Создание Шелкового пути	12
2. Путь веры	32
3. Путь к христианскому Востоку	45
4. Путь к революции	59
5. Путь согласия	72
6. Путь мехов	90
7. Путь рабов	101
8. Путь на небеса	116
9. Путь в ад	133
10. Путь смерти и разрушения	144
11. Золотой путь	164
12. Серебряный путь	178
13. Путь в Северную Европу	195
14. Путь к империи	212
15. Путь к кризису	225
16. Путь к войне	236
17. Путь черного золота	257
18. Путь компромисса	271
19. Пшеничный путь	283
20. Путь к геноциду	297
21. Путь холодной войны	313
22. Американский Шелковый путь	328
23. Путь к противостоянию сверхдержав	342
24. Путь к катастрофе	357
25. Путь к трагедии	382
Заключение. Новый Шелковый путь	398
Признательность	408

Питер Франкопан Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий

Peter Frankopan

The Silk Roads: A New History of the World

© Peter Frankopan, 2015

© В. Шаршукова, перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Катарине, Флоре, Френсису и Люку

Заметки о транслитерации

Историки очень много дискутируют о вопросах транслитерации. В таких книгах, как эта, основанных на первичных источниках, написанных на разных языках, невозможно вывести единое правило. Такие имена, как Жоау и Иван, остались неизменными, в то время как Фернандо и Николай превратились в Фердинанда и Николаса. Лично я предпочитаю говорить Чингиз-хан, Троцкий, Каддафи и Тегеран, даже несмотря на то что другие варианты могут быть более точными. В то же время я избегаю западных вариантов названия Бейджина (Пекина) и Гуанчжоу. Особенно сложно иметь дело с местами, которые меняли название. Лично я называю великий город на Босфоре Константинополем вплоть до конца первой мировой войны и только с этого момента начинаю называть его Стамбулом. Я говорю Персия до тех пор, пока название страны не изменилось официально на Иран в 1935 году. Я прошу снисходительности от тех читателей, которые всюду хотят единообразия.

Предисловие

Когда я был еще ребенком, одним из самых ценных моих сокровищ была большая карта мира. Она висела на стене над моей кроватью, и я разглядывал ее каждую ночь перед сном. Вскоре я выучил названия всех стран, их столиц, а также океанов, морей и рек, которые в них впадают, названия основных горных гряд и пустынь, которые были написаны интригующим курсивом. Все это говорило об опасностях и приключениях.

К тому времени как я стал подростком, я с неудовольствием отметил узость изучения географии в школе. Мы изучали в основном Западную Европу и Соединенные Штаты Америки, в то время как остальной мир оставался для нас сплошным белым пятном. Нам рассказывали о римлянах в Британии, о норманнских завоеваниях 1066 года, о Генрихе VIII и Тюдорах, об Американской войне за независимость, индустриализации в Викторианскую эпоху, о битве на Сомме и возникновении и падении нацистской Германии. Я смотрел на свою карту и видел огромные области, о которых нам не рассказывали ничего.

На мой четырнадцатый день рождения родители подарили мне книгу антрополога Эрика Вульфа, которая стала для меня путеводной звездой. Принятая обществом ленивая история, писал Вульф, говорит, что Древняя Греция породила Рим, Рим породил христианскую Европу, христианская Европа положила начало Возрождению, Возрождение привело к Просвещению, которое, в свою очередь, привело к демократии и индустриальной революции. Промышленность, скрещенная с демократией, породила Соединенные Штаты, где и родились право на жизнь, свободу и стремление к счастью¹. Я моментально узнал ту самую историю, которую мне преподавали: мантру политиков, культурный и моральный триумф Запада. Но она уже дала трещину. Появились альтернативные способы рассматривать историю не с точки зрения недавних победителей.

Я попался. Стало совершенно ясно, что те регионы, о которых нам ничего не рассказывали, стали жертвами расцвета Европы. Я убедил отца отвезти меня взглянуть на Херефордскую карту мира, на которой Иерусалим расположен в центре, а Англия и другие западные страны в стороне, как будто они совсем не при делах. Когда прочитал про арабских географов, чьи работы сопровождалась графикой и казались перевернутыми из-за того, что Каспийское море на них располагалось в центре, я просто остолбенел. Такое же впечатление на меня произвели средневековые турецкие карты, которые я отыскал в Стамбуле. В самом центре этих карт был город под названием Баласагун, город, о котором я никогда не слышал прежде и которого никогда не видел ни на одной карте. Город, местоположение которого до недавних пор было неизвестно. И все же его считали центром мира².

Я хотел узнать больше о России и Центральной Азии, о Персии и Месопотамии. Я хотел узнать об истоках христианства в Азии, о Крестовых походах с точки зрения азиатов и как видели крестоносцев жители таких великих городов Средневековья, как Константинополь, Иерусалим, Багдад и Каир. Я хотел узнать больше о великих империях Востока, о монголах и их завоеваниях; я хотел понять обе мировые войны не с точки зрения Фландрии или Восточного фронта, а с точки зрения афганцев или индусов.

Мне очень повезло. В школе я изучал русский язык. Нас обучал блистательный Дик Хаддон, который в свое время служил в военно-морской разведке и считал, что лучший спо-

¹ E. Wolf, *Europe and the People without History* (Berkeley, 1982), p. 5.

² A. Herrman, 'Die älteste türkische Weltkarte (1076 n. Chr)', *Imago Mundi* 1.1 (1935), pp. 21–28; а также Ma#mud al-Kashghari, *Dīwān lughāt al-turk: Compendium of the Turkic Dialects*, ed. and tr. R. Dankhoff and J. Kelly, 3 vols (Cambridge, MA, 1982–1985), 1, pp. 82–83. О местоположении города – В. Горячева. *Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии*. – Фрунзе, 1983. – С. 54–61.

соб изучить русский язык и русскую душу – это прекрасная русская литература и народная музыка. Еще одной удачей стало его предложение обучать желающих арабскому языку. Он показал нам культуру ислама, его историю, постепенно погружая нас в красоту исламского мира. Изучение этих языков помогло мне приоткрыть завесу тайны неизведанного мира, который только ждал, чтобы его открыли в западном мире.

Сейчас много внимания уделяется влиянию экономического роста Китая, где спрос на предметы роскоши вырос примерно в четыре раза, или социальным переменам в Индии, где практически у всех есть мобильные телефоны, но зато современные унитазы – далеко не у каждого³. Но ни один из подходов не предлагает лучшей точки для изучения прошлого и настоящего нашего мира. На протяжении тысячелетий область между Востоком и Западом, соединяющая Европу и Тихий океан, была осью, на которой вращался этот мир.

Место точно между Востоком и Западом, которое простирается от восточных берегов Средиземного и Черного морей до Гималайских гор, может показаться неудачным для изучения мира. Сейчас здесь находятся страны, которые навевают мысли об экзотике и... периферии: Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Туркменистан, Таджикистан и страны Кавказа. Этот регион считается нестабильным, жестоким, угрожающим мировому спокойствию. К нему относятся такие страны, как Афганистан, Иран, Ирак и Сирия. Здесь же находятся страны, отставшие от передовых практик демократии, – Россия и Азербайджан. Более того, здесь располагаются «неудавшиеся», «развалившиеся» страны, где у власти стоят диктаторы, которые набирают большинство голосов на выборах. Их семьи и друзья контролируют основные бизнес-процессы в стране и обладают огромной политической властью. Это места, где не соблюдают права человека, где ограничивается свобода слова в вопросах вероисповедания, совести и секса, где средства массовой информации контролируют поступающую информацию⁴.

Хотя данные страны могут показаться нам дикими, это не глушь, не темные, забытые земли. Это мост между Востоком и Западом, перекресток цивилизации. Располагаясь вдалеке от основных мировых событий, в то же самое время эти страны находятся в самом центре, так же как и в начале. Они были здесь, когда появилась цивилизация. Есть теории, согласно которым именно здесь возникло человечество – в Райском саду, «высаженном самим Господом Богом», где каждое дерево приятно на вид и пригодно в пищу». По общему мнению, этот сад находился на плодородных полях между Тигром и Евфратом⁵.

Именно здесь 5000 лет назад были основаны величайшие мегаполисы; именно здесь, в долине реки Инд, появились города Хараппа, Мохенджо-Даро – чудеса Древнего мира. Их население исчислялось десятками тысяч, их улицы соединяла сложная система канализации, которая появится в Европе лишь спустя тысячелетия⁶. Другие величайшие центры цивилизации – Вавилон, Ниневия, Урук и Аккад в Месопотамии славились своим величием и архитектурными инновациями. Китайский географ, живший более двух тысяч лет назад, отмечал, что жители Бактрии, которая находилась на реке Оксус (теперь это Северный Афганистан), были непревзойденными переговорщиками и торговцами. В их столице располагался рынок, где можно было найти самые разнообразные товары с разных концов света⁷.

³ Что касается растущего спроса на предметы роскоши в Китае, см. например, Credit Lyonnais Securities Asia, *Dipped in Gold: Luxury Lifestyles in China* (2011); для Индии см. Ministry of Home Affairs, *Houselisting and Housing Census Data* (New Delhi, 2012).

⁴ Transparency International, *Corruption Perception Index 2013* (www.transparency.org); Reporters without Borders, *World Press Freedom Index 2013–2014* (www.rsf.org); Human Rights Watch, *World Report 2014* (www.hrw.org).

⁵ Genesis 2:8–9. Чтобы понять месторасположение Райского сада, см. J. Dulumeau, *History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition* (New York, 1995).

⁶ Мохенджо-Даро см. J. Kenoyer, *Ancient Cities of the Indus Valley* (Oxford, 1998).

⁷ *Records of the Grand Historian by Sima Qian, Han Dynasty*, tr. B. Watson, 2 vols (rev. edn, New York, 1971), 123, 2, pp.

Именно здесь зародились мировые религии. Это то самое место, где иудаизм, христианство, ислам, буддизм и индуизм буквально «терлись боками». Это котел, в котором готовилось варево из различных языковых групп – индоевропейские, семитские и сино-тибетские языки можно было услышать наряду с алтайскими, тюркскими и кавказскими. Это место, где создавались и разрушались целые империи, где столкновение различных культур и соперников влияло на судьбы народов на тысячи миль вокруг. Отсюда открываются новые способы изучения прошлого и видны все взаимосвязи этого мира. События на одном континенте глубоко влияют на другой. Последствия того, что происходило в Центральной Азии, могли проявиться в Северной Африке, события в Багдаде сказывались на Скандинавии, а открытия в обеих Америках влияли на цену товаров в Китае и приводили к повышению спроса на лошадей на севере Индии.

Сотрясения распространялись по разветвленной сети, которая простиралась повсюду, где странствовали пилигримы и воины, кочевники и купцы, где производились, продавались и покупались товары, где обменивались идеями, принимали или даже улучшали их. Однако эти сети несли не только процветание, по ним также распространялись смерть и жестокость, болезни и катастрофы. В конце девятнадцатого века именитый немецкий геолог Фердинанд фон Рихтгофен (дядя знаменитого аса времен Первой мировой войны «Красного барона») дал этой обширной сети название, которое сохранилось до нашего времени, – *Seidenstraßen* – Шелковый путь⁸.

Эти пути являются центральной нервной системой мира. Они соединяют народы и города. При этом данные связи находятся в глубине и недоступны для невооруженного взгляда. Так же как анатомия объясняет функции организма, правильное рассмотрение этих связей позволит понять основные механизмы работы целого мира. И все же, несмотря на всю важность этой части мира, она была забыта в рамках основного курса истории. Частично это произошло из-за того, что называют «ориентализмом» – из-за резко негативного взгляда на Восток как на периферийную часть мира, которой нечего противопоставить Западу и, следовательно, которая не стоит серьезного изучения⁹. Также это связано с тем, что повествование о прошлом настолько укоренилось в умах, что Восток рассматривается исключительно как фон для истории о подъеме Европы и западного мира.

Сегодня Джелалабад и Герат в Афганистане, Эль-Фаллуджа и Мосул в Ираке, Хомс и Алеппо в Сирии – синонимы религиозного экстремизма и жестокости сектантов.

Настоящее полностью уничтожило прошлое, забыты те дни, когда название Кабул вызывало в воображении образы садов, посаженных великим Бабуром, основателем империи Великих Моголов в Индии. В *Bagh-i-Wafa* («Сад верности») был пруд, окруженный апельсиновыми и гранатовыми деревьями, и клеверные луга, которыми Бабур был особенно горд: «Это лучшая часть сада. Он особенно прекрасен, когда зацветают апельсины. Воистину, этот сад расположен в прекрасном месте!»¹⁰

Точно так же современные представления об Иране затмили славу его исторического предка – Персии и все ее достижения: прекрасный вкус персов буквально во всем, начиная с сервировки фруктов к обеду и заканчивая потрясающими миниатюрными портретами, написанными прекрасными художниками, и бумагой, на которой писали свои труды ученые.

234–235.

⁸ F. von Richthofen, 'Über die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2. Jahrhundert. n. Chr.', *Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin* 4 (1877), pp. 96–122.

⁹ E. Said, *Orientalism* (New York, 1978). Также обратите внимание на положительную и в подавляющем большинстве случаев весьма романтизированную реакцию французских мыслителей, таких как Фуко, Сартр и Годар, на Восток и Китай, в частности R. Wolin, *French Intellectuals, the Cultural Revolution and the Legacy of the 1960s: The Wind from the East* (Princeton, 2010).

¹⁰ Bābur-Nāma, tr. W Thackston, *Memoirs of Babur, Prince and Emperor* (London, 2006), pp. 173–174.

В прекрасной работе, написанной Сими Нишапури, библиотекарем из Машада, города на востоке Ирана, около 1400 года, даются подробные советы тем, кто разделяет его любовь к книгам. Всем, кто думает о писательстве, он советует иметь в виду, что лучшую бумагу производят в Дамаске, Багдаде и Самарканде. Бумага, произведенная в других местах, – «грубая, с посторонними вкраплениями и неоднородная». Также он отмечает, что, перед тем как начать писать, лучше придать бумаге легкий оттенок, «потому что белый цвет не очень приятен для глаз. Практически все шедевры каллиграфии были созданы на тонированной бумаге»¹¹.

Те места, названия которых теперь забыты, когда-то возвышались над целым миром. Например, Мерв был описан географом десятого века как «приятный глазу, элегантный, блестящий город», «мать народов»; Рей, который находится недалеко от современного Тегерана, был столь прекрасен, что, по словам другого автора, жившего примерно в то же время, его можно было назвать «женихом Земли», ее «самым прекрасным творением»¹². Эти города, как жемчужины, нанизанные на ось Азии, соединяют Тихий океан со Средиземным морем.

Городские центры стимулировали друг друга за счет соперничества их правителей или постройки все более грандиозных зданий и памятников. Библиотеки, места поклонения, церкви и огромные обсерватории, имеющие огромное культурное влияние, разбросаны по всему региону, соединяя Константинополь с Дамаском, Исфаханом, Самаркандом, Кабулом и Кашгаром. Эти города стали домом для блестящих ученых, которые раздвинули рамки изучаемых ими предметов. Сегодня мы знаем лишь о немногих из них: об ибн Сине, известном как Авиценна, аль-Бируни и аль-Хорезми – блестящих ученых в области астрономии и медицины.

Но кроме них были многие другие. Столетия назад интеллектуальные центры мира, «Оксфорды» и «Кембриджи», «Гарварды» и «Йели» прошлого, находились не в Европе и на Западе, а в Багдаде и Балхе, Бухаре и Самарканде.

Была веская причина, почему культуры, города и народы, находящиеся вдоль Шелкового пути, так сильно продвинулись в своем развитии. Во время торговли они также обменивались идеями, обучались друг у друга, стимулируя развитие философии, наук, языкознания и религии. Прогресс был очень важен, один из правителей королевства Чжао на северо-востоке Китая понимал это уже 2000 лет назад. «Талант следовать вчерашними путями, – говорил король Ву Лин в 307 году до нашей эры, – недостаточен, чтобы улучшить сегодняшний мир»¹³. Правители прошлого отлично понимали, как важно идти в ногу со временем.

Покровы тайны прогресса были сорваны уже во время двух знаменитых морских экспедиций в конце пятнадцатого века. В 1490-х годах в течение шести лет стройная система обмена знаниями начала разрушаться. Сначала Христофор Колумб пересек Атлантику, открыв путь к двум массивам суши, которые до сих пор были не тронуты, и «присоединил» их к Европе, затем, через несколько лет, Васко да Гама успешно обогнул южное окончание Африки по пути к Индии, одновременно открывая новые морские пути. Открытия изменили традиции взаимодействия и торговли, что привело к значительным изменениям в расстановке мировых политических и экономических сил. Неожиданно Западная Европа

¹¹ W. Thackston, 'Treatise on Calligraphic Arts: A Disquisition on Paper, Colors, Inks and Pens by Simi of Nishapur', in M. Mazzaoui and V. Moreen (eds), *Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickinson* (Salt Lake City, 1990), p. 219.

¹² Al-Muqaddasī, *Aḥsanu-t-taqāsīm fī marifati-l-aqālīm*, tr. B. Collins, *Best Division of Knowledge* (Reading, 2001), p. 252; Ibn al-Faqīh, *Kitāb al-buldān*, tr. P. Lunde and C. Stone, 'Book of Countries', in *Ibn Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travellers in the Far North* (London, 2011), p. 113.

¹³ Цитируется по N. di Cosmo, *Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History* (Cambridge, 2002), p. 137.

превратилась из незначительного региона в центр коммуникаций и логистики, она стала новой точкой соединения Востока и Запада.

Подъем Европы вызвал ожесточенную борьбу за власть и даже за контроль над прошлым. В то время как соперники сводили счета друг с другом, история была изменена таким образом, чтобы подчеркнуть значение тех событий, тем, идей, которые могли быть использованы в идеологических столкновениях, бушевавших наряду с борьбой за ресурсы и контроль над морскими путями. Были сделаны бюсты ведущих политиков и генералов в тогах, чтобы они напоминали римских героев прошлого, были построены новые прекрасные здания в классическом стиле. Таким образом, политические деятели присваивали заслуги героев прошлого и делали их своими прямыми предшественниками.

История была полностью перекроена, чтобы обосновать идею того, что подъем Запада не только был логичен и неизбежен, но и явился продолжением событий прошлого.

Многие рассказы заставили меня посмотреть на мировую историю по-новому. Особенно мне запомнился один из них. Зевс, отец богов в греческой мифологии, выпустил двух орлов, по одному с каждого конца мира, и велел им лететь навстречу друг другу. Священный камень Омфалос – Пуп Земли – должен был быть помещен там, где они встретятся, чтобы обеспечить миру коммуникацию с богами. Позже я узнал, что этот камень стал предметом долгих дискуссий среди философов и психоаналитиков¹⁴.

После того как я впервые услышал эту историю, я глазел на карту и гадал, где же встретились орлы. Я представлял, как они взлетают с западного побережья Атлантики и с берега Тихого океана в Китае и устремляются в глубь континента. Точное положение менялось в зависимости от того, откуда именно с востока и запада я измерял дистанцию, но всегда это была область между Черным морем и Гималаями. Я часами лежал без сна, разглядывая карту, размышляя о Зевсе, орлах и истории региона, который никогда не упоминали в книгах, которые я читал, у которого не было названия.

Не так давно европейцы поделили Азию на три обширные части – Ближний, Средний и Дальний Восток. Тем не менее когда я слышал или читал о проблемах современности, меня не отпускала мысль, что понятие Среднего Востока поменяло свой смысл и даже географическая привязка изменилась. Его используют, когда говорят об Израиле, Палестине и сопредельных территориях, иногда о Персидском заливе. Я не мог понять, почему мне говорили о важности Средиземноморья как колыбели цивилизации, когда мне было предельно ясно, что эта теория сфабрикована. Настоящий тигель цивилизации, «Средиземноморье» в изначальном его смысле – не море, которое отделяет Европу от Северной Африки, а самое сердце Азии.

Я надеюсь, что мне удастся сподвигнуть людей изучать народы, места, которые игнорировались учеными на протяжении поколений, задавать вопросы, открывать для себя новые области для изучения. Я верю, что у вас появятся новые вопросы о мировой истории, что прописные истины будут оспорены. Кроме того, я рассчитываю вдохновить тех, кто читает эту книгу, взглянуть на историю по-новому.

Вустер-колледж, Оксфорд, апрель 2015 года

¹⁴ Например, S. Freud, *The Interpretation of Dreams*, ed. J. Strachey (New York, 1965), p. 564; J. Derrida, *Résistances de la psychanalyse* (Paris, 1996), pp. 8–14.

1. Создание Шелкового пути

С начала времен в центре Азии возникали великие империи. Аллювиальные равнины Месопотамии, орошаемые Тигром и Евфратом, – сами по себе прекрасная база для возникновения цивилизации. В этом регионе возникли первые поселения и даже крупные города. Систематизированное сельское хозяйство появилось в Месопотамии и по всему «плодородному полумесяцу». Плодородные земли, где есть доступ к воде, простираются от Персидского залива до побережья Средиземного моря. Именно здесь 4000 лет назад были записаны первые законы. Хаммурапи, царь Вавилона, создал для своих подданных свод законов, который предусматривал суровые наказания за нарушения¹⁵.

Хотя многие королевства и империи вышли именно из этой колыбели, величайшей из них была империя персов. Начиная с шестого века до нашей эры, Персия (сейчас это южная часть Ирана) быстро захватила своих соседей, достигнув берегов Эгейского моря, покорила Египет и устремилась на восток, к самым Гималаям. Согласно греческому историку Геродоту, своим успехом персы были обязаны в основном своей открытости. «Персы охотно воспринимали обычаи других народов», – писал Геродот. Так, например, они были готовы изменить стиль одежды, когда поняли, что поверженные ими враги одеваются лучше. Именно это и сподвигло их перенять стиль мидийцев, а затем и египтян¹⁶.

Благодаря готовности персов воспринимать новые идеи и подходы, они смогли построить такую административную систему, которая позволила создать империю, объединившую различные народы. Грамотное и эффективное управление, в свою очередь, дало возможность наладить повседневную жизнь государства. Учтено было все, начиная с размера выплат работникам, обслуживающим правящую семью, и заканчивая количеством и качеством проданных и купленных товаров. Персы также тщательно следили за поддержанием и ремонтом дорожной сети, пересекающей всю империю, – предмет зависти античного мира¹⁷.

Дорожная сеть, которая соединяла побережье Малой Азии с Вавилоном, Сузой и Персеполем, покрывала площадь около 1600 миль, которые можно было преодолеть всего за неделю. Это чудесное достижение было отмечено Геродотом, который говорил, что ни снег, ни дождь, ни жара, ни тьма не сказываются на скорости доставки сообщений по этим дорогам¹⁸. Инвестиции в сельское хозяйство и развитие ирригационных систем для повышения урожайности привели к более активному росту городов и их населения. Жители городов могли питаться с окружающих их полей, расположенных не только на берегах Тигра и Евфрата, но и в долинах рек Оксус и Яксартес (которые сейчас известны как Амударья и Сырдарья), а после захвата персами в 525 году до нашей эры – в дельте Нила. Персидская империя – плодородная земля, которая соединяла Средиземноморье с самым сердцем Азии.

Персия представляла собой оплот стабильности и справедливости. Именно об этом говорит надпись на скале Бехистун, которая на персидском, эламском и аккадском языках и повествует о том, как Дарий Великий, один из самых известных правителей Персии, подавлял революции и восстания, защищал империю от иноземных вторжений и не обижал ни бедных, ни богатых. «Защищайте страну, – гласит надпись, – управляйте людьми

¹⁵ C. Renfrew, 'Inception of Agriculture and Rearing in the Middle East', C. R. Palevol 5 (2006), pp. 395–404; G. Algaze, *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape* (Chicago, 2008).

¹⁶ Herodotus, *Historiai*, 1.135, in *Herodotus: The Histories*, ed. and tr. A. Godley, 4 vols (Cambridge, MA, 1982), 1, pp. 174–176.

¹⁷ J. Curtis and St J. Simpson (eds), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* (London, 2010).

¹⁸ Herodotus, *Historiai*, 8.98, 4, p. 96; D. Graf, 'The Persian Royal Road System', in H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt and M. Root (eds), *Continuity and Change* (Leiden, 1994), pp. 167–189.

справедливо – это и есть основа основ любого государства»¹⁹. Терпимость народа была просто потрясающей. К одному из правителей Персии обращались «Мессия, благословенный небесами». Именно во время его правления евреи были освобождены из Вавилонского плена²⁰.

В древней Персии процветала торговля, благодаря которой персы получали доходы, позволяющие финансировать военные экспедиции и тем самым приобретать еще больше ресурсов. Также это давало персам возможность удовлетворять свои неординарные запросы – например, строить великолепные здания в Вавилоне, Персеполе, Пасаргадах. В Сузе король Дарий построил великолепный дворец из высококачественного черного дерева и серебра, доставленных из Египта, кедра, привезенного из Ливана, чистого золота из Бактрии, лазурита и киновари из Согдианы, бирюзы из Хорезма и слоновой кости из Индии²¹. Персы были большими охотниками до разнообразных удовольствий. По словам Геродота, им было достаточно просто узнать о новых развлечениях, чтобы захотеть немедленно побаловать себя²².

При поддержке коммерческого сообщества также существовала военная структура, которая расширяла границы империи, но в то же время защищала их. Персия постоянно испытывала угрозу с севера, где господствовали кочевники, которые пасли свой скот в полупустынных степях, простиравшихся от Черного моря через Центральную Азию до самой Монголии. Эти племена славились своей жестокостью – по слухам, они пили кровь своих врагов и снимали с них скальпы. В некоторых случаях они даже поедали плоть своих отцов. Взаимодействие с кочевниками было чрезвычайно сложным, хотя, несмотря на все вышеописанное и то, что они были абсолютно непредсказуемы, они являлись одними из важнейших поставщиков животных, особенно прекрасных лошадей. Но все равно кочевники могли стать большой проблемой. Так, например, Кир Великий, основатель империи персов в шестом веке до нашей эры, был убит, когда пытался подчинить скифов. Его голову поместили в сосуд, полный крови. По свидетельству одного из авторов, это символизировало то, что, наконец, его жажда власти была удовлетворена²³.

Однако даже этот удар не затормозил развитие Персии. Греческое командование смотрело на Восток со смесью страха и восхищения. Греки стремились перенять тактику персов на поле боя, их технологии. Такие авторы, как Эсхил, использовали успехи в борьбе против персов, чтобы воспеть воинскую силу и продемонстрировать благоволение богов, напомнить о вторжениях в Грецию в эпических произведениях литературы²⁴.

«Я пришел в Грецию, – говорит Дионис в первых строках «Вакханок» – с прекрасного, богатого Востока», места, где равнины Персии купаются в солнечных лучах, города Бактрии надежно защищены стенами, где прекрасно сконструированные башни возвышаются над побережьем. Азия и Восток – земли, которые Дионис основал во время «божественного танца» задолго до Греции²⁵.

Прилежнее всех эти труды изучал Александр Македонский. Когда в 336 году до нашей эры после убийства отца, короля Филиппа, он занял трон, ни у кого не было ни малейших сомнений, по какому пути молодой генерал пойдет к славе. В сторону Европы он даже не

¹⁹ H. Rawlinson, 'The Persian Cuneiform Inscription at Behistun, Decyphered and Translated', *Journal of the Royal Asiatic Society* 11 (1849), pp. 1–192.

²⁰ Ezra, 1:2. Также см. Isaiah, 44:24, 45:3.

²¹ R. Kent, *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon* (New Haven, 1953), pp. 142–144.

²² Herodotus, *Historiae*, 1.135, 1, pp. 174–176.

²³ Там же, 1.214, 1, p. 268.

²⁴ Aeschylus, *The Persians*. P. Briant, 'History and Ideology: The Greeks and "Persian Decadence"', in T. Harrison (ed.), *Greeks and Barbarians* (New York, 2002), pp. 193–210.

²⁵ Euripides, *Bakhai*, in Euripides: *Bacchae, Iphigenia at Aulis, Rhesus*, ed. and tr. D. Kovacs (Cambridge, MA, 2003), p. 13.

смотрел. Европа не сулила ничего. Там не было городов, культуры, славы, богатства. Для Александра, как и для всех древних греков, культура, идеи и возможности, а также угрозы происходили с Востока. Неудивительно, что его внимание было приковано к величайшей силе античности – к Персии.

Когда персидские правители Египта были низложены после удара молнии в 331 году до нашей эры, Александр отправился на завоевание самого сердца империи. Решающее столкновение произошло позже, в октябре 331 года, на пыльных равнинах вблизи Гавгамел, недалеко от современного города Эрбиль в Иракском Курдистане. Там он нанес сокрушительное поражение превосходящим силам армии персов под командованием Дария III. Возможно, это произошло из-за того, что он хорошенько выпался. Согласно Плутарху, Александр настаивал на обязательном отдыхе перед сражением, и сам спал так крепко, что его приходилось потрясти, чтобы разбудить. Одевшись в свое любимое воинское облачение, он надел шлем, отполированный до состояния чистого серебра, взял в правую руку верный меч и повел свое войско на битву, которая открыла для него врата империи²⁶.

На воспитанника Аристотеля Александра всегда возлагали большие надежды. И он не разочаровал. После того как армия персов была разбита при Гавгамелах, Александр направился на восток. Город за городом покорялись ему, он захватывал все больше территорий. Обширные местности, славящиеся необычайной красотой и богатством, сдавались юному герою. Вавилон открыл свои ворота, его жители украсили дорогу, ведущую к городу, цветами и гирляндами, расставили вдоль нее серебряные алтари с благовониями. В качестве даров были преподнесены клетки со львами и леопардами²⁷. Вскоре практически все города вдоль Королевской дороги, которая соединяла все основные города Персии, а также побережье Малой Азии с Центральной Азией, были захвачены Александром.

Несмотря на то что современные ученые характеризуют его как «пьяного головореза-подростка», Александр проявил себя на удивление деликатным завоевателем²⁸. Зачастую он очень мягко относился к местным верованиям и обычаям, тем самым проявляя толерантность и уважение. Например, он был очень раздосадован разорением могилы Кира Великого.

Он не только повелел восстановить могилу, но и наказал виновных²⁹. Когда Дарий III был найден в повозке, убитый одним из своих собственных лейтенантов, Александр повелел, чтобы он был похоронен согласно обычаям своего народа и высокому статусу среди других правителей Персии³⁰.

Александр завоевал обширные территории, и чтобы держать их под контролем, он пользовался поддержкой местной элиты. Ему приписывают следующие слова: «Если мы хотим не только пройти через всю Азию, но и удержать ее, мы должны выказать милосердие этим людям; их поддержка сделает нашу империю стабильной и вечной»³¹. Местные чиновники и представители элиты покоренных городов остались на своих местах. Сам Александр перенял местные традиции и стал носить персидские одежды, чтобы подчеркнуть свою погруженность в культуру. Он хотел позиционировать себя не столько как завоевателя,

²⁶ Plutarch, *Bioi Paralleloi: Alexandros*, pp. 32–33, in *Plutarch's Lives*, ed. and tr. B. Perrin, 11 vols (Cambridge, MA, 1914–1926), 7, pp. 318–326. Согласно известной мозаике, он носил счастливую одежду, A. Cohen, *Alexander Mosaic: Stories of Victory and Defeat* (Cambridge, 1996).

²⁷ Quintus Curtius Rufus, *Historiae Alexandri Magni Macedonis*, 5.1, in *Quintus Curtius Rufus: History of Alexander*, ed. and tr. J. Rolfe, 2 vols (Cambridge, MA, 1946), 1, pp. 332–334.

²⁸ M. Beard, 'Was Alexander the Great a Slav?', *Times Literary Supplement*, 3 July 2009.

²⁹ Arrian, *Anabasis*, 6.29, in *Arrian: History of Alexander and Indica*, ed. and tr. P. Brunt, 2 vols (Cambridge, MA, 1976–1983), 2, pp. 192–194; Плутарх говорил и о важности мирного и щедрого подхода Александра. *Alexandros*, 59, 1, p. 392.

³⁰ Arrian, *Anabasis*, 3.22, 1, p. 300.

³¹ Quintus Curtius Rufus, *Historiae*, 8.8, 2, p. 298.

сколько как наследника древних династий. Однако, несмотря на это, нашлись те, кто утверждал, что он принес несчастье и залил землю кровью³².

Важно помнить, что большая часть доступной нам информации о кампаниях Александра, его успехах и политике исходит от историков более позднего периода. Их суждения зачастую идеализированы, так как их восхищали подвиги молодого генерала³³. В связи с этим следует быть осторожнее с источниками, в которых описывается крах Персии. Скорость, с которой Александр расширял границы своих владений, говорит сама за себя. Он основал множество городов, часто называя их в честь самого себя, например Герат (Александрия в Арии), Кандагар (Александрия в Арахозии) и Баграм (Александрия на Кавказе). Появились новые перевалочные пункты и укрепления к северу до самой Ферганской долины – они образовали так называемую ось Азии.

Новые города с мощными оборонительными системами и укреплениями были построены для защиты от угрозы со стороны степных племен, которые нападали на сельские поселения. Александр разработал план фортификации для защиты земель, которые были недавно завоеваны. Примерно в это же время подобные проблемы возникали и в регионах, расположенных восточнее. Китайцы уже разработали концепцию общности «хуася», в которой цивилизованный мир противопоставлялся варварам из степи. Интенсивная программа постройки сети фортификаций, которая позже стала известна как Великая китайская стена, была разработана по тому же принципу, что и у Александра. Расширение без защиты бесполезно³⁴.

В четвертом веке до нашей эры Александр продолжил свою кампанию, через Гиндукуш продвигаясь к Инду. Там он также повелел построить укрепления и форты. Однако здесь он столкнулся с проблемой жалоб своей уставшей и соскучившейся по дому армии. С военной точки зрения, достижения Александра к моменту его смерти в тридцать два года в Вавилоне в 323 году до нашей эры, обстоятельства которой так и остались тайной, не представляли из себя ничего сенсационного³⁵. И все же скорость и размах его завоеваний были ошеломляющими. Не менее впечатляющим, хотя это часто игнорируется, является оставленное им наследие, а также влияние греческой культуры на персидскую, индийскую и даже китайскую.

Несмотря на то что внезапная смерть Александра повлекла за собой раздоры среди его старших генералов, вскоре на Востоке появился новый лидер. Офицер по имени Селевк, рожденный в северной Македонии, который принимал участие почти во всех крупных походах. Через несколько лет после смерти своего патрона он стал правителем земель, которые простирались от Тигра до Инда. Эти территории были такими большими, что напоминали не столько королевство, сколько империю. Селевк основал династию Селевкидов, которая правила около трех столетий³⁶.

³² A. Shahbazi, 'Iranians and Alexander', *American Journal of Ancient History* 2.1 (2003), pp. 5–38. Также см. M. Olbryct, *Aleksander Wielki i świat iranski* (Gdansk, 2004); M. Brosius, 'Alexander and the Persians', in J. Roitman (ed.), *Alexander the Great* (Leiden, 2003), pp. 169–193.

³³ См., главным образом, P. Briant, *Darius dans l'ombre d'Alexandre* (Paris, 2003).

³⁴ О концепции «хуася» см. C. Holcombe, *A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century* (Cambridge, 2010); информацию о стене см. здесь: Waldron, 'The Problem of the Great Wall of China', *Harvard Journal of Asiatic Studies* 43.2 (1983), pp. 643–663, и, главным образом, di Cosmo, *Ancient China and its Enemies*.

³⁵ См. J. Romm, *Ghost on the Throne: The Death of Alexander the Great and the War for Crown and Empire* (New York, 2011). Существуют различные точки зрения, говорят, что Александр умер от тифа, малярии, алкогольного отравления (или болезни, похожей на это), инфекции, раны и даже что он был убит. См. A. Bosworth, 'Alexander's Death: The Poisoning Rumors', in J. Romm (ed.), *The Landmark Arrian: The Campaigns of Alexander* (New York, 2010), pp. 407–411.

³⁶ См. R. Waterfield, *Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire* (Oxford, 2011).

Походы Александра очень часто характеризуют как серию быстрых побед, а его наследие – как нечто эфемерное и временное. Но это были не временные достижения, это стало началом новой главы для местности между Средиземным морем и Гималаями.

В последующие десятилетия после смерти Александра можно было наблюдать несомненную эллинизацию. Идеи, концепции и символы древней Греции проникли на Восток. Потомки генералов Александра помнили о своих греческих корнях и всячески подчеркивали их. Примером могут служить монеты, отчеканенные в городах, расположенных в стратегически важных точках торговых путей и сельскохозяйственных центрах. Эти монеты оформлялись по единому образцу.

На них изображался текущий правитель местности, как правило, с венком или диадемой на голове. Правители на монетах всегда смотрели вправо, по примеру Александра. На обратной стороне изображался Аполлон, о чем свидетельствовала надпись на греческом языке³⁷.

Греческий язык можно было услышать по всей Центральной Азии и в долине Инда. В Ай-Хануме, городе на севере Афганистана, который был основан Селевком, на одном из монументов были выгравированы дельфийские максимы. Они гласили:

Ребенком будь послушен.
Юношей будь сдержан.
Взрослым будь справедлив.
В старости будь мудр.
Настанет время умирать, умирай без боли³⁸.

Чиновники пользовались греческим языком в работе еще более столетия после смерти Александра. Так, например, на греческом языке выписывали налоги и зарплату солдатам. По крайней мере так было в Бактрии около 200 года до нашей эры³⁹. Греческий язык проник глубоко в Индийский субконтинент. Некоторые эдикты правителя империи Маурьев Ашоки, величайшего властителя раннеиндийского периода, были написаны с параллельным переводом на греческий язык, по всей видимости, в интересах местного населения⁴⁰.

Резонанс, который вызвал культурный обмен между Европой и Азией, оказался просто потрясающим. Статуи Будды стали появляться только после того, как в долине Гандхары и Восточной Индии установился культ Аполлона. Буддисты почувствовали угрозу со стороны новой успешной религии и стали создавать свои собственные визуальные образы. Взаимосвязь прослеживается не только по времени появления ранних статуй Будды, но и в их внешнем виде и дизайне. Можно предположить, что прототипом для них стали изображения Аполлона. Таково было влияние греческой культуры. Ранее буддисты воздерживались от визуальных средств отображения, теперь же конкуренция заставила их быстро реагировать, перенимать чужой опыт и изобретать что-то новое⁴¹.

³⁷ K. Sheedy, 'Magically Back to Life: Some Thoughts on Ancient Coins and the Study of Hellenistic Royal Portraits', in K. Sheedy (ed.), *Alexander and the Hellenistic Kingdoms: Coins, Image and the Creation of Identity* (Sydney, 2007), pp. 11–16; K. Erickson and N. Wright, 'The "Royal Archer" and Apollo in the East: Greco-Persian Iconography in the Seleukid Empire', in N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress* (Glasgow, 2011), pp. 163–168.

³⁸ L. Robert, 'De Delphes à l'Oxus: inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane', *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions* (1968), pp. 416–457. Перевод можно найти здесь: F. Holt, *Thundering Zeus: The Making of Hellenistic Bactria* (London, 1999), p. 175.

³⁹ J. Jakobsson, 'Who Founded the Indo-Greek Era of 186/5 BCE?', *Classical Quarterly* 59.2 (2009), pp. 505–510.

⁴⁰ D. Sick, 'When Socrates Met the Buddha: Greek and Indian Dialectic in Hellenistic Bactria and India', *Journal of the Royal Asiatic Society* 17.3 (2007), pp. 253–254.

⁴¹ J. Derrett, 'Early Buddhist Use of Two Western Themes', *Journal of the Royal Asiatic Society* 12.3 (2002), pp. 343–355.

Каменные алтари, украшенные греческими письменами, изображения Аполлона и изысканные миниатюры из слоновой кости, изображающие Александра, найденные на юге Таджикистана в наше время, показывают, насколько сильным оказалось влияние западной культуры⁴². Понятие о культурном превосходстве пришло оттуда же. Греков уважали в Индии, в частности за их познания в науках: «Они варвары, – гласит книга, известная как «Шри Гарга-самхита», – но наука астрономия пошла от них, и только за это их можно почитать как богов»⁴³.

Согласно Плутарху, Александр убедился, что греческая теология распространилась до самой Индии. В результате Олимпийские боги почитались по всей Азии. Молодежь в Персии и за ее пределами воспитывалась на трудах Гомера и трагедиях Софокла и Еврипида. В долине Инда изучали греческий язык⁴⁴. Может быть, поэтому заимствования наблюдаются и в литературе. Было высказано предположение, что основой для создания «Рамаяны», санскритского эпоса, выступали «Илиада» и «Одиссея», а тема похищения Ситы Раваной содержит прямую отсылку к бегству Елены с Парисом из Трои. Влияние культур могло наблюдаться и в обратном направлении. Некоторые ученые считают, что «Энеида», в свою очередь, была навеяна индусскими текстами, в частности «Махабхаратой»⁴⁵. Идеи, темы и истории путешествовали по дорогам, распространялись путешественниками, купцами и паломниками. Завоевания Александра положили начало расширению сознания населения тех стран, которые он покорял, а также тех, с которыми происходил обмен идеями и новыми концепциями.

Даже народы диких степей подверглись этому влиянию. Об этом свидетельствуют найденные захоронения высокопоставленных лиц в Тилля-тепе на севере Афганистана. В их украшениях прослеживается греческий след. Аналогичные захоронения были найдены в Сибири, Индии и других местах. Предметы роскоши кочевники обменивали на домашний скот и лошадей, а иногда получали в качестве дани, в обмен на мирное существование⁴⁶.

Процесс мирового взаимовлияния ускорился благодаря растущим амбициям Китая. Новые волны экспансии во время правления династии Хань (206 год до нашей эры – 220 год нашей эры) раздвинули границы до самой провинции Сиюй, название которой в переводе обозначает «Западный регион». Сегодня мы знаем ее под названием Синьцзян – «Новая пограничная земля». Данная область располагалась за пределами Ганьсуйского коридора – пути примерно в 600 миль, соединяющего внутреннюю часть Китая с городом-оазисом Дуньхуан, перекресток на краю пустыни Такла-Макан. В этой точке можно было выбрать, по какому пути двигаться – северному или южному, причем оба они могли быть опасны. Эти пути сходились в Кашгаре, который являлся узловым пунктом Гималайских гор, гор Памира, гряды Тянь-Шань и Гиндукуша⁴⁷.

Политика экспансии Китая позволила объединить Азию. До этого связи были блокированы юэцжи и прежде всего хунну, кочевыми племенами, которые, подобно, скифам являлись большой проблемой в Центральной Азии, но в то же время были важными партнерами и поставщиками домашнего скота. Китайские авторы во втором веке до нашей эры отмечали,

⁴² B. Litvinsky, 'Ancient Tajikistan: Studies in History, Archaeology and Culture (1980–1991)', *Ancient Civilisations* 1.3 (1994), p. 295.

⁴³ S. Nath Sen, *Ancient Indian History and Civilisation* (Delhi, 1988), p. 184. также см. R. Jairazbhoy, *Foreign Influence in Ancient India* (New York, 1963), pp. 48–109.

⁴⁴ Plutarch, *Peri tes Alexandrou tukhes he arête*, 5.4 in Plutarch: *Moralia*, ed. and tr. F. Babitt et al., 15 vols (Cambridge, MA, 1927–1976), 4, pp. 392–396; J. Derrett, 'Homer in India: The Birth of the Buddha', *Journal of the Royal Asiatic Society* 2.1 (1992), pp. 47–57.

⁴⁵ J. Frazer, *The Fasti of Ovid* (London, 1929); J. Lallemand, 'Une Source de l'Énéide: le Mahabharata', *Latomus* 18 (1959), pp. 262–287; Jairazbhoy, *Foreign Influence*, p. 99.

⁴⁶ C. Baumer, *The History of Central Asia: The Age of the Steppe Warriors* (London, 2012), pp. 290–295.

⁴⁷ V. Hansen, *The Silk Road* (Oxford, 2012), pp. 9–10.

что у людей из степи покупалось до десяти тысяч голов скота⁴⁸. Огромный спрос на лошадей со стороны китайцев подогревался острой необходимостью поддерживать эффективную армию, способную сохранять порядок на территории Китая и отражать атаки хунну или других кочевых племен. Лошади из западной части Синьцзяна ценились достаточно высоко и могли принести вождям племен целое состояние. Однажды вождь юэцжи сторговал лошадей за очень крупную партию товаров, которые впоследствии перепродал, увеличив свое состояние в десять раз⁴⁹.

Самых знаменитых скаковых лошадей разводили в Ферганской долине, на противоположной стороне живописного Памира, который располагается на территории восточной части Таджикистана и северо-восточной части Афганистана. Их очень ценили за их силу. Китайские авторы называли их «рожденными драконами» и «хансюэ ма» («лошади, потеющие кровью») из-за свойственного для них красноватого пота, причиной появления которого могли быть местные паразиты или то, что у этих лошадей необычайно тонкая кожа и кровеносные сосуды лопались при большой физической нагрузке. Некоторые особенно хорошие особи стали настоящими звездами. Их воспевали в поэмах, изображали в скульптурах и на картинах. Их же называли *tianta* – небесными, божественными лошадьми⁵⁰. Некоторые из них даже отправлялись «к лучшей жизни» вслед за своими хозяевами. Один из императоров был захоронен вместе с восемьюдесятью самыми любимыми скакунами – место их погребения охранялось статуями двух жеребцов и одним терракотовым воином⁵¹.

Взаимоотношения с хунну, которые господствовали в степях Монголии и на лугах на севере Китая, не всегда были простыми. Современные историки описывали это племя как варварское, склонное к употреблению сырого мяса и крови. По словам одного из писателей, это люди, которых «отринули небеса»⁵². Китайцы доказали, что они предпочтут заплатить дань, чем подвергнуть свои города угрозе нападения. Посланники регулярно отправлялись к кочевникам (которые с детства обучались охоте на крыс и птиц, а затем на лис и зайцев), и император вежливо осведомлялся о здоровье верховного лидера⁵³. Была разработана целая система дани, и кочевники получали предметы роскоши, такие как рис, вино и ткани, в обмен на мир. Самым ценным подношением был шелк – ткань, которая высоко ценилась кочевниками за текстуру, легкость. Они использовали его для изготовления одежды и постельного белья. Кроме того, это был символ политической и социальной власти: многослойные одежды из драгоценного шелка – важный признак статуса шаньюя (верховного лидера племени)⁵⁴.

Уплаченные в качестве дани суммы были существенными. В 1 году до нашей эры хунну получили 30 000 рулонов шелка, такой же объем сырья, а также 370 предметов одежды⁵⁵. Некоторые чиновники полагали, что любовь племени к роскоши не доведет до добра. «Вы одержимы вещами из Китая», – смело заявил один из посланников лидеру племени. Он отме-

⁴⁸ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 238.

⁴⁹ Там же, 129, 2, p. 440.

⁵⁰ H. Creel, 'The Role of the Horse in Chinese History', *American Historical Review* 70 (1965), pp. 647–672. В пещерах Дуньхуан на стенах можно найти много изображений небесных лошадей, см. T. Chang, *Dunhuang Art through the Eyes of Duan Wenjie* (New Delhi, 1994), pp. 27–28.

⁵¹ Recent excavations of the Emperor Wu's mausoleum in Xi'an in 2011, *Xinhua*, 21 February 2011.

⁵² Huan Kuan, Yan Tie Lun, цитируется по Y. Yu, *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations* (Berkeley, 1967), p. 40.

⁵³ Например, Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 110, 2, pp. 145–146. Некоторые комментарии относительно образования, обычаев и моды хунну см. на стр. 129–130.

⁵⁴ См. Yu, *Trade and Expansion in Han China*, pp. 48–54.

⁵⁵ Там же, p. 47, n. 33; также см. R. McLaughlin, *Rome and the Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China* (London, 2010), pp. 83–85.

тил, что обычаи хунну постепенно меняются и Китай «в конце концов, покорит всю нацию хунну»⁵⁶.

Но он всего лишь выдавал желаемое за действительное. На самом деле такая стратегия, которая помогала поддерживать мир и добрососедские отношения, приводила к потерям, как финансовым, так и политическим. На выплату дани необходимо было много денег, кроме того, она свидетельствовала о политической слабости Китая. Со временем династия Хань пришла к выводу, что с хунну нужно бороться и решить этот вопрос раз и навсегда. Согласованные усилия позволили освободить богатые сельскохозяйственные земли региона Сиюй, кочевники были отброшены, и китайцы взяли под контроль коридор Ганьсу в результате кампании, длившейся десять лет и закончившейся в 119 году до нашей эры. К западу находятся горы Памира, а за ними – новый мир. Китай открыл дверь, ведущую к трансконтинентальным связям. Именно тогда и появился Шелковый путь.

В ходе экспансии Китай стал проявлять живой интерес к землям, лежащим за его пределами. Чиновников обязывали исследовать регионы за горами и писать отчеты. Один из таких отчетов – «Ши цзи» («Исторические записки») – принадлежит перу историографа империи Хань Сымы Цяня. Он продолжил работу даже после того, как был опозорен и кастрирован за то, что осмелился встать на защиту импульсивного молодого генерала, который привел свое войско к поражению⁵⁷. Он аккуратно записал все, что узнал об истории, экономике и военной силе народов долины Инда, Персии и Центральной Азии. Он отмечал, что королевства Центральной Азии были слабы, так как кочевники, отброшенные китайскими войсками, устремились в другие места. Цянь писал, что жители этих королевств не столь успешны в воинском искусстве, но мудры в торговле. Рынки в Бактрии процветают, и там можно купить и продать все, что угодно⁵⁸.

Торговля между Китаем и остальным миром развивалась достаточно медленно. Переговоры, для которых использовались торговые пути вдоль края пустыни Гоби, были непростыми, особенно переговоры касавшиеся Нефритовых ворот, через которые торговые караваны проходили на запад. Переход от одного оазиса к другому через коварные земли был труден, вне зависимости от того, пролегал путь через пустыню Такла-Макан, горы Тянь-Шань или Памир. Экстремальные температуры также должны были стать предметом обсуждения, и одной из причин стала высокая ценность бактрийских верблюдов. Они с трудом справлялись с тяжелыми условиями пустыни, но могли предугадывать появление смертоносных песчаных бурь задолго до их начала. Один из писателей отмечал: «Внезапно они сбились в кучу и сердито зарычали». Для торговцев такое поведение было точным признаком того, что нужно прикрыть носы и рты, обернув голову войлоком. Верблюды, конечно, были не самым надежным инструментом, источники говорят о том, что по пути встречается множество мертвых животных и скелетов⁵⁹. В таких тяжелых обстоятельствах награда должна была быть высока, так как риски были немаленькими. При этом бамбук и ткань из Сычуаня можно было найти за тысячи миль на рынках Бактрии. Это был редкий и ценный товар, так как везли его издавна⁶⁰.

Ключевое место занимала торговля шелком. Кроме его несомненной ценности для кочевых племен, шелк выполнял еще несколько важных функций. Во время правления династии Хань шелк использовали наряду с монетами для выплат армии. В некоторой степени это была самая надежная валюта: производство монет в необходимых количествах было свя-

⁵⁶ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 110, 2, p. 143.

⁵⁷ S. Durrant, *The Cloudy Mirror: Tension and Conflict in the Writings of Sima Qian* (Albany, NY, 1995), pp. 8–10.

⁵⁸ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 235.

⁵⁹ E. Schafer, *The Golden Peaches of Samarkand: A Study of Tang Exotics* (Berkeley, 1963), pp. 13–14.

⁶⁰ Hansen, *Silk Road*, p. 14.

зано с определенными трудностями, кроме того, еще не во всех провинциях Китая были введены денежные отношения. Это представляло проблему, когда дело доходило до оплаты труда военных, так как военные действия по большей части осуществлялись в отдаленных регионах, где монеты были просто бессмысленны. Зерно же через какое-то время портилось. В результате рулоны шелка-сырца часто использовались как валюта для оплаты товаров и услуг или для взыскания штрафов, как, например, в одном из буддистских монастырей⁶¹. Шелк стал такой же международной валютой, как и предметы роскоши.

Китайцы регулировали торговлю путем создания специального органа для контроля пришедших извне торговцев. Примечательная коллекция из 35 000 текстов, найденная в гарнизонном городе Сюантюане, недалеко от Дуньхуаня, позволяет восстановить картины повседневной жизни города в перешейке коридора Ганьсу.

Из этих текстов, написанных на бамбуковых и деревянных табличках, мы узнаем, что приезжающие в Китай должны были придерживаться определенных маршрутов. Им выдавали специальные пропускные документы, которые регулярно проверяли чиновники, чтобы убедиться, что все приезжие вернулись домой. Так же, как и в современных отелях, в то время велись записи о каждом госте, включая его имя и звание, а также данные о том, сколько он потратил на еду, откуда приехал и куда следует⁶².

Эти меры не имели своей целью слежку, они использовались для того, чтобы точно знать, кто и зачем приезжает в Китай или выезжает из него, а также для того, чтобы зафиксировать, какие товары были куплены и проданы. Усложнение методов и их скорое воплощение показывают, как имперский двор в столице Чанане (современный Сиань) и, начиная с I века нашей эры, в Лояне видел мир вокруг, который, казалось, сужался прямо на глазах⁶³. Мы полагаем, что глобализация – уникальный современный феномен, но он наблюдался уже 2000 лет назад, предоставляя новые возможности, создавая проблемы и подталкивая технологический прогресс.

Развитие стимулировало спрос на предметы роскоши и увеличивало возможность платить за них. В Персии около 247 года до нашей эры потомков Селевка сверг Арсак, человек с темным прошлым. Его потомки, известные как Арсакиды, консолидировали власть и затем стали расширять ее, умело экспроприируя историю, чтобы смешать идеи персов и греков и создать нечто новое. Результатом стало время стабильности и процветания⁶⁴.

Самым большим стимулом стало то, что происходило в Средиземноморье. Небольшой город в бесперспективном месте на полпути к западному побережью Италии постепенно смог превратиться из захолустья в настоящую силу. Захватывая один прибрежный город за другим, Рим стал доминировать в западной части Средиземноморья. К середине первого века до нашей эры его амбиции невероятно выросли, а внимание сконцентрировалось на Востоке.

Рим превратился в мощное, конкурентоспособное государство, которое прославило военное искусство и провозгласило эру насилия и убийств. Гладиаторские игры стали основой общественных развлечений, а арены для этих боев – местом, где с особой жестокостью празднуют превосходство над чужеземцами и природой.

Триумфальные арки, расположенные повсюду, ежедневно напоминали шумному, суетливому городу о военных достижениях. Милитаризм, бесстрашие и любовь к славе тщательно культивировались как основа амбициозного города, влияние которого будет вечным⁶⁵.

⁶¹ T. Burrow, A Translation of Kharoshthi Documents from Chinese Turkestan (London, 1940), p. 95.

⁶² Hansen, Silk Road, p. 17.

⁶³ R. de Crespigny, Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD) (Leiden, 2007).

⁶⁴ M. R. Shayegan, Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia (Cambridge, 2011).

⁶⁵ N. Rosenstein, Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic (Berkeley,

Основой римской власти была армия, тщательно подобранная и отвечающая стандартам времени. Солдаты должны были проходить больше двадцати миль за пять часов. При этом их доспехи весили не менее пятидесяти фунтов. Браки для солдат не только не поощрялись, они были запрещены, чтобы связи в армии были крепче. Хорошо обученные, подготовленные молодые люди, уверенные в себе и в своем назначении, были краеугольным камнем, на котором строился Рим⁶⁶.

Завоевание Галлии (территория современной Франции, стран Бенилюкса и части Западной Германии) в 52 году до нашей эры принесло много трофеев, что привело к корректировке курса золота в Римской империи⁶⁷. В Европе было еще много стран, которые можно было захватить, но только некоторые из них были перспективными. Великими империи делало наличие городов, приносящих большие доходы за счет налогов. Они являлись культурными центрами, здесь ремесленники и мастера воплощали в жизнь новаторские идеи, а их могущественные покровители старались перещеголять друг друга и, конечно же, щедро награждали мастеров. Было маловероятно, что такие места, как, например, Британия, станут выгодным дополнением к Римским территориям. Согласно письмам солдат, расквартированных в Британии, эта провинция была исключительно мрачным и бесплодным местом⁶⁸.

Становление Рима как империи имело мало общего с Европой или установлением власти на континенте, где ситуация с ресурсами была не столь хороша, в том числе в городах, привлекающих потребителей и налогоплательщиков. В новую эру Рим вывела переориентация на Восточное Средиземноморье и находящиеся за ним земли. Слава Рима начала формироваться в первую очередь после завоевания Египта и устремления на восток – в Азию.

Египет, которым более трехсот лет правили потомки Птолемея, один из главных форпостов Александра Великого, славился своим богатством, которые дарил ему Нил. Благодаря его широкому разливам египтяне получали щедрый урожай зерна. Это было достаточно для того, чтобы обеспечить местное население, а излишков хватало на то, чтобы Александрия, находящаяся в устье реки, превратилась в самый большой город в мире. Согласно одному из современных авторов, к I веку до нашей эры население этого города составляло около 300 000 человек⁶⁹.

Поставки зерна тщательно контролировались. Капитаны должны были давать королевскую клятву каждый раз, когда собирались загрузить свои баржи. После этого королевский представитель выдавал им необходимые бумаги. Только получив их, зерно можно было грузить⁷⁰.

Рим уже давно бросал жадные взгляды в сторону Египта и воспользовался шансом, когда королева Клеопатра была занята борьбой за власть после убийства Юлия Цезаря. После того как она присоединилась к Марку Антонию в битве при Акциуме в 30 году до нашей эры, перед правителем Египта встала армия Рима во главе с Октавианом, масте-

1990); а также S. Phang, *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate* (Cambridge, 2008).

⁶⁶ P. Heather, *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians* (Oxford, 2006), p. 6. О запрете на вступление в брак см., главным образом, Phang, *Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army* (Leiden, 2001).

⁶⁷ C. Howgego, 'The Supply and Use of Money in the Roman World 200 b.c. to a.d. 300', *Journal of Roman Studies* 82 (1992), pp. 4–5.

⁶⁸ A. Bowman, *Life and Letters from the Roman Frontier: Vindolanda and its People* (London, 1994).

⁶⁹ Diodorus Siculus, *Bibliothèque Historique*, 17.52, in *The Library of History of Diodorus of Sicily*, ed. and tr. C. Oldfather, 12 vols (Cambridge, MA, 1933–1967), 7, p. 268. Современные ученые предполагают, что численность населения Александрии составляла до полумиллиона человек, например, R. Bagnall and B. Frier, *The Demography of Roman Egypt* (Cambridge, 1994), pp. 54, 104.

⁷⁰ D. Thompson, 'Nile Grain Transport under the Ptolemies', in P. Garnsey, Hopkins and C. Whittaker (eds), *Trade in the Ancient Economy* (Berkeley, 1983), pp. 70–71.

ром политической интриги. Он неотвратимо надвигался на Александрию. После проведения ряда оборонительных мероприятий, которые сочетали в себе небрежность с поразительной некомпетентностью, Клеопатра покончила жизнь самоубийством, причиной смерти стал укус змеи или же сильнодействующий яд. Египет пал, как переспелый фрукт⁷¹. Октавиан уехал из Рима генералом, а вернулся верховным правителем, которому вскоре благодарный Сенат даровал новый титул – Август. Рим стал империей.

Захват Египта полностью изменил судьбу Рима. Теперь, когда Рим контролировал огромные угодья в долине Нила, цены на зерно сильно упали, что позволило существенно повысить покупательную способность. Процентные ставки резко снизились, упав с 12 до 4 %. Это, в свою очередь, породило бум, который возникает из-за обилия дешевого капитала, – всплеск цен на недвижимость⁷². Располагаемый доход поднялся настолько, что Август смог поднять имущественный ценз для членов Сената на 40 %⁷³. Как любил хвалиться сам Август, он вошел в Рим, построенный из кирпича, а оставил его в мраморе⁷⁴.

Такое увеличение капиталов стало результатом беспощадной политики Рима в отношении экспроприации налоговых поступлений Египта, а также его обширных ресурсов. Команды сборщиков налогов прочесывали Египет, чтобы установить новый подушный налог, который должны были уплачивать все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Исключение составляли только отдельные категории граждан, например священники, которые могли избежать уплаты налогов, но только в том случае, если их имена были занесены в храмовые реестры⁷⁵. Установилась система, которую один из ученых назвал «античным апартейдом», целью которого был максимальный отток денег в Рим⁷⁶.

Процесс присвоения доходов наблюдался во всех местах, куда дотягивались хищные щупальца Рима во время экономической и военной экспансии. Вскоре после присоединения Египта оценщики отправились в Иудею, чтобы еще раз провести перепись населения и удостовериться в том, что налоги посчитаны правильно. В Египте использовалась такая же модель, которая подразумевала запись данных обо всех рожденных, умерших, а также указание имен всех взрослых мужчин. В этой связи приход в мир Иисуса Христа мог быть зафиксирован чиновником, которого интересовала отнюдь не личность ребенка и его родителей, а появление дополнительной рабочей силы и источника налогов для империи⁷⁷.

Римляне обратили все свое внимание на Восток. Азия уже приобрела репутацию места, где царит ленивая и роскошная жизнь. «Азия чрезвычайно богата, – писал Цицерон, – урожаям здесь велики, количество товаров, которое они производят, просто немыслимо, стада обширны». Экспорт из Азии был просто колоссальным⁷⁸. Богатство Азии было столь велико,

⁷¹ Strabo, *Geographika*, 17.1, in *The Geography of Strabo*, ed. and tr. H. Jones, 8 vols (Cambridge, MA, 1917–1932), 8, p. 42.

⁷² Cassius Dio, *Historia Romana*, 51.21, in *Dio's Roman History*, ed. and tr. Cary, 9 vols (Cambridge, MA, 1914–1927), 6, p. 60; Suetonius, *De Vita Caesarum. Divus Augustus*, 41, in *Suetonius: Lives of the Caesars*, ed. and tr. Rolfe, 2 vols (Cambridge, MA, 1997–1998), 41, 1, p. 212; R. Duncan-Jones, *Money and Government in the Roman Empire* (Cambridge, 1994), p. 21; M. Fitzpatrick, 'Provincializing Rome: The Indian Ocean Trade Network and Roman Imperialism', *Journal of World History* 22.1 (2011), p. 34.

⁷³ Suetonius, *Divus Augustus*, 41, 1, pp. 212–214.

⁷⁴ Там же, 28, 1, p. 192; Утверждение Августа подтверждается археологическими данными, см. Zanker, *The Power of Images in the Age of Augustus* (Ann Arbor, 1989).

⁷⁵ Информация о налогах на караванных маршрутах: J. Thorley, 'The Development of Trade between the Roman Empire and the East under Augustus', *Greece and Rome* 16.2 (1969), p. 211. Jones, *History of Rome*, pp. 256–257, 259–260; R. Ritner, 'Egypt under Roman Rule: The Legacy of Ancient Egypt', in *Cambridge History of Egypt*, 1, p. 10; N. Lewis, *Life in Egypt under Roman Rule* (Oxford, 1983), p. 180.

⁷⁶ См. Lewis, *Life in Egypt*, pp. 33–34; Ritner, 'Egypt under Roman Rule', in *Cambridge History of Egypt*, 1, pp. 7–8; A. Bowman, *Egypt after the Pharaohs 332 BC – AD 642: From Alexander to the Arab Conquest* (Berkeley, 1986), pp. 92–93.

⁷⁷ О регистрации рождений и смертей в римском Египте см. R. Ritner, 'Poll Tax on the Dead', *Enchoria* 15 (1988), pp. 205–207. О переписи, включая даты караванных маршрутов, см. J. Rist, 'Luke 2:2: Making Sense of the Date of Jesus' Birth', *Journal of Theological Studies* 56.2 (2005), pp. 489–491.

⁷⁸ Cicero, *Pro lege Manilia*, 6, in *Cicero: The Speeches*, ed. and tr. H. Grose Hodge (Cambridge, MA, 1927), p. 26.

что римляне полагали, что азиаты могут посвятить всю свою жизнь удовольствиям. «Удивительно, но именно на Востоке римские солдаты достигли зрелости», — пишет историк Саллюстий. Именно там римские солдаты научились заниматься любовью, напиваться допьяна, наслаждаться статуями и картинами. Едва ли это было хорошо, по крайней мере так считал Саллюстий. Азия так и «звала предаться сладострастным удовольствиям», но «они смягчили воинственные души солдат»⁷⁹. Таким образом, Восток был антиподом всему, что лежало в основе Римской империи.

Сам Август попытался понять, что за земли находятся за новыми границами на востоке. Разведка была отправлена в Аксумское царство, которое находилось на территории современной Эфиопии, и Сабейское царство. В то же время изучался залив Акаба, так как римское господство в Египте только укреплялось⁸⁰. Затем, в первом веке до нашей эры, Август повелел тщательно исследовать весь Персидский залив, доложить, как обстоят дела с торговлей в регионе, и зафиксировать, как морские пути связаны с Красным морем. Он также курировал исследование наземных путей в глубь Центральной Азии через Персию. Текст, известный как «Парфянские стоянки», был написан примерно в это время. В нем указаны точные расстояния между ключевыми точками на Востоке, а также описаны все важные места между Евфратом и Александруполисом, современным Кандагаром в Афганистане⁸¹.

Горизонты торговли значительно расширились. Согласно историку Страбону, за несколько лет оккупации Египта 120 римских кораблей ежегодно отправлялись в Индию из порта Миос-Гормос в Красном море.

Торговый обмен с Индией не был таким большим, как это представлялось, — это ясно из множества археологических записей, найденных на субконтиненте. Римские амфоры, лампы, зеркала и статуи богов находили во многих городах, включая Паттанэм, Колхапур и Коимбатур⁸². Также на западном побережье Индии и Лаккадивских островов было найдено множество монет периода правления Августа и его преемников. Некоторые историки считают, что местные правители пользовались римскими золотыми и серебряными монетами в качестве местной валюты или же переплавляли их для повторного использования⁸³.

В тамильской литературе того периода содержится история о прибытии римских торговцев. В одном из стихов говорится о «прохладном, ароматном вине», которое привозят римляне на «прекрасных кораблях», в то время как в другом, более восторженном, упоминается о «прекрасных, больших кораблях», которые «приходят, привозят золото, взбивая воды реки Перияр в белую пену, а затем возвращаются, нагруженные перцем. Здесь музыка бушующего моря не стихает никогда, а великие короли презентуют гостям редкие дары моря и гор»⁸⁴. Другой источник дает нам представление о европейских торговцах, обосновавшихся в Индии: «Солнце освещает открытые террасы, склады возле гавани и башенки с окнами, похожими на глаза оленя. В разных местах... внимание смотрящего приковывают жилища

⁷⁹ Sallust, *Bellum Catilinae*, 11.5–6, in Sallust, ed. and tr. J. Rolfe (Cambridge, MA, 1931), p. 20; A. Dalby, *Empire of Pleasures: Luxury and Indulgence in the Roman World* (London, 2000), p. 162.

⁸⁰ F. Hoffman, M. Minas-Nerpel and S. Pfeiffer, Die dreisprachige Stele des C. Cornelius Gallus. Übersetzung und Kommentar (Berlin, 2009), p. 5ff. G. Bowersock, 'A Report on Arabia Provincia', *Journal of Roman Studies* 61 (1971), p. 227.

⁸¹ W. Schoff, *Parthian Stations of Isidore of Charax: An Account of the Overland Trade between the Levant and India in the First Century BC* (Philadelphia, 1914). Текст часто рассматривался как имеющий отношение к торговым маршрутам, но Миллар показывает, что это неверно ('Caravan Cities', p. 119ff). О местоположении Александруполиса см. P. Fraser, *Cities of Alexander the Great* (Oxford, 1996), pp. 132–140.

⁸² Strabo, *Geographica*, 2.5, 1, p. 454; Parker, 'Ex Oriente', pp. 64–66; Fitzpatrick, 'Provincializing Rome', pp. 49–50.

⁸³ Parker, 'Ex Oriente', pp. 64–66; M. Vickers, 'Nabataea, India, Gaul, and Carthage: Reflections on Hellenistic and Roman Gold Vessels and Red-Gloss Pottery', *American Journal of Archaeology* 98 (1994), p. 242; E. Lo Cascio, 'State and Coinage in the Late Republic and Early Empire', *Journal of Roman Studies* 81 (1981), p. 82.

⁸⁴ Цитируется по G. Parker, *The Making of Roman India* (Cambridge, 2008), p. 173.

(людей с Запада), чей блеск никогда не угаснет»⁸⁵. В «Парфянских стоянках» рассказывается о том, какие товары привлекали римлян в Западной Индии, указывается, где торговцы могут найти ценные минералы, такие как олово, медь, свинец и топаз, а также описываются места, где можно приобрести слоновую кость, драгоценные камни и специи⁸⁶.

Торговля с Индией, однако, не ограничивалась товарами, произведенными на субконтиненте. Как показали раскопки в Красном море, а именно в порту Береники в Египте, в Средиземноморье поставлялся целый ряд товаров из Вьетнама и с Явы⁸⁷. Порты как на западном, так и на восточном побережье Индии служили в качестве «торговых центров», откуда товары, стекающиеся со всей Восточной и Юго-Восточной Азии, отправлялись на Запад⁸⁸. Также там встречались товары, произведенные на Красном море, в оживленной торговой зоне, которая связывала Средиземноморье с Индийским океаном⁸⁹.

Теперь богатые граждане Рима могли удовлетворить свои самые экзотические и экстравагантные вкусы. Многие жаловались на то, что расходы на модные излишества граничат с непристойностью⁹⁰. Это прекрасно показано в «Сатириконе» Петрония, где одна из лучших сцен – обед у Трималхиона, бывшего раба, получившего свободу и сколотившего состояние. Сатира заключается в едком изображении вкусов новоявленного богача. Трималхиону требовалось только самое лучшее, что можно купить за деньги: фазан с восточного побережья Черного моря; цесарки из Африки; редкая, дорогая рыба; павлин в перьях и другие деликатесы, представленные в изобилии. Гротескная картина – блюда, подаваемые одно за другим, живые птицы, зашитые внутри целого поросенка и вылетающие в момент, когда свинину разрезают; серебряные зубочистки, которые подавали гостям, – это безжалостная пародия на вульгарность и излишества, присущие жизни римских богачей. Одно из крупных событий, произошедших в античном мире, породило заметные литературные произведения, полные горькой зависти к нуворишам⁹¹.

Новое богатство позволило Риму и его жителям вступить в контакт с новым миром, новыми вкусами. Поэт Марциал точно отразил тенденции интернационализма и расширения кругозора, свойственный этому периоду, в произведении, в котором оплакивается молодая рабыня. Он сравнивает ее с нетронутой лилией, отполированной индийской слоновой костью, жемчужиной Красного моря. Он пишет, что ее волосы прекраснее испанской шерсти и белокурых локонов Рейна⁹². Ранее, когда пары хотели зачать красивых детей, они занимались сексом в окружении эротических изображений, теперь же, как пишет один испуганный еврейский писатель, «они приводят рабов из Израиля и привязывают к изножью кровати» для вдохновения, потому что могут себе это позволить⁹³. Не все были впечатлены новыми вкусами: Тибр переполнен водами Оронта, реки, которая течет через Сирию и юг Турции, – так позже жаловался Ювенал в своей «Сатире». Другими словами, азиатский декаданс уни-

⁸⁵ In H. Kulke and D. Rothermund, *A History of India* (London, 2004), pp. 107–108.

⁸⁶ L. Casson (ed.), *The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation and Commentary* (Princeton, 1989), 48–49, p. 80; 56, p. 84.

⁸⁷ W. Wendrich, R. Tomber, S. Sidebotham, J. Harrell, R. Cappers and R. Bagnall, 'Berenike Crossroads: The Integration of Information', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46.1 (2003), pp. 59–62.

⁸⁸ V. Begley, 'Arikamedu Reconsidered', *American Journal of Archaeology* 87.4 (1983), pp. 461–481; Parker, 'Ex Oriente', pp. 47–48.

⁸⁹ См. T. Power, *The Red Sea from Byzantium to the Caliphate, AD 500–1000* (Cairo, 2012).

⁹⁰ Tacitus, *Annales*, ed. H. Heubner (Stuttgart, 1983), 2.33, p. 63.

⁹¹ Petronius, *Satyricon*, ed. K. Müller (Munich, 2003), 30–38, pp. 23–31; 55, p. 49.

⁹² Martial, *Epigrams*, 5.37, in *Martial: Epigrams*, ed. and tr. D. Shackleton Bailey, 3 vols (Cambridge, MA, 1993), 1, p. 388.

⁹³ *Talmud Bavli*, цитируется по Dalby, *Empire of Pleasures*, p. 266.

чтожил традиционную римскую добродетель. «Убирайся, – писал Ювенал, – если ты находишь удовольствие в проститутках в варварских головных уборах»⁹⁴.

Консервативных наблюдателей потрясло только одно новшество – китайский шелк⁹⁵. Увеличившийся объем поставок этой ткани в Средиземноморье обеспокоил традиционалистов. Сенека был напуган популярностью шелка, утверждая, что одежда из этой тонкой, струящейся ткани не может ни скрыть ни изгибы фигуры, ни защитить честь римских женщин.

Основы брака были подорваны, когда мужчины узнали, что могут видеть женское тело через тонкую ткань, которая облегала фигуру и оставляла мало простора для воображения. Для Сенеки шелк был олицетворением экзотики и эротики. Он считал, что женщина не могла абсолютно честно сказать, что она не обнажена, если была одета в шелк⁹⁶. Другие чувствовали примерно то же самое. Были предприняты попытки, в том числе на законодательном уровне, запретить мужчинам носить эту ткань. Некоторые считали, что такая одежда просто неприлична, однако уважаемые граждане Рима согласились, что во время занятий спортом мужчины могут носить шелковые одежды с Востока⁹⁷.

Другие видные деятели были обеспокоены распространением шелка по различным причинам. Плиний старший, который писал свои труды во второй половине I века нашей эры, возмущался высокой стоимостью роскошного материала, тем, сколько тратится на то, «чтобы римские женщины блистали в обществе»⁹⁸. Он жаловался, что завышение цен породило скандал, шелк продавали по цене, выше реальной стоимости в сто раз⁹⁹. Огромные суммы денег ежегодно тратились на предметы роскоши из Азии. 100 миллионов сестерциев в год уходили из Рима за границу¹⁰⁰.

Эта поразительная сумма составляла примерно половину годового объема производства монетного двора империи и более чем 10 % годового бюджета. Удивительно, но не похоже, что эти данные были преувеличены. Недавно был обнаружен папирус, на котором был записан контракт и условия отгрузки товаров из Музириса (Индия) в римский порт на Красном море. Он является свидетельством того, каких объемов достигла торговля ко II веку нашей эры. Контракт устанавливает ряд взаимных обязательств, четко определяющих, когда именно товар должен оказаться в руках владельца или перевозчика, и санкции в случае, если оплата не произведена в конкретный срок¹⁰¹. Международный бизнес требует строгости и опыта.

Римские торговцы расплачивались не только деньгами. Они также предлагали прекрасное стекло, серебряные и золотые изделия, кораллы из Красного моря и топазы, ладан из Аравии в обмен на ткани, специи и краски, например индиго¹⁰². Какую бы форму ни приняла торговля, отток капитала имел далеко идущие последствия. Одно из них – укрепление местных экономик по всему торговому пути. Деревни превратились в города, а города стали

⁹⁴ Juvenal, *Satire 3*, in *Juvenal and Persius*, ed. and tr. S. Braund (Cambridge, MA, 2004), pp. 172–174.

⁹⁵ Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 49, p. 80; 56, p. 84; 64, p. 90.

⁹⁶ Seneca, *De Beneficiis*, 7.9, in *Seneca: Moral Essays*, ed. and tr. J. Basore, 3 vols (Cambridge, MA, 1928–1935), 3, p. 478.

⁹⁷ Tacitus, *Annales*, 2.33, p. 63.

⁹⁸ Pliny the Elder, *Naturalis Historia*, 6.20, in *Pliny: The Natural History*, ed. and tr. H. Rackham, 10 vols (Cambridge, MA, 1947–1952), 2, p. 378.

⁹⁹ Там же, 6.26, p. 414.

¹⁰⁰ Там же, 12.49, p. 62.

¹⁰¹ Harrauer and P. Sijpesteijn, 'Ein neues Dokument zu Roms Indienhandel, P. Vindob. G40822', *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil. – hist. Kl.* 122 (1985), pp. 124–155; также см. L. Casson, 'New Light on Maritime Loans: P. Vindob. G 40822', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 84 (1990), pp. 195–206 и F. Millar, 'Looking East from the Classical World', *International History Review* 20.3 (1998), pp. 507–531.

¹⁰² Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 39, p. 74.

мегаполисами; бизнес процветал, а коммуникации и деловые связи расширились и стали прочнее. В таких местах, как Пальмира, расположенная на краю Сирийской пустыни, где находился центр торговли, соединяющий Запад и Восток, были воздвигнуты потрясающие памятники.

Не зря Пальмиру называли Венецией песков¹⁰³. Города, находящиеся на оси «юг – север», преобразились. Ярким примером может служить Петра, которая стала одним из чудес античного мира благодаря своему расположению на пути между Аравией и Средиземноморьем. В разных местах проводились ярмарки, которые привлекали торговцев за сотни, если не тысячи миль в удобные торговые точки по пути. Каждый сентябрь такие ярмарки проводились в Батне, близ Евфрата: «Город был заполнен богатыми торговцами, целые толпы собирались на ярмарке, чтобы покупать и продавать товары из Индии и Китая, а также другие товары, которые доставляли по земле и по морю»¹⁰⁴.

Покупательная способность Рима была такова, что она даже влияла на чеканку монет в Восточной Азии. После того как китайцы вытеснили племя юэджи из Таримского бассейна, кочевники сумели захватить власть на востоке Персии, заняв территории, находившиеся под управлением потомков генералов Александра Великого. Со временем образовалась процветающая империя, названная в честь одной из лидирующих группировок племени, – Гуйшан, или Кушан. И вследствие этого потребовалось чеканить огромное количество монет наподобие тех, что чеканили в Риме¹⁰⁵.

Римские монеты попали на территорию Кушанского царства через порты северной Индии, Барбарикум и прежде всего Баригазу. Подход к последнему порту был крайне опасен для тех, кто был незнаком с местными течениями, поэтому приходилось посылать знающих людей, которые сопровождали корабли¹⁰⁶. В этих городах торговцы могли найти перец, другие специи, слоновую кость и ткани, включая готовую шелковую ткань и шелковую пряжу. В Кушанское царство свозились товары со всей Индии, Центральной Азии и Китая, что приносило огромное богатство его правителям, которые контролировали города-оазисы и караванные пути, их соединяющие¹⁰⁷.

Доминантное положение Кушанского царства было обусловлено следующим: несмотря на то что товарооборот между Средиземноморьем и Китаем все возрастал, сам Китай играл в процессе транспортировки через Индийский океан незначительную роль. Когда же великий генерал Бан Чао предпринял ряд экспедиций в конце I века нашей эры, доведя войска до самого Каспийского моря, он принес новости о «высоком и прославленном» народе могущественной империи Запада.

Считалось, что Да Цин, или Великая Цин, как называли Римскую империю, обладает огромными запасами золота, серебра и чистейших драгоценных камней¹⁰⁸.

Отношения Китая и Персии становились все более тесными. Посольства отправлялись несколько раз в год, как отмечает китайский источник, по крайней мере по десять миссий были направлены в Персию, а в более спокойные времена около пяти или шести – на

¹⁰³ J. Teixidor, *Un Port roman du désert: Palmyre et son commerce d'Auguste à Caracalla* (Paris, 1984); E. Will, *Les Palmyréniens, la Venise des sables (Ier siècle avant-IIIème siècle après J. – C.)* (Paris, 1992).

¹⁰⁴ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri Qui Supersunt*, 14.3, in *Ammianus Marcellinus*, ed. and tr. J. Rolfe, 3 vols (Cambridge, MA, 1935–1940), 1, p. 24.

¹⁰⁵ J. Cribb, 'The Heraeus Coins: Their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises, c. ad 30–80', in M. Price, A. Burnett and R. Bland (eds), *Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins* (London, 1993), pp. 107–134.

¹⁰⁶ Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 43, pp. 76–78; 46, pp. 78–80.

¹⁰⁷ Там же, 39, p. 76; 48–49, p. 81. Про кушанов см. V. Masson, B. Puris, C. Bosworth et al. (eds), *History of Civilizations of Central Asia*, 6 vols (Paris, 1992), 2, pp. 247–396.

¹⁰⁸ D. Leslie and K. Gardiner, *The Roman Empire in Chinese Sources* (Rome, 1996), pp. 131–162; также см. R. Kauz and L. Yingsheng, 'Armenia in Chinese Sources', *Iran and the Caucasus* 12 (2008), pp. 157–190.

Запад¹⁰⁹. Дипломатические посланники, как правило, сопровождали большие торговые караваны, которые, в свою очередь, возвращались домой, груженные товарами, которые требовались дома, включая жемчуг из Красного моря, нефрит, лазурит и такие товары, как лук, огурцы, кориандр, гранаты, фисташки и абрикосы¹¹⁰. Очень востребованными были ладан и смирна, которые на самом деле привозили из Йемена и Эфиопии. В Китае их называли Поссу, или персидские товары¹¹¹. Как известно из одного, более позднего источника, персики из Самарканда ценились особенно высоко: «большие, как гусиные яйца», знаменитые своим насыщенным цветом. В Китае они были известны как «золотые персики»¹¹².

Китайцы имели не так много контактов с Римом, а Средиземноморский регион, в свою очередь, имел небольшое представление о мире, располагающемся за Гималаями и Индийским океаном. Единственное римское посольство прибыло к императору Хуань-ди около 166 года нашей эры. Интересы Рима и его знания о Дальнем Востоке были фрагментарными. Внимание Рима было сконцентрировано на Персии¹¹³, которая выступала не просто соперником, но и возможной целью. После того как был установлен контроль над Египтом, такие авторы, как Вергилий и Проперций, с волнением говорили о расширении римского влияния. В поэме, восхваляющей Августа и его достижения, Гораций писал не о римском господстве над Средиземноморьем, но о господстве над всем миром, включая покорение Индии и Китая¹¹⁴. Это предполагало также и поход против Персии, что привело к череде сменяющих друг друга правителей. Были разработаны грандиозные планы, чтобы раздвинуть границы империи до горного перевала, известного как Каспийские ворота, глубоко внутри территории Персии: Риму необходимо было контролировать сердце мира¹¹⁵.

Был предпринят ряд усилий, чтобы мечта стала реальностью. В 113 году император Траян лично повел огромную экспедицию на Восток. Быстро миновав Кавказ, следуя течению Евфрата, он покорил Нусайбин и Батну и ввел в обращение монеты, на которых значилось, что Месопотамия теперь «подчиняется власти народа Рима».

Соппротивление таяло на глазах, и император усилил давление, разделив войска на две части. Великие города империи персов были захвачены достаточно быстро. Аденистра, Вавилон, Селевкия и Ктесифон пали в результате блестящей кампании, длившейся несколько месяцев. Тут же были отчеканены монеты, которые бескомпромиссно заявляли — *Persia capta* («Персия захвачена»)¹¹⁶. Затем Траян прошел до Хараксы (современный город Басра) в устье Персидского залива. Он прибыл как раз тогда, когда одно торговое судно отправлялось в Индию. Он смотрел на судно с печалью. Если бы он был молод, как Александр Великий, непременно пошел бы к Инду¹¹⁷.

¹⁰⁹ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 241.

¹¹⁰ См. еще B. Laufer, *Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilisation in Ancient Iran* (Chicago, 1919) и R. Ghirshman, *Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest* (Harmondsworth, 1954).

¹¹¹ Power, *Red Sea*, p. 58.

¹¹² Schafer, *Golden Peaches of Samarkand*, p. 1.

¹¹³ То, что посольство принесло панцирь черепахи, рог носорога и слоновую кость, говорит о том, что посол был хорошо проинформирован о вкусах китайцев F. Hirth, *China and the Roman Orient* (Leipzig, 1885), p. 42, 94; R. McLaughlin, *Rome and the Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China* (London, 2010).

¹¹⁴ Fitzpatrick, 'Provincializing Rome', 36; Horace, *Odes*, 1.12, in *Horace: Odes and Epodes*, ed. and tr. N. Rudd (Cambridge, MA, 2004), p. 48.

¹¹⁵ B. Isaac, *The Limits of Empire: The Roman Army in the East* (Oxford, 1990), p. 43; S. Mattern, *Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate* (Berkeley, 1999), p. 37.

¹¹⁶ Cassius Dio, 68.29, 8, pp. 414–416; H. Mattingly (ed.), *A Catalogue of the Coins of the Roman Empire in the British Museum*, 6 vols (London, 1940–1962), 3, p. 606. О троянской кампании см. J. Bennett, *Trajan: Optimus Princeps* (London, 1997), pp. 183–204.

¹¹⁷ Jordanes, *Romana*, in *Iordanis Romana et Getica*, pp. 34–35.

С разработки планов по созданию новых провинций в Ассирии и Вавилоне Рим хотел начать новую главу и расширить границы до самой долины Инда и «ворот» к Китаю. Однако успехи Траяна оказались недолговечными. В городах Месопотамии уже набирало обороты яростное сопротивление, император страдал от отека мозга, который в итоге и убил его, а в Иудее начался бунт, который быстро распространился и требовал немедленного внимания. Тем не менее наследники престола все так же обращали свой взор на Персию: именно сюда устремлялись основные военные расходы, здесь, на границе и за ней, были сосредоточены интересы Рима.

В отличие от европейских провинций, римские императоры регулярно наведывались в Азию, пусть и не всегда удачно. Например, в 260 году нашей эры император Валериан был захвачен в плен как жалкий раб, после чего жестоко унижен. Его использовали как человеческое подножие, для того чтобы персидскому правителю было удобнее сесть верхом на лошадь. С тела императора содрали кожу, покрасили киноварью, затем его поместили в храм варварских богов как напоминание о том, что такое может повториться с любым из послов¹¹⁸. Из тела императора было сделано чучело, чтобы все могли видеть глупость и позор Рима.

Как ни странно, именно амбиции Римской империи помогли оживить саму Персию. Во-первых, Персия получала выгоду от дальних сообщений между Востоком и Западом, что также отразилось на смещении политического и экономического центра Персии с севера. Ранее этот центр находился вблизи степи, где было удобнее вести переговоры с кочевыми племенами о поставках лошадей и домашнего скота и контролировать дипломатические контакты, необходимые для избегания нежелательного внимания со стороны грозных народов степи. Именно поэтому такие города, как Ниса, Абивар и Дара, играли такую важную роль¹¹⁹.

Центральная казна просто ломилась от налогов и транзитных пошлин, так как объемы местной и международной торговли все увеличивались и появлялись крупные инфраструктурные проекты. Одним из таких преобразований стало превращение Ктесифона, который находился на восточном берегу Тигра в Центральной Месопотамии, в процветающий город. Крупные инвестиционные проекты в портах, например в Харакене, в Персидском заливе помогли увеличить объемы морской торговли, причем далеко не все товары предназначались для отправок в Рим. Оживленная торговля гончарными изделиями велась с обеими Индиями и Шри-Ланкой в течение I и II веков¹²⁰.

Но самое существенное влияние военного вмешательства Рима заключалось в том, что оно вызвало политическую революцию. Столкнувшись с давлением со стороны непосредственного соседа, Персия претерпела значительные изменения. Новая правящая династия, Сасаниды, появилась около 220 года нашей эры. Совершенно новое видение ее представителей заключалось в том, что они хотели забрать власть у местных правителей, которые были самостоятельны, но не имели официальной должности, и сконцентрировать всю власть в центре. Серия административных реформ сопровождалась усилением контроля буквально над каждым аспектом жизни государства: отчетность была в наивысшем приоритете, персидские чиновники ставили свои печати на документах, чтобы исполнение можно было

¹¹⁸ Lactantius, *De Mortibus Persecutorum*, ed. and tr. J. Creed (Oxford, 1984), 5, p. 11.

¹¹⁹ A. Invernizzi, 'Arsacid Palaces', in I. Nielsen (ed.), *The Royal Palace Institution in the First Millennium BC* (Athens, 2001), pp. 295–312; 'The Culture of Nisa, between Steppe and Empire', in J. Cribb and G. Herrmann (eds), *After Alexander: Central Asia before Islam: Themes in the History and Archaeology of Western Central Asia* (Oxford, 2007), pp. 163–177. В. Пилипко, *Роснучи старої Низи* (Ташкент, 1992); P. Bernard and F. Grenet (eds), *Histoire des cultes de l'Asie Centrale préislamique* (Paris, 1991).

¹²⁰ О Харакене – L. Gregoratti, 'A Parthian Port on the Persian Gulf: Characene and its Trade', *Anabasis* 2 (2011), pp. 209–229. О керамике см., например, H. Schenk, 'Parthian Glazed Pottery from Sri Lanka and the Indian Ocean Trade', *Zeitschrift für Archäologie Außereuropäischer Kulturen* 2 (2007), pp. 57–90.

отследить на любом уровне. Как далеко зашла эта реорганизация, видно по многим тысячам сохранившихся печатей¹²¹.

Купцы обнаружили, что их всецело контролируют. Производителям и торговцам, зачастую объединенным в гильдии, были отведены места на базаре. Таким образом, инспекторам было гораздо легче проследить за качеством предоставляемой продукции и уплатой всех налогов и пошлин¹²². В центре внимания оказалось благоустройство городов. Были созданы специальные места для заключения сделок, улучшена система водоснабжения – она была расширена, чтобы обеспечить дальнейший рост городов. Было основано огромное количество новых городов. О массовой застройке Центральной Азии, Иранского плато и Ближнего Востока свидетельствуют персидские записи более позднего периода¹²³.

Крупномасштабные ирригационные проекты в Хузестане и Ираке стали частью программы по улучшению сельского хозяйства, которые должно было привести к снижению цен на продукты питания¹²⁴. Археологические находки показывают, что перед отправкой на экспорт товары тщательно проверялись. Также были обнаружены проштампованные контракты. Обычно они хранились в регистрационных офисах¹²⁵. Присоединение городов и территорий, которые около двух веков находились в подчинении Кушанского царства, обратно к Персии способствовало увеличению интенсивности торговли на Востоке¹²⁶.

В то время как Персия начала подниматься, Рим покачнулся. Сасаниды были не единственной проблемой. К 300 году нашей эры под давлением оказались все территории на восточном побережье от Северного до Черного моря и от Кавказа до южной границы Йемена. Империя нацелилась на расширение границ и была защищена хорошо обученной армией. Когда территориальный рост империи замедлился в результате достижения естественных границ – Рейна и Дуная, а также хребта Тавра и Антитавра на востоке Малой Азии, – Рим стал классической жертвой собственного успеха: теперь сама Римская империя была целью тех, кто проживал за ее пределами.

Были предприняты отчаянные шаги для устранения тревожного дисбаланса, обусловленного сокращением налоговых доходов и увеличением расходов на защиту рубежей империи. Все это вело к неминуемому протесту. Один из комментаторов заметил, что император Диоклетиан, который пытался справиться с ситуацией в агрессивной манере, скорее создавал новые проблемы, чем решал старые, и «из-за жадности и страхов переворачивал весь мир с ног на голову»¹²⁷. В рамках подготовки к реконструкции налоговой системы была проведена основательная проверка всех активов. Чиновники были отправлены во все уголки империи. В целях увеличения доходов эксперты посчитали каждую виноградную лозу и каждое фруктовое дерево¹²⁸. Был издан общеимперский эдикт, устанавливающий цены на товары потребления, а также на предметы роскоши, такие как кунжутное семя, тмин, хрен и корица.

¹²¹ F. Rahimi-Laridjani, *Die Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft im Iran bis in Sasanidisch-frühislamische Zeit* (Weisbaden, 1988); R. Gyselen, *La Géographie administrative de l'empire sasanide: les témoignages sigilo-graphiques* (Paris, 1989).

¹²² A. Taffazoli, 'List of Trades and Crafts in the Sassanian Period', *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 7 (1974), pp. 192–196.

¹²³ T. Daryaee, *Šahrestānīhā-ī Ērānšahr: A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History* (Costa Mesa, CA, 2002).

¹²⁴ M. Morony, 'Land Use and Settlement Patterns in Late Sasanian and Early Islamic Iraq', in A. Cameron, G. King and J. Haldon (eds), *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 3 vols (Princeton, 1992–1996), 2, pp. 221–229.

¹²⁵ R. Frye, 'Sasanian Seal Inscriptions', in R. Stiehl and H. Stier (eds), *Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben*, 2 vols (Berlin, 1969–1970), 1, pp. 77–84; Choksy, 'Loan and Sales Contracts in Ancient and Early Medieval Iran', *Indo-Iranian Journal* 31 (1988), p. 120.

¹²⁶ T. Daryaee, 'The Persian Gulf Trade in Late Antiquity', *Journal of World History* 14.1 (2003), pp. 1–16.

¹²⁷ Lactantius, *De Mortibus Persecutorum*, 7, p. 11.

¹²⁸ Там же, 23, p. 36.

Фрагмент этого распоряжения, который был недавно обнаружен в Бодруме, показывает, чего хотели добиться власти. В нем было перечислено не менее двадцати шести пар позолоченных женских сандалий – «пурпурные, низкие, в вавилонском стиле», и налоговые инспекторы установили цену на каждую пару¹²⁹.

В такой напряженный момент, когда предпринимались попытки восстановить былое величие, император Диоклетиан предпочел удалиться в Хорватию, чтобы заняться более приятными делами, чем государственные заботы.

«Я хотел бы, чтобы ты приехал в Салону, – писал он одному из бывших коллег, – и увидел капусту, которую я вырастил сам». «Это настолько впечатляет, – продолжал он, – что никого и никогда больше не прельстила бы перспектива обретения власти»¹³⁰. В то время как Август изображался как солдат, о чем свидетельствует великолепная статуя, найденная в Прима-Порта, пригороде Рима, Диоклетиан предпочел преподнести себя как фермера. Именно это подвело логический итог под 300-летним курсом Римской империи и его изменением, от планирования экспансии в Индию до культивации призовых овощей.

Римляне выглядели достаточно нервными, и над ними собиралось внушительное грозное облако. Император Константин начал действовать. Сын одного из наиболее уважаемых людей империи был честолюбив и деятелен. К тому же он обладал талантом находиться в нужное время в нужном месте. Константин понимал, что необходимо Риму, настолько ясно, что это было просто поразительно. Империя нуждалась в сильном лидере, и это было очевидно для всех. План Константина был более радикален, чем простая узурпация власти. Он хотел построить новый город, новую жемчужину на оси, соединяющей Средиземноморье с Востоком. И для этого города он выбрал точку, где соединялись Европа и Азия.

Уже достаточно давно ходили слухи о том, что римские правители собираются перенести свой трон в другое место. Согласно одному из римских авторов, Юлий Цезарь считал правильным поместить столицу в Александрии или же на месте древней Трои в Малой Азии, чтобы земли, которыми интересовался Рим, были на виду¹³¹. В начале IV века это наконец произошло. На стыке Европы и Азии был возведен прекрасный город, а Римская империя во всеуслышание заявила о сфере своих интересов.

Прекрасный новый город был построен на месте старого византийского города на берегах Босфора. Со временем он не только стал соперничать с Римом, но и превзошел его во многом. Здесь были построены огромные дворцы и ипподром для гонок на колесницах. В центре города была возведена колонна невероятных размеров, вырезанная из куска порфира, с вершины которой на окрестности взирал император. Новый город называли Новым Римом, однако очень скоро он стал известен по имени его основателя Константина как Константинополь. В новый город были перенесены общественные организации, которые ранее располагались в Риме, включая Сенат, члены которого насмехались над нуворишами – детьми медников, колбасников и им подобных¹³².

Константинополь должен был стать самым большим и значимым городом в Средиземноморье, намного превосходя своих конкурентов по размеру и значимости. Хотя многие современные ученые уверенно отвергают идею о том, что новый город должен был стать столицей империи, щедрость, с которой тратились ресурсы при его постройке, говорит сама за себя¹³³. Константинополь располагался в стратегическом месте, где проходили основные

¹²⁹ Бодрумский музей подводной археологии. Насколько я знаю, надпись, обнаруженная в 2011 году, еще не опубликована.

¹³⁰ Pseudo-Aurelius Victor, *Epitome de Caesaribus*, ed. M. Festy, *Pseudo-Aurelius Victor: Abrégé de Césars* (Paris, 1999), 39, p. 41.

¹³¹ Suetonius, *Divus Julius*, 79, in *Lives of the Caesars*, 1, p. 132.

¹³² Libanius, *Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius*, tr. Norman (Liverpool, 2001), pp. 145–167.

¹³³ О развенчивании «мифа о переносе столицы империи» см. L. Grig and G. Kelly (eds), *Two Romes: Rome and*

пути, в том числе и морские, ведущие в Черное море. Кроме того, именно отсюда можно было следить за развитием событий на Востоке и на Севере – на Балканах и равнинах Паннонии, где уже назревали проблемы.

Для большей части представителей античного мира кругозор ограничивался местной торговлей и взаимодействием с людьми, проживающими неподалеку. Тем не менее паутина разных общин, переплетаясь, формирует сложный мир, в котором вкусы и идеи определяются продуктами и художественными концептами и распространяются на тысячи миль.

Два тысячелетия назад шелка, сотканые вручную в Китае, носили богатые и влиятельные жители Карфагена и других городов Средиземноморья, а гончарные изделия, сделанные на юге Франции, можно было найти в Англии и в районе Персидского залива. Специи и приправы, выращенные в Индии, использовались на кухнях Синьцзяна и Рима. На зданиях, построенных в Северном Афганистане, красовались надписи на греческом языке, а на лошадях, выращенных в Центральной Азии, ездили за тысячи миль на востоке.

Представим себе жизнь золотой монеты два тысячелетия назад. Вполне возможно, она была изготовлена на провинциальном монетном дворе и затем была использована молодым солдатом для оплаты товаров на южной границе Англии. Затем монета попала обратно в Рим вместе с имперским чиновником, посланным собирать налоги, после чего перешла в руки купца, направляющегося на Восток, и послужила для того, чтобы расплатиться с торговцами, которые прибыли в Баригазу, чтобы продать свои товары. Монета, конечно же, произвела впечатление и была подарена правителям Гиндукуша, которых удивили ее дизайн, форма и размер и которые, скорее всего, отдали монету граверу для копирования. Гравер же вполне мог быть римлянином, или индусом, или китайцем, или, вполне возможно, местным жителем, который обучился искусству чеканки. Это был сложный мир, пронизанный множеством связей, жадный до разнообразного обмена.

Очень просто облекать прошлое в ту форму, которая кажется нам удобной. Но древний мир был куда более сложным и полным взаимосвязей, чем мы привыкли думать. Мы считаем Рим прародителем Западной Европы, совершенно не учитывая тот факт, что он испытывал сильное влияние Востока. Античный мир был предвестником современного мира – живой, конкурентный, эффективный и энергичный. Пояс городов сформировал цепь, охватывающую всю Азию. Запад обратил внимание на Восток, а Восток на Запад. Вместе с увеличением интенсивности движения по пути между Индией, Персидским заливом и Красным морем античный Шелковый наполнялся жизнью.

Внимание Рима было сконцентрировано на Азии с тех пор, как он превратился из республики в империю. И как оказалось, у нее была своя душа. Константин, и вся Римская империя, обрел бога; и новая религия также пришла с востока. Удивительно, но она зародилась не в Персии или Индии, а в абсолютно бесперспективной провинции, где тремя столетиями ранее Понтий Пилат нашел бесчестье на посту губернатора. Христианство собиралось распространиться повсюду.

2. Путь веры

В древности не только товары перемещались по артериям, которые соединяли Тихий океан, Центральную Азию, Индию, Персидский залив и Средиземноморье, но и идеи. И среди самых мощных идей были те, которые касались божественного. Интеллектуальный и религиозный обмен между регионами всегда был достаточно оживленным. Теперь он стал более сложным и конкурентным. Местные культы и верования вошли в контакт с прочно установившейся космологией. Все эти идеи буквально сплавлялись, перемешивались друг с другом, как в огромном котле.

В то время как Александр Великий и его кампании принесли греческие идеи на Восток, мысли и идеи с Востока двигались в обратном направлении. Идея буддизма быстро прошла через всю Азию, особенно после того, как ее приверженцем стал император Ашока, который якобы обратился в буддизм, придя в ужас от огромных сумм, затраченных на ведение военных кампаний, в результате которых была создана великая империя в Индии в III веке до нашей эры. Надписи того времени свидетельствуют о том, что очень много людей соблюдали принципы и догмы буддизма в то время. Их можно было найти на всем пути до самой Сирии и даже дальше. Верования секты, известной как «Терапевты», которая процветала в Александрии в Египте на протяжении многих веков, имели определенные сходства с буддизмом, включая использование аллегорических высказываний, преданность просветлению, достигаемому через молитву, и отстранение от себя самого для достижения внутреннего спокойствия¹³⁴.

Неоднозначность источника материала затрудняет определение степени распространения буддизма. Тем не менее удивительно, какое количество литературы, описывающей, как религия была привезена из Индии и распространилась по другим странам, существует в наше время. Местные правители должны были решить: терпеть новую религию, искоренить ее или принять и поддерживать. Одним из последних свой выбор сделал бактрийский царь Менандр в I веке до нашей эры, потомок одного из людей Александра Великого. Согласно тексту под названием «Вопросы Милинды», правитель решил следовать новому духовному пути благодаря заступничеству вдохновившего его монаха, ум которого, проявленное им сострадание и смирение были выше и сильнее в современном мире. Этого было вполне достаточно, чтобы убедить правителя искать просветления через буддистские практики¹³⁵.

Все интеллектуальные и теологические пространства Шелкового пути были полны народа. Божества, культы, священники и местные правители буквально «толкались» друг с другом. Ставки были высоки. Это было время, когда общество было весьма восприимчиво к объяснениям разного рода, от мирских до сверхъестественных, а религия предлагала решение множества проблем. Борьба между различными конфессиями носила политический характер. Во всех религиях, независимо от их происхождения – были ли они родом из Индии, как индуизм, джайнизм и буддизм, или из Персии, как зороастризм и манихейство, или появились западнее, как иудаизм и христианство, а со временем и ислам, – триумф на поле боя или за столом переговоров сопровождался демонстрацией культурного превосходства и божественного благословения. Уравнение было столь же простым, сколь и могу-

¹³⁴ H. Falk, *Asókan Sites and Artefacts: A Source-book with Bibliography* (Mainz, 2006), p. 13; E. Seldeslachts, 'Greece, the Final Frontier? – The Westward Spread of Buddhism', in A. Heirman and S. Bumbacher (eds), *The Spread of Buddhism* (Leiden, 2007), esp. pp. 158–160.

¹³⁵ Sick, 'When Socrates Met the Buddha', p. 271; о современной палийской литературе – T. Hinüber, *A Handbook of Pali Literature* (Berlin, 1996).

ществом: общество, защищенное и благословленное правильным богом, процветало; те же, кто чтил фальшивых идолов и пустые обещания, были обречены на страдания.

У правителей были достаточно сильные стимулы, чтобы инвестировать в правильную духовную инфраструктуру, например строительство роскошных мест отправления культа. Это давало им рычаг внутреннего контроля и позволяло укреплять отношения с духовенством, которое в любых основных религиях имело как духовную, так и политическую власть. Это вовсе не означало, что светское правительство было пассивным, следующим доктринам, заданным независимым классом (или в некоторых случаях кастой). Напротив, целеустремленные правители могли утвердить свою власть, привнеся новые религиозные практики.

Кушанская империя, которая простиралась от северной Индии и занимала большую часть Центральной Азии в первых веках нашей эры, может послужить отличным примером. Ее правители взяли под свое покровительство буддизм, но в то же время приветствовали постоянное развитие буддистских идей. Для правящей династии это было важно, поскольку было необходимо дать обоснование превосходства чуждых для данной местности идей.

Для этого пришлось перемешать несколько разных источников, чтобы сформировать единый концепт, к которому захотят обратиться как можно больше людей. В результате династия Кушан спонсировала постройку храмов, которые назывались *devakula*, или «храмы святого семейства». Они способствовали развитию мысли, которая уже укоренилась в регионе: правители являются связующим звеном между небесами и землей¹³⁶.

Чуть ранее Менандр отчеканил монеты, на которых значилось, что он не только временный правитель, но еще и спаситель – личность настолько значимая, что на его монетах это было записано сразу на двух языках: греческом (*soteros*) и хинди (*tratasā*)¹³⁷. Династия Кушан пошла гораздо дальше. Ее представители установили культ, который утверждал их божественное происхождение и создавал огромную дистанцию между правителями и подданными. Это подтверждается надписями, найденными в Таксиле в Пенджабе. Правитель, как смело утверждается в рамках этого культа, был «великим королем, королем королей и сыном Бога»¹³⁸. Эта фраза перекликается со Старым и Новым Заветом в отношении того, что правитель является спасителем и проводником в следующую жизнь¹³⁹.

Буддизм был сродни революции для I века нашей эры: преобразование происходило таким образом, что вера формировала повседневную жизнь своих приверженцев. Основы учения Будды в традиционной форме очень просты. Они пропагандируют уход от страданий (на санскрите *duhkha*), что должно привести к состоянию покоя (нирваны) путем следования благородному восьмеричному пути. Путь к просветлению не требовал привлечения третьих лиц и не затрагивал материальный и физический мир каким-либо значимым образом. Путь был исключительно духовным, метафизическим и исключительно индивидуальным.

Все изменилось кардинальным образом, когда появились новые способы достижения состояния измененного сознания. То, что раньше было внутренним путешествием, свободным от внешних влияний, теперь было дополнено советами и помощью. Организовывались специальные места, в которых достижение просветления и сам буддизм выглядели более убедительно. Были построены ступы, или святыни, якобы связанные с Буддой. Они стали объектами паломничества, а тексты, в которых говорилось, как следует вести себя в

¹³⁶ G. Fussman, 'The Mat *Devakula*: A New Approach to its Understanding', in D. Srivasan (ed.), *Mathurā: The Cultural Heritage* (New Delhi, 1989), pp. 193–199.

¹³⁷ Например, P. Rao Bandela, *Coin Splendour: A Journey into the Past* (New Delhi, 2003), pp. 32–35.

¹³⁸ D. MacDowall, 'Soter Megasthenes, the King of Kings, the Kushana', *Journal of the Numismatic Society of India* (1968), pp. 28–48.

¹³⁹ Обратите внимание, например, на описание в «Книге Псалмов» – «Бог Бога ... Господь господствующих» (Пс. 136: 2–3, или «Бог богов и Господь господствующих» (Второзаконие 10:17). «Книга откровений» рассказывает, как зверь будет побежден, потому что Агнец – «Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14).

таких местах, делали буддизм более реальным и осязаемым. В *Saddharmapundarīka*, также известной как «Лотосовая сутра», – сочинении, относящемся к тому же периоду, отмечалось, что подношения при посещении святыни в виде цветов или благоуханий способствуют скорому спасению. С теми же целями часто нанимали музыкантов, играющих на «барабанах, рожках и раковинах, свирелях, флейтах, лютнях, гонгах, арфах, гитарах и цимбалах»: это должно было помочь преданному приверженцу достичь Будды¹⁴⁰. Это были преднамеренные попытки сделать буддизм более заметным и более конкурентоспособным в «шумной» религиозной обстановке.

Еще одной новой идеей стали пожертвования, особенно в пользу вновь построенных монастырей, которые появлялись на путях, веером расходившихся из Индии по всей Центральной Азии. Пожертвования в виде денег, драгоценностей и других даров стали обычной практикой. Бытовало мнение, что дарители будут «перенесены через океаны страданий» в награду за их щедрость¹⁴¹. В «Лотосовой сутре» даже были перечислены ценные предметы, наиболее подходящие для жертвования: жемчуг, хрусталь, золото, серебро, лазурит, коралл, бриллианты и изумруды – такие дары приветствовались¹⁴².

Крупномасштабные ирригационные проекты в долинах, где сейчас находятся Таджикистан и южная часть Узбекистана, реализованные на рубеже эпох, показывают, что это был период достатка и процветания, а также расширения и улучшения культурного обмена¹⁴³. Пропагандой религии занялись богатые и влиятельные люди, и очень скоро монастыри стали приютом для ученых, которые занимались компиляцией буддистских текстов, их копированием и переводом на местные языки, что делало их доступнее для более широкого круга. Это также было частью программы распространения религии в ее более доступном формате. Коммерция позволила вере свободно распространяться¹⁴⁴.

Около I века нашей эры буддизм быстро распространился из северной Индии по торговым путям вместе с торговцами, монахами и паломниками. К югу, на плато Декан, было построено множество пещерных храмов, которые буквально усеяли индийский субконтинент¹⁴⁵. На севере и востоке буддизм весьма энергично распространяли согдийские купцы, которые сыграли важную роль в соединении Китая с долиной Инда. Это были странствующие торговцы из самого сердца Центральной Азии. С учетом того, что у них были хорошие связи и они рационально использовали средства, эти торговцы были идеальными посредниками¹⁴⁶.

Ключом к их коммерческому успеху была целая сеть надежных перевалочных пунктов. Чем больше согдийцев становились буддистами, тем больше пещерных храмов было построено вдоль основных торговых путей, как, например, в долине реки Хунза на севере Пакистана. Проходящие тут согдийцы вырезали на камне свои имена, а также изображения Будды в надежде, что их длительное путешествие будет успешным и безопасным – горькое напоминание о необходимости душевного комфорта для путешественника вдали от дома¹⁴⁷.

¹⁴⁰ The Lotus of the Wonderful Law or The Lotus Gospel: *Saddharma Pundarīka Sūtra Miao-Fa Lin Hua Chung*, tr. W. Soothill (London, 1987), p. 77.

¹⁴¹ X. Liu, *Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges AD 1–600* (Oxford, 1988), p. 102.

¹⁴² *Sukhāvāṭī-vyūha: Description of Sukhāvātī, the Land of Bliss*, tr. F. Müller (Oxford, 1883), pp. 33–34; *Lotus of the Wonderful Law*, pp. 107, 114.

¹⁴³ D. Schlumberger, M. Le Berre and G. Fussman (eds), *Surkh Kotal en Bactriane*, vol. 1: *Les Temples: architecture, sculpture, inscriptions* (Paris, 1983); V. Gaibov, 'Ancient Tajikistan Studies in History, Archaeology and Culture (1980–1991)', *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1.3 (1995), pp. 289–304.

¹⁴⁴ R. Salomon, *Ancient Buddhist Scrolls from Gandhara* (Seattle, 1999).

¹⁴⁵ J. Harle, *The Art and Architecture of the Indian Subcontinent* (New Haven, 1994), pp. 43–57.

¹⁴⁶ См., главным образом, E. de la Vaissière, *Sogdian Traders: A History* (Leiden, 2005).

¹⁴⁷ K. Jettmar, 'Sogdians in the Indus Valley', in P. Bertrand and F. Grenet (eds), *Histoire des cultes de l'Asie centrale préislamique* (Paris, 1991), pp. 251–253.

Но о распространении буддизма говорят не только мелкие царапины на камне. Кабул был буквально окружен сорока монастырями, включая тот, который позже был с благоговением описан одним из посетителей. Он писал, что красота монастыря была сравнима с весной: «...тротуары из оникса, стены из прекрасного мрамора, двери сделаны из литого золота, в то время как полы – из чистого серебра. Повсюду храм украшен звездами, а у входа – золотой идол, прекрасный как луна, восседающий на украшенном драгоценными камнями троне»¹⁴⁸.

Вскоре идеи и практики буддизма через горы Памира распространились на восток и достигли Китая. К началу IV века нашей эры буддистские святилища стали встречаться по всей провинции Синьцзян на северо-востоке Китая, примером могут служить пещеры Кизил в бассейне Тарима, которые включают в себя залы поклонения, места для медитаций и просторные жилые помещения. До тех пор Западный Китай был буквально усеян местами, которые превратили в святилища, например, в Кашгаре, Куче и Турфане¹⁴⁹. К 460 году буддистские практики и искусство стали частью культуры Китая, вполне успешно конкурируя с традиционным для данной страны конфуцианством, представлявшим собой обширное учение, которое в основном затрагивало вопросы личной этики и духовных убеждений, и имевшим тысячелетнюю историю. Этому способствовало агрессивное продвижение новой религии представителями новой правящей династии, которые, как завоеватели из степи, были аутсайдерами. Так же как и в случае с Кушанским царством до этого, династия Северная Вэй могла получить многое, продвигая новое и покровительствуя идеям, которые подтверждали ее легитимность. Огромные статуи Будды были возведены в Пинчене и Лояне, далеко на востоке страны. Вместе с ними возникли хорошо обеспеченные монастыри и святилища. Вне всякого сомнения, Северная Вэй стала триумфатором, и произошло это потому, что ее представители стали частью божественного замысла, а не просто варварами-завоевателями¹⁵⁰.

Буддизм также сильно продвинулся по торговым путям в западном направлении. Целые скопления пещер вокруг Персидского залива, наряду с находками около Мерва в современном Туркменистане и надписями в самом сердце Персии, говорят о способности буддизма конкурировать с местными верованиями¹⁵¹.

Засилье заимствованных слов в Парфянском царстве говорит об интенсивном обмене идеями в этот период¹⁵².

Разница, однако, в том, что углубление экономического сотрудничества заставило Персию пойти по другому пути. Для ее экономики, политики и культуры настала пора возрождения. Когда самосознание персов вновь заявило о себе, буддисты обнаружили, что их не сильно жалуют и даже преследуют. Жестокость такого преследования привела к тому, что святыни в Персидском заливе остались покинутыми, а ступы, построенные вдоль дорог на персидской территории, разрушены¹⁵³.

¹⁴⁸ C. Huart, *Le Livre de Gerchāsp, poème persan d'Asadī junior de Toūs*, 2 vols (Paris, 1926–1929), 2, p. 111.

¹⁴⁹ R. Giès, G. Feugère and A. Coutin (eds), *Painted Buddhas of Xinjiang: Hidden Treasures from the Silk Road* (London, 2002); T. Higuchi and G. Barnes, 'Bamiyan: Buddhist Cave Temples in Afghanistan', *World Archaeology* 27.2 (1995), p. 282ff.

¹⁵⁰ M. Rhie, *Early Buddhist Art of China and Central Asia*, vol. 1 (Leiden, 1999); Wei, *Ancient Chinese Architecture: Buddhist Buildings* (Vienna, 2000).

¹⁵¹ G. Koshelenko, 'The Beginnings of Buddhism in Margiana', *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 14 (1966), pp. 175–183; R. Foltz, *Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization* (2nd edn, Basingstoke, 2010), pp. 47–48; R. Foltz, 'Buddhism in the Iranian World', *Muslim World* 100.2–3 (2010), pp. 204–214.

¹⁵² N. Sims-Williams, 'Indian Elements in Parthian and Sogdian', in R. Röhrborn and W. Veenker (eds), *Sprachen des Buddhismus in Zentralasien* (Wiesbaden, 1983), pp. 132–141; W. Sundermann, 'Die Bedeutung des Parthischen für die Verbreitung buddhistischer Wörter indischer Herkunft', *Altorientalische Forschungen* 9 (1982), pp. 99–113.

¹⁵³ W. Ball, 'How Far Did Buddhism Spread West?', *Al-Rāfidān* 10 (1989), pp. 1–11.

По всей Евразии возникали и исчезали религиозные верования. Их представители сражались друг с другом за аудиторию, лояльность и авторитет. Общение с божественными силами было чем-то большим, нежели необходимость вмешательства в повседневную жизнь, – это стало вопросом спасения или вечного проклятья. Конкуренция стала жесткой. Первые четыре столетия первого тысячелетия, когда из Палестины по Средиземноморью и Азии стало стремительно распространяться христианство, ожесточенные религиозные войны велись повсеместно.

Решающий момент наступил, когда власть захватила династия Сасанидов, свергнув правящую династию в Персии в ходе восстания. Они убивали соперников и искусно поддерживали сумятицу, возникшую после военных неудач на границе с Римом и по всему Кавказу¹⁵⁴. После захвата власти в 224 году нашей эры Ардашир I и его преемники приступили к полномасштабной трансформации государства. Помимо прочего, они утвердили четкую линию национального самосознания и особенно выделили крепкие связи государства с великой империей персов древности¹⁵⁵.

Это было достигнуто путем сплавления современных физических и символических реалий с прошлым. Ключевые места древнего Ирана, такие как Персеполис, столица империи Ахменидов, некрополь Накше-Рустам, который ассоциировался с великими царями Дарием и Киром, были использованы для культурной пропаганды. Новые надписи, монументальная архитектура и резьба на камне – они игнорировали новый режим, заменяя его воспоминаниями о славном прошлом¹⁵⁶. Была восстановлена система чеканки, и греческие надписи и изображения Александра Великого, которые были представлены на монетах столетиями, были заменены на царский профиль с одной стороны и жертвенник с другой¹⁵⁷.

Последнее было намеренной провокацией, заявлением о новой самоидентификации и отношении к религии. Хотя источники достаточно скудные, они показывают, что правители этого региона столетиями проявляли толерантность в вопросах веры, что позволяло разным конфессиям сосуществовать достаточно мирно¹⁵⁸.

Возникновение новой династии привело к ужесточению отношения к религии. Учение Заратустры (или Зарадушты) продвигалось за счет остальных. Древним грекам он был известен как Зороастр – великий персидский пророк, который жил около 1000 года до нашей эры, если не раньше. Его учение гласило, что во Вселенной существуют два основных начала (духа) – Ахура Мазда (Господь мудрый) и Ангра-Майнью (враждебный дух), которые находятся в постоянной борьбе. Было важно поклоняться первой силе, которая отвечала за порядок. Разделение мира на благотворные и нежелательные силы распространялось на все аспекты жизни, в том числе классификацию животных¹⁵⁹. Ритуальное очищение, прежде всего через огонь, – важная часть зороастрийского поклонения. Ахура Мазда как символ веры может принести «добро от зла, свет от тьмы» и спасение от демонов¹⁶⁰.

¹⁵⁴ T. Daryaei, *Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire* (London, 2009), pp. 2–5.

¹⁵⁵ Многие ученые писали о переменах. См. Canepa, *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran* (Berkeley, 2009).

¹⁵⁶ M. Canepa, 'Technologies of Memory in Early Sasanian Iran: Achaemenid Sites and Sasanian Identity', *American Journal of Archaeology* 114.4 (2010), pp. 563–596; Weber, 'Wahram II: König der Könige von Eran und Aneran', *Iranica Antiqua* 44 (2009), pp. 559–643.

¹⁵⁷ О сасанидской чеканке в целом – R. Göbl, *Sasanian Numismatics* (Brunswick, 1971).

¹⁵⁸ M. Boyce, *Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices* (London, 1979).

¹⁵⁹ R. Foltz, 'Zoroastrian Attitudes toward Animals', *Society and Animals* 18 (2010), pp. 367–378.

¹⁶⁰ *The Book of the Counsel of Zartusht*, pp. 2–8, in R. Zaehner, *The Teachings of the Magi: A Compendium of Zoroastrian Beliefs* (New York, 1956), pp. 21–22. См. также M. Boyce, *Textual Sources for the Study of Zoroastrianism* (Manchester, 1984).

Эта космология позволила Сасанидам связать свое правление с золотыми временами древней Персии, когда великие цари заявляли о своей преданности Ахуре Мазде¹⁶¹. Но также это дало возможность задать настрой на военную и экономическую экспансию: постоянный акцент на борьбе подготовил умы для битвы, в то время как сфокусированность на порядке и дисциплине подчеркнула необходимость административных реформ, которые стали основой возрождающегося государства. Зороастризм включал целый набор верований, которые отлично сочетались с военным характером обновления империи¹⁶².

Реализуя политику агрессивной экспансии, Ардашир I и его сын Шапур I присоединяли к империи города-оазисы, торговые пути и даже целые регионы или же принуждали их к сотрудничеству. Такие важные города, как Систан, Мерв и Балх, были захвачены в ходе ряда кампаний, которые начались в 220-х годах. Большая часть территорий Кушанского царства стала вассальной и находилась под управлением чиновников Сасанидов, которые стали называть себя правителями Кушана¹⁶³. Триумфальная надпись на Накше-Рустам показывает масштаб достижений и отмечает, насколько глубоко на восток раскинулись владения Шапура I – они достигали Пешавара и границы Кашгара и Ташкента¹⁶⁴.

Когда Сасаниды захватили власть, приверженцы зороастризма позиционировали себя как приближенных к власти и сделали многое для того, чтобы сосредоточить административную власть в своих руках за счет других, менее многочисленных религиозных верований¹⁶⁵. Такая политика проецировалась и на новые районы, попавшие под контроль персов. Надписи, сделанные первосвященником Кирдиром в середине III века нашей эры, прославляют распространение зороастризма. Религия и ее служители повсеместно почитались, а на землях, захваченных у римлян, процветали «многие религиозные учебные заведения». Для того чтобы распространить свою религию, требовалось проделать большую работу, но, как скромно заметил Кирдир: «Я усердно трудился на благо язат (божеств), земных правителей и на благо моей собственной души»¹⁶⁶.

Продвижение зороастризма сопровождалось подавлением местных культов и враждебных воззрений, которые были отвергнуты как учения зла. Иудеи, буддисты, индуисты, манихейцы и представители прочих религий преследовались; места отправления культа были разграблены, «идолы разрушены, святилища демонов снесены и превращены в храмы богов»¹⁶⁷. Расширение Персии сопровождалось усилением ценностей и верований, которые представлялись как традиционные и необходимые для политической и военной победы. Тех же, кто предлагал другие объяснения или конкурирующие воззрения, преследовали и нередко убивали, как, например, Мани – харизматичного пророка III века, чьи воззрения, представляющие собой смесь идей из западных и восточных источников, когда-то отстаивал Шапур I. Теперь его учение было признано подрывающим основы, вредным и опасным, а его приверженцы жестоко преследовались¹⁶⁸.

¹⁶¹ См., например, M. Boyce, *Textual Sources for the Study of Zoroastrianism* (Manchester, 1984), pp. 104–106.

¹⁶² M. Boyce and F. Grenet, *A History of Zoroastrianism* (Leiden, 1991), pp. 30–33. О зороастрийских верованиях, включая молитвы и вероучения, см. Boyce, *Textual Sources*, pp. 53–61; о ритуалах и практиках – pp. 61–70.

¹⁶³ J. Harmatta, 'Late Bactrian Inscriptions', *Acta Antiqua Hungaricae* 17 (1969), pp. 386–388.

¹⁶⁴ M. Back, 'Die sassanidischen Staatsinschriften', *Acta Iranica* 18 (1978), pp. 287–288.

¹⁶⁵ S. Shaked, 'Administrative Functions of Priests in the Sasanian Period', in G. Gnoli and A. Panaino (eds), *Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies*, 2 vols (Rome, 1991), 1, pp. 261–273; T. Daryaee, 'Memory and History: The Construction of the Past in Late Antiquity', *Name-ye Iran-e Bastan* 1.2 (2001–2002), pp. 1–14.

¹⁶⁶ Back, 'Sassanidischen Staatsinschriften', p. 384. Полную надпись см. в M. – L. Chaumont, 'L'Inscription de Kartir à la Ka#bah de Zoroastre: text, traduction et commentaire', *Journal Asiatique* 248 (1960), pp. 339–380.

¹⁶⁷ M.-L. Chaumont, *La Christianisation de l'empire iranien, des origines aux grandes persécutions du IV siècle* (Louvain, 1988), p. 111; G. Fowden, *Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity* (Princeton, 1993), pp. 28–29.

¹⁶⁸ R. Merkelbach, *Mani und sein Religionssystem* (Opladen, 1986); J. Russell, 'Kartir and Mani: A Shamanistic Model of their Conflict', *Iranica Varia: Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater* (Leiden, 1990), pp. 180–193; S. Lieu, *History of*

Среди тех, кто подвергался преследованию и жестокому обращению, в списке Кирдира значатся *nasraye* и *kristyone*, то есть назаряне и христиане. В свое время велись дебаты, какие именно группы населения имелись в виду. Сейчас ученые договорились, что первые – это коренное население империи Сасанидов, которое перешло в христианство, а вторые – христиане, которых массово депортировали на восток при Шапуре I, сразу после завоевания находящейся под римским началом Сирии, которое застало местные и центральные власти врасплох¹⁶⁹.

Одной из причин, почему зороастризм настолько прочно вошел в сознание жителей Персии III века, была реакция на быстрое распространение христианства по торговым путям с Запада, так же как в свое время распространялся буддизм на Востоке. Резкая драматизация зороастрийской философии именно в это время была ускорена враждебной реакцией по отношению к христианским идеям и мыслям, которые привезли торговцы и заключенные, переселившиеся в Персию после депортации из Сирии¹⁷⁰.

Долгое время христианство ассоциировалось со Средиземноморьем и Западной Европой. Отчасти это было связано с тем, что руководство католической, англиканской и православной церквей находилось в Риме, Кентербери и Константинополе (современный Стамбул) соответственно. Но на самом деле каждый аспект раннего христианства был связан с Азией. Географически христианство происходило из Иерусалима, именно там располагались места, связанные с рождением, жизнью и распятием Иисуса. Изначально отправление культа происходило на арамейском языке, относящемся к семитской группе языков Ближнего Востока. Теологической и духовной базой христианства был иудаизм, возникший в Израиле и во время исхода и распространившийся в Египте и Вавилоне. Его история была сформирована воздействием пустынь, наводнений, засух и голода, что было нехарактерно для Европы¹⁷¹.

Исторические причины распространения христианства по Средиземноморью установлены, но в начале своего пути развитие христианства было куда более многообещающим на Востоке, чем в районе Средиземноморья, где оно распространялось морскими путями¹⁷². Сначала римские власти не трогали христианство. Они были озадачены страстью его самых ранних последователей. Плиний младший, к примеру, писал императору Траяну во II веке, чтобы спросить совета, что делать с христианами, которых привезли ему из Малой Азии. «Я никогда не участвовал в процессах над христианами, – писал он. – Поэтому я не знаю, какой тип наказания к ним применять и насколько тщательно следить за их деятельностью». Некоторых из них он казнил, поскольку полагал, «что независимо от их верований их упрямство должно быть наказано»¹⁷³. В ответ император посоветовал быть терпимым, не искать хри-

Manicheism in the Later Roman Empire and Medieval China: A Historical Survey (Manchester, 1985). О Шапуре и Мани см. M. Hutter, 'Manichaeism in the early Sasanian Empire', *Numen* 40 (1993), pp. 2–15.

¹⁶⁹ P. Gigoux (ed. and tr.), *Les Quatre Inscriptions du mage Kirdir, textes et concordances* (Paris, 1991). А также C. Jullien and F. Jullien, 'Aux frontières de l'iranité: "nasraye" et "kristyone" des inscriptions du mobad Kirdir: enquête littéraire et historique', *Numen* 49.3 (2002), pp. 282–335; F. de Blois, 'Na#rānī Na#zōpa#oc and #anīf (#θνικός): Studies on the Religious Vocabulary of Christianity and of Islam', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 65 (2002), pp. 7–8.

¹⁷⁰ S. Lieu, 'Captives, Refugees and Exiles: A Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian', in P. Freeman and D. Kennedy (eds), *The Defence of the Roman and Byzantine East* (Oxford, 1986), pp. 475–505.

¹⁷¹ A. Kitchen, C. Ehret, S. Assefa and C. Mulligan, 'Bayesian Phylogenetic Analysis of Semitic Languages Identifies an Early Bronze Age Origin of Semitic in the Near East', *Proceedings of the Royal Society B*, 276.1668 (2009), pp. 2702–2710. Некоторые исследователи говорят о североафриканском происхождении семитских языков, например, D. McCall, 'The Afroasiatic Language Phylum: African in Origin, or Asian?', *Current Anthropology* 39.1 (1998), pp. 139–144.

¹⁷² R. Stark, *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History* (Princeton, 1996), и R. Stark, *Cities of God: The Real Story of How Christianity Became an Urban Movement and Conquered Rome* (San Francisco, 2006). Взгляды и методология Старка оказались противоречивыми, см. *Journal of Early Christian Studies* 6.2 (1998).

¹⁷³ Pliny the Younger, Letter 96, ed. and tr. B. Radice, *Letters and Panegyricus*, 2 vols (Cambridge, MA, 1969), 2, pp. 284–286.

стиан специально и разбирать каждый случай отдельно, «так как невозможно определить набор правил, которые можно было бы применять независимо от обстоятельств дела».

«Но ни в коем случае нельзя исходить из слухов или анонимных обвинений. Поступая иначе, — писал он несколько надменно, — мы поступаем совсем не в духе нашего времени»¹⁷⁴.

Вскоре после этого отношение ужесточилось, отражая все более глубокое проникновение христианства в римское общество. Имперские военные стали рассматривать новую религию с ее негативным отношением к греху, сексу, смерти и жизни в целом как угрозу традиционным милитаристским ценностям¹⁷⁵. Начиная со II века, в ходе жестокого преследования были убиты тысячи христиан. Зачастую такие убийства были частью развлечения толпы. В память о мучениках, которые потеряли жизнь из-за веры, был создан обширный свод текстов¹⁷⁶. Ранние христиане должны были бороться против предрассудков. В результате появились воззвания, полные страдания. Например, Тертуллиан (160–225 годы нашей эры), которого один из выдающихся ученых сравнивал с Шейлоком Шекспира, буквально умолял: мы, христиане, «живем рядом с вами, делим с вами еду, одежду, обычаи, у нас такие же потребности, как и у вас»¹⁷⁷. «Только потому, что мы не посещаем римские религиозные церемонии, — писал он, — не означает, что мы не люди. Или у христиан другое устройство зубов, другие рты и другие, склонные к кровосмесительному блуду жилы?»¹⁷⁸.

Изначально христианство распространялось на восток через еврейские общины, которые после изгнания из Вавилона жили в Месопотамии¹⁷⁹. Информация о жизни и смерти Иисуса доходила до них не в греческих переводах, которые изучали новообращенные адепты на Западе, а на арамейском языке, языке самого Иисуса и его учеников. Так же, как и в Средиземноморье, торговцы сыграли важную роль в евангелизации на Востоке. Из-за своего расположения на перекрестке дорог особенно значимым в этом процессе стала Эдесса — современный город Урфа на юго-западе Турции¹⁸⁰.

Очень скоро евангелисты добрались до Кавказа. Погребальные ритуалы и надписи на захоронениях в Грузии говорят о том, что там существовала субпопуляция новообращенных евреев¹⁸¹. Вскоре христианские общины появились в районе Персидского залива. Шестидесят захоронений возле Бахрейна, вырезанные прямо в камне на берегу, показывают, как далеко зашли религиозные верования к началу III века¹⁸². В «Книге законов стран», написанной примерно в это же время, говорится, что христиане проживали по всей Персии и дальше на востоке до самого Кушанского царства — на территории современного Афганистана¹⁸³.

Распространению религии способствовал массовый исход христиан из Персии во время правления Шапура I в III веке. Среди ссыльных были известные лица, например Деметрий, епископ Антиохский, которого перевезли в Бет Лапат, современный Гундешапур на юго-западе Ирана. Там он собрал вокруг себя братьев-христиан и основал новое епи-

¹⁷⁴ Там же, Letter 97, 2, pp. 290–292.

¹⁷⁵ J. Helgeland, R. Daly and P. Patout Burns (eds), *Christians and the Military: The Early Experience* (Philadelphia, 1985).

¹⁷⁶ M. Roberts, *Poetry and the Cult of the Martyrs* (Ann Arbor, 1993); G. de Ste Croix, *Christian Persecution, Martyrdom and Orthodoxy* (Oxford, 2006).

¹⁷⁷ Tertullian, *Apologia ad Nationes*, 42, in *Tertullian: Apology: De Spectaculis*, ed. and tr. T. Glover (London, 1931), p. 190; G. Stoumsa, *Barbarian Philosophy: The Religious Revolution of Early Christianity* (Tübingen, 1999), pp. 69–70.

¹⁷⁸ Tertullian, *Apologia*, 8, p. 44.

¹⁷⁹ W. Baum and D. Winkler, *Die Apostolische Kirche des Ostens* (Klagenfurt, 2000), pp. 13–17.

¹⁸⁰ S. Rose, *Roman Edessa: Politics and Culture on the Eastern Fringes of the Roman Empire, 114–242 CE* (London, 2001).

¹⁸¹ T. Mgaloblishvili and I. Gagoshidze, 'The Jewish Diaspora and Early Christianity in Georgia', in T. Mgaloblishvili (ed.), *Ancient Christianity in the Caucasus* (London, 1998), pp. 39–48.

¹⁸² J. Bowman, 'The Sassanian Church in the Kharg Island', *Acta Iranica* 1 (1974), 217–220.

¹⁸³ *The Book of the Laws of the Countries: Dialogue on the Fate of Bardaisan of Edessa*, tr. H. Drijvers (Assen, 1965), p. 61.

скопство¹⁸⁴. В Персии встречались высокопоставленные христиане, например, римлянка по имени Кандида, которая была любимой фавориткой при дворе, но после того как она отказалась отринуть свою веру, она стала мученицей, тем самым подтверждая слухи о кровожадности шаха и его окружения¹⁸⁵.

Упомянутые тексты попадают под категорию литературы, призванной установить превосходство христианских обычаев и верований над традиционными практиками. Источники весьма скудны, но из них мы можем почерпнуть сведения о битвах, которые разворачивались в то время. Один из авторов писал, что, в отличие от других жителей Персии, «ученики Христа» в Азии не «практикуют скверные привычки этих язычников». Другой отмечал, что это следует рассматривать как знак того, что христиане повысили стандарты в Персии и в других восточных странах. «Персы, которые стали Его учениками, больше не вступают в брак со своими матерями», в то время как жители степи больше не «питаются человеческой плотью, потому что слово Христово дошло и до них». И такие изменения нужно горячо приветствовать, подчеркивал данный автор¹⁸⁶.

Увеличение присутствия христиан в Персии в середине III века стало причиной жесткой реакции зороастрийских священнослужителей и повторения событий, которые произошли в Риме¹⁸⁷. Однако слова Кирдира свидетельствуют о том, что в Персии ужесточилось отношение не только к христианам, но и к представителям других религий. Штамповка альтернативных космологий шла рука об руку с процветающим зороастризмом, который был характерен для возрожденной Персии. Стала появляться государственная религия, которая провозглашала зороастрийские ценности синонимом персидских и стала «столпом, поддерживающим империю Сасанидов»¹⁸⁸.

Была запущена целая серия цепных реакций, конкуренция за ресурсы и военное противостояние стимулировали развитие сложных религиозных систем, которые давали только видимость победы и успеха, но напрямую отрицали достижения враждебных соседей. В случае с Персией это означало бы появление еще более самоуверенного духовенства, роль которого в обществе стала бы более политизированной, об этом свидетельствуют тексты того периода.

Такая политика имела негативные последствия, особенно когда государственную религию стали насаждать в приграничных регионах и на вновь завоеванных территориях. Постройка храмов огня была предметом особой гордости Кирдира, однако такое насаждение веры силой приводило к возникновению раздоров среди населения. Зороастризм стал синонимом Персии. Совсем скоро вместо того, чтобы стать способом духовного освобождения, эта религия стала инструментом захвата. Вследствие этого христианство стало рассматриваться как антидот властного насаждения верований персидскими властями.

До сих пор не выяснены точные обстоятельства, при которых правители Кавказа приняли христианство. Условия принятия армянским царем Трдатом III христианства в самом начале IV века были описаны несколько позже. Появление данного описания было обусловлено тем, что христиане хотели поведать хорошую историю¹⁸⁹. Согласно преданию, Трдат

¹⁸⁴ J. Asmussen, 'Christians in Iran', in *The Cambridge History of Iran: The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* (Cambridge, 1983), 3.2, pp. 929–930.

¹⁸⁵ S. Brock, 'A Martyr at the Sasanid Court under Vahran II: Candida', *Analecta Bollandiana* 96.2 (1978), pp. 167–181.

¹⁸⁶ Eusebius, *Evangelike Proparaskeus*, ed. K. Mras, *Eusebius Werke: Die Praeparatio Evangelica* (Berlin, 1954), 1.4, p. 16; A. Johnson, 'Eusebius' *Praeparatio Evangelica* as Literary Experiment', in S. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism* (Aldershot, 2006), p. 85.

¹⁸⁷ P. Brown, *The Body and Society: Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity* (London, 1988); C. Wickham, *The Inheritance of Rome: A History of Europe from 400 to 1000* (London, 2009), pp. 55–56.

¹⁸⁸ B. Dignas and E. Winter, *Rome and Persia in Late Antiquity* (Cambridge, 2007), pp. 210–232.

¹⁸⁹ См. A. Sterk, 'Mission from Below: Captive Women and Conversion on the East Roman Frontiers', *Church History* 79.1 (2010), pp. 1–39.

обратился в веру после того, как был превращен в свинью, слонялся по полям и был излечен святым Григорием, который оказался брошен в змеиную яму за отказ почитать армянских богов. Григорий излечил Трдата, сделав так, чтобы его рыло, клыки и свиная кожа исчезли, а затем крестил благодарного монарха в Евфрате¹⁹⁰.

Трдат был не единственным влиятельным политиком, который обратился к христианству в этот период. В начале IV века эту веру принял Константин, один из наиболее влиятельных деятелей Рима. Решающий момент наступил во время гражданской войны, когда Константин победил своего соперника Максенция на Мильвийском мосту в Центральной Италии в 312 году нашей эры. Исследователи предполагают, что незадолго до этой битвы Константин смотрел в небо, увидел знак в форме креста прямо над солнцем и услышал слова: «Со знаком этим ты победишь». Полное значение произошедшего стало понятно после того, как он увидел сон, в котором ему явился Иисус и объяснил, что с помощью креста он победит всех своих врагов. По крайней мере, именно так многие предпочитали трактовать произошедшее¹⁹¹.

Христианские источники показывают, с каким энтузиазмом император взялся за развитие христианства за счет других религий. От одного из авторов мы узнаем, например, что новый город Константинополь не был «загрязнен алтарями, греческими храмами или языческими жертвоприношениями», зато обогащен «прекрасными домами молитвы, в которых Бог обещал благословить усилия императора»¹⁹². Другой автор утверждает, что известные центры отправления культов были закрыты императором, а оракулы и прорицатели, очень характерные для римской теологии, были запрещены. Обычные жертвоприношения перед официальными событиями также были объявлены вне закона, а языческие статуи были сброшены и тоже оказались под запретом¹⁹³. Историю, рассказанную последним автором, чтобы показать религиозное рвение Константина, невозможно понять неправильно.

Кстати, преобразования Константина были гораздо сложнее, чем описано в источниках при его жизни и вскоре после смерти. С одной стороны, принятие христианства большим количеством военных было дальновидным ходом, с другой – статуи, монеты и тексты, которые представляют Константина как верного защитника культа Непобедимого Солнца (*Sol Invictus*), говорят о том, что он больше сомневался в принятии новой религии, чем описывается в хвалебных речах. Кроме того, несмотря на то что многие утверждали обратное, империя не изменила свой облик в одночасье. Первые лица Рима, Константинополя и других городов продолжали следовать традиционным верованиям еще достаточно долго после того, как у императора наступило прозрение и он с энтузиазмом взялся за насаждение новой религии¹⁹⁴.

Тем не менее принятие Константином христианства привело к значительным изменениям в Римской империи. Гонения, которые достигли своего пика при правлении Диоклетиана всего десять лет назад, подошли к концу. Гладиаторские бои, которые долгое время являлись одним из основных развлечений римлян, были отменены из-за стойкого отвращения христиан к зрелищам, обесценивающим святость жизни. «Кровавые зрелища нам непри-

¹⁹⁰ О конверсии см. R. Thomson (ed. and tr.), *The Lives of St Gregory: The Armenian, Greek, Arabic and Syriac Versions of the History Attributed to Agathangelos* (Ann Arbor, 2010). W. Seibt, *Die Christianisierung des Kaukasus: The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania)* (Vienna, 2002), и M.-L. Chaumont, *Recherches sur l'histoire d'Arménie, de l'avènement des Sassanides à la conversion du royaume* (Paris, 1969), pp. 131–146.

¹⁹¹ Eusebius of Caesarea, *Bios tou megalou Konstantinou*, ed. F. Winkelmann, *Über das Leben des Kaisers Konstantin* (Berlin, 1992), 1.28–30, pp. 29–30. Об обращении Константина и в целом о ситуации в то время см. сборник эссе N. Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* (rev. edn, Cambridge, 2012).

¹⁹² Sozomen, *Ekklesiastike Historia*, ed. J. Bidez, *Sozomenus: Kirchengeschichte* (Berlin, 1995), 2.3, p. 52.

¹⁹³ Eusebius, *Bios tou megalou Konstantinou*, 2.44, p. 66.

¹⁹⁴ A. Lee, 'Traditional Religions', in Lenski, *Age of Constantine*, pp. 159–180.

ятны», – гласит отрывок из закона, выпущенного в 325 году и сохранившегося при более поздней кодификации имперского законодательства. «Мы (поэтому) полностью запрещаем само существование гладиаторов». Тех, кого раньше посылали на арену в наказание за совершенные преступления или за веру, которую они отказались отринуть, сейчас отправляли «работать в шахтах, чтобы они могли отбыть наказание за свои преступления, не проливая крови»¹⁹⁵.

Поскольку на поддержку развития христианства по всей империи тратилось огромное количество ресурсов, Иерусалим был выделен для проведения грандиозных строительных работ на щедрые пожертвования. Если Рим и Константинополь являлись административными центрами империи, то Иерусалим должен был стать духовным центром.

Некоторые части города разровняли, а земля, на которой стояли языческие храмы, была извлечена и отнесена как можно дальше, так как она была «запятнана, как будто на ней поклонялись дьяволу». При раскопках было найдено множество святынь, включая пещеру Рождества, которая была восстановлена, так же как «возродился Спаситель»¹⁹⁶.

Константин лично контролировал эти работы, указывая, какие материалы надлежит использовать во время постройки храма Гроба Господня. Император делегировал выбор тканей и настенных украшений, но хотел лично выбрать тип мрамора, который будет использоваться при возведении колонн. «Я хотел бы знать ваше мнение, – писал он Макарию, епископу Иерусалимскому, – стоит ли обшить потолок панелями или украсить совсем в другом стиле, и если обшить потолок панелями, следует ли украшать его золотом». «Такой выбор, – продолжал он, – требует личного одобрения»¹⁹⁷.

Знаменитые преобразования Константина положили начало новой главе в истории Римской империи. Хотя христианство и не стало государственной религией, послабления ограничений и наказаний открыли новые возможности для новой веры. Это были отличные новости для христиан на Западе, но привело к катастрофе для христианства на Востоке. Хотя Константин начал с постепенного обращения, при этом он использовал монеты с языческими изображениями и возвел в новом городе статую, изображающую его как Гелиоса-Аполлона, очень скоро он стал жестче¹⁹⁸. Вскоре он стал представлять себя как защитника христианства повсюду, за пределами Римской империи в том числе.

В 330-х годах стали распространяться слухи о том, что Константин собирается напасть на Персию, пользуясь тем, что при римском дворе просил политического убежища недовольный шахом его брат. Должно быть, персы сильно перенервничали, когда получили письмо от Константина, в котором говорилось, что он был очень рад узнать, что в «самых прекрасных провинциях Персии живет огромное количество людей, от имени которых я говорю; я имею в виду христиан». Правителю Персии Шапуру II он послал отдельное послание: «Я вверяю этих людей вам и вашей защите... относитесь к ним с добротой, и вы поймете, что их непоколебимая вера принесет пользу как вам, так и нам»¹⁹⁹. Это должно было стать добрым советом, но прозвучало как угроза.

¹⁹⁵ *Codex Theodosianus*, tr. C. Pharr, *The Theodosian Code and Novels and the Simondian Constitutions* (Princeton, 1952), 15.12, p. 436.

¹⁹⁶ Eusebius, *Bios tou megalou Konstantinou*, 3.27–8, p. 96.

¹⁹⁷ Там же, 3.31–2, p. 99.

¹⁹⁸ P. Sarris, *Empires of Faith* (Oxford, 2012), p. 22–23.

¹⁹⁹ Eusebius, *Vita Constantini*, 4.13, p. 125; перевод в Dodgeon and Lieu (eds), *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars A. D. 226–363: A Documentary History* (London, 1991), p. 152. Даты см. в G. Fowden, *Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity* (Princeton, 1993), pp. 94–99.

Незадолго до этого Рим раздвинул свои границы далеко в глубь персидской территории, и чтобы защитить новые приобретения, там были построены фортификационные сооружения и дороги²⁰⁰.

Когда царь Грузии, еще одного кавказского государства, имеющего коммерческую и стратегическую ценность, решился на крещение, которое, конечно же, было гораздо менее красочным, чем крещение Константина (царь просто узрел свет после того, как тьма поглотила его на охоте), беспокойство превратилось в панику²⁰¹. Воспользовавшись отсутствием Константина на Дунае, Шапур II предпринял внезапную атаку на Кавказе, сместив местного правителя и посадив на его место своего человека. Константин ответил незамедлительно и жестоко. Он собрал огромную армию и велел епископам сопровождать его. Была изготовлена точная копия Скинии, которая использовалась для размещения Ковчега Завета. Затем он объявил, что хочет провести карательную операцию в Персии и креститься в реке Иордан²⁰².

Амбиции Константина не имели пределов. Он заранее отчеканил новые монеты, давая своему племяннику новый королевский титул – правитель Персии²⁰³. После того как было перехвачено письмо Афрата, главы одного из крупных храмов возле Мосула, христианский мир всколыхнулся: «Благодать снизошла на людей божьих». Именно этого он ждал. Похоже, на Востоке могло появиться христианское царство. «Будьте уверены, – писал он в заключении, – чудовище будет убито в предназначенный час»²⁰⁴.

Персы готовились к яростному сопротивлению, и удача повернулась к ним лицом. Еще до начала похода Константин заболел и умер. Шапур II в отместку за агрессию Константина поспешил низвергнуть христианское население Персии в пучину ада. Подстрекаемый верхушкой зороастрийского культа, шах «жаждал крови святых»²⁰⁵. Очень многие стали мучениками, в одном из манускриптов из Эдессы упоминается о казни не меньше, чем шестидцати епископов и пятидесяти священников только в начале V века²⁰⁶. Христиане теперь рассматривались как пятая колонна, которая должна была открыть путь Римской империи в Персию с западной стороны. Епископов обвинили в подстрекательстве последователей шаха и его народа к бунту против царя, чтобы потом превратить их в рабов императора, который разделяет их веру²⁰⁷.

Кровавая баня стала результатом принятия Римом христианства. Гонения, учиненные шахом, напрямую были связаны с тем, что Константин продвигал Римскую империю под христианскими лозунгами. Идеи императора впечатляли таких людей, как Афрат, но они были слишком сложны для правителей Персии. До крещения Константина образ Римской империи был достаточно четким. Но теперь император и его последователи стремились защитить не только Рим и его жителей, но и всех христиан в целом. Эту карту можно было удачно разыграть дома, где диалог нужно было вести лишь с епископами и верующими. Для тех же, кто жил за пределами империи, эта идея обернулась сущей катастрофой, и все ее последствия испытали на себе жертвы Шапура II.

²⁰⁰ J. Eadie, 'The Transformation of the Eastern Frontier 260–305', in R. Mathisen and H. Sivan (eds), *Shifting Frontiers in Late Antiquity* (Aldershot, 1996), pp. 72–82; M. Konrad, 'Research on the Roman and Early Byzantine Frontier in North Syria', *Journal of Roman Archaeology* 12 (1999), pp. 392–410.

²⁰¹ Sterk, 'Mission from Below', pp. 10–11.

²⁰² Eusebius, *Vita Constantini*, 5.56, p. 143; 5.62, pp. 145–146.

²⁰³ T. Barnes, 'Constantine and the Christians of Persia', *Journal of Roman Studies* 75 (1985), p. 132.

²⁰⁴ Aphrahat, *Demonstrations*, M. – J. Pierre, *Aphraate le sage person: les exposés* (Paris, 1988–1989), no. 5.

²⁰⁵ J. Walker, *The Legend of Mar Qardagh: Narrative and Christian Heroism in Late Antique Iraq* (Berkeley, 2006), 6, p. 22.

²⁰⁶ См. в целом J. Rist, 'Die Verfolgung der Christen im spätkirchen Sasanidenreich: Ursachen, Verlauf, und Folgen', *Oriens Christianus* 80 (1996), pp. 17–42. Доказательства не без проблем интерпретации – S. Brock, 'Saints in Syriac: A Little-Tapped Resource', *Journal of East Christian Studies* 16.2 (2008), pp. 184–186.

²⁰⁷ J. Wiesehöfer, *Ancient Persia, 500 BC to 650 AD* (London, 2001), p. 202.

Парадоксально: Константин известен тем, что заложил основы христианства в Европе, однако нигде никогда не упоминается, какую цену пришлось заплатить, чтобы упасть в объятия новой религии. Будущее христианства на Востоке оказалось под угрозой. Вопрос заключался в следующем: сможет ли учение Христа пережить испытание, с которым ему пришлось столкнуться в Азии?

3. Путь к христианскому Востоку

С течением времени напряжение между Римом и Персией поутихло, и вместе с тем смягчилось отношение к религии. Это произошло потому, что в IV веке Рим был вынужден постоянно отступать и сражаться за выживание. В ходе целой серии кампаний, которые продолжались до самой смерти Шапура II в 379 году, Персии удалось занять ключевые позиции на торговых и коммуникационных путях, проходящих по Средиземноморью. Нусайбин и Синагра были восстановлены, а большая часть Армении – аннексирована. Хотя такая территорияальная перетряска способствовала тому, что враждебность поутихла, по-настоящему отношения Рима и Персии улучшились только тогда, когда они столкнулись с новыми испытаниями: беда надвигалась со стороны степи.

Начал меняться весь мир. В Европе это выразилось в том, что поднялся уровень моря, а в районе Северного моря разразилась эпидемия малярии. В Азии в начале IV века резко понизилось содержание соли в Аральском море, практически сменилась растительность степи (это стало понятно при изучении пыльцы в высоком разрешении), а движение льдов на Тянь-Шане привело к глобальным климатическим изменениям²⁰⁸.

Исходя из письма согдийского купца начала IV века, найденного недалеко от Дуньхуана на западе Китая, последствия были разрушительными. Торговец поведал коллегам, что продовольствия крайне мало, наступил голод, в результате торговцы понесли большой урон, который сложно описать словами. Такая ситуация наблюдалась по всему Китаю.

Император поджег дворец и сбежал из столицы, в то время как согдийские торговые общины вымерли, в основном от голода. «Не стоит даже и пытаться здесь торговать, – советовал автор, – здесь вам негде извлечь прибыль». По его свидетельству, города подвергались разграблению один за другим. Ситуация все больше напоминала конец света²⁰⁹.

Хаос создал прекрасные условия для объединения различных племен степняков. Эти люди населяли земли, связывающие Монголию с равнинами Центральной Европы, где власть определялась контролем над пастбищами и запасами свежей воды. В то время одно племя позиционировало себя как хозяев степи, сокрушая все на своем пути. Согдийские купцы называли архитекторов апокалипсиса – хwn. Это было племя хунну, более известное на Западе как гунны²¹⁰.

Примерно между 350 и 360 годами большая волна степняков покинула свои земли и двинулась на запад. По большей части это обосновывалось сменой климата, которая делала жизнь в степи исключительно суровой, полной борьбы и испытаний. Последствия ощущались от Бактрии на севере Афганистана до самой границы Рима в районе Дуная, где в больших количествах стали собираться беженцы, которые умоляли позволить им поселиться на имперских землях после того, как по мере продвижения гуннов их согнали с земель к северу

²⁰⁸ O. Knottnerus, 'Malaria in den Nordseemarschen: Gedanken über Mensch und Umwelt', in M. Jakubowski-Tiessen and J. Lorenzen-Schmidt, *Dünger und Dynamit: Beiträge zur Umweltgeschichte Schleswig-Holsteins und Dänemarks* (Neumünster, 1999), pp. 25–39; P. Sorrel et al., 'Climate Variability in the Aral Sea Basin (Central Asia) during the Late Holocene Based on Vegetation Changes', *Quaternary Research* 67.3 (2007), pp. 357–370; H. Oberhänsli et al., 'Variability in Precipitation, Temperature and River Runoff in W. Central Asia during the Past ~2000 Yrs', *Global and Planetary Change* 76 (2011), pp. 95–104; O. Savoskul and O. Solomina, 'Late-Holocene Glacier Variations in the Frontal and Inner Ranges of the Tian Shan, Central Asia', *Holocene* 6.1 (1996), pp. 25–35.

²⁰⁹ N. Sims-Williams, 'Sogdian Ancient Letter II', in A. Juliano and J. Lerner (eds), *Monks and Merchants: Silk Road Treasures from Northern China: Gansu and Ningxia 4th–7th Century* (New York, 2001), pp. 47–49. Также см. F. Grenet and N. Sims-Williams, 'The Historical Context of the Sogdian Ancient Letters', *Transition Periods in Iranian History, Studia Iranica* 5 (1987), pp. 101–122; N. Sims-Williams, 'Towards a New Edition of the Sogdian Letters', in E. Trembert and E. de la Vaissière (eds), *Les Sogdiens en Chine* (Paris, 2005), pp. 181–193.

²¹⁰ E. de la Vaissière, 'Huns et Xiongnu', *Central Asiatic Journal* 49.1 (2005), pp. 3–26.

от Черного моря. Ситуация очень быстро приобрела угрожающую нестабильность. Внушительная армия римлян, которая была призвана восстановить порядок, была разбита на равнинах Фракии в 378 году. Среди многочисленных жертв оказался и император Валент²¹¹. Оборона была прорвана, и степные племена ринулись в западные провинции империи, угрожая Риму. Ранее считалось, что земли у северной губы Черного моря и степи, простирающиеся далеко в глубь Азии, – сугубо варварские территории, где живут свирепые варвары и совершенно нет цивилизации и ресурсов. Римлянам и в голову не могло прийти использовать эти земли для создания артерий, которые бы соединяли Запад и Восток через Персию и Египет. Эти регионы специализировались на доставке в самое сердце Европы смерти и разрушения.

Персия также дрожала перед лицом степного катаклизма. Ее восточные провинции первыми сдались под натиском, города были опустошены, важные ирригационные системы пришли в упадок и были разрушены в ходе налетов²¹². Нападения через Кавказ были ужасающими, и в итоге из городов Месопотамии, Сирии и Малой Азии потянулись пленные и военные трофеи.

В 395 году в результате масштабной атаки были полностью опустошены города Тигра и Евфрата. Волна прошла до самого Ктесифона, столицы империи Сасанидов, и только тогда была отброшена²¹³.

Объединенные общим интересом отбросить орду варваров, Персия и Рим создали союз. Чтобы помешать кочевникам пройти через Кавказ, была построена внушительная стена длиной около 125 миль от Каспийского до Черного моря. Стена защищала Персию от посягательств и служила физическим барьером между миром порядка на юге и миром хаоса на севере. По всей длине стены были равномерно расположены форты, к тому же ее дополнительно защищал пятнадцатифутовый ров. Эта стена представляла собой чудо архитектурной мысли. Она была сложена из стандартизированных кирпичей, изготовленных в десятке печей, установленных тут же на месте. Сооружение было возведено при помощи 30 000 рабочих, которых разместили в гарнизонах, находящихся за стеной²¹⁴. Барьер был всего лишь одним из многих инновационных шагов, предпринятых Сасанидами, чтобы защитить северную границу Персии, а также уязвимые торговые точки, такие как Мерв. Эта локация стала бы первой жертвой при атаке через пустыню Каракумы (современный Туркменистан)²¹⁵.

Рим согласился не только оказывать финансовую поддержку при постройке персидской стены, но и поставлять солдат для ее защиты²¹⁶. В знак того, что в прошлом соперничество было довольно односторонним, император Гонорий в Константинополе назначил опекуном своего сына и наследника самого шаха²¹⁷.

Однако к тому времени для Рима было уже слишком поздно. Смещение диспозиции в степи к северу от Черного моря создало идеальный шторм, который привел к тому, что

²¹¹ P. Heather, *Empires and Barbarians* (London, 2009), pp. 151–188; A. Poulter, 'Cataclysm on the Lower Danube: The Destruction of a Complex Roman Landscape', in N. Christie (ed.), *Landscapes of Change: Rural Evolutions in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Aldershot, 2004), pp. 223–254.

²¹² Cf. F. Grenet, 'Crise et sortie de crise en Bactriane-Sogdiane aux IV^e – V^e s de n.è.: de l'héritage antique à l'adoption de modèles sassanides', in *La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei Convegni Lincei* 127 (Rome, 1996), pp. 367–390; de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 97–103.

²¹³ G. Greatrex and S. Lieu, *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, Part II, AD 363–630* (London, 2002), pp. 17–19; O. Maenchen-Helfen, *The World of the Huns* (Los Angeles, 1973), p. 58.

²¹⁴ Ученые долго спорили о датировании этого строения, J. Nokandeh et al., 'Linear Barriers of Northern Iran: The Great Wall of Gorgan and the Wall of Tammishe', *Iran* 44 (2006), pp. 121–173.

²¹⁵ J. Howard-Johnston, 'The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison', in A. Cameron, G. King and J. Haldon (eds), *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 3 vols (Princeton, 1992–1996), 3, pp. 190–197.

²¹⁶ R. Blockley, 'Subsidies and Diplomacy: Rome and Persia in Late Antiquity', *Phoenix* 39 (1985), pp. 66–67.

²¹⁷ Greatrex and Lieu, *Roman Eastern Frontier*, pp. 32–33.

граница империи на Рейне была сметена. В результате целой серии рейдов в конце IV века открылся доступ к западным провинциям Рима. Лидеры племен, одерживая победы, поднимали свой авторитет, а также получали богатую добычу. Это привлекало все новых и новых захватчиков, а также давало импульс к новым атакам. В то время как имперская армия старалась сдерживать натиск орды, по империи проходила одна волна за другой, сокрушая ее защиту. Это привело, в частности, к полному опустошению Галии. Ситуация стала еще хуже, когда Аларих, особенно успешный и амбициозный лидер, прошел вместе со своим племенем вестготов через Италию и разбил лагерь у стен Рима, чтобы запугать его жителей и взять город. Пока Сенат предпринимал отчаянные попытки исправить ситуацию, он устал от ожидания и в 410 году штурмовал и разгромил город²¹⁸.

Это событие получило резонанс по всему Средиземноморью. В Иерусалиме известие встретили с недоверием. «Голос дрогнул, и говоривший всхлипнул, – писал Иероним, – город, который покори́л весь мир, был покоре́н... Кто мог бы поверить в такое? Кто мог бы поверить, что Рим, город, который строился столетиями, чтобы покори́ть мир, пал, что мать народов стала могилой?»²¹⁹. Историк Иордан отмечал, оглядываясь назад на столетие, что по крайней мере город не был сожжен²²⁰.

Сожжен или нет, в любом случае западная часть Римской империи распалась. Вскоре Испания была разорена племенами аланов, родина которых находилась между Каспийским и Черным морем. Упоминания о них появились около двух столетий назад, когда они торговали соболями с китайцами²²¹. Еще одно племенное объединение – вандалы, которые были вытеснены гуннами, к 420 году добралось до римской Северной Африки и взяло под контроль стратегически важный город Карфаген, а также близлежащие провинции, которые снабжали большую часть империи кукурузой²²².

Как будто неприятностей было недостаточно, в середине V века племена тервингов, готов, аланов, вандалов, свевов, гепидов, неуров, бастарнов и многие другие, не говоря уже о гуннах, вошли в Европу под предводительством самого знаменитого лидера поздней античности – Атилы²²³. Появление гуннов вызвало ужас. Это «семя зла», писал один из римских авторов, они «особенно дикие». С самого детства они были натренированы существовать в условиях сильного холода, голода и жажды, они одевались в одежду из сшитых между собой шкурок мышей, они ели коренья и сырое мясо, лишь немного согретое между их бедер²²⁴. «Их совершенно не интересовало сельское хозяйство, – как отмечал другой автор, – все, что они хотели – воровать у своих соседей и порабощать их: они были похожи на волков»²²⁵. Гунны шрамировали щеки новорожденных мальчиков, чтобы предотвратить рост волос на лице. Они так много времени проводили верхом, что их тела деформировались, выглядели гротескно, они были похожи на животных, стоящих на задних лапах²²⁶.

²¹⁸ См. Heather, *Fall of the Roman Empire*, pp. 191–250.

²¹⁹ St Jerome, 'Ad Principiam', *Select Letters of St Jerome*, ed. and tr. F. Wright (Cambridge, MA, 1933), 127, p. 462.

²²⁰ Jordanes, *Getica*, 30, in *Iordanis Romana et Getica*, ed. T. Mommsen (Berlin, 1882), pp. 98–99.

²²¹ J. Hill, *Through the Jade Gate to Rome: A Study of the Silk Routes during the Late Han Dynasty, 1st to 2nd Centuries CE: An Annotated Translation of the Chronicle of the 'Western Regions' from the Hou Hanshu* (Charleston, NC, 2009).

²²² Sarris, *Empires of Faith*, pp. 41–43.

²²³ В документе начала четвертого века перечисляются племена, которые влились в Римскую империю, см. A. Riese (ed.), *Geographi latini minores* (Hildesheim, 1964), pp. 1280–1289. Другие примеры см. Sidonius Apollinaris, 'Panegyric on Avitus', in *Sidonius Apollinaris: Poems and Letters*, ed. and tr. W. Anderson, 2 vols (Cambridge, MA, 1935–1956), 1, p. 146.

²²⁴ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri XXX*, 31.2, 3, p. 382.

²²⁵ Priscus, *Testimonia*, fragment 49, ed. and tr. R. Blockley, *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus*, 2 vols (Liverpool, 1981–1983), 2, p. 356.

²²⁶ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri XXX*, 31.2, 3, p. 380.

Несмотря на то что было бы очень заманчиво не принимать во внимание их фанатизм, результаты изучения костных останков показывают, что гунны практиковали искусственную деформацию черепа у своей молодежи при помощи бандажа, который сглаживал лобную и затылочную доли черепа. Это приводило к тому, что форма головы становилась конической. Ужас наводило не только поведение гуннов, но и их внешность²²⁷.

Появление гуннов подвергло серьезной опасности восточную часть Римской империи, которая до этого была относительно защищена от набегов и разрушений, с которыми столкнулась Европа. Провинции Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта, в том числе и прекрасный Константинополь все еще были целы. Ни на что не надеясь, император Феодосий II окружил город огромным количеством стен, чтобы защитить его от нападения.

Эти стены и узкая полоска воды, отделяющая Европу от Азии оказались решающим фактором. Добравшись до северной части Дуная, Атила в течение пятнадцати лет опустошал Балканы, получая из Константинополя солидную дань в обмен на обещание не продвигаться дальше. Выжав из имперских властей все возможные ресурсы, он двинулся дальше на запад. В конце концов, его продвижение было остановлено не римской армией, а коалицией многочисленных давних врагов гуннов. Во время битвы на Каталунской равнине (сейчас это Центральная Франция) в 451 году Аттиле было нанесено поражение превосходящими силами народов степи. Вскоре после этого вождь гуннов умер во время брачной ночи, далеко не первой. Как вспоминал один из современников, после чрезмерного празднования он «лег, сморенный вином и сном», у него случилось кровоизлияние в мозг, и он умер во сне. «Таким образом, пьянство положило позорный конец царю, завоевавшему славу в битвах»²²⁸.

Сейчас модно говорить об эпохе перемен и непрерывности событий после разграбления Рима, а не описывать этот период как Темные века. Как, однако, отмечает один из ученых, влияние изнасилований, грабежей и анархии, которыми ознаменовался V век, когда готы, аланы, вандалы и гунны проходили по Европе и Северной Африке, сложно недооценить. Резко упал уровень грамотности, исчезло большое количество построек из камня, что является явным признаком упадка благосостояния и амбиций. Если раньше торговля шла даже между фабриками Туниса, которые поставляли керамику, и островом Айона в Шотландии, то теперь приходилось довольствоваться только местной торговлей, которая включала в себя только обмен мелкими товарами. Как показал замер количества загрязнений в полярных льдах Гренландии, объем выплавки металлов упал до уровня доисторических времен²²⁹.

Современники отчаянно пытались понять смысл творящегося вокруг крушения мирового порядка. «Почему (Бог) позволяет нам быть слабее и несчастнее, чем все эти племенные народы, – взывал христианский писатель V века Сальвиан. – Почему он позволил варварам завоевать нас? Почему он позволяет нашим врагам управлять нами?» Заключение, к которому он пришел, совсем простое: люди грешили, и Господь наказал их²³⁰. Другие авторы пришли к противоположным выводам. Как отмечал Зосима, византийский историк, который и сам был язычником, Рим правил миром, когда был верен своим языческим корням, когда же он отверг свою суть и обратился в новую веру, то сам стал творцом своего конца. И это, по его словам, не предположение, а факт²³¹.

²²⁷ D. Pany and K. Wiltshcke-Schrotta, 'Artificial Cranial Deformation in a Migration Period Burial of Schwarzenbach, Central Austria', *VIAVIAS* 2 (2008), pp. 18–23.

²²⁸ Priscus, *Testimonia*, fragment 24, 2, pp. 316–317. Об успехе гуннов см. Heather, *Fall of the Roman Empire*, pp. 300–348.

²²⁹ B. Ward-Perkins, *The Fall of Rome and the End of Civilization* (Oxford, 2005), p. 91ff.

²³⁰ Salvian, *Œuvres*, ed. and tr. C. Lagarrigue, 2 vols (Paris, 1971–1975), 2, 4.12. Перевод из E. Sanford (tr.), *The Government of God* (New York, 1930), p. 118.

²³¹ Zosimus, *Historias Neas*, ed. and tr. F. Paschoud, *Zosime, Histoire nouvelle*, 3 vols (Paris, 2000) 2.7, 1, pp. 77–79.

Падение Рима позволило христианам в Азии вздохнуть свободнее. Перед лицом опасности со стороны степи отношения с Персией улучшились. Христиане больше не выглядели угрожающе. Они были уже не столь убедительны, как столетие назад, когда Константин готовился напасть на Персию и освободить христиан. В 410 году по инициативе шаха Йездигерда I был проведен ряд встреч для того, чтобы определить статус христианской церкви в Персии и стандартизировать религиозные убеждения.

Здесь, так же как и на Западе, появились разные точки зрения относительно того, что имел в виду Иисус, как должны жить верующие и как они должны проявлять и исповедовать свою веру. Как уже отмечалось ранее, даже тексты Кирдира III века говорят о двух типах христиан – назарянах и христианах. Обычно под этими терминами понимались местные христиане, которые обратились к вере, и те, кто был выслан с территории Римской империи. Различия в обрядах и доктринах были постоянным источником проблем. И это неудивительно, учитывая, что в таких местах, как Рев-Ардашир в Фарсе, на юге Ирана, было две церкви, одна из которых проводила службы на греческом языке, а другая – на сирийском. Нередко соперничество перерастало в физическое насилие. Так, например, в городе Сузы (сейчас это юго-запад Ирана) соперничающие между собой епископы пытались свести счеты с помощью поединка²³². Усилия, предпринятые епископом Селевкии, одного из важнейших городов Персии, Ктесифона, направленные на установление порядка и единства всей христианской общины, были признаны неэффективными, а результаты удручающими²³³.

При условии, что шанс на спасение основывается на правильном вероисповедании, сглаживание всех противоречий раз и навсегда – чрезвычайно важный вопрос, который пытались решить отцы-основатели церкви с самого начала ее существования²³⁴. «Я повторяю еще раз то, что говорил ранее, – обращался апостол Павел к галатам, – если кто проповедует Евангелие не в том варианте, в каком получили вы, пусть он будет изгоем!» (Гал 1:9). В этом контексте все тексты Евангелия должны буквально «нести благую весть», чтобы разъяснить, кто есть сын божий, чему именно он учил, и систематизировать религиозные убеждения²³⁵.

Для того чтобы положить конец спорам, которые так беспокоили раннюю христианскую церковь на Западе, император Константин в 325 году созвал собор в Никее. На собор съехались епископы со всей империи. Приверженцы соперничающих интерпретаций, касающихся взаимоотношений Отца и Сына, одного из самых горячих вопросов, должны были решить свои разногласия. Собор рассмотрел вопросы структуры церкви, установил точную дату Пасхи и кодифицировал постулаты веры, которые до сих пор действуют в христианской церкви, принял Никейский символ веры. Константин был решительно настроен положить конец расколу и подчеркивал важность единства²³⁶.

Епископы из Персии и других регионов за пределами Римской империи не были приглашены на собор в Никее. В Персии в 410 и 424 годах были проведены свои соборы. На них еще раз была предпринята попытка решить вопросы, ответы на которые пытались найти западные коллеги. Эти встречи состоялись при поддержке шаха, которого в одном из источников описывали как «победоносного царя царей, на которого полагается церковь». Шах,

²³² Asmussen, 'Christians in Iran', pp. 929–930.

²³³ S. Brock, 'The Church of the East in the Sasanian Empire up to the Sixth Century and its Absence from the Councils in the Roman Empire', *Syriac Dialogue: First Non-Official Consultation on Dialogue within the Syriac Tradition* (Vienna, 1994), 71.

²³⁴ A. Cameron and R. Hoyland (eds), *Doctrine and Debate in the East Christian World 300–1500* (Farnham, 2011), p. xi.

²³⁵ W. Barnstone, *The Restored New Testament: A New Translation with Commentary, Including the Gnostic Gospels of Thomas, Mary and Judas* (New York, 2009).

²³⁶ N. Tanner, *The Decrees of the Ecumenical Councils*, 2 vols (Washington, DC, 1990), 1; A. Cameron, *The Later Roman Empire, AD 284–430* (London, 1993), pp. 59–70.

как и Константин, хотел получать выгоду от поддержки христианских общин, а не вмешиваться в их разборки²³⁷.

Источники, содержащие результаты обсуждений, не очень надежны и отражают последующую борьбу между престолом и клириками. Тем не менее сама организация церкви говорит о том, что важные решения все-таки были приняты. Якобы было решено, что архиепископ Селевкии Ктесифон должен «возглавлять нас и править всеми нами и всеми братьями епископами по всей (персидской) империи» (хотя и наблюдались значительные разногласия и неприязнь)²³⁸. В рамках соборов обсуждался важный вопрос о механике работы и должностных назначениях, чтобы избежать двойной иерархии в тех местах, в которых проживали представители противоборствующих воззрений.

Были определены даты важных церковных праздников и в то же время постановлено, что обычную практику обращения к «западным епископам» за советом и покровительством пора прекратить, так как это подрывает авторитет руководства церкви на Востоке²³⁹. Наконец, символ веры и каноны собора в Никее были приняты наряду с другими соглашениями, которые были достигнуты в ходе последующих сборов западных синодов в промежуточный период²⁴⁰.

Это должен был быть решающий момент, когда мышцы и мозг христианской религии должны были соединиться и образовать единый организм, простирающийся от Атлантики до Гималаев, с двумя полностью функционирующими руками с центрами в Риме и Персии – двумя великими империями поздней античности, работающими синхронно. При имперской поддержке в Риме и все более возрастающей поддержке персидских властей была заложена мощная основа, опираясь на которую христианство могло стать доминирующей религией не только в Европе, но и в Азии. Однако вместо этого вспыхнули внутренние распри.

Те епископы, которые считали, что эти попытки подрывают устои христианства, обвиняли церковное руководство не только в том, что его представители недостаточно образованы, но и в том, что они не были должным образом рукоположены. Затем начались проблемы, вызванные внезапной вспышкой воинственности христиан. Некоторые зороастрийские храмы огня были разгромлены. Это, в свою очередь, поставило шаха перед необходимостью поиска компромисса. Ему пришлось занять не ту позицию, которую диктовала его вера, а ту, которой придерживалась аристократия. И это нанесло мощный удар по христианству. Вместо того чтобы войти в золотой век, христианская церковь снова впала в немилость и ее последователей стали преследовать²⁴¹.

Яростные споры клириков были характерны для раннего периода становления христианской церкви. Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский IV века и один из лучших ученых раннехристианского периода, описал, как на него наорали его противники. «Недоброжелатели кричали как гигантская стая ворон», – писал он. Когда они накинулись на него, создалось впечатление, что он попал в центр песчаной бури или же подвергся нападению животных: «Они похожи на рой ос, летящих в лицо»²⁴².

²³⁷ См. P. Wood, *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq* (Oxford, 2013), pp. 23–24.

²³⁸ S. Brock, 'The Christology of the Church of the East in the Synods of the Fifth to Early Seventh Centuries: Preliminary Considerations and Materials', in G. Dagras (ed.), *A Festschrift for Archbishop Methodios of Thyateira and Great Britain* (Athens, 1985), pp. 125–142.

²³⁹ Baum and Winkler, *Apostolische Kirche*, pp. 19–25.

²⁴⁰ Synod of Dadjesus, *Synodicon orientale, ou Recueil de synods nestoriens*, ed. J. Chabot (Paris, 1902), pp. 285–298; Brock, 'Christology of the Church of the East', pp. 125–142; Brock, 'Church of the East', pp. 73–74.

²⁴¹ Wood, *Chronicle of Seert*, pp. 32–37.

²⁴² Gregory of Nazianzus, *De Vita Sua*, in D. Meehan (tr.), *Saint Gregory of Nazianzus: Three Poems* (Washington, DC, 1987), pp. 133–135.

Момент для разлада был выбран неудачно. Горькая вражда назревала уже некоторое время между Нестором, патриархом Константинопольским, и Кириллом, патриархом Александрийским, по вопросам божественной и человеческой природы Иисуса. Такие дебаты велись далеко не всегда честно. Кирилл был прирожденным политиком, безжалостным в своих методах. Для достижения победы и отстаивания своих позиций он щедро давал взятки влиятельным лицам и их женам в виде богатых ковров, кресел из слоновой кости, дорогих скатертей и денег²⁴³.

Некоторые клирики решили, что сам спор и методы решения вопроса сбивают с толку. Они считали, что проблема кроется в некачественном переводе с греческого на сирийский термина, описывающего воплощение. Хотя по большей части спор касался борьбы за власть между церковными иерархами и авторитета, который автоматически получит тот, чья доктрина будет принята. Столкновение произошло при обсуждении статуса Богородицы. По мнению Нестора, ее следовало называть не так (та, что носит Бога), а дать ей имя Христотокос (та, что носит Христа). Это подчеркивало бы человеческую сущность Иисуса²⁴⁴.

Пережитый и побежденный Кириллом, Нестор был низложен. Это сильно дестабилизировало церковь. Епископы поспешно меняли точку зрения, склоняясь как в одну, так и в другую сторону. Решения, принятые на одном соборе, могли быть оспорены на следующем. Противники активно лоббировали свои интересы. Значительная часть споров касалась двойной природы Иисуса Христа – божественной и человеческой, а именно того, как связаны эти две составляющие его сущности. Точные взаимоотношения Иисуса и Бога также были предметом ожесточенных споров: был ли Иисус творением господина и подчинялся ему, или был его проявлением, соответственно, равным ему и таким же вечным. Ответы на эти вопросы были изложены на соборе в Халкидоне в 451 году, там же было установлено правильное определение веры, которое должно было использоваться по всему христианскому миру. Любой, кто был не согласен с таким решением, тут же отлучался от церкви²⁴⁵. Реакция восточной церкви была яростной.

По мнению восточных епископов, это новое учение было не только неверным, но и буквально еретическим. Поэтому был разработан измененный «символ веры», который четко разделял божественную и человеческую натуру Иисуса. Всем, кто «исповедовал другую точку зрения, что страдания определили божественную сущность Иисуса», угрожали вечным проклятием²⁴⁶. В спор оказался втянут император.

Он закрыл школу в Эдессе, которая стала центром христианского Востока. Здесь пользовались текстами о жизни святых не только на сирийском языке, но и на арамейском диалекте, который был в ходу в Эдессе, и на ряде других языков, например персидском и согдийском²⁴⁷. В отличие от Средиземноморья, где языком христиан был греческий, на Востоке с самого начала церковь понимала, что, если она хочет привлечь новых адептов, ее материалы должны быть понятны и доступны различным слоям населения.

Заккрытие школы в Эдессе только усугубило разлад между западной и восточной церквями, во многом из-за того, что большая часть ученых была изгнана с территории империи и

²⁴³ Св. Кирилл Александрийский, письмо Павлу Префекту, in J. McEnerney (tr.), *Letters of St Cyril of Alexandria*, 2 vols (Washington, DC, 1985–1987), 2, 96, pp. 151–153.

²⁴⁴ S. Brock, 'From Antagonism to Assimilation: Syriac Attitudes to Greek Learning', in N. Garsoian, T. Mathews and T. Thomson (eds), *East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period* (Washington, DC, 1982), pp. 17–34; также то же самое – 'Christology of the Church of the East', pp. 165–173.

²⁴⁵ R. Norris, *The Christological Controversy* (Philadelphia, 1980), pp. 156–157.

²⁴⁶ Brock, 'Christology of the Church of the East', pp. 125–142; также см. Baum and Winkler, *Apostolische Kirche*, pp. 31–34.

²⁴⁷ F.-C. Andreas, 'Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen aus der Sassanidenzeit', *Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften* (1910), pp. 869–872; J. Asmussen, 'The Sogdian and Uighur-Turkish Christian Literature in Central Asia before the Real Rise of Islam: A Survey', in L. Hercus, F. Kuiper, T. Rajapatirana and E. Skrzypczak (eds), *Indological and Buddhist Studies: Volume in Honour of Professor J. W. de Jong on his Sixtieth Birthday* (Canberra, 1982), pp. 11–29.

им пришлось искать убежища в Персии. С течением времени это стало настоящей проблемой, так как император в Константинополе, по общему мнению, должен был поддерживать православную доктрину и расправляться с девиантными и еретическими учениями. В 532 году после периода нестабильности и конфликтов на Кавказе был заключен мирный договор с Персией. Один из его пунктов гласил: персидские чиновники должны были следить за епископами и священниками и брать под стражу тех из них, чьи взгляды не совпадали с принятыми на соборе в Халкидоне и чья деятельность была признана вредоносной римскими властями²⁴⁸.

Примирить две враждующие стороны в рамках религиозного спора – неблагоприятное занятие, и это наглядно продемонстрировал император Юстиниан. Его неоднократно пытались привлечь на свою сторону обе группы участников конфликта. В 553 году был созван Всемирный собор, чтобы после целого периода упреков собрать как можно больше священнослужителей разных рангов и найти путь к решению проблем²⁴⁹. Тексты, написанные после смерти Юстиниана, показывают, что его попытки найти точки соприкосновения были замечены: «Посеяв всюду, где только можно, смуту, при завершении жизни он перешел в самое ужасное место для отбывания наказаний – в ад»²⁵⁰. Другие императоры, стремясь заглушить какофонию упреков, просто запретили обсуждение религиозных проблем²⁵¹.

В то время как западная церковь была одержима искоренением неугодных взглядов, восточная решила осуществить одну из самых амбициозных миссионерских программ с далеко идущими планами. По масштабу ее можно сравнить с более поздней евангелизацией Америки и Африки.

Христианство распространилось еще на два региона абсолютно без всякой политической поддержки. Перечень мучеников в южной части Аравийского полуострова показывает, насколько далеко протянулись шупальца этой религии, а также доказывает тот факт, что король Йемена стал христианином²⁵². Когда в 550 году грекоговорящий путешественник посетил Шри-Ланку, он обнаружил там сложившуюся общину христиан под руководством священнослужителей, назначаемых «из Персии»²⁵³.

К большому удивлению чиновников из Константинополя, прибывших за заложниками в рамках мирного соглашения, они обнаружили у некоторых степняков на лбу изображение креста черного цвета. Христианство дошло даже до кочевых народов степи. На вопрос, как же это произошло, они ответили, что, когда на их земли пришла чума, несколько христиан, которые оказались среди них, предложили сделать это (для получения божественной защиты) и с тех пор на их земле царит спокойствие²⁵⁴.

²⁴⁸ Sarris, *Empires of Faith*, p. 153.

²⁴⁹ О совете 553 – R. Price, *The Acts of the Council of Constantinople of 553: Edited with an introduction and notes*, 2 vols (Liverpool, 2009). Сирийский текст с переводом – S. Brock, 'The Conversations with the Syrian Orthodox under Justinian (532)', *Orientalia Christiana Periodica* 47 (1981), pp. 87–121, и S. Brock, 'Some New Letters of the Patriarch Severus', *Studia Patristica* 12 (1975), pp. 17–24.

²⁵⁰ Evagrius Scholasticus, *Ekklesiastike historia*, 5.1, *Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus*, tr. M. Whitby (Liverpool, 2005), p. 254.

²⁵¹ О компиляции текстов и датах см. R. Lim, *Public Disputation: Power and Social Order in Late Antiquity* (Berkeley, 1991), p. 227.

²⁵² Sterk, 'Mission from Below', pp. 10–12.

²⁵³ О 300 мучениках Наджрана см. I. Shahid, 'The Martyrdom of Early Arab Christians: Sixth Century Najran', in G. Corey, P. Gillquist, M. Mackoul et al. (eds), *The First One Hundred Years: A Centennial Anthology Celebrating Antiochian Orthodoxy in North America* (Englewood, NJ, 1996), pp. 177–180. О путешествии Козьмы Индикоплова см. S. Faller, *Taprobane im Wandel der Zeit* (Stuttgart, 2000); H. Schneider, 'Kosmas Indikopleustes, Christliche Topographie: Probleme der Überlieferung und Editions-geschichte', *Byzantinische Zeitschrift* 99.2 (2006), pp. 605–614.

²⁵⁴ *The History of Theophylact Simocatta: An English Translation with Introduction and Notes*, ed. and tr. M. Whitby and M. Whitby (Oxford, 1986), 5.10, p. 147.

К середине VI века архиепископства проникли далеко в глубь Азии. В городах Азии, таких как Басра, Мосул и Тикрит, процветало христианское население. Уровень евангелизации был таков, что в городе Кох рядом с Ктесифоном располагалось не менее пяти епархий²⁵⁵. В таких городах, как Мерв, Гундешапур и даже Кашгар, город-оазис, который располагался прямо у «входа» в Китай, архиепископства возникли еще до того, как они появились в Кентербери. Эти города стали крупными христианскими центрами еще до того, как миссионеры добрались до Польши и Скандинавии. Самарканд и Бухара (современный Узбекистан) также стали домом для христианских общин за тысячелетие до того, как христианство добралось до Америки²⁵⁶. На самом деле даже в Средние века в Азии было гораздо больше христиан, чем в Европе²⁵⁷. В конце концов, Багдад находится ближе к Иерусалиму, чем к Афинам, Тегеран ближе к Святой земле, чем Рим, а Самарканд ближе к ней, чем Париж и Лондон. Однако успех христианства на Востоке давно позабыт.

Расширение христианства во многом обусловлено терпением и ловкостью Сасанидов – правителей Персии, которые смогли проводить инклюзивную политику и одновременно усмирить аристократию и зороастрийских священнослужителей. Такой примирительной политики придерживался Хосров I (531–579 годы). Он много общался с иноземными учеными и стал известен в Константинополе как «ценитель литературы и начинающий философ», однако у некоторых авторов это вызывало недоверие. «Мне кажется невероятным, – писал историк Агафий, – что он может быть настолько хорош. У него грубый, примитивный язык, как же он может понять нюансы философии?»²⁵⁸.

Ко второй половине VI века встречи восточной церкви стали начинаться с искренней молитвы о здоровье правителя Персии. Вскоре после этого шах организовал выборы нового патриарха. Он призвал всех епископов прибыть в его владения: «Приезжайте так быстро, как сможете... чтобы выбрать нового лидера и правителя... под его управлением будет каждый алтарь, каждая церковь Господа нашего в империи персов»²⁵⁹. Из гонителя христиан этот представитель династии Сасанидов превратился в их ревностного защитника.

Отчасти это было результатом возрастания уверенности персов, подпитываемой регулярными выплатами со стороны властей Константинополя, военные и политические интересы которых сдвинулись в сторону решения других проблем. Страсти в степи улеглись, и внимание Рима сосредоточилось на стабилизации и восстановлении провинций в Средиземноморье, которые были разгромлены. V и VI века были эпохой роста благосостояния Персии. Религиозная терпимость шла рука об руку с экономическим ростом. В Персии появилось великое множество новых городов. Правительство тратило налоги на развитие в них инфраструктуры²⁶⁰. Обширная ирригационная программа, прежде всего реализуемая в Хузистане и Ираке, в рамках которой строились или значительно удлинялись системы водоснабжения, позволила развивать сельское хозяйство. Разветвленная бюрократическая сеть обеспечивала плавное управление всей Центральной Азией из Леванта²⁶¹. Это был период максимальной централизации государства Сасанидов²⁶².

²⁵⁵ См. Wood, *Chronicle of Seert*, p. 23.

²⁵⁶ B. Spuler, *Iran in früh-Islamischer Zeit* (Wiesbaden, 1952), pp. 210–213; P. Jenkins, *The Lost History of Christianity* (Oxford, 2008), pp. 14, 53; также см. S. Moffett, *A History of Christianity in Asia*, 2 vols (San Francisco, 1998); J. Asmussen, 'Christians in Iran', pp. 924–948.

²⁵⁷ A. Atiya, *A History of Eastern Christianity* (London, 1968), p. 239ff.

²⁵⁸ Agathias, *Historion*, 2.28, *Agathias: Histories*, tr. J. Frendo (Berlin, 1975), p. 77.

²⁵⁹ О молитвах см. Brock, 'Church of the East', p. 76; о выборах – Synod of Mar Gregory I, *Synodicon orientale*, p. 471.

²⁶⁰ T. Daryaee (ed. and tr.), *Šahrestānīhā-ī Ērānšahr: A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History* (Costa Mesa, CA, 2002).

²⁶¹ M. Morony, 'Land Use and Settlement Patterns in Late Sasanian and Early Islamic Iraq', in Cameron, King and Haldon, *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 2, pp. 221–229; F. Rahimi-Laridjani, *Die Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft im Iran bis Sasanidisch-frühislamische Zeit* (Weisbaden, 1988); R. Gyselen, *La géographie administrative de l'empire sasanide: les*

Контроль достиг такого уровня, что было зафиксировано положение каждого торговца на рынках и базарах Персии. Один из текстов того периода показывает, как были организованы и как регулировались торговые гильдии, а также то, что инспекторы всегда были готовы проконтролировать качество и подсчитать долю выручки, причитающуюся для выплаты в казну²⁶³. Богатство росло, увеличивались масштабы междугородней торговли предметами роскоши. При раскопках было обнаружено огромное количество печатей, использовавшихся для маркировки импортных и экспортных товаров. Также в тот период оформляли соответствующим образом и регистрационные документы, и контракты²⁶⁴. Товары доставляли из Персидского залива, Каспия и Индии, а отправляли в основном в Индию по суше или по морю. Резко возрос уровень обмена с Шри-Ланкой и Китаем, а также с Восточным Средиземноморьем²⁶⁵. Сасаниды обращали пристальное внимание на все, что творилось в их государстве и за его пределами.

Значительную часть торговли регулировали согдийские купцы, знаменитые своими караванами, деловой хваткой и тесными семейными связями, которые позволяли им торговать в основных торговых артериях Центральной Азии, ведущих в Синьцзян и Западный Китай. В начале XX века Аурель Стейн обнаружил интересную подборку писем на сторожевой башне возле Дуньхуана. В них отражены принципы ведения торговли согдийскими купцами, а также перечислены проданные и купленные товары. Кроме всего прочего, в бумагах упоминались золотые и серебряные украшения, такие как заколки для волос, и прекрасно сделанные сосуды, а также пенька, лен, сукно, шафран, перец и камфора. Однако специализировались согдийцы на торговле шелком²⁶⁶. Согдийские купцы стали тем клеем, который соединил города, оазисы и целые регионы. Они сыграли важную роль в том, что китайский шелк попал в Средиземноморье. Там его высоко оценили сам император Рима и местная элита. Точно так же товары двигались в обратном направлении. Монеты, отчеканенные в Константинополе, были найдены по всей Центральной Азии, включая Китай, вместе с предметами престижа: например, серебряный кувшин, на котором изображены сцены Троянской войны, был захоронен в середине VI века со своим могущественным владельцем Ли Сянем²⁶⁷.

Поскольку религии постоянно взаимодействовали, они неизбежно перенимали друг у друга некоторые черты. Хотя отследить такие заимствования очень сложно, можно заметить, что нимб стал общей чертой для индуизма, буддизма, зороастризма и христианства как средство выражения в изобразительном искусстве. Так изображалась связь между земным и божественным, нимб выступал маркером божественного сияния, которое немало значило во

témoignages sigillographiques (Paris, 1989).

²⁶² P. Pourshariati, *Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran* (London, 2009), pp. 33–60. Также см. Z. Rubin, 'The Reforms of Khusro Anushirwān', in Cameron, *Islamic Near East*, 3, pp. 225–297.

²⁶³ A. Taffazoli, 'List of Trades and Crafts in the Sassanian Period', *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 7 (1974), pp. 192–196.

²⁶⁴ R. Frye, 'Sasanian Seal Inscriptions', in R. Stiehl and H. Stier, *Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben*, 2 vols (Berlin, 1969–1970), 1, pp. 79–84; J. Choksy, 'Loan and Sales Contracts in Ancient and Early Medieval Iran', *Indo-Iranian Journal* 31 (1988), p. 120.

²⁶⁵ Daryaei, 'Persian Gulf Trade', 1–16.

²⁶⁶ E. de la Vaissière, *Histoire des marchands sogdiens* (Paris, 2002), pp. 155–161, 179–231. N. Sims-Williams, 'The Sogdian Merchants in China and India', in Cadonna and L. Lanciotti (eds), *Cina e Iran: da Alessandro Magno alla dinastia Tang* (Florence, 1996), pp. 45–67; J. Rose, 'The Sogdians: Prime Movers between Boundaries', *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 30.3 (2010), 410–419.

²⁶⁷ F. Thierry and C. Morisson, 'Sur les monnaies Byzantines trouvées en Chine', *Revue numismatique* 36 (1994), pp. 109–145; L. Yin, 'Western Turks and Byzantine Gold Coins Found in China', *Transoxiana* 6 (2003); B. Marshak and W. Anazawa, 'Some Notes on the Tomb of Li Xian and his Wife under the Northern Zhou Dynasty at Guyuan, Ningxia and its Gold-Gilt Silver Ewer with Greek Mythological Scenes Unearthed There', *Cultura Antiqua* 41.4 (1989), pp. 54–57.

всех указанных религиях. Прекрасный памятник в Таки-Бустане (современный Ирак) изображает правителя верхом на лошади в окружении крылатых ангелов и с нимбом над головой. Эту сцену узнают последователи всех крупных религий этого региона. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении поз. Буддистская мудра витарка – большой палец одной руки соприкасается с указательным, в то время как остальные пальцы могут быть отставлены, – была перенята другими религиями, чтобы продемонстрировать связь с божественным, и стала особенно популярна среди христианских художников²⁶⁸.

Христианство распространялось по торговым путям, но его успех нельзя назвать неоспоримым. Центр мира всегда был переполнен верованиями, идеями, религиями, которые, с одной стороны, имели нечто общее, а с другой – постоянно сталкивались друг с другом. Борьба за духовное лидерство стала особенно напряженной.

Напряжение в отношениях издавна наблюдалось между христианством и иудаизмом. Лидеры обеих религий стремились максимально отделиться друг от друга. Так, например, христианство в большинстве случаев запрещало браки между родственниками, а дата Пасхи специально была выбрана так, чтобы не совпадать с празднованием праздника Песах²⁶⁹. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, в начале четвертого столетия говорил о том, что литургии должны быть более захватывающими, так как христианам достаточно сложно конкурировать с театральностью синагоги, ее барабанами, лирами, арфами и другими музыкальными инструментами, призванными развлекать во время богослужения, в то время как актеры и танцоры оживляют происходящее²⁷⁰.

Лидеры иудеев, со своей стороны, не питали энтузиазма по поводу новообращенных. «Не верю новообращенным, – заявлял знаменитый раввин Хия Великий, – пока не пройдут двадцать четыре поколения, а до того зло еще сильно в них». «Новообращенные раздражают и досаждают как болячки», – отмечал Хелбо, другой влиятельный раввин²⁷¹. Отношение иудеев к христианам было особенно жестким в Персии, в основном из-за их набегов. Это становится ясно из Вавилонского талмуда – собрания текстов, касающихся интерпретации раввинами законов евреев. В отличие от Палестинского талмуда, в котором Иисус упоминается вскользь, Вавилонское издание демонстрирует крайне неодобрительную позицию касательно христиан. Здесь содержится множество нападок на доктрины, события и персонажей, описанных в Евангелии. Непорочное рождение, например, высмеяли и сравнили с родами у осла, в то время как историю о Воскрешении безжалостно исковеркали. Подробное жизнеописание Иисуса включало пародии на многие сцены из Нового Завета и прежде всего Евангелия от Иоанна. Все это показывает, насколько угрожающие масштабы имело продвижение христианства. Систематически осуществлялись попытки объявить Иисуса лжепророком, а также объявить о законности его распятия и тем самым снять с евреев всю вину и ответственность. Такая бурная реакция была попыткой противостоять успехам христианства, которых оно достигало за счет иудаизма²⁷².

Таким образом, было очень важно, чтобы существовали регионы, в которых преуспевал бы иудаизм. В царстве Химьяр в юго-западной части Аравийского полуострова, там, где

²⁶⁸ D. Shepherd, 'Sasanian Art', in *Cambridge History of Iran*, 3.2, pp. 1085–1086.

²⁶⁹ О Пасхе – Eusebius, *Vita Constantini*, 3.18, p. 90. Примеры законодательства в отношении смешанных браков – *Codex Theodosianus*, 16.7, p. 466; 16.8, pp. 467–468.

²⁷⁰ L. Feldman, 'Proselytism by Jews in the Third, Fourth and Fifth Centuries', *Journal for the Study of Judaism* 24.1 (1993), pp. 9–10.

²⁷¹ Там же, p. 46.

²⁷² P. Schäfer, *Jesus in the Talmud* (Princeton, 2007); P. Schäfer, M. Meerson and Y. Deutsch (eds), *Toledot Yesu ('The Life Story of Jesus') Revisited* (Tübingen, 2011).

сейчас находятся Саудовская Аравия и Йемен, еврейские общины стали особенно заметны. Это подтвердили недавние находки, сделанные в синагоге IV века в Кане²⁷³.

Действительно, в Химьяре иудаизм был принят в качестве государственной религии. И принят он был с энтузиазмом. К концу V века христиане, включая священников, монахов и епископов, регулярно становились здесь мучениками за веру по приговору совета раввинов²⁷⁴.

Неумелая эфиопская военная экспедиция на побережье Красного моря, проведенная в самом начале VI столетия, целью которой было сместить правителя-иудея и посадить на его место христианскую марионетку, окончилась жестокими репрессиями и попытками уничтожить всех христиан в царстве. Церкви были разрушены и превращены в синагоги. Сотни христиан были арестованы и казнены. Так, например, 200 христиан, которые спрятались в храме, были просто сожжены заживо. Все это было воспринято царем с ликованием. Он разослал множество писем по всей Аравии, радуясь тому, какое страдание он причинил²⁷⁵.

Зороастрийские священники также отреагировали на успехи христиан в империи Сасанидов, особенно после нескольких случаев смены религии правящей элитой. Это выразилось в серии агрессивных нападений на христианские общины, включая случаи мученичества²⁷⁶. В свою очередь, христиане начали распространять истории с моралью. Одной из самых известных стала история о Кардахе, блестящем молодом человеке, который охотился как персидский царь, мог вести дискуссии наравне с греческими философами, но оставил перспективную карьеру губернатора, чтобы принять христианство. Юноша был приговорен к смерти и бежал из плена, но затем увидел сон, смысл которого гласил, что лучше умереть за свою веру, чем сражаться. Его казнь, во время которой его отец бросил в него первый камень, была увековечена в прекрасной, длинной истории, целью которой было воодушевить тех, кто стал бы искать утешения в христианстве²⁷⁷.

Частично успех христианства объясняется энергичной работой евангельской миссии. Энтузиазм ее представителей, правда, был приправлен долей реализма. Тексты, датированные началом VII века, описывают, что священнослужители трудились в поте лица, чтобы согласовать свои идеи с буддистскими, если не в виде выжимки, то по крайней мере в виде отдельных, упрощенных идей. Образ Святого духа, как писал один из миссионеров, добравшихся до Китая, абсолютно соответствовал тому, во что уже верили местные: «Все воплощения Будды витают повсюду вместе с порывами ветра (так же как и Святой дух), и нет в целом мире места, куда ветру нет доступа». Точно так же, продолжал он, Бог отвечал за бессмертие и вечное счастье с сотворения мира. Таким образом, человек всегда будет чтить Будду²⁷⁸. Христианство не просто было совместимо с буддизмом, честно говоря, оно и было буддизмом.

Были предприняты попытки кодифицировать слияние буддистских и христианских идей, создавая новое евангелие, которое было способно просто и доступно объяснить сложные догмы и в то же время содействовало дальнейшему продвижению христианства в Азии. В таком философском подходе проявляется теологическая логика, которую обычно назы-

²⁷³ G. Bowersock, 'The New Greek Inscription from South Yemen', in A. Sedov and J. – F. Salles (eds), *Qāni': le port antique du Ḥaḥramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde: fouilles russes 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994* (Turnhout, 2013), pp. 393–396.

²⁷⁴ J. Beaucamp, F. Briquel-Chatonnet and C. Robin (eds), *Juifs et chrétiens en Arabie aux V^e et VI^e siècles: regards croisés sur les sources* (Paris, 2010); C. Robin, 'Joseph, dernier roi de Himyar (de 522 à 525, ou une des années suivantes)', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 34 (2008), pp. 1–124.

²⁷⁵ G. Bowersock, *The Throne of Adulis: Red Sea Wars on the Eve of Islam* (Oxford, 2013), pp. 78–91.

²⁷⁶ Brock, 'Church of the East', p. 73.

²⁷⁷ Walker, *The Legend of Mar Qardagh*; text, pp. 19–69.

²⁷⁸ Y. Saeki, *The Nestorian Documents and Relics in China* (2nd edn, Tokyo, 1951), pp. 126–127; D. Scott, 'Christian Responses to Buddhism in Pre-Medieval Times', *Numen* 32.1 (1985), pp. 91–92.

вают гностицизмом. Утверждалось, что проповеди должны быть понятны широким слоям населения, в них должны использоваться общедоступные культурные ориентиры и язык, чтобы донести свою мысль²⁷⁹. Неудивительно, что христианство нашло отклик у народа: эти идеи были понятны и знакомы многим.

Другие культы, верования и секты также извлекли из этого пользу. Учение Маздака, харизматичного проповедника, оказалось чрезвычайно популярно в конце V – начале VI века. Конечно же, на его последователей обрушилась резкая критика христиан и зороастрийцев. Мироощущение и практики учения Маздака, начиная с того, что его последователи ели, и заканчивая их предполагаемой приверженностью к групповому сексу, всячески поносили. Кстати, согласно изученным материалам, Маздак проповедовал аскетичный образ жизни, который имел значительные расхождения с буддистским отношением к богатству и хорошо отлаженным христианским аскетизмом²⁸⁰.

В такой конкурентной духовной среде было очень важно защитить свою интеллектуальную и физическую территорию. Китайский путешественник, который проезжал через Самарканд в VI веке, отметил, что местное население очень негативно относится к принятию закона Будды и буквально «огнем» гонит любого буддиста, который захотел бы просить у них убежища²⁸¹. В этом конкретном случае холодная встреча не имела тяжелых последствий. Посетителю было позволено провести встречу, и, в конце концов, благодаря своей харизме, силе убеждения и хорошим аргументам он сумел убедить некоторых жителей обратиться в буддизм²⁸².

Лишь немногие понимали важность обнаружения предметов культа больше, чем буддисты. Еще один китайский паломник, который добрался до Центральной Азии в поисках текстов на санскрите для их дальнейшего изучения, с удивлением смотрел на священные реликвии, которым поклонялось население Балха. Среди них был зуб Будды, лохань, в которой он мылся, и щетка для подметания, сделанная из дерева и декорированная драгоценными камнями²⁸³.

Однако были и более впечатляющие объекты, призванные завоёвывать умы и сердца. Пещерные храмы стали центрами, которые несли духовные послания. То, что они находились на основных торговых путях и совмещали религиозное просвещение с торговлей и туризмом, традиционно умалчивалось. Комплекс в пещерах Элефанта на берегу Мумбаи и пещеры Эллора на севере Индии – прекрасные тому примеры. Украшенные изысканной резьбой и изображениями божеств, они были созданы, чтобы продемонстрировать моральное и теологическое превосходство религии, в данном случае индуизма²⁸⁴.

Здесь наблюдается очевидная параллель с городом Бамиан (на территории современного Афганистана). Он находился на пересечении дорог, соединяющих Индию на юге, Бактрию на севере и Персию на западе. В Бамиане существовал комплекс из 751 пещеры, которые были украшены огромными фигурами Будды²⁸⁵. Две статуи, одна высотой 180 футов, другая, более ранняя, высотой примерно в две трети первой, были вырезаны в камне и стояли в просторных нишах пещер полторы тысячи лет, пока в 2001 году не были разрушены

²⁷⁹ См. E. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York, 1979); H. – J. Klimkeit, *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Texts from Central Asia* (San Francisco, 1993); K. King, *What is Gnosticism?* (Cambridge, MA, 2003).

²⁸⁰ P. Crone, 'Zoroastrian Communism', *Comparative Studies in Society and History* 36.4 (1994), 447–462; G. Gnoli, 'Nuovi studi sul Mazdakismo', in *Convegno internazionale: la Persia e Bisanzio* (Rome, 2004), pp. 439–456.

²⁸¹ Hui Li, *Life of Hiuen-tsang*, tr. Samuel Beal (Westport, CT, 1973), p. 45.

²⁸² Там же, p. 46; R. Foltz, 'When was Central Asia Zoroastrian?', *Mankind Quarterly* (1988), pp. 189–200.

²⁸³ S. Beal, *Buddhist Records of the Western World* (New Delhi, 1969), pp. 44–46.

²⁸⁴ G. Mitchell and S. Johar, 'The Maratha Complex at Ellora', *Modern Asian Studies* 28.1 (2012), pp. 69–88.

²⁸⁵ Раскопки и исследования были проведены в 1970-х годах командами из Японии и Афганистана, см. T. Higuchi, *Japan-Afghanistan Joint Archaeological Survey 1974, 1976, 1978* (Kyoto, 1976–1980).

талибами. Такой всплеск культурной дикости может быть сравним с разрушением религиозных сооружений и артефактов в Британии и Северной Европе в период Реформации²⁸⁶.

Когда мы вспоминаем о Шелковом пути, принято говорить о движении с востока на запад. На самом деле наблюдался значительный интерес в обмене в другую сторону. По крайней мере, так говорится в китайском тексте VII века, полном восхищения. Его автор писал, что Сирия – это место, где производят огнеупорные материалы, восстанавливающий фимиам, яркий лунный жемчуг и блестящие драгоценные камни. Бандитов и грабителей здесь нет, зато люди живут в счастье и покое. Здесь действуют лишь самые эффективные законы, и никто, кроме самых добродетельных граждан, не обретает власть. Земля обширна и плодородна, а литературные произведения, созданные сирийцами, наглядны и понятны²⁸⁷.

К слову, несмотря на жестокую конкуренцию религий, жаждущих быть услышанными, именно христианство постепенно уничтожало традиционные верования, практики и систему ценностей. В 635 году миссия, посланная в Китай, смогла убедить императора изменить точку зрения на эту веру и признать ее законной религией, которая не только не компрометировала сущность имперской власти, но и усиливала ее²⁸⁸.

Примерно в середине VII века казалось, что будущее совершенно ясно. Христианство уверенно распространялось по всей Азии, отесняя зороастризм, иудаизм и буддизм²⁸⁹. В этом регионе различные религии постоянно боролись друг с другом и пытались завладеть вниманием людей. И самой успешной стала та, что зародилась в небольшом городке Вифлиеме²⁹⁰. Учитывая прогресс, который произошел за столетия после распятия Христа Понтием Пилатом, момент, когда христианство достигнет Тихого океана и свяжет Атлантику с Западом, был лишь вопросом времени.

И все же в триумф христианства вмешался случай. В то время уже была заложена база, которая должна была способствовать духовному завоеванию и объединению городов и целых регионов, тому, чтобы христианство охватило целые континенты. И именно в это время разразилась изнурительная война, которая подорвала существующие авторитеты и открыла возможности для появления в игре новых участников. Эффект был сродни тому, как если бы в период поздней античности появился Интернет. Внезапно возник целый поток новых идей, теорий и тенденций, который угрожал подорвать существующий порядок и при этом пользовался всеми благами установленных за столетия связей. Название нового порядка не отражало его революционной сути. Тесно связанный с понятиями безопасности и мира, ислам давал лишь небольшое представление о том, как должен измениться мир. Настало время революции.

²⁸⁶ О датировании комплекса Бамиан с 600 года, см. D. Klimburg-Salter, 'Buddhist Painting in the Hindu Kush c. VIIIth to Xth Centuries: Reflections of the Co-existence of Pre-Islamic and Islamic Artistic Cultures during the Early Centuries of the Islamic Era', in E. de la Vaissière, *Islamisation de l'Asie Centrale: processus locaux d'acculturation du VIIe au XIe siècle* (Paris, 2008), pp. 140–142; также см. F. Flood, 'Between Cult and Culture: Bamiyan, Islamic Iconoclasm, and the Museum', *Art Bulletin* 84.4 (2002), p. 641ff. Информация есть также здесь L. Morgan, *The Buddhas of Bamiyan* (London, 2012).

²⁸⁷ Цитируется по Power, *Red Sea*, p. 58.

²⁸⁸ I. Gillman and H. – J. Klimkeit, *Christians in Asia before 1500* (Ann Arbor, 1999), pp. 265–305.

²⁸⁹ G. Stroumsa, *Barbarian Philosophy: The Religious Revolution of Early Christianity* (Tübingen, 1999), pp. 80, 274–281.

²⁹⁰ J. Choksy, 'Hagiography and Monotheism in History: Doctrinal Encounters between Zoroastrianism, Judaism and Christianity', *Islam and Christian-Muslim Relations* 14.4 (2010), pp. 407–421.

4. Путь к революции

Восход ислама произошел в мире, который пережил столетия смуты, инакомыслия и катастроф. В 541 году, за столетие до того, как пророк Мухаммед начал получать божественные откровения, со стороны Средиземноморья пришла другая угроза. Она надвигалась настолько быстро, что, когда наступила паника, было уже слишком поздно. Не пощадили никого. Уровень смертности был просто нереальным. Согласно одному из современников, который потерял всю свою семью, один из городов на границе Египта был просто стерт с земли. Из большого, оживленного города осталось всего семеро мужчин и один десятилетний мальчик. Двери домов остались открыты, и некому было сторожить золото, серебро и ценные предметы, которые хранились внутри²⁹¹. Основной удар пришелся на города. В середине 540-х годов в Константинополе ежедневно погибали около 10 000 человек²⁹². Пострадала не только Римская империя. До того как города на Востоке были разорены, ужасная катастрофа распространилась по торговым путям, опустошая города Персидской Месопотамии и в конце концов даже Китая²⁹³. Бубонная чума принесла отчаяние и смерть.

Кроме всего прочего, она повлекла за собой экономическую депрессию. С полей исчезли фермеры, из городов – потребители. Поколение резко уменьшилось, что, конечно же, сказалось на демографии поздней античности и вызвало серьезный спад в экономике²⁹⁴. С течением времени все это должно было сказаться на внешней политике римских императоров.

Во время первой части правления Юстиниана (527–565 годы) империя смогла сильно продвинуться в восстановлении провинций на севере Африки и достигнуть значительных успехов в Италии. Таких результатов позволило добиться разумное применение силы вкупе с усилиями, направленными на решение проблем, которые могли возникнуть в любое время и в любом месте обширной империи, включая ее восточную часть. Во время правления Юстиниана достигнуть этого баланса становилось все тяжелее. В основном из-за сокращения рабочей силы, не приносящих результатов военных кампаний, роста цен и соответственно расходов, которые привели к опустошению казны, уже и так истощенной вспышкой чумы²⁹⁵.

Наступил период застоя, и популярность Юстиниана в народе резко упала. Особенно яростная критика обрушилась на него за то, что в попытке купить дружбу соседних государств он тратил много денег и не скупился на обещания. Юстиниан был достаточно глуп, чтобы думать, что «забрать богатства у римлян и отдать варварам – хорошая идея», отмечал Прокопий, видный историк времен правления Юстиниана. Император «не упускал возможности спустить крупную сумму денег на нужды варваров». Как писал Прокопий, денежные средства он отправлял во все концы – на север, юг, восток и запад, людям, о которых он даже никогда не слышал²⁹⁶.

²⁹¹ Pseudo-Dionysius of Tel Mahre, *Chronicle (Known Also as the Chronicle of Zuqnin), Part III*, tr. W. Witakowski (Liverpool, 1996), p. 77.

²⁹² Procopius, *Hyper ton polemon*, 2.22–3, in *History of the Wars, Secret History, Buildings*, ed. and tr. H. Dewing, 7 vols (Cambridge, MA), 1, pp. 450–472.

²⁹³ M. Morony, “‘For Whom Does the Writer Write?’: The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources”, in K. Lester (ed.), *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750* (Cambridge, 2007), p. 64; D. Twitchett, ‘Population and Pestilence in T’ang China’, in W. Bauer (ed.), *Studia Sino-Mongolica* (Wiesbaden, 1979), 42, p. 62.

²⁹⁴ P. Sarris, *Economy and Society in the Age of Justinian* (Cambridge, 2006); также ‘Plague in Byzantium: The Evidence of Non-Literary Sources’, in Lester, *Plague and the End of Antiquity*, pp. 119–134; A. Cameron, *The Mediterranean World in Late Antiquity: AD 395–700* (London, 1993), p. 113ff; D. Stathakopoulos, *Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics* (Birmingham, 2004), pp. 110–165.

²⁹⁵ Sarris, *Empires of Faith*, p. 145ff.

²⁹⁶ Procopius, *The Secret History*, tr. P. Sarris (London, 2007), p. 80.

Преемники Юстиниана отказались от такого подхода и заняли твердую, бескомпромиссную позицию в вопросе отношений с соседями. Когда послы аваров, одного из самых великих племен степи, прибыли в Константинополь вскоре после смерти Юстиниана в 565 году, чтобы требовать выплаты дани, новый император Юстиний II жестоко с ними расправился: «Никогда больше вы не получите денег империи, идите своим путем». Когда они угрозили последствиями, император вспылil: «Вы, дохлые собаки, смеете угрожать римским владениям? Усвойте одно, я обрею вас налысо, а затем отрублю ваши головы»²⁹⁷.

Такая же агрессия проявилась по отношению к Персии, особенно после того, как стало известно, что мощная группа тюркских кочевников заняла место гуннов в центральноазиатской степи и оказывает давление на восточные границы. Тюркские племена играли чрезвычайно важную роль в торговле, зачастую к неудовольствию Китая. Китайцы описывали их как сложных и нечестных торговцев – верный признак возрастающего коммерческого успеха²⁹⁸. Во главе тюркских племен стоял выдающийся человек – Сизабул, который принимал своих чиновников в искусно сделанном шатре, возлежа на золотой кровати, которая поддерживалась четырьмя золотыми павлинами. Рядом располагалась повозка, наполненная серебром²⁹⁹.

Тюрки проявляли захватнические амбиции, поэтому они отправили в Константинополь послов с предложением долгосрочного военного союза. Совместная атака, как говорили Юстинию II послы, позволит уничтожить Персию³⁰⁰. Стремясь завоевать славу за счет извечного врага Константинополя и воодушевляясь перспективами, император согласился с планом и стал еще более высокомерен с шахом. Последовали требования вернуть города и прочие территории, переданные в соответствии с предыдущими соглашениями. После того как в результате неудачной атаки римляне потерпели поражение, персы предприняли ответную атаку на Дару (в настоящее время место на юге Турции) – краеугольный камень в обороне границы. После тяжелой осады, продолжавшейся 6 месяцев, в 574 году персы сумели взять город. Император был морально и физически сломлен³⁰¹.

Фиаско убедило тюрков в том, что Константинополь – недостойный и ненадежный союзник. В 576 году посол тюрков прямо заявил, что они отказываются от дальнейших атак на Персию. После чего он засунул в рот десять пальцев и заявил сердито: «Как сейчас у меня во рту десять пальцев, вы, римляне, так же говорите слишком многими языками». Римляне обманули тюрков, пообещав сделать все возможное, и результат был плачевным³⁰².

Возобновление военных действий с Персией ознаменовало начало достаточно бурного периода. Последовали два десятилетия боевых действий, в ходе которых были драматические моменты, например, когда персидская армия зашла далеко в Малую Азию, прежде чем вернуться домой. На территории Малой Азии персы попали в засаду, королева была взята в плен вместе с королевской повозкой, украшенной драгоценными камнями и жемчугами. Священный огонь, который правитель персов взял с собой в кампанию, который считался «самым великим огнем», был захвачен. Его кинули в реку, где перед этим был утоплен зороастрийский жрец и «множество высокопоставленных лиц». Тушение священного огня было

²⁹⁷ John of Ephesus, *Ecclesiastical History*, 6.24, tr. R. P. Smith (1860), p. 429.

²⁹⁸ M. – T. Liu, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*, 2 vols (Wiesbaden, 2009), 1, p. 87. Также см. J. Banaji, 'Precious-Metal Coinages and Monetary Expansion in Late Antiquity', in F. De Romanis and S. Sorda (eds), *Dal denarius al dinar: l'oriente e la moneta romana* (Rome, 2006), pp. 265–303.

²⁹⁹ *The History of Menander the Guardsman*, tr. R. Blockley (Liverpool, 1985), p. 121–123.

³⁰⁰ Там же, pp. 110–117.

³⁰¹ Sarris, *Empires of Faith*, pp. 230–231.

³⁰² *Menander the Guardsman*, pp. 173–175.

агрессивным, провокационным актом, призванным умалить важность основ самосознания Персии. Римлянами и их союзниками новость была воспринята с энтузиазмом³⁰³.

По мере того как продолжались военные действия, религия стала неимоверно важна. Когда, к примеру, войска стали бунтовать против снижения заработной платы, командир маршировал перед войсками с ликом Иисуса, чтобы впечатлить воинов и показать им, что служение императору означает служение Богу. Когда в 579 году умер шах Хосров I, некоторые заявляли, что «прекрасный свет Божьего Слова сиял вокруг него, так как он верил в Иисуса Христа»³⁰⁴. Такое отношение привело к массовому осуждению зороастризма в Константинополе, как ложного и развратного верования. Персы, как писал Агафий, приобрели «извращенные, дегенеративные привычки с тех самых пор, как попали под заклятие учения Зороастра»³⁰⁵.

Господство милитаризма со значительной долей религиозности имело большие последствия для тех, кто жил на периферии империи и кого соблазняли принять христианство. Это было частью дипломатической политики империи, которая имела своей целью завоевать их поддержку и лояльность³⁰⁶. Основные усилия были направлены на то, чтобы завоевать племена Южной и Западной Аравии, пообещав им материальные блага. Награждение королевскими титулами, а также введение нового понятия родства (в том числе королевского), что можно было эффективно использовать на местном уровне, также помогло убедить многих связать свою судьбу с Константинополем³⁰⁷.

Таким образом, ужесточение религиозных чувств во время конфронтации с Персией имело определенные последствия, так как некоторые племена приняли христианство не в той форме, которая была установлена в Халкидоне в 451 году. Ими были приняты другие варианты, в основе которых лежали иные версии относительно происхождения Христа. Отношения с Гассанидами, давними союзниками римлян в Аравии, испортились из-за некоторых резких замечаний со стороны имперской столицы³⁰⁸. В этот непростой момент отношения разрушились отчасти из-за взаимных подозрений на религиозной почве. Персы получили прекрасную возможность использовать это в своих интересах. Порты и рынки на юге и западе Аравии были взяты под контроль. Также был открыт новый торговый путь, соединяющий Мекку и Указ. Согласно исламской традиции, это побудило ведущую фигуру в Мекке попросить Константинополь учредить должность филарха, или защитника, представителя Рима, с последующим предоставлением ему титула короля Мекки, который был дарован императором Усману. Параллельный процесс можно было наблюдать в Медине – со стороны Персии³⁰⁹.

³⁰³ Об источниках см. Greatrex and Lieu, *Roman Eastern Frontier, Part II*, pp. 153–158.

³⁰⁴ R. Thomson, *The Armenian History Attributed to Sebeos. Part I: Translation and Notes* (Liverpool, 1999), 8, p. 9.

³⁰⁵ Agathias, *Historion*, 2.24, p. 72.

³⁰⁶ G. Fisher, 'From Mavia to al-Mundhir: Arab Christians and Arab Tribes in the Late Antique Roman East', in I. Toral-Niehoff and K. Dimitriev (eds), *Religious Culture in Late Antique Arabia* (Leiden, 2012), p. x; M. Maas, "'Delivered from their Ancient Customs": Christianity and the Question of Cultural Change in Early Byzantine Ethnography', in K. Mills and A. Grafton (eds), *Conversion in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Rochester, NY, 2003), pp. 152–188.

³⁰⁷ R. Hoyland, 'Arab Kings, Arab Tribes and the Beginnings of Arab Historical Memory in Late Roman Epigraphy', in H. Cotton, R. Hoyland, J. Price and D. Wasserstein (eds), *From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East* (Cambridge, 2009), pp. 374–400.

³⁰⁸ M. Whittow, 'Rome and the Jafnids: Writing the History of a Sixth-Century Tribal Dynasty', in J. Humphrey (ed.), *The Roman and Byzantine Near East: Some Recent Archaeological Research* (Ann Arbor, 1999), pp. 215–233.

³⁰⁹ K. #Atahmina, 'The Tribal Kings in Pre-Islamic Arabia: A Study of the Epithet *malik* or *dhū al-tāj* in Early Arabic Traditions', *al-Qan#ara* 19 (1998), p. 35; M. Morony, 'The Late Sasanian Economic Impact on the Arabian Peninsula', *Nāme-ye Irān-e Bāstān* 1.2 (201/2), pp. 35–36; I. Shahid, *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century*, 2 vols (Washington, DC, 1995–2009), 2.2, pp. 53–54.

В то время как на Аравийском полуострове отношения натянулись до предела, в затяжной кампании на главном театре военных действий на севере наметился небольшой прогресс.

Поворотный момент наступил не на поле боя, а при персидском дворе в конце 580-х годов, когда Вахрам, популярный генерал, который стабилизировал ситуацию на восточной границе с тюрками, взял все в свои руки и восстал против шаха Хосрова II. Шах бежал в Константинополь, где обещал императору Маврикию большие уступки на Кавказе и в Месопотамии, включая возвращение Дары, в обмен на поддержку империи. После того как в 591 году Хосров вернулся домой, заключив со своим соперником удивительно честный договор, он дал свое согласие на это соглашение. Один из ведущих ученых обозначил этот момент как Версальский: слишком много городов, крепостей и важных позиций было передано римлянам, обнажая экономическое административное сердце Персии. Унижение было столь велико, что должно было спровоцировать резкую ответную реакцию³¹⁰.

В течение двух последних десятилетий непрерывных сражений маятник качался в обе стороны. Это проявлялось во всех мыслях и целях, обеспечивая Риму большой дипломатический и политический переворот. Теперь, когда у Рима были передовые базы, которых ему так недоставало до этого, у империи появился реальный шанс по-настоящему закрепиться на Ближнем Востоке. По признанию историка Прокопия, равнины Месопотамии, которые простирались в бассейне рек Тигр и Евфрат, обеспечили несколько пограничных пунктов в виде рек, озер и гор³¹¹. Это означало, что любые достигнутые успехи были уязвимы. Совсем нелегко удерживать такую обширную территорию. Хосров II вернул свой трон, но заплатил за это слишком высокую цену.

Всего через десять лет ситуация круто изменилась. Когда в 602 году император Маврикий в ходе дворцового переворота был убит Фокой, одним из своих генералов, Хосров II воспользовался моментом и заставил Рим пересмотреть соглашение. Он почувствовал себя увереннее после яростной атаки на Дару, когда ему удалось захватить одну из важных позиций римской оборонительной системы в северной Месопотамии, в то время как Фока пытался установить свою власть в империи. Когда стали приходить сообщения о том, что кочевники возобновили свои набеги на Балканах, амбиции шаха возросли. Традиционная система управления завоеванными народами на севере Аравийского полуострова была щедро приправлена предвосхищением большой реорганизации границ, которая должна была последовать за расширением территории Персии³¹².

С христианским населением обращались очень бережно. Епископы опасались перспективы войны, так как военные действия с римлянами часто сопровождались обвинениями в сотрудничестве.

В 605 году шах лично председательствовал на выборах нового патриарха. На выборы нового духовного владыки он созвал духовенство высокого ранга. Это был преднамеренный акт, призванный показать религиозным меньшинствам, что правительство заботится об их нуждах. Такой эффективный ход был истолкован христианским сообществом как признак доброжелательности и покровительства. Хосрова восторженно благодарили епископы, которые собрались, чтобы вознести хвалу «могущественному, щедрому и доброму царю царей»³¹³.

³¹⁰ Sarris, *Empires of Faith*, pp. 234–236.

³¹¹ Procopius, *Buildings*, 3.3, 7, pp. 192–194.

³¹² J. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century* (Oxford, 2010), pp. 438–439.

³¹³ Synod of Mar Gregory I, *Synodicon orientale*, p. 471. Также см. Walker, *Mar Qardagh*, pp. 87–89.

Римскую империю сотрясало одно восстание за другим, и в это время в игру вступили персы. Города Месопотамии пали, как кости домино. Эдесса капитулировала последней в 609 году. Затем внимание привлекла к себе Сирия. Антиохия, великий город Оронта, первый престол Святого Петра и одна из основных метрополий римской Сирии, пала в 610 году. Следом за ней, годом позже пала Эмеса, город в Восточной Сирии. В 613 году был захвачен Дамаск, так оказался потерян еще один крупный региональный центр.

Со временем ситуация становилась только хуже. В Константинополе был убит непопулярный, высокомерный Фока. Его обнаженные, растерзанные останки пронесли по улицам города. Новый император, Ираклий, однако, не достиг больших успехов в сдерживании персов, успехи которых приобрели разрушительный размах. Сдержав ответный удар римлян в Малой Азии, армия шаха повернула на юг, к Иерусалиму. Их цель была очевидна – захватить самый священный город христиан и, сделав это, утвердить религиозный и культурный триумф Персии.

Когда после короткой осады в мае 614 года город пал, реакция римлян по всему миру граничила с истерикой. Иудеев обвинили не только в сотрудничестве с персами, но и в оказании им активной помощи. Согласно одному из источников, иудеи, «как злобные монстры», помогали захватчикам, их сравнивали с яростными зверями и шипящими змеями. Их обвиняли в том, что они сыграли важную роль в истреблении местного населения, и обрадовались, когда они погибли, «потому что они были убиты во славу Христа и пролили свою кровь за Его кровь». Ходили слухи, что захватчики сносили церкви, попирали ногами кресты и плевали в иконы. Крест, на котором был распят Иисус, оказался захвачен и отослан в столицу Персии в качестве трофея и подтверждения военного превосходства Хосрова. Для Рима это было поистине катастрофой. Имперская пропаганда немедленно была ориентирована на то, чтобы ограничить ущерб³¹⁴.

Столкнувшись с такими неудачами, Ираклий решил отречься от престола. Прежде чем принимать такие отчаянные меры, он отправил к Хосрову послов, чтобы попытаться добиться мира. Через своих посланников Ираклий просил прощения и обвинил своего предшественника Фоку в недавних проявлениях агрессии Рима. Представляя себя абсолютно покорным, правитель Рима признал шаха верховным правителем. Хосров внимательно выслушал все, что должны были сказать ему посланники, а затем казнил их³¹⁵.

Когда новости достигли Рима, Константинополь охватила паника. Это позволило провести радикальные реформы при самом минимальном возражении со стороны оппозиции. Зарботная плата имперских чиновников была снижена вдвое, также как и зарботная плата военных. Свободное распределение хлеба, которое издавна позволяло завоевать благосклонность жителей, было приостановлено³¹⁶. В отчаянных усилиях заполнить казну из церквей изымали ценные металлы. Чтобы подчеркнуть масштаб предстоящей битвы и искупить грехи, которые навлекли на римлян гнев Господа, Ираклий изменил чеканку монет: на одной стороне, как и прежде, изображался бюст императора, а на обороте новых монет, которые отчеканили в больших количествах, было помещено изображение креста. Борьба с персами стала не чем иным, как борьбой за христианскую веру³¹⁷.

³¹⁴ F. Conybeare, 'Antiochos Strategos' Account of the Sack of Jerusalem in ad 614', *English Historical Review* 25 (1910), pp. 506–508, но см. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, pp. 164–165. О пропаганде – J. Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the Roman Empire', *War in History* 6 (1999), pp. 36–39.

³¹⁵ *Chronicon Paschale*, tr. M. Whitby and M. Whitby (Liverpool, 1989), pp. 161–162; Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', p. 3; Sarris, *Empires of Faith*, p. 248.

³¹⁶ *Chronicon Paschale*, pp. 158, 164.

³¹⁷ Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', p. 37.

В краткосрочной перспективе эти меры принесли мало пользы. Захватив Палестину, персы повернули к дельте Нила и в 619 году взяли Александрию³¹⁸. Меньше чем за два года Египет – житница Средиземноморья и основа римского сельского хозяйства на протяжении шести столетий – пал. Затем наступила очередь Малой Азии, которая была атакована в 622 году. Хотя продвижение и приостанавливалось на некоторое время, к 626 году армия персов уже разбила лагерь в прямой видимости стен Константинополя. Словно это было недостаточной угрозой для римлян, шах заключил союз с кочевым племенем аваров, которые перешли Балканы и приближались к городу с севера. Все, что теперь отделяло остатки Римской империи от полного уничтожения, – это мощные стены города великого императора Константина, Константинополя, Нового Рима. Конец был близок и представлялся неизбежным.

Тем не менее удача оказалась на стороне Ираклия. Первые попытки взять город провалились, а последующие нападения были с легкостью отбиты. Уверенность врагов стала спадать. В первую очередь это коснулось аваров. Они боролись за пастбища для своих лошадей и отступили, когда племенные различия стали угрожать подрывом авторитета их лидера.

Вскоре после них отступили и персы, отчасти потому что получили известия о том, что тюркские племена атакуют Кавказ, и это определенно требовало внимания. Политика территориальной экспансии «размазала» ресурсы по достаточно большой территории, и это делало новые территории уязвимыми. Тюрки тоже отлично это понимали. Константинополь едва сумел спастись³¹⁹.

В ходе удивительной контратаки Ираклий, который повел имперскую армию в Малую Азию после осады собственной столицы, теперь догонял отступающего противника. Сначала император направился на Кавказ, где встретил тюркского кагана, с которым и договорился о союзе, буквально осыпав его почестями и подарками и пообещав ему отдать в жены свою дочь Евдокию, чтобы закрепить и формализовать узы дружбы³²⁰. Затем император, отбросив всякие предосторожности, отправился на юг, разбив по дороге большую армию персов возле Ниневии (в настоящее время это север Ирака) осенью 627 года. После этого Ираклий отправился к Ктесифону. К этому времени оппозиция уже перестала существовать.

Персидское правительство буквально трещало под давлением. Хосров был убит, а его сын и наследник Кавад обратился к Ираклию, чтобы немедленно урегулировать вопросы³²¹. Император был удовлетворен обещаниями и отправился в Константинополь, оставив своего посла согласовать все условия, которые включали в себя возврат римских территорий, захваченных во время военных действий, а также частей Честного и Животворящего Креста Господня, на котором был распят Иисус, увезенных из Иерусалима в 614 году³²². Это означало сокрушительную победу Римской империи.

Это был не конец истории, однако именно тогда зародились течения, которые привели к краху Персии. Старший из генералов, Фаррухан Шахвараз, который спланировал недавнее нападение на Египет, решил сделать крутой поворот и заявил свои права на трон. Учитывая невезение персов в последнее время и уязвимое положение восточных границ, подвергаю-

³¹⁸ Точная дата спорная; R. Althelm-Stiehl, 'Würde Alexandria im Juni 619 n. Chr. durch die Perser Erobert?', *Tyche* 6 (1991), pp. 3–16.

³¹⁹ J. Howard-Johnston, 'The Siege of Constantinople in 626', in C. Mango and G. Dagron (eds), *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot, 1995), pp. 131–142.

³²⁰ Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', pp. 23–24; C. Zuckerman, 'La Petite Augusta et le Turc: Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius', *Revue Numismatique* 150 (1995), pp. 113–126.

³²¹ См. N. Oikonomides, 'Correspondence between Heraclius and Kavadh-Siroe in the *Paschal Chronicle* (628)', *Byzantion* 41 (1971), pp. 269–281.

³²² Sebeos, *Armenian History*, 40, pp. 86–87; Theophanes, *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History, AD 284–813*, tr. C. Mango and R. Scott (Oxford, 1997), pp. 455–456.

щихся атакам тюрков, это дело казалось непреодолимым. По мере того как переворот набирал обороты, генерал провел переговоры непосредственно с Ираклием, чтобы заручиться поддержкой Рима для собственного возвышения. При поддержке императора он выдвинулся из Египта и направился в Ктесифон.

Ввиду того что Персия буквально разваливалась, Ираклий с радостью воспринял перемены, которые могли бы увеличить его популярность. Он сыграл на религиозных чувствах, чтобы заручиться поддержкой и выстоять в это темное для империи время. Нападения Хосрова были объявлены прямыми попытками уничтожить христианство. Он устроил перед войсками целое представление, прочитав письмо, якобы написанное самим шахом.

В этом письме он не только высмеивал лично Ираклия, но и издевался над бессильным богом христиан³²³. Римлянам бросали вызов бороться за то, во что они верили: это была религиозная война.

В таком случае неудивительно, что триумф римлян породил уродливые сцены. После того как Ираклий торжественно вошел в Иерусалим в 630 году и восстановил фрагменты Честного и Животворящего Креста Господня в церкви Гроба Господня, евреи предположительно были насильно крещены, в наказание за ту роль, которую они якобы сыграли во время падения города 16 лет назад. Те же, кто бежал, были изгнаны. Им было запрещено приближаться к Иерусалиму ближе, чем на 3 мили³²⁴. Восточные христиане, чьи верования были признаны неконформистскими, стали новой целью имперской разведки. Им было предписано отказаться от своих давних убеждений и принять доктрины православного христианства, которое было объявлено единственно верным и благословленным Господом³²⁵.

Для церкви в Персии это было достаточно проблематично. Вот уже более столетия ее представители не видели своего западного повелителя и считали себя носителями истиной веры, в отличие от западной церкви, которая регулярно подвергалась влиянию различных девиантных учений. Когда епископы Персии встретились в 612 году, они постановили, что вся основная ересь идет из Римской империи, тогда как в Персии «ереси не было никогда»³²⁶. Итак, когда Ираклий «восстановил православную церковь» в Эдессе и дал указание выдворить восточных христиан, которые отправляли здесь службы ранее, было похоже, что он хочет преобразовать всю Персию. Собственно говоря, именно такая идея и была у Ираклия до драматического поворота судьбы. Персия должна была принять римское, западное христианство³²⁷.

Возрождающаяся, доминирующая религия при поддержке и защите Константинополя сметала все на своем пути. Необычная последовательность событий оставила множество старых идей в прошлом. Когда в Ктесифоне разразилась чума, забрав с собой шаха Кавада, стало совершенно ясно, что зороастризм лишь выдает желаемое за действительное, в то время как христианство – единственно верная религия и ее последователи будут вознаграждены³²⁸. В этой накаленной атмосфере стало зарождаться новое движение. Оно возникло в самой глубине Аравийского полуострова. Этот регион почти не пострадал в ходе конфликта между римлянами и персами, однако это не означало, что их противостояние, которое происходило далеко, совсем не коснулось этого региона.

³²³ *Chronicon Paschale*, pp. 166–167; Sebeos, *Armenian History*, 38, pp. 79–81.

³²⁴ G. Dagron and V. Déroche, 'Juifs et chrétiens en Orient byzantin', *Travaux et Mémoires* 11 (1994), p. 28ff.

³²⁵ Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, pp. xxi – xxii.

³²⁶ Письмо епископа Персии, *Synodicon orientale*, pp. 584–585.

³²⁷ Theophanes, *Chronicle*, p. 459; Mango, 'Deux études sur Byzance et la Perse sassanide', *Travaux et Mémoires* 9 (1985), p. 117.

³²⁸ B. Dols, 'Plague in Early Islamic History', *Journal of the American Oriental Society* 94.3 (1974), p. 376; P. Sarris, 'The Justinianic Plague: Origins and Effects', *Continuity and Change* 17.2 (2002), p. 171.

Кстати, юго-западная часть Аравийского полуострова долгое время была местом противостояния двух империй. Менее чем за столетие до этого царство Химьяр и города Мекка и Медина связали свою судьбу с Персией, выступив против христианской коалиции и смертельного врага Химьяра на Красном море – Эфиопии³²⁹.

В этом регионе верования менялись, адаптировались и соревновались друг с другом большую часть столетия. Место, которое ранее было политеистическим миром, включающим множества божеств, идолов и верований, стало монотеистическим миром, где главенствовала идея единого всемогущего бога. Святыни, посвященные другим божествам, потеряли свое значение. Один из историков накануне восхода ислама писал, что традиционное многобожие «умирает». На его место пришел иудейский и христианский концепт всемогущего Господа Бога, а также ангелы, райские куши, молитвы и милостыня – все это можно найти в текстах, распространенных по всему Аравийскому полуострову в конце VI – начале VII века³³⁰.

Именно в этом регионе в то время, когда на севере свирепствовала война, торговец по имени Мухаммед из клана Бану Хашим племени курайшитов удалился в пещеры для медитаций. Согласно исламской традиции, в 610 году он получил серию божественных откровений. Мухаммед слышал голос, который велел ему читать стихи «во имя твоего Господа»³³¹. Тогда Мухаммед запаниковал, вышел из пещеры, увидел человека «ноги которого возвышались над горизонтом» и слышал голос, который обрушился на него: «О, Мухаммед, ты пророк божий, а я Джабриль»³³². За последующие годы ему был ниспослан целый ряд откровений, которые были записаны в середине VII века и объединены в единый текст, известный как Коран³³³.

Господь посылает апостолов, как сказал Мухаммеду Джабриль (или Гавриил), чтобы приносить хорошие новости или предостерегать³³⁴. Мухаммед был избран посланником Божиим. В мире было много тьмы, говорили ему, много того, чего следует бояться, и опасность Конца света буквально на каждом углу. Повторяя божественные послания, он призывал и «просил защиты его (Аллаха) от происков Сатаны, потому что нет власти его над теми, кто верит и вверяет себя Господу»³³⁵. Господь сострадателен и милосерден, неоднократно повторялось Мухаммеду, но также он жестоко наказывает тех, кто ему не подчиняется³³⁶.

Источники, относящиеся к раннеисламскому периоду, достаточно сложны, что создает ряд проблем при их интерпретации³³⁷. Установить, как современные и более поздние политические течения влияли на историю Мухаммеда и его послания, не так просто. Ученые дискутируют на эту тему даже сейчас. К примеру, достаточно сложно понять, какую роль играла религия в формировании событий и отношения к ним. Еще в середине VII века были проведены разграничения. Верующие делились на муминов (истинных верующих) и мусли-

³²⁹ Bowersock, *Throne of Adulis*, pp. 106–133. Также G. Lüling, *Die Wiederentdeckung des Propheten Muhammad: eine Kritik am 'christlichen' Abendland* (Erlangen, 1981).

³³⁰ C. Robin, 'Arabia and Ethiopia', in S. Johnson (ed.), *Oxford Handbook of Late Antiquity* (Oxford, 2012), p. 302.

³³¹ *Qurʾān*, 96.1, ed. and tr. N. Dawood, *The Koran: With a Parallel Translation of the Arabic Text* (London, 2014).

³³² Ibn Hisham, *Sīrat rasūl Allāh*, tr. A. Guillaume, *The Life of Muhammad: A Translation of Isḥāq's Sīrat rasūl Allāh* (Oxford, 1955), p. 106; *Qurʾān*, 81.23, p. 586.

³³³ См. H. Motzki, 'The Collection of the *Qurʾān*: A Reconsideration of Western Views in Light of Recent Methodological Developments', *Der Islam* 78 (2001), pp. 1–34, а также A. Neuwirth, N. Sinai and M. Marx (eds), *The Qurʾān in Context: Historical and Literary Investigations into the Qurʾānic Milieu* (Leiden, 2010).

³³⁴ *Qurʾān*, 18.56, p. 299.

³³⁵ *Qurʾān*, 16.98–9, pp. 277.

³³⁶ Например, *Qurʾān*, 2.165; 2.197; 2.211.

³³⁷ См., главным образом, F. Donner, *Narratives of Islamic Origins: The Beginnings of Islamic Historical Writing* (Princeton, 1998). Также, например, T. Holland, *In the Shadow of the Sword: The Battle for Global Empire and the End of the Ancient World* (London, 2012).

мов (тех, кто присоединился к ним и признал их власть). Позже авторы сфокусировали свое внимание на роли религии и отмечали не только мощь духовного откровения, но и солидарность арабов, которая существенно повлияла на ход революции. Таким образом, некорректно говорить о завоеваниях того периода как о «мусульманских» или как о «арабских». Более того, определения личности менялись не только после, но и на протяжении этого периода. Конечно, сейчас в таких вопросах мы полагаемся в первую очередь на свидетельства очевидцев.

Тем не менее, хотя установить точную последовательность событий может быть проблематично, есть большая вероятность того, что Мухаммед был не единственным человеком на Аравийском полуострове, который говорил о едином Боге. Существовали другие пророки-подражатели, которые были известны в период персидско-римских войн. Самые заметные из них говорили о пророческих видениях, удивительно схожих с теми, что были у Мухаммеда, – о многообещающих откровениях архангела Гавриила, который указывал путь к спасению, и в некоторых случаях подтверждали свои слова священными письменами³³⁸. Это было время, когда, как стало ясно из археологических находок, христианские церкви начали появляться в Мекке и ее окрестностях. Это также подтверждается иконами и захоронениями у новообращенных народов. В это время сражение за сердца, умы и души было особенно яростным именно в этом регионе³³⁹.

В настоящее время существует теория, что Мухаммед проповедовал в обществе, которое переживало экономический спад в результате персидско-римских войн³⁴⁰. Конфронтация и эффективная милитаризация Рима и Персии оказала сильное влияние на торговлю через Хиджаз. Правительство тратило огромные суммы на армию. Удовлетворение военных нужд оказывало большое давление на экономику государства. Спрос на предметы роскоши, должно быть, сильно упал. Тот факт, что традиционные рынки во многих городах Леванта и Персии были охвачены войной, вгонял экономику южной части Аравийского полуострова в еще большую депрессию³⁴¹.

Немногие прочувствовали этот удар сильнее, чем курайшиты из Мекки, караваны которых перевозили золото и другие ценные товары в Сирию и о которых слагали легенды. Они потеряли прибыльный контракт по снабжению римской армии кожей, которая была необходима для седел, ремней для обуви и щитов, поясов и многого другого³⁴². Их средства к существованию уменьшились также вследствие уменьшения числа пилигримов, посещающих мечеть аль-Харам, одну из важнейших святынь ислама, находящихся в Мекке. Эта святыня была выстроена вокруг нескольких идолов, один из которых представлял собой «Авраама в виде старика». Однако самым главным из них была статуя мужчины из красного агата с правой рукой, сделанной из золота, в окружении стрел для гадания³⁴³. Являясь защитниками Мекки, курайшиты хорошо зарабатывали, продавая еду и воду посетителям и показывая ритуалы путешественникам. В связи с переворотом в Сирии и Месопотамии, кото-

³³⁸ E. El Badawi, *The Qurʾān and the Aramaic Gospel Traditions* (London, 2013).

³³⁹ P. Crone, *Meccan Trade and the Rise of Islam* (Princeton, 1977); а также R. Serjeant, 'Meccan Trade and the Rise of Islam: Misconceptions and Flawed Polemics', *Journal of the American Oriental Society* 110.3 (1990), pp. 472–473.

³⁴⁰ C. Robinson, 'The Rise of Islam', in M. Cook et al. (eds), *The New Cambridge History of Islam*, 6 vols (Cambridge, 2010), pp. 180–181; M. Kister, 'The Struggle against Musaylima and the Conquest of Yamāma', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 27 (2002), pp. 1–56.

³⁴¹ G. Heck, "'Arabia without Spices': An Alternative Hypothesis: The Issue of 'Makkan Trade and the Rise of Islam'", *Journal of the American Oriental Society* 123.3 (2003), pp. 547–576; J. Schiettecatte and C. Robin, *L'Arabie à la veille de l'Islam: un bilan clinique* (Paris, 2009).

³⁴² P. Crone, 'Quraysh and the Roman Army: Making Sense of the Meccan Leather Trade', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 70.1 (2007), pp. 63–88.

³⁴³ Ibn al-Kalbī, *Kitāb al-aḥnām*, tr. N. Faris, *The Book of Idols Being a Translation from the Arabic of the Kitāb al-aḥnām* (Princeton, 1952), pp. 23–24.

рые имели последствия далеко за их пределами, и перебоями в очень многих сферах жизни, неудивительно, что предупреждения Мухаммеда о неизбежности Судного дня были восприняты толпой.

Проповеди Мухаммеда определенно упали на благодатную почву. Он предлагал четкое и ясное объяснение творящегося вокруг и при этом говорил с огромной страстью и убежденностью. Мухаммед получал не только божественные откровения, но и предупреждения, которыми делился с народом. Те, кто поддержит его учение, должны были оказаться в прекрасной, плодородной земле, те же, кто не последует за ним, увидят, как гибнут их посевы³⁴⁴. Духовное спасение должно было принести также и экономическую выгоду. И там было за что побороться: верующие должны были оказаться в райских кущах с садами, где много свежей воды, «реки с восхитительным вином для питья и реки с чистым медом», любыми фруктами, какие только бывают. Кроме того, им будет даровано прощение Господа³⁴⁵.

Те же, кто откажется от божественного учения, не только столкнутся с мраком и несчастьями, они будут прокляты. Все, кто затеет войну с его последователями, будут ужасно страдать и не получают прощения. Они должны были быть казнены, распяты, потерять конечности или быть изгнаны. Враги Мухаммеда являлись также врагами Бога. Они были обречены на поистине ужасную судьбу³⁴⁶. Среди прочего, заявлялось, что они будут страдать оттого, что их кожа будет вечно гореть, затем заменяться на новую, но только для того, чтобы все повторилось снова. Таким образом, боль и пытка не прекратятся никогда³⁴⁷.

Неверующие должны были «пребывать в аду вечно, пить раскаленный кипяток, который будет разрывать их нутро»³⁴⁸. Такое радикальное и достаточно страстное сообщение было с яростью встречено оппозицией из числа консервативной элиты Мекки. Ее представители были разгневаны критикой традиционных политеистических воззрений и верований³⁴⁹. Мухаммед был вынужден бежать в Ясриб (позже переименованный в Медину) в 622 году, чтобы избежать преследования. Этот побег, известный как хиджра, стал одним из ключевых этапов истории ислама, точкой отсчета мусульманского календаря. Как показали недавние исследования, именно в тот период проповеди Мухаммеда породили новую религию и новую личность³⁵⁰.

Основной идеей этой новой личности стала идея единения. Мухаммед активно стремился объединить племена южной Аравии. Византия и Персия достаточно долго манипулировали и управляли местными распрями, срамливая лидеров племен между собой. Покровительство и финансирование помогли создать несколько зависимых мест, которыми управляли при помощи выплат из Рима и Ктесифона. Интенсивная война разрушила эту систему. Затянувшиеся военные действия означали, что племена были лишены «тридцати фунтов золотом, которые они обычно получали от торговли с Римской империей». Хуже того, их запросы в отношении выполнения обязательств не были удовлетворены. «Импера-

³⁴⁴ *Qurʾān*, 36.33–6, p. 441; G. Reinink, 'Heraclius, the New Alexander: Apocalyptic Prophecies during the Reign of Heraclius', pp. 81–94; W. E. Kaegi Jr, 'New Evidence on the Early Reign of Heraclius', *Byzantinische Zeitschrift* 66 (1973), pp. 308–330.

³⁴⁵ *Qurʾān*, 47.15, p. 507.

³⁴⁶ *Qurʾān*, 5.33, p. 112.

³⁴⁷ *Qurʾān*, 4.56, p. 86. Помимо этого см. W. Shepard, *Sayyid Qutb and Islamic Activism: A Translation and Critical Analysis of Social Justice in Islam* (Leiden, 2010). Также обратите внимание на важные наблюдения о гендерной и социальной справедливости в раннем исламе, A. Wahud, *Qurʾān and Woman: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspective* (Oxford, 1999).

³⁴⁸ *Qurʾān*, 47.15, p. 507.

³⁴⁹ P. Crone, 'The Religion of the Qurʾānic Pagans: God and the Lesser Deities', *Arabica* 57 (2010), pp. 151–200.

³⁵⁰ R. Hoyland, 'New Documentary Texts and the Early Islamic State', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 69.3 (2006), pp. 395–416. О дате бегства Мухаммеда – A. Noth, *The Early Arabic Historical Tradition: A Source Critical Study* (Princeton, 1994), p. 40; M. Cook and P. Crone, *Hagarism: The Making of the Islamic World* (Cambridge, 1977), pp. 24, 157.

тор едва может платить заработную плату своей армии, – писал один из них, – не говоря уже о (вас) псах». Когда очередной посланник рассказал племенам о перспективах торговли в нынешних условиях, его убили и зашили внутри верблюда. Это было незадолго до того, как племена взяли дело в свои руки. Было принято решение в отместку «оставить римские земли в руинах»³⁵¹.

Новая религия проповедовалась на местном языке. «Смотри, – говорится в одном из стихов Корана, – эти слова на арабском языке»³⁵². Арабы представили свою собственную религию, которая позволила сформировать новое самосознание. Эта религия была предназначена для местного населения, независимо от того, кочевниками они были или городскими жителями, членами одного или другого племени, а также независимо от этнической или языковой принадлежности. В Коране содержится множество слов, заимствованных из греческого, арамейского, сирийского, персидского языков и иврита. Когда были записаны откровения, полученные Мухаммедом, важно было подчеркнуть схожесть народов, а не их различия³⁵³. Единение было ключевым принципом и одной из главных причин близкого успеха ислама. «Да не будет двух религий в Аравии», – такими предположительно были последние слова Мухаммеда, согласно исследованию одного из уважаемых ученых-исламистов VIII века³⁵⁴.

Перспективы для самого Мухаммеда выглядели не столь многообещающе, особенно когда ему с небольшой группой последователей пришлось скрываться в Ясрибе. Усилия по евангелизации и присоединению к умме – общине верующих – были достаточно вялыми, а ситуация становилась все более опасной, так как войска, приближающиеся со стороны Мекки, собирались напасть на мятежного проповедника. Мухаммед и его последователи обратились к вооруженному сопротивлению, нацеливаясь на караваны в ходе целой серии потрясающе дерзких рейдов. События развивались быстро. Успех в битве при Бадре в 624 году, где Мухаммед и его люди столкнулись с превосходящими силами противника, показал, что им дарованы божественное благословение и защита. Также многие обратили внимание на немалую добычу, которую они получили. Ожесточенные переговоры с лидерами племени курайшитов из Мекки в конце концов были окончены, и стороны достигли взаимопонимания, которое выразилось в заключении договора, ныне известного как Худайбийский мирный договор, который предусматривал 10 лет перемирия между Меккой и Ясрибом и снимал все ограничения, ранее возложенные на сторонников Мухаммеда. Число обращенных в новую веру стало расти.

По мере того как количество последователей увеличивалось, росли и их чаяния и амбиции. Решающим моментом стало четкое обозначение религиозного центра. Раньше верующим говорили поворачиваться лицом к Иерусалиму во время молитвы. В 628 году было объявлено, что, согласно новым откровениям, то руководство, или кибла, было временным и теперь ориентироваться необходимо исключительно на Мекку³⁵⁵.

Кааба, старинное место поклонения еще со времен политеизма в Аравии, стала основным объектом паломничества в городе. Верующим было поведано, что построил Каабу Исмаил, сын Авраама и предполагаемый прародитель двенадцати арабских племен. Гости

³⁵¹ Nikephoros of Constantinople, *Chronographikon syntomon*, ed. and tr. C. Mango, *Short History* (Washington, DC, 1990), pp. 68–69; Theophylact Simokatta, *History*, 3.17. Об арабской «идентичности» до возникновения ислама – A. Al-Azmeh, *The Emergence of Islam in Late Antiquity* (Oxford, 2014), p. 147; также см. W. Kaegi, 'Reconceptualizing Byzantium's Eastern Frontiers', in Mathisen and Sivan, *Shifting Frontiers*, p. 88.

³⁵² *Qurʾān*, 43.3, p. 488.

³⁵³ C. Robinson, 'Rise of Islam', p. 181.

³⁵⁴ Малик записал два похожих варианта, предположительно отражавших родословную, в комментарии, *Mālik ibn Anas, al-Muwaḥḥa*, 45.5, tr. A. #Abdrahaman and Y. Johnson (Norwich, 1982), p. 429.

³⁵⁵ *Qurʾān*, 2.143–4, p. 21; а также al-Azmeh, *Emergence of Islam*, p. 419.

города должны были обойти священное место вокруг, декламируя имя Бога. Поступая таким образом, они исполняли наказ, данный Исмаилу, согласно которому люди должны были собраться со всего Аравийского полуострова и из дальних земель, преодолев путь на верблюдах или пешком, чтобы совершить паломничество к месту, в которое ангелами с небес был спущен черный камень³⁵⁶. Подтверждая святость Каабы, общество утвердило связь с прошлым, формируя у населения мощное чувство культурного самосознания.

Помимо преимуществ духовного характера, которые давала новая вера, идея сделать Мекку религиозным центром сулила политическую, экономическую и культурную выгоду. Вражда с курайшитами была прекращена, когда старшие члены племени заявили о своей верности Мухаммеду и исламу.

Талант Мухаммеда как лидера проявился не только в этом. Препоны и оппозиция на территории Аравии постепенно исчезали, экспедиционные войска были направлены на освоение новых земель, которые были слишком хороши, чтобы их упустить. Время было подобрано как нельзя более удачно. Между 628 и 632 годами положение в Персии ухудшилось, наступила анархия. За этот короткий период времени сменилось не меньше 6 царей. Один хорошо проинформированный арабский историк, который жил несколько позже, писал о 8 претендентах на трон, включая двух цариц³⁵⁷.

Успех Мухаммеда привлек новых сторонников, число которых росло вместе с тем, как захватывались города, села и деревни на южной границе Персии. Люди в этих местах не привыкли защищать себя и сдались при первом же давлении. Ярким примером служит город аль-Хира (расположенный на территории современного Ирака). Он немедленно капитулировал, согласившись платить дань в обмен на мир³⁵⁸. Деморализованные персидские командиры советовали платить деньги наступающим арабам, «если они уйдут»³⁵⁹.

Было важно сохранить ресурсы, так как речь шла не только о духовной награде, которой ислам привлекал последователей. С появлением Мухаммеда один из генералов сказал своему коллеге из рода Сасанидов: «Мы больше не ищем мирских выгод». Теперь экспедиции распространяли Слово Божье³⁶⁰. Очевидно, евангельское рвение было жизненно важно для раннего ислама. Для распределения финансовых средств и трофеев применялся инновационный метод. Мухаммед ввел материальные санкции и заявил, что блага будут изыматься у неверующих и отдаваться правоверным³⁶¹. Это способствовало объединению экономических и религиозных интересов³⁶².

Тем, кто изначально принял ислам, были положены гораздо большие блага. Таким образом, за основу была принята форма пирамиды. Система была формализована в 630-х годах, когда был сформирован диван, официальный орган, который отвечал за распределение благ. Доля в 20 % причиталась лидеру правоверных – халифу, но большая часть должна была быть распределена среди его сторонников и тех, кто участвовал в успешных походах³⁶³.

³⁵⁶ Qurʾān, 22.27–9, pp. 334–335.

³⁵⁷ R. Frye, 'The Political History of Iran under the Sasanians', in *Cambridge History of Iran*, 3.1, p. 178; Tabarī, *The Battle of al-Qādisiyyah and the Conquest of Syria and Palestine*, tr. Y. Friedmann (Albany, NY, 1992), pp. 45–46.

³⁵⁸ H. Kennedy, *The Great Arab Conquests* (London, 2007), pp. 103–105.

³⁵⁹ Tabarī, *Battle of al-Qādisiyyah*, p. 63.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Qurʾān, 29.1–5, p. 395.

³⁶² Crone, *Meccan Trade*, p. 245.

³⁶³ C. Robinson, *The First Islamic Empire*, in J. Arnason and K. Raaflaub (eds), *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* (Oxford, 2010), p. 239; G. – R. Puin, *Der Dīwān von ʿUmar Ibn al-ʿAttab* (Bonn, 1970); F. Donner, *The Early Islamic Conquests* (Princeton, 1981), pp. 231–232, 261–263.

Самые первые последователи получали самую большую долю прибыли, однако новообращенные верующие также имели определенную выгоду. Таким образом, разработанная система была очень эффективна для расширения влияния.

Вновь сформированные армии продолжали устанавливать политическую и религиозную власть над кочевыми племенами, известными как люди пустыни, или бедуины, совершая набеги, в результате которых огромные территории очень быстро переходили под контроль исламских властей. Хотя хронологию событий сложно восстановить точно, современные ученые доказали, что экспансия на территорию Персии происходила на несколько лет раньше, чем полагали некогда, сасанидское общество пришло к коллапсу между 628 и 632 годами, а не после того как это было сделано³⁶⁴. Это уточнение имеет большое значение для понимания быстрых успехов, достигнутых в Палестине, где все города были подчинены в 630-х годах, в том числе и Иерусалим, который только-только был восстановлен римлянами³⁶⁵.

И Рим, и Персия слишком поздно отреагировали на угрозу. В случае Персии сокрушительная победа мусульман в битве при Кадисии в 636 году стала толчком для продвижения армии арабов и утверждения самосознания мусульман. Тот факт, что цвет персидской аристократии пал в бою, сломил дух сопротивляющихся, чье положение уже было крайне шатким³⁶⁶. Реакция римлян оказалась не более эффективной. Армия под командованием брата императора Теодора была наголову разбита в 636 году на реке Ярмук к югу от Галилейского моря. Римляне сильно недооценили размер, возможности и целеустремленность арабской армии³⁶⁷.

Сердце мира было открыто нараспашку. Города сдавались один за другим, войска напали на Ктесифон. После длительной осады столица наконец пала, а ее сокровищница была захвачена арабами. Персия была разбита арьергардом войск римлян, а затем поглощена последователями Мухаммеда. Импульс, который получила разрозненная группа верующих, принявших его учение, оппортунистов и тех, кто хотел попытать счастья в погоне за наживой, быстро набирал обороты. Глядя на целую череду успехов, возникал только один вопрос – как широко распространится ислам?

³⁶⁴ Pourshariati, *Decline and Fall of the Sasanian Empire*, p. 161ff. Также Donner, *Early Islamic Conquests*, pp. 176–190; Kennedy, *Arab Conquests*, pp. 105–107.

³⁶⁵ О дате завоевания Иерусалима – Р. Booth, *Crisis of Empire: Doctrine and Dissent at the End of Late Antiquity* (Berkeley, 2014), pp. 243.

³⁶⁶ Sebeos, *Armenian History*, 42, p. 98.

³⁶⁷ См. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, p. 373–375.

5. Путь согласия

Стратегический гений и тактическая хватка на поле боя позволили Мухаммеду и его последователям достичь невероятного успеха. Поддержка племени курайшитов и доминирующей политической элиты Мекки также сыграла свою роль, помогая убедить племена южной Аравии услышать и принять послание новой веры. Возможности, которые открывались в связи с падением Персии, появились в самый подходящий момент. Можно выделить еще две важные причины, которые могли объяснить триумф ислама в начале VII века: поддержка христиан и то, что было дано евреями.

В мире, где религия являлась причиной конфликтов и кровопролития, достаточно просто увидеть те пути, благодаря которым распространялись и перемешивались великие религии. Для современного человека христианство и ислам диаметрально противоположны, но во времена их зарождения они оказывали друг другу мягкую поддержку. Еще более поразительно то, что ислам и иудаизм были более чем совместимы. Поддержка евреев на Среднем Востоке была жизненно важна для пропаганды и распространения слова Мухаммеда.

Хотя разобраться в материалах по истории раннеисламского периода крайне сложно, из этой литературы, а также из результатов археологических раскопок можно понять одну бесспорную вещь. Неважно, на каком языке был текст – арабском, армянском, сирийском, греческом или иврите, Мухаммед и его последователи пошли на многое, чтобы успокоить опасения христиан и иудеев во время расширения влияния мусульман.

Когда Мухаммед был загнан в угол в Ясрибе в 620-х годах, он решил просить о помощи у евреев. Этот город был очень важен для иудаизма и всей еврейской истории. Едва ли столетием раньше один фанатичный иудейский правитель Химьяра систематически преследовал христианское меньшинство. Те, кто выстоял, основали большое количество разнообразных союзов. Персии пришлось прийти на помощь Химьяру в борьбе против союза Рима и Эфиопии. Мухаммед хотел объединиться с евреями южной Аравии и начал со старейшин Ясриба.

Лидеры иудеев в городе, позже переименованном в Медину, обещали свою поддержку Мухаммеду в обмен на гарантии взаимной защиты. Все это было отражено в официальном документе, в котором говорилось, что иудейская вера и владения евреев будут уважаться мусульманами в настоящий момент и в будущем. Также там были изложены принципы взаимопонимания между иудеями и мусульманами. Последователи обеих религий обещали защищать друг друга в случае нападения третьей стороны. Было заявлено, что никакой вред не будет причинен евреям и никакой помощи не будет оказано их врагам. Мусульмане и евреи будут сотрудничать друг с другом, помогая «искренним советом»³⁶⁸. Такому объединению помогло то, что откровения Мухаммеда носили примирительный характер, кроме того, многие заветы были уже знакомы. В его откровениях было очень много общего с Ветхим Заветом, например, почитание пророков, в частности Авраама. Также общим было то, что статус Иисуса как мессии отрицался. Ислам не был угрозой иудаизму, ведь некоторые элементы этих двух религий были очень схожи³⁶⁹.

Вскоре Слово стало распространяться среди еврейских общин, которые состояли в союзе с Мухаммедом и его последователями. Необычный текст, написанный в Северной Африке в конце 630-х годов, описывает, как новости о продвижении арабов были встречены евреями в Палестине. Для них это означало ослабление хватки римлян и христиан в регионе.

³⁶⁸ Текст – F. Donner, *Muhammad and the Believers: At the Origins of Islam* (Cambridge, MA, 2010), pp. 228–232. Также см. M. Lecker, *The 'Constitution of Medina': Muhammad's First Legal Document* (Princeton, 2004).

³⁶⁹ См. важную подборку эссе M. Goodman, G. van Kooten and J. van Ruiten, *Abraham, the Nations and the Hagarites: Jewish, Christian and Islamic Perspectives on Kinship with Abraham* (Leiden, 2010).

Выдвигались предположения, что это может быть исполнение древних пророчеств: «Они говорили, что пророк появится с сарацинами, и провозгласит он пришествие Помазанника, Христа, который должен прийти вместе с ним»³⁷⁰. Некоторые евреи пришли к выводу, что мессия пришел для того, чтобы показать, что Иисус Христос был обманщиком и что настали последние дни человечества³⁷¹. Однако далеко не все были убеждены в этом. По словам одного из раввинов, Мухаммед был фальшивым пророком, «так как пророки не приходят, вооруженные мечом»³⁷².

Тот факт, что существуют и другие тексты, в которых говорится, что евреи приветствовали арабов как освободителей от римского гнета, свидетельствует о том, что местное население положительно реагировало на восхождение ислама. Один из текстов этого периода, написанный столетием позже, рассказывает о том, как к рабби Шимону Бар Йохая явился ангел. Произошло это после того, как он пострадал от действий Ираклия в ходе восстановления Иерусалима, принудительного крещения и последовавшего за этим преследования евреев. «Откуда нам знать, что (мусульмане) это наше спасение?» – якобы спросил он. «Не нужно бояться, – уверил его ангел, – Бог привел в царство (арабов) лишь затем, чтобы с их помощью освободить вас из лап коварных (Рима). Он поставит над ними пророка, который завоюет для них земли. Придут они и восстановят величие». Появление Мухаммеда воспринимали как исполнение надежд евреев на появление мессии. На землях, которые принадлежали потомкам Авраама, царила солидарность между арабами и евреями³⁷³.

Были и другие причины (тактического характера) сотрудничать с наступающей армией. Так, например, в Хевроне евреи предложили арабским военачальникам заключить сделку: они просили обеспечить их безопасность, дать им права, уравнивающие их с арабами, и позволить им «построить синагогу перед входом в пещеру Махпела», где был похоронен Авраам. В свою очередь, еврейские лидеры предложили показать, как можно проникнуть в город, минуя грозную городскую стражу³⁷⁴.

Насколько мы можем судить, поддержка местного населения стала важнейшим фактором успеха арабов в Палестине и Сирии в начале 630-х годов. Недавние исследования греческих, сирийских и арабских источников показали, что в самых ранних источниках наступление арабской армии приветствовалось евреями. И это было неудивительно: если убрать более поздние красочные добавления и ядовитые интерпретации (такие, как утверждения, что мусульмане повинны в «сатанинском лицемерии»), мы видим, что военачальник, который привел армию в Иерусалим, вошел в Священный город в одежде паломника, с намерением поклоняться святыням вместе с теми, чьи религиозные взгляды были если не несовместимы с его, то точно непохожи³⁷⁵.

³⁷⁰ *Doctrina Iacobi* in Dagron and Déroche, 'Juifs et chrétiens', 209. Перевод здесь: by R. Hoyland, *Seeing Islam as Others Saw It: A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam* (Princeton, 1997), p. 57.

³⁷¹ Обратите внимание: W. van Bakkum, 'Jewish Messianic Expectations in the Age of Heraclius', in G. Reinink and H. Stolte (eds), *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* (Leuven, 2002), pp. 95–112.

³⁷² Dagron and Déroche, 'Juifs et chrétiens', pp. 240–247. Относительно достоверности большей части информации в тексте – Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, pp. 155–157; о вероятной аудитории и цели текста – D. Olster, *Roman Defeat, Christian Response and the Literary Construction of the Jew* (Philadelphia, 1994). Главным образом, здесь Hoyland, *Seeing Islam as Others Saw It*.

³⁷³ J. Reeves, *Trajectories in Near Eastern Apocalyptic: A Postbiblical Jewish Apocalypse Reader* (Leiden, 2006), pp. 78–89; B. Lewis, 'An Apocalyptic Vision of Islamic History', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 13 (1950), pp. 321–330. Также см. S. Shoemaker, *The Death of a Prophet: The End of Muhammad's Life and the Beginnings of Islam* (Philadelphia, 2012), pp. 28–33.

³⁷⁴ *Canonici Hebronensis Tractatus de invention sanctorum patriarchum Abraham, Ysaac et Jacob*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux* 1, p. 309; перевод: N. Stillman, *The Jews of Arab Lands: A History and Source Book* (Philadelphia, 1979), p. 152.

³⁷⁵ M. Conterno, "'L'abominio della desolazione nel luogo santo': l'ingresso di #Umar I a Gerusalemme nella Cronografia de Teofane Confessore e in tre cronache siriane", in *Quaderni di storia religiosa* 17 (2010), pp. 9–24.

На Среднем Востоке существовали и другие группировки, которые не были введены в заблуждение восхождением ислама. Регион в целом был полон религиозных неконформистов. Здесь действовало множество христианских сект, которые не принимали решения церковных соборов и отрицали некоторые доктрины, считая их еретическими.

Такая картина наблюдалась в Палестине и на Синайском полуострове, где было множество христианских общин, настроенных категорически против решений, достигнутых на соборе в Халкидоне в 451 году, касающихся божественной природы Иисуса Христа. Данные общины преследовались официальной церковью³⁷⁶, и они не почувствовали никаких улучшений после избавления страны от персидского присутствия и бравоирования православной религией, которым сопровождался поход императора.

Таким образом, некоторые увидели успехи в достижении цели, но в то же время в них нашел отклик религиозный подтекст. Один из проникательных арабских полководцев, который желал утвердиться в городе, сообщил Иоанну Дамаскину, митрополиту Нусайбинскому, что при условии поддержки он поможет не только священнослужителю свергнуть лидера христианской церкви на Востоке, но и ему встать на его место³⁷⁷. Письмо, написанное в 640-х годах одним из видных священнослужителей говорит о том, что новые правители не только не борются с христианами, «но даже воздают должное нашей религии, выказывают почтение священнослужителям, монастырям, святым и Господу нашему», а также приносят дары религиозным учреждениям³⁷⁸.

Мухаммед и его последователи заручились поддержкой местного христианского населения. Откровенные предупреждения ислама о многобожии и поклонении идолам вступали в резонанс с христианским учением, в котором так же отражались эти догмы. Чувство товарищества было подкреплено использованием таких персонажей, как Моисей, Ной, Иов и Захария, которые появлялись в Коране. Кроме того, прямо заявлялось о том, что Бог дал Моисею Писание и послал за ним апостолов, а теперь отправил еще одного пророка, чтобы распространять слово свое³⁷⁹.

Осознание точек соприкосновения с христианами и евреями усиливалось за счет использования привычных ориентиров и акцентирования сходства в обычаях и религиозных доктринах. Господь передавал свои сообщения не только Мухаммеду. «Он уже открыл для человечества Тору и Евангелие» – так говорится в одном из стихов Корана³⁸⁰. «Вспомните слова, которые сказали ангелы Марии, матери Иисуса», – говорит еще один стих. Повторяя вслед за «Радуйся, Мария», священная книга ислама учит следующему: «Господь выбрал тебя (Мария). Он очистил тебя и поставил над всем женским родом. Мария, будь послушна Господу, кланяйся и молись ему вместе с верующими»³⁸¹.

Для христиан, которые погрязли в спорах о природе Иисуса и Троицы, возможно, самым поразительным был тот факт, что откровения Мухаммеда содержали очень короткое, но в то же время простое и мощное послание: есть один Бог и Мухаммед его пророк³⁸². Такая идея была достаточно простой для понимания и гармонировала с тем тезисом, что Господь всемогущ и время от времени присылает апостолов с сообщениями.

³⁷⁶ J. Binns, *Ascetics and Ambassadors of Christ: The Monasteries of Palestine 314–631* (Oxford, 1994); B. Horn, *Asceticism and Christological Controversy in Fifth-Century Palestine: The Career of Peter the Iberian* (Oxford, 2006); Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, p. xxix.

³⁷⁷ S. Brock, 'North Mesopotamia in the Late Seventh Century: Book XV of John Bar Penkaye's *Rish Melle*', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 9 (1987), p. 65.

³⁷⁸ *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, Series 3, 64, pp. 248–251; Donner, *Muhammad and the Believers*, p. 114.

³⁷⁹ *Qurʾān*, 2.87, p. 12.

³⁸⁰ *Qurʾān*, 3.3, p. 49.

³⁸¹ *Qurʾān*, 2.42–3, p. 54.

³⁸² Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, p. xxxii.

Христиане и евреи, которые спорили друг с другом по вопросам религии, были просто сумасшедшими, как утверждает еще один стих Корана: «Есть ли у вас здравый смысл?»³⁸³. «Разделение – происки Сатаны, – предупреждает Мухаммед, – никогда не позволяйте разногласиям одержать верх, вместо этого постарайтесь держаться вместе и с Богом, и вас никогда не разделят»³⁸⁴. Послание Мухаммеда призывало к примирению. Верующим иудеям или благочестивым христианам «нечего бояться и не о чем сожалеть», как неоднократно повторяется в Коране³⁸⁵. Тех, кто веровал в единого Бога, следовало почитать и уважать.

На тот момент уже существовали традиции и правила, которые позже стали ассоциировать с исламом. Они появились раньше Мухаммеда, но, по всей видимости, были приняты самим пророком. Например, ампутация руки в качестве наказания за воровство и смертный приговор для тех, кто отрекся от своей веры, были обычной практикой, которую перенял ислам. Такие традиции, как раздача милостыни, пост, паломничества и молитвы, стали центральными элементами ислама, углубляя ощущение преемственности и близости³⁸⁶. Сходство с христианством и иудаизмом позже стало весьма щекотливой темой. Частично это было обусловлено тем, что Мухаммед был неграмотным. Это защищало его от нападок в том, что он изучил Тору и Библию. Несмотря на это, современники утверждали, что его «обучили» и он хорошо знал как Старый, так и Новый Завет³⁸⁷. Некоторые, однако, пошли еще дальше, стремясь доказать, что Коран в своей основе представляет сборник отрывков из Библии, написанный на арамейском наречии, который впоследствии был адаптирован и переделан. Эти, как и многие другие претензии, которые были призваны умалить величие исламских традиций, приобрели дурную славу, хотя их и поддерживали некоторые современные историки³⁸⁸.

То, что христиане и евреи являлись основной поддерживающей силой во время первого этапа исламской экспансии, объясняет, почему в некоторых стихах Корана, которые относятся ко времени жизни Мухаммеда, о римлянах говорится в позитивном ключе. В Коране говорится, что римляне были побеждены, здесь имеется в виду одна из многочисленных неудач во время войн с Персией в конце 620-х годов. «Но всего через несколько лет они одержат победу: такова воля Божья и до и после этого»³⁸⁹. Это может быть гарантировано: Господь не нарушает своих обещаний³⁹⁰. Такое заявление было инклюзивным и носило «знакомый» характер. Оно должно было нейтрализовать те претензии, из-за которых некоторые христиане были настроены против. С их точки зрения, ислам выглядел мирной религией, предлагающей варианты смягчения напряженной обстановки.

Источники полны примеров того, что христиане восхищались мусульманами и их армией. Один из текстов VIII века показывает, как один из христиан, посланный наблюдать за врагом, вернулся обратно, впечатленный увиденным. «Я видел людей, проводящих всю ночь за молитвой, – так предположительно он описывал увиденное своему начальству, – днем же они остаются воздержанными, творя то, что верно, и отрицая несправедное, монахи ночью, львы днем». Это казалось достойным похвалы и должно было сгладить различия между христианством и исламом. Тот факт, что другие источники того периода говорят о

³⁸³ Qur#ān, 3.65, p. 57

³⁸⁴ Qur#ān, 3.103; 105, p. 62.

³⁸⁵ Qur#ān, 2.62, p. 9, 5.69, p. 118.

³⁸⁶ R. Hoyland, *In God's Path: The Arab Conquests and the Creation of an Islamic Empire* (Oxford, 2015), p. 224–229.

³⁸⁷ Robinson, 'The Rise of Islam', p. 186.

³⁸⁸ C. Luxenburg, *The Syro-Aramaic Reading of the Koran: A Contribution to the Decoding of the Language of the Koran* (Berlin, 2007); см. здесь D. King, 'A Christian Qur#ān? A Study in the Syriac background to the language of the Qur#ān as presented in the work of Christoph Luxenburg', *Journal for Late Antique Religion and Culture* 3 (2009), pp. 44–71.

³⁸⁹ Qur#ān, 30.2–4, p. 403.

³⁹⁰ Qur#ān, 30.6, p. 404.

христианских монахах, которые принимали учение Мухаммеда, является еще одним признаком того, что различия между доктринами были не очень четкими³⁹¹. Аскетизм, которого придерживались ранние мусульмане, также был знаком всем и приветствовался населением. Это создавало некий знакомый ориентир для греко-римского мира³⁹².

Попытки примириться с христианами дополнялись политикой защиты и проявления уважения к людям Писания – евреям и христианам. Коран дает понять, что ранние мусульмане позиционировали себя не как противников этих двух религий, но как их наследников: «Откровения Мухаммеда до этого были явлены Аврааму и Измаилу, Исааку и Иакову, и их племенам»; Бог доверил эту же информацию Моисею и Иисусу. «Мы не дискриминируем никого из них», – гласит Коран. Другими словами, пророчества иудеев и христиан были очень схожи с исламскими пророчествами³⁹³.

Совсем не случайно, что в Коране содержится более 60 ссылок на слово «умма», которое используется не в качестве этнического маркера, а для обозначения сообщества верующих. В ряде мест в тексте с печалью отмечается, что однажды человечество было единой уммой, прежде чем ее разделили разногласия³⁹⁴. Еще одно, не очень явное сообщение гласит, что божья воля такова: разногласия должны быть устранены. Сходства между великими монотеистическими религиями играют важную роль в Коране и в Хадисе, сборнике комментариев, высказываний и деяний пророка, а различия в основном опускаются. Акцент, несомненно, был сделан на отношении к евреям и христианам с одинаковым уважением и терпимостью.

Источники этого периода, как известно, затруднительно интерпретировать, потому что, во-первых, они сложны и противоречивы, а во-вторых, многие из них были написаны уже после рассматриваемых событий. Тем не менее последние достижения в области палеографии, находки обрывков текстов, которые ранее были неизвестны, и более изощренные способы изучения письменных материалов помогли пересмотреть уже устоявшиеся взгляды на этот период истории. В исламской традиции довольно долго полагалось, что Мухаммед умер в 632 году, недавние же исследования ученых позволили предположить, что он мог прожить больше. Множество источников VII и VIII столетий свидетельствуют о наличии харизматичного проповедника, возможно, это был сам Мухаммед, который направлял арабские войска и наставлял их под вратами Иерусалима³⁹⁵.

Необычайный прогресс последователей Мухаммеда в Палестине был обусловлен беспомощной и неумелой реакцией властей. Некоторые члены христианского духовенства отчаянно бились, пытаясь выставить арабов в самом неблагоприятном свете, в тщетной попытке убедить местное население не обманываться такими простыми и знакомыми идеями и не поддерживать их. «Сарадины» мстительны и ненавидят Бога, так предупреждал патриарх Иерусалима сразу после завоевания города. Они грабят города, опустошают поля, поджигают церкви и уничтожают монастыри. Зло, которое они совершают против Христа и церкви, ужасает, так же как «грязные богохульства, которые они говорят о Боге»³⁹⁶.

³⁹¹ T. Sizgorich, *Violence and Belief in Late Antiquity: Militant Devotion in Christianity and Islam* (Philadelphia, 2009), p. 160–161.

³⁹² R. Finn, *Asceticism in the Graeco-Roman World* (Cambridge, 2009).

³⁹³ *Qurʾān*, 3.84, p. 60.

³⁹⁴ *Qurʾān*, 10.19, p. 209.

³⁹⁵ Shoemaker, *Death of a Prophet*, pp. 18–72. Также см. R. Hoyland, 'The Earliest Christian Writings on Muhammad: An Appraisal', in H. Motzki (ed.), *The Biography of Muhammad: The Issue of the Sources* (Leiden, 2000), esp. pp. 277–281; Cook, 'Muhammad', 75–76.

³⁹⁶ Sophronius of Jerusalem, 'Logos eis to hagian baptisma', in A. Papadopoulos-Kermeus, 'Tou en hagiois patros hemon Sophroniou archiepiskopou Hierosolymon logos eis to hagian baptisma', *Analekta Hierosolymitikes Stakhiologias* 5 (St Petersburg, 1898), pp. 166–167.

На самом деле завоевания арабов были не столь жестокими и шокирующими, как их описывали. К примеру, в ходе археологических исследований, проводимых по всей Сирии и Палестине, практически не было обнаружено следов насильственного завоевания³⁹⁷. Дамаск, к примеру, один из важнейших городов северной Сирии, быстро сдался после того, как местный епископ и арабский военачальник утрясли условия сдачи. Даже с учетом некоторых поэтических преувеличений компромисс был достаточно разумным и реальным: в обмен на то, что арабы не тронут церкви и не станут досаждать христианскому населению, жители согласились признать новых правителей.

На практике они должны были платить налоги не в Константинополь или имперским властям, а представителям «пророка, халифов и правоверных»³⁹⁸.

Этот процесс повторялся снова и снова, по мере того как арабы продвигались по торговым путям во все стороны сразу. Армия некоторое время провела на юго-западе Ирана, прежде чем переключиться на охоту на Йездигерда III, последнего царя из рода Сасанидов, который бежал на восток. Экспедиционные силы, которые выступили в Египет, работая в тандеме, вызвали хаос, в основном из-за неэффективного военного сопротивления. Ситуация была усугублена тем, что местное население было занято междоусобицами. Некоторые из них сразу соглашались обсудить условия сдачи ввиду собственных страхов и неуверенности. Александрия, драгоценный камень в короне восточного Средиземноморья, была демилитаризована и принуждена к выплате внушительной дани в обмен на гарантии того, что церкви останутся целы, а христианское население сможет придерживаться своих обычаев. Новости об этом соглашении были встречены в Александрии со стонами и плачем. По словам очевидцев, за его предательство патриарх Кир должен был быть забит камнями до смерти. «Я заключил этот договор, – говорил он в свою защиту, – чтобы спасти вас и ваших детей». Один из авторов, который жил столетием позже, писал, что «мусульмане взяли под контроль весь Египет, юг и север, и, сделав это, утроили доходы от поступающих с них налогов»³⁹⁹. Господь наказывал христиан за их грехи, как отмечал другой автор в то же самое время⁴⁰⁰.

В почти идеальной модели экспансии угроза применения военной силы привела к тому, что поселения одно за другим соглашались на переговоры и сдавались новым властям. Вначале управление в покоренных землях было легким и даже незаметным. В общем и целом большинству местного населения было разрешено продолжать заниматься своими делами. Новые власти, которые расположили свои гарнизоны и жилые кварталы вдали от существующих городских центров, совсем им не досаждали⁴⁰¹. В некоторых случаях мусульмане основывали новые города, как, например, Фустат в Египте, Эль-Куфа на реке Евфрат, Рамла в Палестине и Айла в современной Иордании. Там они могли выбирать, где именно строить мечети и дворцы губернаторов, закладывая город с нуля⁴⁰².

Тот факт, что в то же самое время в Северной Африке, Египте и Палестине строились новые церкви, говорит о том, что такой модус вивенди быстро прижился там, где религиоз-

³⁹⁷ G. Anvil, *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine: An Archaeological Approach* (Oxford, 2014); R. Schick, *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule* (Princeton, 1995).

³⁹⁸ al-Balādhurī, *Kitāb futūḥ al-buldān*, tr. P. Hitti, *The Origins of the Islamic State* (New York, 1916), 8, p. 187.

³⁹⁹ John of Nikiu, *Khronike*, tr. R. Charles, *The Chronicle of John of Nikiu* (London, 1916), 120.17–28, pp. 193–194.

⁴⁰⁰ G. Garitte, “‘Histoires édifiantes’ géorgiennes”, *Byzantion* 36 (1966), pp. 414–416; Holyand, *Seeing Islam*, p. 63.

⁴⁰¹ Robinson, *First Islamic Empire*, p. 239ff.

⁴⁰² W. Kubiak, *Al-Fustiat, Its Foundation and Early Urban Development* (Cairo, 1987); N. Luz, ‘The Construction of an Islamic City in Palestine: The Case of Umayyad al-Ramla’, *Journal of the Royal Asiatic Society* 7.1 (1997), pp. 27–54; H. Djaït, *Al-Kūfa: naissance de la ville islamique* (Paris, 1986); D. Whitcomb, ‘The Mīsr of Ayla: New Evidence for the Early Islamic City’, in G. Bisheh (ed.), *Studies in the History and Archaeology of Jordan* (Amman, 1995), pp. 277–288.

ная терпимость была нормой⁴⁰³. Это началось с земель Сасанидов, где всех, начиная с зороастрийцев, либо игнорировали, либо просто оставляли в покое⁴⁰⁴.

В случае с евреями и христианами это было также возможно и даже задокументировано. Сложный и спорный текст, известный как Договор Умара, описывает права так называемых людей Писания, которые должны были наслаждаться правлением новых властителей; и определяет основы взаимодействия с исламом: на мечетях не станут помещать кресты; Корану не станут обучать немусульманских детей, но в то же время никому нельзя препятствовать в принятии ислама. Мусульманам следовало выказывать уважение и предоставлять всю требующуюся им помощь. Сосуществование конфессий было ключевым признаком раннеисламского периода и важной составляющей его успеха⁴⁰⁵.

Однако некоторые предпочли подстраховаться. Это видно по гончарным изделиям, изготовленным в Джараше, который находится в современной Иордании. Лампы, изготовленные в VII веке, содержали христианские надписи на латыни на одной стороне и исламские молитвы на арабском на другой⁴⁰⁶. Отчасти это была прагматическая реакция на недавние события. Персидская оккупация этого региона продлилась всего 25 лет. Не было никаких гарантий, что арабские правители продержатся дольше. Это ясно дает понять греческий текст, в котором встречается фраза «тело обновится само», и автор уверяет своих читателей в том, что завоевания мусульман могут быть всего лишь мимолетным успехом⁴⁰⁷.

Легкость нового режима проявилась в вопросах управления. Монеты римской чеканки использовались еще несколько десятилетий после завоевания наряду с новыми изображениями и похожего номинала. Также в целом остались нетронутыми и действующие правовые системы. Целый ряд существующих норм был позаимствован завоевателями, включая правила в вопросах наследования, приданого, клятв, браков, а также поста. В ряде случаев правители и чиновники в бывших сасанидских и римских владениях оставались на своих местах⁴⁰⁸. Отчасти это было обусловлено чисто математическими причинами. Завоеватели, будь то арабы или нет, истинные правоверные (мумины) или вновь присоединившиеся и принявшие их власть (муслимы), оказались в меньшинстве. Это означало, что работа с местным населением была насущным вопросом.

Еще одной причиной являлось то, что крупные сражения в Персии, Палестине, Сирии и Египте все еще продолжались, к примеру, до сих пор велась борьба с остатками Римской империи. Константинополь находился под постоянным давлением, так как арабские военачальники стремились покончить с римлянами раз и навсегда. При этом еще более важным было сражение за душу ислама.

Параллельно со спорами ранних христиан между собой, вопросы относительно того, что именно было сказано Мухаммеду, как оно должно быть записано, как это следует распространять и среди кого, стали причиной серьезной озабоченности после его смерти. Борьба была свирепой: из четырех человек, которые должны были стать последователями пророка,

⁴⁰³ J. Conant, *Staying Roman: Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700* (Cambridge, 2012), pp. 362–370. Также см. P. Grossman, D. Brooks-Hedstrom and M. Abdal-Rassul, 'The Excavation in the Monastery of Apa Shnute (Dayr Anba Shinuda) at Suhag', *Dumbarton Oaks Papers* 58 (2004), pp. 371–382; E. Bolman, S. Davis and G. Pyke, 'Shenoute and a Recently Discovered Tomb Chapel at the White Monastery', *Journal of Early Christian Studies* 18.3 (2010), pp. 453–462; о Палестине – L. di Segni, 'Greek Inscriptions in Transition from the Byzantine to the Early Islamic Period', in Hoyland, *Hellenism to Islam*, pp. 352–373.

⁴⁰⁴ N. Green, 'The Survival of Zoroastrianism in Yazd', *Iran* 28 (2000), pp. 115–122.

⁴⁰⁵ A. Tritton, *The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of Umar* (London, 1970); Hoyland, *God's Path*, esp. pp. 207–231.

⁴⁰⁶ N. Khairy and A. – J. #Amr, 'Early Islamic Inscribed Pottery Lamps from Jordan', *Levant* 18 (1986), p. 152.

⁴⁰⁷ G. Bardy, 'Les Trophées de Damas: controverse judéo-chrétienne du VIIe siècle', *Patrologia Orientalis* 15 (1921), p. 222.

⁴⁰⁸ J. Johns, 'Archaeology and the History of Early Islam: The First Seventy Years', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46.4 (2003), pp. 411–436; Oddy, 'The Christian Coinage of Early Muslim Syria', *ARAM* 15 (2003), pp. 185–196.

его представителями, преемниками, или «халифами», трое были убиты. Разгорались ожесточенные споры о том, как интерпретировать учение Мухаммеда, предпринимались отчаянные попытки присвоить его наследие. Были сделаны шаги по стандартизации посланий, полученных Мухамедом, и в последней четверти VII века был написан Коран⁴⁰⁹.

Противостояние между враждующими фракциями привело к ужесточению отношения к немусульманам. Каждая группа претендовала на звание более верного хранителя слова пророка, а соответственно, и воли Господней. Неудивительно, что вскоре внимание переключилось на кафи́ров, то есть неправовверных.

Мусульманские лидеры были терпимы и милостивы к христианам. Они даже перестроили церковь в Эдессе после того, как она была разрушена во время землетрясения в 679 году⁴¹⁰. Однако в конце VII века все изменилось. Началось обращение местного населения в ислам, а отношение к другим религиям становилось все более враждебным.

Одним из проявлений изменений стало то, что современные комментаторы иногда называют «монетными войнами»: пропагандистские войны велись посредством валюты. После того как халиф начал чеканить монеты с девизом «Нет бога кроме Аллаха, а Мухаммед пророк его» в начале 690-х годов, Константинополь принял ответные меры. На передней стороне монет, которые здесь чеканились, уже не было изображения императора, его перенесли на другую сторону. На месте императора появилось другое, более драматическое изображение – Иисус Христос. Целью такого изменения было усиление позиций христианства и демонстрация того, что империя находится под божественной защитой⁴¹¹.

В чрезвычайных условиях развития исламский мир стал подобен христианскому. Примечательно, что изначально в ответ на изготовление монет с изображением Иисуса и императора были созданы монеты с изображением человека, который играл роль, подобную роли Иисуса, – защитника земель правовверных. Хотя принято считать, что это изображение халифа Абд аль-Малика, есть вероятность, что это не кто иной, как сам Мухаммед. Он изображен в развевающемся одеянии, с сияющей бородой и мечом в ножнах. Если это действительно пророк, то это самое раннее из известных его изображений, и примечательно, что оно появилось при его жизни. Аль-Белазури, который писал свои сочинения столетие спустя, говорит, что некоторые соратники Мухаммеда из Медины, которые знали его лично, видели и монеты. Еще один автор, который работал еще позже и имел доступ к раннеисламским материалам, говорил примерно то же самое. Он отмечал, что друзья пророка чувствовали себя неуютно, используя такие монеты. Эти монеты оставались в обороте совсем недолго, к концу 690-х годов вся валюта, находящаяся в обращении в исламском мире, была полностью переделана: все изображения были убраны, взамен на обеих сторонах монет появились строки из Корана⁴¹².

Обращение христиан в ислам было не самой важной целью в конце VII века, так как ключевые сражения происходили между противоборствующими мусульманскими фракциями. Ожесточенные споры разгорались между теми, кто доказывал свое право быть полно-

⁴⁰⁹ E. Whelan, 'Forgotten Witnesses: Evidence for the Early Codification of the Qur'an', *Journal of the American Oriental Society* 118.1 (1998), pp. 1–14; W. Graham and N. Kermani, 'Recitation and Aesthetic Reception', in J. McAuliffe (ed.), *The Cambridge Companion to the Qurʾān* (Cambridge, 2005), pp. 115–143; S. Blair, 'Transcribing God's Word: Qur'an Codices in Context', *Journal of Qur'anic Studies* 10.1 (2008), pp. 72–97.

⁴¹⁰ R. Hoyland, 'Jacob of Edessa on Islam', in G. Reinink and A. Cornelis Klugkist (eds), *After Bardasian: Studies on Continuity and Change in Syriac Christianity* (Leuven, 1999), pp. 158–159.

⁴¹¹ M. Whittow, *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London, 1996), pp. 141–142.

⁴¹² R. Hoyland, 'Writing the Biography of the Prophet Muhammad: Problems and Sources', *History Compass* 5.2 (2007), pp. 593–596. Также см. I. and W. Schulze, 'The Standing Caliph Coins of al-Jazīra: Some Problems and Suggestions', *Numismatic Chronicle* 170 (2010), pp. 331–353; S. Heidemann, 'The Evolving Representation of the Early Islamic Empire and its Religion on Coin Imagery', in A. Neuwirth, Sinai and M. Marx (eds), *The Qurʾān in Context: Historical and Literary Investigations into the Qurʾānic Milieu* (Leiden, 2010), pp. 149–195.

правным наследником Мухаммеда, при этом основным козырем было хорошее знание ранних лет жизни пророка. Конкуренция стала настолько ожесточенной, что были предприняты достаточно серьезные согласованные усилия по переносу религиозного центра из Мекки в Иерусалим, особенно после того, как на Ближнем Востоке появилась мощная фракция, которая восстала против традиционалистов из южной Аравии. Мечеть Купол скалы (Куббат ас-Сахра), первое масштабное священное здание мусульман, была построена в начале 690-х годов, частично с целью отвлечь внимание от Мекки⁴¹³. Как говорит один из современных комментаторов, здания и материальные предметы культуры использовались «как оружие в идеологической войне» в ходе самого взрывного периода гражданской войны, периода, когда халиф лично поднял войска против прямых потомков пророка Мухаммеда⁴¹⁴.

Разногласия в мусульманском мире объясняют надписи на мозаике на внутренней и внешней сторонах мечети Купол скалы. Их целью было смягчить христиан. Эти надписи гласят, что следует поклоняться Аллаху, сострадательному и милосердному, чтить и благословлять пророка его Мухаммеда. Но также там указывается, что Иисус был мессией: «Уверуй в Господа и посланников его... Благослови посланника своего и раба Иисуса, сына Марии, и пребудет с ним мир в день его рождения и в день смерти его, и в день воскресения его из мертвых»⁴¹⁵. Другими словами, даже в 690-х годах границы религий были смазаны. Ислам, к слову, был настолько близок к христианству, что некоторые ученые полагали, что это не новая религия, а другая интерпретация христианства. По словам Иоанна Дамаскина, одного из ведущих исследователей того времени, ислам был христианской ересью, а не новой религией. Мухаммед, писал он, пришел к своим идеям на основании нового прочтения Старого и Нового Заветов и бесед со странствующим христианским монахом⁴¹⁶.

Несмотря на беспрестанную борьбу за положение и власть в центре мусульманского мира, или, возможно, благодаря ей периферии были существенно расширены. Военачальники, которые гораздо лучше чувствовали себя на поле боя, чем в политических или теологических баталиях, вели свои армии в глубь Центральной Азии, Кавказа и Северной Африки. Наступление на Европу казалось неминуемым. После того как армия пересекла Гибралтар, она прошла через Испанию прямо во Францию, где в 732 году встретила сопротивление где-то между Пуатье и Туром, примерно в двухстах милях от Парижа. В ходе битвы, которая впоследствии приобрела почти мифический статус, исламское вторжение было остановлено, Карл Мартелл привел войско, которое наголову разбило арабов. Судьба христианской Европы висела на волоске. Позже историки утверждали, что, если бы не героизм и умение защитников, континент определенно стал бы мусульманским⁴¹⁷. Поражение, конечно же, стало шагом назад для арабской армии, но никто не был застрахован от новых атак в будущем, в том случае, если будет за что бороться. Что касалось Западной Европы в тот период, здесь было слишком мало того, что стоило внимания, и эти объекты располагались далеко друг от друга. Богатства находились совсем в другом месте.

Мусульманские завоевания завершили процесс ввержения Европы в тень. Этот процесс начался с вторжения готов, гуннов и прочих кочевых племен двумя столетиями раньше. Остатки Римской империи – Константинополь и немногие внутренние районы – балансировали на грани полного краха. Торговля в христианском Средиземноморье, уже пришедшая

⁴¹³ B. Flood, *The Great Mosque of Damascus: Studies on the Makings of an Umayyad Visual Culture* (Leiden, 2001).

⁴¹⁴ Johns, 'Archaeology and History of Early Islam', pp. 424–425. Также см. Hoyland, *Seeing Islam*, esp. pp. 550–553, 694–695, и в целом P. Crone and M. Hinds, *God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam* (Cambridge, 1986).

⁴¹⁵ O. Grabar, *The Dome of the Rock* (Cambridge, MA, 2006), pp. 91–92.

⁴¹⁶ John of Damascus, *On Heresies*, tr. F. Chase, *The Fathers of the Church* (Washington, DC, 1958), 101, p. 153; Sarris, *Empires of Faith*, p. 266.

⁴¹⁷ Например, M. Bennett, *Fighting Techniques of the Medieval World AD 500 – AD 1500: Equipment, Combat Skills and Tactics* (Staplehurst, 2005).

в упадок накануне войн с Персией, окончательно рухнула. Некогда шумные и многолюдные города, такие как Афины и Коринф, обезлюдели. Их население резко сократилось, городской центр оказался покинут. Начиная с VII века и далее, кораблекрушения, которые выступали в том числе показателем уровня торговли, просто сошли на нет. Все торговые отношения, которые выходили за рамки местных сделок, прекратились⁴¹⁸.

Контраст с мусульманским миром был разительным. Экономические центры Римской империи и Персии были завоеваны и объединены. Египет и Месопотамия объединились и представляли собой новое политическое и экономическое чудище, которое простиралось от Гималаев до Атлантики. Несмотря на идеологические споры, вражду и периодическую нестабильность в исламском мире, например, свержение действующего халифата в 750 году династией Аббасидов, новая империя жаждала новых идей, товаров и денег. На самом деле именно это и лежало в основе аббасидской революции: города Центральной Азии проложили дорогу новому режиму. Это были очаги интеллектуальных споров. Они же финансировали восстания. Именно здесь принимались важнейшие решения, которые влияли на борьбу за душу ислама⁴¹⁹.

Мусульмане захватили мир, который был упорядочен и усеян сотнями городов, полных потребителей, другими словами, граждан, платящих налоги. Так как каждый из них попал под власть халифата, все больше ресурсов и активов оказывалось во власти центра. Торговые пути, оазисы, города и природные ресурсы были распределены, а их использование распланировано. Порты, обеспечивающие торговлю между Персидским заливом и Китаем, оказались аннексированы, так же как и транссахарские торговые пути, которые были расширены и позволили городу Фес (на территории современного Марокко) стать «чрезвычайно процветающим» и, по словам одного из современников, приносить «огромную прибыль». Покорение новых регионов и народов приносило в империю мусульман огромные суммы денег: один из арабских историков подсчитал, что завоевание Синда (современный Пакистан) принесло 60 миллионов драхм, не говоря уже о будущих богатствах, которые формировались за счет налогов и сборов⁴²⁰. В пересчете на современные деньги речь идет о миллиардах долларов.

Войска продвигались на восток, и процесс сбора дани был прибыльным и успешным. Так было в Палестине, Египте и во многих других местах. Города Центральной Азии обирали один за другим, а непрочные связи между ними способствовали их окончательному падению: в условиях отсутствия организационной структуры и скоординированной обороны каждый из них ожидал свою судьбу в одиночестве⁴²¹. Жители Самарканда были вынуждены выплатить военачальнику мусульман огромную сумму денег, однако через некоторое время им все равно пришлось сдаться. По крайней мере, городской глава был избавлен от судьбы Деваштича – правителя Пенджикента (современный Таджикистан), который именовал себя царем Согдианы. Он был обманут, захвачен в плен и распят перед всем народом. Правителя Балха (теперь это север Афганистана) постигла та же судьба⁴²².

⁴¹⁸ P. Reynolds, *Trade in the Western Mediterranean, AD 400–700: The Ceramic Evidence* (Oxford, 1995); S. Kinsley, 'Mapping Trade by Shipwrecks', in M. Mundell Mango (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries* (Farnham, 2009), pp. 31–36; M. McCormick, *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, AD 300–900* (Cambridge, 2001); Wickham, *Inheritance of Rome*, esp. p. 255ff.

⁴¹⁹ de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 279–286.

⁴²⁰ al-Yaʿqūbī and al-Balādhurī, цитируется по J. Banaji, 'Islam, the Mediterranean and the Rise of Capitalism', *Historical Materialism* 15 (2007), pp. 47–74, esp. pp. 59–60.

⁴²¹ О свободных структурах в согдийском мире в это время см. de la Vaissière, *Marchands sogdiens*, pp. 144–176.

⁴²² См. здесь F. Grenet and E. de la Vaissière, 'The Last Days of Panjikent', *Silk Road Art and Archaeology* 8 (2002), pp. 155–196.

Успехам в Центральной Азии в значительной степени способствовал хаос, зарождающийся в степях, в то время как Персия буквально разваливалась. Разрушительная зима 627/628 года привела к голоду и гибели большого количества скота. Значительно изменилась расстановка сил. По мере продвижения на восток мусульманские войска сталкивались с кочевыми племенами, которые тоже выиграли от падения Персии. В 730-х годах сокрушительное поражение было нанесено племенам тюрков. Ситуация усугубилась, когда Сулу, один из ключевых персонажей в степи, был убит во время особенно темпераментной игры в нарды⁴²³.

Когда буферная зона, которую образовывали степные племена, распалась, мусульмане стали медленно, но верно продвигаться на восток, по пути захватывая города, города-оазисы и перевалочные и коммуникационные узлы, и уже к началу VIII века добрались до западной границы Китая⁴²⁴. В 751 году завоеватели лицом к лицу встретились с китайцами и разбили их в битве на реке Талас в Центральной Азии. Мусульмане подошли к природным границам, за которые уже не было смысла продвигаться, по крайней мере, в ближайшей перспективе. В Китае тем временем поражение вызвало всеобщее потрясение, которое вылилось в восстание против правящей династии Тан под предводительством согдийского генерала Ань Лушаня, что привело к длительному периоду волнений, нестабильности и вакууму во власти, которым могли воспользоваться многие⁴²⁵.

Первыми успели занять место уйгуры, племя, которое поддерживало династию Тан и выиграло оттого, что его бывшие повелители удалились в безопасный регион Китая зализывать раны. Чтобы более эффективно контролировать свои расширившиеся владения, уйгуры основали постоянные поселения, самым значимым из которых был Баласагун, или Куз Орду (находится на территории современного Кыргызстана). Там обосновался правитель – каган. Это была любопытная смесь города и лагеря. Правитель жил в тенте с золотым куполом и установленным в нем тронem. В городе было двенадцать ворот, его защищали стены и сторожевые башни. Судя по более поздним источникам, это был лишь один из многих уйгурских городов, которые возникали, начиная с VIII века⁴²⁶.

Уйгуры очень быстро стали основной силой на восточной границе с мусульманами. Первым делом они организовали собственную торговлю, а затем и вовсе заменили согдийцев в междугородней торговле, особенно шелком. Большое количество впечатляющих дворцовых комплексов говорит о богатствах, полученных за это время⁴²⁷. Хух Ордун, к примеру, был хорошо защищенным городом, в котором палаточный лагерь соседствовал с постоянными постройками, среди которых находился павильон, в котором каган принимал важных посетителей и проводил религиозные церемонии⁴²⁸. Столкнувшись с враждебностью мусульман, уйгуры попытались вернуть собственную идентичность и решили принять манихейство, посчитав, что, возможно, оно послужит хорошей прослойкой между мусульманами на западе и Китаем на востоке.

⁴²³ См. здесь J. Karam Skaff, *Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbours: Culture, Power, and Connections*, 580–800 (Oxford, 2012).

⁴²⁴ D. Graff, 'Strategy and Contingency in the Tang Defeat of the Eastern Turks, 629–630', in N. di Cosmo (ed.), *Warfare in Inner Asian History, 500–1800* (Leiden, 2002), pp. 33–72.

⁴²⁵ de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 217–220.

⁴²⁶ C. Mackerras, *The Uighur Empire According to the T'ang Dynastic Histories* (Canberra, 1972); T. Allsen, *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: A Cultural History of Islamic Textiles* (Cambridge, 1997), p. 65.

⁴²⁷ C. Beckwith, 'The Impact of Horse and Silk Trade on the Economics of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 34 (1991), pp. 183–198.

⁴²⁸ J. Kolbas, 'Khukh Ordung: A Uighur Palace Complex of the Seventh Century', *Journal of the Royal Asiatic Society* 15.3 (2005), pp. 303–327.

Мусульманские завоеватели создали обширную сеть торговых и коммуникационных артерий, находящихся под их контролем. Таким образом, под властью мусульман оазисы Афганистана и Ферганы были соединены с Северной Африкой и Атлантическим океаном. Объем богатств, располагающихся в центре Азии, потрясал воображение. Раскопки в Пенджикенте, Балалык-тепе и других местах современного Узбекистана свидетельствуют о самом высоком уровне меценатства и показывают, какие за этим стояли деньги. Сцены из придворной жизни, так же как и сцены из эпической персидской литературы, были нарисованы на стенах частных резиденций. Одно из изображений во дворце в Самарканде отражает идею космополитического мира, в который предстояло вступить мусульманам: рисунок показывает, как местный правитель принимает дары от иностранных гостей, которые прибывают из Китая, Персии, Индии и даже Кореи. Города, провинции и дворцы, подобные этому, попали в руки мусульман, которые сконцентрировались на торговых путях⁴²⁹.

Благодаря новым вливаниям в центральную казну в таких местах, как Сирия, началась инвестиционная деятельность. В VIII веке в сирийских городах Джараш, Скифополис и Пальмира началось масштабное строительство⁴³⁰. Однако самым поразительным было строительство нового огромного города. Он должен был стать самым богатым и населенным городом в мире. Таким он и оставался целые столетия. И даже оценка, сделанная в районе X века, показала блестящие результаты. Исходя из количества бань и необходимого для их поддержания персонала, а также вероятного количества ванн в частных домах, один из авторов сделал вывод, что население города составляло около 100 миллионов⁴³¹. Он назывался Мадинат аль-Салам, или Город мира. Сейчас мы знаем его под названием Багдад.

Это был идеальный мир мусульманского достатка, сердце королевской власти, покровительства и престижа. Для преемников Мухаммеда город стал новым центром политической и экономической оси, связывающей воедино все земли мусульман по всем направлениям. Там было все для проведения роскошных мероприятий, таких как, например, свадьба Харуна ар-Рашида, сына халифа, в 781 году. Он презентовал своей невесте жемчужное украшение невероятных размеров, платье, украшенное рубинами, и устроил банкет, «подобный которому еще никогда не устраивался ни для одной женщины прежде», кроме того, он раздал щедрые дары людям по всей стране. Золотые чаши, наполненные серебром, и серебряные чаши, наполненные золотом, а также дорогие духи в стеклянных сосудах были разосланы повсюду. Женщинам из прислуги были дарованы кошельки с золотыми и серебряными монетами «и большой серебряный поднос с благовониями, а также по яркому, богато украшенному халату каждой». Никто и никогда до этого не видел ничего подобного. По крайней мере, не во времена ислама⁴³².

Все это стало возможным благодаря необычайно высоким налоговым сборам, полученным со всей обширной и богатой империи. Когда в 809 году Харун ар-Рашид умер, в его сокровищнице находилось 4000 турбанов, 1000 драгоценных фарфоровых сосудов, большой выбор духов, невероятное количество драгоценных украшений, серебра и золота, 150 000 копий и столько же щитов, кроме того, тысячи пар обуви, многие из которых были

⁴²⁹ L. Albaum, *Balalyk-Tepe: k istorii material'noi kul'tury i iskusstva Tokharistana* (Tashkent, 1960); F. Starr, *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane* (Princeton, 2014), p. 104.

⁴³⁰ A. Walmsley and K. Damgaard, 'The Umayyad Congregational Mosque of Jerash in Jordan and its Relationship to Early Mosques', *Antiquity* 79 (2005), pp. 362–378; I. Roll and E. Ayalon, 'The Market Street at Apollonia – Arsuf', *BASOR* 267 (1987), pp. 61–76; K. al-As'ad and Stepniowski, 'The Umayyad suq in Palmyra', *Damascener Mitteilungen* 4 (1989), pp. 205–223; R. Hillenbrand, 'Anjar and Early Islamic Urbanism', in G. – P. Brogiolo and B. Ward-Perkins (eds), *The Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Leiden, 1999), pp. 59–98.

⁴³¹ Hilāl al-#ābi#, *Rusūm dār al-khilāfah*, in *The Rules and Regulations of the Abbasid Court*, tr. E. Salem (Beirut, 1977), pp. 21–22.

⁴³² Ibn al-Zubayr, *Kitāb al-hadāyā wa al-tu#af*, in *Book of Gifts and Rarities: Selections Compiled in the Fifteenth Century from an Eleventh-Century Manuscript on Gifts and Treasures*, tr. G. al-Qaddūmi (Cambridge, MA, 1996), pp. 121–122.

отделаны собором, норкой и другими мехами⁴³³. «Наименьшая из моих земель приносит больше прибыли, чем все ваши владения», – предположительно так халиф писал императору в Константинополь в середине IX века⁴³⁴. Богатство привело к эпохе процветания и интеллектуальной революции.

Существенно увеличилось количество частных предприятий, так как уровень свободных капиталов резко возрос. Басра, находящаяся в Персидском заливе, приобрела репутацию рынка, где можно отыскать практически что угодно, включая шелк, лен, жемчуг, драгоценные камни, хну и розовую воду. По словам очевидца X века, рынок в Мосуле, городе с прекрасными домами и великолепными общественными банями, был отличным местом для покупки стрел, стремян, седел. При этом автор отмечал, что, если вам хочется приобрести качественные фисташки, кунжутное масло, гранаты, финики, лучше всего отправляться за ними в Нишапур⁴³⁵.

Существовал огромный спрос на деликатесы, товары, изготовленные лучшими мастерами. В то время как вкусы стали более изощренными, повысился спрос на информацию. Даже если принимать во внимание традиционную и очень романтическую версию о том, что бумага попала в исламский мир через китайцев, захваченных в битве при Таласе в 751 году, совершенно ясно, что ко второй половине VIII века доступность бумаги сделала процесс записи, распространения и совместного пользования знаниями проще и быстрее. Произшедший в результате литературный бум охватил буквально все сферы – математику, географию и описание путешествий⁴³⁶.

Авторы отмечали, что лучшая айва росла в Иерусалиме, лучшую выпечку делали в Египте, в Сирии потрясающе вкусный инжир, а за умарийские сливы из Шираза можно умереть. Так как теперь могли быть удовлетворены даже самые взыскательные вкусы, отзывы критиков стали также важны. Один из авторов отмечает, что фруктов из Дамаска следует избегать, так как они безвкусные (а населению требовались аргументированные отзывы). Хотя сам Дамаск был не так плох, как Иерусалим, «золотой котел полный скорпионов», где бани были грязны, еда слишком дорогая, а стоимость проживания могла вызвать желание отказаться даже от самого короткого визита в город⁴³⁷. Торговцы и путешественники привозили домой истории о посещенных ими странах, о том, чем торгуют на рынках, какие люди живут за пределами исламского мира. Например, один из авторов, который сверял отчеты из-за границы, отмечал, что китайцы всех возрастов «носят шелка как зимой, так и летом», а одежда некоторых из них была сделана из поистине прекрасных материалов. Однако элегантность распространялась не на все сферы жизни: «Китайцы не соблюдают гигиену. После того как они справляют нужду, они не подмываются, а просто вытираются китайской бумагой»⁴³⁸.

По крайней мере, им пришлось по нраву музыкальные развлечения в отличие от индусов, которые считали такие увеселения постыдными. Правители Индии также избегали и алкоголя. Они делали это не по религиозным причинам, а потому, что совершенно разумно считали: если давать волю пьянству, «как можно правильно управлять государством»? Хотя Индия и являлась страной врачей и философов, Китай – это «гораздо более здоровая страна, где гораздо меньше болезней и воздух лучше». Там очень редко можно встретить «сле-

⁴³³ B. Lewis, *Islam: From the Prophet Muhammad to the Capture of Constantinople* (New York, 1987), pp. 140–141.

⁴³⁴ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, p. 60.

⁴³⁵ Там же, pp. 107, 117, 263.

⁴³⁶ J. Bloom, *Paper before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World* (New Haven, 2001).

⁴³⁷ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, pp. 6, 133–134, 141.

⁴³⁸ *Two Arabic travel books: Accounts of China and India*, ed. and trans. T. Mackintosh-Smith and J. Montgomery (New York, 2014), p. 37.

пых, одноглазых или людей с другими отклонениями», в то время как «в Индии таких полным-полно»⁴³⁹.

Предметы роскоши поступали из-за границы в больших количествах. Из Китая поставлялись фарфоровые и каменные изделия, образцы гончарного мастерства, изготовленные по местным эскизам и технологиям. Их отличительной чертой стала белая глазурь, характерная для посуды династии Тан и ставшая очень популярной. Достижения в области технологий позволили удовлетворять все возрастающий спрос.

Предполагается, что самые большие китайские печи для обжига вмещали одновременно до 12 000–15 000 изделий. О росте уровня торговли, который один из ученых назвал «самой большой в мире системой морской торговли», можно судить хотя бы потому, что на корабле, потерпевшем крушение около берегов Индонезии в IX веке, перевозилось около 70 000 керамических изделий, а также щедро украшенные шкатулки, серебряные, золотые и свинцовые слитки⁴⁴⁰. Это лишь один из примеров, доказывающих обилие керамики, шелка, твердых пород древесины из тропиков и экзотических животных, которые, как показывают источники, импортировались в Аббасидский халифат⁴⁴¹. Количество товаров, прибывающих в Персидский залив, было так велико, что для очистки гавани от выброшенных или упавших с борта товаров нанимались профессиональные ныряльщики⁴⁴².

На доставке товаров, пользующихся спросом, можно было сколотить состояние. Порт Сираф, на который приходилась большая часть морского трафика с востока, мог похвастаться роскошными дворцовыми комплексами, строительство которых обошлось в заоблачные суммы. «Нигде в исламском мире я не видел более роскошных зданий», – писал один из авторов X века⁴⁴³. Целый ряд источников говорит о том, что широкомасштабная торговля с Заливом шла не только морскими путями, но и по наземным торговым путям, которые пересекали Центральную Азию⁴⁴⁴. Растущий спрос послужил толчком для развития местных производств керамики и фарфора. Покупателями в основном являлись те, кто был не в состоянии приобрести самые лучшие (и самые дорогостоящие) товары из Китая. Таким образом, неудивительно, что гончары Месопотамии и Персидского залива имитировали импортную белую глазурь, экспериментируя со щелочью, оловом и в конечном итоге с кварцем. Они хотели добиться наибольшего сходства с полупрозрачным (и очень качественным) фарфором, изготовленным в Китае. В Басре и Самарре технологии развились настолько, что ремесленники начали применять кобальт для изготовления «бело-синих изделий», которые столетиями позже не только оказались популярны на Дальнем Востоке, но и стали отличительной чертой китайской керамики раннего периода новейшего времени⁴⁴⁵.

В VIII и IX веках, однако, не было ни малейших сомнений в том, где находились основные рынки. Один их китайских путешественников, странствовавший по Арабским Эмиратам в тот же период, дивился окружающему богатству: «Все, что только было произведено на земле, здесь. Бесчисленные повозки свозят на рынки огромное количество товаров. Все

⁴³⁹ Там же, pp. 59, 63.

⁴⁴⁰ J. Stargardt, 'Indian Ocean Trade in the Ninth and Tenth Centuries: Demand, Distance, and Profit', *South Asian Studies* 30.1 (2014), pp. 35–55.

⁴⁴¹ A. Northedge, 'Thoughts on the Introduction of Polychrome Glazed Pottery in the Middle East', in E. Villeneuve and P. Watson (eds), *La Céramique byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe – VIIIe siècles apr. J. – C.)* (Beirut, 2001), pp. 207–214; R. Mason, *Shine Like the Sun: Lustre-Painted and Associated Pottery from the Medieval Middle East* (Toronto, 2004); M. Milwright, *An Introduction to Islamic Archaeology* (Edinburgh, 2010), pp. 48–49.

⁴⁴² H. Khalileh, *Admiralty and Maritime Laws in the Mediterranean Sea (ca. 800–1050): The Kitāb Akriyat al Sufun vis-à-vis the Nomos Rhodion Nautikos* (Leiden, 2006), pp. 212–214.

⁴⁴³ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, pp. 347.

⁴⁴⁴ Daryaei, 'Persian Gulf Trade', pp. 1–16; Banaji, 'Islam, the Mediterranean and the Rise of Capitalism', pp. 61–62.

⁴⁴⁵ E. Grube, *Cobalt and Lustre: The First Centuries of Islamic Pottery* (London, 1994); O. Watson, *Ceramics from Islamic Lands* (London, 2004).

доступно и недорого: парча, расшитые шелка, жемчуг, драгоценные камни продаются на рынках и магазинах по всему городу»⁴⁴⁶.

По мере возникновения все более изощренных вкусов появлялись также и изощренные идеи о подходящих занятиях и играх. Например, в «Книге короля» (*Book of the Crown*), написанной в X веке, описаны правила взаимоотношений между правителем и его двором, а также указано, что аристократам следует охотиться, стрелять из лука, играть в шахматы или заниматься чем-то другим, подобным этому⁴⁴⁷. Все эти правила были заимствованы из идеальных представлений о жизни Сасанидов. Отголоски этого влияния можно увидеть и в современных модных тенденциях оформления интерьеров. Сцены охоты до сих пор очень популярны при оформлении частных особняков элиты⁴⁴⁸.

Наличие богатых покровителей также способствовало началу одного из самых удивительных периодов расцвета науки в истории. Блестящие ученые, многие из которых не были мусульманами, съехались к Багдадскому двору и в центры наук по всей Центральной Азии, такие как, например, Бухара, Мерв, Гундишапур и Газни, а также в дальнейшем в исламскую Испанию и Египет, чтобы работать над целым рядом вопросов, включая математические, философские, физические и географические.

Огромное количество текстов было собрано и переведено с греческого, персидского и сирийского языков на арабский. Среди них были самые разнообразные книги, начиная с пособия по лечению лошадей и ветеринарным наукам и заканчивая работами греческих философов⁴⁴⁹. Ученые использовали их как основу для своих будущих исследований. Образование и обучение стали культурным идеалом. Такие семьи, как Бармакиды (изначально буддистский род из Балха), которая получила власть и влияние в Багдаде в IX веке, с энтузиазмом покровительствовали переводчикам огромного количества текстов с санскрита на арабский. Бармакиды даже построили бумажную фабрику, чтобы создавать копии книг для их дальнейшего распространения⁴⁵⁰.

Еще одна семья, которую стоит упомянуть, – Буктишу, христианский род из Гундешапура в Персии, который дарил миру целые поколения интеллектуалов, которые написали множество работ по медицине и даже о любовной тоске. Параллельно с написанием своих исследований они практиковали медицину. Некоторые представители рода лечили самого халифа⁴⁵¹. Медицинские исследования, написанные в этот период, сформировали основу исламской медицины на целые столетия. «Как тревога сказывается на пульсе человека?» – это был 16-й вопрос из книги в вопросах и ответах, написанной в средневековом Египте; ответ («слабый и неровный»), по словам автора, можно было найти в энциклопедии, написанной в X веке⁴⁵².

Фармакопея – свод правил по смешиванию и созданию лекарств. В нем описаны эксперименты с использованием лемонграсса, семени мирта, тмина и винного уксуса, сельдерея

⁴⁴⁶ Du Huan, Jinxing Ji, цитируется по X. Liu, *The Silk Road in World History* (Oxford, 2010), p. 101.

⁴⁴⁷ *Kitāb al-Tāj (fī aḥlāq al-mulūk)* in *Le Livre de la couronne: ouvrage attribué à #ahiz*, tr. C. Pellat (Paris, 1954), p. 101.

⁴⁴⁸ Заимствования у Сасанидов – Walker, *Qardagh*, p. 139. Сцены охоты из дворцов Тегерана – D. Thompson, *Stucco from Chal-Tarkhan-Eshqabad near Rayy* (Warminster, 1976), pp. 9–24.

⁴⁴⁹ D. Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early #Abbasid Society (2nd–4th / 8th–10th Centuries)* (London, 1998); R. Hoyland, ‘Theonmestus of Magnesia, Hunayn ibn Ishaq and the Beginnings of Islamic Veterinary Science’, in R. Hoyland and P. Kennedy (eds), *Islamic Reflections, Arabic Musings* (Oxford, 2004), pp. 150–169; A. McCabe, *A Byzantine Encyclopedia of Horse Medicine* (Oxford, 2007), pp. 182–184.

⁴⁵⁰ V. van Bladel, ‘The Bactrian Background of the Barmakids’, in A. Akasoy, Burnett and R. Yoeli-Tlalim, *Islam and Tibet: Interactions along the Musk Route* (Farnham, 2011), pp. 82–83; Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture*, p. 13.

⁴⁵¹ См. P. Pormann and E. Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine* (Edinburgh, 2007); Y. Tabbaa, ‘The Functional Aspects of Medieval Islamic Hospitals’, in M. Boner, M. Ener and A. Singer (eds), *Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts* (Albany, NY, 2003), pp. 97–98.

⁴⁵² Pormann and Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine*, p. 55.

и нарда⁴⁵³. Другие работали над проблемами оптики вместе с ибн аль-Хайсамом, ученым, который жил в Египте. Он написал исследование, в котором описал не только связь между мозгом и зрением, но и разницу между восприятием и знанием⁴⁵⁴.

Еще один ученый – Абу аль-Бируни – установил, что мир вращается вокруг Солнца, а также вокруг своей оси. Такой эрудит, как Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, писал труды по логике, теологии, математике, медицине и философии. В каждой работе отражается его ум и честность, все его труды отличаются ясностью. «Я читал Метафизику Аристотеля, – писал он, – но так и не смог понять содержание... даже когда я начал снова и прочитал эту книгу сорок раз, я дошел до того, что заучил ее». Это книга, добавил он, послужит утешением тем, кто изучает этот сложный текст, «который невозможно понять». Случайно оказавшись у лотка продавца книг на рынке, он приобрел анализ работ Аристотеля, автором которого являлся Абу Наср аль-Фараби, еще один выдающийся мыслитель того времени. Внезапно все встало на свои места. «Я радовался этому, – писал ибн Сина, – и на следующий день я раздал большую милостыню бедным в благодарность Всевышнему»⁴⁵⁵.

Затем появились исследования из Индии, включая работы по таким наукам, как математика и астрология, написанные на санскрите, над которыми корпели гениальные люди, например, аль-Хорезми, который с восторгом отметил простоту системы исчисления, которая позволяла ввести математическую концепцию нуля. Это послужило основой для изменений в алгебре, прикладной математике, тригонометрии и астрономии. Последнее было продиктовано практической необходимостью узнать, в какой стороне находится Мекка, чтобы верующие в своих молитвах могли обращаться в нужном направлении.

Ученые гордились не только тем, что они собирали материалы со всех уголков Земли и изучали их, но также и тем, что они их переводили. «Исследования индусов переведены (на арабский язык), мудрость греков переведена, литература персов передана (и нам в том числе), – писал один из авторов, – в результате красота многих работ сильно возросла». «Как жаль, – делился он, – что арабский язык настолько утонченный, что переводить тексты на него практически невозможно»⁴⁵⁶.

Это было золотое время, когда такие выдающиеся люди, как, например, аль-Кинди, раздвигали границы философии и других наук. В то же самое время появились и выдающиеся женщины, такие как поэтесса X века, известная как Робиаи Балхи. Она жила на территории современного Афганистана, а в Кабуле в ее честь назван роддом. Мехсети Гянджеви, еще одна выдающаяся поэтесса, творила на персидском языке⁴⁵⁷.

В то время как мусульманский мир наслаждался инновациями, прогрессом и новыми идеями, большая часть христианской Европы была ввергнута во тьму, была буквально парализована из-за отсутствия ресурсов и недостатка любопытства. Святой Августин был враждебно настроен к разного рода исследованиям. «Люди хотят знать только ради самого знания, – писал он пренебрежительно, – хотя это знание не имеет для них никакой ценности». Любопытство, по его мнению, было не чем иным, как болезнью⁴⁵⁸.

Это презрение к наукам и ученым озадачило мусульманских исследователей, которые очень уважали Птолемея и Евклида, Гомера и Аристотеля. Многие из них даже не сомнева-

⁴⁵³ E. Lev and L. Chipman, 'A Fragment of a Judaeo-Arabic Manuscript of Sābūr b. Sahl's *Al-Aqrābādhīn al-#aghīr* Found in the Taylor-Schechter Cairo Genizah Collection', *Medieval Encounters* 13 (2007), pp. 347–362.

⁴⁵⁴ Ibn al-Haytham, *The Optics of Ibn al-Haytham, Books I–III: On Direct Vision*, tr. A. Sabra, 2 vols (London, 1989).

⁴⁵⁵ W. Gohlman, *The Life of Ibn Sina: A Critical Edition and Annotated Translation* (New York, 1974), p. 35.

⁴⁵⁶ al-Jā#i#, *Kitāb al-#ayawān*, cited by Pormann and Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine*, p. 23.

⁴⁵⁷ Mahsatī, *Mahsati Ganjavi: la luna e le perle*, tr. R. Bargigli (Milan, 1999); а также Bagherzadeh, 'Mahsati Ganjavi et les potiers de Rey', in *Varia Turcica* 19 (1992), pp. 161–176.

⁴⁵⁸ Augustine, *The Confessions of St Augustine*, tr. F. Sheed (New York, 1942), p. 247.

лись, кого следует в этом винить. Древние греки и римляне, как писал историк аль-Масуди, позволили наукам процветать, но затем они приняли христианство. Сделав это, они «стерли все знаки (обучения), уничтожили его следы и разрушили его пути»⁴⁵⁹. Науку победила вера. Это была почти полная противоположность тому миру, который мы видим сейчас. Фундаменталистами были не мусульмане, а христиане. Те, чьи умы были открыты, любопытны и щедры, жили на Востоке, а не в Европе. Как говорил один из авторов, когда дело дошло до описания немусульманских стран, «мы не вводили их (в нашей книге), потому что мы не видим никакой пользы в их описании». Они напоминали интеллектуальное болото⁴⁶⁰.

Картина просветления и культурной утонченности также нашла свое отражение в отношении к малым культурам и религиям. В мусульманской Испании влияние вестготов проявилось в архитектурном стиле, оно воспринималось как продолжение недавнего прошлого и, соответственно, не несло в себе ни агрессивного, ни триумфального посыла⁴⁶¹. В письмах, отправленных Тимофеем, главой Багдадской восточной церкви в конце VIII – начале IX века, описан мир, в котором старшие христианские священнослужители находятся в хороших отношениях с самим халифом, где христиане могут рассылать миссии в Индию, Китай и Тибет, а также в степи, при этом добиваясь больших успехов⁴⁶². Такая же система наблюдалась и в Северной Африке, где еще сохранились христианские и еврейские общины. Более того, они процветали еще долгое время после того, как были завоеваны мусульманами⁴⁶³.

В такой ситуации очень легко потерять контроль. Несмотря на видимое единство в рамках одной религии, в исламском мире наблюдался раскол. В самом начале 900-х годов существовало три основных политических исламских центра. Один из них находился в Кордобе в Испании, другой – в Египте в верховьях Нила, а третий – в Месопотамии, занимая большую часть Аравийского полуострова. Все они боролись друг с другом как по вопросам религии, так и по вопросам власти и влияния. Раскол в исламском мире произошел в течение жизни одного поколения после смерти Мухаммеда. Появились мятежники, которые стремились доказать свой статус непосредственных преемников пророка после его смерти. Очень быстро образовалось два лагеря, которые отстаивали, соответственно, суннитскую и шиитскую интерпретацию учения. Последние утверждали, что только наследник Али, двоюродного брата пророка и его воспитанник, может стать халифом, в то время как первые настаивали на более широком понимании учения.

Таким образом, несмотря на тот факт, что номинально существовало всеобъемлющее религиозное единство, которое соединяло Гиндукуш с Пиренеями через Месопотамию и Северную Африку, найти компромисс оказалось не так просто. Расслабленное отношение к религии не было ни повсеместным, ни последовательным. Хотя можно выделить периоды принятия других религий, были также и времена преследований и насильственных обращений. Первую сотню лет после смерти Мухаммеда попытки обратить местное население предпринимались очень редко, позже власти более широко поддерживали тех, кто живет под властью ислама. Они не ограничивались религиозными нравоучениями и обращением в религию: в Бухаре в VIII веке, например, правитель объявил, что те, кто явится на пятничную молитву, получат сумму в 2 динара – стимул, который привлеч бедных и убедил их принять новую религию, хоть и на базовых условиях. Они не могли читать Коран на арабском, и во время молитвы им говорили, что нужно делать⁴⁶⁴.

⁴⁵⁹ al-Masūdī, цитируется по Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture*, p. 89.

⁴⁶⁰ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, p. 8.

⁴⁶¹ M. Barrucand and A. Bednorz, *Moorish Architecture in Andalusia* (Cologne, 1999), p. 40.

⁴⁶² Например, M. Dickens, 'Patriarch Timothy II and the Metropolitan of the Turks', *Journal of the Royal Asiatic Society* 20.2 (2010), pp. 117–139.

⁴⁶³ Conant, *Staying Roman*, pp. 362–370.

⁴⁶⁴ Narshakhī, *The History of Bukhara: Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhī*, tr. N Frye

Цепь событий, начало которой было положено с возникновением вражды между Римской империей и Персией, имела далеко идущие последствия. По мере того как две великие державы наращивали мускулы и готовились к финальному шоу, лишь немногие могли предположить, что на далеком Аравийском полуострове появится третья сторона, которая вытеснит первые две. Те, кто был вдохновлен Мухаммедом, на самом деле унаследовали Землю. Они основали, пожалуй, величайшую империю, которую видел мир. Империю, которая показала миру новые методы орошения и принесла на Пиренейский полуостров новые культуры с берегов Тигра и Евфрата, устроив тем самым аграрную революцию, которая распространилась на тысячи миль⁴⁶⁵.

Исламские завоевания привели к созданию нового мирового порядка, зарождению экономического гиганта, поддерживаемого собственной самоуверенностью, широтой взглядов и страстным стремлением к прогрессу. Это был мир, изобилующий богатствами, имеющий мало политических и религиозных противников, здесь главенствовал порядок, торговцы могли разбогатеть, в этом мире уважали интеллектуалов и рассматривались и обсуждались самые разнообразные точки зрения. То, что начиналось в пещере возле Мекки без всякой надежды на успех, породило утопию космического масштаба.

Это не осталось незамеченным. Амбициозные люди, рожденные на периферии мусульманской уммы или даже дальше, слетелись как пчелы на мед. Перспектива провести жизнь в болотах Италии, в Центральной Европе или Скандинавии не выглядела слишком многообещающей для молодых людей, желающих сделать имя (и заработать денег). В XIX веке они стремились на Запад, в США. Именно там они искали славы и богатства. Тысячелетием ранее молодые люди отправлялись на Восток. Тем более что там был один товар, которого всегда было в достатке, и готовый рынок для тех, кто был готов сыграть грубо, но быстро.

(Cambridge, MA, 1954), pp. 48–49.

⁴⁶⁵ A. Watson, *Agricultural Innovation in the Early Islamic World* (Cambridge, 1983); T. Glick, 'Hydraulic Technology in al-Andalus', in M. Morony (ed.), *Production and the Exploitation of Resources* (Aldershot, 2002), pp. 327–339.

6. Путь мехов

Во времена расцвета Багдад представлял собой великолепное зрелище. Здесь были парки, рынки, мечети и бани, наряду со школами, госпиталями и благотворительными организациями. Особняки в городе были «щедро позолочены и украшены, увешаны красивыми гобеленами и занавесями из парчи и шелка», их приемные «обставлены мебелью легко и со вкусом», в них можно было увидеть «шикарные диваны, дорогие столы, эксклюзивные китайские вазы и бесчисленные золотые и серебряные безделушки». Вниз по реке Тигр расположились дворцы, беседки и сады для элиты. Как отмечали очевидцы, «речной пейзаж украшен тысячами лодок, увешанных небольшими флажками; они скользят по воде, как солнечные лучики, перевоза пассажиров, жаждущих удовольствий, из одной части Багдада в другую»⁴⁶⁶.

Энергия рынка и покупательная способность двора, богатых горожан и населения в целом были просто потрясающими. Воздействие вышло далеко за пределы исламского мира, где завоевания мусульман привели к формированию новых путей, которые змеились во всех направлениях и по которым распространялись товары, идеи и люди. Для многих это расширение стало причиной беспокойства. В 840-х годах халиф аль-Васик послал экспедицию, чтобы проверить правдивость своего сна: ему приснилось, что каннибалы сломали легендарную стену, которая по преданию была построена Всевышним для сдерживания яростных дикарей. Потребовалось примерно полтора года, чтобы разведывательный отряд под руководством доверенного советника по имени Саллам, смог доложить о состоянии той стены. Он объяснил, как поддерживались эти фортификации.

Охрана этой стены была серьезным бизнесом, а ответственность была возложена на одну-единственную семью. Именно ее представители проводили инспекции этой стены на постоянной основе. Дважды в неделю по стене стучали молотком, ровно три раза, для проверки ее на прочность. Каждый раз проверяющий прислушивался к любым отклонениям от нормы. «Если приложить ухо к двери, можно услышать гул, похожий на гул осинового гнезда, — пишет один из очевидцев, — затем все снова стихает». Стена была предназначена для того, чтобы дикари, которые могут принести с собой апокалипсис, знали, что границу охраняют и им не пройти⁴⁶⁷.

Отчет о проверке стены был настолько красочным, что некоторые историки были убеждены, что речь шла о настоящей экспедиции к настоящей стене — возможно, к Нефритовым вратам, которые стояли на въезде в Китай со стороны Дуньхуана⁴⁶⁸. Кстати, страх перед разрушителями мира, которые придут из-за гор на востоке, — связующее звено между античным миром, Старым и Новым Заветом и Кораном⁴⁶⁹. Независимо от того, действительно ли состоялось путешествие Саллама, страх перед тем, что находится за границей, был очень реален. Мир был разделен на две части: владения Ирана, где превалировали порядок и цивилизация, и владения Турана, где царил хаос, анархия и опасность. В большом количестве отчетов путешественников и географов, которые были в степях на севере, говорится, что

⁴⁶⁶ W. Davis, *Readings in Ancient History: Illustrative Extracts from the Sources*, 2 vols (Boston, 1912–1913), 2, pp. 365–367.

⁴⁶⁷ Ibn Khurradādhbih, *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Roads and Kingdoms', in *Ibn Fadlan and the Land of Darkness*, pp. 99–104.

⁴⁶⁸ E. van Donzel and A. Schmidt, *Gog and Magog in Early Christian and Islamic Sources: Sallam's Quest for Alexander's Wall* (Leiden, 2010); также обратите внимание на эти источники F. Sezgin, *Anthropogeographie* (Frankfurt, 2010), pp. 95–97; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — М., 2004. — С. 138–141.

⁴⁶⁹ A. Gow, 'Gog and Magog on *Mappaemundi* and Early Printed World Maps: Orientalizing Ethnography in the Apocalyptic Tradition', *Journal of Early Modern History* 2.1 (1998), pp. 61–62.

люди, которые живут за пределами мусульманского мира, странные, в некоторой степени удивительные и прекрасные, но в целом ужасные.

Одним из самых известных корреспондентов был ибн Фадлан, который отправился в степь в самом начале X века по запросу вождя волжских булгар. Ему требовался ученый, который смог бы приехать и разъяснить учение ислама. Согласно записям ибн Фадлана, верхушка племени, чьи земли находились на Волге к северу от Каспийского моря, где великая река пересекается с Камой, уже стали мусульманами, однако их знания об исламе находились в зачаточном состоянии. Хотя лидер волжских булгар и просил помощи в постройке мечети и более тщательном изучении откровений Мухаммеда, очень скоро стало ясно, что он хотел заручиться поддержкой в конкурентной борьбе против других степных племен.

Ибн Фадлан, приехав на север, был шокирован, поражен и напуган. Жизнь кочевников, которые постоянно находились в движении, разительно отличалась от утонченной культурной жизни Багдада и других городов.

Представители племени гузов были одними из первых встреченных ибн Фадланом людей. «Они живут в войлочных юртах, – писал он, – перенося их с места на место... Они живут в нищете, как бродячие ослы. Они не поклоняются Богу, у них нет никакой связи с разумом». Затем он продолжал: «Они не моются после того, как загрязнятся собственными экскрементами или мочой... (и кстати) они не имеют контакта с водой, особенно в зимний период». То, что женщины не носят покрывал, было меньшим из зол. Однажды вечером ибн Фадлан сидел вместе с одним человеком, и его жена присутствовала при этом. «Пока мы беседовали, она обнажила интимные части и почесалась, в то время как мы смотрели на нее. Мы покрыли лицо ладонями, и каждый из нас произнес: «Я ищу прощения твоего, Господи». Ее же муж только смеялся, глядя на ханжество гостей⁴⁷⁰.

Традиции и верования других племен степи были не менее удивительны. Встречались племена, которые поклонялись змеям, рыбам, кто-то молился птицам. Последние были убеждены, что смогли победить в битве только благодаря вмешательству стаи журавлей. Были и такие, которые носили на шее деревянный фаллос. Перед тем как отправиться в путешествие, они целовали его на удачу. Это были члены племени башкиров – люди легендарной дикости. Они имели привычку носить головы своих врагов с собой в качестве трофея. У них были ужасные привычки, например, они поедали вшей и блох: ибн Фадлан стал свидетелем того, как один из мужчин племени, который нашел в своей одежде блоху, «раздавил ее ногтем и сожрал. Поймав мой взгляд, он сказал: «Вкуснятина!»⁴⁷¹

Хотя жизнь в степи была чрезвычайно сложна для таких путешественников, как ибн Фадлан, определенное взаимодействие между кочевниками и оседлым миром на юге все-таки наблюдалось. Одним из признаков этого было распространение ислама среди племен, хотя и несколько хаотичное. К примеру, племя гузов заявляло о своей принадлежности к мусульманам. Как писал ибн Фадлан, они даже произносили подходящие случаю правильные фразы, «чтобы произвести впечатление на мусульман, которые были у них в гостях». Однако веры в них было мало, он отмечал, что «если кто-то из них страдал от несправедливости или что-то плохое случалось с ними, они поднимали голову к небесам и говорили “Бир тенгри”». Таким образом, они взывали не к Аллаху, а к Тенгри, верховному божеству кочевников⁴⁷².

Религиозные верования в степях были сложными и редко бывали едиными. На мировоззрение кочевников повлияло христианство, ислам, иудаизм, зороастризм и язычество.

⁴⁷⁰ Ibn Fa#l#ān, *Book of Ahmad ibn Fa#l#ān*, tr. Lunde and Stone, *Land of Darkness*, p. 12.

⁴⁷¹ Там же, pp. 23–24.

⁴⁷² Там же, p. 12; о Тенгри см. U. Harva, *Die Religiösen Vorstellungen der altaischen Völker* (Helsinki, 1938), pp. 140–153.

Все это смешалось вместе, чтобы создать запутанную систему, в которой сложно разобратся⁴⁷³.

Частично распространением этих меняющихся, приспособляющихся духовных взглядов занимался новый тип святых людей ислама, которые исполняли роль миссионеров. Эти мистики, которых называли суфиями, бродили по степям, иногда нагишом и в рогах животных. Они заботились о больных животных и поражали окружающих своей эксцентричностью и постоянными разговорами о преданности и благочестии. Они могли сыграть важнейшую роль в обращении людей, так как совмещали шаманизм с анимизмом. Все это имело широкое распространение в Центральной Азии, наряду с принципами ислама⁴⁷⁴.

Конечно же, влияние оказывали не только суфии. Другие путешественники тоже сыграли свою роль в распространении идей и религии. Источники более позднего периода рассказывают об обращении волжских булгар. Проезжий купец-мусульманин излечил вождя племени и его жену от серьезной болезни, от которой до того ничего не помогало. Перед тем как дать больным лекарство, купец взял с них обещание, что в случае излечения они примут его религию. Затем он дал им лекарство, «излечил их, и они и весь их народ приняли ислам»⁴⁷⁵. Это был классический сценарий обращения: принятие новой религии лидером или лицом, к нему приближенным, могло стать решающим моментом в вопросе принятия религии в больших масштабах⁴⁷⁶.

Распространение веры в новых регионах стало знаком престижа для правителей и местных династий. Это помогало им обратить на себя внимание самого халифа, а кроме того, повысить авторитет внутри своего региона. Саманиды из Бухары, к примеру, жаждали взять ислам под свое покровительство. И они сделали это, построив целую систему медресе (школ). Идея была заимствована из концепции буддистских монастырей. В медресе должны были изучать Коран, а также хадисы – предания о словах и действиях Мухаммеда. То, что всем приходящим в мечеть щедро раздавали деньги, способствовало высокой посещаемости⁴⁷⁷.

Тем не менее степи были чем-то гораздо большим, чем просто Дикий Север, приграничная зона, в которой живут люди со странными традициями, пустое место, куда мог продвинуться ислам, дикие люди, которых можно было привести к цивилизации. Хотя такие путешественники, как ибн Фадлан, рисовали картины варварства, жизнь кочевников была тщательно отрегулирована и упорядочена. Перемещение с места на место не было результатом бесцельного брожения, в этом отражались реалии животноводства: при наличии большого количества скота поиски хорошего пастбища имеют важнейшее значение не только для успеха племени, но и для его выживания. То, что выглядело хаосом при взгляде снаружи, не являлось таковым при взгляде изнутри.

Это прекрасно отражено в замечательном тексте, написанном в Константинополе в X веке. Работа описывает, как была организована жизнь в одном из важнейших регионов на севере Черного моря. Печенеги делились на 8 племен, которые, в свою очередь, были поделены на 40 групп поменьше. У каждой из них была четко очерченная территория, кото-

⁴⁷³ R. Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', *Ukrainian Quarterly* 51.4 (1995), pp. 383–415.

⁴⁷⁴ Обратите внимание на противоположный аргумент, который разъединяет суфизм и кочевой мир, J. Paul, 'Islamizing Sufis in Pre-Mongol Central Asia', in de la Vaissière, *Islamisation de l'Asie Centrale*, pp. 297–317.

⁴⁷⁵ Abū Hāmid al-Gharnāṭī, *Tuḥfat al-albāb wa-nukhbat al-iḥjāb wa-Riḥlah ilā ʿUrubbah wa-Āsiyah*, tr. Lunde and Stone, 'The Travels', in *Land of Darkness*, p. 68.

⁴⁷⁶ A. Khazanov, 'The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes', in M. Gervers and W. Schlepp (eds), *Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic* (Toronto, 1994), pp. 11–34.

⁴⁷⁷ E. Seldeslachts, 'Greece, the Final Frontier? The Westward Spread of Buddhism', in A. Heirman and S. Bumbacher (eds), *The Spread of Buddhism* (Leiden, 2007); R. Bulliet, 'Naw Bahar and the Survival of Iranian Buddhism', *Iran* 14 (1976), pp. 144–145; Narshakhī, *History of Bukhara*, p. 49.

рой можно было пользоваться. Кочевая жизнь не означала, что жизнь племени была дезорганизована⁴⁷⁸.

Хотя современные исследователи, путешественники, географы и историки, которые интересовались степью, были очарованы образом жизни кочевников и их привычками, их также интересовал экономический вклад, сделанный кочевниками. Особенно в сфере сельского хозяйства. Степь обеспечивала оседлые сообщества разными товарами и услугами. Племя гузов, по подсчетам ибн Фадлана, имело во владении 10 000 лошадей и в десять раз больше овец. Даже если не оперировать конкретными цифрами, масштабы были впечатляющими⁴⁷⁹.

Лошади были жизненно важной частью экономики. Это ясно из источников, в которых говорится о большом количестве лошадей, которых основные племена степи могли выставить на поле боя. Они выращивались на коммерческой основе, если судить по отчетам об уничтожении конезаводов арабскими налетчиками в VIII веке, а также, судя по костям, найденным археологами на севере Черного моря⁴⁸⁰. Сельское хозяйство также стало неотъемлемой частью степной экономики. Культуры высаживались в низовьях Волги, где было множество пропашных полей и садов⁴⁸¹. Согласно археологическим находкам в Крыму, в то время в значительных объемах высаживали пшеницу, просо и рожь⁴⁸². На рынках на юге также продавались фундук, соколы и мечи⁴⁸³. Кроме того, кочевники торговали воском и медом. Считалось, что мед вырабатывает устойчивость к холоду⁴⁸⁴. Янтарь, который тоже продавался в огромных количествах, свозили не только из степей, но и из Западной Европы. Один из известных историков даже ввел термин «янтарный след», чтобы описать пути, по которым затвердевшая смола попадала к восторженным покупателям на Востоке⁴⁸⁵.

Кроме всего прочего, процветала торговля шкурками животных. Меха высоко ценили за их тепло и статус, который они давали своим владельцам⁴⁸⁶. Один из халифов VIII века зашел так далеко, что повелел провести ряд экспериментов по заморозке различных видов меха, чтобы понять, какой из них обеспечивает наилучшую защиту от экстремальных погодных условий. Согласно одному из арабских авторов, он заполнил несколько резервуаров с водой и оставил их на ночь на морозе. «Утром он повелел принести их (резервуары). Все они замерзли, кроме одного, того, в котором был мех черной лисы. Таким образом, он понял, какой мех был самым теплым и сухим»⁴⁸⁷.

Мусульманские купцы различали разные шкурки животных и назначали цены соответственно этому. Один из авторов X века упоминает об импорте из степи соболей, белок, горностаев, норок, лис, куниц, бобров и даже зайцев. Все это потом распродалось торгов-

⁴⁷⁸ Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, ed. G. Moravcsik, tr. R. Jenkins (Washington, DC, 1967), 37, pp. 166–170.

⁴⁷⁹ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', p. 22. Некоторые ученые преуменьшают значение кочевого скотоводства в степи, см. Б. Заходер, *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*: В 2-х т. – М., 1962. – Т. 1 – С. 139–140.

⁴⁸⁰ D. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars* (Princeton, 1954), p. 83; Баранов Л. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маятская культура). – Киев, 1990. – С. 76–79.

⁴⁸¹ A. Martinez, 'Gardīzī's Two Chapters on the Turks', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), p. 155; T. Noonan, 'Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate', in P. Golden, H. Ben-Shammai and A. Róna-Tas (eds), *The World of the Khazars* (Leiden, 2007), pp. 214–215.

⁴⁸² Баранов, Таврика, с. 72–76.

⁴⁸³ Al-Muqaddasī, in *Land of Darkness*, pp. 169–170.

⁴⁸⁴ Abū Hāmid, 'Travels', p. 67.

⁴⁸⁵ McCormick, *Origins of the European Economy*, pp. 369–384.

⁴⁸⁶ J. Howard-Johnston, 'Trading in Fur, from Classical Antiquity to the Early Middle Ages', in E. Cameron (ed.), *Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology* (London, 1998), pp. 65–79.

⁴⁸⁷ Mas#ūdī, *Kitāb al-tanbīh wa-al-ishrāf*, tr. Lunde and Stone, 'The Meadows of Gold and Mines of Precious Gems', *Land of Darkness*, p. 161.

цами, у которых было чутье, как сделать на этом деньги⁴⁸⁸. В некоторых частях степи шкурки использовались наряду с местной валютой, ими рассчитывались по фиксированному курсу. Восемнадцать старых беличьих шкурок можно было обменять на серебряную монету, а одна шкурка стоила «кусочек отменного хлеба, достаточно большой, чтобы накормить крупного мужчину». Для наблюдателей это было непостижимо: «В любой другой стране даже за огромное количество товаров нельзя купить и фасолину»⁴⁸⁹. И все-таки была очевидная логика в такой системе расчетов: иметь средства для обмена важно для общества, которое взаимодействовало с другими и у которого не было центрального казначейства для масштабной чеканки монет. Поэтому в немонетизированной экономике шкурки и меха служили в качестве средства оплаты.

Согласно одному из историков, каждый год из степи экспортировали около полумиллиона шкурок. При расширении империи ислама появились новые пути сообщения и новые торговые пути. Создание «пути мехов» в степи и лесных зонах на севере стало результатом увеличения благосостояния мусульман после великих завоеваний VII–VIII веков⁴⁹⁰.

Неудивительно, что близость к исламской империи была важна. Возможность доставки на рынок животных, их шкур и других товаров имела решающее значение. Самыми богатыми были те кочевые племена, которые были удачно расположены и могли активно торговать с оседлым миром. Точно так же и города, которые находились ближе к степи, могли быстро разбогатеть. Одним из главных выгодоприобретателей стал город Мерв, современники даже описывали его как «мать мира».

Находясь в южной части степей, он был превосходно расположен для того, чтобы вести дела с кочевыми племенами, а также служить в качестве важнейшей точки оси, проходящей через «хребет» Евразии. По словам одного из авторов, это был «восхитительный, элегантный, блестящий, большой и очень приятный глазу город»⁴⁹¹. В свою очередь, город Рей, который находился западнее, был известен как «врата торговли», «суженый земли» и «самое прекрасное творение земли»⁴⁹². Балхи же во всем соперничал с миром мусульман. Здесь были прекрасные улицы, роскошные здания, чистая проточная вода, а благодаря оживленной торговле и высокой конкуренции – низкие цены на товары потребления⁴⁹³.

Как рябь от камня, брошенного в воду, ощущался эффект от близости к рынкам. За возможность доступа к рынкам и их выгодам нужно было платить. Богатства, поставленные на карту, были столь велики, что атмосфера между племенами накалилась. Борьба за лучшие пастбища и лучшие источники усиливалась соперничеством за доступ к городам и лучшим торговым путям империи. Это могло привести к одному из двух возможных последствий: напряжение могло нарастать и в конце концов вылилось бы в насильственное разделение территорий или же племена могли объединиться. То есть перед кочевниками стоял выбор – сражаться друг с другом или объединяться.

Со временем установился хорошо сбалансированный статус-кво, который обеспечивал стабильность и процветание всей западной части степи. Стержнем выступала часть племен тюрков, которое стало главенствующим к северу от Черного и Каспийского морей. Хазары, как известно, доминировали в северной части Черного моря. Они стали особенно заметны за счет военного сопротивления во время периода великих завоеваний сразу после

⁴⁸⁸ Muqaddasī, *Aṣṣanū-t-taqāsīm fī maʿrifati-l-aqālīm*, tr. Lunde and Stone, 'Best Divisions for the Knowledge of the Provinces', *Land of Darkness*, p. 169.

⁴⁸⁹ Abū Hāmid, 'Travels', p. 75.

⁴⁹⁰ R. Kovalev, 'The Infrastructure of the Northern Part of the "Fur Road" between the Middle Volga and the East during the Middle Ages', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11 (2000–2001), pp. 25–64.

⁴⁹¹ Muqaddasī, *Best Division of Knowledge*, p. 252.

⁴⁹² Ibn al-Faqīh, *Land of Darkness*, p. 113.

⁴⁹³ al-Muqaddasī, *Best Division of Knowledge*, p. 245.

смерти Мухаммеда⁴⁹⁴. Эффективность их борьбы против армии мусульман обеспечила им поддержку целого ряда других племен, которые объединились под их началом. Они также обратили на себя внимание императоров Рима, находящихся в Константинополе, которые понимали, что можно извлечь определенную выгоду от союза с доминирующей силой степи. Хазары оказались настолько важны, что в начале VIII века между правящими домами хазаров и Византией (под этим названием в тот период были известны остатки Римской империи) было заключено два брачных союза⁴⁹⁵.

Имперские браки редко заключались с иностранцами, а союзов со степью до этого не было вообще⁴⁹⁶. Развитие является наглядным свидетельством того, как важны стали хазары для Византии в дипломатическом и военном плане, в то время как давление на восточные границы империи в Малой Азии со стороны мусульман усугубилось. Награды и престижный статус, дарованные хазарскому кагану, оказали влияние на хазарское общество. Укрепление позиций верховного правителя привело к социальному расслоению в племени. Награды и статусы даровались лишь избранным представителям элиты. В дальнейшем это сподвигло другие племена стать данниками хазар в обмен на защиту и определенные награды. Согласно ибн Фадлану, у кагана было 25 жен, каждая из которых была дочерью вождя того или иного племени⁴⁹⁷. Источник, написанный на иврите в IX веке, также говорит о племенах, которые подчинялись хазарам, при этом автор не уверен, было 25 или 28 данников⁴⁹⁸. Народы, которых называли полянами, радимичами и северянами, были среди тех, кто признал господство хазаров, позволяя им усилить свои позиции и стать господствующей силой в западной части степи, там, где сейчас находятся Украина и южная часть России⁴⁹⁹.

Повышение объемов торговли и длительные периоды стабильности и мира привели к трансформации хазарского общества. Методы управления племенем претерпели существенные изменения, а каган все больше отдалялся от повседневных дел и становился фигурой ритуальной⁵⁰⁰. Образ жизни также изменился. При наличии большого спроса на продукты, выращенные хазарами и их данниками, расширении междугородней торговли фруктами стали возникать поселения, которые в конце концов развились в города⁵⁰¹.

К началу X века шумный город Итиль стал столицей и постоянной резиденцией кагана. По всему низовью Волги проживало огромное количество людей. Городская жизнь была настолько сложна, что пришлось учредить отдельные суды для разрешения споров по разным системам права, под председательством судей, которые разрешали вопросы между

⁴⁹⁴ Краткий обзор – G. Mako, 'The Possible Reasons for the Arab-Khazar Wars', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17 (2010), pp. 45–57.

⁴⁹⁵ R.-J. Lilie, *Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert* (Munich, 1976), pp. 157–160; J. Howard-Johnston, 'Byzantine Sources for Khazar History', in Golden, Ben-Shammai and Róna-Tas, *World of the Khazars*, pp. 163–194.

⁴⁹⁶ Единственным исключением был брак дочери императора Ираклия с тюркским каганом в разгар противостояния с персами в начале седьмого века, C. Zuckermann, 'La Petite Augusta et le Turc: Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius', *Revue numismatique* 150 (1995), pp. 113–126.

⁴⁹⁷ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', p. 56.

⁴⁹⁸ Dunlop, *History of the Jewish Khazars*, p. 141.

⁴⁹⁹ См. P. Golden, 'The Peoples of the South Russian Steppes', in *The Cambridge History of Early Inner Asia* (Cambridge, 1990), pp. 256–284; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.

⁵⁰⁰ P. Golden, 'Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship', *Acta Orientalia* 60.2 (2007), pp. 161–194. Некоторые ученые интерпретируют изменение характера роли кагана как результат сдвига в религиозных верованиях и обычаях в этот период, см., например, J. Olsson, 'Coup d'état, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate', *Journal of the Royal Asiatic Society* 23.4 (2013), pp. 495–526.

⁵⁰¹ R. Kovalev, 'Commerce and Caravan Routes along the Northern Silk Road (Sixth – Ninth Centuries). Part I: The Western Sector', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14 (2005), pp. 55–105.

мусульманами, христианами и даже язычниками. Существовал даже механизм разрешения проблемы в том случае, если судья не смог вынести вердикт⁵⁰².

* * *

Итиль, с его войлочными постройками, складами и королевским дворцом, был лишь одним из поселений, где жили кочевники⁵⁰³. Другие города появились на хазарской территории в результате усиления коммерческой активности. Так, например, возник Самандар. Его деревянные постройки с куполами напоминали традиционные юрты. К началу IX века по всей Хазарии было уже достаточное количество христиан, чтобы здесь появился не только епископ, но даже митрополит или архиепископ для удовлетворения нужд верующих⁵⁰⁴. Очевидно, что в Самандаре и Итиле было также достаточное количество мусульман. Это следует из отчетов и арабских источников, также на это указывает большое количество мечетей⁵⁰⁵.

Сами хазары не приняли ислам, но они приняли новые религиозные убеждения – в середине IX века они решили стать иудеями. Послы из Хазарии отправились в Константинополь около 860 года и попросили проповедников объяснить им фундаментальные основы христианства. «С незапамятных времен, – говорили они, – мы знали только одного бога (Тенгри), который повелевает всем... Теперь евреи предлагают нам принять их религию и обычаи, а с другой стороны, арабы склоняют нас к их вере, обещая нам мир и щедрые дары»⁵⁰⁶.

С целью обращения в новую веру к хазарам была отправлена целая делегация. Ее возглавлял Константин, которого знали под славянским именем Кирилл. Изобретенный им для славян алфавит был назван в честь создателя кириллицы. Блестящий ученый, как и его брат Мефодий, Константин по пути на Восток изучил иврит и Тору, чтобы иметь возможность вести переговоры с иудейскими учеными, которые тоже направлялись ко двору кагана⁵⁰⁷. Когда они прибыли в столицу хазаров, послы приняли участие в сложной серии дебатов со своими противниками, которые были приглашены, чтобы представить ислам и иудаизм. Эрудиция Константина имела большой успех, по крайней мере так казалось, исходя из источников, описывающих его жизнь, которые в значительной степени опирались на его же произведения⁵⁰⁸. Кстати, несмотря на блестящий ум Константина (каган сам сказал ему, что его слова о Писании были «сладкими как мед»), посольство не добилось успеха, так как правитель хазар решил, что иудаизм подходит для его народа как нельзя лучше⁵⁰⁹.

Данная версия этой истории была рассказана столетием позже. Новости об обращении хазар дошли до изумленных еврейских общин за тысячи миль к западу. Они очень хотели узнать побольше о хазарах и о том, как они пришли к иудаизму. Выдвигалось предположение, что они могли быть одним из племен древнего Израиля, которое затерялось. Наконец в контакт с племенем вступил Хасдай ибн Шапрут, эрудит, который проживал в Кордобе, в аль-Андалусе, то есть мусульманской Испании. Его усилия, направленные на то, чтобы установить, правда ли хазары были иудеями или это просто небылицы, сочиненные теми, кто

⁵⁰² Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', pp. 131, 133; Noonan, 'Economy of the Khazar Khaganate', p. 211.

⁵⁰³ Istakhrī, *Kitāb suwar al-aqālīm*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Roads and Kingdoms', in *Land of Darkness*, pp. 153–155.

⁵⁰⁴ J. Darrouzès, *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* (Paris, 1981), pp. 31–32, 241–242, 245.

⁵⁰⁵ Istakhrī, 'Book of Roads and Kingdoms', pp. 154–155.

⁵⁰⁶ Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', p. 411.

⁵⁰⁷ C. Zuckerman, 'On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus' Oleg and Igor: A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo', *Revue des Etudes Byzantines* 53 (1995), p. 245.

⁵⁰⁸ Там же, с. 243–244. О заимствованиях из письма Константина – P. Meyvaert and P. Devos, 'Trois énigmes cyrillo-méthodiques de la "Légende Italique" résolues grâce à un document inédit', *Analecta Bollandiana* 75 (1955), pp. 433–440.

⁵⁰⁹ Лавров П. Материалы по истории возникновения древней славянской письменности. – Л., 1930. – С. 21; F. Butler, 'The Representation of Oral Culture in the *Vita Constantini*', *Slavic and East European Review* 39.3 (1995), p. 372.

хотел извлечь выгоду, не увенчались успехом. Когда он наконец получил информацию, что хазары на самом деле приняли иудаизм и, более того, что они были богаты, «могущественны и владели бесчисленной армией», он почувствовал, что обязан поклониться и поблагодарить Господа. «Я молюсь за здоровье моего повелителя и царя, – писал он, обращаясь к кагану, – его семьи и его дома. Молюсь, чтобы трон его стоял вечно. Да продлятся дни его и его сыновей в сердце Израиля!»⁵¹⁰.

Примечательно, что копия ответа кагана сохранилась до сих пор. Правитель хазаров рассказывал об обращении своего народа в иудаизм. Решение о принятии религии, как писал каган, было принято благодаря огромной мудрости одного из его предшественников, который созвал делегации, представляющие различные религии, чтобы изучить каждую из них. Хорошенько обдумав, какое решение будет наилучшим, правитель спросил христиан, какая религия лучше – ислам или иудаизм? Когда они ответили, что первая определенно хуже, чем вторая, он задал аналогичный вопрос мусульманам – какая религия предпочтительнее – христианство или иудаизм? Мусульмане обругали христианство и сказали, что иудаизм – меньшее из двух зол. Тогда хазарский правитель заявил, что принял решение: оба отметили, что «религия израильтян лучше», объявил он, поэтому «веруя в милость Господа и мощь Всемогушего, я выбрал учение Израилево, религию Авраама». Затем он отправил делегации домой, сделал себе обрезание и велел всем своим приближенным и всему народу сделать то же самое⁵¹¹.

К середине IX века иудаизм глубоко проник в хазарское общество. В арабских источниках упоминается об обращении в иудейскую религию за десятилетия до прибытия делегаций ко двору кагана, и похоронные обряды за это время претерпели значительные изменения. Кроме того, недавние открытия серии монет, отчеканенных в Хазарии, дают представление о том, что иудаизм был принят здесь как государственная религия в 830-м году лишь формально.

Эти монеты являются прекрасным примером того, как вера может быть преподнесена населению. На них было размещено одно из самых известных высказываний из Старого Завета – *Mūsā rasūl allāh* («Моисей посланник Бога»)⁵¹².

Пожалуй, это было меньшей провокацией, чем кажется. В конце концов, Коран учит, что не должно быть различий между пророками и что все полученные ими пророчества должны быть исполнены⁵¹³. Моисей был принят и почитаем в учении ислама, так что его восхваление не является противоречивым. В то же время именно Мухаммед был центральным элементом азана, призыва, который пять раз в день звучал из мечетей. Таким образом, при учете наличия имени Моисея на монетах было бы излишне дерзко утверждать, что у хазар было свое самоопределение, не зависимое от исламского мира. Так же, как и в случае с враждой Римской империи и исламского мира в конце VII века, война велась не только на полях сражений, но с помощью идеологии, языка и даже изображений на монетах.

Обращению хазар в иудаизм способствовало два фактора. Во-первых, издавна на хазарских территориях жили еврейские общины, которые обосновались на Кавказе еще в период античности и которые, должно быть, оживились вместе с экономическим подъемом

⁵¹⁰ 'The Letter of Rabbi Hasdai', in J. Rader Marcus (ed.), *The Jew in the Medieval World* (Cincinnati, 1999), pp. 227–228. Также см. здесь N. Golb and O. Pritsak (eds), *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* (London, 1982).

⁵¹¹ 'The Letter of Joseph the King', in J. Rader Marcus (ed.), *The Jew in the Medieval World*, p. 300. Обсуждение даты и контекста – P. Golden, 'The Conversion of the Khazars to Judaism', in Golden, Ben-Shammai and Róna-Tas, *World of the Khazars*, pp. 123–162.

⁵¹² R. Kovalev, 'Creating "Khazar Identity" through Coins – the "Special Issue" Dirhams of 837/8', in F. Curta (ed.), *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages* (Ann Arbor, 2005), pp. 220–253. Об изменении практики погребения – V. Petrukhin, 'The Decline and Legacy of Khazaria', in P. Urbanczyk (ed.), *Europe around the Year 1000* (Warsaw, 2001), pp. 109–122.

⁵¹³ *Qurʾān*, 2.285, p. 48; 3.84, p. 60.

степи⁵¹⁴. Согласно одному из писателей X века, очень многие захотели переехать жить в Хазарию «из мусульманских и христианских городов, после того, как стало известно, что здесь к религии не только относятся терпимо, но она имеет официальный статус и практикуется элитой»⁵¹⁵. Из переписки между правителем хазаров и Хасдаем ибн Шапрутом из Кордобы в X веке мы узнаем, что в Хазарии приветствовали раввинов, активно строились школы и синагоги. Каган хотел удостовериться, что иудейское учение будет преподаваться должным образом. Многие летописцы отмечали, что религиозные здания находятся во всех городах Хазарии, так же как и суды, в которых решения принимают, проконсультировавшись с Торой⁵¹⁶.

Вторая причина интереса к иудаизму связана с торговцами, которые были привлечены тем, что Хазария стала международной торговой империей, находясь между степью и исламским миром, между Востоком и Западом. Как свидетельствуют многочисленные источники, иудейские купцы очень активно занимались междугородней торговлей, играя примерно ту же роль, которую играли согдийские купцы во взаимодействии Китая и Персии во время возникновения ислама.

Еврейские купцы были искусными лингвистами, согласно одному из современных источников, они свободно говорили на «арабском, персидском, латыни, франкском, андалузском и славянском языках»⁵¹⁷. В основном работая в районе Средиземного моря, они часто путешествовали в Индию и Китай и привозили оттуда мускус, алоэ, камфару, корицу «и другие восточные товары», которыми они торговали в ряде портов и городов, которые были связаны с рынками в Мекке, Медине и Константинополе, а также в городах на Тигре и Евфрате⁵¹⁸. Помимо этого, они пользовались и наземными путями, направляясь в Китай через Центральную Азию или через Багдад и Персию либо проезжая через территорию Хазарии по пути в Балх или к реке Оксус⁵¹⁹. Одной из важнейших точек на этой оси был город Рей, который находился к югу от Каспийского моря (современный Иран), город, в который стекались товары, поступающие с Кавказа, с Востока, из Хазарии и других мест степи. Согласно исследованиям, первый таможенный досмотр был произведен в городе Горган на севере Ирана. Возможно, здесь собирали таможенные пошлины, прежде чем товар отправлялся дальше, в город Рей. «Самое поразительное, – писал один из арабских авторов X века, – это то, что это всемирная империя»⁵²⁰.

Торговцы из Скандинавии также были привлечены предлагаемыми возможностями. Когда мы думаем о викингах, в сознании неизбежно возникают мысли о набегах через Северное море на Великобританию и Ирландию, образы длинных кораблей в форме драконов, которые возникали из тумана, буквально набитые вооруженными людьми, готовыми к насилию и грабежу. Или, возможно, мы думаем о том, каким образом викинги сумели добраться до Северной Америки за столетия до того, как это сделали Христофор Колумб и остальные путешественники. Однако во времена викингов самые храбрые и жесткие люди не отправлялись на запад; они предпочитали отправляться на восток и на юг. Многие сделали целые состояния и добились известности не только на родине, но и в землях, которые они завоевали. И эффект, который они оказали, был не столь незаметным, как это было в Север-

⁵¹⁴ Zuckerman, 'On the Date of the Khazars' Conversion', p. 241, а также Golb and Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents*, p. 130.

⁵¹⁵ Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', p. 132; об элите Иудаизма – Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', pp. 383–415.

⁵¹⁶ Pritsak and Golb, *Khazarian Hebrew Documents*; Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', p. 133; Istakhrī, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 154.

⁵¹⁷ Ibn Khurradādhbih, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 110.

⁵¹⁸ Там же, pp. 111–112.

⁵¹⁹ Там же, p. 112.

⁵²⁰ Ibn al-Faqīh, 'Book of Countries', p. 114.

ной Америке. На Востоке они основали государство, названное в честь торговцев, путешественников и участников рейдов, которые вышли на большие водные системы, связывающие Балтику с Каспийским и Черным морями. Этих людей называли русами, или росами, возможно, из-за рыжих волос или, что более вероятно, благодаря их искусству гребцов. Они стали отцами-основателями России⁵²¹.

Изначально на путешествие на юг викингов сподвигли соблазны торговли в исламском мире. В начале X века скандинавы вступили в контакт со степью, а также с Багдадским халифатом. Поселения стали появляться на Одере, Неве, Волге и Днепре вместе с новыми рынками и торговыми станциями, предназначенными для торговцев, которые возили товары с юга и на юг. Старая Ладога, Рюриково городище, Белоозеро и Новгород (буквально – новый город) стали новыми точками, которые расширили большую систему торговых путей Евразии до самых дальних уголков северной Европы⁵²².

Длинные корабли, которые так популярны в представлениях людей, были адаптированы и уменьшены викингами-русами, чтобы сделать возможными короткие путешествия по рекам и озерам. Это были однокорпусные суда. Во время долгих или опасных переходов их ставили в колонну. Текст, созданный в Константинополе в X веке и основанный на информации, полученной византийскими агентами, описывает опасные условия путешествия на юг, которые следовало оговаривать заранее. Пороги на Днестре были особенно коварными: узкий водоем, в середине которого находились смертельно опасные острые камни, «которые торчат из воды, как острова. Прямо за ними уровень резко падает, и затем вода обрушивается с другой стороны со страшным грохотом». Это препятствие было с юмором названо «Не засыпай»⁵²³.

В тех же текстах указывается, что русы, совершая этот переход, были сильно уязвимы перед агрессивными налетчиками, которые видели возможность быстрой наживы, в то время как измученные путешественники преодолевали пороги. Кочевые племена печенегов сидели в засадах и, когда лодки швартовались, выскакивали из воды и нападали. Захватив добычу, они растворялись в окружающем ландшафте. Охране рекомендовалось быть постоянно наготове на случай атаки. Преодолев это препятствие, скандинавы приносили в жертву петуха или пускали стрелы в священное дерево в благодарность своим языческим богам⁵²⁴.

Люди, которые могли без потерь добраться до рынков на Каспийском и Черном морях, должны были быть как минимум прочными, чтобы не сказать больше. «У них огромная сила и выносливость», – с восхищением писал один из мусульманских авторов⁵²⁵. Русы, как отмечал ибн Фадлан, были высокими «как пальмы», но еще более важно то, что они всегда были вооружены и опасны: «Каждый из них постоянно носит с собой топор, меч или нож»⁵²⁶.

Они вели себя как криминальная банда. И хотя они всегда сражались с врагами, стоя плечом к плечу, они были очень подозрительны по отношению друг к другу. «Они никогда не ходят справлять нужду по одному, – заметил один из авторов, – но всегда (ходят) с тремя товарищами, чтобы охранять их, с мечом в руке, так как у них мало доверия друг к другу».

⁵²¹ Луитпранд Кремонский, посетивший Константинополь в десятом веке, думал, что название «русы» произошло от греческого слово *rousios*, или красный, из-за отличительного цвета их волос, *The Complete Works of Liudprand of Cremona*, tr. P. Squatriti (Washington, DC, 2007), 5.15, p. 179. Фактически слово происходит от скандинавских слов *roþrsmenn* и *roðr*, означающих ряд. S. Ekbo, 'Finnish Ruotsi and Swedish Roslagen – What Sort of Connection?', *Medieval Scandinavia* 13 (2000), pp. 64–69; W. Duczko, *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe* (Leiden, 2004), pp. 22–23.

⁵²² S. Franklin and J. Shepard, *The Emergence of Rus' 750–1200* (London, 1996).

⁵²³ Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, 9, pp. 58–62.

⁵²⁴ *De Administrando Imperio*, 9, p. 60.

⁵²⁵ Ibn Rusta, *Kitāb al-aḥlāq an-naḥḥa*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Precious Gems', in *Land of Darkness*, p. 127.

⁵²⁶ Ibn Faḥlān, 'Book of Ahmad ibn Faḥlān', p. 45.

Никто из них не стал бы сомневаться перед тем, как ограбить коллегу или даже убить его⁵²⁷. Они регулярно принимали участие в оргиях, занимаясь сексом друг перед другом с особой разнузданностью. Если кто-то из них заболел, его просто оставляли. Выглядели они соответственно: «От кончиков пальцев до самой шеи они покрыты темно-зелеными татуировками – узорами»⁵²⁸. Это были суровые люди, которые жили в суровые времена.

Они в основном торговали воском, янтарем и медом, а также качественными мечами, которыми восхищался весь арабоязычающий мир. Однако была еще одна, достаточно прибыльная статья доходов, которые направлялись по рекам в Россию и Скандинавию. Это хорошо иллюстрируют шелка из Сирии, Византии и даже Китая, которые находят в захоронениях по всей Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии. При этом огромная часть текстиля просто не сохранилась⁵²⁹.

Пожалуй, деньги говорят о торговле с дальними регионами лучше всего. Удивительно богатые залежи монет находят по течению рек, которые ведут на север – на территории северной России, Финляндии, Швеции и, кроме прочего, Готланда (самый большой остров Швеции). Это показывает, какие огромные доходы получали викинги-русы от торговли с мусульманами и Багдадским халифатом⁵³⁰. Один из ведущих специалистов по валютам подсчитал, что прибыль от торговли с исламскими странами составляла до десятков, а иногда и сотен миллионов серебряных монет. По нынешним временам это была мультимиллионная индустрия⁵³¹.

При совершении таких длительных и опасных путешествий, когда протяженность дороги составляла примерно 3000 миль, и награда должна была быть соответствующей. Неудивительно, что товары нужно было продавать сразу в больших количествах, чтобы получить существенную прибыль. На юг отправляли несколько категорий товаров, но важнейшим из них были рабы. На человеческом трафике можно было хорошо заработать.

⁵²⁷ Ibn Rusta, 'Book of Precious Gems', p. 127.

⁵²⁸ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', pp. 46–49.

⁵²⁹ A. Winroth, *The Conversion of Scandinavia* (New Haven, 2012), pp. 78–79.

⁵³⁰ M. Bogucki, 'The Beginning of the Dirham Import to the Baltic Sea and the Question of the Early Emporia', in A. Bitner-Wróblewska and U. Lund-Hansen (eds), *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age: Network Denmark-Poland 2005–2008* (Copenhagen, 2010), pp. 351–361. О Швеции – I. Hammarberg, *Byzantine Coin Finds in Sweden* (1989); C. von Heijne, *Särpräglat. Vikingatida och tidigmedeltida myntfynd från Danmark, Skåne, Blekinge och Halland (ca. 800–1130)* (Stockholm, 2004).

⁵³¹ T. Noonan, 'Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 4 (1984), pp. 151–182, и см., главным образом, T. Noonan, 'Dirham Exports to the Baltic in the Viking Age', in K. Jonsson and B. Malmer (eds), *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989* (Stockholm, 1990), pp. 251–257.

7. Путь рабов

Когда дело доходило до порабощения местного населения и отправки на юг, русы были безжалостны. Известные «своими размерами, телосложением и храбростью» викинги-русы «не возделывали поля и жили грабежом», как писал один из арабских авторов⁵³². Сельским хозяйством занимались порабощенные местные жители. Было захвачено так много рабов, что даже само их название – славяне – произошло от слова *slave*, которое означает раб⁵³³.

Со своими пленниками русы обращались очень бережно. «Они хорошо относятся к рабам, одевают их соответствующе, так как они для них – объект торговли», – писал один из современников⁵³⁴. Рабов перевозили по рекам, они оставались прикованными все время, пока корабли преодолевали пороги⁵³⁵. Высоко ценились красивые женщины, их продавали на рынках Хазарии и Волжской Булгарии, а затем их переправляли дальше на юг. Но перед этим их похитители вступали с ними в половые контакты⁵³⁶.

Рабство было важной частью общества викингов, частью его экономики, и не только на Востоке. Значительная часть литературы и письменных источников с Британских островов показывает, что наипервейшей целью атак длинных судов были не насилие и грабеж, как принято думать, а захват живых пленников⁵³⁷. «Спаси нас, Господи, – молил один из франкских проповедников, – от диких северян, которые разрушают нашу страну; они забирают... нашу молодежь, невинных мальчиков. Мы умоляем тебя спасти нас от этого зла»⁵³⁸. Вдоль путей, по которым перевозили рабов, исследователи находили скобы, наручники и замки. Особенно в Северной и Восточной Европе. Новые исследования показывают: то, что долгое время считалось загонами для скота, на самом деле предназначалось для людей, которых должны были продать в таких местах, как, например, Новгород, где на пересечении Великой и Холопней улиц находился рынок⁵³⁹.

Желание получить прибыль от работорговли было очень велико. Некоторые скандинавы получили от местных правителей лицензию на грабеж новых регионов и захват пленников, другие же стремились захватить в плен друг друга. «Как только один из них ловил другого, – писал один сведущий клирик XI века, – он без всякой жалости продавал его в рабство своим же товарищам или варварам»⁵⁴⁰.

Многим рабам было суждено оказаться в Скандинавии. Как говорится в одной известной древнескандинавской поэме, «Песне о Риге» (*‘Rígsþula’*), общество было поделено на три категории: аристократия (*jarlar*), свободные люди (*karlar*) и рабы (*ðrælar*)⁵⁴¹. Многих посылали туда, где за хорошие образчики платили много денег, и нигде не наблюдалось

⁵³² Ibn Rusta, ‘Book of Precious Gems’, pp. 126–127.

⁵³³ Происхождение слова «славяне» до сих пор остается не выясненным, по одной из версий оно произошло от *slauos* – индоевр. «народ». (Примеч. ред.)

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ *De Administrando Imperio*, 9, p. 60.

⁵³⁶ Ibn Fa#lān, ‘Book of Ahmad ibn Fa#lān’, p. 47.

⁵³⁷ D. Wyatt, *Slaves and Warriors in Medieval Britain and Ireland, 800–1200* (Leiden, 2009).

⁵³⁸ L. Delisle (ed.), *Littérature latine et histoire du moyen âge* (Paris, 1890), p. 17.

⁵³⁹ См. J. Henning, ‘Strong Rulers – Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archaeology of Slavery in the First Millennium ad’, in J. Davis and M. McCormick (eds), *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies* (Aldershot, 2008), pp. 33–53; о Новгороде см. H. Birnbaum, ‘Medieval Novgorod: Political, Social and Cultural Life in an Old Russian Urban Community’, *California Slavic Studies* (1992), 14, p. 11.

⁵⁴⁰ Adam of Bremen, *History of the Archbishops of Hamburg Bremen*, ed. and tr. F. Tschann (New York, 1959), 4.6, p. 190.

⁵⁴¹ B. Hudson, *Viking Pirates and Christian Princes: Dynasty, Religion and Empire in the North Atlantic* (Oxford, 2005), p. 41; в целом см. также S. Brink, *Vikingarnas slavar: den nordiska tråldomen under yngre järnålder och äldsta medeltid* (Stockholm, 2012).

такого спроса, как на оживленных и богатых рынках Итиля, с которых товары поставлялись в Багдад и другие города Азии, а также в другие части мусульманского мира, включая Северную Африку и Испанию.

Готовность потребителей платить высокую цену позволила торговцам получать хорошее денежное вознаграждение и заложила основу стимулирования экономики Северной Европы. Если судить по найденным монетам, во второй половине IX века наблюдался всплеск торговли, в это время развивались Балтика, южная часть Швеции и Дания, особенно быстро росли города Хедебю, Бирка, Волин и Лунд. Так же много монет было найдено на обширной территории России вдоль течения рек. Находки говорят об увеличивающемся уровне торговли обмена, особенно после того, как стали находить монеты, которые были отчеканены на территории Центральной Азии, прежде всего в Самарканде, Ташкенте (Аш-Шаш), Балхе и на территории всех торговых и транспортных путей современного Афганистана⁵⁴².

Огромный спрос на рабов наблюдался не только в северных регионах. Большие партии рабов импортировались из Африканских регионов, к югу от Сахары. Один из работорговцев хвастался тем, что он продал более 12 000 черных рабов на рынках Персии⁵⁴³. Рабов также захватывали в тюркских племенах Центральной Азии. Как отмечает один из авторов, они высоко ценились за смелость и находчивость.

Если нужно выбрать «самых ценных рабов», отмечает другой автор, самых лучших из них привозят из «земель тюрков. Среди всех рабов на земле тюркским рабам нет равных»⁵⁴⁴.

Некоторое представление о масштабах работорговли можно получить при сравнении с работорговлей в Римской империи, которая была изучена гораздо подробнее. Недавние исследования показали, что Римской империи требовалось от 250 до 400 тысяч новых рабов каждый год, чтобы поддерживать их число на должном уровне⁵⁴⁵. Размер рынка в арабоязычных странах был определенно больше: учитывая, что спрос на рабов был аналогичным, территории исламского мира простирались от Испании до Афганистана, следовательно, количество требуемых рабов было гораздо больше, чем было нужно Риму. Хотя источников, посвященных этой теме, очень мало, тем не менее представление о масштабах мы можем получить. В одном из источников говорится о халифе и его жене, у которых было по тысяче рабынь, в то время как в другом упоминается не менее чем четыре тысячи. Рабы у мусульман, так же как и в Риме, были вездесущи и молчаливы⁵⁴⁶.

Сравнение с Римом так же полезно для понимания того, как именно покупали и продавали рабов. В Римской империи богатые люди соревновались за обладание ценными пленниками, которых привезли из-за границы империи. Диковинки ценились за их внешний вид, к тому же они были прекрасной пищей для разговоров. Также играли роль и личные предпочтения, например, один богатый аристократ настаивал на том, чтобы все его рабы были одинаково привлекательны и одного возраста⁵⁴⁷. Как говорится в более позднем пособии

⁵⁴² T. Noonan, 'Early Abbasid Mint Output', *Journal of Economic and Social History* (1986), pp. 113–175; R. Kovalev, 'Dirham Mint Output of Samanid Samargand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th Century)', *Histoire & Mesure* 17.3–4 (2002), pp. 197–216; T. Noonan and R. Kovalev, 'The Dirham Output and Monetary Circulation of a Secondary Samanid Mint: A Case Study of Balkh,' in R. Kiernowski (ed.), *Moneta Mediaevalis: Studia numizmatyczne i historyczne ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Suchodolskiemu w rocznicę urodzin* (Warsaw, 2002), pp. 163–174.

⁵⁴³ R. Segal, *Islam's Black Slaves: The Other Black Diaspora* (New York, 2001), p. 121.

⁵⁴⁴ Ibn #awqal, *Kitāb #ūrat al-ard*, цитируется по D. Ayalon, 'The Mamluks of the Seljuks: Islam's Military Might at the Crossroads', *Journal of the Royal Asiatic Society* 6.3 (1996), p. 312. С этого момента я переключаюсь с термина «тюрки» на «турки», чтобы отличить народы степей от предков современной Турции.

⁵⁴⁵ W. Scheidel, 'The Roman Slave Supply', in K. Bradley, P. Cartledge, D. Eltis and S. Engerman (eds), *The Cambridge World History of Slavery*, 3 vols (Cambridge, 2011), 1, pp. 287–310.

⁵⁴⁶ См. F. Caswell, *The Slave Girls of Baghdad. The Qiyān in the Early Abbasid Era* (London, 2011), p. 13.

⁵⁴⁷ Tacitus, *Annals*, 15.69, p. 384.

по купле-продаже рабов, подобные идеи были очень популярны среди мусульман. «Из всех черных (рабов), – пишет один из авторов XI века, – нубийские женщины самые послушные, нежные и вежливые. Их тела стройны, а кожа гладкая. Они хорошо сложены... уважают своего хозяина, как будто они были рождены служить». Женщины народа беджа, чей дом находился там, где сейчас располагаются Судан, Эритрея и Египет, «имеют золотистый цвет лица, красивы, они хорошо сложены, их кожа нежна; они хороши в постели, но их нужно забирать из родной страны, когда они еще совсем юны». Тысячу лет назад за деньги нельзя было купить любовь, но можно было купить все остальное, что только пожелаешь⁵⁴⁸.

Другие путеводители предлагают одинаково полезные советы. «Собираясь покупать рабов, будьте осторожны, – пишет автор XI века из Персии в работе, известной как «Кабус-наме» («Записки Кабуса»). – Особенно сложная наука – покупать рабов мужчин, так как многие из них только выглядят хорошо, но на деле выходит все наоборот». «Многие думают, что покупка рабов – такая же форма торговли, как и все остальные, – добавляет автор. – На самом деле, искусство покупки рабов – это отдельная ветвь философии»⁵⁴⁹. Один из авторов дает следующие советы. Остерегайтесь желтизны кожи, это верный признак геморроя. Будьте осторожны с красивыми мужчинами с красивыми волосами и глазами – «мужчина, обладающий такими качествами, или бабник, или предпочитает быть посредником». Уложите свою будущую покупку, «надавите с двух сторон и внимательно осмотрите на предмет воспалений или боли. Еще раз поищите «скрытые дефекты», такие как дурной запах изо рта, глухота, заикание или уплотнения на деснах. Следуйте этим инструкциям (и многим другим кроме них), и вы не будете разочарованы»⁵⁵⁰.

Невольничьи рынки, процветавшие по всей Центральной Европе, были полны мужчин, женщин и детей, которые ожидали отправки на Восток и ко двору в Кордобе, где в 961 году находилось больше 13 000 рабов⁵⁵¹. К середине X века Прага стала основным торговым центром, привлекающим викингов-русов и мусульманских торговцев, которые продавали и покупали олово, пушнину и людей. В других городах Богемии можно было купить муку, ячмень, кур и, конечно, рабов, которые, по свидетельству одного из еврейских путешественников, продавались по очень разумным ценам⁵⁵².

Рабов также приносили в дар мусульманским правителям. В начале X века, например, посольство Тосканы в Багдаде преподнесло аббасидскому халифу аль-Муктафи большое количество ценных подарков, среди которых были мечи, щиты, охотничьи собаки и хищные птицы. Среди прочих даров, предлагаемых в знак дружбы, были 20 славянских евнухов и 20 особенно красивых славянских девушек. Цветы юности из одной части света были привезены, чтобы потакать чьим-то желаниям в другой⁵⁵³.

Масштабы междугородней торговли были настолько велики, что, когда Ибрагим ибн Якуб проезжал через Майнц, он был поражен тем, что продавалось на местных рынках. «Это потрясающе, – писал он, – что в таких далеких западных землях можно отыскать травы и спе-

⁵⁴⁸ Ibn Buḥār, *Taqwīm al-ḥiṣṣa*, цитируется по G. Vantini, *Oriental Sources concerning Nubia* (Heidelberg, 1975), pp. 238–239.

⁵⁴⁹ Kaykāwūs ibn Iskandar ibn Qābūs, ed. and tr. R. Levy, *Naḥṣat-nāma known as Qābūs-nāma*, (London, 1951), p. 102.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ D. Abulafia, 'Asia, Africa and the Trade of Medieval Europe', in M. Postan, E. Miller and C. Postan (eds), *Cambridge Economic History of Europe: Trade and Industry in the Middle Ages* (2nd edn, Cambridge, 1987), p. 417. Также см. D. Mishin, 'The Saqaliba Slaves in the Aghlabid State', in M. Sebök (ed.), *Annual of Medieval Studies at CEU 1996/1997* (Budapest, 1998), pp. 236–244.

⁵⁵² Ibrāhīm ibn Yaḥyā, tr. Lunde and Stone, in *Land of Darkness*, pp. 164–165. О роли Праги как рабовладельческого центра – D. Třeštík, "'Eine große Stadt der Slawen namens Prag": Staaten und Sklaven in Mitteleuropa im 10. Jahrhundert', in P. Sommer (ed.), *Boleslav II: der tschechische Staat um das Jahr 1000* (Prague 2001), pp. 93–138.

⁵⁵³ Ibn al-Zubayr, *Book of Gifts and Rarities*, pp. 91–92; A. Christys, 'The Queen of the Franks Offers Gifts to the Caliph Al-Muktafi', in W. Davies and P. Fouracre (eds), *The Languages of Gift in the Early Middle Ages* (Cambridge, 2010), pp. 140–171.

ции, которые растут только на Дальнем Востоке, например перец, имбирь, гвоздику, нard и сыть длинную. Эти растения были привезены из Индии, они растут там в изобилии». Однако его поразило не только это. Ибн Якуба сильно удивил тот факт, что серебряные динары и монеты, отчеканенные в Самарканде, были в ходу в данной местности⁵⁵⁴.

На самом деле влияние мусульманских монет имело гораздо больший размах, и так продолжалось еще некоторое время. Около 800 года король Оффа из Мерсии (территория Англии), создатель знаменитой дамбы, которая должна была защитить его владения от набегов валлийцев, скопировал дизайн исламских монет для изготовления своих собственных. Он выпускал монеты с надписью «Offa rex» («Король Оффа») на одной стороне и неидеальной копией текста на арабском языке на другой, несмотря на то, что этот текст ничего не значил для тех, кто использовал эти монеты в королевстве⁵⁵⁵. Большой клад был найден в Куэрдейле в Ланкашире. Сейчас он хранится в Музее Эшмола в Оксфорде. Там же находится большое количество аббасидских монет, отчеканенных в IX веке. Эта валюта достигла Британских островов, которые по меркам исламского мира были настоящей глушью.

За товары, которые начали в изобилии ввозить в Европу в IX веке, платили доходами от продажи рабов. Специи и лекарства, которые в источниках упоминаются как предметы роскоши, пользующиеся большим спросом, или медицинские препараты первой необходимости – все это оплачивалось доходами от торговли людьми⁵⁵⁶. Не только викинги-русы получали прибыль от все повышающегося спроса на рабов: купцы из Вердена сделали целое состояние на продаже евнухов, как правило, мусульманским покупателям в Испании. Еврейские торговцы, которые занимались междугородней торговлей, также поставляли «молодых юношей и девушек» наряду с евнухами, по крайней мере так говорят арабские источники того времени⁵⁵⁷.

Другие источники тоже отмечают роль, которую еврейские торговцы играли в перевозке «рабов – юношей и девушек» из Европы, а также в кастрировании молодых людей по прибытии, возможно, в качестве некой жуткой процедуры сертификации⁵⁵⁸. Работорговица обещала приносить неплохой доход, поэтому на Восток свозили рабов не только из Европы: мусульманские предприниматели тоже подключились к делу. Они совершали набеги на земли славян из северного Ирана и, хотя захватывали население в плен, благоразумно «оставляли их мужское начало и тела нетронутыми»⁵⁵⁹.

Таких пленников тоже делали евнухами, и они высоко ценились. Как писал арабский автор того времени, если взять близнецов-славян и кастрировать одного из них, он несомненно станет более умелым, будет обладать «более живым умом и умением вести разговор», чем его брат, который останется невежей и глупцом и будет проявлять признаки врожденного простодушия славян.

Считалось, что кастрация может очистить и улучшить ум славянина⁵⁶⁰. Однако как отмечал все тот же автор, этот метод не срабатывал на «черных», чьи «природные способно-

⁵⁵⁴ Ibrāhīm ibn Ya‘qūb, pp. 162–163.

⁵⁵⁵ R. Naismith, ‘Islamic Coins from Early Medieval England’, *Numismatic Chronicle* 165 (2005), pp. 193–222; R. Naismith, ‘The Coinage of Offa Revisited’, *British Numismatic Journal* 80 (2010), pp. 76–106.

⁵⁵⁶ M. McCormick, ‘New Light on the “Dark Ages”: How the Slave Trade Fuelled the Carolingian Economy’, *Past & Present* 177 (2002), pp. 17–54; а также J. Henning, ‘Slavery or Freedom? The Causes of Early Medieval Europe’s Economic Advancement’, *Early Medieval Europe* 12.3 (2003), pp. 269–277.

⁵⁵⁷ Ibn Khurrādādhbih, ‘Book of Roads and Kingdoms’, p. 111.

⁵⁵⁸ Ibn ḥawqal, *Kitāb ḥūrat al-ard*, tr. Lunde and Stone, ‘Book of the Configuration of the Earth’, in *Land of Darkness*, p. 173.

⁵⁵⁹ Там же а также Al-Muqaddasī, *Land of Darkness*, p. 170.

⁵⁶⁰ al-Jāḥiḥ, *Kitāb al-ḥayawān*, цитируется в C. Verlinden, *L’Esclavage dans l’Europe médiévale*, 2 vols (Bruges, 1955–1977), 1, p. 213.

сти» только ухудшались после операции⁵⁶¹. Масштаб трафика славянских рабов был столь велик, что даже повлиял на арабский язык. Слово евнух (*#iqlabī*) происходит от этнического термина, имеющего отношения к славянам (*#aqālibī*).

Мусульманские торговцы были очень активны в Средиземноморье. Мужчины, женщины и дети свозились со всей Северной Европы в Марсель, где был оживленный невольничий рынок. Иногда рабов передавали на второстепенные рынки, например, в Руан, где живой товар из Ирландии и Фламандрии продавали третьим лицам⁵⁶². Рим был еще одним ключевым центром работорговли, хотя многие и находили это отвратительным. В 776 году папа Адриан I осудил продажу людей как скота и обрекание мужчин и женщин на продажу «отвратительным сарацинам». Некоторые из них, как он утверждал, поднялись на борт корабля по собственной воле, «не имея другой надежды на выживание» из-за голода и ужасающей нищеты последнего времени. Тем не менее «мы никогда не опускались до таких постыдных поступков», как продажа христиан, писал он, «и Господь запрещает нам это»⁵⁶³. Рабство было так широко распространено в Средиземноморье и арабских странах, что даже сейчас самые обычные приветствия между людьми имеют отсылки к работорговле. По всей Италии, когда люди встречаются, они говорят друг другу «скьяво», на венецианском диалекте, или «чао» – более распространенный вариант. И это слово изначально означало вовсе не «привет», а «я твой раб»⁵⁶⁴.

Некоторые считали, что пленение христиан и продажа их мусульманским хозяевам непростительны. Одним из них был Римберт, епископ из Бремена, который периодически бывал на рынках Хедебю (сейчас это место на границе Германии и Дании) в конце IX века и выкупал тех, кто исповедовал христианскую веру (но только их)⁵⁶⁵. Такую чувствительность разделяли далеко не все. Среди тех, кого не трогала работорговля, были жители бесперспективной лагуны на самом севере Адриатики. Основу их благосостояния составляла работорговля и человеческие страдания. Именно это превратило данное место в жемчужину средневекового Средиземноморья – Венецию.

Когда дело доходило до бизнеса, венецианцы доказывали, что они могут быть успешными. Ослепительный город поднялся из болот. Город, украшенный чудесными церквями и великолепными палаццо, был построен на доходы от прибыльной торговли с Востоком. Хотя сегодня мы воспринимаем Венецию как часть славного прошлого, ее росту способствовала готовность продать будущие поколения в рабство. Венецианские торговцы присоединились к работорговле уже во второй половине VIII века, когда Венеция только зарождалась, хотя для того, чтобы начать получать серьезный доход, потребовалось время. На то, что она, в конце концов, этого добилась, указывает ряд договоров, заключенных столетием позже. В этих договорах Венеция соглашается связать себя некоторыми ограничениями на продажу рабов, включая возвращение рабов в другие города Италии, если их незаконно привезут в Венецию на продажу. Эти договоренности отчасти явились реакцией на возвышение города, попыткой подрезать Венеции крылья со стороны тех, кого устранил ее успех⁵⁶⁶.

В краткосрочной перспективе эти запреты были обойдены группой захватчиков, которые пленяли нехристиан из Богемии и Далмации и продавали их, получая хорошую при-

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Verlinden, *Esclavage*, 2, pp. 218–230, 731–732; W. Phillips, *Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade* (Manchester, 1985), p. 62.

⁵⁶³ H. Loyn and R. Percival (eds), *The Reign of Charlemagne: Documents on Carolingian Government and Administration* (London, 1975), p. 129.

⁵⁶⁴ В Германии раньше было принято делать то же самое, используя приветствие «Servus».

⁵⁶⁵ Adam of Bremen, *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, tr. T. Reuter, *History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* (New York, 2002), I. 39–41.

⁵⁶⁶ *Pactum Hlotharii I*, in McCormick, 'Carolingian Economy', p. 47.

быль⁵⁶⁷. В более долгосрочной перспективе, однако, был возобновлен нормальный бизнес. Договоры конца IX века с местными правителями, которые якобы были обеспокоены тем, что на их рынках продавали не только рабов, но и вольных людей, соблюдались лишь на словах. Венецианцев обвиняли в том, что они охотно продают подданных соседних земель, независимо от их вероисповедания⁵⁶⁸.

В конце концов, объемы работорговли стали сокращаться, по крайней мере, уменьшился поток рабов из Восточной и Центральной Европы. Одной из причин этого было то, что викинги-русы переключились с междугородней торговли на рэкет. Их внимание сконцентрировалось на выгодах, которые получали хазары от торговцев, проходивших через их города, например Итиль, благодаря сборам на транзит товаров через территорию хазаров. Знаменитый персидский географический трактат «Худуд аль-Алам» утверждает, что основу экономики хазаров составляли доходы от налогов: «Благосостояние царя хазарского основывается в основном на пошлинах»⁵⁶⁹. Другие мусульманские авторы неоднократно отмечали существенные налоговые поступления, полученные хазарскими правителями от коммерческой деятельности, включая сборы с жителей столицы⁵⁷⁰.

То, что различные племена платили дань кагану, неизбежно привлекло внимание викингов-русов. Один за другим данники Хазарии переходили под покровительство новых повелителей. Ко второй половине IX века славянские племена Центральной и Южной России не только платили дань скандинавам, им было запрещено продолжать платить «хазарам на том основании, что в этом не было никакого смысла». Вместо этого следовало платить лидерам русов⁵⁷¹. Аналогичный подход практиковался в Ирландии, где бизнес по защите капиталов вытеснил работорговлю. После постоянных атак в течение года, говорится в анналах Санкт-Бертен, ирландцы согласились платить ежегодную дань в обмен на мир⁵⁷².

На Востоке это произошло незадолго до того, как действия русов вылилось в открытую конфронтацию с хазарами. После серии набегов на мусульманские торговые компании в Каспийском море, в результате которых «пролились реки крови» и которые продолжались до тех пор, пока викинги-русы не «награбились вдоволь и устали от набегов», были атакованы сами хазары⁵⁷³. Итиль был разграблен и полностью уничтожен в 965 году. «Если на ветвях останутся листья, один из русов обязательно их унесет, – писал один из авторов. – Не осталось ни единой виноградины, ни единой изюминки (в Хазарии)»⁵⁷⁴. Хазары были удалены из уравнения, и прибыль от торговли с мусульманским миром потекла рекой в направлении Северной Европы. Об этом свидетельствуют залежи монет, найденные вдоль водных путей России⁵⁷⁵.

К концу X века русы стали доминирующей силой в западной части степи. Они контролировали земли, которые простирались от Каспийского моря и до самого Дуная через север Черного моря. Один источник говорит об оживленности рынков, которые они теперь

⁵⁶⁷ G. Luzzato, *An Economic History of Italy from the Fall of the Roman Empire to the Sixteenth Century*, tr. P. Jones (London, 1961), pp. 35, 51–53; Phillips, *Slavery*, p. 63.

⁵⁶⁸ McCormick, 'Carolingian Economy', pp. 48–49.

⁵⁶⁹ *Hudūd al-ʿĀlam*, in *The Regions of the World: A Persian Geography 372 AH – 982 AD*, tr. V. Minorsky, ed. C. Bosworth (London, 1970), pp. 161–162.

⁵⁷⁰ Ibn Faḥlān, 'Book of Ahmad ibn Faḥlān', p. 44; Ibn Khurrādādhbih, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 12; Martinez, 'Gardīzī's Two Chapters on the Turks', pp. 153–154.

⁵⁷¹ *Russian Primary Chronicle*, tr. S. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor (Cambridge, MA, 1953), p. 61.

⁵⁷² *Annales Bertiniani*, ed. G. Waitz (Hanover, 1885), p. 35.

⁵⁷³ Masʿūdī, 'Meadows of Gold', pp. 145–146; Ibn ḥawqal, 'Book of the Configuration of the Earth', p. 175.

⁵⁷⁴ Ibn ḥawqal, 'Book of the Configuration of the Earth', p. 178.

⁵⁷⁵ R. Kovalev, 'Mint Output in Tenth Century Bukhara: A Case Study of Dirham Production with Monetary Circulation in Northern Europe', *Russian History / Histoire Russe* 28 (2001), pp. 250–259.

курировали. Там можно было приобрести «золото, шелк, вино, разнообразные фрукты из Греции, серебро и лошадей из Венгрии и Богемии, а также пушнину, воск, мед и рабов у русов»⁵⁷⁶. Тем не менее их власть над этими землями не являлась абсолютной. Отношения с кочевыми племенами зачастую были напряженными из-за конкуренции за ресурсы. Это было отлично продемонстрировано, когда постоянный лидер русов того времени был казнен кочевым племенем печенегов. Они отпраздновали захват князя в плен, а позже его череп был доверху наполнен золотом. Его сохранили как трофей и использовали в качестве ритуальной посуды⁵⁷⁷.

Тем не менее в ходе X века контроль русов над водными путями и степями продолжал крепнуть, а пути на юг становились все более безопасными. Этот процесс сопровождался постепенной трансформацией коммерческой, религиозной и политической ситуации. Одной из причин этого являлось то, что после периода стабильности и достатка, который длился примерно 300 лет, Багдадский халифат столкнулся с рядом неудач.

Процветание привело к ослаблению связей между центром и окраинными землями, что, в свою очередь, создало почву для раздоров: местные власти почувствовали свободу и вступили в конфронтацию друг с другом. В 923 году Басра была разграблена шиитами, а еще через семь лет было совершено нападение на Мекку, в ходе которого из Каабы был украден священный черный камень⁵⁷⁸.

Необычайно суровые зимы в 920–960-х годах только усугубили положение. Условия были такими плохими, что нехватка продуктов стала обычным делом. Люди были вынуждены «выбирать зерна ячменя из помета лошадей и ослов и есть их», – писал один автор. Массовые беспорядки и гражданские волнения не заставили себя ждать⁵⁷⁹. По словам армянского летописца, после семи лет неурожая в 950-х годах «многие сошли с ума» и бездумно бросались друг на друга⁵⁸⁰.

Внутренние беспорядки позволили новой династии, Буидам, установить политический контроль над большей частью основной территории халифата в Иране и Ираке, должность халифа стала номинальной, и его полномочия были сильно урезаны. В то же время в Египте режим был полностью свергнут. В версии «арабской весны» X века мусульмане-шииты, которые до этого смогли построить эмираты в Северной Африке и были более или менее независимы от суннитского халифата Багдада и Кордобы, перебрались в столицу Египта – Фустат. В 969 году, на фоне катастрофического положения во время ежегодного разлива Нила, из-за которого многие погибли и начался голод, в Северной Африке разгорелась революция⁵⁸¹. Новыми повелителями стали Фатимиды. Они, так же как и мусульмане-шииты, смотрели на вопросы законности, власти и наследия, оставленного Мухаммедом, по-своему. Их подъем имел серьезные последствия для единства мусульманского мира: люди начали задавать фундаментальные вопросы о прошлом, настоящем и будущем ислама.

⁵⁷⁶ *Russian Primary Chronicle*, p. 86.

⁵⁷⁷ Там же, p. 90.

⁵⁷⁸ H. Halm, *Das Reich des Mahdi. Der Aufstieg der Fatimiden (875–973)* (Munich, 1991); F. Akbar, 'The Secular Roots of Religious Dissidence in Early Islam: The Case of the Qaramita of Sawad Al-Kufa', *Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs* 12.2 (1991), pp. 376–390. О распаде халифата в этот период см. M. van Berkel, N. El Cheikh, H. Kennedy and L. Osti, *Crisis and Continuity at the Abbasid Court: Formal and Informal Politics in the Caliphate of al-Muqtadir* (Leiden, 2013).

⁵⁷⁹ Bar Hebraeus, *Ktābā d-makbānūt zabnē*, E. Budge (ed. and tr.), *The Chronography of Gregory Abul Faraj*, 2 vols (Oxford, 1932), 1, p. 164.

⁵⁸⁰ Matthew of Edessa, *The Chronicle of Matthew of Edessa*, tr. A. Dostourian (Lanham, 1993), I. 1, p. 19; M. Canard, 'Baghdad au IV^e siècle de l'Hégire (Xe siècle de l'ère chrétienne)', *Arabica* 9 (1962), pp. 282–283. См. здесь R. Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels in Early Islamic Iran: A Moment in World History* (New York, 2009), pp. 79–81; R. Ellenblum, *The Collapse of the Eastern Mediterranean: Climate Change and the Decline of the East, 950–1072* (Cambridge, 2012), pp. 32–36.

⁵⁸¹ Ellenblum, *Collapse of the Eastern Mediterranean*, pp. 41–43.

Переворот и последовавший за ним спад коммерции привели к тому, что викинг-русы обратили свое внимание на реки Днепр и Днестр, впадающие в Черное море, а не на Волгу и Каспийское море. Они перенесли свое внимание с мусульманского мира на Византийскую империю и великий город Константинополь, известный в скандинавском фольклоре как Mikli-garðr, или Миклагард, что означает «великий город». Византийцы отнеслись к вниманию русов с осторожностью. Налет 860 года стал полной неожиданностью как для жителей, так и для городской стражи.

Патриарх Константинополя причитал, вопрошая, кто эти «яростные и дикие» воины, которые «громят окрестности, уничтожают все», «вонзают свои мечи во все, не жалея ничего и никого. «Тем, кто погиб первым, повезло, — отмечал он. — По крайней мере они не узнали, какие ужасы последовали за этим»⁵⁸².

Доступ русов на рынки Константинополя четко регламентировался властями. Договор X века оговаривает, что в город одновременно допускается всего 50 русов, проходить они должны через четко указанные ворота, их имена должны быть тщательно переписаны, а в городе за ними следовало внимательно наблюдать. Ограничения также налагались и на то, что они могут покупать или продавать⁵⁸³. Русы были признаны опасными людьми, требующими особого, осторожного обращения. Тем не менее, в конце концов, отношения стали нормализовываться, налажилось взаимодействие с такими городами, как Новгород, Чернигов и прежде всего Киев, которые из торговых полустанков превратились в укрепленные города⁵⁸⁴. Принятие правителем русов Владимиром христианства в 988 году было очень важным событием, так как привело к созданию церковной сети под управлением священнослужителей, присланных из Константинополя, и неизбежным культурным заимствованиям. Эти факторы в итоге повлияли на все, начиная с икон, предметов культа и внешнего вида церквей до стиля одежды русов⁵⁸⁵. С течением времени экономика русов становилась все более меркантильной, а военизированное общество все более урбанизованным и космополитичным⁵⁸⁶. Из Византии привозили на продажу предметы роскоши, такие как вино, масло и шелк, при этом торговцы выписывали чеки на бересте⁵⁸⁷.

Смещение фокуса внимания русов с мусульманского мира на Константинополь стало результатом явного сдвига в Западной Азии. Последовательные императоры воспользовались нестабильностью и беспорядками в Аббасидском халифате. Многие восточные византийские провинции были потеряны во время мусульманских завоеваний, и это привело к реорганизации основ имперского управления провинциями. В первой половине X века положение стало меняться. Одна за другой территории, которые использовались для организации нападений на имперские территории в Анатолии, восстанавливались. Крит и Кипр были возвращены. Это способствовало установлению стабильности в Восточном Средиземноморье и на Эгейском море, которые десятилетиями находились во власти арабских пиратов. Затем в 969 году великий город Антиохия, важный коммерческий центр и крупный производитель текстиля, также был захвачен⁵⁸⁸.

⁵⁸² C. Mango, *The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople* (Cambridge, MA, 1958), pp. 88–89.

⁵⁸³ *Russian Primary Chronicle*, pp. 74–75.

⁵⁸⁴ Shepard, 'The Viking Rus' and Byzantium', in S. Brink and N. Price (eds), *The Viking World* (Abingdon, 2008), pp. 498–501.

⁵⁸⁵ См., например, A. Poppe, 'The Building of the Church of St Sophia in Kiev', *Journal of Medieval History* 7.1 (1981), pp. 15–66.

⁵⁸⁶ Shepard, 'Viking Rus', p. 510.

⁵⁸⁷ T. Noonan and R. Kovalev, 'Prayer, Illumination and Good Times: The Export of Byzantine Wine and Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times', *Byzantium and the North. Acta Fennica* 8 (1997), pp. 73–96; M. Roslund, 'Brosamen vom Tisch der Reichen. Byzantinische Funde aus Lund und Sigtuna (ca. 980–1250)', in M. Müller-Wille (ed.), *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14 Jahrhunderts* (Stuttgart, 1997), 2, pp. 325–385.

⁵⁸⁸ L. Golombek, 'The Draped Universe of Islam', in P. Parsons Soucek (ed.), *Content and Context of Visual Arts in the Islamic World: Papers from a Colloquium in Memory of Richard Ettinghausen* (University Park, PA, 1988), pp. 97–114. О текстильной

Такой поворот судьбы стимулировал возрождение христианского мира. Это также означало перенаправление многих активов и доходов из Багдада в Константинополь: налоговые и таможенные сборы, которые раньше направлялись в халифат, теперь пополняли имперскую казну. Это возвестило о начале золотой эры Византии, периода возрождения искусств и интеллектуального расцвета среди философов, ученых и историков. Началось масштабное строительство церквей и монастырей, а также учреждение таких организаций, как правовые школы, где обучали судей, которые могли осуществлять надзор за растущей империей. Именно Византия получила наибольшую выгоду от разрыва отношений между Багдадом и Египтом в конце X века: в конце 980-х годов император Василий II пришел к соглашению с новопровозглашенным халифом из рода Фатимидов, тем самым установив формальные торговые связи и пообещав, что его имя будет упоминаться в ежедневных молитвах в мечетях Константинополя скорее, чем у его соперников Аббасидов в Багдаде⁵⁸⁹.

Оживление рынков в столице империи, подпитываемое экономическим и демографическим ростом, еще больше дестабилизировало положение аббасидского халифата. Результатом стала переориентация торговых путей с Востока и явный сдвиг от континента в сторону Хазарии, Кавказа и Красного моря. Пути, которые способствовали процветанию Мерва, Рея и Багдада отошли на второй план благодаря судоходным путям вдоль береговой линии. Несомненно, Фустату, Каиру и прежде всего Александрии был дан неплохой толчок для развития⁵⁹⁰. Византия была хорошо расположена и вскоре стала пожинать плоды новых взаимоотношений с Фатимидами: со второй половины X века, как следует из арабских и еврейских текстов, торговые корабли круглосуточно отправлялись из портов Египта в Константинополь⁵⁹¹.

Египетский текстиль начали ценить по всему Восточному Средиземноморью. Белье, произведенное в Тинисе, оказалось востребовано после того, как Насир Хосров, один из величайших писателей Персии, написал следующее: «Я слышал, что правитель Византии однажды послал сообщение султану Египта и предложил сотню городов в обмен на один только Тинис»⁵⁹². Появление амальфийских и венецианских купцов в Египте, начиная с 1030-х годов, и из Генуи тремя десятилетиями позже показывает, что и другие народы были готовы открывать новые источники товаров⁵⁹³.

С точки зрения русов и новой северной торговой сети изменение важнейших торговых путей, по которым с Востока привозили специи, шелк, перец, изделия из дерева и другие товары, имело небольшие последствия: теперь не нужно было выбирать между христианским Константинополем и мусульманским Багдадом. В то же время наличие двух потенциальных источников товаров лучше, чем всего один. Шелк поставлялся в Скандинавию во внушительных количествах, о чем свидетельствует находка более чем ста шелковых фрагментов на корабле, найденном в Осберге в Норвегии, а также захоронения викингов: шелковые одежды из Византии и Персии хоронили вместе с их владельцами как предметы роскоши⁵⁹⁴.

продукции Антиохии после 1098 года см. T. Vorderstrasse, 'Trade and Textiles from Medieval Antioch', *Al-Masāq* 22.2 (2010), pp. 151–171.

⁵⁸⁹ D. Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt from the Mid-Tenth Century to the Fourth Crusade', *Thesaurismata* 30 (2000), p. 36.

⁵⁹⁰ V. Piacentini, 'Merchant Families in the Gulf: A Mercantile and Cosmopolitan Dimension: The Written Evidence', *ARAM* 11–12 (1999–2000), pp. 145–148.

⁵⁹¹ D. Goitein, *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*, 6 vols (Berkeley, 1967–1993), 4, p. 168; Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', pp. 41–43.

⁵⁹² Nāḥir-i Khusrāw, *Safarnāma*, tr. W. Thackston, *Nāḥir-e Khosraw's Book of Travels* (Albany, NY, 1986), pp. 39–40.

⁵⁹³ Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', p. 42; S. Simonsohn, *The Jews of Sicily 383–1300* (Leiden, 1997), pp. 314–316.

⁵⁹⁴ M. Vedeler, *Silk for the Vikings* (Oxford, 2014).

В середине XI века все еще находились те, кто хотел сделать состояние в землях ислама на востоке, как это делали их предки. В качестве примера можно привести руническую надпись с камня на берегу озера Меларен возле Стокгольма в Швеции, установленного в середине XI века женщиной по имени Тола в память о ее сыне Харальде и его братьях по оружию. «Они прошли долгий путь в поисках золота», – говорится на нем, им сопутствовал успех, но затем они погибли «на юге, в Серкланде», который, к слову, находился на землях сарацин – мусульман⁵⁹⁵. Исследователями был найден еще один камень, установленный Гудлифом в память о сыне, который встретил свой конец на Востоке, в Хорезме⁵⁹⁶. Такие тексты, как «Сага об Ингваре Путешественнике», брате Харальда, также увековечивает путешествия, в которых скандинавы отправлялись к Каспийскому морю и дальше. Кстати, недавние исследования показывают, что постоянные поселения викингов в то время встречались даже в Персидском заливе⁵⁹⁷.

Однако всеобщее внимание все больше концентрировалось на христианском Востоке и Византии. По мере расширения горизонтов Западной Европы появился интерес к посещению земли, где жил, умер и воскрес Иисус Христос. Паломничество в Иерусалим стало престижным⁵⁹⁸. Открытие Священного города еще раз подчеркнуло скудность христианского наследия Западной Европы по сравнению с Византийской империей. Елена, мать императора Константина, начала процесс переноса священных реликвий еще в IV веке.

К XI веку удивительная коллекция была существенно расширена и включала в себя такие реликвии, как гвозди, которыми был распят Иисус, терновый венец, плащаница, часть Честного и Животворящего Креста Господня, а также локон волос Девы Марии, голову Иоанна Крестителя и многое, многое другое⁵⁹⁹. Напротив, в Европе было совсем мало реликвий. Хотя короли, города и церкви становились все богаче, у них было мало общего с Иисусом Христом и его учением.

Иерусалим и Константинополь, как дом и защитник христианства, привлекли огромное количество людей на христианский Восток, в частности в столицу империи, люди прибывали сюда, чтобы торговать, заниматься бизнесом или просто пройти по Святой земле. Жители Скандинавии и Британских островов состояли в элитном корпусе варягов (варяжской страже), которому была доверена охрана самого императора. Служить в этом отряде стало своего рода традицией. Так, например, Харальд Сигурдссон, будущий король Норвегии (известный как Харальд Суровый), служил в этой бригаде, прежде чем отправиться домой⁶⁰⁰. В XI веке зов Константинополя был слышен по всей Европе. В летописях отмечается, что в XI веке он был домом для выходцев из Британии, Италии, Франции и Германии, Киева, Скандинавии и Исландии. Торговцы из Венеции, Пизы, Амальфи и Генуи основали в городе колонии, чтобы покупать товары и отправлять их домой⁶⁰¹.

По-настоящему важные места находились не в Париже, Лондоне, Германии или Италии, они располагались на Востоке. Города, которые были связаны с Востоком, были особенно важны, например, ключевыми являлись Херсон, Крым, Новгород, которые были связаны с Шелковым путем, проходящим через всю Азию. Киев стал стержнем средневекового мира, о чем свидетельствует брачный союз между правящими домами, заключенный во вто-

⁵⁹⁵ E. Brate and E. Wessén, *Sveriges Runinskrifter: Södermanlands Runinskrifter* (Stockholm, 1924–36), p. 154.

⁵⁹⁶ S. Jansson, *Västmanlands runinskrifter* (Stockholm, 1964), pp. 6–9.

⁵⁹⁷ G. Isitt, 'Vikings in the Persian Gulf', *Journal of the Royal Asiatic Society* 17.4 (2007), pp. 389–406.

⁵⁹⁸ P. Frankopan, 'Levels of Contact between West and East: Pilgrims and Visitors to Constantinople and Jerusalem in the 9th–12th Centuries', in S. Searight and Wagstaff (eds), *Travellers in the Levant: Voyagers and Visionaries* (Durham, 2001), pp. 87–108.

⁵⁹⁹ Cm. J. Wortley, *Studies on the Cult of Relics in Byzantium up to 1204* (Farnham, 2009).

⁶⁰⁰ S. Blöndal, *The Varangians of Byzantium*, tr. B. Benediktz (Cambridge, 1978); Shepard, 'The Uses of the Franks in 11th-Century Byzantium', *Anglo-Norman Studies* 15 (1992), pp. 275–305.

⁶⁰¹ P. Frankopan, *The First Crusade: The Call from the East* (London, 2012), pp. 87–88.

рой половине XI века. Дочери Ярослава Мудрого, который был Великим князем Киевским до 1054 года, вышли замуж за королей Норвегии, Венгрии, Швеции и Франции. Один из его сыновей женился на дочери короля Польши, в то время как другой взял жену из правящей династии Константинополя. Браки, заключенные в следующем поколении, были даже еще более впечатляющими. Русские княжны вышли замуж за королей Венгрии и Польши и могущественного императора Германии Генриха IV. Помимо прочего, показательным стал брак Владимира II Мономаха, князя Киевского, с Гитой, дочерью Харольда II, короля Англии, который был убит в битве при Гастингсе в 1066 году. Правящая династия Киева имела наилучшие связи во всей Европе.

Все новые и новые города возникали по всей России, и каждый являлся новой жемужиной на ожерелье. Такие города, как Любеч, Смоленск, Минск и Полоцк, обрели величие, как перед этим Киев, Чернигов и Новгород. Очевидно, этому способствовал тот же процесс, который уже наблюдался в Венеции, Генуе, Пизе и Амальфи, – усиление власти и рост благосостояния. Главным ключом к успеху был бизнес с Востоком.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в южной Италии. Одно из самых потрясающих достижений Средневековья, норманнские наемники, которых изначально призвали в Апулию и Калабрию, в начале XI века стали одной из основных сил Средиземноморья. За одно поколение они свергли византийских казначеев и затем обратили свое внимание на мусульманскую Сицилию, прибыльные земли и стратегически важный пункт, соединяющий Северную Африку и Европу, контролирующую Средиземноморье⁶⁰².

В каждом случае приход к власти был ускорен развитием торговли и получением доступа к желаемым товарам. В конечном счете, практически не имело значения, где проходила разделительная линия между христианами и мусульманами, лучшие рынки находились в Константинополе, Итиле, Багдаде или Бухаре, а с XI века – в Махдии, Александрии и Каире. Хотя многие источники утверждают, что огромное значение имели политика и религия, для большинства купцов и торговцев эти вопросы были осложнениями, которые лучше бы избегать. На самом деле, проблема была не в том, где и с кем торговать, а в том, как оплачивать предметы роскоши, которые могли бы принести хорошую прибыль. С VIII по X век основным предметом торговли являлись рабы. По мере того как экономики стран Западной и Восточной Европы становились все более устойчивыми и из исламского мира поступало все больше серебряных монет, города росли, а их население увеличивалось. Вместе с этим возрастал уровень взаимодействия, который, в свою очередь, привел к повышенному спросу на монетизацию, который превышал, например, спрос на пушнину. Когда это произошло, местные сообщества стали более сложными, искусными и развитыми. В городах начал появляться средний класс. Теперь в качестве основной валюты на Востоке стали использовать деньги, а не людей.

Магнетические силы, которые притянули людей со всей Европы, ощущались и на Востоке. Границы, которые были установлены мусульманскими завоеваниями в ходе экспансии в Центральной Азии, к XI веку уже практически исчезли. Разнообразные мусульманские династии по всей Центральной Азии долгое время нанимали в армии людей из степей. Так же поступали и халифы Багдада. И только императоры из Константинополя в то же самое время привлекали людей из Северной и Западной Европы. Такие династии, как Саманиды, активно нанимали солдат из племени тюрков, обычно в качестве *ghulām*, или войска рабов. Но так как им стали доверять не только рядовые позиции, но и должности в командовании,

⁶⁰² H. Hoffmann, 'Die Anfänge der Normannen in Süditalien', *Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven und Bibliotheken* 47 (1967), pp. 95–144; G. Loud, *The Age of Robert Guiscard: Southern Italy and the Norman Conquest* (Singapore, 2000).

совсем скоро они захотели власти и для себя тоже. Служба должна была позволить им реализовать амбиции, но не приводить к тому, чтобы они завладели ключами от королевства.

Результаты оказались впечатляющими. К началу XI века в центре Газни (теперь это восточная часть Афганистана) возникла новая империя, основанная потомками тюркского генерала, который мог выставить на поле боя такую огромную армию, что один из современников сравнивал ее с ордой «саранчи или муравьев, бесчисленных, неизмеримых, как песок в пустыне»⁶⁰³. Газневиды завоевали земли, простирающиеся от Восточного Ирана до Северной Индии, они стали покровителями изобразительных искусств и литературы. Они также отстаивали интересы таких выдающихся писателей, как Фирдоуси, автора знаменитой «Шахнаме», одной из жемчужин раннесредневековой персидской поэзии. Недавние исследования показали, что великий поэт никогда не ездил в Афганистан, чтобы представить свою работу лично, как предполагалось ранее⁶⁰⁴.

Турки из Карахнидского государства также получили выгоду от того, что Багдад ослаб, и установили контроль над Трансоксианой, захватив владения к северу от Амударьи (великая река Оксус, которая течет вдоль границ Узбекистана с Туркменистаном), и заключили договор с Газневидами о том, что река должна служить границей их территорий⁶⁰⁵. Как и их соседи, Карахниды покровительствовали процветающим в то время ученым. Пожалуй, один из самых знаменитых сохранившихся текстов – это «Диван лугат ат-турк» (первый энциклопедический словарь тюркского языка) автора Махмуда аль-Кашгари, который утверждает, что центр мира – столица государства Карахнидов Баласагун в Центральной Азии. То, как это блестящий эрудит видел мир вокруг, было отражено в прекрасной карте⁶⁰⁶.

Многие другие удивительные тексты создают атмосферу утонченности и рассказывают о динамичном и богатом обществе. Особенно выдающийся текст – поэма Kutadgu Bilig («Благодатное знание»), написанная в конце XI века в Карахнидском государстве Юсуфом Баласагуни. Поэма наполнена советами, которые охватывают множество вопросов, начиная с того, что правитель должен реагировать на проблемы спокойно и не показывать гнева, и заканчивая тем, как вельможе организовать званый обед. Современные книги по этикету содержат много полезных практических сведений, но совершенно невозможно не очароваться автором, который тысячу лет назад давал советы, как организовать хороший званый обед. «Почистите бокалы и скатерти. Освежите весь дом и мебель. Выберите еду и напитки так, чтобы затронуть струны сердец ваших гостей», – советует автор. Он призывает следить за тем, чтобы бокалы были наполнены, щедро и благосклонно встречать опаздывающих: никто не должен уйти с праздника голодным или рассерженным⁶⁰⁷.

Честолюбивые царьки нуждались в таких советах не меньше, чем современные нувориши, которые хотят быть уверенны, что они использовали правильный дизайн интерьеров и подают гостям правильную еду и напитки (как утверждает автор Kutadgu Bilig, следует подавать воду с вареньем из розы – это беспроеигрышный вариант). Некоторые, более решительные, правда, не прельстились идеей организации собственного двора и употребления причудливой пищи. Они нацелились на гораздо больший приз – Багдад. Начиная с конца X века, сельджуки, выходцы из союза гузских племен (в основном они проживали в районе совре-

⁶⁰³ al-ʿUtbi, *Kitāb-i Yamīnī*, tr. J. Reynolds, *Historical memoirs of the amir Sabaktagīn, and the sultan Mahmūd of Ghazna* (London, 1868), p. 140. См. в целом C. Bosworth, *The Ghaznavids, 994–1040* (Cambridge, 1963).

⁶⁰⁴ A. Shapur Shahbāzī, *Ferdowsī: A Critical Biography* (Costa Mesa, CA, 1991), esp. pp. 91–93; а также G. Dabiri, 'The Shahnama: Between the Samanids and the Ghaznavids', *Iranian Studies* 43.1 (2010), pp. 13–28.

⁶⁰⁵ Y. Bregel, 'Turko-Mongol Influences in Central Asia', in R. Canfield (ed.), *Turko-Persia in Historical Perspective* (Cambridge, 1991), p. 53ff.

⁶⁰⁶ Herrman, 'Die älteste türkische Weltkarte', pp. 21–28.

⁶⁰⁷ Yūsuf Khāṣṣ al-Jībī, *Kutadgu Bilig*, tr. R. Dankoff, *Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes* (Chicago, 1983), p. 192.

менного Казахстана), начали активно развиваться. Они доказали, что умелая смена сторон и оказание услуг местным властям могут принести неплохую выгоду. Это было незадолго до того, как они обрели настоящую власть. Между 1020-ми и 1030-ми годами сельджуки умело взяли контроль над многими городами, такими как Мерв, Нишапур или Балх, которые сдавались один за другим. Затем в 1040 году они разбили Газневидов, нанеся поражение сильно превосходящим силам противника в битве при Данданакане⁶⁰⁸.

Стремительный рост сельджуков от рабов до правителей был закреплен в 1055 году, когда они явились в Багдад по приглашению халифа и свергли непопулярную и бесполезную династию Буидов. Были отчеканены монеты с именем вождя Тогрул-бека и отдан приказ прочитать во имя его хутбу (проповедь). Это было сделано для того, чтобы верующие благословляли его правление во время ежедневных молитв. В дальнейшем, чтобы показать величие своего положения в Багдаде и по всему халифату, Тогрул присвоил два новых титула – сначала титул султана, а затем «царя Востока и Запада», опоры государства и правой руки Покровителя правоверных⁶⁰⁹.

Здесь не обошлось без иронии. Имена сыновей основателя династии показывают, что сельджуки изначально были христианами или даже иудеями. Такие имена, как Михаил, Израиль, Моисей и Иоанн, позволяют предположить, что сельджуков обратили в веру миссионеры патриарха Тимофея или же торговцы, которые принесли иудаизм в Хазарию⁶¹⁰. Хотя время и обстоятельства их обращения в ислам неизвестны, определенно было тяжело придерживаться религиозных взглядов, которые не были широко распространены среди мусульманского населения, и не потерять так быстро обретенную власть. Если бы они достигали успеха более медленными темпами, мир мог бы измениться и во главе государства Востока могли бы стоять христиане или иудеи. Сельджуки решили принять новую религию, и именно немусульманские выскочки стали защитниками наследия Мухаммеда, защитниками ислама и хозяевами одной из самых могущественных империй в истории.

Еще до того, как они захватили власть в столице Аббасидов, Византия уже была обеспокоена подъемом сельджуков. Их неуклонный рост побудил другие кочевые племена с окраин совершать все более дерзкие набеги в глубь Балкан, на Кавказ и Малую Азию, приводя местное население в ужас стремительностью своих атак. Их лошади, как утверждал один из очевидцев, были «быстрыми как орлы, с твердыми, как скала, копытами». Они набрасывались на города, «как ненасытные, голодные волки на кусок мяса»⁶¹¹.

Будучи обманутым, император Роман IV Диоген в попытке укрепить оборону на востоке вместе с большой армией вышел из Константинополя, чтобы в 1071 году столкнуться с катастрофой в битве при Манцикерте, где византийские войска были застигнуты врасплох и уничтожены. В знаменитом сражении, которое до сих пор отмечается как день рождения Турции, имперские войска были окружены, разгромлены, а император был взят в плен.

Правитель сельджуков, Алп-Арслан поверг правителя Византии на землю и поставил ногу ему на горло⁶¹². На самом деле сельджуки и правительство в Багдаде были гораздо

⁶⁰⁸ О подъеме сельджуков см. C. Lange and S. Mecit (eds), *The Seljuqs: Politics, Society and Culture* (Edinburgh, 2011).

⁶⁰⁹ Обсуждение некоторых противоречий в источниках см. здесь: O. Safi, *Politics of Knowledge in Pre-Modern Islam: Negotiating Ideology and Religious Inquiry* (Chapel Hill, NC, 2006), pp. 35–36.

⁶¹⁰ Dunlop, *History of the Jewish Khazars*, p. 260; A. Peacock, *Early Seljuq History: A New Interpretation* (Abingdon, 2010), pp. 33–34; Dickens, 'Patriarch Timothy', pp. 117–139.

⁶¹¹ Aristakes of Lastivert, *Patmut'iwn Aristakeay Vardapeti Lastivertts'woy*, tr. R. Bedrosian, *Aristakēs Lastivertc'i's History* (New York, 1985), p. 64.

⁶¹² Источники, посвященные битве при Манцикерте, собраны здесь C. Hillenbrand, *Turkish Myth and Muslim Symbol* (Edinburgh, 2007), p. 26ff.

меньше обеспокоены деятельностью Византийской империи, чем действиями халифата Фатимидов в шиитском Египте. Эти две силы немедленно сцепились в борьбе за контроль над Иерусалимом. Пока длилась эта борьба, отношения, установленные с Константинополем, были не слишком сердечными, но благоприятными благодаря наличию взаимных интересов, которые заключались в «сужении» кругов вокруг Малой Азии, что выражалось в типично степных набегах и требовании дани в обмен на мир. Для Византии это грозило разрушением и без того хрупкой экономики провинций; для сельджуков это был вызов авторитету их лидера со стороны вождей местных племен. Большую часть двух десятилетий император и султан сотрудничали, дойдя в своих обсуждениях до возможного брака, который связал бы две династии. В 1090-х годах, однако, баланс нарушился, так как империя сельджуков вступила в период кризиса. Это позволило выскочкам из Малой Азии серьезно поднять ставки и увеличить свои владения, что давало им видимость независимости от Багдада. Такое положение сильно раздражало Византию⁶¹³.

Одно бедствие следовало за другим, и очень скоро христианская Византия была поставлена на колени. У императора все еще оставалось несколько козырей, и он предпринял решительный шаг: могущественным вельможам по всей Европе, включая папу Урбана II, были разосланы обращения. Обращение к папе было последней отчаянной попыткой Византии не упасть в пропасть, но в то же самое время это был рискованный шаг: за 40 лет до этого эскалация конфликта между римской и константинопольской церквями привела к расколу, в результате чего патриархи и императоры были отлучены от церкви, а священнослужители грозили друг другу геенной огненной. Частично споры касались вопросов о том, происходит ли Святой Дух от Сына или же от Отца, однако основным вопросом являлась конкуренция за контроль над верующими христианами. Обращение к папе означало сглаживание различий и попытку восстановить отношения, однако это было проще сказать, чем сделать⁶¹⁴.

Посланники императора нашли папу в Пьяченце в марте 1095 года. Они «умоляли Его Святейшество и всех верующих христиан оказать помощь против язычников в защите святой церкви, которая была практически уничтожена неверными, которые покорили регион вплоть до самых стен Константинополя»⁶¹⁵. Папа очень быстро понял, что именно было поставлено на карту, и предпринял немедленные действия. Отправившись на север, он созвал церковный собор в Клермонте, где и объявил, что долг христианских рыцарей – отправиться на помощь собратям на Востоке. После этого Урбан начал изнурительный поход с целью получить поддержку могущественных аристократов, прежде всего во Франции, уговаривая и убеждая их принять участие в большом походе, который должен был окончиться в Священном городе Иерусалиме. В час нужды на Востоке казалось, что церковь может объединиться⁶¹⁶.

Призыв к оружию возымел огромный успех. Большое количество христианских паломников отправилось посетить святыне уже за десятилетия до просьбы папы о помощи. В мире, где наблюдались тесные связи между Западной Европой и Константинополем, новости распространялись быстро. Из-за неурядиц в Малой Азии и на Среднем Востоке пути паломничества были закрыты, появились тревожные сообщения об успехах тюрков в Анатолии, которые сопровождались наглядными отчетами о страданиях христиан на Востоке. Многие из них были убеждены в том, что апокалипсис близок. Призыв Урбана к оружию получил большой отклик: в 1096 году десятки тысяч христиан отправились в Иерусалим⁶¹⁷.

⁶¹³ Frankopan, *First Crusade*, pp. 57–86.

⁶¹⁴ Там же, pp. 13–25.

⁶¹⁵ Bernold of Constance, *Die Chroniken Bertholds von Reichenau und Bernolds von Konstanz*, ed. I. Robinson (Hanover, 2003), p. 520.

⁶¹⁶ Frankopan, *First Crusade*, pp. 1–3, 101–113.

⁶¹⁷ Там же, в разных местах. О страхе перед Апокалипсисом см. J. Rubenstein, *Armies of Heaven: The First Crusade and the Quest for Apocalypse* (New York, 2011).

Множество имеющихся материалов показывают, что большинство из тех, кто отправился на Восток, были мотивированы верой и сообщениями об ужасах и зверствах, творившихся там. Крестовый поход запомнился как религиозная война, но его основные последствия были мирскими. Первое большое сражение между силами Европы за статус, богатства и престиж в далеких землях, вызванное перспективой богатой наживы, должно было вот-вот начаться. Ситуация изменилась таким образом, что у Запада внезапно появился шанс стать ближе к сердцу мира.

8. Путь на небеса

15 июля 1099 года Иерусалим пал к ногам рыцарей Первого крестового похода. Путешествие на Восток было ужасно изнурительным и сложным. Многие из тех, кто вышел в поход, никогда не добрались до Священного города, были убиты в бою, умерли от голода и болезней или оказались в плену. Когда крестоносцы добрались до Иерусалима, многие из них расплакались от счастья, потому что они наконец дошли до городских стен⁶¹⁸. Когда после шестинедельной осады стены города пали, нападающие пролили реки крови. По свидетельствам одного из очевидцев кровавой бойни, Иерусалим вскоре наполнился мертвыми телами, трупы складывались в курганы за городскими воротами. Никто и никогда еще не слышал о такой бойне⁶¹⁹. «Если бы вы были там, – писал один автор несколько лет спустя, – вы стояли бы по лодыжки в крови убитых. Что сказать? Никто из них не остался в живых. Не пощадили ни женщин, ни детей»⁶²⁰.

Новости об осаде Священного города распространились, как лесной пожар. Одна из них более других захватила общественное сознание: Боэмунд, сын норманнских легенд, который сделал себе имя в Южной Италии и Сицилии, стал звездой Первого крестового похода. Красивый мужчина с голубыми глазами, волевым подбородком и спортивной короткой стрижкой. Боэмунд проявил мужество и коварство в Западной Европе. Когда он вернулся с Востока в начале XII века, его чествовали как героя и повсюду осаждали потенциальные невесты⁶²¹.

Казалось, что Боэмунд всецело выступает за новый, формирующийся мир. С точки зрения латинских летописцев того времени, он был идеальным талисманом решительной передачи власти с Востока на Запад. Христианство было спасено храбрыми рыцарями, которые прошли тысячи миль до Иерусалима. Священный город был освобожден христианами – не православными греками или византийцами, а христианами Нормандии, Франции и Фландрии, которые составляли большую часть экспедиции. Мусульмане были изгнаны из города, который они контролировали столетиями. Мрачные предсказания грядущего апокалипсиса, которые слышались повсюду накануне Крестового похода, теперь сменились оптимизмом, самоуверенностью и честолюбием. В течение 5 лет от ожиданий скорого конца света Западная Европа дошла до идеи господства – новой эры!⁶²²

Были основаны новые колонии под управлением новых христианских хозяев. Это привело к существенному расширению европейского господства: Иерусалим, Триполи, Тир и Антиохия – все они оказались под контролем европейцев и управлялись в соответствии с набором законов, привезенных с феодального Востока. Это повлияло на все сферы жизни,

⁶¹⁸ Albert of Aachen, *Historia Iherosolimitana*, ed. and tr. S. Edgington (Oxford, 2007), 5.45, p. 402; Frankopan, *First Crusade*, p. 173.

⁶¹⁹ Raymond of Aguilers, *Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem*, tr. J. Hill and L. Hill, *Le 'Liber' de Raymond d'Aguilers* (Paris, 1969), 14, p. 127. Об экспедиции и крестовых походах в целом – C. Tyerman, *God's War: A New History of the Crusades* (London, 2006).

⁶²⁰ Fulcher of Chartres, *Gesta Francorum Iherusalem Peregrinantium*, tr. F. Ryan, *A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127* (Knoxville, 1969), I.27, p. 122. Существует множество исследований о связи психического здоровья и ярости в бою, например, R. Ursano et al., 'Posttraumatic Stress Disorder and Traumatic Stress: From Bench to Bedside, from War to Disaster', *Annals of the New York Academy of Sciences* 1208 (2010), pp. 72–81.

⁶²¹ Anna Komnene, *Alexias*, tr. P. Frankopan, *Alexiad* (London, 2009), 13.11, pp. 383–384; о возвращении Боэмунда в Европу – L. Russo, 'Il viaggio di Boemundo d'Altavilla in Francia', *Archivio storico italiano* 603 (2005), pp. 3–42; Frankopan, *First Crusade*, pp. 188–189.

⁶²² R. Chazan, "'Let Not a Remnant or a Residue Escape': Millenarian Enthusiasm in the First Crusade', *Speculum* 84 (2009), pp. 289–313.

начиная с права собственности и сбора налогов и заканчивая властью короля Иерусалима. Средний Восток переделывали по модели Западной Европы.

Следующие пару столетий огромные усилия были направлены на то, чтобы удержать территории, завоеванные во время Первого крестового похода и сразу после него. Папство неоднократно пыталось произвести впечатление на рыцарство Европы и обязать его представителей защищать Святую землю. Служение королю означало служение Господу – такое сообщение было распространено повсюду. Это привело к тому, что на Восток отправилось огромное количество людей, некоторые из которых организовали орден тамплиеров – популярное новое течение, которое сочетало в себе воинскую службу, преданность и удивительное благочестие.

Дорога в Иерусалим сама по себе стала путем в небеса. В самом начале Первого крестового похода в 1095 году папа Урбан II заявил, что те, кто примет крест и присоединятся к походу в Святую землю, будут освобождены от всех грехов. В ходе кампании данное утверждение эволюционировало в следующее: те, кто пал в бою с неверными, уже на пути к спасению. Поход на Восток был способом в следующей жизни попасть прямо на небеса.

В то время как вести о триумфе христиан, папства и рыцарей шествовали от амвона к амвону, от кабака к кабаку в проповедях, песнях и стихах по всему христианскому Западу, в мусульманском мире реакция была в основном одна – апатия. Хотя были предприняты конкретные попытки расправиться с крестоносцами еще до захвата Иерусалима и сразу после него, сопротивление было локальным и ограниченным. Некоторые были озадачены такой политикой невмешательства. По слухам, судья в Багдаде ворвался к халифу, чтобы порицать отсутствие реакции на появление войск из Европы: «Как смее вы дремать в прекрасной и безопасной тени, – сказал он собравшимся, – вести жизнь, подобную легкомысленным садовым цветам, в то время как ваши братья в Сирии не имеют возможности сохранить даже своих верблюдов?» В Багдаде и Каире власти негласно попустительствовали происходящему. Скорее всего, такое отношение было основано на предположении, что христианские оккупанты могут оказаться лучше, чем их шиитские или суннитские противники, которые контролировали город. Хотя речь судьи из Багдада и выдавила из некоторых присутствующих слезу, многие остались в стороне и бездействовали⁶²³.

Успех Первого крестового похода не стал утешением для европейских и палестинских евреев. Они оказались свидетелями того, как якобы благородные крестоносцы совершали ужасающие акты насилия. В Рейнской области женщины, дети и старики были убиты во время внезапной вспышки антисемитизма в Европе. Евреи расплачивались за переориентацию трудовых ресурсов в Западной Европе и внимание к Востоку⁶²⁴. Кровожадность была напрямую связана с идеей о том, что евреи были ответственны за распятие Иисуса и то, что земли Израиля должны быть захвачены христианами Европы. Ничего не могло разрушить новые связи, созданные в Леванте.

Крестовый поход едва ли можно назвать историей триумфа, как об этом думали византийцы. За военным успехом Крестового похода с его символом – Боемундом лежит менее героическая история. Это история не о славных достижениях и впечатляющем успехе, а пример двуличия и предательства в масштабах империи. Все лидеры похода встречались лично с императором Алексеем I, когда вошли в столицу империи в 1096–1097 годах, и поклялись

⁶²³ al-Harawī, *Kitāb al-ishārāt ilā maʿrifat al-ziyārāt* in A. Maalouf, *The Crusade through Arab Eyes* (London, 1984), p. xiii. Также обратите внимание: Ibn al-Jawzī, *al-Muntaḥam fī tārikh al-mulūk wa-al-umam*, in C. Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives* (Edinburgh, 1999), p. 78. В целом см. здесь P. Cobb, *The Race for Paradise: An Islamic History of the Crusades* (Oxford, 2014).

⁶²⁴ Рассказы о страданиях – S. Eidelberg (tr.), *The Jews and the Crusaders* (Madison, 1977). См. M. Gabriele, 'Against the Enemies of Christ: The Role of Count Emicho in the Anti-Jewish Violence of the First Crusade', in M. Frassetto (ed.), *Christian Attitudes towards the Jews in the Middle Ages: A Casebook* (Abingdon, 2007), pp. 61–82.

на реликвиях Святого креста, что они передадут Византии все территории, ранее принадлежавшие ей, которые они захватят⁶²⁵. По мере того как поход затягивался, Боэмунд стал одержим тем, как выпутаться из этой ситуации и забрать завоеванное себе. Главной добычей стал великий город Антиохия.

Боэмунд воспользовался своим шансом, когда город был захвачен после изнурительной осады. В одном из самых драматичных противостояний эпохи он был захвачен в базилике Святого Петра. От него требовалось пояснить свой отказ передать город императору Византии, как то было обещано. Когда Раймонд Тулузский, самый могущественный из лидеров крестоносцев, торжественно напомнил ему: «Мы поклялись на Кресте Господнем, терновом венце и многих других священных реликвиях, что без согласия императора мы не удержим ни один город в его владениях», – Боэмунд просто заметил, что клятвы были аннулированы потому, что император Алексей не выполнил свою часть сделки, и затем он отказался продолжать поход⁶²⁶.

Образ Боэмунда – это пример блестяще проведенной в XII веке пропаганды, которая ставила его в самый эпицентр успеха Крестового похода, при этом нигде не встречалось никаких упоминаний о том, что предполагаемый герой даже не был у стен Священного города, когда тот пал. Примерно через год, проведенный в попытках решить дело о передаче Антиохии, армия крестоносцев отправилась в путь без него. Когда рыцари подошли к Иерусалиму, чтобы воздать хвалу Господу перед началом осады, при этом некоторые из них делали это босиком, Боэмунд находился в сотнях миль оттуда, властвуя над своей наградой, которую он заполучил благодаря упрямству и беспощадности⁶²⁷.

Позиция, которую занял Боэмунд в Антиохии и сопредельных регионах, обоснована тем, что в восточной части Средиземноморья были отличные возможности. С такой точки зрения захват им города был следующим шагом в притягательном процессе, который привлекал амбициозных, способных людей из Северной и Западной Европы десятилетиями и даже столетиями до этого. Крестовые походы запомнились как религиозные войны, но это также был трамплин для обретения существенного богатства и власти.

Отказ Боэмунда передать Антиохию, его агрессивное, даже злобное поведение впечатлили не только Византию. Сторонники императора Алексея распространяли по Европе ядовитые слухи. Были и те, кто изначально относился к походу без всякого энтузиазма, например Роджер Сицилийский, представитель старого поколения, который сам сделал себе состояние и не хотел, чтобы ему что-то угрожало. Согласно одному из арабских авторов, Роджер пренебрежительно относился к идее завоевания Иерусалима и пытался охладить тех, кто с энтузиазмом воспринял перспективы возникновения новых христианских колоний в Средиземноморье.

Выслушав планы по завоеванию Иерусалима, «Роджер поднял ногу и громко испортил воздух. “Во имя истинной религии, – сказал он, – вот в этом больше пользы, чем в том, что вы хотите сказать”». Он отмечал, что любые наступления на мусульман могут поставить под угрозу отношения с ведущими исламскими фигурами в Северной Африке, не говоря уже о религиозных проблемах, которые возникнут в самой Сицилии, где было значительное число мусульман, вызовут трения и создадут проблемы в торговле. Это приведет к потере доходов, и ситуация постепенно будет усугубляться, доходы с сельскохозяйственных земель будут

⁶²⁵ Frankopan, *First Crusade*, pp. 133–135, 167–171; J. Pryor, ‘The Oath of the Leaders of the Crusade to the Emperor Alexius Comnenus: Fealty, Homage’, *Parergon*, New Series 2 (1984), pp. 111–141.

⁶²⁶ Raymond of Aguilers, *Le ‘Liber’*, 10, pp. 74–75.

⁶²⁷ Frankopan, *First Crusade*, esp. p. 186ff.

снижаться, так как объем экспорта неизбежно упадет. «Если вы решили вести священную войну с мусульманами, – добавил он, – так и поступите. Но оставьте в покое Сицилию»⁶²⁸.

Для выражения такого беспокойства были все основания. Рынки Средиземноморья переживали не лучшие времена еще за несколько десятилетий до Крестового похода. Покупательная способность Константинополя резко упала в связи с большим финансовым кризисом. Только за 1094 год цена на индиго, продающееся в Александрии, упала больше чем на 30 %, и разумно было бы предположить, что примерно то же самое происходило с ценами на перец, корицу и имбирь, даже если источники не говорят об этом прямо⁶²⁹. Прибыльная торговля между Северной Африкой и Европой через Палестину (в 1085 году бразильскую древесину продавали с 150 %-ной прибылью) теперь, кажется, тоже испытывала трудности⁶³⁰. Внезапные скачки спроса всегда приводят к резким колебаниям цен, например, за норманнскими завоеваниями в Сицилии последовал резкий рост цены на пшеницу, а в середине XI века цены на лен сократились примерно вдвое из-за избытка предложения⁶³¹.

Такие колебания в ценах и благосостоянии меркнули перед теми переменами, которые произошли в Средиземноморье в результате Крестового похода. В X и XI веках, как писал североафриканский историк ибн Халдун, мусульманский флот имел такую власть над морями, что христиане не могли плавать там даже на плоту⁶³². Однако, несмотря на то что мусульмане долго господствовали на Средиземном море, они вот-вот должны были потерять контроль над водами из-за новых соперников: города-государства Италии стали последним дополнением к великим торговым сетям Востока.

На самом деле Амальфи, Генуя, Пиза и Венеция начали шевелиться еще до 1090-х годов. В случае с Венецией торговля рабами и другими товарами привела к тому, что она обрела прочные связи с городами на побережье Далмации, такими как Зара, Трогир, Сплит и Дубровник, которые служили «ступенями» к Адриатике и находящимся за ней землям. В этих городах развивались местные рынки, здесь путешественники могли получить безопасный ночлег и передохнуть в пути. Тот факт, что у итальянских общин были постоянные поселения торговцев в Константинополе, а также в остальных городах Византии, показывает их интерес к торговле с Восточным Средиземноморьем⁶³³. Это подстегнуло экономику самой Италии: в конце XI века в Пизе были сконцентрированы такие богатства, что епископ и горожане наложили ограничения на высоту башен, которые строили аристократы, желающие похвалиться своими доходами⁶³⁴.

Итальянские города-государства быстро поняли, что завоевание Иерусалима откроет потрясающие коммерческие возможности. Еще до того как крестоносцы добрались до Священного города, Генуя, Пиза и Венеция отправили свои корабли в Сирию и Палестину. Решение об отправке судов было принято в результате прямого запроса от папства на участие в мероприятии и продиктовано желанием защитить христиан от ужасных злодеяний, о которых рассказывали очевидцы и эмиссары из Византии⁶³⁵. Однако, хотя духовные побуждения были очень важны, скоро стало ясно, что помимо этого можно получить существенную материальную выгоду. После захвата Иерусалима крестоносцы оказались в шатком положе-

⁶²⁸ Ibn al-Athīr, *al-Kāmil fī l-taʾrīkh*, tr. D. Richards, *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī l-taʾrīkh* (Aldershot, 2006), p. 13.

⁶²⁹ Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', pp. 44–45.

⁶³⁰ S. Goitein, *A Mediterranean Society*, 1, p. 45.

⁶³¹ A. Greif, 'Reputation and Coalitions in Medieval Trade: Evidence on the Maghribi Traders', *Journal of Economic History* 49.4 (1989), p. 861.

⁶³² Ibn Khaldūn, *Dīwān al-mubtadaʾ*, tr. V. Monteil, *Discours sur l'histoire universelle (al-Muqaddima)*, (Paris, 1978), p. 522.

⁶³³ Frankopan, *First Crusade*, pp. 29–30.

⁶³⁴ E. Occhipinti, *Italia dei comuni. Secoli XI–XIII* (2000), pp. 20–21.

⁶³⁵ J. Riley-Smith, *The First Crusaders, 1095–1131* (Cambridge, 1997), p. 17.

нии. Они отчаянно нуждались в поставках продовольствия и восстановлении связей с Европой. Флоты городов-государств позволили им занять выгодное положение при переговорах с новыми хозяевами Святой земли. Их позиция была впоследствии усилена тем, что крестоносцам требовалось обеспечить безопасность побережья и портов Хайфы, Яффы, Акры и Триполи, где морская поддержка была особенно важна при осаде.

Условия были просто потрясающими – в обмен на защиту города-государства получали огромную выгоду. Так, например, в награду за участие в осаде Акры в 1100 году вновь прибывшим венецианцам было обещано, что в каждом городе, захваченном крестоносцами, появится церковь и рыночная площадь. Также они получали треть всей добычи, захваченной у врагов, и иммунитет от налогов. Это был прекрасный пример того, что один ученый называл классическим венецианским сочетанием «благочестия и жадности»⁶³⁶.

Когда в 1101 году была осаждена Кесария, генуэзцы оказались в идеальном положении и получили огромную добычу и благоприятные условия для торговли. Их позиция позже была вознаграждена королем Иерусалима Балдуином I.

Они получили впечатляющие налоговые льготы, наряду с другими юридическими и коммерческими правами, такими как, например, освобождение от королевской юрисдикции в делах, связанных с высшей мерой наказания. Также им даровали треть города Кесария, треть Арсуфа и треть Акры, вместе со щедрыми налоговыми отчислениями Акры. Король также обязался выплачивать Генуе ежегодный гонорар и треть добычи, которая будет получена в будущих завоеваниях, при условии военной поддержки с ее стороны⁶³⁷. Подобные соглашения показывали слабость положения крестоносцев на Востоке; но для городов-государств они оказались судьбоносными – из региональных городов они превратились в международную силу⁶³⁸.

Неудивительно, что такие головокружительные награды привели к возникновению конкуренции между Пизой, Генуей и Венецией. Амальфи не успел отправить корабли на Восток, поэтому этот город не был способен конкурировать с остальными и его исключили из большой игры. Это подстегнуло остальных соперников отправиться на новые рынки, получить концессии и хорошие торговые условия. Уже в 1099 году пизанцы столкнулись с венецианцами, причем последние потопили 28 из 50 кораблей флота Родоса. Заложники и захваченные суда затем были освобождены, чтобы показать великодушные победителей. Согласно более поздним источникам, венецианцы не только зашивали кресты в свои одежды (так было велено крестоносцам папой), он был отпечатан в их душах⁶³⁹.

Предысторией этой потасовки стало то, что в 1092 году Венеции были дарованы обширные торговые уступки по всей Византийской империи, как часть большого плана Алексея II по стимуляции экономики. Венецианцы поставили понтоны в Константинопольской гавани и были освобождены от налогов на экспорт и импорт⁶⁴⁰. Основной мотивацией венецианцев 7 лет спустя стало удержание пизанцев как можно дальше от этого рынка и,

⁶³⁶ The Monk of the Lido, *Monachi Anonymi Littorensis Historia de Translatio Sanctorum Magni Nicolai*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux* 5, pp. 272–275; J. Prawer, *The Crusaders' Kingdom: European Colonialism in the Middle Ages* (London, 2001), p. 489.

⁶³⁷ *Codice diplomatico della repubblica di Genova*, 3 vols (Rome, 1859–1940), 1, p. 20.

⁶³⁸ B. Kedar, 'Genoa's Golden Inscription in the Church of the Holy Sepulchre: A Case for the Defence', in G. Airaldi and B. Kedar (eds), *I comuni italiani nel regno crociato di Gerusalemme* (Genoa, 1986), pp. 317–335. Также см. M. – L. Favreau-Lilie, который утверждает, что этот документ был изменен позже, *Die Italiener im Heiligen Land vom ersten Kreuzzug bis zum Tode Heinrichs von Champagne (1098–1197)* (Amsterdam, 1989), p. 328.

⁶³⁹ Dandolo, *Chronica per extensum descripta, Rerum Italicarum Scriptores*, 25 vols (Bologna, 1938–1958), 12, p. 221. Также см. здесь: Monk of the Lido, *Monachi Anonymi*, pp. 258–259.

⁶⁴⁰ M. Pozza and G. Ravagnani, *I Trattati con Bisanzio 992–1198* (Venice, 1993), pp. 38–45. О датах концессий, которые ранее были датированы 1080-ми годами. см. P. Frankopan, 'Byzantine Trade Privileges to Venice in the Eleventh Century: The Chrysobull of 1092', *Journal of Medieval History* 30 (2004), pp. 135–160.

как следствие, сохранение привлекательных условий, о которых они договорились с императором. В рамках договора с Венецией пизанцы были вынуждены согласиться с тем, что они никогда не вступят в Византию «ради торговли, и не будут бороться с христианами ни в коем случае, кроме как по причине преданности Гробу Господню». По крайней мере, так доложили о произошедшем венецианцы⁶⁴¹.

Обеспечить выполнение данных договоров было проще на словах, чем на деле. В начале XII века византийский император даровал Пизе привилегии, которые не сильно уступали тем, что были дарованы Венеции, а может быть, являлись такими же щедрыми.

Несмотря на то что они получили набережную и места на якорной стоянке в столице империи, торговцам Пизы было даровано лишь снижение таможенных пошлин, а не полное от них освобождение⁶⁴². Это была попытка разбавить монополию, которая могла дать венецианцам чрезмерное преимущество перед соперниками⁶⁴³.

Борьба между городами-государствами Италии за торговое господство в Восточном Средиземноморье была яростной и безжалостной. Вскоре Венеция одержала безоговорочную победу, в основном благодаря географическому положению – город находился в Адриатике, путь до него был гораздо короче, чем до Пизы и Генуи. Также помогло и то, что якорные стоянки на этом маршруте были лучше, что делало его более безопасным, по крайней мере, по сравнению с коварным Пелопоннесом. Важным фактором стало то, что экономика Венеции была сильнее и более развита, так же как и то, что у города не было местных соперников, которые могли бы его потопить, в отличие от Пизы и Генуи, чья вражда не дала им торговать в Леванте, так как они конкурировали за господство над береговой линией, особенно на территории Корсики⁶⁴⁴.

Когда большая армия рыцарей ввязалась в битву, которую сейчас называют битвой на Кровавом поле, в 1119 году, это было только на руку Венеции. Поражение нанесло серьезный удар по жизнеспособности Антиохии как самостоятельного государства крестоносцев⁶⁴⁵. Так как Пиза и Генуя погрязли в своих собственных распрях, отчаянные призывы из Антиохии были направлены в сторону дожа Венеции. Антиохия молила о помощи во имя Христа. Была собрана могущественная сила. Как заметил один щедрый современник, венецианцы хотели «с помощью божьей воли расширить Иерусалим с прилегающими регионами для выгоды и во славу всего христианства»⁶⁴⁶. Нужно отметить, что призывы о помощи короля Балдуина II сопровождались обещаниями новых дополнительных привилегий⁶⁴⁷.

Венецианцы воспользовались этим, чтобы преподать византийцам урок. Новый император Иоанн II, который наследовал трон после своего отца Алексея II в 1118 году, решил, что внутренняя экономика страны полностью восстановилась, и отказался обновить концессии венецианцев, полученные более чем за 20 лет до этого. В результате, отправившись на восток к Антиохии, венецианский флот осадил Корфу и пригрозил продолжить, если импе-

⁶⁴¹ Monk of the Lido, *Monachi Anonymi*, pp. 258–259; Dandolo, *Chronica*, p. 221. Также см. D. Queller and I. Katele, 'Venice and the Conquest of the Latin Kingdom of Jerusalem', *Studi Veneziani* 21 (1986), p. 21.

⁶⁴² F. Miklosich and J. Müller, *Acta et Diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, 6 vols (Venice, 1860–1890), 3, pp. 9–13.

⁶⁴³ R.-J. Lilie, *Byzantium and the Crusader States, 1096–1204*, tr. J. Morris and J. Ridings (Oxford, 1993), pp. 87–94; 'Noch einmal zu den Thema "Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten"', *Poikila Byzantina* 4 (1984), pp. 121–174. Treaty of Devol, *Alexiad*, XII.24, pp. 385–396.

⁶⁴⁴ S. Epstein, *Genoa and the Genoese: 958–1528* (Chapel Hill, NC, 1996), pp. 40–41; D. Abulafia, 'Southern Italy, Sicily and Sardinia in the Medieval Mediterranean Economy', in D. Abulafia, *Commerce and Conquest in the Mediterranean* (Aldershot, 1993), 1, pp. 24–27.

⁶⁴⁵ T. Asbridge, 'The Significance and Causes of the Battle of the Field of Blood', *Journal of Medieval History* 23.4 (1997), pp. 301–316.

⁶⁴⁶ Fulcher of Chartres, *Gesta Francorum*, p. 238.

⁶⁴⁷ G. Tafel and G. Thomas, *Urkunden zur älteren handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, 3 vols (Vienna, 1857), 1, p. 78; Queller and Katele, 'Venice and the Conquest', pp. 29–30.

ратор не продлит соглашение. В конце концов, император сдался и возобновил привилегии, дарованные его отцом⁶⁴⁸.

Когда корабли дожа наконец достигли Святой земли, они имели такой же успех. Тщательно оценив ситуацию, венецианцы дали займ западным лидерам в Иерусалиме, чтобы они смогли собрать свои собственные войска и атаковать порты, которые были заняты мусульманами. Взамен они получили огромную награду. Венеция получила церковь, улицу и площадь приличных размеров в каждом городе государства. Также ей причиталась ежегодная плата, обеспеченная будущими налоговыми поступлениями в Тире, ведущем торговом центре региона. Когда в 1124 году после осады город пал, положение Венеции снова изменилось. Венецианцы получили расширенную концессию на всей территории Иерусалимского королевства. Этот итальянский город проделал огромный путь от города, имеющего лишь одну точку опоры, до великой силы. Многие поняли, что это может поставить под угрозу авторитет короны, и постарались смягчить некоторые моменты⁶⁴⁹.

Это было якобы время неистовой веры и религиозной одержимости, время самопожертвования во имя христианства. Но религия сосуществует с политикой и финансовыми вопросами, и церковные иерархи отлично это понимали. Когда византийский император Иоанн II попытался заявить о своих правах на Антиохию, папа издал обращение ко всем верующим, в котором говорилось, что любой, кто будет помогать византийцам, будет проклят навечно⁶⁵⁰. Данное обращение было направлено на то, чтобы удовлетворить союзников Рима, но не имело ни малейшего отношения к теологии и религиозной доктрине.

Однако лучшим примером смещения духовного и материального можно назвать следующий. В 1144 году Эдесса была взята мусульманами, и это стало очередным поворотом для крестоносцев. По всей Европе слышались призывы принять участие в том, что позже назовут Вторым крестовым походом. Во главе похода встал Бернارد Клервоский, харизматичный и энергичный деятель, который был достаточным реалистом, чтобы понимать, что прощение грехов и возможность спасения через страдания не убедят отправиться на Восток никого. «Для вас, торговцы, людей, которые повсюду ищут сделки, – писал он в письме, которое было распространено повсюду, – позвольте же мне указать преимущества этой возможности. Не пропустите их!»⁶⁵¹

К середине XII века итальянские города-государства Италии с большой выгодой пользовались завидным положением, которое они создали для себя на Востоке. Венеция имела право преимущественного доступа в Константинополь, равно как и в другие крупные города на побережье Византийской империи и Палестины, и ее торговые пути теперь простирались через Восточное Средиземноморье не только до Леванта, но и до самого Египта.

Некоторые относились к данной ситуации ревностно, как, например, Каффаро, один из самых известных историков Средневековья. Генуя «спала и страдала от безразличия», – писал он печально о 1150-х годах; это было «подобно кораблю, идущему по морю без штурмана»⁶⁵².

Здесь, конечно, содержится немалая доля преувеличения из-за неодобрительного отношения автора к могущественным семьям, которые управляли Генуей. На самом деле Генуя

⁶⁴⁸ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 95–98; Lilie, *Byzantium and the Crusader States*, pp. 96–100; T. Devaney, “‘Like an Ember Buried in Ashes’: The Byzantine – Venetian Conflict of 1119–1126”, in T. Madden, J. Naus and V. Ryan (eds), *Crusades – Medieval Worlds in Conflict* (Farnham, 2010), pp. 127–147.

⁶⁴⁹ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 84–89, а также здесь J. Prawer, ‘The Italians in the Latin Kingdom’ in Tafel and Thomas, *Crusader Institutions* (Oxford, 1980), p. 224; M. Barber, *The Crusader States* (London, 2012), pp. 139–142; J. Riley-Smith, ‘The Venetian Crusade of 1122–1124’, in Airaldi and Kedar, *I Comuni Italiani*, pp. 339–350.

⁶⁵⁰ G. Bresc-Bautier, *Le Cartulaire du chapitre du Saint-Sépulcre de Jérusalem* (Paris, 1984), pp. 51–52.

⁶⁵¹ Bernard of Clairvaux, *The Letters of St Bernard of Clairvaux*, ed. and tr. B. James and B. Kienzle (Stroud, 1998), p. 391.

⁶⁵² *Annali Genovesi de Caffaro e dei suoi Continuatori, 1099–1240*, 5 vols (Genoa, 1890–1929) 1, p. 48.

тоже переживала период процветания. Убедившись, что привилегии города во владениях крестоносцев возобновлены, Генуя выстроила отношения с Западным Средиземноморьем. В 1161 году был заключен договор с халифом Марокко из династии Альмохадов, который предоставил доступ к рынкам и защиту от нападений. К 1180-м годам на торговлю с Северной Африкой приходилось больше трети всей генуэзской торговой деятельности, к тому же у Генуи была обширная сеть складов и постоянных дворов, которые располагались по всему побережью, для поддержания торговли и обеспечения хорошего ведения дел⁶⁵³.

Генуя, Пиза и Венеция стимулировали рост городов, находящихся вокруг них, оказывая на них влияние, точно так же, как Киев на Руси. Такие города, как Неаполь, Перуджа, Падуя и Верона, быстро расширялись. Новые пригородные районы присоединялись с такой скоростью, что стены приходилось располагать все дальше и дальше от центра. Хотя оценить точное количество населения сложно ввиду отсутствия эмпирических данных, нет никаких сомнений в том, что в XII веке в Италии наблюдался всплеск урбанизации, выросли рынки, сформировался средний класс и увеличились доходы⁶⁵⁴.

Ирония заключалась в том, что основой для роста в век Крестовых походов были хорошие отношения между мусульманами и христианами как на Святой земле, так и в других землях. Несмотря на периодические столкновения, после завоевания Иерусалима в 1099 году резкое обострение конфликта произошло только в 1170-х годах. В целом крестоносцы научились иметь дело с большей частью мусульманского населения, которое встречалось на их пути, и теми, кто проживал дальше. Король Иерусалима регулярно удерживал своих лордов, предотвращая необдуманные поступки, набеги на караваны или соседние города, что могло вызвать неприятие местных лидеров или реакцию Багдада или Каира.

Некоторым вновь прибывшим на Святую землю было достаточно сложно это понять, и в результате они становились постоянным источником проблем, как отмечают местные наблюдатели. Новички не могли осознать, что торговля с неверными может осуществляться на каждодневной основе.

Постепенно они понимали, что все вокруг не такое черно-белое, как принято считать в Европе. Со временем предрассудки исчезли: люди, приехавшие с Запада, которые провели на Востоке какое-то время, казались «гораздо лучше, чем те, кто прибыл лишь недавно», писал арабский автор, который был потрясен грубостью и неотесанностью вновь прибывших, а также их отношением к тем, кто не исповедовал христианство⁶⁵⁵.

Аналогичные мысли ходили и среди мусульман. Одна из фетв (заявлений), выпущенная в 1140-х годах, призывала мусульман не ездить на Запад и не вести торговлю с христианами: «Если мы станем ездить в их страны, цена товаров повысится, и они заработают на нас огромные суммы денег, которые затем используют для борьбы с мусульманами и набеги на их земли»⁶⁵⁶. В общем и целом, несмотря на огненную риторику с обеих сторон, отношения были на удивление спокойными и обдуманными. Западная Европа испытывала любопытство в отношении ислама. Даже во времена Первого крестового похода понадобилось совсем немного времени, чтобы сформировать позитивное отношение к туркам-мусульманам. «Если бы турки твердо стояли в вере Христовой и христианстве, — с тоской писал автор

⁶⁵³ D. Abulafia, *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean* (London, 2011), p. 298. Также см. D. Abulafia, 'Christian Merchants in the Almohad Cities', *Journal of Medieval Iberian Studies* 2 (2010), pp. 251–257; O. Constable, *Housing the Stranger in the Mediterranean World: Lodging, Trade and Travel in Late Antiquity and the Middle Ages* (Cambridge, 2003), p. 278.

⁶⁵⁴ P. Jones, *The Italian City State: From Commune to Signoria* (Oxford, 1997), а также M. Ginatempo and L. Sandri, *L'Italia delle città: il popolamento urbano tra Medioevo e Rinascimento (secoli XIII–XVI)* (Florence, 1990).

⁶⁵⁵ Usāma b. Munqidh, *Kitāb al-iṭibār*, tr. P. Cobb, *The Book of Contemplation: Islam and the Crusades* (London, 2008), p. 153.

⁶⁵⁶ V. Lagardère, *Histoire et société en Occident musulman: analyse du Mi'yar d'al-Wansharisi* (Madrid, 1995), p. 128; D. Valérien, 'Ifriqiyan Muslim Merchants in the Mediterranean at the End of the Middle Ages', *Mediterranean Historical Review* 14.2 (2008), p. 50.

самых популярных рассказов о походах в Иерусалим (возможно, он намекал на прошлое сельджуков, до того как они приняли ислам), – вы не смогли бы найти более сильных, храбрых и искусных солдат»⁶⁵⁷.

Это было незадолго до того, как научные и интеллектуальные достижения мусульман начали разыскивать и поглощать ученые Запада, такие как, например, Аделард Батский⁶⁵⁸. Именно Аделард обыскал библиотеки Антиохии и Дамаска и привез копии алгоритмических таблиц, которые сформировали основы математики в христианском мире. Путешествие по этому региону позволило по-новому взглянуть на мир. Когда он вернулся домой, «обнаружил, что князья ведут себя по-варварски, епископы пьянствуют, судьи продажны, мещанаты ненадежны, клиенты и покупатели излишне льстят, те, кто дает обещания, не сдерживают их, друзья завидуют, но у всех огромные амбиции»⁶⁵⁹. Эти взгляды были обусловлены оптимистичной точкой зрения относительно того, что восточный мир гораздо более сложный, чем культурно ограниченный мир христианского Запада. Точку зрения Аделарда разделяли и другие – Дэниэл Морли, который переехал из Англии, чтобы учиться в Париже, в конце XII века. Он писал, что предполагаемые строгие интеллектуалы в этом городе просто обманщики, которые сидят «как статуи, притворяясь, что излучают мудрость, и хранят молчание». Поняв, что у этих людей учиться нечему, Даниил так быстро как мог перебрался в мусульманский Толедо, чтобы учиться у мудрейших философов мира⁶⁶⁰.

Идеи с Востока перенимались охотно, но несколько бессистемно. Петр Достопочтенный, аббат из Ключи, который был передовиком теологической и интеллектуальной мысли средневековой Франции, организовал перевод Корана, чтобы он сам и другие ученые могли лучше его понять и, по общему признанию, использовать для укрепления уже существующих представлений об исламе, как чем-то извращенном, позорном и опасном⁶⁶¹. Европейцы обращались за вдохновением не только к творениям мусульман. Тексты, написанные в Константинополе, тоже переводили на латынь. Так, например, комментарии к «Никомаховой этике» Аристотеля были переведены по заказу Анны Комниной, дочери Алексея I. Позже труды Фомы Аквинского составили основу христианской философии⁶⁶².

Таким образом, в основе экономического и социального расцвета Европы в XII веке лежала не только торговля с мусульманами. Судя по сохранившимся документам того периода, Константинополь и Византийская империя были главными партнерами по торговле с христианским Средиземноморьем, на них приходилась половина торгового оборота Венеции⁶⁶³. Стекло, изделия из металла, масло, вино и соль из Византии экспортировали на рынки Италии, Германии и Франции, но были и товары, которые доставляли издалека, которые искали и за которые можно было выручить хорошие деньги.

Согласно инвентарным и торговым спискам западноевропейских церквей, спрос на шелк, хлопок, лен и ткани, произведенные в Восточном Средиземноморье, в центре Азии и Китае, был просто огромным⁶⁶⁴. Города Леванта капитализировались на развивающихся

⁶⁵⁷ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*, ed. and tr. R. Hill (London, 1962), 3, p. 21.

⁶⁵⁸ См. C. Burnett (ed.), *Adelard of Bath: An English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century* (London, 1987); L. Cochrane, *Adelard of Bath: The First English Scientist* (London, 1994).

⁶⁵⁹ Adelard of Bath, *Adelard of Bath, Conversations with his Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science and on Birds*, ed. and tr. C. Burnett (Cambridge, 1998), p. 83.

⁶⁶⁰ A. Pym, *Negotiating the Frontier: Translators and Intercultures in Hispanic History* (Manchester, 2000), p. 41.

⁶⁶¹ T. Burman, *Reading the Qurʾān in Latin Christendom, 1140–1560* (Philadelphia, 2007).

⁶⁶² P. Frankopan, 'The Literary, Cultural and Political Context for the Twelfth-Century Commentary on the *Nicomachean Ethics*', in C. Barber (ed.), *Medieval Greek Commentaries on the Nicomachean Ethics* (Leiden, 2009), pp. 45–62.

⁶⁶³ Abulafia, *Great Sea*, p. 298.

⁶⁶⁴ A. Shalem, *Islam Christianised: Islamic Portable Objects in the Medieval Church Treasuries of the Latin West* (Frankfurt-am-Main, 1998).

рынках, позиционируя Антиохию как торговый центр, откуда товары можно было отправлять на Запад, а также как производственный центр. Текстиль под названием «ткани Антиохии» так хорошо продавался и стал таким желанным, что король Генрих III Английский (годы правления 1216–1272) повелел устроить «Антиохийскую комнату» в каждой своей резиденции – в Лондонском Тауэре, Кларендонском и Уинчестерском замках и Вестминстере⁶⁶⁵.

Объемы поставок специй в Европу также увеличились. Они доставлялись в три основных узла – Константинополь, Иерусалим и Александрию, а затем отправлялись в города и общины Италии, на рынки Германии, Франции, Фландрии и Британии, где на продаже экзотических ингредиентов можно было сделать хорошие деньги.

В некотором смысле желание покупать дорогие предметы роскоши с Востока было примерно таким же, как желание кочевников приобретать рулоны китайского шелка: в мире Средневековья, как и сейчас, богатые люди хотели выделиться, хвастаясь своим статусом. Хотя торговля дорогими предметами охватывала лишь небольшую часть населения, она была важна, так как обеспечивала дифференциацию, а следовательно, социальную мобильность и рост устремлений населения.

Иерусалим выполнял тотемную роль центра христианского мира, при этом являясь самостоятельным торговым центром, хотя Акра и превосходила его в плане торговли. Список налогов, собранных в королевстве в конце XII века, в деталях показывает, что можно было купить в то время, а также демонстрирует, насколько большое внимание уделялось сложной канцелярии, которая не позволяла пропасть ценным доходам. Следовало фиксировать расходы, связанные с продажей перца, корицы, квасцов, лака, мускатного ореха, льна, гвоздики, алого дерева, сахара, соленой рыбы, ладана, кардамона, аммиака, слоновой кости и многого другого⁶⁶⁶. Многие продукты были произведены не на Святой земле, их привозили по торговым путям, которые контролировали мусульмане, включая путь через порты Египта, через которые, согласно арабскому трактату о налогах того периода, провозили огромное количество специй, тканей и предметов роскоши⁶⁶⁷.

Как ни странно, Крестовые походы не только послужили стимулом к развитию экономики и общества в Западной Европе, они также подстегнули мусульман, которые заметили, что новые рынки могут приносить большую прибыль. Одним из самых хитрых торговцев был Рамишт из Серафа в Персидском заливе, который сколотил состояние в самом начале XII века. Сообразив, что можно извлечь выгоду из растущего спроса, он выступил посредником, торгуя товарами из Китая и Индии. Только один из его помощников в год отгружал товаров на полмиллиона динаров. О его богатстве ходили легенды, так же как и о его щедрости. Он оплатил золотую водопроводную трубу в Каабе в Мекке, которая заменила старую, серебряную, и лично основал новую фабрику китайских тканей, «ценность которых сложно оценить». Согласно одному из источников того периода, именно этой тканью покрыли Каабу после того, как повредилась первая. За свои добрые поступки он заслужил редкую милость быть похороненным в Мекке. Надпись на его надгробии гласит: «Здесь лежит судовладелец Абул-Касим Рамишт. Пусть Аллах помилует его и тех, кто просит о милости для него»⁶⁶⁸.

⁶⁶⁵ Vorderstrasse, 'Trade and Textiles from Medieval Antioch', pp. 168–171; M. Meuwese, 'Antioch and the Crusaders in Western Art', in *East and West in the Medieval Mediterranean* (Leuven, 2006), pp. 337–355.

⁶⁶⁶ R. Falkner, 'Taxes of the Kingdom of Jerusalem', in *Statistical Documents of the Middle Ages: Translations and Reprints from the Original Sources of European History* 3:2 (Philadelphia, 1907), pp. 19–23.

⁶⁶⁷ C. Cahen, *Makhzumiyat: études sur l'histoire économique et financière de l'Égypte médiévale* (Leiden, 1977); Abulafia, 'Africa, Asia and the Trade of Medieval Europe', pp. 402–473.

⁶⁶⁸ S. Stern, 'Ramisht of Siraf: A Merchant Millionaire of the Twelfth Century', *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1.2 (1967), pp. 10–14.

Богатства, поставленные на карту, неизбежно привели к усилению соперничества и новой главе в средневековой большой игре – борьбе за первенство в восточной части Средиземноморья. К 1160-м годам соперничество между итальянскими городами-государствами стала настолько острой, что на улицах Константинополя дрались венецианцы, генуэзцы и пизанцы. Несмотря на попытки императора Византии вмешаться, вспышки жестокости стали регулярным явлением. Это было, вероятно, результатом роста коммерческой конкуренции и, как следствие, падения цен: торговые позиции защищались при необходимости силой.

Эгоизм городов-государств порождал вражду со стороны жителей столицы, в основном из-за ущерба, наносимого городской собственности, и из-за того, что демонстрация «западных мышц» была заметна повсюду. В 1171 году император Византии ответил на растущее разочарование, заключив в тюрьму до тысячи венецианцев, полностью игнорируя их требования о возмещении, не говоря уже об извинениях за свои действия без предварительного объявления. Когда дож Витале Микель, отправившийся в Константинополь, не смог лично решить вопрос, ситуация в Венеции стала нездоровой. Толпы людей собрались, чтобы услышать хорошие новости, и их разочарование превратилось в злость, которая, в свою очередь, вылилась в насилие. Пытаясь скрыться от собственного народа, дож направился к монастырю Сан-Захария, но не успел до него добраться, его поймала и линчевала толпа⁶⁶⁹.

Византия уже не являлась союзником и покровителем Венеции, они стали полноценными соперниками и конкурентами. В 1182 году жители Константинополя напали на жителей итальянских городов-государств, которые проживали в столице империи. Многие из них, включая представителей латинской церкви, были убиты, их головы были привязаны к собакам, которые протащили их по всем улицам города⁶⁷⁰. Это были лишь первые проявления враждебности между христианами из двух частей Европы. В 1185 году Салоники, один из городов Византийской империи, был разграблен войсками из южной Италии. Запад запустил гарпун в сторону Восточного Средиземноморья еще во время первого крестового похода, теперь он отправился за своей жертвой.

Для некоторых, впрочем, напряженная атмосфера открыла новые возможности. В это же время в Египте зажглась новая звезда блестящего генерала Салаха ад-Дина аль-Айуби. Этот человек, более известный как Саладин, обладающий хорошими связями, проницательным умом и немалым очарованием, быстро понял, что из конфликта в Константинополе можно извлечь выгоду.

Он постарался снискать доверие византийцев. Для этого он пригласил патриарха греческой церкви Иерусалима в Дамаск и обращался с ним со всем великодушием, чтобы продемонстрировать, что не христиане с Запада, а именно он может стать союзником империи⁶⁷¹.

В конце 1180-х годов император Византии Исаак II уже был настроен положительно и написал «брату султану Египта, Саладину», чтобы поделиться последними разведанными, предупредить о слухах, которые его враги распускают без всяких на то оснований, и обсудить вопрос о применении военных сил против Запада⁶⁷². Антизападнические настроения бродили в Константинополе десятилетиями. Один из писателей середины XII века утверждал, что люди из Западной Европы ненадежные, хищные и готовы продать членов собственной семьи ради денег. Хотя многие так называемые паломники утверждали, что они

⁶⁶⁹ T. Madden, 'Venice and Constantinople in 1171 and 1172: Enrico Dandolo's Attitudes towards Byzantium', *Mediterranean Historical Review* 8.2 (1993), pp. 166–185.

⁶⁷⁰ D. Nicol, *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations* (Cambridge, 1988), p. 107.

⁶⁷¹ P. Magdalino, 'Isaac II, Saladin and Venice', in J. Shepard (ed.), *The Expansion of Orthodox Europe: Byzantium, the Balkans and Russia* (Aldershot, 2007), pp. 93–106.

⁶⁷² Ibn Shaddād, *Life of Saladin by Baha ad-Din* (London, 1897), pp. 121–122; G. Anderson, 'Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (Tenth to Thirteenth Centuries c.e.)', *Medieval Encounters* 15 (2009), pp. 104–105.

благочестивы, писала дочь одного из императоров, ими движет только жадность. Они постоянно планировали захватить столицу империи, разрушить репутацию империи и навредить братьям-христианам⁶⁷³. Эти слова распространились и прочно закрепились в умах византийцев второй половины XII века, но прежде всего после 1204 года.

Эта точка зрения нашла отклик на самой Святой земле, где рыцари были настолько жестоки и безответственны, словно им надоело жить. В конце XII века ведущие фигуры снова и снова принимали необдуманные решения, предпочитали драться друг с другом вместо того, чтобы подготовиться к неминуемому приближению приливной волны. Все это сильно озадачило одного испанского путешественника-мусульманина того времени. Ибн Джубайр отмечал, насколько удивительно видеть, что «пламя раздора горит» между христианами и мусульманами, когда дело касается политики и войн, но когда речь заходит о торговле и путешествиях, они «приходят и уходят без помех»⁶⁷⁴.

Купцы могли быть уверены в своей безопасности, независимо от их вероисповедания и от того, мирное время или военное. Это, как писал один автор, было результатом хороших рабочих отношений. Взаимные налоговые соглашения и суровые наказания за их несоблюдение обеспечили сотрудничество. Латинские торговцы, которые не уважали соглашения и пересекали согласованные границы, даже всего-навсего на «расстояние руки», были вырезаны братьями-христианами, которые не хотели расстраивать мусульман и портить долговременные коммерческие связи. Ибн Джубайр был смущен и впечатлен одновременно: «Это один из самых приятных и удивительных обычаев (Запада)»⁶⁷⁵.

По мере того как иерусалимский двор замыкался на себе, внутренняя борьба между соперничающими группировками стала эндемичной, создавая идеальные условия для возникновения уверенных в себе, амбициозных фигур, которые обещали головокружительный успех и причинили ужасный вред христианско-мусульманским отношениям. Главным среди них стал Рено де Шатильон, который своими безрассудными действиями практически в одиночку разрушил Иерусалимское королевство.

Ветеран битвы на Святой земле, Рено понимал, что давление нарастало, а позиции Саладина в Египте усиливались, особенно после того, как он подчинил большие части Сирии, которые окружали христианское королевство. Попытки Рено смягчить угрозу были безуспешны. Его поспешное решение атаковать порт Акаба на Красном море вызвало почти истерическую реакцию арабских комментаторов, которые начали кричать, что Медина и Мекка в опасности, а апокалипсис и конец времен рядом!⁶⁷⁶

Такие шаги были не только враждебными, они позволили бы повысить престиж и популярность Саладина, если бы он нанес государству крестоносцев сокрушительный удар. Из всех христиан Востока, писал мусульманский автор того времени, Рено «самый вероломный и коварный... больше всего хочет причинять вред и совершать зло, нарушать твердые обещания и серьезные клятвы, нарушать свое слово». Саладин поклялся, «что заберет его жизнь»⁶⁷⁷.

И совсем скоро ему представился такой шанс. В июле 1187 года рыцари государства крестоносцев и войска Саладина встретились в битве при Хаттине. Саладин обхитрил и наголову разбил крестоносцев в ужасающей битве, в которой практически все христиане были или убиты, или захвачены в плен. Члены военных орденов, попавшие в плен, в част-

⁶⁷³ Anna Komnene, *Alexiad*, X.5, p. 277.

⁶⁷⁴ Ibn Jubayr, *Riḥlat Ibn Jubayr*, tr. R. Broadhurst, *The Travels of Ibn Jubayr* (London, 1952), p. 315.

⁶⁷⁵ Там же, а также C. Chism, 'Memory, Wonder and Desire in the Travels of Ibn Jubayr and Ibn Battuta', in N. Paul and S. Yeager (eds), *Remembering the Crusades: Myth, Image and Identity* (Cambridge, 2012), pp. 35–36.

⁶⁷⁶ Ibn al-Athīr, *Chronicle*, pp. 289–290; Barber, *Crusader States*, p. 284.

⁶⁷⁷ Barber, *Crusader States*, pp. 296–297; Imād al-Dīn, *al-Fatḥ al-qussī fī l-fatḥ al-qudsī*, tr. H. Massé, *Conquête de la Syrie et de la Palestine par Saladin* (Paris, 1972), pp. 27–28.

ности госпитальеры и тамплиеры, которые не желали сотрудничать с нехристианами, были казнены. Саладин лично отыскал Рено де Шатильона и обезглавил его. Был ли Рено главным виновников гибели крестоносцев – вопрос открытый, но из него получился удобный козел отпущения для поверженных латинян и победивших мусульман. Какой бы ни была правда, всего через два месяца Иерусалим мирно сдался мусульманам, после того как была достигнута договоренность о безопасности жителей города, его ворота распахнулись⁶⁷⁸.

Падение города было унижительным ударом для всего христианского мира и большим шагом назад во взаимоотношениях Европы с восточными странами. При папском дворе новости восприняли плохо. Папа Урбан III, по всей видимости, упал замертво, услышав о поражении при Хаттине.

Его преемник, Григорий VIII, стремился разобраться в духовной составляющей. Священная земля пала, объявил он верующим, не только из-за «грехов ее жителей, но также и (из-за) наших собственных и всех христиан». Власть мусульман растет, предупреждал он, и так будет продолжаться, пока их не остановят. Он призвал королей, князей, баронов и целые города, которые спорили друг с другом, оставить разногласия и отреагировать на происходящее. Это было откровенное признание того, что, несмотря на разговоры о рыцарстве, мотивации, вере и благочестии, на самом деле крестоносцы были корыстны и заняты междоусобицами. Иерусалим пал, сказал папа, потому что христиане не смогли сражаться за то, во что верят. Их собственные грехи потопили их⁶⁷⁹.

Это провокационное и резкое послание имело незамедлительный эффект, вскоре после этого три могущественных деятеля Запада начали готовиться к карательному походу. Ричард I Английский, Филипп II Французский и могучий Фридрих Барбаросса, король Германии, император Священной Римской империи, пообещали восстановить Священный город, и появилась надежда, что есть шанс не только вернуть Иерусалим обратно, но и заново укрепить позиции христиан на Среднем Востоке. Усилия 1189–1192 годов, тем не менее, были безрезультатны. Фридрих утонул, пересекая реку в Малой Азии, за милю до предполагаемого поля боя. Среди руководителей похода разгорелись яростные споры, касающиеся стратегии, которые ставили армию в тупик. Ярким примером может послужить Ричард Львиное сердце, который вместо того, чтобы отвоевывать Иерусалим, хотел пойти захватывать Египет – гораздо более ценный и «вкусный» приз. Как и следовало ожидать, кампания не имела успеха и армия не смогла оказать давление на Иерусалим. Прежде чем отправиться домой, ее лидеры зачем-то обратили свое внимание на Акру, важный торговый центр Леванта, который не имел религиозного значения⁶⁸⁰.

По прошествии едва ли десяти лет была предпринята еще одна попытка восстановить Святую землю. На этот раз основой кампании должна была стать Венеция, перевоза людей на своих кораблях. Дожд, который изначально не хотел участвовать в кампании, согласился после того, как его убедили в том, что расходы по созданию флота, который должен перевозить огромное количество войск, будут нести сами участники. Венецианцы также настояли на том, что основным назначением будущего флота будет Египет, а не порты, обслуживающие Иерусалим.

Это решение, по словам одного из непосредственных участников планирования, «держалось в строжайшем секрете, общественности было объявлено, что мы отправляемся за моря»⁶⁸¹.

⁶⁷⁸ Barber, *Crusader States*, pp. 305–313; T. Asbridge, *The Crusades: The War for the Holy Land* (London, 2010), pp. 342–364.

⁶⁷⁹ J. Riley-Smith, *The Crusades: A History* (London, 1987), p. 137.

⁶⁸⁰ J. Phillips, *The Crusades 1095–1197* (London, 2002), pp. 146–150; J. Phillips, *Holy Warriors: A Modern History of the Crusades* (London, 2009), pp. 136–165.

⁶⁸¹ Geoffrey of Villehardouin, 'The Conquest of Constantinople', in *Chronicles of the Crusades*, tr. M. Shaw (London, 1963), p. 35.

Предполагаемый поход был вызовом небес: всем, кто примет в нем участие, были обещаны духовное спасение и богатая добыча. О богатствах Египта ходили легенды. Живущие там люди были «приверженцами роскошной жизни», как писал один автор того времени, и благодаря «налогам с городов на побережье и континенте» были очень богаты. Это, со вздохом отмечал он, приносило им «огромный годовой доход»⁶⁸².

Венецианцы осознавали, что именно было поставлено на карту, так как традиционные пути на Восток, которыми они пользовались, были опасны и непостоянны. После волнений и последовавших за ними успехах Саладина, в Византии начался период нестабильности, а Венеция отчаянно искала выход на Александрию и порты в устье Нила, те места, которые традиционно оказывались неохраняемыми: до 1200 года на торговлю Венеции с Египтом приходилось примерно 10 %⁶⁸³. Венецию уже обошли Пиза и Генуя, они добились больших объемов торговли и выстроили лучшие торговые пути через Красное море, которые были предпочтительнее наземных путей к Константинополю и Иерусалиму⁶⁸⁴. Учитывая те риски, которые приняла на себя Венеция, согласившись на строительство огромного флота, вследствие которого другая работа приостанавливалась на два года, награда была невелика.

Вскоре стало ясно, что число тех, кто желал принять участие в походе, было существенно меньше предполагаемого. Это грозило Венеции незапланированными расходами. Обстоятельства оказались сильнее крестоносцев, и им пришлось импровизировать. В 1202 году флот прибыл в Зару, на побережье Далмации, город, который был причиной долговременного раздора между Венецией и Венгрией. Когда стало ясно, что атака неизбежна, разгневанные жители вывесили на стены города флаги, полагая, что произошло огромное недоразумение, и не веря в то, что христианское войско может напасть на христианский город без всякой на то причины, пойдя против приказов папы Иннокентия III. Город не пощадили, а венецианцы получили с крестоносцев то, что им причиталось⁶⁸⁵.

Пока крестоносцы решали, как оправдать свои действия, и спорили о том, что же делать дальше, отличная возможность возникла сама собой.

Один из претендентов на трон Византии предложил щедро наградить армию, если они помогут ему захватить власть в Константинополе. Войска, которые изначально плыли в Египет, считая, что отправляются в Иерусалим, оказались под стенами столицы Византии, оценивая варианты. Поскольку переговоры с фракциями внутри города затянулись, крестоносцы снова начали обсуждать, как захватить город и, прежде всего, как потом поделить его и всю остальную империю между ними⁶⁸⁶.

Венеция уже научилась ревностно охранять свои интересы в Адриатике и Средиземноморье и укрепила свои позиции, захватив контроль над Зарой. На этот раз появился шанс получить гораздо больший кусок – контролировать доступ на Восток. В конце марта 1204 года началась осада Нового Рима. Штурм начался в середине апреля. Лестницы, тараны и катапульты, которые должны были помочь сдерживать мусульман, вместо этого использовались против самого большого христианского города в мире. Корабли, которые были спроектированы и построены, чтобы блокировать гавани Египта и Леванта, сейчас применялись, чтобы отрезать доступ к знаменитому Золотому Рогу, прямо перед собором Святой Софии. Накануне битвы епископы уверили людей с Запада, что война является «праведным делом и

⁶⁸² William of Tyre, *Chronicon*, ed. R. Huygens, 2 vols (Turnhout, 1986), 2, p. 408; J. Phillips, *The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople* (London, 2004), pp. 67–68.

⁶⁸³ D. Queller and T. Madden, 'Some Further Arguments in Defence of the Venetians on the Fourth Crusade', *Byzantion* 62 (1992), p. 438.

⁶⁸⁴ T. Madden, 'Venice, the Papacy and the Crusades before 1204', in S. Ridyard (ed.), *The Medieval Crusade* (Woodbridge, 2004), pp. 85–95.

⁶⁸⁵ D. Queller and T. Madden, *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople* (Philadelphia, 1997), p. 55ff.

⁶⁸⁶ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 444–452.

им непременно нужно атаковать (Византию)». Ссылаясь на споры о доктрине, которые возникали с удручающей регулярностью, когда на кону были другие, более важные вопросы для обсуждения, священнослужители заявили, что на жителей Константинополя можно напасть только за то, что они провозгласили, что «закон Рима ничего не стоит, и называли всех, кто в него верит, псами». Византийцы, по словам крестоносцев, были хуже евреев, «они – враги Господа»⁶⁸⁷.

Когда стены города были разрушены, последовали сцены хаоса. Жители Запада грабили и разрушали город. Находясь в религиозном исступлении, взвинченные ядовитыми словами, они разграбили и осквернили городские храмы. Они штурмовали сокровищницу храма Святой Софии, разворовали драгоценные сосуды с мощами святых и надругались над копьем, пронзившим Иисуса на кресте. Серебряные предметы и предметы из других благородных металлов, которые использовали для обряда евхаристии, были украдены. Лошадей и ослов завели в церковь, чтобы навьючить их награбленным добром. Некоторые из них поскальзывались на полированном мраморном полу, который был весь в «крови и грязи». Чтобы усугубить оскорбление, в кресло патриарха усадили проститутку, которая распевала непристойные песни.

По свидетельству одного из жителей Византии, крестоносцы были не кем иным, как предшественниками Антихриста⁶⁸⁸.

Сохранилось достаточно источников, которые говорят, что все это не преувеличение. Один из западных игуменов пошел к церкви Пантократора (Спаса Вседержителя), основанной в XII веке королевской семьей. «Покажите мне ваши самые могущественные реликвии, – приказал он, – или незамедлительно умрете». Он нашел сундук, полный церковных сокровищ, и «с готовностью запустил в него обе руки». Когда остальные спросили его, где он был и удалось ли ему что-либо украсть, он всего лишь улыбнулся, кивнул и сказал: «Мы хорошо поработали»⁶⁸⁹.

Неудивительно, что, когда один из горожан убежал из города, он бросился на землю, зарыдал и принялся упрекать стены в том, что «только они остались недвижимы, они не проливали слез, они не были повержены на землю, они оставались стоять прямо». Они словно издевались над ним – как же не смогли они защитить город? Сама душа города была зверски убита яростными войсками в 1204 году⁶⁹⁰.

Богатства Константинополя были распределены по церквям, соборам, монастырям и частным коллекциям по всей Европе. Статуи лошадей, которые гордо стояли на ипподроме, были погружены на суда и отправлены в Венецию, где их установили перед входом в собор Святого Марка. Бесчисленные реликвии и ценные предметы также были отправлены в этот город, где сегодня туристы восхищаются ими как произведениями христианского мастерства, а не военными трофеями⁶⁹¹.

Однако неприятностей как будто было недостаточно. Когда Энрико Дандоло, старый слепой дож, который приехал из Венеции, чтобы стать свидетелем нападения на Константинополь, умер через год, было принято решение похоронить его в соборе Святой Софии. Он стал первым человеком в истории, которого похоронили в этом великом соборе⁶⁹². Это

⁶⁸⁷ Robert of Clari, *La Conquête de Constantinople*, ed. P. Lauer (Paris, 1924), 72–73, pp. 71–72.

⁶⁸⁸ Niketas Khoniates, *Khronike diegesis*, ed. J. van Dieten, *Nicetae Choniatae Historia* (New York, 1975), pp. 568–577.

⁶⁸⁹ P. Riant, *Exuviae sacrae constantinopolitanae*, 2 vols (Geneva, 1876), 1, pp. 104–105.

⁶⁹⁰ Khoniates, *Khronike*, p. 591. О важной переоценке ущерба городу – T. Madden, 'The Fires of the Fourth Crusade in Constantinople, 1203–1204: A Damage Assessment', *Byzantinische Zeitschrift* 84/85 (1992), pp. 72–93.

⁶⁹¹ См. M. Angold, *The Fourth Crusade* (2003), pp. 219–267; а также D. Perry, 'The *Translatio Symonensis* and the Seven Thieves: Venetian Fourth Crusade *Furta Sacra* Narrative and the Looting of Constantinople', in T. Madden (ed.), *The Fourth Crusade: Event, Aftermath and Perceptions* (Aldershot, 2008), pp. 89–112.

⁶⁹² R. Gallo, 'La tomba di Enrico Dandolo in Santa Sofia a Constantinople', *Rivista Mensile della Città di Venezia* 6 (1927),

было очень символическое заявление, которое говорило о росте Европы. Столетиями люди смотрели на Восток, желая сколотить состояние или реализовать свои амбиции – духовные или материальные. Разграбление и захват самого большого и важнейшего города христианского мира показали, что европейцы не остановятся ни перед чем, чтобы получить то, что они хотят, стать ближе к тому месту, где находятся богатство и власть.

Хотя они и выглядели как люди, жители Запада вели себя как звери, с горечью писал один известный греческий священнослужитель, добавляя, что к византийцам они относились с ужасной жестокостью: насиловали девственниц, убивали невинных.

Разграбление города было таким жестоким, что один из современных ученых писал о «потерянном поколении» в период, который последовал за Четвертым крестовым походом, в то время как имперский аппарат Византии был вынужден осесть в Никее, в Малой Азии⁶⁹³.

В то же самое время жители Запада принялись делить между собой империю. После консультации с налоговыми регистрами в Константинополе появился новый документ под названием *Partitio terrarum imperii Romaniae* – «Разделение земель Римской империи», где было указано, кому достанутся те или иные земли. Это деление не было случайным или бессистемным. Это было тщательно спланированное, хладнокровное расчленение⁶⁹⁴. С самого начала такие люди, как Боэмунд, показали, что Крестовые походы, которые обещали защитить христианский мир, сделать работу Господа и спасти тех, кто примет крест, могут использоваться и для других целей. Разграбление Константинополя было очевидной кульминацией желания Европы объединиться и внедриться на Восток.

Как только Византия была разделена, европейцы под предводительством итальянских городов-государств Пизы, Генуи и Венеции бросились занимать стратегически и экономически важные регионы, города и острова. Флоты регулярно сталкивались у Крита и Корфу, так как каждая сторона стремилась получить контроль над выгодными базами и доступ к лучшим рынкам⁶⁹⁵. На суше тоже происходила ожесточенная борьба за территории и статус, особенно жестокая – на плодородных равнинах Фракии, житницы Константинополя⁶⁹⁶.

Очень скоро внимание вновь обратилось на Египет, который в 1218 году стал объектом очередного масштабного похода, целью которого было завоевать территорию от дельты Нила до Иерусалима. Франциск Ассизский присоединился к армии, которая направлялась на юг в надежде убедить султана аль-Камиля отказаться от ислама и принять христианство, хотя даже Франциск, личность харизматичная, не смог этого сделать, несмотря на то что у него была возможность побеседовать с правителем лично⁶⁹⁷. После взятия Думьята в 1219 году крестоносцы предприняли попытку захватить Каир при участии так и не обращенного аль-Камиля, данный поход обернулся катастрофой и закончился совершенно бесславно. Когда лидеры похода решили заключить соглашение и начали спорить между собой,

pp. 270–283; T. Madden, *Enrico Dandolo and the Rise of Venice* (Baltimore, 2003), pp. 193–194.

⁶⁹³ Michael Khoniates, *Michaelis Choniatae Epistulae*, ed. F. Kolovou (Berlin, 2001), Letters 145, 165, 100; T. Shawcross, 'The Lost Generation (c. 1204 – c. 1222): Political Allegiance and Local Interests under the Impact of the Fourth Crusade', in J. Herrin and G. Saint-Guillain (eds), *Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204* (Farnham, 2011), pp. 9–45.

⁶⁹⁴ TafelandThomas, *Urkunden*, 1, pp. 464–488; N. Oikonomides, 'La Decomposition de l'Empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae"', in *XV Congrès international d'études byzantines* (Athens, 1976), 1, pp. 3–22.

⁶⁹⁵ C. Otten-Froux, 'Identities and Allegiances: The Perspective of Genoa and Pisa', in Herrin and Saint-Guillain, *Identities and Allegiances*, p. 265ff; а также G. Jehei, 'The Struggle for Hegemony in the Eastern Mediterranean: An Episode in the Relations between Venice and Genoa According to the Chronicles of Ogerio Pane', *Mediterranean Historical Review* 11.2 (1996), pp. 196–207.

⁶⁹⁶ F. Van Tricht, *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)* (Leiden, 2011), esp. pp. 157ff.

⁶⁹⁷ См. S. McMichael, 'Francis and the Encounter with the Sultan [1219]', in *The Cambridge Companion to Francis of Assisi*, ed. M. Robson (Cambridge, 2012), pp. 127–142; J. Tolan, *Saint Francis and the Sultan: The Curious History of a Christian-Muslim Encounter* (Oxford, 2009).

какой курс следует избрать перед лицом тяжелого поражения, стали поступать сообщения, которые казались просто чудом.

Новости говорили о том, что большая армия идет из Азии, чтобы помочь рыцарям справиться с египтянами. Сметая всех противников на своем пути, она направляется к крестоносцам на помощь. Идентифицировать подходящую на помощь армию оказалось довольно просто. Это были люди Пресвитера Иоанна, правителя обширного и феноменально богатого королевства, среди населения которого были уроженцы Амазонии, Брахмы, потерянные племена Израиля и целый ряд мистических и полумистических существ. Пресвитер Иоанн управлял государством, которое было не только христианским, но и ближе всех на земле к небесам. Письма, которые появились в XII веке, не оставили ни малейших сомнений в величии и славе его владений: «Я, Пресвитер Иоанн, царь царей, и я превосхожу всех остальных царей в богатстве, добродетели и могуществе... Молоко и мед свободно текут в наших землях, яд не причиняет никакого вреда, так же как и назойливое кваканье лягушек. Нет ни скорпионов, ни змей, шныряющих в траве». В этом царстве было огромное количество драгоценных камней, а также перца и эликсиров, которые исцеляли от болезней⁶⁹⁸. Слухов о прибытии Пресвитера Иоанна оказалось достаточно, чтобы повлиять на решения, принятые в Египте: крестоносцам нужно было просто успокоиться – и победа была обеспечена⁶⁹⁹.

Это стало первым уроком для европейцев в Азии. Крестоносцы не понимали, во что им верить, и придавали большое значение слухам, которые циркулировали тут десятилетиями со времен поражения султана Ахмада Санджара в Центральной Азии в 1140-х годах. Это происшествие дало начало запутанным и оптимистическим идеям о том, что могло лежать за пределами империи сельджуков. Сначала новости о войске, приближающемся со скоростью ветра, просочились через Кавказ. Слухи быстро стали правдой. Говорили, что «волхвы» идут на запад с крестами и палатками, из которых можно возвести переносную церковь. Победа христиан, казалось, была не за горами⁷⁰⁰. Один из ведущих клириков в Думьяте высказался вполне недвусмысленно, предсказав, что «Давид, царь двух Индий, торопится на помощь христианам вместе с самыми свирепыми народами, которые пожрут святотатственных сарацин как дикие звери»⁷⁰¹.

Вскоре стало ясно, насколько неправдивы были эти известия. Грохот со стороны востока издавали не войска под предводительством Пресвитера Иоанна или его сына «царя Давида» и не христианская армия, спешащая на помощь своим братьям. Это был шум, предвещающий приход чего-то совсем другого. То, что приближалось к крестоносцам и к Европе, не сулило путь в небеса, наоборот, впереди маячила прямая дорога в ад. С большой скоростью на запад продвигались монголы⁷⁰².

⁶⁹⁸ Dulumeau, *History of Paradise*, pp. 71–96.

⁶⁹⁹ M. Gosman, 'La Légende du Prêtre Jean et la propagande auprès des croisés devant Damiette (1228–1221)', in D. Buschinger (ed.), *La Croisade: réalités et fictions. Actes du colloque d'Amiens 18–22 mars 1987* (Göppinger, 1989), pp. 133–142; J. Valtrovà, 'Beyond the Horizons of Legends: Traditional Imagery and Direct Experience in Medieval Accounts of Asia', *Numen* 57 (2010), pp. 166–167.

⁷⁰⁰ C. Beckingham, 'The Achievements of Prester John', in C. Beckingham and B. Hamilton (eds), *Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes* (Aldershot, 1996), pp. 1–22; P. Jackson, *The Mongols and the West* (London, 2005), pp. 20–21.

⁷⁰¹ F. Zarncke, 'Der Priester Johannes II', *Abhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Phil. – hist. Kl.* 8 (1876), p. 9.

⁷⁰² Jackson, *Mongols and the West*, pp. 48–49.

9. Путь в ад

Волнения, которые ощущались в Египте, пришли с другой стороны земли. В конце XI века монголы были одним из многочисленных племен, живущих на северной границе Китая и степного мира. Один из современников описал их как «животных, которые не руководствуются верой или законом, просто переходя с места на место так же, как пасутся животные»⁷⁰³. Согласно другому автору, «они считали грабеж, жестокость, аморальное поведение и дебош признаками мужественности и совершенства». Их внешность также считалась отвратительной: так же, как и гунны в IV веке, они носили «шкурки собак и мышей»⁷⁰⁴. Такими были описания поведения кочевых племен со слов сторонних наблюдателей.

Хотя монголы казались порождениями хаоса, кровожадными и абсолютно ненадежными, их восхождение было результатом отнюдь не отсутствия порядка, совсем наоборот, безжалостное планирование, хорошо налаженная организация и четкий набор стратегических целей стали ключом к созданию самой большой империи в истории. Вдохновителем такой резкой перемены в жизни монголов был вождь по имени Темучин. Мы знаем его по его титулу и прозвищу «универсальный правитель», или, возможно, «жестокий правитель» – Чингиз или же Чингиз-хан⁷⁰⁵.

Чингиз-хан был родом из ведущей семьи племенного союза, его судьба была предопределена с момента рождения: он появился на свет, «сжимая в правой руке сгусток крови размером с кулак». Это было истолковано как знак славы, ждущей впереди⁷⁰⁶.

Несмотря на грозную репутацию, которую он приобрел в Средние века и которая выдержала испытание временем, Чингиз-хан построил свою империю и обрел власть, постепенно заключая сделки с лидерами других племен и тщательно выбирая союзников. Так же тщательно он выбирал и врагов, и, прежде всего, он выбрал хороший момент, чтобы напасть на них. Он собрал своих самых верных последователей вокруг себя в качестве персональной охраны, а также в качестве внутреннего круга, который представлял собой железный стержень, состоящий из воинов (*nökiirs*), на которых он мог положиться безоговорочно. Это была меритократическая система, в которой способности и лояльность были гораздо важнее, чем происхождение или родство с вождем. В обмен на неограниченную поддержку лидер предоставлял товары, добычу и статус. Чингиз-хан должен был сделать так, чтобы эти преимущества обеспечивали ему преданность, и делать это с регулярностью метронома⁷⁰⁷.

Это стало возможным благодаря постоянной программе завоеваний. Племена одно за другим благодаря применению силы или запугиванию признавали его господство, пока, наконец, он не стал единственным господином монголов в 1206 году. Затем его внимание переместилось на другой круг людей: киргизов, ойратов и уйгуров, которые проживали в Центральной Азии к западу от Китая. Они подчинились Чингиз-хану и принесли формальные клятвы верности. Присоединение последних в 1211 году было особенно важно, что следует из подарка, преподнесенного правителю уйгуров Барчуку, – невесты из рода Чингизи-

⁷⁰³ Het#um, Patmich# T#at#arats#, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Arméniens* 1, p. x.

⁷⁰⁴ 'Ata-Malik Juvaynī, *Ta#rīx-i Jahān-Guṣā*, tr. J. Boyle, *Genghis Khan: The History of the World-Conqueror*, 2 vols (Cambridge, MA, 1958), 1, 1, pp. 21–22.

⁷⁰⁵ О значении слова «Чингиз» как титула см. I. de Rachewiltz, 'The Title Činggis Qan / Qayan Re-examined', in W. Hessler and K. Sangster (eds), *Gedanke und Wirkung* (Wiesbaden, 1989), pp. 282–288; T. Allsen, 'The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China', in *The Cambridge History of China*, 15 vols (Cambridge, 1978), 6, p. 321ff.

⁷⁰⁶ *The Secret History of the Mongols*, tr. I. de Rachewiltz, 2 vols (Leiden, 2004), 1, p. 13.

⁷⁰⁷ Allsen, 'Rise of the Mongolian Empire', p. 321ff; G. Németh, 'Wanderungen des mongolischen Wortes *Nökiür* "Genosse"', *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 3 (1952), pp. 1–23.

дов после того, как он объявил, что готов стать «пятым сыном» Чингиз-хана⁷⁰⁸. Частично это было обусловлено тем, что уйгуры занимали стратегически важные земли в бассейне Тарима, а также тем, что они, по словам современного историка, являлись «образованными людьми», и уйгурский язык, алфавит стали важной частью культуры Монголии. Достаточно высокий уровень культуры уйгуров стал одной из причин, почему их охотно нанимали на службу на должности писцов и чиновников, в том числе они входили в *tatar tonga*, то есть в число тех, кто обучал сыновей Чингиз-хана⁷⁰⁹.

Внимание было переключено на более амбициозные цели. В ходе серии атак, начиная с 1211 года, монголы прорвались в Китай, который находился под управлением династии Цзинь, и разграбили столицу, Чжунду, вынудив правителей эвакуироваться из города и перенести столицу южнее. При этом захватчики получили существенную добычу. Расширение в другом месте было еще более впечатляющим. Время оказалось подобрано как нельзя лучше. Власть центра мусульманского мира в ходе XII века ослабла. Мусульманский мир стал похож на лоскутное одеяло с заплатами разного размера. Назрела ситуация, когда можно было оспорить первенство Багдада.

Когда это произошло, правитель Хорезма был занят устранением местных соперников, одновременно поглядывая одним глазом на Восток, в сторону Китая с целью расширения. Консолидация, которая явилась результатом, означала, что, когда монголы победили его, преследуя до острова в Каспийском море, где он вскоре умер, врата в Азию оказались широко открыты. Путь был расчищен⁷¹⁰.

Источники рисуют живые картины отвратительной дикости, которой сопровождалась атака на Хорезм, начавшиеся в 1219 году. Захватчики, как писал один историк, «пришли, разграбили, сожгли, поубивали и затем ушли»⁷¹¹. Другой автор писал, что ему хотелось бы никогда не рожаться, тогда ему никогда не пришлось бы пережить такие потрясения. По крайней мере, мусульманский антихрист всего лишь уничтожал своих врагов, продолжал он, монголы же «не щадили никого. Они убивали женщин, мужчин, детей, вскрывали тела беременных и убивали нерожденных»⁷¹².

Монголы тщательно культивировали эти страхи, реальность же была такова, что Чингиз-хан использовал насилие избирательно и преднамеренно. Разграбление одного города было нужно, чтобы принудить другие сдаться без боя и быстро. Театрально жестокие убийства требовались для того, чтобы убедить других правителей, что переговоры гораздо лучше сопротивления. Нишапур стал одним из городов, уничтоженных полностью. Все живые существа: женщины, дети, старики и даже домашние животные и скот – были зверски убиты, так как приказ гласил, что даже кошки и собаки не должны выжить. Все трупы были сложены в огромные пирамиды, как мрачное напоминание о последствиях сопротивления монголам. Этого было достаточно, чтобы убедить другие города сложить оружие и начать переговоры. Выбор был прост: жизнь или смерть⁷¹³.

Новости о жестокости, с которой столкнулись те, кто решил подумать и взвесить все варианты, распространялись быстро. История о высокопоставленном чиновнике, которого прислали в ставку вновь прибывшего монгольского вождя и которому залили расплавленное золото в глаза и уши, стала широко известна, как и тот факт, что это убийство сопровождалось

⁷⁰⁸ T. Allsen, 'The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th Century', in M. Rossabi (ed.), *China among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th–14th Centuries* (Berkeley, 1983), pp. 246–248.

⁷⁰⁹ P. Golden, "'I Will Give the People unto Thee': The Činggisid Conquests and their Aftermath in the Turkic World', *Journal of the Royal Asiatic Society* 10.1 (2000), p. 27.

⁷¹⁰ Бунятов З. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. – М., 1986. – С. 128–132; Golden, 'Činggisid Conquests', p. 29.

⁷¹¹ Juvaynī, *History of the World Conqueror*, 16, 1, p. 107.

⁷¹² Ibn al-Athīr, in B. Spuler, *History of the Mongols* (London, 1972), p. 30.

⁷¹³ D. Morgan, *The Mongols* (Oxford, 1986), p. 74.

лось объявлением, что это было наказание человеку, «чье недостойное поведение, варварские поступки и прошлые зверства заслужили всеобщее осуждение»⁷¹⁴. Это было предупреждение тем, кто хотел встать на пути у монголов. Мирное подчинение приветствовалось, сопротивление же жестоко каралось.

Использование Чингиз-ханом силы было передовым в техническом плане и хорошо продуманным в плане стратегии. Длительная осада укрепленных целей являлась сложным и дорогостоящим занятием, так как большая конная армия, которой требовались помимо прочего пастбища, могла полностью истощить регион. Поэтому высоко ценились военные техники, которые могли максимально ускорить ход битвы. Как мы знаем, в битве при Нишапуре в 1221 году использовались 3000 гигантских арбалетов, 3000 катапульти и 700 «огнеметов», которые запускали горящие материалы. Позже монголы заинтересовались разработками западных европейцев, копировали дизайн катапульти и осадных машин, созданных для крестоносцев на Святой земле, и использовали их против целей в Восточной Азии в конце XIII века. Контроль Шелкового пути давал хозяевам доступ к информации и идеям, которые можно было скопировать и использовать за тысячи миль от места их появления⁷¹⁵.

Любопытно, учитывая репутацию, что одним из объяснений оглушительного успеха монголов в начале XIII века в Китае, Центральной Азии и за их пределами было то, что их не всегда рассматривали как угнетателей. И это имело свои основания. В случае с Хорезмом, например, местное население было обязано платить ежегодные налоги, чтобы финансировать строительство укреплений вокруг Самарканда и оплачивать содержание эскадрона лучников для защиты от неизбежного нападения монголов. Ввод такой повинности вряд ли мог сохранить доброжелательность. Напротив, монголы щедро инвестировали средства в инфраструктуру некоторых захваченных ими городов. Один китайский монах, который посетил Самарканд вскоре после его захвата, был удивлен, увидев большое количество рабочих из Китая, а также из других регионов, которые трудились в полях и садах, прежде заброшенных⁷¹⁶.

Эта схема повторялась вновь и вновь: деньги щедро вливались в города, их реконструировали и возрождали, уделяя особое внимание защите искусств и различных производств. Общий образ монголов как варваров и разрушителей очень размыт и вводит в заблуждение, так как был создан позже, когда в первую очередь подчеркивали разорение и опустошение. Такая предвзятая точка зрения показывает, насколько полезно лидерам, которым есть дело до потомков, опекать историков. Именно с этим монголы не справились⁷¹⁷.

Одно можно утверждать безошибочно: то, как монголы использовали силу, остужало кровь тех, кто слышал о готовящемся нападении. По мере того как они пробирались на Запад в погоне за теми, кто сопротивлялся им или бежал в надежде скрыться, монголы вселяли ужас в сердца и умы. В 1221 году армии под командованием двух сыновей Чингиз-хана молнией промчались через Афганистан и Персию, уничтожая все на своем пути. Нишапур, Герат, Балх были захвачены, а Мерв сровняли с землей, по словам историков, убив все его население, за исключением группы 400 ремесленников, которых доставили на Восток для работы при дворе монголов. Земля пропиталась кровью мертвых: небольшая группа выжив-

⁷¹⁴ Nasawī, *Sīrat al-ḥultān Jalāl al-Dīn Mangubirtī*, tr. O. Houdas, *Histoire du sultan Djelāl ed-Dīn Mankobirti prince du Khārezm*, (Paris, 1891), 16, p. 63.

⁷¹⁵ K. Raphael, 'Mongol Siege Warfare on the Banks of the Euphrates and the Question of Gunpowder (1260–1312)', *Journal of the Royal Asiatic Society*, 19.3 (2009), pp. 355–370.

⁷¹⁶ A. Waley (tr.), *The Travels of an Alchemist: The Journey of the Taoist, Ch'ang-ch'un, from China to the Hindukush at the Summons of Chingiz Khan, Recorded by his Disciple, Li Chih-ch'ang* (London, 1931), pp. 92–93.

⁷¹⁷ См. новаторскую работу Allsen, *Commodity and Exchange*, and G. Lane, *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance* (London, 2003).

ших пересчитала погибших, получилось больше 1,3 миллиона⁷¹⁸. Подобные отчеты о массовых убийствах убедили современных исследователей в том, что речь идет о геноциде и истреблении примерно 90 % населения⁷¹⁹.

Конечно, сложно оценить масштаб убийств, совершаемых за одно нападение, но стоит отметить, что многие (хотя и не все) города достаточно быстро оправились от последствий налета, и это позволяет предположить, что более поздние персидские историки несколько преувеличивали разрушительные последствия нападений монголов. Однако даже если они и преувеличили страдания, нет никаких сомнений, что ветры насилия, которые дули с Востока, были очень сильны.

Монголы были неумолимы. Не успели монгольские налетчики покорить основные города Центральной Азии и разграбить Кавказ, как уже появились на юге России. Они преследовали племена соперников, кипчаков, или половцев, чтобы преподать им урок за неповиновение. Чингиз-хан умер предположительно в 1227 году, но его наследники оказались столь же находчивы и невероятно успешны!

В конце 1230-х годов, после потрясающего успеха в Центральной Азии под предводительством Угедея, который стал великим ханом, или верховным правителем, сразу после смерти своего отца, монголы провели одно из самых потрясающих нападений в истории войн, затеяв кампанию, которая по скорости и размаху превзошла даже достижения Александра Великого. Войска монголов уже вторгались на территорию России из степей. Они появлялись «бесчисленными ордами, как саранча», согласно монаху из Новгорода. «Мы не знаем, откуда они пришли и куда они исчезли, – писал он, – это знает только Бог, так как это он прислал их за наши грехи»⁷²⁰.

По своему обычаю, когда монголы вернулись, они потребовали дань, угрожая уничтожить тех, кто откажется. Один за другим города подвергались нападениям, а Рязань, Тверь и особенно Киев были основательно разграблены. Во Владимире князь с семьей, городской священник и другие высокопоставленные лица искали убежище в церкви Пресвятой Богородицы. Монголы подожгли церковь и сожгли тех, кто был внутри, заживо⁷²¹. Церкви были разрушены, как писал один из последователей местного священника, «священные сосуды осквернены, священные реликвии попорчены ногами, а духовенство перебито»⁷²². Было похоже на то, что дикие звери освободились, чтобы пожрать плоть и выпить кровь дворян. Вовсе не Пресвитер Иоанн нес спасение с востока, а монголы – апокалипсис.

Террор, который сопровождал монголов, вскоре породил имя, которым их стали называть, – татары⁷²³, делая отсылку к Тартару – бездне мучений в классической мифологии⁷²⁴. Слухи о них дошли до самой Шотландии. Согласно одному из источников, сельдь в портах осталась нераспроданной, так как купцы, которые обычно прибывали за ней из стран Балтики, в этот раз не решились покинуть дом⁷²⁵. В 1241 году монголы нанесли удар в самое

⁷¹⁸ Juvaynī, *History of the World Conqueror*, 27, 1, pp. 161–164.

⁷¹⁹ J. Smith, 'Demographic Considerations in Mongol Siege Warfare', *Archivum Ottomanicum* 13 (1994), pp. 329–334; J. Smith, 'Mongol Manpower and Persian Population', *Journal of Economic and Social History of the Orient* 18.3 (1975), pp. 271–299; D. Morgan, 'The Mongol Armies in Persia', *Der Islam* 56.1 (2009), pp. 81–96.

⁷²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Насонов. – Л., 1950. – С. 61.

⁷²¹ Там же, с. 74–77.

⁷²² Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. – СПб., 1888, приложение, с. 8.

⁷²³ Эта версия также не является общепринятой. Более популярна версия, что слово «татары» произошло от китайского Dada или Dadan, и происходит оно от имени хана Татар жужанов V века. (Примеч. ред.)

⁷²⁴ Хотя средневековые комментаторы и связывали термины «татары» и «Тартар», первый термин использовался в степи в качестве ссылки на кочевых соплеменников и, вероятно, происходит от слова тунгусов *ta-ta*, что означает тащить или тянуть, см. S. Akiner, *Religious Language of a Belarussian Tatar Kitab* (Wiesbaden, 2009), pp. 13–14.

⁷²⁵ Jackson, *Mongols and the West*, pp. 59–60; D. Sinor, 'The Mongols in the West', *Journal of Asian History* 33.1 (1999), pp. 1–44.

сердце Европы, разделив свои силы на две части, одна из которых напала на Польшу, а другая направилась к равнинам Венгрии. Паника распространялась по континенту, особенно после того как огромная армия под предводительством короля Польши и герцога Силезии была уничтожена, а голова герцога оказалась на конце пики вместе с девятью мешками, наполненными «ушами мертвых». Войска монголов двинулись на запад. Когда король Венгрии Бела IV бежал в Далмацию и просил убежища в Трогире, настало время для священников совершать мессы, молиться о защите от зла и организовывать шествия, чтобы молить Бога о поддержке. Папа Григорий IX объявил, что любой, кто поможет защитить Венгрию, получит такую же индульгенцию, какая была дарована крестоносцам. Его предложение было встречено с небольшим энтузиазмом: император Германии и дож Венеции знали лучше других, что может случиться, если они попробуют помочь и в конечном итоге окажутся на стороне проигравших. Если бы монголы выбрали западное направление, по мнению одного из современных нам ученых, «скорее всего, они не смогли бы организовать скоординированную оппозицию»⁷²⁶. Для Европы настал момент расплаты.

Некоторые современные нам историки очень желчно (и это почти прекрасно) утверждают, что монголам противостояли храбрые сопротивленцы и что они даже были побеждены в некоторых сражениях, которые со временем кажутся им все более и более реальными. На самом деле монголам было просто неинтересно то, что могла предложить им Западная Европа, по крайней мере, в то время. Основной целью было наказать Белу за предоставление убежища половцам и, возможно, за игнорирование неоднократного предписания выдать их. Такое сопротивление должно было быть наказано любой ценой⁷²⁷.

«Я знаю, что ты богатый и могущественный монарх, — гласит одно из писем королю Беле от лидеров монголов, — под твоим началом великое множество воинов, ты один управляешь великим королевством». Словами, которые знакомы любому рэкету, смысл был изложен достаточно прямо. «Тебе сложно подчиниться мне по своей собственной доброй воле, — говорилось в письме, — и все же для вас и вашего будущего будет гораздо лучше, если ты сделаешь именно так»⁷²⁸. В мире степи пренебрежительное отношение к сопернику воспринималось столь же плохо, как и прямая конфронтация. Беле нужно было преподать урок. Его целенаправленно гнали через всю Далмацию, хотя были и другие возможности. Монголы опустошали все на своем пути. Один из городов они разграбили настолько, что летописец отмечал, что в городе не осталось никого, кто мог бы «помочь на стену»⁷²⁹.

И тут Бела и вся Европа вместе с ним были спасены внезапным поворотом судьбы: Угедэй, Великий хан, внезапно умер. Набожным людям было совершенно ясно — их молитвы были услышаны. Для высокопоставленных монголов было очень важно участвовать в выборах человека, который возьмет на себя бремя лидерства. У них не было такого понятия, как первородство. Скорее, выбор того, кто должен наследовать пост лидера, основывался на том, кто лучше и громче других выступал в совете старейшин. Решение о том, кого поддержать, могло созидать и рушить карьеры и жизни. Если человек поднимался на вершину, награда могла быть очень высокой. Конечно, это был неподходящий момент для того, чтобы преследовать беспокойного монарха по всем Балканам. Настало время вернуться домой и наблю-

⁷²⁶ C. Rodenburg (ed.), *MGH Epistulae saeculi XIII e regestis pontificum Romanorum selectae*, 3 vols (Berlin, 1883–1894), 1, p. 723; Jackson, *Mongols and the West*, pp. 65–69.

⁷²⁷ P. Jackson, 'The Crusade against the Mongols (1241)', *Journal of Ecclesiastical History* 42 (1991), pp. 1–18.

⁷²⁸ H. Dörrie, 'Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionreisen des fr. Julianus O. P. ins Ural-Gebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren', *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil-hist. Klasse* (1956) 6, p. 179; а также Jackson, *Mongols and the West*, p. 61.

⁷²⁹ Thomas the Archdeacon, *Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum*, ed. and tr. D. Krabić, M. Sokol and J. Sweeney (Budapest, 2006), p. 302; Jackson, *Mongols and the West*, p. 65.

дать за развитием ситуации. Таким образом, монголы убрали ногу с горла христианской Европы.

Хотя имя Чингиз-хана и напоминало о великих завоеваниях Азии и нападениях на дальние земли, монгольский лидер умер в 1227 году, после начальной стадии строительства империй в Китае и Центральной Азии, но до драматических нападений на Россию и вторжений, которые поставили Европу на колени. Расширение, которое сильно увеличило владения монголов, — заслуга его сына Угедея, возглавившего кампании на корейский полуостров, в Тибет, Пакистан и северную Индию, а также на Запад. Именно Угедей ответственен за большую часть достижений монголов и в некоторой степени за их временную остановку, так как его смерть в 1241 году дала столь необходимую передышку.

В то время как весь мир взял паузу, чтобы посмотреть, кто встанет во главе, из Европы и с Кавказа по всей Азии были отправлены послы. Они должны были выяснить, кто были эти мародеры, откуда они пришли, изучить их обычаи и попробовать с ними договориться. Две группы посланников взяли с собой письма с требованием того, чтобы монголы больше не нападали на христиан, а также приняли истинную веру⁷³⁰. Между 1243 и 1253 годами папа Иннокентий IV отправил четыре независимых посольства, а король Франции Людовик IX отправил миссию во главе с Гильомом де Рубруком из Фландрии⁷³¹.

Отчеты, которые они писали о своем путешествии, были такими же красочными и необычными, как отчеты мусульманских путешественников, отправлявшихся в степи в IX и X веках. Европейские гости были очарованы и потрясены в одинаковой степени. Как писал Гильом де Рубрук, хотя они могущественны, новые хозяева Азии не живут в городах. Исключение составляет столица — Каракорум, где он встретился с Великим ханом, который принял его в огромной палатке, полностью задрапированной изнутри золотой тканью⁷³². Это были люди, чье поведение и привычки были экзотичными и непривычными. Они не ели овощи, пили забродившее молоко кобылиц и испражнялись, даже не задумываясь о том, где они находятся и с кем говорят, иногда не утруждая себя тем, чтоб отойти подальше⁷³³.

В докладах другого посланника, Джованни Плано Карпини, который стал достаточно известен в Европе того времени, также рисуются схожие картины убожества, декаданса, невежества; мира, где собаки, волки, лисы и вши могли использоваться в качестве пищи. Кроме того, он включил в свои доклады слухи о жителях земель, которые находились за монгольскими владениями, — земель, где встречались люди с копытами и даже с собачьими головами⁷³⁴. Джованни привез с собой зловещие известия о том, что происходило параллельно с воцарением следующего Великого хана — Гуюка. Список официальных лиц, прибывших к хану из различных регионов и племен, которые признали власть монголов, приобрел удивительный размах в масштабах империи: сюда приехали лидеры из России, Грузии, Армении, из степей, Китая и Кореи, а также не менее десяти султанов и тысячи посланников халифа⁷³⁵.

Великий хан передал в Рим через Джованни письмо. Все земли в этом мире покорены монголами, говорилось в этом письме. «Вы должны приехать лично, — требовал он у папы, — со всеми князьями и служить нам». Если же вы так не сделаете, предупреждал Великий хан, «вы станете моими врагами». Это был совсем не обнадеживающий ответ на уговоры монгольского правителя стать христианином. Откуда вы знаете, кому благоволит Бог, кому он

⁷³⁰ Уцелели копии двух из этих писем, C. Rodenberg (ed.), *Epistolae saeculi XII e regestis pontificum romanorum*, 3 vols (Berlin, 1883–1894), 2, p. 72; 3, p. 75.

⁷³¹ Valtrovà, 'Beyond the Horizons of Legends', pp. 154–185.

⁷³² William of Rubruck, *The Mission of Friar William of Rubruck*, tr. P. Jackson, ed. D. Morgan (London, 1990), 28, p. 177.

⁷³³ Там же, 2, pp. 72, 76; 13, p. 108; Jackson, *Mongols and the West*, p. 140.

⁷³⁴ John of Plano Carpini, *Sinica Franciscana: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XVII et XIV*, ed. A. van den Wyngaert, 5 vols (Florence, 1929), 1, pp. 60, 73–75.

⁷³⁵ John of Plano Carpini, *Ystoria Mongolarum*, ed. A. van den Wyngaert (Florence, 1929), pp. 89–90.

являет свою милость, писал хан со злостью. Все земли от восхода до заката принадлежат мне, продолжал он. Все это мало способствовало тому, чтобы он принял христианство. На письме стояла печать, которая объединяла власть Великого хана с «вечным Тенгри» – верховным божеством степных кочевников. Это предвещало мало хорошего⁷³⁶.

Не обнадеживал и тот факт, что планы новых завоеваний касались Центральной Европы, а в перспективе значились и нападения на север континента⁷³⁷. Монголы имели большие виды на мировое господство: завоевание Европы было для них всего лишь следующим логическим шагом в осуществлении плана потомков Чингиз-хана подчинить еще больше территорий⁷³⁸.

Страх перед монголами спровоцировал новую партию в религиозное домино в Европе. Армянская церковь вступила в переговоры с патриархатом Греческой православной церкви, чтобы создать альянс и получить поддержку на случай будущих атак. Армяне также вступили в переговоры с Римом, заявляя о своей готовности согласиться с папской интерпретацией по вопросу происхождения Святого духа, вопросу, который в прошлом вызывал серьезные дебаты⁷³⁹. Византийцы сделали то же самое, отослав в Рим посольство с предложением положить конец расколу, который разделил единую христианскую церковь на две в XI веке. В результате Крестовых походов этот раскол еще больше усугубился⁷⁴⁰. Где жрецы и князья в Европе не смогли объединить папу и патриархов, преуспели монголы: нападения с востока являлись вполне реальной угрозой и опасность их повторения привела церковь к идее воссоединения.

Когда религиозная гармония казалась достижимой, все снова поменялось. После скорпостижной смерти Великого хана Гуюка в 1248 году среди монголов разгорелась борьба за наследие, и это потребовало времени.

Как только это произошло, Армения и Византия получили уверения в том, что в ближайшем будущем не будет нападений. Согласно Гильому де Рубруку, в последнем случае это произошло потому, что монгольский посланец, которого отправили в Византию, был подкуплен и вмешался, чтобы предотвратить нападение⁷⁴¹. Византийцы отчаянно пытались отвлечь от себя внимание монголов и делали все, что возможно, для предотвращения атак. В 1250-х годах, например, еще одна делегация, отправленная из Каракорума, преодолевала сложные маршруты Малой Азии в сопровождении византийских проводников. Кроме того, перед встречей с императором им был продемонстрирован марш имперской армии. Это были отчаянные попытки убедить монголов в том, что не стоит нападать на империю, а также в том, что, если они все же решатся на этот шаг, их будет ожидать сопротивление⁷⁴².

На самом деле монголы решили отказаться от нападений по ряду причин: ни Анатолия, ни Европа не находились в фокусе их внимания потому, что были гораздо более «жирные» цели. Делегации постоянно отправлялись в те регионы, что остались от Китая, пока,

⁷³⁶ 'Letter of the Great Khan Güyüg to Pope Innocent IV (1246)', in I. de Rachewiltz, *Papal Envoys to the Great Khans* (Stanford, 1971), p. 214 (с отличиями).

⁷³⁷ C. Dawson, *Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* (London, 1955), pp. 44–45.

⁷³⁸ P. Jackson, 'World-Conquest and Local Accommodation: Threat and Blandishment in Mongol Diplomacy', in J. Woods, J. Pfeiffer, S. Quinn and E. Tucker (eds), *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods* (Wiesbaden, 2006), pp. 3–22.

⁷³⁹ R. Thomson, 'The Eastern Mediterranean in the Thirteenth Century: Identities and Allegiances. The Peripheries; Armenia', in Herrin and Saint-Gobain, *Identities and Allegiances*, pp. 202–204.

⁷⁴⁰ J.-L. van Dieten, 'Das Lateinische Kaiserreich von Konstantinopel und die Verhandlungen über kirchliche Wiedervereinigung', in V. van Aalst and K. Ciggaar (eds), *The Latin Empire: Some Contributions* (Hernen, 1990), pp. 93–125.

⁷⁴¹ William of Rubruck, *Mission of Friar William*, 33, p. 227.

⁷⁴² George Pachymeres, *Chronicon*, ed. and tr. A. Faillier, *Relations historiques*, 2 vols (Paris, 1984), 2, pp. 108–109; J. Langdon, 'Byzantium's Initial Encounter with the Chinggisids: An Introduction to the Byzantino-Mongolica', *Viator* 29 (1998), pp. 130–133.

наконец, в конце XIII века китайцы не сдались. Монголы стали преемниками императорской династии Юань и основали новый город на месте старого Чжунду. Теперь он стал столицей монголов, которая должна была стать достойным завершением того, что было достигнуто в целом регионе между Тихим океаном и Средиземноморьем. Этот новый мегаполис сохранил свое название до сих пор – Бейджин (Пекин).

Другим крупным городам также было уделено большое внимание. Новый хан Мунке сконцентрировал силы на жемчужинах исламского мира. Города один за другим сдавались, и монгольская волна хлынула на запад. В 1258 году они достигли стен Багдада и после краткой осады опустошили город. Они пронеслись по городу, «как голодные соколы нападают на голубок, или как яростные волки, нападающие на стадо овец», писал один из авторов вскоре после этого. Жителей прогнали через улицы города, при этом «каждый из них стал марионеткой». Халиф аль-Мустасим был захвачен в плен, завернут в ткань и насмерть затоптан лошадьми⁷⁴³. Это был символический момент, который показывал реальную расстановку сил в мире.

Во время этих завоеваний была собрана большая добыча и множество богатств. Согласно источникам с Кавказа, которые были написаны союзниками монголов, победители буквально «тонули под весом золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга, тканей и дорогой одежды, посуды и ваз из золота и серебра, так как брали они только эти два металла, драгоценные камни, жемчуг, ткани и одежду».

Захват тканей имел особое значение. Так же, как и во времена хунну на пике их могущества, шелк и дорогие материалы играли решающую роль в отделении элиты племени и высоко ценились. Монголы часто требовали специальной дани в виде золотых тканей, пурпурной кисеи, дорогой одежды и шелка. В разных случаях были предусмотрены различные виды дани, например домашний скот, дамасская сталь, золотые ткани и дорогие украшения. «Одежды из шелка, золота и хлопка» требовались в таких невероятных количествах и такого качества, что один из ведущих ученых в этой области сравнил их требования с подробным списком покупок, который был «одновременно требовательным и удивительно проработанным»⁷⁴⁴.

Едва нашлось время, чтобы переварить новости о разорении Багдада, как монголы снова появились в Европе. В 1259 году они продвинулись до Польши и разгромили Краков, а затем отправили в Париж делегацию с требованием сдачи Франции⁷⁴⁵. В то же самое время отдельная армия отправилась из Багдада в сторону Сирии и Палестины. Это вызвало панику среди латинян, живущих на Востоке, где христианские позиции на Святой земле были усилены новым всплеском активности крестоносцев в середине XIII века. Хотя масштабная экспедиция императора Священной Римской империи Фредерика II и короля Франции Людовика IX, хоть и ненадолго, вернула Иерусалим в руки христиан, лишь у немногих были иллюзии насчет того, насколько хрупкими были троны Антиохии, Акры и других городов.

До появления монголов казалось, что угроза исходит из Египта и представителей агрессивного режима, которые захватили там власть. Иронично, но новые властители Египта оказались людьми примерно того же толка, что и сами монголы, – кочевниками из степи. Подобно тому, что произошло в Аббасидском халифате в Багдаде, который был захвачен своими же рабами, солдатами, набранными из тюркских племен в степях, случилось и в халифате Каира в 1250 году. Новые господа Египта известны как мамлюки, они происходили от рабов (мамалик), которые были захвачены в племенных союзах к северу от Черного

⁷⁴³ Abdallāh b. Fa#lallāh Wa##āf, *Tarjiyat al-am#ār wa-tajziyat al-a##ār*, in Spuler, *History of the Mongols*, pp. 120–121.

⁷⁴⁴ Allsen, *Commodity and Exchange*, pp. 28–29.

⁷⁴⁵ J. Richard, 'Une Ambassade mongole à Paris en 1262', *Journal des Savants* 4 (1979), pp. 295–303; Jackson, *Mongols and the West*, p. 123.

моря и проданы в портах Крыма и Кавказа для службы в египетской армии. Среди них были выходцы из монгольских племен, которые были захвачены как рабы, или *wāfidīyah* – в буквальном смысле приезжие, бежавшие от гнета господствующих фракций в местных междоусобицах, которые были нередким явлением в степях, и нашли убежище в Каире⁷⁴⁶.

Средние века в Европе традиционно считаются эпохой крестоносцев, рыцарства и возрастающей власти папства, но все это было не более чем декорацией для тех битв титанов, которые происходили на Востоке. Племенная система позволила монголам прийти почти к мировому господству. Они завоевали практически всю азиатскую часть континента. Европа и Северная Африка оказались абсолютно открыты. Удивительно, что лидеры монголов сконцентрировались не на первом, а на втором варианте. Проще говоря, Европа не являлась лучшим из призов. На пути монголов к контролю над Нилом, богатым сельскохозяйственным и производственным центром Египта, находящимся на перекрестке торговых путей, идущих во всех направлениях, стояла армия под командованием человека, который происходил из тех же самых степей. Это было не борьбой за превосходство, это был триумф политической, культурной и социальной системы. Битва за средневековый мир происходила между кочевниками Центральной и Восточной Азии.

Реакция христиан в Святой земле на известия о продвижении монголов была панической. Сначала Антиохия, одна из жемчужин короны государства крестоносцев, была вынуждена сдать, в то время как другая, Акра, достигла договоренности с монголами, полагая, что они меньше из двух зол. Отчаянные призывы о военной помощи были отправлены правителям Англии и Франции. Западные христиане были спасены благодаря вторжению их заклятого врага – мамлюков Египта, которые двигались на север, чтобы противостоять армии, которая прорывалась через Палестину⁷⁴⁷.

Снося все на своем пути на протяжении практически 60 лет, монголы наконец потерпели серьезное поражение, они были разбиты в битве при Айн Джалуте в северной Палестине в сентябре 1260 года. Несмотря на убийство победоносного генерала, султана Кутуза, в ходе внутренних раздоров, мамлюки с ликованием продвигались вперед. По мере продвижения они обнаружили, что большая часть работы уже сделана за них: подавляя сопротивление местного населения, монголы постепенно объединяли города и регионы под своей властью. Совсем как Чингиз-хан извлек выгоду из объединения Центральной Азии перед началом вторжений в XIII веке, сейчас монголы непреднамеренно отдали Сирию и важнейшие города Алеппо и Дамаск своим противникам. Мамлюки прошли, практически не встретив сопротивления⁷⁴⁸.

Христиане на Святой земле и по всей Европе смотрели на происходящее с ужасом, не зная, что произойдет дальше и что ждет их в итоге. Однако прошло совсем немного времени, и отношение к монголам было полностью изменено. Это было начало рассвета христианской Европы. Несмотря на травмы, нанесенные этими ордами всадников, пришедшими из северной части Черного моря прямо на равнины Венгрии, монголы могли оказаться спасителями, которых просто неправильно поняли, когда они появились в первый раз.

Целые десятилетия после 1260 года делегации неоднократно отправлялись из Европы и Святой земли, чтобы попытаться сформировать союз с монголами против мамлюков. Посольства также часто отправлялись и в обратном направлении. Их посылал Хулагу, вождь монголов в Азии, и его сын Акаба, готовность которых к переговорам была продиктована, в первую очередь, желанием использовать западный флот в борьбе с Египтом и для удержания

⁷⁴⁶ N. Nobutaka, 'The Rank and Status of Military Refugees in the Mamluk Army: A Reconsideration of the *Wāfidīyah*', *Mamluk Studies Review* 10.1 (2006), pp. 55–81; R. Amitai-Preiss, 'The Remaking of the Military Elite of Mamluk Egypt by al-Nāṣir Muḥammad b. Qalāwūn', *Studia Islamica* 72 (1990), pp. 148–150.

⁷⁴⁷ P. Jackson, 'The Crisis in the Holy Land in 1260', *English Historical Review* 95 (1980), pp. 481–513.

⁷⁴⁸ R. Amitai-Preiss, *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281* (Cambridge, 1995).

недавно завоеванных территорий в Палестине и Сирии. Дело осложнялось тем, что среди самих монголов назревали трения.

К концу XIII века монгольский мир стал настолько велик – он простирался от Тихого океана до Черного моря, от степей в северной Индии до Персидского залива, – что неизбежно начали появляться трещины. Империя разделилась на четыре части, которые стали враждебны друг к другу. Старшая линия сосредоточилась в Китае, в Центральной Азии. Это были наследники Чагатай (которого описывали как «мясника и тирана», отвратительного человека, который был «жесток и любил кровь» – чистое зло). Именно они находились у власти⁷⁴⁹. На западе монголы, которые господствовали в степях России до самой Центральной Европы, стали известны как Золотая Орда, а правители Большого Ирана – как Ильханиды. Это отсылка к Иль-хану, которая позволяла отмечать их как подданных основной ветви монголов.

Мамлюки, которые умело манипулировали племенной политикой своих врагов, пришли к соглашению с Берке, лидером Золотой Орды, чья вражда с Ильханидами уже вылилась в открытый конфликт. Это повысило шансы заключения соглашения между христианской Европой и Ильханидами. Эти планы начали приносить плоды в конце 1280-х годов, когда посольство, возглавляемое Раббаном Саумой, священнослужителем уйгуров в западном Китае, было отправлено лидером Ильханидов в Западную Европу, чтобы закончить оформление соглашения о военном альянсе. Раббан Саума был прекрасным выбором – вежливый, умный христианин до мозга костей. Несмотря на свою репутацию дикарей, монголы умели разбираться в иностранцах.

Никто не был взволнован планами по созданию альянса больше, чем Эдуард I, король Англии. Крестоносец с повышенным уровнем энтузиазма, Эдуард посетил Святую землю в 1271 году и пришел в ужас от увиденного. По его мнению, это было ужасно, христиане тратили гораздо больше времени на споры друг с другом, чем на борьбу с мусульманами. Но что действительно потрясло его – это венецианцы, которые не только торговали с неверными, но и поставляли им материалы для создания осадных машин, которые затем использовались против христианских городов и крепостей⁷⁵⁰.

Однако король был в восторге, когда его посетил епископ с Востока и дал понять, что для него главный приоритет – это восстановление Иерусалима. «У нас не может быть других мыслей, кроме этой», – говорил английский монарх епископу, прежде чем просить его об обряде евхаристии для себя и своей свиты. Он относился к епископу с почтением и уважением, щедро осыпая его деньгами и дарами. Также в его честь и в честь свершения великих планов был устроен грандиозный праздник⁷⁵¹. Планы предполагали объединение с целью сохранения Святой земли для христиан раз и навсегда. Именно такими были ожидания триумфа христианства. В Риме даже устраивали шествия в честь неминуемого поражения ислама. За несколько десятилетий в европейском сознании монголы превратились из спасителей в демонов и обратно. Мысли о том, что конец света близок, уступили вере в то, что новое начало не за горами.

Грандиозные планы ни к чему не привели. Один Крестовый поход за другим приносили гораздо меньше пользы, чем было обещано, а все разговоры о формировании союза, который охватывал тысячи миль и включал все мировые религии, не принесли никаких вменяемых результатов. Эдуард I, в свою очередь, обнаружил, что у него назрели проблемы дома, которые более важны. Вместо того чтобы формировать великий союз с монголами

⁷⁴⁹ Jūzjānī, *Tabaḥṣṣ-i-Nāḥirī*, tr. H. Raverty, *A general history of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindūstān, from 810 A.D. to 1260 A.D., and the irruption of the infidel Mugḥals into Islam* (Calcutta, 1881), 23.3–4, pp. 1104, 1144–1145.

⁷⁵⁰ L. Lockhart, 'The Relations between Edward I and Edward II of England and the Mongol Il-Khans of Persia', *Iran* 6 (1968), 23. О экспедиции – C. Tyerman, *England and the Crusades, 1095–1588* (London, 1988), pp. 124–132.

⁷⁵¹ W. Budge, *The Monks of Kublai Khan, Emperor of China* (London, 1928), pp. 186–187.

против египетских мусульман, английскому королю пришлось отправляться в Шотландию и подавлять восстание Уильяма Уоллеса. Других европейских монархов, которые были также озабочены присутствием христиан на Святой земле, не оказалось: спустя два столетия после того, как рыцари Первого крестового похода завоевали Иерусалим, последние точки опоры были утрачены. Сидон, Тир, Бейрут и Акра сдались мамлюкам в 1291 году. Вышло так, что доброй воли и энтузиазма не хватало, чтобы поддержать, сохранить и удержать места, которые занимали важное место в христианской вере.

Некоторое время теплились ложные надежды. Зимой 1299 года монголы наконец добились того, чего они жаждали более одного поколения, – сокрушительного поражения армии мамлюков. Их победа была настолько выразительной, что некоторое время по Европе ходили слухи, что Иерусалим был восстановлен христианами с Востока, которые сражались бок о бок со своими монгольскими союзниками. Ходили слухи, что лидер Ильханидов принял христианство и стал новым защитником Святой земли. Некоторые источники с энтузиазмом передавали другие, еще более невероятные новости: недовольные тем, что мамлюков изгнали всего лишь из Сирии и Палестины, монголы прорвались через оборону и взяли заодно и сам Египет⁷⁵². Все это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Главная победа была на самом деле одержана монголами на поле боя, однако восторженные истории были не более чем примерами недопонимания, слухами и мечтами. Христианской Святой земли больше не было⁷⁵³.

Крестоносцы сыграли важную роль в формировании средневекового Запада. Власть папы сильно изменилась. Теперь у него были не только религиозные, но еще и военные и политические полномочия. Элита получила новые идеи, касающиеся службы, преданности и рыцарской чести, наравне с идеей христианства как общего знаменателя всей Европы. В конечном счете, стало ясно, что захват и удержание Иерусалима были замечательны в теории, но очень сложны, дороги и опасны на практике. Таким образом, занимавшая центральное положение в европейском сознании на протяжении двух столетий идея обретения Святой земли потихоньку становилась нереализуемой. В начале XIX века поэт Уильям Блейк отметил, что было бы гораздо лучше построить Иерусалим в более удобном месте, например в зеленых и приятных землях Англии⁷⁵⁴.

Крестоносцы в конечном счете потерпели неудачу: попытки колонизировать самые важные для христианского мира места не имели успеха. Однако итальянские города-государства преуспели там, где христианские рыцари потерпели неудачу. В то время как благочестивые рыцари были вытеснены из Святой земли, морские государства перестроились и углубились еще дальше в Азию. Вопрос о том, чтобы отказаться от своих позиций, не стоял. Напротив, после потери Святой земли речь шла не об уменьшении охвата, а о его увеличении.

⁷⁵² S. Schein, 'Gesta Dei per Mongolos 1300: The Genesis of a Non-Event', *English Historical Review* 94.272 (1979), pp. 805–819.

⁷⁵³ R. Amitai, 'Whither the Ilkhanid Army? Ghazan's First Campaign into Syria (1299–1300)', in di Cosmo, *Warfare in Inner Asian History*, pp. 221–264.

⁷⁵⁴ Стихотворение Уильяма Блейка «Иерусалим». Легенды об Иосифе Аримафейском, посетившем Британские острова, распространились в Англии со времен Средневековья, W. Lyons, *Joseph of Arimathea: A Study in Reception History* (Oxford, 2014), pp. 72–104.

10. Путь смерти и разрушения

Еще до падения городов Леванта и Генуя, и Венеция предприняли шаги по поиску новых торговых путей, а заодно и новых точек сбыта товаров, новых путей для бизнеса, чтобы убедиться, что они все еще на плаву. В связи с военной напряженностью торговля на Святой земле практически прекратилась, поэтому обе общины основали новые колонии на северном побережье Черного моря, в Крыму, в устье Азовского моря и в армянской Киликии. Город Аяс стал новым рынком для продажи товаров и предметов роскоши с Востока.

Появилась возможность заработать большие деньги. Разница в цене на зерно на северном и южном побережье Черного моря предоставляла хорошие перспективы для городов-государств, которые на своих огромных транспортных судах могли перевозить продукты в значительных объемах⁷⁵⁵. Эти корабли могли поставлять и совершенно другой вид товаров – людей. И генуэзцы, и венецианцы продолжали активную работоторговлю, покупая пленных и продавая их египетским мамлюкам. Это делалось вопреки попыткам папства запретить продажу мужчин, женщин и детей мусульманским покупателям⁷⁵⁶.

Старым соперникам сложно встать на одну сторону. Генуя уже показала, насколько далеко может зайти в устранении соперников, когда практически полностью уничтожила пизанский флот и отказалась освобождать пленников за выкуп. Пиза так толком и не оправилась от удара, нанесенного соперниками. Среди тех, кто был захвачен, оказался некий Рустикелло, который провел в заточении более 10 лет перед тем, как к нему присоединился сокамерник, который был захвачен в заложники во время морской битвы.

На этот раз в Адриатическом море были разгромлены венецианцы. Подружившись с ним, Рустикелло начал описывать замечательную жизнь и удивительные приключения своего товарища. Именно жестокость и неустанную борьбу за власть Генуи в Средние века мы должны благодарить за то, что путешествия Марко Поло были описаны.

Жестокие сражения за коммерческое превосходство велись там, где сталкивались Генуя и Венеция: происходили стычки в Константинополе, конфронтация в Эгейском море и на Кипре, а также кровавые битвы в Адриатике. К тому времени как папа Бонифаций VIII в 1299 году организовал мирные переговоры, обе стороны загнали друг друга в тупик. Усилия и средства, затраченные на достижение цели, показывали, как много стояло за попытками установить связи с Азией.

И это стоило того. К 1301 году Великий совет Венеции был расширен, после того как пришел к выводу, что он недостаточно велик, чтобы вместить всех могущественных членов, число которых росло вместе с благосостоянием города⁷⁵⁷. Богатство Генуи также увеличивалось. Стихотворение конца XIII века описывает красоту города, в котором «палаццо буквально повсюду», а горизонт украшен большим количеством башен. Источник процветания города – богатые поставки товаров с Востока, включая меха, например, горностая и белки, а также перец, имбирь, мускус, специи, парчу, бархат, ткань из золота, жемчуг, украшения и драгоценные камни. Генуя была богатым городом благодаря созданной сети, которая обслуживалась судами и галерами. Генуэзцы были разбросаны по всему миру, хвастается автор,

⁷⁵⁵ S. Karpov, 'The Grain Trade in the Southern Black Sea Region: The Thirteenth to the Fifteenth Century', *Mediterranean Historical Review* 8.1 (1993), pp. 55–73.

⁷⁵⁶ A. Ehrenkreutz, 'Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century', in A. Udovitch (ed.), *The Islamic Middle East, 700–1900* (Princeton, 1981), pp. 335–343.

⁷⁵⁷ G. Lorenzi, *Monumenti per servire alla storia del Palazzo Ducale di Venezia. Parte I: dal 1253 al 1600* (Venice, 1868), p. 7.

создавая новую Геную везде, где они появлялись. И как отмечал этот анонимный автор, Бог благословил город и хотел его процветания⁷⁵⁸.

Одной из важных причин такого расцвета Венеции и Генуи было мастерство и дальновидность, которую они демонстрировали в удовлетворении потребностей своих клиентов, и тех торговцев, которые приезжали из других городов Европы, чтобы покупать товары из других стран. Так как Египет и Святая земля были слишком неустойчивы и опасны в экономическом плане, Черное море стало важнейшей торговой зоной.

За ростом итальянских городов-государств стояла финансовая искушенность и выдержка монголов в том, что касалось вопросов сбора налогов. Ряд источников указывает на то, что пошлины на экспорт товаров через Черное море никогда не превышали 3–5 % от общей стоимости.

Это была конкурентоспособная цифра, по сравнению с дорожными сборами и сборами на товары, проходящие через Александрию, – источники говорят о налогах в 10, 20 и даже 30 %⁷⁵⁹. Каждый торговец знает, что рентабельность имеет огромное значение. Такие низкие налоговые ставки стали сильным стимулом для того, чтобы перевозить товары по Черному морю, и это способствовало тому, что этот путь стал важным способом сообщения с Востоком.

Чувствительная ценовая политика и целенаправленная политика сохранения низкого уровня налогов были признаками бюрократии монгольской империи, которую легко не заметить из-за жестокости и бессмысленного вандализма. На самом деле успех монголов заключался не в их жестокости, а в их готовности искать компромиссы и сотрудничать, а также в их неустанных усилиях поддержания системы, которая возрождала идею контроля из центра. Хотя персидские историки более позднего времени громогласно заявляли, что монголы отстранялись от процесса управления империей, предпочитая оставлять повседневные дела на других, недавние исследования показали, насколько они были вовлечены в каждую деталь повседневной жизни⁷⁶⁰. Великим достижением Чингиз-хана и его преемников были не массовые разгромы, как считается, а дотошные проверки, которые позволили создать одну из величайших империй в истории, которая процветала веками. Неудивительно, что русские заимствовали множество слов, касающихся финансов, прямо из словаря монгольских управленцев. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении торговли и коммуникаций. Такие слова, обозначающие извлечение выгоды, как «бырыш», «деньги» и «казна», были переняты в ходе контактов с новыми хозяевами Востока. Почтовая система в России базировалась на монгольском способе быстро и эффективно доставлять сообщения с одного конца империи на другой посредством сети перевалочных пунктов⁷⁶¹.

Благодаря гению монголов основы для долговременного успеха были заложены с самого начала. Когда Чингиз-хан и его преемники расширяли свои владения, им приходилось включать в существующую систему новых людей. Племена намеренно разбивались, а их привязанности перефокусировались на военные подразделения и прежде всего на верность монгольским правителям. Отличительные черты племен, такие как традиции причесок, были искоренены, вместо этого был насильно введен стандарт внешнего вида подданного. Подчиненные и завоеванные народы были разбросаны по всей территории,

⁷⁵⁸ 'Anonimo genovese', in G. Contini (ed.), *Poeti del Duecento*, 2 vols (Milan, 1960), 1, pp. 751–759.

⁷⁵⁹ V. Cilicitan, *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* (Leiden, 2012), pp. 16, 21; S. Labib, 'Egyptian Commercial Policy in the Middle Ages', in M. Cook (ed.), *Studies in the Economic History of the Middle East* (London, 1970), p. 74.

⁷⁶⁰ См. D. Morgan, 'Mongol or Persian: The Government of Īl-khānīd Iran', *Harvard Middle Eastern and Islamic Review* 3 (1996), pp. 62–76, и, главным образом, Lane, *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran*.

⁷⁶¹ G. Alef, 'The Origin and Development of the Muscovite Postal System', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 15 (1967), pp. 1–15.

находящейся под контролем монголов, чтобы ослабить узы языка, родства и происхождения и облегчить процесс ассимиляции.

Чтобы поддержать новый порядок, вместо этнических имен и названий были введены новые. Все это, в свою очередь, было усилено централизованной системой наград и распределения добычи: здесь имела значение близость к правящей династии, что порождало жесткую миритократию, в которой успешные генералы получали богатую добычу. Те же, которые не смогли достигнуть успеха, были быстро устранены⁷⁶².

В то время как племенные различия уничтожались, в отношении религии монголы проявляли просто замечательную лояльность. В вопросах религии монголы были очень ослаблены и терпимы. Еще со времен Чингиз-хана свите вождя было разрешено практиковать любую религию, которую им хотелось. Как писал один персидский автор несколько позже, сам Чингиз-хан «уважал мусульман, но в то же время держал во внимании христиан и “многобожников”, то есть буддистов». Что касалось его последователей, то они были вольны руководствоваться своей совестью и в вопросах выбора религии были предоставлены сами себе. Некоторые из них избрали ислам, другие — христианство, были и те, которые следовали верованиям своих отцов и дедов, так и не склонившись ни к какой религии⁷⁶³.

Вскоре здесь появились миссионеры, которые приезжали на Восток, чтобы обращать людей в свою религию⁷⁶⁴. Гильом де Рубрук с удивлением встречал священников по всей Азии по пути к монгольскому двору, но еще больше он удивился, когда увидел, что они соглашались благословлять белых лошадей, когда каждую весну собираются возле Каракурма. Более того, такие благословения были больше похожи на языческие ритуалы, чем на христианские⁷⁶⁵. Однако это были частные случаи, которые не отражали всю полноту картины успешных обращений. К тому времени как контакты между Европой и Центральной Азией стали теснее, на Востоке снова стали возникать епархии, в том числе и на территории степей. На севере Персии стали строить монастыри, например в Тебризе, который стал домом для процветающего ордена францисканских монахов⁷⁶⁶. То, что им было позволено процветать, говорит о терпимости и расслабленном отношении монголов к религии.

На самом деле они зашли гораздо дальше. В конце XIII века папа отправил к Великому хану Джованни Монтекорвино с письмом, в котором «предлагал хану принять католическую религию Господа нашего Иисуса Христа». Хотя его миссия не имела успеха, он обратил достаточно много народу.

Джованни выкупал пленных детей и обучал их латыни и греческому языку, переписывая для них Псалтырь от руки. Через некоторое время даже Великий хан, который слышал, как они распевают псалмы во время службы, был покорен прекрасным пением и тайной евхаристии. Успех миссии Джованни был таким, что в начале 1300-х годов папа Клемент V отправил делегацию, чтобы дать ему звание более высокое, чем звание епископа, чтобы в полной мере вознаградить его достижения и стимулировать создание церковной иерархии в империи монголов. Джованни получил звание архиепископа Бейджина. Провал Крестовых походов вовсе не означал провал христианства в Азии⁷⁶⁷.

⁷⁶² Morgan, *The Mongols*, pp. 88–90; Golden, ‘Činggisid Conquests’, pp. 38–40; T. Allsen, *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259* (Berkeley, 1987), pp. 189–216.

⁷⁶³ Juvaynī, *History of the World Conqueror*, 3, 1, p. 26.

⁷⁶⁴ Согласно докладам путешественников, этот процесс начался уже в середине тринадцатого века, G. Guzman, ‘European Clerical Envoys to the Mongols: Reports of Western Merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255’, *Journal of Medieval History* 22.1 (1996), pp. 57–67.

⁷⁶⁵ William of Rubruck, *Mission of Friar William*, 35, pp. 241–242.

⁷⁶⁶ J. Ryan, ‘Preaching Christianity along the Silk Route: Missionary Outposts in the Tartar “Middle Kingdom” in the Fourteenth Century’, *Journal of Early Modern History* 2.4 (1998), pp. 350–373. О Персии — R. Lopez, ‘Nuove luci sugli italiani in Estremo Oriente prima di Colombo’, *Studi Colombiani* 3 (1952), pp. 337–398.

⁷⁶⁷ Dawson, *Mission to Asia*, pp. 224–226; de Rachewiltz, *Papal Envoys*, pp. 160–178; а также J. Richard, *La Papauté et les*

Одной из составляющих этой религиозной терпимости был тонкий политический расчет. Ильханиды, похоже, были особенно искушены в том, чтобы говорить политическим деятелям именно то, что они хотели услышать. Хулагу, например, говорил армянским священникам, что его крестили еще в детстве. Церковь на Западе восприняла эту новость с такой радостью, что еще некоторое время по всей Европе ходили слухи, в которых Хулагу был представлен как христианский святой. Другим, однако, он рассказывал совершенно иные истории. Так, например, буддисты были уверены, что Хулагу следует по пути просветления. В монгольской империи можно найти множество примеров того, как высокопоставленные лица обращались из христианства в ислам и наоборот. Они меняли религию по собственному усмотрению. Верующие флегматики умели угодить всем⁷⁶⁸.

Покорение сердец и умов было важной частью успешного расширения империи. Такими методами пользовался еще Александр Великий, когда победил персов, и его одобрил Тацит, который очень критически относился к недалёковидной политике грабежа и неизбирательного уничтожения. Инстинктивно монголы понимали, как должны вести себя строители великих империй: терпимость и продуманное управление должны идти рука об руку с военной мощью.

Взвешенные решения, принятые по вопросам формирования важных союзов, окупались сполна. В России полное освобождение церкви от налогов и воинской повинности было встречено с ликованием. Это является примером, показывающим, что забота может быть проявлена даже после жестокого завоевания⁷⁶⁹. Кроме того, возложенная ответственность – это высокоэффективный метод сокращения напряжения и враждебности. И снова удачный пример из России: на одного из местных правителей была возложена обязанность сбора налогов и платежей, а также ему было даровано право на большую часть собранных денег.

Не зря же Иван I, Великий князь Московский, стал известен как Иван Калита, или Иван «Денежный мешок». Он отвечал за сбор налогов и заполнение монгольской казны. И, скорее всего, себя он тоже не обижал. Концентрация богатства и власти в руках доверенных людей, таких как, например, Иван Калита, привела к появлению выдающихся династий, на которые можно было положиться и которые процветали за счет конкурирующих семей. Эффект был значительным и долговременным. Некоторые ученые утверждали, что монгольская система управления заложила основу для превращения России в полноценное самодержавное государство путем усиления небольшой группы людей, которые стали править населением, а также равными себе⁷⁷⁰.

Военное доминирование, политическая проницательность и религиозная терпимость – монгольский рецепт успеха сильно отличался от наших о нем общих представлений. И при всей их удачливости им также очень сильно везло со сроками. В Китае монголы столкнулись с резким ростом числа населения, экономическим ростом и технологическим развитием на фоне сильного подъема в сельском хозяйстве⁷⁷¹. В Центральной Азии они обнаружили раз-

missions d'Orient au moyen age (XIIIe – XVe siècles) (Rome, 1977), p. 144ff. Иоанн нападал на несторианцев за то, что они обвиняли его в шпионаже и колдовстве. Соперники схлестнулись в Китае так же, как до того в Персии.

⁷⁶⁸ P. Jackson, 'Hülegü Khan and the Christians: The Making of a Myth', in J. Phillips and P. Edbury (eds), *The Experience of Crusading*, 2 vols (Cambridge, 2003), 2, pp. 196–213; S. Grupper, 'The Buddhist Sanctuary-Vihara of Labnasagut and the Il-qan Hülegü: An Overview of Il-Qanid Buddhism and Related Matters', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 13 (2004), pp. 5–77; Foltz, *Religions of the Silk Road*, p. 122.

⁷⁶⁹ S. Hackel, 'Under Pressure from the Pagans? – The Mongols and the Russian Church', in J. Breck and J. Meyendorff (eds), *The Legacy of St Vladimir: Byzantium, Russia, America* (Crestwood, NY, 1990), pp. 47–56; C. Halperin, 'Know Thy Enemy: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 30 (1982), pp. 161–175.

⁷⁷⁰ D. Ostrowski, *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589* (Cambridge, 1998); M. Bilz-Leonardt, 'Deconstructing the Myth of the Tartar Yoke', *Central Asian Survey* 27.1 (2008), pp. 35–36.

⁷⁷¹ R. Hartwell, 'Demographic, Political and Social Transformations of China, 750–1550', *Harvard Journal of Asiatic Studies* 42.2 (1982), pp. 366–369; R. von Glahn, 'Revisiting the Song Monetary Revolution: A Review Essay', *International Journal of*

дробленные, раздираемые междоусобицами малые государства, которые уже созрели для консолидации. На Среднем Востоке и в Европе они вошли в контакт с обществом, которое было одновременно монетизированным и чрезвычайно расслоенным, то есть государства могли платить дань наличными, а их население растрачивало силы на предметы роскоши и имело умопомрачительные аппетиты. На территории Азии и Европы Чингиз-хан и его преемники не только обнаружили мир, который обещал богатую наживу, но и вошли в золотой век⁷⁷².

Так же как исламские завоевания VII века оказали большое влияние на мировую экономику, так как денежные средства стекались к мусульманскому центру со всех уголков мира, достижения монголов XIII века изменили денежную систему Евразии. В Индии появились новые ритуалы и развлечения, похожие на степные. Так, например, во время официальных выездов богато украшенное седло правителя торжественно везли перед ним⁷⁷³. В то же самое время в Китае изменились кулинарные привычки. Его жители перенимали новые вкусы, использовали ингредиенты и поварские приемы, популярные в степи. Книга под названием «Основные принципы питания и употребления напитков», в которой описывались правильные принципы приготовления продуктов питания и напитков для императора, включала блюда, на которые повлияла кухня и вкусы кочевников, предпочитавших в качестве основного способа обработки варить пищу⁷⁷⁴.

Использование каждой части туши животного – привычка тех, кто живет разведением домашнего скота, – стало частью мейнстрима. Хан Хубилай, который высоко ценил кухню своих предков, ввел забродившее молоко, конину, верблюжий горб и суп из баранины, загущенный зерном, в качестве деликатесов для своего двора⁷⁷⁵. По крайней мере это звучит более приемлемо, чем овечьи легкие или паста из курдючного жира, или головы, которые можно встретить в поваренной книге XIV века⁷⁷⁶.

Европа также ощутила культурное влияние монгольских завоеваний. Под воздействием новой империи в Европе появилась и поразительная новая мода. Стиль Монголии вошел в моду после того, как улеглась первая волна паники. В Англии 250 полос темно-синей «татарской» ткани были использованы для изготовления знаков отличия для самого старейшего и величайшего ордена – Ордена рыцарей подвязки. На турнире в Чипсайде в 1331 году на церемонии открытия можно было увидеть мужчин, одетых в качественную татарскую ткань, с масками, изображающими монгольских воинов. Влияние Востока отразилось в эннене – наиболее популярном модном аксессуаре эпохи Ренессанса в Европе. Конические головные уборы, которые полюбили дамы и которые можно увидеть на портретах, начиная с XIV века, в основе своей имели головные уборы, которые носили в это время при дворе в Монголии⁷⁷⁷.

Однако монгольские завоевания имели другие, более существенные последствия – они обусловили трансформацию экономики Европы. Нескончаемый поток послов, которые направлялись ко двору хана, вскоре пополнился миссионерами и торговцами, которые сле-

Asian Studies 1.1 (2004), p. 159.

⁷⁷² Например, G. Wade, 'An Early Age of Commerce in Southeast Asia, 900–1300 CE', *Journal of Southeast Asia Studies* 40.2 (2009), pp. 221–265.

⁷⁷³ S. Kumar, 'The Ignored Elites: Turks, Mongols and a Persian Secretarial Class in the Early Delhi Sultanate', *Modern Asian Studies* 43.1 (2009), pp. 72–76.

⁷⁷⁴ P. Buell, E. Anderson and C. Perry, *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Shu-hui's Yin-shan Cheng-yao* (London, 2000).

⁷⁷⁵ P. Buell, 'Steppe Foodways and History', *Asian Medicine, Tradition and Modernity* 2.2 (2006), pp. 179–180, 190.

⁷⁷⁶ P. Buell, 'Mongolian Empire and Turkization: The Evidence of Food and Foodways', in R. Amitai-Preiss (ed.), *The Mongol Empire and its Legacy* (Leiden, 1999), pp. 200–223.

⁷⁷⁷ Allsen, *Commodity and Exchange*, pp. 1–2, 18; J. Paviot, 'England and the Mongols (c. 1260–1330)', *Journal of the Royal Asiatic Society* 10.3 (2000), pp. 317–318.

довали туда же. Внезапно не только Монголия, но и вся Азия оказалась в поле внимания Европы. Истории, которые рассказывали вернувшиеся путешественники, буквально поглощали те, кто хотел узнать побольше о том экзотическом мире, который внезапно стал центром внимания.

Рассказы были встречены с удивлением. Марко Поло повествовал, что сразу за Китаем находится остров, где дворец правителя имеет золотые крыши и золотые стены несколько дюймов в толщину. В Индии, согласно тому же автору, плоть животных бросают в крутые овраги, полные алмазов, но при этом кишащие змеями, чтобы привлечь орлов, которые слетят вниз и подберут мясо вместе с прилипшими к нему алмазами. После этого их проще собрать. Перец, как отмечал другой путешественник того времени, берут на болотах, полных крокодилов, которых, по всей видимости, отгоняют огнем.

В источниках, написанных жившими в то время путешественниками, отмечалось, что Восток обладает легендарными богатствами, которые резко контрастируют с европейскими⁷⁷⁸.

Такие утверждения не являются удивительными или новыми. Все это было уже знакомо из классических текстов, которые снова стали читать после того, как общество и экономика континентальной Европы стали развиваться и возрождалось интеллектуальное любопытство. Отчеты Марко Поло и других путешественников имели много общего с работами Геродота, Тацита, Плиния, и даже в «Песни песней Соломона» говорилось о летучих мышах, которые при помощи когтей охраняют болота, где растет кассия, о ядовитых летающих змеях, защищающих ароматические деревья Аравии, а также финиксах, которые строят гнезда из корицы и фимиама, чтобы позже заполнить их другими специями⁷⁷⁹.

Естественно, что мистика Востока и сказки об опасностях, которые подстерегали тех, кто искал редкие сокровища, ценившиеся очень высоко, были тесно связаны с ожиданиями того, что можно будет выручить за эти товары, когда их привезут в Европу. Товары, производство или сбор которых были опасны, естественно, и стоили больше⁷⁸⁰. Около 1300 года стали появляться справочники и сборники о путешествиях, торговле в Азии и прежде всего о том, как получить хорошую выгоду. «В первую очередь, вы должны отрастить длинную бороду и не бриться», – писал Франческо Пеголотти, автор самого известного путеводителя того периода. Он рекомендовал обязательно взять путеводитель с собой в путешествие – он позволит сэкономить больше, чем стоит хороший справочник. Однако самая ценная информация, которую дал автор, – раскладка налогов в разных местах, разницы в весах, мерах и валюте, а также данные о внешнем виде специй и их стоимости. В средневековом мире, так же как и в современном, смысл таких путеводителей был в том, чтобы избежать разочарования и уменьшить шансы недобросовестных торговцев обмануть путешественников⁷⁸¹.

Поистине удивительным был тот факт, что Пеголотти был родом не из Венеции или Генуи, двух могущественных городов XIII–XIV веков, а из Флоренции. Были и другие города, которые хотели приобщиться к происходящему на Востоке, например Лукка и Сиена. Торговцев оттуда можно было встретить в Тебризе, Аясе и других восточных городах. Они покупали специи, шелк и другие ткани из Китая, Индии, Персии и иных мест.

⁷⁷⁸ P. Freedman, 'Spices and Late-Medieval European Ideas of Scarcity and Value', *Speculum* 80.4 (2005), pp. 1209–1227.

⁷⁷⁹ S. Halikowski-Smith, 'The Mystification of Spices in the Western Tradition', *European Review of History: Revue Européenne d'Histoire* 8.2 (2001), pp. 119–125.

⁷⁸⁰ A. Appadurai, 'Introduction: Commodities and the Politics of Value', in A. Appadurai (ed.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* (Cambridge, 1986), pp. 3–63.

⁷⁸¹ Francesco Pegolotti, *Libro di divisamenti di paesi (e di misure di mercatantie)*, tr. H. Yule, *Cathay and the Way Thither*, 4 vols (London, 1913–1916), 3, pp. 151–155. Также см. здесь J. Aurell, 'Reading Renaissance Merchants' Handbooks: Confronting Professional Ethics and Social Identity', in J. Ehmer and C. Lis (eds), *The Idea of Work in Europe from Antiquity to Modern Times* (Farnham, 2009), pp. 75–77.

Лучше всего ощущение открывающихся горизонтов было отражено на карте, которая висела в Зале Большого Совета в народном дворце Сиены. Она была сделана таким образом, что ее можно было поворачивать вручную. Карта была ориентирована на города Тосканы, и на ней были отмечены расстояния, транспортные сети, а также агентурная сеть, контакты и посредники, находящиеся в самой Азии. Даже малоизвестные города в центре Италии начали посматривать в сторону Востока в поисках вдохновения и выгоды, а также с целью установить свои собственные связи с Шелковым путем⁷⁸².

Основой европейской экспансии была стабильность, которой монголы добились по всей Азии. Несмотря на напряженность и распри между разными ветвями племенных союзов, когда дело касалось коммерческих вопросов, закон исполнялся неукоснительно. Дорожная сеть в Китае, например, была предметом зависти путешественников, которые восхищались административными мерами, которые были приняты для обеспечения безопасности купцов. «Китай – самая безопасная и самая лучшая страна для путешествий», – писал ибн Баттута, путешественник и исследователь XIV века. Он отмечал, что это место, где система ежедневной отчетности построена таким образом, что «человек может путешествовать здесь один, имея при себе большой капитал, и не бояться»⁷⁸³.

Это же мнение разделял и Пеголотти, который писал, что путь от Черного моря до самого Китая «удивительно безопасный, неважно ночью или днем». Частично это было результатом традиционных воззрений кочевников на вопросы гостеприимства, которое нужно оказать чужестранцу, но также говорило о том, что монголы стремились поощрять торговлю. В этой связи конкурентоспособные налоги на товары, проходящие через Черное море, получили отголоски на другой стороне Азии, где морская торговля в портах Китая на побережье Тихого океана тоже выросла благодаря увеличению таможенных поступлений⁷⁸⁴.

Одной из областей, в которой все это оказалось эффективно, являлся экспорт тканей, производство которых сильно возросло в XIII и XIV веках. В Нишапуре, Герате и Багдаде было организовано текстильное производство, а Тебриз увеличился в четыре раза всего за столетие, чтобы разместить торговцев, производителей и ремесленников, отношение к которым после монгольских завоеваний стало явно лучше. Хотя на рынках Востока наблюдался огромный спрос на качественные ткани, начиная с XIII века огромные партии этого товара экспортировались в Европу⁷⁸⁵.

Горизонты расширились по всему миру. Китайские порты, например Гуанчжоу, долгое время служили для Южной Азии окнами в мир. Такие крупные торговые центры были хорошо известны персидским торговцам, арабским географам и мусульманским путешественникам, которые оставили рассказы об оживленных улицах городов на побережье и на континенте, а также предоставили информацию о разнообразном населении этих городов. Уровень сообщения и торговли был таков, что в современном китайском языке до сих пор можно встретить идиомы, которые пришли из персидского и арабского языков⁷⁸⁶.

В то же время знания китайцев об окружающем мире были отрывочны. Как показывает текст, написанный имперским чиновником, отвечающим за внешнюю торговлю Гуанчжоу в южном Китае, этот город располагался в прекрасной природной гавани в дельте реки Чжуцзян. Источники, написанные для торговцев, моряков и путешественников, делали смелую

⁷⁸² R. Prazniak, 'Siena on the Silk Roads: Ambrozio Lorenzetti and the Mongol Global Century, 1250–1350', *Journal of World History* 21.2 (2010), pp. 179–181; M. Kupfer, 'The Lost Wheel Map of Ambrogio Lorenzetti', *Art Bulletin* 78.2 (1996), pp. 286–310.

⁷⁸³ Ibn Battuta, *al-Riḥla*, tr. H. Gibb, *The Travels of Ibn Battuta*, 4 vols (Cambridge, 1994), 4, 22, pp. 893–894.

⁷⁸⁴ E. Endicott-West, 'The Yuan Government and Society', *Cambridge History of China*, 6, pp. 599–560.

⁷⁸⁵ Allsen, *Commodity and Exchange*, pp. 31–39.

⁷⁸⁶ C. Salmon, 'Les Persans à l'extrémité orientale de la route maritime (IIe a.e. – XVIIe siècle)', *Archipel* 68 (2004), pp. 23–58; а также L. Yingsheng, 'A Lingua Franca along the Silk Road: Persian Language in China between the 14th and the 16th Centuries', in R. Kauz (ed.), *Aspects of the Maritime Silk Road from the Persian Gulf to the East China Sea* (Wiesbaden, 2010), pp. 87–95.

попытку объяснить методы ведения бизнеса в арабоязычном мире и за его пределами, перечислить товары, которые там можно купить, и что ожидает там китайских торговцев. Но так же как и многие другие справочники для путешественников того периода, этот полон неточностей и полумифических сведений. Мекка, например, не была домом Будды и не являлась тем местом, куда буддисты совершали паломничество раз в год. Не было и земель, где женщины размножались, «отдавшись нагишом порывам южного ветра». Дыни в Испании не достигали шести футов в диаметре и не могли прокормить 20 человек. Так же как и овцы в Европе не достигали размера взрослого человека, и их не разрезали по весне, чтобы достать дюжину фунтов жира, и не зашивали обратно без всяких последствий⁷⁸⁷.

Когда большая часть Азии была объединена под властью монголов, произошло резкое улучшение торговых морских связей, особенно в стратегически и экономически важных местах, таких как Персидский залив. Эти места находились под пристальным вниманием новых властей, которые стремились поощрять международную торговлю и поднять доходы⁷⁸⁸. В результате культурный климат Гуанчжоу на протяжении XIII столетия становился все менее провинциальным.

К 1270-м годам город стал центром морской торговли. На каждый корабль, который отправлялся в Александрию с грузом перца для христианских стран, как сообщал Марко Поло в конце XIII века, приходилось около сотни, отправляющихся в порты Китая. Это соответствует тому, что вскоре после этого описал ибн Баттута. Когда он прибыл в город, то увидел сотни кораблей, а также более мелких судов, которые заходили в залив Гуанчжоу⁷⁸⁹. Объем торговли в Средиземноморье был большим, а в Тихом океане – огромным.

Чтобы понять, насколько важен стал город в коммерческом плане, не следует полагаться лишь на ненадежные письменные источники⁷⁹⁰. Исследования следов кораблекрушений примерно того периода показали, что товары импортировали со всей южной Азии, из Персидского залива и Восточной Африки. Перец, ладан, амбра, стекло и хлопок – вот лишь часть ценных грузов, которые увозили корабли с побережья Китая в районе 1271 года⁷⁹¹. В Южнокитайском море можно было встретить большое количество купцов. Они установили торговые посты на Малайском полуострове, по всему побережью Малабар в южной Индии, там, где находились самые большие запасы перца в мире, который издавна был любимейшим товаром в Китае, а также по всей Азии и в Европе⁷⁹². К середине XIV века по направлению к таким городам, как Калькутта, направлялось огромное количество кораблей. И многие наблюдатели отмечали, что практически весь морской транспорт, морские перевозки и путешествия в этом регионе были под контролем китайцев. Одну из их традиционных плоскодонку исследователи недавно нашли у побережья Кералы⁷⁹³.

«Смазочным материалом» для столь успешной торговли на дальних дистанциях было серебро, которое стало единой валютой по всей Евразии. Одной из причин стала иннова-

⁷⁸⁷ F. Hirth and W. Rockhill, *Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chu-fan-chi* (St. Petersburg, 1911), pp. 124–125, 151, 142–143.

⁷⁸⁸ См. R. Kauz, 'The Maritime Trade of Kish during the Mongol Period', in Komaroff (ed.), *Beyond the Legacy of Genghis Khan* (Leiden, 2006), pp. 51–67.

⁷⁸⁹ Marco Polo, *Le Devisement dou monde*, tr. A. Moule and P. Pelliot, *The Description of the World*, 2 vols (London, 1938); Ibn Baḥḥā, 22, *Travels*, 4, p. 894.

⁷⁹⁰ О Марко Поло см. J. Critchley, *Marco Polo's Book* (Aldershot, 1992), а также H. Vogel, *Marco Polo was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues* (Leiden, 2013).

⁷⁹¹ C. Wake, 'The Great Ocean-Going Ships of Southern China in the Age of Chinese Maritime Voyaging to India, Twelfth to Fifteenth Centuries', *International Journal of Maritime History* 9.2 (1997), pp. 51–81.

⁷⁹² E. Schafer, 'Tang', in K. Chang (ed.), *Food in Chinese Culture: Anthropological and Historical Perspective* (New Haven, 1977), pp. 85–140.

⁷⁹³ V. Tomalin, V. Sevakumar, M. Nair and P. Gopi, 'The Thaikkal-Kadakkapally Boat: An Archaeological Example of Medieval Ship Building in the Western Indian Ocean', *International Journal of Nautical Archaeology* 33.2 (2004), pp. 253–263.

ция в финансовой сфере, которая была реализована еще до времен Чингиз-хана и предполагала введение векселей и использование бумажных денег⁷⁹⁴. Эта система была принята и усовершенствована монголами, в результате чего в денежную систему было введено огромное количество серебра, а в обороте появились новые формы кредита. Доступность ценного металла неожиданно повысилась, что вызвало резкую корректировку его курса относительно золота. В некоторых частях Европы ценность серебра упала, цены на него снизились более чем наполовину между 1250 и 1338 годами⁷⁹⁵. Только в Лондоне огромные поставки серебра позволили увеличить производство монет в 4 раза между 1278 и 1279 годами. Производство резко выросло и на территории Азии. Даже правители Золотой Орды начали выпускать монеты в больших количествах⁷⁹⁶. Новые регионы также были простимулированы. Япония, которая по большей части опиралась на бартерный обмен или на использование продуктов для оплаты товаров, например риса, перешла на денежную экономику и стала гораздо активнее в международной торговле⁷⁹⁷.

Однако наиболее важный эффект на преобразование Европы в ходе монгольских завоеваний оказали не торговля, войны, культурные заимствования или денежные потоки. На кровеносную систему мира более радикальный эффект оказали болезни. Вспышка чумы прошла по Азии, Европе и Африке, угрожая убить миллионы. Монголы не уничтожили мир, но казалось, что с этим справится черная смерть.

Кроме того, что степи долгие столетия являлись домом для кочевников и их домашнего скота, это был один из величайших бассейнов чумы в мире. Переползая от одного очага к другому, чума добралась от Черного моря до самой Маньчжурии. Экологическая ситуация в засушливых и полувасушливых районах привела к распространению бактерии чумной палочки, которая передается в основном через блох, питающихся кровью. Чума быстро распространялась через грызунов, например крыс, хотя разносчиками заразы могли стать и верблюды, которые играли важную роль в транспортировке. По крайней мере так говорят исследования, тесно связанные с советской бактериологической программой времен холодной войны⁷⁹⁸. Хотя чума может распространяться через зараженные продукты или даже воздушным путем, человек может заразиться только через насекомых, которые передают заразу при питании или сквозь повреждения на коже. Затем бациллы переносятся в лимфатические узлы, например, в подмышечной впадине или паховой области, быстро размножаясь и вызывая образования бубонов, которые Боккаччо, переживший чуму, описывал как огромные, размером с яблоко или по крайней мере яйцо⁷⁹⁹. Затем поражаются и другие органы. Кровоизлияния и внутренние кровотечения вызывают появление черных мешков с гноем и кровью. Именно поэтому болезнь в равной степени смертельна и ужасна на вид.

Современные исследования чумной палочки и самой чумы позволили понять, что решающую роль сыграл экологический фактор и энзоотический цикл. Самая незначительная деталь может превратить болезнь из контролируемой в обширную эпидемию. Напри-

⁷⁹⁴ R. von Glahn, *Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China 1000–1700* (Berkeley, 1996), p. 48.

⁷⁹⁵ A. Watson, 'Back to Gold – and Silver', *Economic History Review* 20.1 (1967), pp. 26–27; I. Blanchard, *Mining, Metallurgy and Minting in the Middle Age: Continuing Afro-European Supremacy, 1250–1450* (Stuttgart, 2001), 3, pp. 945–948.

⁷⁹⁶ T. Sargent and F. Velde, *The Big Problem of Small Change* (Princeton, 2002), p. 166; J. Deyell, 'The China Connection: Problems of Silver Supply in Medieval Bengal', in J. Richards (ed.), *Precious Metals in the Later Medieval and Early Modern World* (Durham, NC, 1983); M. Allen, 'The Volume of the English Currency, 1158–1470', *Economic History Review* 54.4 (2001), pp. 606–607.

⁷⁹⁷ Реальный случай в Японии четырнадцатого века, A. Kuroda, 'The Eurasian Silver Century, 1276–1359: Commensurability and Multiplicity', *Journal of Global History* 4 (2009), pp. 245–269.

⁷⁹⁸ V. Fedorov, 'Plague in Camels and its Prevention in the USSR', *Bulletin of the World Health Organisation* 23 (1960), pp. 275–281. О более ранних экспериментах см. Цеисс А. Инфекционные заболевания у верблюдов, неизвестного до сих пор происхождения // Вестник микробиологии, эпидемиологии и паразитологии. – 1928. – № 7.1. – С. 98–105.

⁷⁹⁹ Boccaccio, *Decamerone*, tr. G. McWilliam, *Decameron* (London, 2003), p. 51.

мер, небольшой перепад в температуре может сказаться на размножении блох, что окажет значительное воздействие на размножение бактерии, а также на поведение грызунов-переносчиков⁸⁰⁰. Последние исследования показали, что увеличение температуры всего на один градус может привести к 50 %-му увеличению распространения чумы песчанками, основными грызунами степи⁸⁰¹.

Хотя невозможно понять, где в середине XIV века изначально возникла болезнь, чума стремительно распространилась в 1340-х годах. Вспышки чумы поразили степи, а следом Европу, Иран, Средний Восток, Египет и Аравийский полуостров⁸⁰². Болезнь получила особенное распространение в 1346 году: «загадочная болезнь, которая несла внезапную смерть», как описывал ее итальянский современник, стала выкашивать Золотую Орду с Черного моря. Монгольская армия, осаждавшая генуэзский торговый пост Каффа, после жаркого диспута о торговых терминах была практически уничтожена болезнью, которая, по словам одного наблюдателя, «убивала тысячи каждый день». Перед тем как уйти, «они приказали разместить трупы в катапультах и забросить их в город в надежде, что невыносимая вонь убьет всех внутри». И горожан также поразила страшная болезнь. Сами того не зная, монголы применили против своих врагов биологическое оружие⁸⁰³.

Торговые пути, соединявшие Европу с остальным миром, теперь стали путями ужаса, по которым бродила черная смерть. В 1347 году болезнь достигла Константинополя, а затем Генуи, Венеции и Средиземноморья. Туда ее привезли с собой торговцы, которые торопились бежать домой. К тому времени как жители Мессины в Сицилии поняли, что вместе с генуэзцами, которые прибывали к ним, покрытые нарывами, страдающие от постоянной тошноты и кашляющие кровью, прежде чем умереть, к ним пришла смерть, было уже слишком поздно: хотя генуэзские галеры были отправлены назад, болезнь уже закрепилась и начала уничтожать население⁸⁰⁴.

Чума быстро распространилась на север, добравшись до городов северной Франции к середине 1348 года. К тому времени корабли, отправляющиеся в порты Британии, уже привезли первую волну эпидемии⁸⁰⁵. В городах и деревнях Англии умирало так много народу, что папа «в своей милости объявил всем отпущение грехов». Согласно одному из современников, выжила едва ли десятая часть населения. Многие источники говорят о том, что умерших было столько, что не хватало живых, чтобы хоронить их⁸⁰⁶.

Вместо товаров и ценностей корабли, пересекающие Средиземное море, привозили смерть и разрушение. Инфекция передавалась не только при контакте с зараженными людьми или через крыс, которые всегда сопровождали морские путешествия. Даже товары в трюмах превратились в смертоносный груз.

⁸⁰⁰ T. Ben-Ari, S. Neerinckx, K. Gage, K. Kreppel, A. Laudisoit et al., 'Plague and Climate: Scales Matter', *PLoS Pathog* 7.9 (2011), pp. 1–6, а также В. Krasnov, I. Khokhlova, L. Fielden and N. Burdelova, 'Effect of Air Temperature and Humidity on the Survival of Pre-Imaginal Stages of Two Flea Species (Siphonaptera: Pulicidae)', *Journal of Medical Entomology* 38 (2001), pp. 629–637; K. Gage, T. Burkot, R. Eisen and E. Hayes, 'Climate and Vector-Borne Diseases', *American Journal of Preventive Medicine* 35 (2008), pp. 436–450.

⁸⁰¹ N. Stenseth, N. Samia, H. Viljugrein, K. Kausrud, M. Begon et al., 'Plague Dynamics are Driven by Climate Variation', *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 103 (2006), pp. 13110–13115.

⁸⁰² Некоторые ученые предполагают, что ранние находки были обнаружены на надгробиях на кладбищах в восточной части Кыргызстана, начиная с 1330-х годов, S. Berry and N. Gulade, 'La Peste noire dans l'Occident chrétien et musulman, 1347–1353', *Canadian Bulletin of Medical History* 25.2 (2008), p. 466. Однако это основано на недоразумении, см. J. Norris, 'East or West? The Geographic Origin of the Black Death', *Bulletin of the History of Medicine* 51 (1977), pp. 1–24.

⁸⁰³ Gabriele de' Mussis, *Historia de Morbo*, in *The Black Death*, tr. R. Horrox (Manchester, 2001), pp. 14–17; M. Wheelis, 'Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa', *Emerging Infectious Diseases* 8.9 (2002), pp. 971–975.

⁸⁰⁴ M. de Piazza, *Chronica*, in Horrox, *Black Death*, pp. 35–41.

⁸⁰⁵ *Anonimale Chronicle*, in Horrox, *Black Death*, p. 62.

⁸⁰⁶ John of Reading, *Chronica*, in Horrox, *Black Death*, p. 74.

Зараженные блохи попадали в пушнину и еду, предназначенную для Европы, портов Египта, Леванта и Кипра. Первыми жертвами становились дети и молодежь. Вскоре болезнь по караванным путям была передана в Мекку, где погибло огромное количество паломников и ученых, что породило множественные дискуссии. Пророк Мухаммед обещал, что чума, которая уничтожила Месопотамию в VII веке, никогда не зайдет в священные исламские города⁸⁰⁷.

В Дамаске, как писал ибн аль-Варди, чума «восседала, как король на троне и управляла человеческими жизнями, убивая каждый день тысячами и уничтожая население»⁸⁰⁸. Дорога между Каиром и Палестиной была завалена телами жертв, а трупы, сваленные у стен мечетей в Бильбейсе, рвали собаки. Между тем в Асьюте, в Верхнем Египте, количество налогоплательщиков снизилось с 6000 до пришествия черной смерти до 116, и это означало падение доходов на 98 %⁸⁰⁹.

Хотя такие сокращения населения могли спровоцировать оставшихся покинуть свои дома, не может быть никаких сомнений в том, что число погибших было просто огромным. «Вся мудрость и изобретательность человека» были бессильны предотвратить распространение болезни, как отмечал Боккаччо, итальянский ученый-гуманист в предисловии к «Декамерону». Всего за 3 месяца, писал он, только во Флоренции погибло более 100 000 человек⁸¹⁰. Венеция была опустошена. Источники соглашались, что во время вспышки умерло не меньше трех четвертей жителей⁸¹¹.

Многим казалось, что это означало конец света. В Ирландии францисканский монах, закончив свой рассказ о разрушениях, вызванных чумой, оставил пустое место «для продолжения моего труда в том случае, если кто-то останется в живых в будущем»⁸¹². Наблюдались все признаки надвигающегося апокалипсиса: во Франции летописцы писали о «дождях из жаб, змей, ящериц, скорпионов и других схожих ядовитых животных». Отмечались явные знаки недовольства Господа: огромные градины били землю, убивая людей дюжинами, а города и деревни сгорали дотла от молний, которые вызывали «вонючий дым»⁸¹³.

Некоторые, подобно королю Англии Эдуарду III, обратились к посту и молитве. Король Эдуард приказал своим священникам следовать его примеру. Арабские рукописные книги примерно 1350 года содержали указания для верующих делать то же самое. Специальная молитва, произнесенная 11 раз, обязательно должна была помочь, а распевание стихов о жизни Мухаммеда должно защитить от фурункулов. В Риме прошли торжественные процессии, в которых верующие шли босиком во власяницах, попутно бичуя себя, чтобы показать раскаяние в грехах своих⁸¹⁴.

Это были наименее изобретательные попытки успокоить гнев Господа. Один из священников в Швеции увещевал избегать секса и «любой плотской похоти к женщинам», также он рекомендовал не мыться и избегать южного ветра, по крайней мере, до обеда. Такие высказывания можно назвать примером оптимистического отношения и надежды. Однако существовали и другие взгляды: один из английских священников призывал женщин, равно

⁸⁰⁷ Ibn al-Wardī, *Risālat al-nabaʿ al-wabaʿ*, цитируется по B. Dols, *The Black Death in the Middle East* (Princeton, 1977), pp. 57–63.

⁸⁰⁸ M. Dods, 'Ibn al-Wardī's "Risalah al-naba" an al-waba', in D. Kouymjian (ed.), *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History* (Beirut, 1974), p. 454.

⁸⁰⁹ B. Dols, *Black Death in the Middle East*, pp. 160–161.

⁸¹⁰ Boccaccio, *Decameron*, p. 50.

⁸¹¹ de' Mussis, *Historia de Morbo*, p. 20; 'Continuation Novimontensis', in *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, 9, p. 675.

⁸¹² John Clynn, *Annalium Hibernae Chronicon*, in Horrox, *Black Death*, p. 82.

⁸¹³ Louis Heylgen, *Breve Chronicon Clerici Anonymi*, in Horrox, *Black Death*, pp. 41–42.

⁸¹⁴ Horrox, *Black Death*, pp. 44, 117–118; Dols, *Black Death in the Middle East*, p. 126.

как и всех остальных, носить другую одежду для их же собственного блага. Диковинные и откровенные наряды, в которых они ходили на охоту, просто напрашивались на божественное наказание. Проблемы начались, когда «они начали носить бесполезные маленькие капюшоны, украшенные кружевами и застегнутые на горле так туго, что они едва прикрывали плечи». Это было еще не все, ибо кроме этого они носили еще и чрезвычайно короткую одежду, которая не могла прикрыть их самые интимные части. Кроме всего прочего, «эта уродливая и тесная одежда не позволяла им вставать на колени перед Богом и другими святыми»⁸¹⁵.

В Германии распространялись дикие слухи о том, что болезнь имела не естественное происхождение, а была результатом того, что евреи отравили колодцы и реки. Последовали жестокие погромы, как указывает один из источников, «все евреи между Кельном и Австрией» были схвачены и сожжены заживо. Вспышки антисемитизма оказались настолько жестокими, что папа запретил любые насильственные действия в отношении еврейского населения в любой христианской стране и требовал, чтобы их товары и деньги не трогали⁸¹⁶. Другой вопрос, насколько это было эффективно. Сначала это действительно помогало, но, в конце концов, страх перед катастрофой и излишние религиозные излияния привели к масштабному уничтожению евреев на территории Германии. Во время Первого крестового похода в Рейнской области происходили такие же ужасные вещи. Как показывает история, во время кризиса опасно иметь разные верования.

Чума унесла, по крайней мере, одну треть населения Европы, а возможно, и больше. По самым скромным оценкам погибло около 25 миллионов человек из 75 миллионов⁸¹⁷. Более поздние исследования эпидемии чумы показали, что во время вспышек болезни в деревнях умирало больше людей, чем в городах. Возникло предположение, что ключевым фактором распространения чумы была не плотность населения (как полагали ранее), а плотность крысиных колоний. Болезнь не могла распространяться в городах быстрее, так как в более тесном городском окружении было больше домов на одну зараженную крысиную колонию, чем в деревне. Переезд из городов в деревню не увеличивал шансы обмануть коварную смерть⁸¹⁸.

Продвигаясь с полей на фермы, а затем в деревни, черная смерть сотворила ад на земле: везде валялись вонючие гниющие тела, которые сочились гноем на фоне страха, тревоги и всеобщего недоверия.

Эффект был сокрушительным. «Мы похоронили наши надежды вместе с нашими друзьями», — писал итальянский поэт Петрарка. Планы и амбиции дальнейших открытий и исследований на Востоке были омрачены черными мыслями. Единственным утешением, как писал Петрарка, было осознание того, что «мы последуем за теми, кто ушел до нас. Я не знаю, сколько нам придется ждать, но вряд ли очень долго». Все богатства Индийского океана, писал он, не могли восполнить то, что было сметено⁸¹⁹.

И все же, несмотря на ужас, который вызвала чума, она стала катализатором социально-экономических изменений. Они были невероятно значительными, болезнь не только привела к уничтожению большей части Европы, она создала ее новый облик. Трансформация заложила основы для подъема и триумфа Запада, который был достигнут в несколько этапов. Для начала был пересмотрен сам принцип действия социальных структур. Существенное уменьшение населения в результате вспышки черной смерти имело неожиданный

⁸¹⁵ Bengt Knutsson, *A Little Book for the Pestilence*, in Horrox, *Black Death*, p. 176; John of Reading, *Chronica*, pp. 133–134.

⁸¹⁶ S. Simonsohn (ed.), *The Apostolic See and the Jews: Documents, 492–1404* (Toronto, 1988), 1, no. 373.

⁸¹⁷ В целом см. здесь O. Benedictow, *The Black Death, 1346–1353: The Complete History* (Woodbridge, 2004), p. 380ff.

⁸¹⁸ O. Benedictow, 'Morbidity in Historical Plague Epidemics', *Population Studies* 41 (1987), pp. 401–431; O. Benedictow, *What Disease was Plague? On the Controversy over the Microbiological Identity of Plague Epidemics of the Past* (Leiden, 2010), esp. p. 289ff.

⁸¹⁹ Petrarch, *Epistolae*, in Horrox, *Black Death*, p. 248.

эффект: из-за удорожания труда возросла заработная плата. Очень многие умерли, прежде чем эпидемия наконец пошла на убыль в начале 1350-х годов. Один из источников отмечал нехватку служащих, ремесленников и рабочих, а также крестьян. Это давало тем, кто всегда был на нижней ступени социальной и экономической лестницы, шанс подняться. Некоторые из них просто «задрали носы и стали смотреть на работодателей свысока, соглашаясь на работу лишь за тройную оплату»⁸²⁰. И это даже нельзя назвать преувеличением. Источники показывают, что зарплаты в городах сильно выросли за десятилетия после вспышки черной смерти⁸²¹.

Улучшение положения крестьянства, рабочего класса и женщин сопровождалось ослаблением имущих классов. Землевладельцы были вынуждены принять новые условия и понизить арендные ставки, решив, что лучше получить небольшую прибыль, чем никакой вообще. Снижение арендной платы, уменьшение количества обязательств и увеличение сроков аренды привели к тому, что крестьянство и городские жители получили большие привилегии. Позже они были усилены падением процентных ставок, которые заметно снизились по всей Европе в XIV и XV веках⁸²².

Результаты оказались просто потрясающими. Теперь, когда богатства были распределены в обществе более равномерно, спрос на предметы роскоши, импортные и местные, возрос. Это произошло потому, что теперь большее количество народу могло позволить себе товары, которые раньше были недоступны⁸²³. На новые финансовые модели, созданные чумой, повлияли и другие факторы общественной жизни. Акцент сместился в пользу работающей молодежи. Именно они смогли быстрее всех оценить открывшиеся перед ними возможности. Уже менее стесненные в средствах из-за близости смерти, гораздо более высокооплачиваемые, чем их родители, и имеющие гораздо лучшие перспективы на будущее, представители нового поколения тратили деньги на свои увлечения, и не в последнюю очередь они интересовались модой⁸²⁴. Это стимулировало быстрое развитие европейской текстильной промышленности, фабрики вышли на такой уровень, что смогли серьезно повлиять на торговлю в Александрии. Европейцы даже начали экспортировать свои товары, наводнив ими рынки Среднего Востока, плачевное состояние которых резко контрастировало с ожившей европейской экономикой⁸²⁵.

Недавние исследования скелетных останков на кладбищах Лондона показывают, что повышение благосостояния привело к улучшению питания и здоровья в целом. Действительно, статистическое моделирование на основе результатов этих исследований демонстрирует, что одним из эффектов чумы было повышение продолжительности жизни. Жители постчумного Лондона были гораздо здоровее, чем до вспышки черной смерти. Средняя продолжительность жизни резко возросла⁸²⁶.

⁸²⁰ *Historia Roffensis*, in Horrox, *Black Death*, p. 70.

⁸²¹ S. Pamuk, 'Urban Real Wages around the Eastern Mediterranean in Comparative Perspective, 1100–2000', *Research in Economic History* 12 (2005), pp. 213–232.

⁸²² S. Pamuk, 'The Black Death and the Origins of the "Great Divergence" across Europe, 1300–1600', *European Review of Economic History* 11 (2007), pp. 308–309; S. Epstein, *Freedom and Growth: The Rise of States and Markets in Europe, 1300–1750* (London, 2000), pp. 19–26, а также M. Bailey, 'Demographic Decline in Late Medieval England: Some Thoughts on Recent Research', *Economic History Review* 49 (1996), pp. 1–19.

⁸²³ H. Miskimin, *The Economy of Early Renaissance Europe, 1300–1460* (Cambridge, 1975); D. Herlihy, *The Black Death and the Transformation of the West* (Cambridge, 1997).

⁸²⁴ D. Herlihy, 'The Generation in Medieval History', *Viator* 5 (1974), pp. 347–364.

⁸²⁵ О сокращении в Египте и Леванте – A. Sabra, *Poverty and Charity in Medieval Islam: Mamluk Egypt 1250–1517* (Cambridge, 2000).

⁸²⁶ S. DeWitte, 'Mortality Risk and Survival in the Aftermath of the Medieval Black Death', *Plos One* 9.5 (2014), pp. 1–8. Об улучшении питания – T. Stone, 'The Consumption of Field Crops in Late Medieval England', in C. Woolgar, D. Serjeantson and T. Waldron (eds), *Food in Medieval England: Diet and Nutrition* (Oxford, 2006), pp. 11–26.

Экономическое и социальное развитие в Европе происходило неравномерно. Более резкие изменения наблюдались на севере и северо-востоке континента, частично потому что в этом регионе отмечался более низкий экономический уровень, чем на более развитом юге. Это означало, что интересы арендодателей и арендаторов были тесно связаны, следовательно, они с большей вероятностью могли объединиться и сотрудничать для поиска решений, удовлетворяющих обе стороны⁸²⁷. Кроме того, важным моментом являлось то, что города на севере не имели того идеологического и политического багажа, который несли многие города Средиземноморья. Столетия региональной и межрегиональной торговли привели к созданию институтов и гильдий, которые контролировали рынок и определяли, кому будут отданы права на монополию. В Северной Европе, напротив, началось активное развитие, так как конкуренция ничем не сдерживалась. Это привело к более быстрым темпам урбанизации и экономического роста, чем на юге⁸²⁸.

В разных частях Европы также проявлялись различные стили поведения. В Италии, например, для женщин было гораздо меньше соблазнов, им было сложнее выйти на рынок труда. Они выходили замуж в том же возрасте и рожали столько же детей, сколько рожали до вспышки чумы. Это резко отличалось от того, что наблюдалось в северных странах, где демографический спад дал женщинам возможность начать зарабатывать. Одним из эффектов этого стало то, что женщины стремились выйти замуж в более позднем возрасте, что, в свою очередь, имело долгосрочные последствия для размеров семей. «Не торопитесь выходить замуж слишком рано», – советовала Анна Бейнс в стихотворении, написанном в Нидерландах, потому что «та, кто зарабатывает себе на пропитание и одежду, не должна страдать от мужского стержня... Хотя брак я не отрицаю, свобода от ига гораздо лучше! Счастлива женщина без мужчины!»⁸²⁹

Преобразования, спровоцированные черной смертью, заложили основы, которые оказались решающими для долгосрочного подъема Северо-Западной Европы. Хотя требовалось время, чтобы эффекты от различий между частями Европы дали о себе знать, открытость для конкуренции и, возможно, осознание северных стран, что география играет им не на руку и что для извлечения прибыли требуется много работать, – все это заложило основы для изменений в европейской экономике в самом начале современного периода. Как показывают исследования, корни индустриальной революции XVIII века лежат в постчумном мире. Именно тогда производительность росла, как и ожидания, уровень богатства и возможности потратить заработанное⁸³⁰.

Когда все тела были наконец похоронены, а черная смерть ушла окончательно и стала лишь страшным воспоминанием (периодически возвращаясь в небольших, вторичных вспышках), южная Европа также претерпела изменения. В 1370-х годах генуэзцы пытались извлечь выгоду из того, какой ужасный эффект чума оказала на Венецию, где страдания ощущались особенно остро, пытаясь забрать контроль над Адриатикой. Однако эта азартная игра имела неприятные и впечатляющие последствия: не имея возможности нанести решающий удар, Генуя неожиданно оказалась в очень уязвимом положении. Один за другим придатки, которые присоединялись к этому городу-государству на протяжении поколений и

⁸²⁷ Epstein, *Freedom and Growth*, pp. 49–68; van Bavel, ‘People and Land: Rural Population Developments and Property Structures in the Low Countries, c. 1300 – c. 1600’, *Continuity and Change* 17 (2002), pp. 9–37.

⁸²⁸ Pamuk, ‘Urban Real Wages’, pp. 310–311.

⁸²⁹ Anna Bijns, ‘Unyoked is Best! Happy the Woman without a Man’, in K. Wilson, *Women Writers of the Renaissance and Reformation* (Athens, 1987), p. 382. См. здесь T. de Moor and J. Luiten van Zanden, ‘Girl Power: The European Marriage Pattern and Labour Markets in the North Sea Region in the Late Medieval and Early Modern Period’, *Economic History Review* (2009), pp. 1–33.

⁸³⁰ J. de Vries, ‘The Industrial Revolution and the Industrious Revolution’, *Journal of Economic History* 54.2 (1994), pp. 249–270; J. Luiten van Zanden, ‘The “Revolt of the Early Modernists” and the “First Modern Economy”: An Assessment’, *Economic History Review* 55 (2002), pp. 619–641.

соединяли его со Средним Востоком, Черным морем и Северной Африкой, забирали соперники. Поражение Генуи стало победой для Венеции.

Освободившись от внимания давнего конкурента, Венеция поднялась, жизнь вернулась в нормальное русло, и город захватил контроль над торговлей специями. Перец, имбирь, мускатный орех и гвоздику доставляли по всей Александрии в огромных количествах. В среднем венецианские корабли привозили до 400 тонн перца в год из Египта и примерно столько же из Леванта. К концу XV века около 5 миллионов фунтов специй проходило через Венецию каждый год. Они приносили хорошую прибыль везде, где требовались для создания продуктов питания, лекарств и косметики⁸³¹.

Кроме того, оказалось, что специи – главный ингредиент для пигментов, используемых в живописи. Очень часто такие пигменты называли *oltremare de venesia*, или венецианские товары. В их число входили ярь-медянка (дословно – греческий зеленый), киноварь, пажитник, свинцово-оловянный желтый, жженная кость и заменитель золота, известный как сусальное золото. Самым известным и выдающимся из них был глубокий синий, который получали из лазурита, добываемого в Центральной Азии. Представители золотого века европейского искусства – Фра Анджелико и Пьеро делла Франческа в XV веке, а затем такие художники, как Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль и Тициан, – тем, что имеют возможность использовать цвета, полученные из таких пигментов, во многом обязаны расширению контактов с Азией, с одной стороны, и повышающейся покупательной способности, чтобы платить за них, – с другой⁸³².

Торговые миссии на Восток были настолько прибыльными, что они продавались с аукциона заранее, и счастливому покупателю гарантировались платежи в случае обвала рынка, краха транспортной системы и возникновения политических рисков. Как гордо говорил один венецианец, галеры отправлялись из города во всех направлениях – к побережью Африки, Бейрута, Александрии, островам Греции, на юг Франции и во Фландрию. Город настолько разбогател, что палатки там резко взлетели в цене, особенно в местах вблизи Риальто или собора Святого Марка. С учетом того, что земля была дорогим ресурсом, при строительстве использовали новые технологии, например, впечатляющие, но громоздкие и дорогие двойные лестницы были заменены на более практичные лестничные пролеты, которые требовали меньше места. Венецианцы гордились тем, что даже дома обычных торговцев были щедро украшены позолоченными потолками, мраморными лестницами и балконами. Окна были застеклены самым лучшим муранским стеклом. Венеция стала дистрибьютерским центром для европейской, африканской и азиатской торговли и могла пользоваться этим в полной мере⁸³³.

Процветала не только Венеция. Также поднялись города, которые располагались вдоль берега Далмации и служили в качестве перевалочных пунктов для перевозки импортных и экспортных товаров. Город Рагуза, современный Дубровник, процветал в XIV и XV веках. Между 1300 и 1450 годами богатство города увеличилось в 4 раза.

Доходы продолжали увеличиваться так стремительно, что был приостановлен сбор все увеличивающихся платежей. Город был настолько завален деньгами, что пришлось на время отказаться от рабства. Во времена такого изобилия казалось неверным не платить людям

⁸³¹ E. Ashtor, 'The Volume of Mediaeval Spice Trade', *Journal of European Economic History* 9 (1980), pp. 753–757; E. Ashtor, 'Profits from Trade with the Levant in the Fifteenth Century', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 38 (1975), pp. 256–287; Freedman, 'Spices and Late Medieval European Ideas', pp. 1212–1215.

⁸³² О венецианском импорте пигментов см. L. Matthew, "'Vendecolori a Venezia': The Reconstruction of a Profession", *Burlington Magazine* 114.1196 (2002), pp. 680–686.

⁸³³ Marin Sanudo, 'Laus Urbis Venetae', in A. Aricò (ed.), *La città di Venetia (De origine, situ et magistratibus Urbis Venetae) 1493–1530* (Milan, 1980), pp. 21–23; об изменении внутреннего пространства в этот период см. R. Good, 'Double Staircases and the Vertical Distribution of Housing in Venice 1450–1600', *Architectural Research Quarterly* 39.1 (2009), pp. 73–86.

за их работу⁸³⁴. Подобно Венеции, Рагуза также занималась созданием своей собственной торговой сети, развивая внешние связи с Испанией, Италией, Болгарией и даже Индией, где в Гоа была создана колония с церковью Святого Власия, покровителя Рагузы, в центре⁸³⁵.

Во многих частях Азии также наблюдался рост экономики и амбиций. Бизнес процветал в Южной Индии, в то время как китайские торговцы доходили до Персидского залива и даже дальше. Для обеспечения безопасности и качества товаров возникали гильдии, которые создавали монополии и препятствовали формированию конкуренции на местном уровне. Такие гильдии сосредоточили деньги и влияние в руках тех, кто занимал господствующее положение на побережье Малабара и в Шри-Ланке⁸³⁶. В рамках этой системы торговые отношения были формализованы, чтобы обеспечить точное и честное исполнение сделок. Согласно текстам, написанным китайским путешественником Ма Хуанем в начале XV века, цены для покупателя и продавца устанавливал комиссионер; все налоги и сборы были подсчитаны, и их нужно было выплачивать заранее, перед тем как товары были произведены и отгружены. Это создавало хорошие долгосрочные перспективы. «Люди там очень честные и заслуживают доверия», – добавлял Ма Хуань⁸³⁷.

Во всяком случае, такова была теория. К слову, города на юго-востоке Индии не находились в торговом вакууме, а жестко конкурировали друг с другом. Коччи стал соперником Калькутты в XV веке, после того как конкурентоспособный налоговый режим привлек сюда торговцев. Ситуация превратилась в аналог замкнутого круга, когда привлекла внимание китайцев. Целая серия грандиозных экспедиций под предводительством мусульманского евнуха, великого адмирала Чжен Хэ, была затеяна для того, чтобы продемонстрировать морскую мощь Китая, утвердить свое влияние и получить доступ к торговым маршрутам дальнего следования в Индийском океане, Персидском заливе и Красном море. При этом особое внимание уделялось установлению отношений с правителем Коччи⁸³⁸.

Эти миссии были частью более амбициозного плана, разработанного династией Мин, которая сменила монгольских правителей в середине XIV века. Крупные средства были затрачены на развитие Пекина, строительство инфраструктуры и обеспечение защиты города. Значительные ресурсы были направлены на обеспечение безопасности границы со степью на севере и на соперничество с возрождающейся в Маньчжурии Кореей.

Военное присутствие на юге позволило регулярно отправлять торговые миссии в Камбоджу и Сиам и в значительных количествах привозить оттуда местные товары и предметы роскоши в обмен на обещание мира. В 1387 году, например, королевство Сиам отправило в Китай 15 000 фунтов перца и сандалового дерева, а уже через два года количество перца, сандала и благовоний увеличилось в десять раз⁸³⁹.

Подобное расширение горизонтов, однако, имело свою цену. Первая экспедиция Чжен Хэ включала в себя 60 больших судов, несколько сотен небольших и около 30 000 матросов, что было весьма затратно. Нужно было оплатить постройку кораблей и дорогие подарки, которые адмирал взял с собой в качестве дипломатического инструмента. Эти и другие инициативы оплачивались за счет роста производства бумажных денег, а также за счет увеличе-

⁸³⁴ B. Krekic, 'L'Abolition de l'esclavage à Dubrovnik (Raguse) au XVe siècle: mythe ou réalité?', *Byzantinische Forschungen* 12 (1987), pp. 309–317.

⁸³⁵ S. Mosher Stuard, 'Dowry Increase and Increment in Wealth in Medieval Ragusa (Dubrovnik)', *Journal of Economic History* 41.4 (1981), pp. 795–811.

⁸³⁶ M. Abraham, *Two Medieval Merchant Guilds of South India* (New Delhi, 1988).

⁸³⁷ Ma Huan, *Ying-yai sheng-lan*, tr. J. Mills, *The Overall Survey of the Ocean's Shores* (Cambridge, 1970), p. 140.

⁸³⁸ T. Sen, 'The Formation of Chinese Maritime Networks to Southern Asia, 1200–1450', *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 49.4 (2006), pp. 427, 439–440; H. Ray, *Trade and Trade Routes between India and China, c. 140 BC – AD 1500* (Kolkata, 2003), pp. 177–205.

⁸³⁹ H. Tsai, *The Eunuchs in the Ming Dynasty* (New York, 1996), p. 148; T. Ju-kang, 'Cheng Ho's Voyages and the Distribution of Pepper in China', *Journal of the Royal Asiatic Society* 2 (1981), pp. 186–197.

ния квот на добычу, что привело к утроению доходов в этом секторе всего за десятилетие после 1390 года⁸⁴⁰. Улучшения в сельскохозяйственном секторе привели к резкому увеличению налоговых поступлений, а это стимулировало создание того, что один из современных исследователей назвал командной экономикой⁸⁴¹.

Счастливой судьбе Китая помогли преобразования в Центральной Азии, где к власти пришел вождь неясного происхождения, ставший самой известной фигурой позднего Средневековья. Достижения Тимура, или Тамерлана, описывали в пьесах в Англии, а его дикая агрессия стала частью самосознания индусов. Создавая великую империю, охватывающую земли монголов от Малой Азии до Гималаев, в 1360-х годах Тимур начал амбициозный проект по строительству мечетей и королевских зданий по всей территории своих владений, в таких городах, как Самарканд, Герат и Мешхед. Плотники, маляры, ткачи, швеи и резчики по камню – «в общем, умельцы всех видов», согласно одному из источников, были высланы из Дамаска, перед тем как его разграбили, чтобы украсить города на Востоке. Отчет посланника короля Испании ко двору Тимуридов содержит красочное описание строительства и подсчет потраченных на украшение новых зданий денег. Во дворце Аксарай возле Самарканда ворота были «красиво украшены золотыми и голубыми изразцами тонкой работы», а главный приемный зал «облицован золотыми и голубыми изразцами, в то время как потолок был полностью золотой». Даже прославленные мастера Парижа не смогли бы выполнить такую тонкую работу⁸⁴².

Но и это не шло ни в какое сравнение с двором Тимура, который был украшен золотыми деревьями «со стволами в человеческую ногу толщиной». Среди золотых листьев висели «фрукты», которые при более детальном изучении оказывались рубинами, изумрудами, бирюзой, сапфирами и большими, идеально круглыми жемчужинами⁸⁴³.

Тимур не боялся тратить деньги, которые забирал у покоренных им народов. Он покупал «самые лучшие в мире» шелка в Китае, а также мускус, рубины, бриллианты, разные специи. Караваны, состоящие из 800 верблюдов, везли товары в Самарканд. В отличие от некоторых, например, жителей Дели, 100 000 которых было казнено при взятии города, китайцы получили от возвышения Тимура выгоду⁸⁴⁴.

Однако им предстоит пострадать следующими. Согласно одному из источников, Тимур проводил время, размышляя о своей прежней жизни, и пришел к выводу, что ему необходимо искупить «мародерство, захват заложников и резню». Он решил, что лучшим способом сделать это будет развязывание священной войны против неверных, чтобы в соответствии с изречением «Добрые дела уничтожают плохие дела» эти грехи и преступления могли бы быть прощены. Тимур прекратил отношения с династией Мин и собирался напасть на Китай, однако в 1405 году умер⁸⁴⁵.

Проблемы не заставили себя ждать. Империя оказалась раздроблена, в провинциях Персии вспыхнули восстания, как только наследники Тимура начали распри за контроль над империей. Еще большие проблемы начались после мирового финансового кризиса XV века,

⁸⁴⁰ W. Atwell, 'Time, Money and the Weather: Ming China and the "Great Depression" of the Mid-Fifteenth Century', *Journal of Asia Studies* 61.1 (2002), p. 86.

⁸⁴¹ T. Brook, *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties* (Cambridge, MA, 2010), pp. 107–109.

⁸⁴² Ruy González de Clavijo, *Embajada a Tamorlán*, tr. G. Le Strange, *Embassy to Tamerlane 1403–1406* (London, 1928), 11, pp. 208–209.

⁸⁴³ Там же, 14, p. 270.

⁸⁴⁴ Там же, pp. 291–292. О распространении видения Тимуридов в искусстве и архитектуре см. T. Lentz and G. Lowry, *Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century* (Los Angeles, 1989), pp. 159–232.

⁸⁴⁵ Khvānd Mīr, *Habibu's-siyar*, Tome Three, ed. and tr. W. Thackston, *The Reign of the Mongol and the Turk*, 2 vols (Cambridge, MA, 1994), 1, p. 294; D. Roxburgh, 'The "Journal" of Ghiyath al-Din Naqqash, Timurid Envoy to Khan Baligh, and Chinese Art and Architecture', in L. Saurma-Jeltsch and A. Eisenbeiss (eds), *The Power of Things and the Flow of Cultural Transformations: Art and Culture between Europe and Asia* (Berlin, 2010), p. 90.

который затронул Европу и Азию. Кризис был вызван рядом причин, которые имели резонанс и 600 лет спустя: перенасыщением рынков, девальвацией валют и несбалансированностью платежной системы. Даже с учетом растущего спроса на шелк и другие предметы роскоши товаров было больше, чем требовалось. И дело не в том, что изменились аппетиты и люди насытились, сломался сам механизм: Европа, по сути, могла мало что дать в обмен на ткань, керамику и специи, которые так высоко ценились. Вместе с тем Китай производил больше, чем мог продать за границу, и, в конце концов, наступила предсказуемая развязка – покупательная способность стала снижаться. Результат часто описывали как «золотой голод»⁸⁴⁶. Сегодня мы бы назвали это кредитным кризисом.

В Китае работа чиновников оплачивалась не очень хорошо, и это приводило к коррупционным скандалам и возрастанию неэффективности. Хуже того, даже при правильной и справедливой оценке налогоплательщики не могли поспеть за иррациональными тратами правительства, которое финансировало грандиозные проекты, полагая, что доходы будут только возрастать. Этого не произошло, и к 1420-м годам самые богатые части Китая едва могли выполнить свои обязательства⁸⁴⁷. Этот пузырь должен был лопнуть, и это произошло в первой четверти XV века. Императоры династии Мин, чтобы сократить расходы, завершили усовершенствование Пекина, сократили дорогостоящие морские экспедиции и оставили такие проекты, как, например, строительство Великого канала, на создание которого требовались десятки, если не сотни тысяч, а также формирование водной сети, которая должна была соединить столицу с Ханчжоу⁸⁴⁸. В Европе усилия были направлены на то, чтобы справиться с сокращением денежного обращения, хотя связь между нехваткой драгоценных металлов, стремлением к накопительству и фискальной политикой является достаточно сложной⁸⁴⁹.

Одно было совершенно ясно, что мировые денежные запасы иссякли повсюду, от Кореи до Японии, от Вьетнама до Явы, от Индии до Османской империи, от Северной Африки до континентальной Европы. Купцы на Малайском полуострове взяли дело в свои руки и создали новую валюту из олова, которого там было в достатке. Проще говоря, запас драгоценных металлов, позволяющих связать финансовые системы мира воедино, хотя денежные единицы могли отличаться по весу и качеству, иссяк, поэтому замысел не удался, денег просто не хватило на всех⁸⁵⁰.

Вполне возможно, что эти трудности усугубились из-за климатических изменений. Голод, необычные периоды засухи в сочетании с разрушительными наводнениями в Китае показывают, какое мощное воздействие на экономический рост оказывает экологический фактор. Исследования сульфатных пород во льдах северного и южного полушарий позволяют предположить, что в XV веке наблюдалась высокая вулканическая активность. Это спровоцировало глобальное потепление в степях, где усиливавшаяся борьба за запасы еды

⁸⁴⁶ R. Lopez, H. Miskimin and A. Udovitch, 'England to Egypt, 1350–1500: Long-Term Trends and Long-Distance Trade', in M. Cook (ed.), *Studies in the Economic History of the Middle East from the Rise of Islam to the Present Day* (London, 1970), pp. 93–128; J. Day, 'The Great Bullion Famine', *Past & Present* 79 (1978), pp. 3–54; J. Munro, 'Bullion Flows and Monetary Contraction in Late-Medieval England and the Low Countries', in J. Richards (ed.), *Precious Metals in the Later Medieval and Early Modern Worlds* (Durham, NC, 1983), pp. 97–158.

⁸⁴⁷ R. Huang, *Taxation and Governmental Finance in Sixteenth-Century Ming China* (Cambridge, 1974), pp. 48–51.

⁸⁴⁸ T. Brook, *The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China* (Berkeley, 1998).

⁸⁴⁹ N. Sussman, 'Debasements, Royal Revenues and Inflation in France during the Hundred Years War, 1415–1422', *Journal of Economic History* 53.1 (1993), pp. 44–70; N. Sussman, 'The Late Medieval Bullion Famine Reconsidered', *Journal of Economic History* 58.1 (1998), pp. 126–154.

⁸⁵⁰ R. Wicks, 'Monetary Developments in Java between the Ninth and Sixteenth Centuries: A Numismatic Perspective', *Indonesia* 42 (1986), pp. 59–65; J. Whitmore, 'Vietnam and the Monetary Flow of Eastern Asia, Thirteenth to Eighteenth Centuries', in Richards, *Precious Metal*, pp. 363–393; J. Deyell, 'The China Connection: Problems of Silver Supply in Medieval Bengal', in Richards, *Precious Metal*, pp. 207–227.

и воды привела к беспорядкам, особенно в 1440-х годах. В целом это был период стагнации, тяжелое время грубой борьбы за жизнь⁸⁵¹.

Последствия ощущались повсюду, от Средиземноморья до Тихого океана, подогревая все растущее беспокойство о том, что происходило в мире. Хотя подъем империи Тимура не вызвал ужас в Европе, возвышение османов, безусловно, взволновало всех.

Османь переправились через Босфор в конце XIV века, нанесли сокрушительные поражения византийцам, болгарам и сербам и в итоге обосновались во Фракии и на Балканах. Судьба Константинополя висела на волоске, он представлял собой христианский остров посреди мусульманского моря. Отчаянные просьбы о военной поддержке, направленные королевским дворам Европы, остались без ответа, город находился под угрозой. В конце концов, в 1453 году столица империи пала. Захват одного из величайших городов христианского мира стал триумфом ислама, который снова оказался на подъеме. Источники говорят, что многие римляне плакали и били себя в грудь, когда пришли новости о падении Константинополя, а папа молился о тех, кто попался в городе в ловушку. Европа ничего не сделала, когда это было нужно, а теперь было слишком поздно.

Судьба Константинополя вызвала сильное беспокойство со стороны России, для которой возрождение ислама означало ни много ни мало неминуемый конец света. Существовали старые православные пророчества о том, что пришествие Иисуса придется на начало VIII тысячелетия и тогда людей ждет Страшный суд. Судя по всему, они были близки к исполнению. Силы зла были высвобождены и нанесли христианскому миру сокрушительный удар. Высшее духовенство было так уверено в апокалипсисе, что в Западную Европу был отправлен священник, который должен был выяснить, когда и где точно это произойдет. Некоторые решили, что не нужно высчитывать, на какие даты выпадет Пасха и другие праздники, так как конец света близок. Согласно византийскому календарю, которым пользовались в России, датой сотворения мира считался 5508 год до Рождества Христова, поэтому конец света должен был наступить в 1492 году⁸⁵².

На другом конце Европы некоторые также разделяли мнение о близящемся конце света. В Испании внимание было сфокусировано на мусульманах и евреях. Религиозная и культурная нетерпимость росла. Первых изгнали из Андалусии с помощью оружия, а последним предоставили выбор – принять христианство, уехать из Испании или умереть. Началась ликвидация их активов. Инвесторы забирали целые виноградники за отрезки ткани, а прекрасные поместья и дома продавались за бесценок⁸⁵³.

Хуже было то, что в течение десятилетия эти сделки должны были взлететь в цене.

Многие евреи отправились в Константинополь. Там их приветствовали мусульманские правители. «Вы говорите, что Фердинанд мудрый правитель, – якобы воскликнул Баязид II, приветствуя евреев, прибывших в город в 1492 году, – хотя он разоряет свою страну, обогащая мою»⁸⁵⁴. Это было не просто соревнование: сегодня это может смутить многих, но тогда, во времена раннего ислама, евреев не только уважали, но и приветствовали. Новым поселенцам дали права и юридическую защиту, во многих случаях им помогали начать новую жизнь в чужой стране. Терпимость являлась основной чертой общества, которое было уверено в себе и в собственной идентичности. Это гораздо больше, чем могло бы сказать о себе

⁸⁵¹ Atwell, 'Time, Money and the Weather', pp. 92–96.

⁸⁵² A. Vasil'ev, 'Medieval Ideas of the End of the World: West and East', *Byzantion* 16 (1942–1943), pp. 497–499; D. Strémooukhoff, 'Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine', *Speculum* (1953), p. 89; 'Drevnie russkie paskhalii na os'muiu tysiachu let ot sotvereniia mira', *Pravoslavnyi Sobesednik* 3 (1860), pp. 333–334.

⁸⁵³ A. Bernáldez, *Memorias de los reyes católicos*, ed. M. Gómez-Moreno and Carriazo (Madrid, 1962), p. 254.

⁸⁵⁴ I. Aboab, *Nomologia, o Discursos legales compuestos* (Amsterdam, 1629), p. 195; Altabé, *Spanish and Portuguese Jewry before and after 1492* (Brooklyn, 1983), p. 45.

христианское общество, где фанатизм и религиозный фундаментализм быстро стали определяющими характеристиками.

Одним из людей, которые были обеспокоены будущим веры, являлся Кристоаль Колон. Хотя по его собственным подсчетам, до второго пришествия было еще 155 лет, Колон был возмущен тем, что в вопросах религии верующие помогают лишь на словах, и особенно потрясен тем, что Европе не было никакого дела до Иерусалима. С пылом, граничащим с одержимостью, он начал разрабатывать новую кампанию по освобождению Священного города, в то же самое время раздумывая о драгоценных металлах, специях и драгоценных камнях, которые были столь дешевы в Азии⁸⁵⁵. Если бы только можно было получить к ним доступ, решил он, можно было бы легко профинансировать большой поход для освобождения Иерусалима⁸⁵⁶. Проблема заключалась в том, что он находился на Иберийском полуострове, совсем не в той части Средиземноморья, и это делало его великую идею просто несбыточной мечтой⁸⁵⁷.

Вполне возможно, надежда была. Астрологи и картографы, такие как Паоло Тосканелли во Флоренции, утверждали, что путь в Азию можно найти, если плыть к западу от края Европы. Колон приложил титанические усилия, чтобы убедить других разделить взгляды, которые граничили с безрассудством, и наконец его планы стали осуществляться. Для Великого хана были приготовлены письма и приветствия. В них было оставлено пустое место, которое следовало заполнить, когда будет установлено его точное имя. Он должен был стать союзником в восстановлении Иерусалима. Были наняты специальные толкователи, которые могли бы общаться с лидером монголов и его представителями.

Также были наняты специалисты, которые знали иврит, халдейский (он был связан с арамейским, на котором говорили Иисус и его ученики) и арабский языки, которые, как предполагалось, будут наиболее полезны при общении с ханом и его двором. Как отмечал один из ученых, активизация антимусульманских настроений в Европе означала, что арабский язык в Старом свете не одобряли и даже запрещали законом. Однако считалось, что он наиболее подходит для общения западных европейцев с представителями Дальнего Востока⁸⁵⁸.

Три корабля отплыли из Палос-де-ла-Фронтера в южной Испании 3 августа 1492 года, менее чем за месяц до предполагаемого конца света. Когда Кристоаль Колон, более известный как Христофор Колумб, поднял паруса и отправился в неизвестность, он еще не понимал, что собирается сделать нечто выдающееся. Он должен был сместить центр притяжения Европы с Востока на Запад.

Когда небольшой флот под командованием Васко да Гамы вышел из Лиссабона 5 лет спустя, чтобы совершить очередное длинное путешествие, полное открытий, в ходе которого он обогнул южное окончание Африки и попал в Индийский океан, трансформация Европы завершилась. Внезапно континент стал не конечной точкой Шелкового пути, он должен был стать центром мира.

⁸⁵⁵ Freedman, 'Spices and Late Medieval European Ideas', pp. 1220–1227.

⁸⁵⁶ V. Flint, *The Imaginative Landscape of Christopher Columbus* (Princeton, 1992), pp. 47–64.

⁸⁵⁷ C. Delaney, 'Columbus's Ultimate Goal: Jerusalem', *Comparative Studies in Society and History* 48 (2006), pp. 260–262.

⁸⁵⁸ Там же, pp. 264–265; M. Menocal, *The Arabic Role in Medieval Literary History: A Forgotten Heritage* (Philadelphia, 1987), p. 12. Тексты писем-заявлений – S. Morison, *Journals and Other Documents on the Life and Voyages of Christopher Columbus* (New York, 1963), p. 30.

11. Золотой путь

В конце XV века мир изменился. Апокалипсис, которого так боялся Колумб, не случился, по крайней мере, в Европе. Множество дальних экспедиций отправлялись из Испании и Португалии в Америку, Африку, Европу и, в конце концов, в Азию. В процессе этого были открыты новые торговые пути. В некоторых случаях они служили продолжением уже существующих, в других – заменяли собой старые. Идеи, товары и люди стали перемещаться дальше и быстрее, чем когда-либо в человеческой истории, к тому же в больших количествах.

Новый рассвет передвинул Европу в самый центр, окутал ее золотым сиянием и благословил золотым веком. Возвышение Европы, однако, принесло ужасные страдания вновь открытым народам. Все имело свою цену – величественные соборы, прославленные произведения искусства и все возрастающий начиная с XVI века уровень жизни. Все это оплачивали народы, которые жили за океаном: европейцы не только открывали новые земли, но и захватывали их жителей. Это стало возможно благодаря хорошо развитым военным и морским технологиям, которые обеспечивали европейцам преимущество над народами, с которыми они входили в контакт. Становление эпохи империй и рост Запада были обусловлены насилием в широких масштабах. Просвещение и Век разума, движение в сторону демократии, гражданских свобод и прав человека не были результатом невидимой цепи событий, связывающих современность с античными Афинами или естественным положением дел в Европе. Это были плоды политического и экономического успеха на дальних континентах.

Все это казалось невозможным, когда Колумб ставил паруса в 1492 году. Когда мы читаем его бортовой журнал, то чувствуем, что он наполнен волнением и страхами, оптимизмом и страстным желанием. Колумб должен был найти Великого хана, который сыграл бы важную роль в освобождении Иерусалима, но путешествие вполне могло закончиться смертью и катастрофой. Он направлялся на Восток, как он писал, «не по привычному пути, а по пути на Запад, по которому до этого, наверное, еще никто не проходил»⁸⁵⁹.

Тем не менее у этой амбициозной экспедиции были прецеденты. Путешествие Колумба и его команды стали частью длинного и успешного периода исследований, в ходе которого перед христианскими державами на Пиренейском полуострове были открыты новые районы в Африке и Восточной Атлантике. Частично это произошло из-за желания добраться до золотых рынков Западной Африки. Ресурсное богатство этого региона передавалось в легендах. Раннемусульманские писатели называли его «землей золота». Некоторые утверждали, что «золото растет там в песке, совсем как морковь, и его собирают на восходе». Другие думали, что у воды там магические свойства, из-за которых драгоценности растут в темноте⁸⁶⁰. Выход золота был потрясающим и имел огромный экономический эффект: химический анализ показывает, что египетские монеты тонкой чеканки были сделаны из золота, добытого в Западной Африке, которое перевозили по транссахарским торговым путям⁸⁶¹.

Большая часть коммерческого обмена с периода поздней античности контролировалась купцами вангара⁸⁶². Малийцы по происхождению, эти племена играли примерно такую

⁸⁵⁹ O. Dunn and J. Kelley (ed. and tr.), *The Diario of Christopher Columbus' First Voyage to America, 1492–1493* (Norman, OK, 1989), p. 19.

⁸⁶⁰ Ibn al-Faqīh, in N. Levtzion and J. Hopkins (eds), *Corpus of Early Arabic Sources for West African History* (Cambridge, 1981), p. 28.

⁸⁶¹ R. Messier, *The Almoravids and the Meanings of Jihad* (Santa Barbara, 2010), pp. 21–34. Также см. R. Messier, 'The Almoravids: West African Gold and the Gold Currency of the Mediterranean Basin', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 17 (1974), pp. 31–47.

⁸⁶² V. Monteil, 'Routier de l'Afrique blanche et noire du Nord-Ouest: al-Bakri (cordue 1068)', *Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire* 30.1 (1968), p. 74; I. Wilks, 'Wangara, Akan and Portuguese in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. 1. The Matter

же роль, как и согдийские купцы в Азии, перемещаясь по трудным дорогам и создавая перевалочные пункты вдоль опасных маршрутов в пустыне, что позволило им осуществлять торговлю на дальних дистанциях. Увеличение торгового трафика привело к необходимости создания сети оазисов и торговых баз, а также развитию и процветанию торговых городов, например Дженне, Гао и Тимбукту, где появились королевские дворцы и прекрасные мечети под защитой стен из обожженного кирпича⁸⁶³.

В начале XIV века Тимбукту, в частности, был не только важным коммерческим центром, но и убежищем для ученых, музыкантов, художников и студентов, которые собирались у мечетей Санкоре, Джингеребер и Сиди Яхья, служивших маяками интеллектуального дискурса и домом для бесчисленных манускриптов со всей Африки⁸⁶⁴.

Неудивительно, что регион привлекал внимание за тысячи миль. Каир буквально онемел от изумления, когда в XIV веке манса Муса, или царь царей империи малийцев, «преданный и честный человек», каких не было до того, прошел через город по пути в Мекку, совершая паломничество в сопровождении огромной свиты и везя с собой огромные суммы золота в качестве даров. Во время своего визита он потратил на рынке просто огромную сумму, и многие полагали, что такое вливание капиталов могло вызвать депрессию в районе Средиземноморья и Среднего Востока⁸⁶⁵.

Писатели и путешественники из дальних земель стали тщательно фиксировать происхождение династии малийских царей, а также дворцовые церемонии Тимбукту. Знаменитый путешественник из Северной Африки ибн Баттута, например, проехал всю Сахару, чтобы увидеть этот город и самого мансу Мусу. Правитель вышел из дворца в золотой тюбетейке и тончайшей тунике из наилучшей красной ткани. За ним следовали музыканты, которые играли на золотых и серебряных музыкальных инструментах. Затем он вошел в богато украшенный павильон, декорированный золотой птицей размером с сокола, чтобы выслушать дневные новости со всей империи. Учитывая потрясающее богатство, которое находилось в распоряжении короля, ибн Баттута был разочарован тем, что дары мансы Мусы были не столь щедры, по крайней мере, для него. «Это скупой король, – писал Баттута, – никто не может ждать от него хороших даров»⁸⁶⁶.

Интерес христианской Европы также подогревался рассказами о легендарных богатствах, которые можно было услышать на рынках, в Египте и вдоль побережья Северной Африки, где торговали золотом, в таких городах, как Тунис, Сеута и Буж, которые целыми столетиями были пристанищем торговцев из Пизы, Амалфи и прежде всего Генуи, главного канала сбыта африканского золота в Средиземноморье⁸⁶⁷. Несмотря на существующие тор-

of Bitu', *Journal of African History* 23.3 (1982), pp. 333–334.

⁸⁶³ N. Levtzion, 'Islam in West Africa', in W. Kasinec and M. Polushin (eds), *Expanding Empires: Cultural Interaction and Exchange in World Societies from Ancient to Early Modern Times* (Wilmington, 2002), pp. 103–114; T. Lewicki, 'The Role of the Sahara and Saharans in the Relationship between North and South', in M. El Fasi (ed.), *Africa from the Seventh to Eleventh Centuries* (London, 1988), pp. 276–313.

⁸⁶⁴ S. Mody Cissoko, 'L'Intelligentsia de Tombouctou aux 15e et 16e siècles', *Présence Africaine* 72 (1969), pp. 48–72. Эти рукописи были каталогизированы в шестнадцатом веке Мухаммедом аль-Унгэри и стали частью великолепной коллекции, которая принадлежит его потомкам и сейчас. Первоначальное сообщение о том, что документы были уничтожены туарегами в 2012 году, оказалось ошибочным.

⁸⁶⁵ Ibn Faḥl Allāh al-ʿUmarī, *Masālik al-abḥār fī mamālik al-amḥār*, tr. Levtzion and Hopkins, *Corpus of Early Arabic Sources*, pp. 270–271. Снижение ценности золота широко отмечают современные комментаторы; более скептический взгляд см. W. Schultz, 'Mansa Musa's Gold in Mamluk Cairo: A Reappraisal of a World Civilizations Anecdote', in J. Pfeiffer and S. Quinn (eds), *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods* (Wiesbaden, 2006), pp. 451–457.

⁸⁶⁶ Ibn Baḥḥā, *Travels*, 25, 4, p. 957.

⁸⁶⁷ B. Kreutz, 'Ghost Ships and Phantom Cargoes: Reconstructing Early Amalfitan Trade', *Journal of Medieval History* 20 (1994), pp. 347–357; A. Fromherz, 'North Africa and the Twelfth-Century Renaissance: Christian Europe and the Almohad Islamic Empire', *Islam and Christian Muslim Relations* 20.1 (2009), pp. 43–59; D. Abulafia, 'The Role of Trade in Muslim-Christian Contact during the Middle Ages', in D. Agius and R. Hitchcock (eds), *The Arab Influence in Medieval Europe* (Reading, 1994),

говые контракты, в Европе не очень понимали, каким именно образом золото попадало в прибрежные города, или то, как работали компании, которые доставляли слоновую кость, горный хрусталь, кожу и черепаховые панцири из самого Лимпопо на побережье Суахили, в глубь Африки, а также к Красному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану. С точки зрения Европы, Сахара была одеялом, скрывающим остальную часть континента за завесой тайны. Не было никакой возможности узнать, что скрывалось за узкой, плодородной полосой на побережье Северной Африки⁸⁶⁸.

В то же время существовала определенная уверенность в том, что за пустыней находятся огромные сокровища. Некоторые сведения были аккуратно зафиксированы в знаменитом Каталанском атласе, который был изготовлен по заказу Педро IV Арагонского в конце XIV века. Там есть изображение темнокожего правителя, предположительно мансы Мусы, одетого по западной моде. В руках у него изображен огромный золотой самородок, а в заметке рассказывается о масштабе его богатства: «запасы золота в его стране так велики», говорится там, «что это самый богатый и благородный король на земле»⁸⁶⁹.

Долгое время, однако, попытки добраться до золота и других сокровищ западной Африки напрямую оказывались бесплодными. Скудная береговая линия там, где сейчас находится Марокко и Мавритания, не была щедра на сокровища, и казалось, что нет смысла плыть за сотни миль на юг, в негостеприимную и необитаемую пустыню, в неизвестность. Однако в XV веке мир начал медленно открываться.

Экспедиции в Восточную Атлантику и вниз по африканскому побережью привели к открытию нескольких групп островов, включая Канарские, Азорские и Мадейру. Они увеличивали шансы на дальнейшие открытия и, кроме того, стали полноценными прибыльными оазисами, климат и плодородная почва которых идеально подходили для выращивания различных культур, таких как сахар, который не только экспортировали в Бристоль и Фландрию, но и довозили до самого Черного моря. К тому времени, как Колумб отправился в путь, только Мадейра производила более 3 млн. фунтов сахара в год, хотя и за счет того, что один ученый называл «экоцидом». Леса были расчищены, а неместные виды животных, например кролики, расплодились в таких количествах, что это больше напоминало кару Господню⁸⁷⁰.

Несмотря на то что амбициозные правители Кастилии, которые постепенно консолидировали власть на большей части Иберийского полуострова, положили глаз на этот новый мир, инициативу перехватили португальцы⁸⁷¹. Начиная с XIII века Португалия активно создавала торговые пути между Северной и Южной Европой и рынками Африки. Еще во времена короля Диниса (правил в 1279–1325 годах) большие транспортные корабли регулярно отправлялись во «Фландрию, Англию, Нормандию, Британию и Ла-Рошель», а также в Севилью и другие части Средиземноморья с товарами из мусульманской Северной Африки и других мест⁸⁷².

pp. 1–24.

⁸⁶⁸ См. новаторскую работу M. Horton, *Shanga: The Archaeology of a Muslim Trading Community on the Coast of East Africa* (London, 1996); а также S. Guérin, 'Forgotten Routes? Italy, Ifriqiya and the Trans-Saharan Ivory Trade', *Al-Masāq* 25.1 (2013), pp. 70–91.

⁸⁶⁹ D. Dwyer, *Fact and Legend in the Catalan Atlas of 1375* (Chicago, 1997); J. Messing, 'Observations and Beliefs: The World of the Catalan Atlas', in J. Levenson (ed.), *Circa 1492: Art in the Age of Exploration* (New Haven, 1991), p. 27.

⁸⁷⁰ S. Halikowski Smith, 'The Mid-Atlantic Islands: A Theatre of Early Modern Ecocide', *International Review of Social History* 65 (2010), pp. 51–77; J. Lúcio de Azevedo, *Epocas de Portugal Económico* (Lisbon, 1973), pp. 222–223.

⁸⁷¹ F. Barata, 'Portugal and the Mediterranean Trade: A Prelude to the Discovery of the "New World"', *Al-Masāq* 17.2 (2005), pp. 205–219.

⁸⁷² Письмо короля Португалии Диниса, 1293 год, J. Marques, *Descobrimentos Portugueses – Documentos para a sua História*, 3 vols (Lisbon, 1944–1971), 1, no. 29; о средиземноморских маршрутах см. С. – Е. Dufourcq, 'Les Communications entre les royaumes chrétiens et les pays de l'Occident musulman dans les derniers siècles du Moyen Âge', *Les Communications dans la Péninsule Ibérique au Moyen Âge. Actes du Colloque* (Paris, 1981), pp. 30–31.

Теперь же амбиции Португалии стали расти, так же как и ее мощь. Для начала Генуя была выдавлена с рынка торговли золотом. Затем в 1415 году после многих лет планирования Сеута, мусульманский город на побережье Северной Африки, был захвачен.

Это было больше, чем просто заявление о намерениях, так как данное завоевание имело стратегическое и экономическое значение. На самом деле такие действия оказались непродуктивными, поскольку были сопряжены со значительными расходами, привели к ухудшению долгосрочных коммерческих связей, а также испортили отношения с местным населением, в частности из-за проведенной в главной мечети города, которая была превращена в православную церковь, мессы⁸⁷³.

Это воинственное позерство было частью вражды по отношению к исламу, которая в то время возрастала по всему Иберийскому полуострову. Когда Генрих Мореплаватель, сын короля Португалии, в 1454 году написал папе письмо с просьбой признать монополию на плавание по Атлантике, он говорил, что им движет желание достичь «индейцев, которые, как говорят, восхваляют имя Христово, так что мы смогли бы... убедить их прийти на помощь христианам в борьбе с сарацинами»⁸⁷⁴.

Эти огромные амбиции не в полной мере описывают всю ситуацию, так как просьбы португальцев узаконить их экспансию были нацелены не столько против соперников, сколько против исламского мира. На самом деле успех Португалии был обусловлен не разногласиями с мусульманскими торговцами и не разрушением традиционных рынков, а появлением новых. Особенно важным стало открытие группы островов в Западной Атлантике, что способствовало продолжению разведки. Гавани и убежища на этих островах служили базой, на которой корабли могли пополнить запасы провизии и свежей воды, и благодаря этому корабли могли уплывать гораздо дальше от дома, находясь в большей безопасности.

Начиная с середины XV столетия в рамках расширения власти Португалии и установления контроля над важными морскими путями стали основываться колонии. Арген неподалеку от западного побережья современной Мавритании, Сан-Жоржи-да-Мина на побережье Атлантики возле современной Ганы были построены как крепости, в которых располагались обширные склады⁸⁷⁵. Такие действия были предприняты для возможности точной каталогизации импортных товаров. Это было важно для португальской короны, которая настаивала на том, что начиная с середины XV века торговля с Африкой являлась королевской монополией⁸⁷⁶. Была создана административная структура, которая должна была быть запущена в действие в каждой новой точке расширяющейся морской сети Португалии. Когда совершались новые открытия, например острова Кабо-Верде в 1450-х годах, использовался испытанный и проверенный шаблон⁸⁷⁷.

Кастильцы в это время не сидели на месте, они пытались ослабить хватку португальцев на вновь приобретенных точках путей, ведущих на юг, используя против кораблей, идущих под флагом противника, открытую силу. Страсти поутихли после заключения Алкасовашского договора в 1479 году. Это, с одной стороны, давало Кастилии контроль над Канарскими

⁸⁷³ Gomes Eanes de Zurara, *Crónica da Tomada de Ceuta* (Lisbon, 1992), pp. 271–276; A. da Sousa, 'Portugal', in P. Fouracre et al. (eds), *The New Cambridge Medieval History*, 7 vols (Cambridge, 1995–2005), 7, pp. 636–637.

⁸⁷⁴ A. Dinis (ed.), *Monumenta Henricina*, 15 vols (Lisbon, 1960–1974), 12, pp. 73–74, tr. P. Russell, *Prince Henry the Navigator: A Life* (New Haven, 2000), p. 121.

⁸⁷⁵ P. Hair, *The Founding of the Castelo de São Jorge da Mina: An Analysis of the Sources* (Madison, 1994).

⁸⁷⁶ J. Dias, 'As primeiras penetrações portuguesas em África', in L. de Albuquerque (ed.), *Portugal no Mundo*, 6 vols (Lisbon, 1989), 1, pp. 281–289.

⁸⁷⁷ M.-T. Seabra, *Perspectives da colonização portuguesa na costa ocidental Africana: análise organizacional de S. Jorge da Mina* (Lisbon, 2000), pp. 80–93; Z. Cohen, 'Administração das ilhas de Cabo Verde e seu Distrito no Segundo Século de Colonização (1560–1640)', in M. Santos (ed.), *História Geral de Cabo Verde*, 2 vols (1991), 2, pp. 189–224.

островами, а с другой – она упускала власть над другой группой островов и контроль над торговлей с Западной Африкой⁸⁷⁸.

Тем не менее это была не высокая политика, борьба за папские гранты или королевское соревнование за территориальные владения, открытые в Африке и изменившие судьбы Западной Европы. Настоящий прорыв произошел, когда капитаны кораблей поняли, что, помимо торговли маслом, кожей и золотом, новые земли открывали гораздо более впечатляющие перспективы. Как и много раз до этого в истории Европы, самую большую прибыль можно получить на торговле людьми.

В XV веке начался бум торговли африканскими рабами, и оказалось, что это очень прибыльное занятие. Наблюдался определенный спрос на рабочую силу для работы на фермах и полях в Португалии. Рабы поставлялись в таких количествах, что кронпринца, который спонсировал первые экспедиции, сравнивали не с кем иным, как с Александром Великим, так как он начал новый век империй. Это было незадолго до того, как дома богачей стали описывать как «полные рабов, мужчин и женщин», что позволяло их владельцам использовать свой капитал в других местах и становиться все богаче⁸⁷⁹.

Совсем немногие проявляли моральное отвращение к порабощению людей, захваченных в Западной Африке, хотя большинство источников говорили об эмпатии. Один из португальских летописцев говорит о столах, воплях и слезах группы африканцев, которых захватили в одном из походов на западном побережье и привезли в Лагос в 1444 году. Когда пленным стало ясно, что теперь необходимо расстаться, «отделить отцов от сыновей, мужей от жен, братьев от братьев», печаль их была велика, это почувствовали даже те, кто просто наблюдал за событиями. «Какое сердце, даже самое жесткое, не пронзит чувство жалости при виде этой компании?» – отмечал один из наблюдателей⁸⁸⁰.

Однако такая реакция была редкостью. Обычно ни продавцы, ни покупатели не заботились о тех, кого продавали. То же можно сказать и о короне, которая видела в рабах не только дополнительную рабочую силу, но и источник дохода за счет пятины, налога на одну пятую доходов от торговли с Африкой. Соответственно, чем большее количество рабов привозили и продавали, чем больше получала корона⁸⁸¹. И даже летописец, который утверждал, что был тронут тем, что увидел на причале в Лагосе, не испытывал никаких сомнений, когда 2 года спустя участвовал в походе за рабами, в котором женщина и ее двухлетний сын, собиравшие ракушки на пляже, были захвачены в плен вместе с четырнадцатилетней девочкой, сопротивлявшейся так яростно, что потребовалось трое мужчин, чтобы затолкнуть ее в лодку. В конце концов, сообщает летописец как бы между прочим, у нее «была приятная внешность для уроженки Гвинеи»⁸⁸². Мужчин, женщин и детей обычно отлавливали, как диких зверей на охоте. Некоторые убеждали кронпринца снарядить несколько судов и отправиться в поход. Он не только одобрил эту идею, но и «приказал... соорудить щиты с Крестом Ордена Иисуса Христа, по одному на каждый корабль». Работоторговля теперь находилась под патронажем как короны, так и Бога⁸⁸³.

⁸⁷⁸ L. McAlister, *Spain and Portugal in the New World, 1492–1700* (Minneapolis, MN, 1984), pp. 60–63; J. O’Callaghan, ‘Castile, Portugal, and the Canary Islands: Claims and Counterclaims’, *Viator* 24 (1993), 287–310.

⁸⁷⁹ Gomes Eanes de Zurara, *Crónica de Guiné*, tr. C. Beazley, *The chronicle of the discovery and conquest of Guinea*, 2 vols (London, 1896–1899), 18, 1, p. 61. О Португалии в этот период – М. – J. Tavares, *Estudos de História Monetária Portuguesa (1383–1438)* (Lisbon, 1974); F. Barata, *Navegação, comércio e relações políticas: os portugueses no Mediterrâneo ocidental (1385–1466)* (Lisbon, 1998).

⁸⁸⁰ Gomes Eanes de Zurara, *Chronicle*, 25, 1, pp. 81–82. Некоторые комментарии об этом сложном источнике – L. Barreto, ‘Gomes Eanes de Zurara e o problema da Crónica da Guiné’, *Studia* 47 (1989), pp. 311–369.

⁸⁸¹ A. Saunders, *A Social History of Black Slaves and Freeman in Portugal, 1441–1555* (Cambridge, 1982); T. Coates, *Convicts and Orphans: Forces and State-Sponsored Colonizers in the Portuguese Empire, 1550–1755* (Stanford, 2001).

⁸⁸² Gomes Eanes de Zurara, *Chronicle*, 87, 2, p. 259.

⁸⁸³ Там же, 18, 1, p. 62.

Большие заработки впечатлили далеко не всех в Европе. Один из путешественников из Польши в конце XV века был поражен отсутствием утонченности и элегантности у жителей страны. Португальские мужчины, писал он, «грубы, бедны, им не хватает хороших манер, кроме того, они невежественны, несмотря на их претензии на мудрость». Что касается женщин, «лишь немногие из них красивы, почти все они мужеподобны, хотя в целом у них красивые черные глаза». Помимо этого у них великолепные зады, добавлял он, «настолько изобильные, что, говоря по правде, во всем мире вряд ли найдется что-то приятнее глазу». Тем не менее следовало отметить, что, кроме всего прочего, женщины были непристойны, жадны, непостоянны, посредственны и развратны⁸⁸⁴.

Хотя работорговля оказала большое влияние на экономику Португалии, роль, которую она играла в освоении и разведывании длинного африканского побережья в XV веке, была важнее. Португальские суда продолжали плавать в южном направлении в поисках добычи, обнаруживая каждый раз, что чем дальше они заплывали, тем менее защищенными были поселения. Любопытных старейшин деревень и вождей, которые выходили, чтобы встретить суда, прибывающие из Европы, убивали на месте, а их щиты и копья забирали в качестве трофеев для короля или кронпринца⁸⁸⁵.

Вдохновленные возможностью получения богатой и легкой наживы, исследователи продолжали движение вдоль африканского побережья в последней четверти XV века. В дополнение к походам за рабами королем Португалии Жуаном II были отправлены корабли с эмиссарами. Он был заинтересован построить тесные взаимоотношения с могущественными местными правителями, чтобы оградить интересы своей страны от испанцев.

Одним из таких представителей был не кто иной, как Христофор Колумб. Он использовал свой опыт, чтобы рассчитать, что может понадобиться для обеспечения других дальних плаваний. В ожидании своего путешествия он также пытался использовать новую информацию о длине африканского побережья, чтобы оценить примерный размер Земли⁸⁸⁶.

Другие исследователи жили настоящим. В 1480-х годах Диогу Кан открыл устье реки Конго, проложив путь для официального обмена посольствами с могущественным правителем этого региона, который согласился принять христианство. Это порадовало португальцев, которые использовали эту возможность, чтобы улучшить свои отношения с папой в Риме, особенно когда король Конго развязал войну со своими врагами под знаком Креста⁸⁸⁷. В 1488 году южного окончания континента достиг исследователь Бартоломеу Диаш, который дал ему название Мыс Бурь, прежде чем вернуться домой из полного опасностей путешествия.

Португалия ревностно охраняла свои завоевания, поэтому, когда Колумб прибыл к Жуану II примерно в конце 1484 года с предложением отправить экспедицию на запад через Атлантику, он не был услышан. Хотя португальский король был заинтересован в достаточной степени, чтобы «тайно отправить корабли и попытаться сделать то, что (Колумб) предлагал», даже драматические открытия Диаша не повлекли за собой предположения, что главной задачей Португалии являлось удержание завоеванных земель в тех частях Нового света, с которыми она уже вошла в контакт, нежели продолжение экспансии⁸⁸⁸.

Все изменилось, когда Колумб нашел спонсоров в лице Фердинанда и Изабеллы, правителей Кастилии и Арагона, и в 1492 году отправился в путь. Новости о его открытиях

⁸⁸⁴ H. Hart, *Sea Road to the Indies: An Account of the Voyages and Exploits of the Portuguese Navigators, Together with the Life and Times of Dom Vasco da Gama, Capitão Mór, Viceroy of India and Count of Vidigueira* (New York, 1950), pp. 44–45.

⁸⁸⁵ Gomes Eanes de Zurara, *Chronicle*, 87, 2, p. 259.

⁸⁸⁶ J. Cortés López, 'El tiempo africano de Cristóbal Colón', *Studia Historica* 8 (1990), pp. 313–326.

⁸⁸⁷ A. Brásio, *Monumenta Missionaria Africana*, 15 vols (Lisbon, 1952), 1, pp. 84–85.

⁸⁸⁸ Ferdinand Columbus, *The Life of the Admiral Christopher Columbus by his Son Ferdinand*, tr. B. Keen (New Brunswick, NJ, 1992), p. 35; C. Delaney, *Columbus and the Quest for Jerusalem* (London, 2012), pp. 48–49.

по ту сторону Атлантики привели Европу в восторг. Новые земли и острова, как полагал Колумб, были частью «Индии до обнаружения Ганга», так он писал Фердинанду и Изабелле по пути обратно в Испанию. Эти новые территории были «безгранично плодородны... вне всякого сравнения с другими», специи росли там в таких огромных количествах, что их невозможно посчитать. Там же были большие «залежи золота и других металлов, только и ждущих, чтобы их начали разрабатывать», а также возможности внешней торговли с «материком... принадлежащим Великому Хану». Хлопок, мастика, алоэ, ревень, специи, рабы и «тысячи других ценных товаров» – все можно было найти здесь в изобилии⁸⁸⁹.

Колумб был смущен и озадачен тем, что он обнаружил. Вместо культурных людей, которых он ожидал встретить, он увидел местных жителей, которые расхаживали нагишом и, как казалось, были абсолютно примитивны. В то время как они были «очень хорошо сложены, с красивыми телами и приятными лицами», отмечал он, они также были доверчивы и приходили в восторг от даров в виде бусин и даже разбитых стеклышек и керамики. Они понятия не имели об оружии, когда им демонстрировали мечи, они брали их за лезвия, ранив себя «по незнанию»⁸⁹⁰.

В некоторой степени это были хорошие новости. Те, кого он встретил, «чрезвычайно кроткие и не знают зла», говорил он. Они «знают, что на небесах есть Бог и уверены, что мы пришли с небес. Они быстро запоминают молитвы, которым мы их обучаем, и научились знамению креста». Обращение их в святую веру, по мнению Колумба, было всего лишь делом времени⁸⁹¹.

Копии письма, которое рассказывало об экстраординарных открытиях, разошлись так быстро, что различные предположения высказывались в Базеле, Париже, Антверпене и Риме еще до того, как Колумб и его команда вернулись в родные воды. К этому моменту уже было создано то, что некоторые историки называют «сетью преувеличений, заблуждений и откровенной лжи»⁸⁹². Колумб не нашел золотых приисков, а растения, которые были приняты за корицу, ревень и алоэ, оказались совершенно другими. Там не было даже намека на присутствие Великого хана. Утверждение, что в новых землях были несметные сокровища, которые позволили бы в течение семи лет оплачивать 5000 единиц кавалерии и 50 000 пехотинцев для завоевания Иерусалима, было просто обманом⁸⁹³.

Такая же схема повторилась и тогда, когда Колумб отправился в свои следующие путешествия через Атлантику. Он снова уверил своих патронов, Фердинанда и Изабеллу, в том, что нашел золотые прииски, сваливая вину за то, что не может привезти более существенные доказательства, на болезни и местные проблемы с логистикой. В попытках скрыть правду он высылал попугаев, каннибалов и кастрированных пленников. Когда он был почти уверен, что находится близ Японии, во время своей первой экспедиции, он с уверенностью доложил, что находится рядом с шахтами Офира, в которых добывали золото для строительства Храма Соломона, обнаружив несколько впечатляющих самородков на острове Эспаньола. Позже, когда он достиг устья Ориноко, он утверждал, что нашел райские врата⁸⁹⁴.

⁸⁸⁹ C. Jane (ed. and tr.), *Select Documents Illustrating the Four Voyages of Columbus*, 2 vols (London, 1930–1931), 1, pp. 2–19.

⁸⁹⁰ O. Dunn and J. Kelley (eds and trs), *The Diario of Christopher Columbus's First Voyage to America, 1492–1493* (Norman, OK, 1989), p. 67.

⁸⁹¹ Там же, pp. 143–145.

⁸⁹² W. Phillips and C. Rahn Phillips, *Worlds of Christopher Columbus* (Cambridge, 1992), p. 185. О распространении писем по Европе – R. Hirsch, 'Printed Reports on the Early Discoveries and their Reception', in M. Allen and R. Benson (eds), *First Images of America: The Impact of the New World on the Old* (New York, 1974), pp. 90–91.

⁸⁹³ M. Zamora, 'Christopher Columbus' "Letter to the Sovereigns": Announcing the Discovery', in S. Greenblatt (ed.), *New World Encounters* (Berkeley, 1993), p. 7.

⁸⁹⁴ Delaney, *Columbus and the Quest for Jerusalem*, p. 144.

Некоторые из людей Колумба, взбешенные его одержимостью в управлении ходом экспедиции, тем, как скупно он распределял провизию, и тем, как легко он выходил из себя, когда кто-то не соглашался с его мнением, вернулись в Европу и пролили свет на отчеты адмирала, которые откровенно утомляли неоправданным оптимизмом. Пересечение Атлантики было просто фарсом, как объяснил правителям Испании Педро Маргарит, испанский исследователь, и Бернард Буил, монах-миссионер. Там не было золота и, кроме обнаженных индейцев, странных птиц и нескольких безделушек, привозить оттуда было нечего. Расходы на путешествие не покроются никогда⁸⁹⁵. Это был полный провал и одна из причин, почему внимание на этих новых территориях сместилось с материального богатства на эотику. Источники, описывающие в конце XV века открытые земли, сконцентрированы на необычных сексуальных практиках, сношениях в общественных местах и содомии⁸⁹⁶.

Затем все изменилось. В 1498 году, изучая полуостров Пария, там, где сейчас находится Венесуэла, Колумб обнаружил местных жителей в жемчужных бусах и вскоре после этого нашел группу островов, где было удивительно много жемчужных раковин. Исследователи бросились набивать корабль добычей. Современники описывали мешки, которые были полны жемчуга, причем некоторые жемчужины были «размером с орех, очень чистые и красивые», их отправили в Испанию. Капитаны и команды, которые привозили их домой, сколотили себе состояние⁸⁹⁷. Оживленность поддерживалась известиями о том, сколько еще жемчужин ожидали, пока их соберут, их невероятных размерах и прежде всего о ценах, за которые местные отдают жемчуг. Информация была сильно преувеличена и распространилась по всей Европе в виде слухов. Один из отчетов якобы был написан Америго Веспуччи, но, скорее всего, он является подделкой. В нем говорилось о том, что итальянский исследователь смог приобрести «119 марок жемчуга» (около 60 фунтов весом) в обмен на «всегонавсего колокольчики, зеркала, стеклянные бусины и латунные листики. Один (местный) торговал все свои жемчужины за 1 колокольчик»⁸⁹⁸.

Некоторые жемчужины были настолько большими, что стали знаменитыми сами по себе. Например, «La Peregrina» («Блуждающая жемчужина»), которая и по сей день остается одной из самых больших, а также жемчужина под названием «La Pelegrina» за ее непревзойденное качество.

Обе эти жемчужины столетиями хранились в королевских сокровищницах. Они изображены на портретах правителей кисти Веласкеса и являются основной частью легендарных современных коллекций, например коллекции, принадлежавшей Элизабет Тейлор.

За жемчужным изобилием последовали открытия золота и серебра, когда испанские исследователи в Центральной и Южной Америке вступили в контакт с такими сложными и интересными народами, как ацтеки и инки. Неизбежно разведка превратилась в завоевание. Еще во время первой экспедиции Колумб отметил, что европейцы сильно превосходили местных жителей в техническом плане. «Индийцы, – как он ошибочно их называл, – не имеют оружия, ходят нагишом и с оружием обращаться не умеют. Они настолько трусливы, что и тысяча не устоит против троих»⁸⁹⁹. На одном из банкетов они с удивлением смотрели на турецкий лук, который продемонстрировал им Колумб. Вслед за этим он показал им мощь

⁸⁹⁵ Bartolomé de las Casas, *Historia de las Indias*, 1.92, tr. P. Sullivan, *Indian Freedom: The Cause of Bartolomé de las Casas, 1484–1566* (Kansas City, 1995), pp. 33–34.

⁸⁹⁶ E. Vilches, ‘Columbus’ Gift: Representations of Grace and Wealth and the Enterprise of the Indies’, *Modern Language Notes* 119.2 (2004), pp. 213–214.

⁸⁹⁷ C. Sauer, *The Early Spanish Main* (Berkeley, 1966), p. 109.

⁸⁹⁸ L. Formisano (ed.), *Letters from a New World: Amerigo Vespucci’s Discovery of America* (New York, 1992), p. 84; M. Perri, ‘“Ruined and Lost”: Spanish Destruction of the Pearl Coast in the Early Sixteenth Century’, *Environment and History* 15 (2009), pp. 132–134.

⁸⁹⁹ Dunn and Kelley, *The Diario of Christopher Columbus’s First Voyage*, p. 235.

небольшой лангобардской пушки и тяжелое ружье, способное пробить доспех. Хотя вновь прибывшие и восхищались идиллией и наивностью людей, с которыми они встретились, они также очень гордились орудиями смерти, которые они веками использовали в битвах с мусульманами и своими же соседями-христианами в Европе⁹⁰⁰.

Во время первого своего визита Колумб уже говорил о пассивности и наивности тех, с кем он встретился. «Они созданы для того, чтобы ими командовали, и для работы. Они могут сажать и выращивать все, что может понадобиться, а также строить города и обучаться нашим обычаям», — писал он⁹⁰¹. С самого начала местное население было идентифицировано как потенциальные рабы. Жестокость очень скоро стала обычным делом. На острове Куба в 1513 году селяне, которые вышли приветствовать испанцев с дарами и угощением из рыбы и хлеба, «чтобы заполнить кладовые», по словам напуганного наблюдателя, были зверски убиты без «малейшей провокации с их стороны». Это был лишь один из многих примеров зверств. «Я видел... жестокость, равную которой не видело и не ожидало увидеть ни одно живое существо», — с испугом писал испанский монах Бартоломе де лас Касас о своих впечатлениях от действий первых европейских поселенцев, с целью предупредить тех, кто остался дома, о том, что происходит в Новом свете⁹⁰². То, что он видел, было лишь началом. Об этом говорится в блистательной книге, в которой описывается отношение к «индийцам», — «Истории Индии».

Коренное население стран Карибского бассейна и обеих Америк было практически уничтожено. За несколько десятилетий после первого путешествия Колумба численность народов таино упала с полумиллиона до почти двух тысяч. Отчасти это произошло из-за свирепого отношения тех, кто стал называть себя «конкистадорами», или завоевателями. Например, кровавые походы Эрнана Кортеса, направленные на исследование и защиту Центральной Америки, окончились смертью правителя ацтеков Монтезумы и падением империи ацтеков. Для того чтобы обогатиться, Кортес не останавливался ни перед чем. «Я и мои соратники, — говорил он ацтекам, — страдаем от редкого заболевания сердца, которое можно излечить лишь золотом»⁹⁰³. Он якобы говорил Монтесуме: «Не бойтесь. Мы очень любим вас. Сегодня наши сердца находятся в покое»⁹⁰⁴.

Кортес прекрасно управлял ситуацией. Истории о том, что его успехи были обусловлены тем, что ацтеки считали его проявлением бога Кетцалькоатля, являются более поздними приписками⁹⁰⁵. Заключив союз с Хикотенкатлем, лидером тласкалов, который стремился извлечь выгоду из гибели ацтеков, испанцы приступили к ликвидации очень сложно устроенного сообщества⁹⁰⁶. Как это уже стало традиционным в других местах, к местным жителям относились с презрением. Местные народы, как писал один из наблюдателей в середине XVI века, «настолько трусливы, что один только устрашающий вид наших людей заставляет их падать от страха... небольшое число испанцев вынуждает их бежать как жен-

⁹⁰⁰ Там же, pp. 285–287.

⁹⁰¹ Там же, pp. 235–237.

⁹⁰² Bartolomé de las Casas, *Historia*, 3.29, p. 146.

⁹⁰³ Francisco López de Gómara, *Cortés: The Life of the Conqueror by his Secretary*, tr. L. Byrd Simpson (Berkeley, 1964), 27, p. 58.

⁹⁰⁴ Bernardino de Sahagún, *Florentine Codex: General History of the Things of New Spain. Book 12*, tr. A. Anderson and C. Dibble (Santa Fe, NM, 1975), p. 45; R. Wright (tr.), *Stolen Continents: Five Hundred Years of Conquest and Resistance in the Americas* (New York, 1992), p. 29.

⁹⁰⁵ S. Gillespie, *The Aztec Kings: The Construction of Rulership in Mexican History* (Tucson, AZ, 1989), pp. 173–207; C. Townsend, 'Burying the White Gods: New Perspectives on the Conquest of Mexico', *American Historical Review* 108.3 (2003), pp. 659–687.

⁹⁰⁶ Изображение сейчас находится в картинной галерее «Хантингтон» в Остине, штат Техас, на нем Кортеса приветствует лидер тласкалов, который стремился использовать в своих интересах вновь прибывших, чтобы укрепить свое положение в Центральной Америке.

щин». В суждениях, мудрости и добродетели, писал он, «они как дети перед взрослыми». На самом деле, продолжал он, они больше похожи на обезьян, чем на людей, то есть они вряд ли могут считаться людьми⁹⁰⁷.

Благодаря своей жестокости, которая была сравнима с жестокостью монголов, покрывших Азию, Кортес и его люди смогли захватить сокровища ацтеков, мародерствуя «как маленькие дикие звери... каждого из них обуяла жадность», так гласит источник, написанный в XVI веке по свидетельствам очевидцев. Были захвачены эксклюзивные предметы, включая «ожерелье из тяжелых камней, сандалии потрясающей работы, браслеты, браслеты на ногу с маленькими золотыми колокольчиками и черепаховая диадема, символ правителя, которую мог носить только он сам».

Золото было снято со щитов и прочих предметов и расплавлено в слитки, изумруды и нефрит были просто разграблены. «Они забрали все»⁹⁰⁸.

И даже этого было недостаточно. Одним из величайших злодеяний раннесовременного периода стало то, что во время религиозного праздника были перебиты вся знать и духовенство Теночтитлана, столицы ацтеков. Небольшое испанское войско вошло в состояние берсерков. Они отрубили руки барабанщикам, прежде чем напасть на толпу с копьями и мечами. «Кровь... текла как вода, как слизистая вода, запах крови наполнил воздух», в то время как европейцы ходили от двери к двери в поисках новых жертв⁹⁰⁹. Однако коренное население было уничтожено не только за счет применения силы и создания удачных альянсов. Свое дело сделали и болезни, завезенные из Европы⁹¹⁰. Население Теночтитлана погибало в огромных количествах из-за вспышек заразной оспы, к которой у них не было никакого иммунитета и которая впервые появилась около 1520 года⁹¹¹. Последовал голод. Уровень смертности среди женщин был особенно высок, и сельское хозяйство, за которое они в основном отвечали, пришло в упадок. Все стало гораздо хуже, когда люди стали бежать от болезни. Не осталось никого, кто мог бы посадить и собрать урожай. Очень скоро система поставок продовольствия полностью разрушилась. Смертность от болезней и голода была катастрофической⁹¹². Разразилась ужасающая эпидемия. Предположительно это был грипп, но более вероятно, новая вспышка оспы, которая унесла большую часть народа какчикели в Гватемале в 1520-х годах. Вонь от трупов висела в воздухе, а собаки и грифы пожирали их. Затем, через несколько лет, население поразила новая болезнь, на этот раз корь. У жителей Нового света не было никаких шансов на выживание⁹¹³.

Морские пути в Европу теперь были загружены судами из Южной и Северной Америки. Это была новая торговая сеть, которая могла конкурировать с азиатской, как по расстоянию, так и по размаху, и очень скоро превзошла ее по объему перевозимых товаров. Огромные количества серебра, золота, драгоценных камней и других сокровищ переправлялись через Атлантику. Рассказы о богатствах Нового света были сильно приукрашены. Один из

⁹⁰⁷ J. Ginés de Sepúlveda, *Demócrates Segundo o de la Justas causas de la Guerra contra los indios*, ed. A. Losada (Madrid, 1951), pp. 35, 33. Сравнение с обезьянами было вычеркнуто из рукописи, используемой Лосадой, A. Pagden, *Natural Fall of Man: The American Indian and the Origins of Comparative Ethnology* (Cambridge, 1982), p. 231, n. 45.

⁹⁰⁸ Sahagún, *Florentine Codex*, 12, p. 49; Wright (tr.), *Stolen Continents*, pp. 37–38.

⁹⁰⁹ Sahagún, *Florentine Codex*, 12, pp. 55–56.

⁹¹⁰ I. Rouse, *The Tainos: Rise and Decline of the People who Greeted Columbus* (New Haven, 1992); N. D. Cook, *Born to Die: Disease and New World Conquest, 1492–1650* (Cambridge, 1998).

⁹¹¹ R. McCaa, 'Spanish and Nahuatl Views on Smallpox and Demographic Catastrophe in Mexico', *Journal of Interdisciplinary History* 25 (1995), pp. 397–431. В целом см. A. Crosby, *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492* (Westport, CT, 2003).

⁹¹² Bernardino de Sahagún, *Historia general de las cosas de Nueva España* (Mexico City, 1992), p. 491; López de Gómara, *Life of the Conqueror*, 141–142, pp. 285–287.

⁹¹³ Cook, *Born to Die*, pp. 15–59, а также Crosby, *Columbian Exchange*, pp. 56, 58; C. Merbs, 'A New World of Infectious Disease', *Yearbook of Physical Anthropology* 35.3 (1993), p. 4.

известных источников XVI века говорил об огромных золотых самородках, которые вымывались из холмов прямо в реки, откуда местные жители доставали их сетями⁹¹⁴.

В отличие от сказок, рассказанных Колумбом в его первых, лживых докладах, теперь драгоценные металлы действительно текли в Европу рекой.

Альбрехт Дюрер, который увидел сокровища ацтеков в 1520 году, был поражен мастерством, с которым они были сделаны. «Ничего, что я видел за всю мою жизнь, не наполняло мое сердце такой радостью, как эти вещи», – писал он о сокровищах, которые включали «золотое солнце» и серебряную луну около шести футов в ширину. Он был поражен «удивительными произведениями искусства», восхищался «тонкостью и изобретательностью людей из дальних земель», которые их создали⁹¹⁵. Мальчишки, подобно Педро Сьеса де Леону, который вырос и стал конкистадором в Перу, стояли на причале в Севилье, с изумлением наблюдая, как с одного корабля за другим целыми телегами выгружали сокровища⁹¹⁶.

Амбициозные люди ринулись за Атлантический океан, чтобы воспользоваться возможностями, которые предоставлял Новый свет. Вооруженные контрактами и концессиями испанской короны, закаленные люди, такие как Диего де Ордас, который сопровождал Кортеса в Мексике, а затем возглавил экспедиции по исследованию Центральной Америки в том месте, где сейчас находится Венесуэла, сделали себе целые состояния, вымогая дань у местного населения. Королевская казна Испании сильно увеличилась, так как корона получала свою долю⁹¹⁷.

Это было незадолго до того, как начался систематический сбор информации и были составлены надежные карты, на которых отмечали новые находки. Штурманы проходили надлежащую подготовку, а привезенные товары тщательно переписывали и надлежащим образом облагались налогом⁹¹⁸. Словно завелся хорошо настроенный мотор, который качал богатства из Центральной и Южной Америки прямо в Европу.

В дополнение к этому благодаря счастливому стечению обстоятельств, узам брака, неудавшейся беременности и разорванной помолвке королевства Неаполя, Сицилии и Сардинии, а также земли в Бургундии, Нидерландах и Испании перешли к одному наследнику. Имея неограниченные средства, которые текли через Атлантический океан, испанский король Карл V не только стал хозяином новой империи в обеих Америках, но и доминантной фигурой в европейской политике. Амбиции возросли в 1519 году, когда Карл усилил свои позиции. Используя свои невероятные финансовые возможности, он обеспечил себе избрание в качестве императора Священной Римской империи⁹¹⁹.

Удача Карла оказалась пагубной для остальных европейских лидеров, которых обошел и перехитрил целеустремленный правитель, намеревавшийся увеличить свою власть. Благодаря своему богатству и влиянию он занимал совсем иную позицию, нежели Генрих VIII Английский, чье положение было плачевным.

Его доходы были ничтожны по сравнению с доходами церкви в его же стране, не говоря уже о испанском покровителе. Генрих, по словам венецианского посла в Лондоне, «имел очень красивые икры» и причесывал короткие прямые волосы «на французский манер». У

⁹¹⁴ Fernández de Enciso, *Suma de geografía*, cited by E. Vilches, *New World Gold: Cultural Anxiety and Monetary Disorder in Early Modern Spain* (Chicago, 2010), p. 24.

⁹¹⁵ V. von Hagen, *The Aztec: Man and Tribe* (New York, 1961), p. 155.

⁹¹⁶ P. Cieza de León, *Crónica del Perú*, tr. A. Cook and N. Cook, *The Discovery and Conquest of Peru* (Durham, NC, 1998), p. 361.

⁹¹⁷ О Диего де Ордасе см. C. García, *Vida del Comendador Diego de Ordaz, Descubridor del Orinoco* (Mexico City, 1952).

⁹¹⁸ A. Barrera, 'Empire and Knowledge: Reporting from the New World', *Colonial Latin American Review* 15.1 (2006), pp. 40–41.

⁹¹⁹ H. Rabe, *Deutsche Geschichte 1500–1600. Das Jahrhundert der Glaubensspaltung* (Munich, 1991), pp. 149–153.

него было круглое лицо, «такое красивое, что подошло бы и хорошенькой девушке». И он не мог выбрать времени хуже, чтобы начать разбираться со своими домашними делами⁹²⁰.

Когда Карл V стал управлять большей частью Европы и папским двором, Генрих стал настаивать на аннулировании своего брака, чтобы иметь возможность жениться на Анне Болейн. Эта женщина, по словам одного из современников, «не была красивейшей женщиной в мире», однако у нее были потрясающие глаза, «черные и красивые». Это было безрас-судно хотя бы потому, что отвергнутой женой была не кто иная, как родная тетка Карла V, Екатерина Арагонская⁹²¹. В ходе переворота, который последовал за папским отказом санк-ционировать развод, король Англии не только вступил в схватку с папством, он выступил против богатейшего человека в мире, хозяина континентов.

Увеличение значения Испании в Европе и ее стремительное расширение в Централь-ной и Южной Америке были сродни чуду. Значительный рост богатства, власти и возмож-ностей позволил Испании превратиться из провинциального государства, которое находи-лось не на той стороне Средиземноморья, в силу мирового масштаба. Испанский летописец писал, что это было «самое великое событие со времен Сотворения – несколько иное, нежели воплощение и смерть Творца»⁹²². Другому летописцу было совершенно ясно, что сам Бог показал испанцам «провинции Перу, в которых были сокрыты огромные сокровища из золота и серебра». Будущие поколения, как говорил Педро Мексия, не поверят, какие огром-ные запасы этих драгоценных металлов были найдены⁹²³.

За открытием Америки последовал приток рабов, которых привозили на рынки Порту-галии. Португальцы, закрепившиеся на островах Атлантики и побережье Западной Африки, знали, как дороги были европейские поселения. Такие поселения не всегда оказывались эко-номически выгодны, к тому же создать их было достаточно сложно. Убедить семьи рас-статься со своими любимыми было тяжелой задачей, а высокая смертность и тяжелые усло-вия жизни в новых землях делали ее еще сложнее. Поэтому было принято решение отсылать сирот и осужденных насильно в такие места, как Сан-Томе, а также использовать систему льгот и стимулов, например, предоставлять поселенцам «личного раба мужского или жен-ского пола». Это могло помочь сформировать основу, на которой уже могла быть создана административная система⁹²⁴.

В течение трех десятилетий после путешествия Колумба испанская корона офици-ально регулировала работорговлю из Африки в Новый свет и давала лицензии португаль-ским купцам, чьи сердца и умы были закалены опытом работорговли целых поколений⁹²⁵. Спрос в регионе был просто фантастический, в основном из-за того, что насилие и болезни сильно сократили среднюю продолжительность жизни. Так же как и в случае с всплеском в исламском мире в VIII веке, концентрация богатства в одной части света сильно повышала спрос на рабов из другой части. Богатство и неволя шли рука об руку.

Это было незадолго до того, как африканские лидеры начали протестовать. Король Конго отправил целую серию прошений королю Португалии, в которых осуждал рабство. Он протестовал против того, что молодых юношей и девушек, включая отпрысков из знат-

⁹²⁰ Письмо Пьетро Паскуалиго, in J. Brewer (ed.), *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII*, 23 vols (London, 1867), 1.1, pp. 116–117.

⁹²¹ Об Анне Болейн см. *Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice, and in Other Libraries of Northern Italy*, ed. R. Brown et al., 38 vols (London, 1970), 4, p. 824.

⁹²² Francisco López de Gómara, *Historia general de las Indias*, ed. J. Gurriá Lacroix (Caracas, 1979), 1, p. 7.

⁹²³ Pedro Mexía, *Historia del emperador Carlos V*, ed. J. de Mata Carrizo (Madrid, 1945), p. 543, а также здесь Vilches, *New World Gold*, p. 26.

⁹²⁴ F. Ribeiro da Silva, *Dutch and Portuguese in Western Africa: Empires, Merchants and the Atlantic System, 1580–1674* (Leiden, 2011), pp. 116–117; Coates, *Convicts and Orphans*, pp. 42–62.

⁹²⁵ E. Donnan (ed.), *Documents Illustrative of the History of the Slave Trade to America*, 4 vols (Washington, DC, 1930), 1, pp. 41–42.

ных семей, похищали среди белого дня для дальнейшей продажи европейским торговцам, которые затем клеймили их раскаленным железом⁹²⁶. Португальский правитель ответил, что ему стоит перестать жаловаться. Конго – большая страна, которая могла себе позволить лишиться некоторых жителей. В любом случае он получал хорошую прибыль, в том числе и от работорговли⁹²⁷.

Некоторые европейцы осуждали работорговлю и концентрацию на извлечении выгоды из открытых земель. Хотя идея восстановления Иерусалима отошла на задний план, на ее месте возникла идея евангелизации⁹²⁸. Европейские поселенцы в Южной Америке, писал со злостью один иезуит в 1559 году, «не могли понять», что целью колонизации «было не обрести золото или серебро, или заставить людей строить мельницы, или... привозить богатства (домой)... это делалось для прославления католической веры и спасения душ»⁹²⁹. Смысл был в том, чтобы распространить слово Господне, а не заработать денег. Это был явный отголосок протестов христианских миссионеров, путешествовавших по торговым путям и поселениям южной России и Центральной Азии столетиями ранее, которые жаловались на то, что концентрация на торговле отвлекает от более важных вопросов.

В случае с Новым светом были серьезные основания для жалоб на игнорирование важности духовных наград. Золото поступало в Испанию в таких количествах, что середине XVI века некоторые описывали как возвращение эпохи легендарного царя Соломона.

Было вывезено такое количество сокровищ, что в 1551 году Карлу V было сказано, что «этот период было бы более правильно называть *era dorada* – золотой век»⁹³⁰.

Не все богатства, извлеченные из недр Америки, попали в Испанию. Практически тогда же, когда корабли начали привозить домой сокровища, зоркие авантюристы и пираты, которые базировались во Франции и Северной Африке, стали пытаться перехватить их и захватить добычу для себя, или ожидая в засаде прибытия кораблей на материк, или же углубляясь в Карибское море, чтобы найти там цель пожирнее⁹³¹.

Отчеты о сокровищах, которые можно было получить, привлекали оппортунистов буквально отовсюду. «Отчеты об огромных богатствах и славе», которые можно было заполучить на Атлантическом побережье Северной Африки, в отчаянии писал один из современников, привлекали туда людей «с тем же энтузиазмом, который побудил испанцев отправиться на прииски в Индию»⁹³². Здесь же действовали мусульманские налетчики, которые наряду с захватом входящих судов, груженных товарами, также обращали свое внимание на разграбление портов и городов на побережье Испании, в процессе захватывая тысячи пленников, за которых потом требовали выкуп или которых продавали в рабство.

Официально эти налеты имели религиозную мотивацию, хотя это был сильно идеализированный взгляд. Однако даже в случае с европейским пиратством содержалась доля политики. Атаки на суда с Иберийского полуострова стали вполне контролируемым бизнесом, христианские враги испанского короля выдавали лицензии, известные как *lettres de marque* («каперское свидетельство»). Испанская корона, в свою очередь, выдавала контракты на истребление пиратов, известные как *contra-corsarios*, чтобы призвать самых злостных пре-

⁹²⁶ B. Davidson, *The Africa Past: Chronicles from Antiquity to Modern Times* (Boston, 1964), pp. 194–197.

⁹²⁷ Brásio, *Missionaria Africana*, 1, pp. 521–527.

⁹²⁸ A. Pagden, *Spanish Imperialism and the Political Imagination: Studies in European and Spanish-American Social and Political Theory, 1513–1830* (New Haven, 1990).

⁹²⁹ Письмо Манозля да Нобрега, цитируется по T. Botelho, 'Labour Ideologies and Labour Relations in Colonial Portuguese America, 1500–1700', *International Review of Social History* 56 (2011), p. 288.

⁹³⁰ M. Cortés, *Breve compendio de la sphere y el arte de navegar*, цитируется по Vilches, *New World Gold*, pp. 24–25.

⁹³¹ R. Pieper, *Die Vermittlung einer neuen Welt: Amerika im Nachrichtennetz des Habsburgischen Imperiums, 1493–1598* (Mainz, 2000), pp. 162–210.

⁹³² Diego de Haëdo, *Topografía e historia general de Arge*, tr. H. de Grammont, *Histoire des rois d'Alger* (Paris, 1998), 1, p. 18.

ступников к ответу. Самые успешные получали щедрые награды от короны, а также славу. Примером может служить Педро Менендес де Авилес, который делал зазубрины после каждого убийства, как в военное время, подсчитывая количество жертв⁹³³.

Новый свет был обнаружен за морем, но новый мир формировался дома, где теперь поощрялись свежие, яркие идеи, прививались модные вкусы, а интеллектуалы и ученые боролись за внимание покровителей и финансирование. Рост доходов лиц, которые напрямую участвовали в исследовании континента, и числа богатств, которые они привезли с собой, привел к культурному смешению, которое изменило Европу. За несколько десятилетий появился целый ряд богатых меценатов, желавших вложить средства в предметы роскоши. Спрос на редкости и экзотику сильно возрос.

Новое богатство Европы дало ей уверенность в себе, а усиление веры заставляло думать, что новый захват Иерусалима возможен. Многим было совершенно ясно, что бесчисленные сокровища, которые привозили из Америки, – благословение, которое, «предопределено Господом, который как дает, так и забирает королевства, независимо от чьих-либо желаний»⁹³⁴. На заре нового века, истинного золотого века, настоящие причины, по которым Константинополь сдался туркам в 1453 году, из-за чего на улицах Рима раздавались рыдания, были забыты.

Теперь задача состояла в том, чтобы заново изобрести прошлое. Распад старой империи, несомненно, предоставил новым наследникам возможность заявить о правах на наследие Древней Греции и Рима, и это было проделано с удовольствием. На самом деле Франция, Германия, Австрия, Испания, Португалия и Англия не имели никакого отношения к Афинам и миру Древней Греции, они являлись по большей части периферийными странами с самого начала и до самого конца Римской империи. Это умалчивалось художниками, писателями и архитекторами, которые заимствовали античные идеи и тексты, чтобы создать историю прошлого, которая со временем стала не только более вероятной, но и вполне привычной. Итак, хотя ученые долго называли этот период Ренессансом, это было не возрождение. Это был «Несанс» – рождение. Впервые за всю историю человечества Европа оказалась в центре мира.

⁹³³ E. Lyon, *The Enterprise of Florida: Pedro Menéndez de Avilés and the Spanish Conquest of 1565–1568* (Gainesville, FL, 1986), pp. 9–10.

⁹³⁴ Jose de Acosta, *Historia natural y moral de las Indias*, in Vilches, *New World Gold*, p. 27.

12. Серебряный путь

Еще до открытия Америки торговля начала оправляться от экономических потрясений XV века. Некоторые ученые спорят о том, что это было вызвано улучшением доступа на рынки Западной Африки, а также ростом производства на золотых шахтах на Балканах и по всей Европе. Это могло стать возможным из-за технологических достижений, которые помогли открыть новые запасы драгоценных металлов. Есть мнение, что после 1460 года в Саксонии, Богемии, Венгрии и Швеции производство серебра выросло в 5 раз⁹³⁵. Другие ученые указывают на тот факт, что сборы налогов стали более эффективными во второй половине XV века. Экономический спад заставил запомнить, что налоговую базу нужно контролировать более тщательно. Это привело к тому, что позже назвали «возрождением монархии». Централизация стала важна как с финансовой, так и с социальной и политической точки зрения⁹³⁶.

Судя по заметкам корейского путешественника, в конце XV века увеличилась и скорость торговли. В порту Сучжоу, примерно в семидесяти милях от Шанхая, корабли собирались «как тучи», писал Чо Пу, ожидая погрузки «шелка, кисеи, золота, серебра, драгоценных металлов и ремесленных товаров» для отправки на новые рынки. Город был полон богатыми торговцами и мог похвастаться хорошими условиями для жизни. «Люди живут в роскоши», — писал он с завистью, отмечая, что «кварталы рынков разбросаны как звезды» в этой богатой и плодородной земле⁹³⁷.

Хотя это и было перспективно, ключевые рынки находились не в гаванях китайского побережья Тихого океана, а в тысячах миль оттуда, на Иберийском полуострове.

Решение состояло из двух частей. Постепенный экономический подъем в Европе во второй половине XV века стимулировал спрос на предметы роскоши. Огромные запасы богатств из Нового света отправлялись в Испанию. В Севилье золото и серебро «складировали как зерно» на таможне, что побудило к строительству новых зданий, которые могли принять еще большее количество товаров, чтобы их можно было надлежащим образом обложить налогами⁹³⁸. Один из наблюдателей писал о своем изумлении при виде того, как разгружали подошедший флот. За один только день он увидел 332 телеги, полные серебра, золота и драгоценных жемчужин, которые должны были быть учтены. Через шесть недель он увидел еще 686 телег драгоценных металлов. Их было так много, писал он, что «склады не могли вместить все, и часть вываливалась во двор»⁹³⁹.

Огромный успех путешествия Колумба через Атлантику совпал с впечатляющим успехом другой морской экспедиции, которая была не менее амбициозной. Когда в Испании начали зарождаться опасения, что все попытки Колумба найти путь в Азию — это всего-навсего дорогостоящая ошибка, был собран еще один флот, готовый отправиться в путь. Команду Васко да Гамы перед отплытием принял сам король Португалии Мануэль I. Подчеркнуто пренебрегая недавними открытиями по ту сторону Атлантики, суверен дал да Гаме

⁹³⁵ H. Miskimin, *The Economy of Later Renaissance Europe, 1460–1600* (Cambridge, 1977), p. 32; J. Munro, 'Precious Metals and the Origins of the Price Revolution Reconsidered: The Conjecture of Monetary and Real Forces in the European Inflation of the Early to Mid-16th Century', in C. Núñez (ed.), *Monetary History in Global Perspective, 1500–1808* (Seville, 1998), pp. 35–50; H. İnalcık, 'The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600', in H. İnalcık and D. Quataert (eds), *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* (Cambridge, 1994), pp. 58–60.

⁹³⁶ P. Spufford, *Money and its Use in Medieval Europe* (Cambridge, 1988), p. 377.

⁹³⁷ Ch'oe P'u, *Ch'oe P'u's Diary: A Record of Drifting Across the Sea*, tr. J. Meskill (Tucson, AZ, 1965), pp. 93–94.

⁹³⁸ Vélez de Guevara, *El diablo conjuelo*, цитируется по R. Pike, 'Seville in the Sixteenth Century', *Hispanic American Historical Review* 41.1 (1961), p. 6.

⁹³⁹ Francisco de Ariño, *Sucesos de Sevilla de 1592 a 1604*, pp. 12–13; Vilches, *New World Gold*, pp. 25–26.

задание «найти новый путь в Индию и страны рядом с ней». При этом, продолжал он, «вера в Господа нашего Иисуса Христа будет провозглашена в новых королевствах и владениях, которые мы вырвем из лап неверующих – мусульман». При этом он рассчитывал на определенную выгоду. Разве не чудесно было бы, думал он, получить богатства Востока, воспетые авторами античности? Венеция, Генуя, Флоренция и другие великие города Италии получили существенную выгоду от торговли с Востоком. При этом португальцы понимали, что они находятся не только не с той стороны мира, но даже не с той стороны Европы⁹⁴⁰.

Все изменилось после рискованной экспедиции Васко да Гамы. Когда корабли достигли Южной Африки, команду постигло разочарование: живущие здесь люди были одеты в шкуры, носили ножны прямо на гениталиях, а основной едой им служило мясо морских котиков, газелей и корни съедобных растений.

Однако более важным было то, что, когда им показали образцы корицы, гвоздики, жемчуга, золота «и многое другое», «стало ясно, что они не имеют о них ни малейшего понятия»⁹⁴¹.

Когда Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и устремился на север, удача повернулась к нему лицом. В районе Малинди он нашел не только путь на Восток, но и опытного штурмана, который предложил ему помочь с мусонными ветрами и показать путь в Индию. В конце путешествия, длившегося 10 месяцев, Васко да Гама бросил якорь в порту Калькутты⁹⁴². Он преуспел там, где не справился Колумб, и нашел морской путь в Азию.

Там уже были общины торговцев из мест, близких к Португалии. Первым делом прибывшие слышали родную речь. «Черт побери!» – проорал один из двух мусульманских торговцев, которые говорили на испанском языке и генуэзском диалекте. – «Что вас сюда привело?!» После обмена любезностями то, что они сказали дальше, было просто музыкой для его ушей: «Вам очень повезло, просто очень! Здесь полно рубинов, полно изумрудов! Вы должны возблагодарить Господа за то, что он привел вас в эту богатую землю!»⁹⁴³

Тем не менее португальцы, как и Колумб, старались понять, что же они увидели. Храмы со статуями индуистских богов в коронах они приняли за церкви, украшенные изображениями христианских святых, а воду, используемую для ритуалов очищения, за святую воду⁹⁴⁴. Рассказы о том, как Святой Фома, один из учеников Христа, добрался до Индии и обратил большое количество народу в христианство, долго ходили по всей Европе, спровоцировав множество ошибочных выводов, и Васко да Гама должен был знать о них. По крайней мере, о том, что большое количество христианских кораблей готовилось к войне с исламским миром. Большая часть того, что рассказывали о Востоке, оказалась заблуждением или просто ложью⁹⁴⁵.

После переговоров заморин, правитель Калькутты, дополнительно переговорил лично с да Гамой и попросил объяснить, почему, если король Португалии действительно обладает невероятными богатствами, превосходящими богатства всех царей мира, как говорит ему адмирал, он не может предоставить доказательства. Когда придворные заморина увидели преподнесенные ему коллекции шляп, умывальников, несколько нитей коралла, сахар и мед,

⁹⁴⁰ G. de Correa, *Lendas de India*, 4 vols (Lisbon, 1858–1864), 1, p. 7; A. Baião and K. Cintra, *Ásia de João de Barros: dos feitos que os portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras do Oriente*, 4 vols (Lisbon, 1988), 1, pp. 1–2.

⁹⁴¹ A. Velho, *Roteiro da Primeira Viagem de Vasco da Gama*, ed. N. Águas (Lisbon, 1987), p. 22.

⁹⁴² S. Subrahmanyam, *The Career and Legend of Vasco da Gama* (Cambridge, 1997), pp. 79–163.

⁹⁴³ Velho, *Roteiro de Vasco da Gama*, pp. 54–55.

⁹⁴⁴ Там же, p. 58.

⁹⁴⁵ S. Subrahmanyam, 'The Birth-Pangs of Portuguese Asia: Revisiting the Fateful "Long Decade" 1498–1509', *Journal of Global History* 2 (2007), p. 262.

они рассмеялись вслух. Даже самый нищий торговец из Мекки не станет обижать своего правителя такими жалкими дарами, сказали они⁹⁴⁶.

Напряжение нарастало. Португальцы обнаружили, что все их движения ограничены и находятся под пристальным вниманием большого контингента охраны, «вооруженной мечами, боевыми топорами, щитами, луками и стрелами». Да Гама и его люди опасались худшего, пока, в конце концов, внезапно заморин не объявил, что разрешает португальцам выгрузить товары и начать торговлю. Они запаслись специями и различными товарами, чтобы показать, что обнаружили в своей поездке. То, что они привезли домой, изменило мир.

Возвращение да Гамы после двухлетнего эпического путешествия отмечали с размахом. Во время церемонии в Лиссабонском соборе, чтобы отметить его успех, Васко открыто сравнивали с Александром Великим. Это сравнение было охотно воспринято и часто использовалось писателями, причем не только в Португалии, чтобы описать открытие неизведанного мира Востока⁹⁴⁷.

То, что он добрался до Индии, было большим достижением для короля Мануэля, который немедленно отписался Фердинанду и Изабелле (своим тестю и теще), расхваливая свои достижения. С нескрываемым удовольствием он писал о том, что его люди привезли «корицу, гвоздику, имбирь, мускатный орех и перец», а также другие специи и растения, «множество драгоценных камней всех видов, включая рубины и многое другое». «Несомненно, – добавил он радостно, – Ваши Величества будут рады это услышать»⁹⁴⁸. Колумб говорил о возможностях, а да Гама добился результата.

Тем не менее правители Испании получили некоторое утешение. После первой экспедиции через Атлантику Фердинанд и Изабелла просили у папы разрешения объявить все территории, обнаруженные за Атлантикой, территорией Испании. То же самое было сделано и в отношении португальских экспедиций в Африку в XV веке. Не менее четырех папских булл было выпущено в 1493 году. Это определяло, как следует поступать со вновь открытыми территориями. После долгих препирательств о том, где именно провести линию, к 1494 году условия были согласованы. Был подписан Тордесильясский договор, который установил границу в 370 лиг за пределами островов Кабо-Верде. Как гласил договор, в указанном океане должна была быть проведена прямая линия, соединяющая север и юг от полюса до полюса, от Арктики до Антарктики. Все, что к западу, будет принадлежать Испании, а к востоку – Португалии⁹⁴⁹.

Через 13 лет значение соглашения стало окончательно ясно. К 1520 году португальские корабли проводили исследования дальше на восток, чтобы добраться до Малакки, Островов пряностей и Гуанчжоу. Испанцы тем временем не только поняли, что открыли два новых континента, но и при помощи невероятного моряка, который пересек Тихий океан и добрался до Островов пряностей (Молуккских островов), ухитрились совершить первое беспрецедентное кругосветное путешествие. Была некоторая ирония в том, что человек, возглавивший миссию, был португальцем, которого нанял на службу испанец, пожелавший профинансировать путешествие на Острова пряностей, и захватил эти земли не для своей родины, а для соседней страны-противника⁹⁵⁰. Когда Фернао ди Магальяйнш, более известный как Фердинанд Магеллан, отправился в эту эпическую экспедицию в 1519–1520 годах, Португалия и

⁹⁴⁶ Velho, *Roteiro de Vasco da Gama*, p. 60.

⁹⁴⁷ См. Subramanyam, *Vasco da Gama*, pp. 162–163, 194–195.

⁹⁴⁸ Письмо короля Мануэля, цитируется по Subrahmanyam, *Vasco da Gama*, p. 165.

⁹⁴⁹ B. Diffie and G. Winius, *Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580* (Oxford, 1977), pp. 172–174; M. Newitt, *Portugal in European and World History* (2009), pp. 62–65; Delaney, *Columbus and the Quest for Jerusalem*, pp. 124–125; J. Brotton, *Trading Territories: Mapping the Early Modern World* (London, 1997), pp. 71–72.

⁹⁵⁰ M. Guedes, 'Estreito de Magelhães', in L. Albuquerque and F. Domingues (eds), *Dicionário de história dos descobrimentos portugueses*, 2 vols (Lisbon, 1994), 2, pp. 640–644.

Испания вновь сели за стол переговоров, чтобы согласовать границу в Тихом океане, которая соответствовала бы той, что уже начертили в Атлантике. Два соседа по полуострову разделили между собой земной шар. Они получили на это благословение от папы, а значит, и от Бога⁹⁵¹.

Остальной части Европы теперь оставалось лишь мириться со все возрастающим богатством и влиянием Испании и Португалии. Новости от да Гамы, который вернулся домой в 1499 году, были восприняты в Венеции со смесью шока, огорчения и истерики. Обнаружение морского пути в Индию через Южную Африку означало конец для этого города⁹⁵². По словам Джироламо Приули, то, что Лиссабон заберет у Венеции корону коммерческого центра Европы, было неизбежно. «Нет никаких сомнений, – писал он, – что венгры, немцы, фламандцы и французы, а также все те, кто привык приезжать в Венецию за специями, теперь станут ездить в Лиссабон». Для Приули причины были очевидны. Все знали, писал он в своем дневнике, что для того, чтобы попасть в Венецию, товары проходили огромное расстояние и множество перевалочных пунктов, в которых нужно было уплачивать налоги и сборы. При перевозке товаров морем португальцы могли назначить хорошую цену, с которой венецианцам будет сложно конкурировать. Цифры говорили сами за себя: Венеция была обречена⁹⁵³. Остальные пришли к тем же выводам. Гвидо Детти, флорентийский купец, обосновавшийся в Португалии в начале 1500-х годов, был твердо уверен, что венецианцы потеряют контроль над поставками из-за того, что не могут предложить товары, соответствующие уровню привезенных по морю в Лиссабон.

Жителям Венеции, говорил он с иронией, придется вернуться к занятию рыбной ловлей. Город возвратится в лагуну, из которой он вышел⁹⁵⁴.

Однако слухи о кончине Венеции были неуместны, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Более трезвые умы говорили о том, что путешествие по морским путям не может обходиться без определенных рисков. И многие португальские суда действительно никогда не вернулись домой. Согласно докладу Винченцо Кверини Сенату в 1506 году, менее половины из 114 судов, которые проходили через южное окончание Африки, вернулись домой в целости: «Девятнадцать из них утеряны наверняка, почти все груженные специями, судьба остальных сорока неизвестна»⁹⁵⁵.

Венецианцы отправили послов в мусульманский Египет. Они хотели обсудить варианты сотрудничества, действия против португальцев, совместные военные операции и даже, предвидя сооружение Суэцкого канала несколько столетий спустя, размышляли о создании водного пути до Красного моря, который позволит проводить «сколько угодно судов»⁹⁵⁶.

Хотя португальцы были уверены, что операции против них на Красном море и побережье Индии в начале XVI века были результатом усилий большого союза под управлением Венеции, на самом деле египтянам требовался лишь небольшой толчок для того, чтобы попытаться самостоятельно установить контроль над морскими путями. Увеличение числа португальских судов было нежелательно, и не в последнюю очередь потому, что вновь при-

⁹⁵¹ M. Newitt, *A History of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1668* (London, 2005), pp. 54–57; A. Teixeira da Mota (ed.), *A viagem de Fernão de Magalhães e a questão das Molucas* (Lisbon, 1975).

⁹⁵² R. Finlay, 'Crisis and Crusade in the Mediterranean: Venice, Portugal, and the Cape Route to India (1498–1509)', *Studi Veneziani* 28 (1994), pp. 45–90.

⁹⁵³ Girolamo Priuli, *I Diarii di Girolamo Priuli*, tr. D. Weinstein, *Ambassador from Venice* (Minneapolis, 1960), pp. 29–30.

⁹⁵⁴ 'La lettre de Guido Detti', in P. Teyssier and P. Valentin, *Voyages de Vasco da Gama: Relations des expéditions de 1497–1499 et 1502–1503* (Paris, 1995), pp. 183–188.

⁹⁵⁵ 'Relazione delle Indie Orientali di Vincenzo Quirini nel 1506', in E. Albèri, *Le relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato durante il secolo decimosesto*, 15 vols (Florence, 1839–1863), 15, pp. 3–19; Subrahmanyam, 'Birth-Pangs of Portuguese Asia', p. 265.

⁹⁵⁶ P. Johnson Brummett, *Ottoman Seapower and Levantine Diplomacy in the Age of Discovery* (Albany, NY, 1994), pp. 33–36; Subrahmanyam, 'Birth-Pangs of Portuguese Asia', p. 274.

бывшие были очень агрессивны. Однажды Васко да Гама лично захватил корабль с сотнями мусульман, возвращавшихся в Индию после паломничества в Мекку. Не обращая внимания на крайне щедрые предложения заплатить выкуп за тех, кто был на борту, он приказал поджечь корабль. По признанию одного из очевидцев, это было ужасно: «Я буду помнить, что случилось тогда, все свою жизнь». Женщины достали свои украшения и молили о спасении от пламени и волн, в то время как другие поднимали повыше своих детей в надежде спасти их. Да Гама наблюдал за происходящим бесстрастно, «жесток и без малейшей жалости», пока все пассажиры и члены экипажа не утонули на его глазах⁹⁵⁷.

Атаки на порты и стратегически важные места стали тревожными симптомами для Египта. Джидда, порт в Мекке, был атакован в 1505 году, а вскоре после этого Мускат и Калхат, ключевые точки Персидского залива, были разграблены, а мечети в них сожжены дотла⁹⁵⁸. Беспокоил также и тот факт, что португальцы начали думать об условиях создания сети до самого Лиссабона.

Не было ничего важнее, заявлял командор и исследователь Франсиско де Алмейда в 1505 году, «чем иметь замок в устье Красного моря или поблизости от него». Теперь же это означало, что «индусам пора избавиться от дурацкой идеи, что они могут торговать с кем-то кроме нас»⁹⁵⁹.

Столкнувшись с такой жестокостью и позерством, эскадры под командованием султана Каира отправились патрулировать Красное море, получив приказ действовать при необходимости⁹⁶⁰. Некоторые португальские командующие решили, что необходимо сменить тактику. Как было сообщено королю Португалии, их корабли подвергались бессмысленной опасности. Было бы гораздо лучше избавиться от крепостей в провокационных локациях, например, на острове Сокотра в устье Красного моря, а вместо этого установить теплые отношения с Египтом⁹⁶¹.

Первоначальный всплеск исследований португальцев сопровождался самодовольством, насилием и жестокостью. Прошло совсем немного времени, страсти поутихли и первоначальные разговоры о торжестве христианства и об упадке ислама уступили более оптимистичным и реалистичным настроениям. Вместе с неограниченными коммерческими возможностями пришло более спокойное отношение к исламу, индуизму и буддизму. Так же как и в государствах крестоносцев, когда буря утихала, подавленные меньшинства должны были установить рабочие отношения для выживания.

Это была палка о двух концах. Правители Индии, а также таких мест, как Макао и Малайский полуостров, были готовы конкурировать друг с другом, создавая для европейских торговцев все лучшие торговые условия, чтобы удостовериться, что деньги пойдут им, а не их соперникам⁹⁶². В этой связи в интересах каждого было попытаться сгладить различия в религиях. Тем не менее еще находились те, кто вынашивал грандиозные планы. Как размышлял Альфонсо де Альбукерке, захват Малакки означал, что «Каир и Мекка будут уни-

⁹⁵⁷ G. Ramusio, 'Navigazione verso le Indie Orientali di Tomé Lopez', in M. Milanesi (ed.), *Navigazioni e viaggi* (Turin, 1978), pp. 683–673; Subrahmanyam, *Vasco da Gama*, p. 205.

⁹⁵⁸ D. Agius, 'Qalhat: A Port of Embarkation for India', in S. Leder, H. Kilpatrick, B. Martel-Thoumian and H. Schönig (eds), *Studies in Arabic and Islam* (Leuven, 2002), p. 278.

⁹⁵⁹ C. Silva, *O Fundador do 'Estado Português da Índia', D. Francisco de Almeida, 1457 (?) – 1510* (Lisbon, 1996), p. 284.

⁹⁶⁰ J. Aubin, 'Un Nouveau Classique: l'anonyme du British Museum', in J. Aubin (ed.), *Le Latin et l'astrolabe: recherches sur le Portugal de la Renaissance, son expansion en Asie et les relations internationales* (Lisbon, 1996), 2, p. 553; S. Subrahmanyam, 'Letters from a Sinking Sultan', in L. Thomasz (ed.), *Aquém e Além da Taprobana: Estudos Luso-Orientais à Memória de Jean Aubin e Denys Lombard* (Lisbon, 2002), pp. 239–269.

⁹⁶¹ Silva, *Fundador do 'Estado Português da Índia'*, pp. 387–388. О целях и политике Португалии в Атлантическом океане, Персидском заливе, Индийском океане и за его пределами см. F. Bethencourt and D. Curto, *Portuguese Oceanic Expansion, 1400–1800* (Cambridge, 2007).

⁹⁶² G. Scammell, *The First Imperial Age: European Overseas Expansion, c. 1400–1715* (London, 1989), p. 79.

чтожены, а Венеция не сможет получить никаких специй, кроме тех, которые можно купить в Португалии». Кроме того, он поставил на уничтожение мусульманского населения города, но добился лишь нарушения торговли и увеличения враждебности и недоверия⁹⁶³. Правящая семья отступила, создав новые султанаты в Пераке и Джохоре, которые обеспечили лидерство в условиях непрерывной конкуренции с европейскими державами⁹⁶⁴.

Однако в отличие от Северной и Южной Америки открытие маршрутов на Восток стало историей сотрудничества, а не завоевания. Результатом стал огромный рост торговых потоков с запада на восток.

Поскольку Европа буквально сгибалась под тяжестью богатств, вывезенных с Американских континентов, возможность оплачивать предметы роскоши из Азии резко возросла. Очень скоро магазины Лиссабона, Антверпена и других торговых центров Европы ломились от китайского фарфора и шелков⁹⁶⁵. До сих пор наиболее важным товаром для импорта, с точки зрения количества и спроса, были специи. Перец, мускатный орех, гвоздика, ладан, имбирь, сандаловое дерево, кардамон и куркума очень высоко ценились в приготовлении еды в Европе со времен Римской империи. Эти ингредиенты ценили как за то, что они меняли вкус безвкусных продуктов, так и за их медицинский эффект.

Корица, например, считалась полезной для сердца, желудка, головы и якобы помогала при лечении эпилепсии и паралича. Масло мускатного ореха считалось полезным при лечении диареи, тошноты и самой обычной простуды. Кардамоновое масло успокаивало кишечник и помогало уменьшить метеоризм⁹⁶⁶. В одном из арабских пособий, написанном в Средиземноморье примерно в тот период, в главе под названием «Предписания для увеличения размеров маленьких членов для того, чтобы сделать их великолепными» автор советовал натирать интимные места смесью меда и имбиря. Эффект должен был быть просто ошеломительным и доставлять такое удовольствие, что сексуальный партнер «больше никогда не отпустит»⁹⁶⁷.

Борьба за то, чтобы поставлять товары на эти новоявленные рынки, была свирепой. Несмотря на панику, которую вызвала в Венеции первая экспедиция Васко да Гамы, долгосрочные торговые маршруты не заменишь в одночасье. Во всяком случае, пока они процветали за счет повышения спроса в Европе. Тогда, в отличие от нашего времени, покупателей совершенно не интересовало, как товар попал на рынок. Главное, что их интересовало, — это цена.

Торговцы ревностно следили друг за другом, записывая, кто, что и за какую цену продавал. Португальцы нанимали торговцев, например Мэтью Бекудо из Леванта, чтобы они следили за тем, какие караваны и с какой охраной прибывают из Египта и Дамаска по суше и по морю, и докладывали о количестве товаров, которые они везли. Слухи о плохих урожаях, о кораблях, теряющихся вместе с грузом, или политической нестабильности могли влиять на цены буквально каждый день, и это делало спекуляцию нелегким занятием.

Колебания в поставках могли возникнуть в зависимости от того, когда именно флот отправлялся за товаром, и это могло сильно пошатнуть рынок. Предпочтение отдавалось

⁹⁶³ A. Hamdani, 'An Islamic Background to the Voyages of Discovery', in S. Khadra Jayyusi (ed.), *The Legacy of Muslim Spain* (Leiden, 1992), p. 288. О важности Малакки до завоевания Португалии — K. Hall, 'Local and International Trade and Traders in the Straits of Melaka Region: 600–1500', *Journal of Economic and Social History of the Orient* 47.2 (2004), pp. 213–260.

⁹⁶⁴ S. Subrahmanyam, 'Commerce and Conflict: Two Views of Portuguese Melaka in the 1620s', *Journal of Southeast Asian Studies* 19.1 (1988), pp. 62–79.

⁹⁶⁵ Atwell, 'Time, Money and the Weather', p. 100.

⁹⁶⁶ P. de Vos, 'The Science of Spices: Empiricism and Economic Botany in the Early Spanish Empire', *Journal of World History* 17.4 (2006), p. 410.

⁹⁶⁷ #Umar ibn Mu#ammad, *Raw# al-#ā#ir fī nuz#hat al-khā#ir*, tr. R. Burton, *The Perfumed Garden of the Shaykh Nefzawi* (New York, 1964), p. 117.

торговцам из Восточного Средиземноморья, так как они обладали более полной информацией и не зависели от рискованного маршрута, огибающего африканский континент⁹⁶⁸.

В то же самое время выбирать, куда именно инвестировать средства, было достаточно нервным занятием. В 1560 году Алессандро Магно, юный торговец из Венеции, с волнением наблюдал, как в течение нескольких дней цена на перец в Александрии поднялась на 10 %. Это побудило его отказаться от всех текущих сделок и переключиться на инвестиции в гвоздику и имбирь. Было очень важно не попасть в пузырь, который мог не только стоить ему прибыли, но и лишить капитала. Его эффективность как посредника зависела от возможности покупать правильные товары по тем ценам, которые могли заплатить его покупатели⁹⁶⁹.

С миллионами фунтов специй, прежде всего перца, которые привозили в Европу каждый год, элитный бизнес быстро превратился в часть культурного и коммерческого мейн-стрима, который приводили в движение предложение и спрос. Возможность получения прибыли объясняет, почему португальцы хотели создать собственный Шелковый путь, установив цепь портов, соединяющих Лиссабон с побережьем Анголы, Мозамбика и Восточной Африки, а также сеть торговых станций с постоянными поселениями, разбросанными от Индии до Малаккского пролива и Островов пряностей. И в этом они достигли определенного успеха. Когда после экспедиции Васко да Гамы прошло несколько десятилетий, значительная часть государственных доходов Португалии приходилась на продажу специй⁹⁷⁰.

Португальцы сталкивались с определенными проблемами, не в последнюю очередь потому, что остальные также не хотели упустить свою долю на рынке. В 1517 году после периода волнений на Ближнем и Среднем Востоке османы захватили контроль над Египтом и стали господствующей силой Восточного Средиземноморья и основной угрозой Европе. «Теперь, когда самый свирепый турок захватил Египет и Александрию и всю восточную часть Римской империи, – писал папа Лев X, – он будет жаждать захватить не только Сицилию и Италию, но и весь мир»⁹⁷¹.

Ощущение угрозы усилилось в результате военных успехов османов на Балканах и их продвижения в глубь Европы. Близилось столкновение, писал великий философ Эразм в письме другу в первой половине XVI века, которое решит судьбу мира, так как мир не может выдержать два солнца на одном небосводе.

Будущее, которое он предсказал, должно было принадлежать или мусульманам, или христианам. Мир не мог принадлежать и тем, и тем одновременно⁹⁷².

Эразм был неправ, так же как и его коллеги из османского мира, которые были не менее прямолинейны в своих предсказаниях, утверждая, что «так как может быть только один Бог на небе, также может быть только одна империя на земле»⁹⁷³. Смертельного сражения не произошло, даже несмотря на то что огромная армия, которая дошла до Венгрии и Центральной Европы в 1526 году, посеяла панику после турецкого успеха в битве против объединенных сил Запада при Мохаче на юге Венгрии. Далее последовало напряженное и длительное соперничество, которое вылилось в Индийский океан, Красное море и Персидский залив.

⁹⁶⁸ F. Lane, 'The Mediterranean Spice Trade: Further Evidence of its Revival in the Sixteenth Century', *American Historical Review* 45.3 (1940), pp. 584–585; M. Pearson, *Spices in the Indian Ocean World* (Aldershot, 1998), p. 117.

⁹⁶⁹ Lane, 'Mediterranean Spice Trade', pp. 582–583.

⁹⁷⁰ S. Halikowski Smith, "'Profits Sprout Like Tropical Plants': A Fresh Look at What Went Wrong with the Eurasian Spice Trade, c. 1550–1800", *Journal of Global History* 3 (2008), pp. 390–391.

⁹⁷¹ Письмо Альберто да Карпи, in K. Setton, *The Papacy and the Levant, 1204–1571*, 4 vols (Philadelphia, 1976–1984), 3, p. 172, n. 3.

⁹⁷² P. Allen, *Opus Epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami*, 12 vols (Oxford, 1906–1958), 9, p. 254; J. Tracy, *Emperor Charles V, Impresario of War* (Cambridge, 2002), p. 27.

⁹⁷³ A. Clot, *Suleiman the Magnificent: The Man, his Life, his Epoch*, tr. M. Reisz (New York, 1992), p. 79, а также R. Finlay, 'Prophecy and Politics in Istanbul: Charles V, Sultan Suleyman and the Habsburg Embassy of 1533–1534', *Journal of Modern History* 3 (1998), pp. 249–272.

Полные энтузиазма, османы принялись укреплять свои торговые позиции в Азии. Была создана сеть торговых агентов, а вдоль побережья Средиземного моря, Красного моря и Персидского залива были восстановлены защитные крепости. Усовершенствование дорог, ведущих из залива в глубь континента через Басру и Левант, сделало их более надежными, безопасными, а передвижение быстрым, и португальцы стали пользоваться ими для сообщения с Лиссабоном⁹⁷⁴.

Это было тем более удивительно, что османы регулярно нападали на португальцев. Османы начали крупное наступление на португальские крепости в Диу на северо-западе Индии в 1538 году и предприняли серию атак на португальские корабли⁹⁷⁵. Морской капитан по имени Сефер имел такой успех в середине XVI века, что за его голову была назначена награда. Османы становились все богаче за счет трофеев, отобранных у португальцев. Один европейский капитан заметил, что флот Сефера становится все больше, а учитывая, какой успех он имел при небольшом количестве кораблей, капитан восклицал: «Сколько же неприятностей доставит он (нам) сейчас и сколько сокровищ отправит (домой), когда в один прекрасный день у него будет 30 кораблей?»⁹⁷⁶ Османы показали себя грозными соперниками. В 1560 году португальский наблюдатель писал, что в Александрию (самый важный центр торговли товарами с Востока) каждый год доставляли миллионы фунтов специй, и неудивительно, что «так мало товаров доходит до Лиссабона»⁹⁷⁷.

К этому времени доходы от торговли специями уже постепенно пошли на спад, и это сподвигло некоторых португальцев отказаться от этого бизнеса и инвестировать в другие азиатские товары и продукты, в основном хлопок и шелк. Эта переориентация произошла примерно в конце XVI века, когда Европа закупала впечатляющие объемы текстиля⁹⁷⁸. Некоторые исследователи того времени предположили (и современные ученые с ними согласны), что это был результат высокого уровня коррупции среди португальских чиновников, которые занимались торговлей специями, а также слабости решений короны в том, что касается непомерно высоких налогов на импорт и установления неэффективной торговой сети в Европе. Османам удалось оказать давление на португальцев и их доходы⁹⁷⁹.

В основе противостояния в Индийском океане и других местах была конкуренция за получение максимальных налоговых сборов за товары, которые везли платежеспособным покупателям Европы. Османы получали с этого хорошие дивиденды. Центральная казна в Константинополе буквально разбухла в условиях увеличившегося потока товаров через порты в Красном море, Персидском заливе и Средиземноморье, хотя растущий спрос на домашнем рынке тоже сыграл свою роль в увеличении государственных доходов⁹⁸⁰. В ходе XVI века значительно вырос объем денежных переводов, что, в свою очередь, подстег-

⁹⁷⁴ G. Casale, 'The Ottoman Administration of the Spice Trade in the Sixteenth Century Red Sea and Persian Gulf', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 49.2 (2006), pp. 170–198.

⁹⁷⁵ L. Riberio, 'O Primeiro Cerco de Diu', *Studia* 1 (1958), pp. 201–295; G. Casale, *The Ottoman Age of Exploration* (Oxford, 2010), pp. 56–75.

⁹⁷⁶ G. Casale, 'Ottoman Guerre de Course and the Indian Ocean Spice Trade: The Career of Sefer Reis', *Itinerario* 32.1 (2008), pp. 66–67.

⁹⁷⁷ *Corpo diplomatico portuguez*, ed. J. da Silva Mendes Leal and J. de Freitas Moniz, 14 vols (Lisbon, 1862–1910), 9, pp. 110–111.

⁹⁷⁸ Halikowski Smith, 'Eurasian Spice Trade', p. 411; J. Boyajian, *Portuguese Trade in Asia under the Habsburgs, 1580–1640* (Baltimore, 1993), pp. 43–44 и табл. 3.

⁹⁷⁹ Casale, 'Ottoman Administration of the Spice Trade', pp. 170–198; также см. здесь N. Stensgaard, *The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of Caravan Trade* (Chicago, 1974).

⁹⁸⁰ S. Subrahmanyam, 'The Trading World of the Western Indian Ocean, 1546–1565: A Political Interpretation', in A. de Matos and L. Thomasz (eds), *A Carreira da India e as Rotas dos Estreitos* (Braga, 1998), pp. 207–229.

нуло социальные и экономические перемены не только в городах, но и в сельской местности⁹⁸¹.

Золотой век наступил не только в Европе. В османском мире, от Балкан до Северной Африки, осуществлялись масштабные программы строительства, финансируемые за счет увеличивающихся налогов. Один из самых впечатляющих проектов был разработан Синаном, главным архитектором при дворе Сулеймана Великолепного (годы правления 1520–1566), одно имя которого отражает дух времени. Синан построил более 80 больших мечетей, 60 медресе, 32 дворца, 17 хосписов и 3 больницы, а также множество мостов, акведуков, бань и складов в течение правления Сулеймана и его сына Селима II. Мечеть Селимие была построена в Эдирне (сейчас это северо-запад Турции) между 1564 и 1575 годами и является прекрасным образчиком архитектурной и инженерной смелости, достойной восхищения всего человечества, как гласил источник XVI века. Кроме того, это было серьезное религиозное заявление: «люди всего мира» говорили, что невозможно построить купол, настолько же большой, как в соборе Святой Софии в Константинополе, «в землях ислама». Мечеть в Эдирне доказала, что они были неправы⁹⁸².

Персы тоже стали вкладывать большие деньги в строительство и изобразительное искусство, которое могло конкурировать с европейским искусством. Под управлением династии Сефевидов возникла новая империя, которая была создана из осколков царства Тимуридов, расколотого после смерти Тимура в начале XV века. Она достигла своего пика во время правления шаха Аббаса I (годы правления 1588–1629). Под его руководством была проведена поразительная реконструкция Исфахана (сейчас это центральная часть Ирана). Старые рынки и мрачные улицы были заменены магазинами, банями и мечетями, построенными в соответствии с тщательно разработанным планом. Обширные ирригационные работы гарантировали, что в новом Исфахане будет достаточно воды. Самым важным достоянием стал Накш-е Джахан, «сад – украшение мира», шедевр садового дизайна в самом сердце города. Там же была построена великолепная Мечеть шаха – Масджид-и-Шах. Так же как и мечеть в Эдире, она должна была стать драгоценным камнем среди мечетей исламского мира. Как отмечал современный автор, шах сделал Исфахан «подобным райским кушам, с парками, благоухающими цветами, прекрасными ручьями и садами»⁹⁸³.

Литература, каллиграфия и изобразительное искусство, особенно миниатюра, процветали в культуре, которая обладала самосознанием, интеллектом, любопытством и испытывала международные влияния. Трактаты описывали, как создать хорошее произведение искусства, например *Qānūn al-#uvar*, трактат, который рассказывает о создании изящных стихов. Автор трактата предупреждает читателя, что можно овладеть искусством живописи, но «чтобы овладеть этим мастерством (стихосложение), требуется природный талант»⁹⁸⁴.

Процветание открыло новые горизонты: монахи-кармелиты в Исфахане подарили шаху персидский перевод «Книги псалмов», который он принял с благодарностью. Папа Павел V прислал набор средневековых иллюстраций из Библии, которые настолько понравились шаху, что он заказал персидские комментарии к рисункам. В это же время местные

⁹⁸¹ S. Pamuk, 'In the Absence of Domestic Currency: Debased European Coinage in the Seventeenth-Century Ottoman Empire', *Journal of Economic History* 57.2 (1997), pp. 352–353.

⁹⁸² H. Crane, E. Akin and G. Necipoğlu, *Sinan's Autobiographies: Five Sixteenth-Century Texts* (Leiden, 2006), p. 130.

⁹⁸³ R. McChesney, 'Four Sources on Shah #Abbas's Building of Isfahan', *Muqarnas* 5 (1988), pp. 103–134; Iskandar Munshī, 'Tārīk-e #ālamārā-ye #Abbāsī', tr. R. Savory, *History of Shah #Abbas the Great*, 3 vols (Boulder, CO, 1978), p. 1038; S. Blake, 'Shah #Abbās and the Transfer of the Safavid Capital from Qazvin to Isfahan', in A. Newman (ed.), *Society and Culture in the Early Modern Middle East: Studies on Iran in the Safavid Period* (Leiden, 2003), pp. 145–164.

⁹⁸⁴ M. Dickson, 'The Canons of Painting by #ādiqī Bek', in M. Dickson and S. Cary Welch (eds), *The Houghton Shahnameh*, 2 vols (Cambridge, MA, 1989), 1, p. 262.

евреи сделали копию Торы на персидском языке, правда, с использованием иврита. Все это свидетельствовало о религиозной терпимости, царящей в Персии⁹⁸⁵.

Османская и Персидская империи находились на подъеме в связи с резким повышением транзитных налогов и импортных пошлин на товары, которые везли дальше на восток, и, конечно, на местные продукты и товары, на которые был большой спрос среди богачей Европы, начиная с королевских дворов и заканчивая зажиточными фермерами. Однако хотя Ближний Восток и получал хорошую выгоду от потоков золота, серебра и других сокровищ, которые рекой текли через Атлантику с Американских континентов, главными выгодоприобретателями были те места, где производили большинство товаров: Индия, Китай и Центральная Азия.

Европа стала клиринговой палатой для сокровищ, которые поступали из потрясающе богатых мест, таких как шахты Потоси высоко в Андах (сейчас это Боливия). Это было самое крупное месторождение в истории, которое более столетия давало больше половины мирового запаса серебра⁹⁸⁶. Новые технологии добычи металла, основанные на методе ртутной амальгамации, сделали процесс добычи дешевле, быстрее и даже прибыльнее⁹⁸⁷. Это открытие способствовало возможному ускорению процесса перераспределения ресурсов из Южной Америки на Иберийский полуостров и дальше, в Азию.

Драгоценный металл плавили и использовали для чеканки монет, которые и отправляли на Восток в невероятных количествах. С середины XVI века сотни тонн серебра экспортировались в Азию каждый год, чтобы оплатить желанные восточные товары и специи⁹⁸⁸. Список покупок из Флоренции 1580-х годов показывает, насколько выросли аппетиты. Великий герцог Франческо Медичи предоставил солидный капитал Филиппо Сассетти, флорентийскому торговцу, который собирался отправиться в Индию, наказав ему закупить целый ряд экзотических товаров. В должное время герцог получил накидки, ткани, специи, семена и восковые модели растений (персональное увлечение великого герцога и его брата, кардинала Фердинанда), а также целый ряд лекарств, включая средство от укусов ядовитых змей⁹⁸⁹. Такое любопытство было широко распространено среди влиятельных и культурных людей того времени.

Европа и Ближний Восток буквально оживились и сверкали от сокровищ, найденных на американских континентах и вдоль побережья Африки. Но ни одно место не сияло ярче Индии. Период обогащения Европы, последовавший за путешествием Колумба через Атлантику, совпал с периодом объединения владений, которые распались после смерти Тимура. В 1494 году Бабур, один из его преемников, унаследовал земли в Ферганской долине в Центральной Азии и предпринял попытку расширить свои владения, сосредоточившись на Самарканде, однако успех его было недолгим.

После того как узбекские противники выкинули его из своего города, он двинулся на юг и спустя годы борьбы, не имевшей больших результатов, наконец обратил свое внимание на другой объект. Сначала он подчинил себе Кабул, затем взял под контроль Дели, удалив

⁹⁸⁵ A. Taylor, *Book Arts of Isfahan: Diversity and Identity in Seventeenth-Century Persia* (Malibu, 1995).

⁹⁸⁶ H. Cross, 'South American Bullion Production and Export, 1550–1750', in Richards, *Precious Metals*, p. 402–404.

⁹⁸⁷ A. Jara, 'Economía minera e historia económica hispano-americana', in *Tres ensayos sobre economía minera hispano-americana* (Santiago, 1966).

⁹⁸⁸ A. Attman, *American Bullion in European World Trade, 1600–1800* (Göteborg, 1986), pp. 6, 81; H-Sh. Chuan, 'The Inflow of American Silver into China from the Late Ming to the Mid-Ch'ing Period', *Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hong Kong* 2 (1969), pp. 61–75.

⁹⁸⁹ B. Karl, "'Galanterie di cose rare...': Filippo Sassetti's Indian Shopping List for the Medici Grand Duke Francesco and his Brother Cardinal Ferdinando", *Itinerario* 32.3 (2008), pp. 23–41. Современное описание ацтекского общества – Diego Durán, *Book of the Gods and Rites and the Ancient Calendar*, tr. F. Horcasitas and D. Heyden (1971), pp. 273–274.

оттуда династию тиранов Лоди, которая была широко известна регулярным и жестоким преследованием индусов⁹⁹⁰.

Бабур уже показал себя увлеченным строителем, который получал удовольствие от устройства сада Баг-и-Вафа в Кабуле с внушительными фонтанами, гранатовыми деревьями, клеверными лугами, апельсиновыми рощами и растениями, привезенными издалека. Когда апельсиновые деревья пожелтели, он с гордостью писал: «Это восхитительно выглядит, действительно хорошо сделано»⁹⁹¹. Хорошо зарекомендовав себя в Индии, он продолжил практиковаться в дизайне садов, хоть и жаловался на сложную почву. Предметом особой тревоги являлось водоснабжение. Оно было таким же плохим, как и на севере Индийского субконтинента. «Везде, где я был, – писал он с ужасом, – все было так неприятно и запущено», что не было смысла и пытаться создать что-то особенное. В конце концов, он нашел место возле Агры: «Хотя это и не очень подходящее место (недалеко от города), но делать нечего, придется работать с тем, что у нас есть». Наконец, после долгих поисков за счет огромных затрат в «неприятной и негармоничной Индии» были созданы прекрасные сады⁹⁹².

Несмотря на все опасения Бабура, время для продвижения на юг было как нельзя более подходящим. Прошло совсем немного времени, и новые владения превратились в могущественную империю. Открытие новых торговых путей и рост платежеспособности в Европе означали внезапный приток твердой валюты в Индию. Определенная сумма из этих доходов тратилась на лошадей. Существуют записи о том, что уже в XIV веке каждый год торговцы из Центральной Азии продавали тысячи лошадей⁹⁹³. Лошади, выращенные в степях, были очень популярны, не в последнюю очередь потому, что они были крупнее и лучше питались, в отличие от лошадей с континента. Последние «от природы были так малы, что ноги всадника почти касались земли»⁹⁹⁴. Европейское серебро, которое щедрой рекой текло на Восток, по большей части использовалось для покупки лучших скакунов из соображений престижа, социальной дифференциации и для церемониальных целей, практически так же, как сегодня деньги из нефтяных стран тратятся на шикарные машины: «Феррари», «Ламборджини» и многие другие.

На торговле лошадьми можно было сделать состояние. Это было первое, что привлекло внимание португальцев, когда они добрались до Персидского залива и Индийского океана. В начале XVI века в Европу отправляли доклады о спросе на чистокровных арабских и персидских скакунов, и высокой цене, которую платили за них индийские правители. Португальцы так глубоко втянулись в прибыльный бизнес торговли лошадьми, что спровоцировали технологические изменения. Так, например, такие транспортные средства, как *Nau Taforeia*, строились с учетом того, что на борту будут перевозить этих животных⁹⁹⁵.

Однако большую часть лошадей привозили из Центральной Азии. Деньги прибывали в Индию, и один из современных комментаторов писал о сумасшедших прибылях, в то время как спрос буквально опережал предложение⁹⁹⁶. Растущие доходы побудили вкладывать средства в строительство новых мостов, модернизацию караван-сараев и обеспечение безопас-

⁹⁹⁰ J. Richards, *The Mughal Empire* (Cambridge, 1993), pp. 6–8.

⁹⁹¹ *Bābur-Nāma*, pp. 173–174. а также D. F. Ruggles, *Islamic Gardens and Landscapes* (Philadelphia, PA, 2008), p. 70.

⁹⁹² *Bābur-Nāma*, p. 359.

⁹⁹³ Ibn Baḥḥā, *Travels*, 8, 2, p. 478.

⁹⁹⁴ J. Gommans, *Mughal Warfare: Indian Frontiers and High Roads to Empire, 1500–1700* (London, 2002), pp. 112–113. О размерах индийских лошадей – J. Tavernier, *Travels in India*, ed. V. Ball, 2 vols (London, 1889), 2, p. 263. О лошадях из Центральной Азии см. J. Masson Smith, 'Mongol Society and Military in the Middle East: Antecedents and Adaptations', in Y. Lev (ed.), *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th Centuries* (Leiden, 1997), pp. 247–264.

⁹⁹⁵ L. Jardine and J. Brotton, *Global Interests: Renaissance Art between East and West* (London, 2005), pp. 146–148.

⁹⁹⁶ J. Gommans, 'Warhorse and Post-Nomadic Empire in Asia, c. 1000–1800', *Journal of Global History* 2 (2007), pp. 1–21.

ности основных торговых путей, ведущих на север. В результате города Центральной Азии получили новый импульс развития жизни и достижения величия⁹⁹⁷.

Инфраструктура, необходимая для торговли лошадьми, тоже приносила свой доход. Один сообразительный аферист инвестировал в строительство гостиниц вдоль основных маршрутов. За 15 лет в середине XVI века он успел основать более 1500 таких домов. Увеличивающийся поток денег в этот регион даже упоминается в «Гуру Грант Сахиб», великом священном тексте сикхизма, где обыденное и коммерческое идут рука об руку с духовным. Гуру советует своим последователям покупать хорошие, качественные товары, всегда аккуратно вести счета, так как в них хранится истина⁹⁹⁸.

В ключевых городах, в том числе и в Кабуле, были расположены крупные конные рынки. Быстрее всех остальных благодаря близости к Гиндукушу развивался город Дели. По мере того как росла торговая значимость города, вместе с ней увеличивалась и значимость его правителей⁹⁹⁹. Вскоре большой толчок для развития получила текстильная промышленность, которая находилась под тщательным присмотром правителей моголов. Произведенные здесь материалы высоко ценились по всей Азии и за ее пределами¹⁰⁰⁰.

Это было незадолго до того, как могущественное государство расширилось, используя свои финансовые мускулы, чтобы подчинить один регион за другим и объединить их в единое целое. В ходе XVI века Бабур, а затем и его сын Хумаюн и внук Акбар I осуществили драматическую экспансию империи Великих Моголов, которая к 1600 году простиралась от Гуджарата на западном побережье Индии до Бенгальского залива и от Лахора в Пенджабе в глубь Центральной Индии.

Это не было завоевание ради завоевания. Это, скорее, было правильное использование сложившейся ситуации для захвата городов и регионов, обещавших щедрую прибыль, которая могла бы усилить новую, формирующуюся империю. Как отметил один португальский иезуит в письме в свой орден, завоевание Гуджарата и Бенгалии, где было полно шумных городов и прибыльных налоговых баз, сделало Акбара хозяином «жемчужин Индии»¹⁰⁰¹. Каждое новое прибавление обеспечивало центр дополнительной мощью, которая давала добавочный импульс для дальнейшего расширения.

Моголы принесли новые идеи, предпочтения и стили. Миниатюрная живопись, которой долгое время благоволители монголы и Тимуриды, теперь находилась под покровительством новых правителей, которые собрали мастеров со всего мира, чтобы создать процветающую школу изобразительного искусства. Кроме того, в моду вошли борьба и голубиные гонки – излюбленные развлечения в Центральной Азии¹⁰⁰².

На архитектуру и садовый дизайн сильно повлияли прекрасные здания и ландшафты Самарканда. Вскоре такой стиль можно было встретить по всей империи. Результаты мы видим и по сей день. Великолепная гробница Хумаюна – это не только шедевр дизайна эпохи Тимуридов, построенный архитектором из Бухары, но и свидетельство наступления новой эры в истории Индии¹⁰⁰³. Были введены новые стили озеленения, которые объеди-

⁹⁹⁷ См. S. Dale, *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750* (Cambridge, 1994), pp. 41–42.

⁹⁹⁸ Цитируется по M. Alam, 'Trade, State Policy and Regional Change: Aspects of Mughal-Uzbek Commercial Relations, c. 1550–1750', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 37.3 (1994), p. 221; также см. здесь C. Singh, *Region and Empire: Punjab in the Seventeenth Century* (New Delhi, 1991), pp. 173–203.

⁹⁹⁹ J. Gommans, *Mughal Warfare: Indian Frontiers and Highroads to Empire, 1500–1700* (London, 2002), p. 116.

¹⁰⁰⁰ D. Washbrook, 'India in the Early Modern World Economy: Modes of Production, Reproduction and Exchange', *Journal of Global History* 2 (2007), pp. 92–93.

¹⁰⁰¹ Письмо Дуарте де Санде, in *Documenta Indica*, ed. J. Wicki and J. Gomes, 18 vols (Rome, 1948–1988), 9, p. 676.

¹⁰⁰² R. Foltz, 'Cultural Contacts between Central Asia and Mughal India', in S. Levi (ed.), *India and Central Asia* (New Delhi, 2007), pp. 155–175.

¹⁰⁰³ M. Subtelny, 'Mirak-i Sayyid Ghiyas and the Timurid Tradition of Landscape Architecture', *Studia Iranica* 24.1 (1995), pp. 19–60.

няли постройки с окружающим их ландшафтом. В этом стиле наблюдалось большое влияние практик и идей из Центральной Азии¹⁰⁰⁴. Город Лахор стал знаменит своими памятниками и тщательно спланированными открытыми пространствами¹⁰⁰⁵. Имея в распоряжении огромные ресурсы, моголы преобразовали империю по своему вкусу. И сделали это с невероятным размахом.

Потрясающий город Фатехпур-Сикри, построенный во второй половине XVI века в качестве новой столицы, дает представление о имеющихся ресурсах и имперских устремлениях правящего дома. Изысканные дворцы из красного песчаника, построенные в эклектичном стиле Персии, Центральной Азии и Индии, создают прекрасный ансамбль. Здесь правитель мог принимать посетителей, у которых не должно было остаться и тени сомнения о его могуществе¹⁰⁰⁶.

Самый известный памятник, свидетельствующий об огромном богатстве, в основе которого лежали средства, поступающие из Европы, – мавзолей, построенный Шах-Джаханом в начале XVII века для его жены Мумтаз.

В память о ней Шах-Джахан раздал огромное количество еды и денег бедным. Как только подходящее место для захоронения было выбрано, миллионы долларов в пересчете на современные деньги были потрачены на сооружение величественного здания под куполом, а затем еще миллионы – на золотой экран и купола, украшенные эмалью самого высокого качества и большим количеством золота. По обе стороны от мавзолея поставили павильоны с великолепными куполами, вокруг которых были разбиты сады. Для поддержания комплекса в должном виде в будущем должны были использоваться доходы близлежащих рынков¹⁰⁰⁷.

Для многих Тадж-Махал – самый романтичный памятник в мире, потрясающая демонстрация любви мужа к жене. Но помимо этого он является свидетельством расширения международной торговли, которая принесла правителю моголов такое богатство, что он был в состоянии создать такой прекрасный символ супружеской любви. Возможность творить Тадж-Махал была обусловлена сдвигом в мировой оси: слава и богатство Европы и Индии обеспечивались за счет Северной и Южной Америки.

Можно провести изящную параллель между щедрым выражением печали Шах-Джахана по его почившей жене и тем, что произошло на другом конце света незадолго до этого. Империя майя тоже процветала до прихода европейцев. «Тогда не было болезней, у них не ныли кости, не было лихорадки и никогда не возникало ни оспы, ни жара, ни чашотки. В то время жизнь людей была упорядочена. Все изменили прибывшие иностранцы. Они привезли с собой постыдные вещи», – рассказывал один из авторов вскоре после этого¹⁰⁰⁸. Золото и серебро, которое забрали из Северной и Южной Америки, оказались в Азии. Именно это позволило построить Тадж-Махал. Есть определенная доля иронии в том, что один из символов Индии стал результатом страданий «индийцев», живущих на другой стороне света.

Континенты теперь были соединены друг с другом при помощи золота и серебра. Это сподвигло многих искать удачу в новых землях: к концу XVI века английский путешествен-

¹⁰⁰⁴ J. Westcoat, 'Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India', *Landscape Journal* 10.2 (1991), pp. 105–114; Ruggles, 'Humayun's Tomb and Garden: Typologies and Visual Order', in A. Petruccioli (ed.), *Gardens in the Time of the Great Muslim Empires* (Leiden, 1997), pp. 173–186. О влиянии Центральной Азии см., главным образом, M. Subtelny, 'A Medieval Persian Agricultural Manual in Context: The *Irshad al-Zira'a* in Late Timurid and Early Safavid Khorasan', *Studia Iranica* 22.2 (1993), pp. 167–217.

¹⁰⁰⁵ J. Westcoat, M. Brand and N. Mir, 'The Shadara Gardens of Lahore: Site Documentation and Spatial Analysis', *Pakistan Archaeology* 25 (1993), pp. 333–366.

¹⁰⁰⁶ M. Brand and G. Lowry (eds), *Fatehpur Sikri* (Bombay, 1987).

¹⁰⁰⁷ *The Shah Jahan Nama of Inayat Khan*, ed. and tr. W. Begley and Z. Desai (Delhi, 1990), pp. 70–71.

¹⁰⁰⁸ J. Hoil, *The Book of Chilam Balam of Chumayel*, tr. R. Roys (Washington, DC, 1967), pp. 19–20.

ник, посетивший остров Ормуз в Персидском заливе, писал, что город был полон «французов, фламандцев, немцев, венгров, итальянцев, греков, армян, назарян, турков и мавров, евреев и язычников, персов и московитов»¹⁰⁰⁹. Зову Востока было сложно сопротивляться.

Людей из Европы привлекали не только мысли о коммерческой выгоде, но и перспективы получения хорошо оплачиваемой работы. Там были практически неограниченные возможности для канониров, пилотов, штурманов, капитанов галер или кораблестроителей из Персии, Индии, с Малайского полуострова и даже из Японии. Здесь шансы начать новую жизнь имели все: дезертиры, преступники и неугодные, а также те, чьи мастерство и опыт ценились местными правителями. Тот, кто хорошо справлялся с работой, мог провозгласить себя практически независимым князьком. Так, например, и случилось в Бенгальском заливе и Малаккском море, где один удачливый голландец обнаружил, что может резвиться с таким количеством женщин, как ему нравится, петь, танцевать «весь день в голом виде», к тому же совершенно нетрезвый¹⁰¹⁰.

Основание в 1751 году испанцами Манилы изменило ритм международной торговли. Вначале они следовали программе колонизации, которая носила менее разрушительный характер для местного населения, чем первые трансатлантические переходы¹⁰¹¹. Изначально образованное как база для добычи и приобретения специй, поселение быстро стало большим городом и важным связующим звеном между Азией и американскими континентами. Товары, как и серебро, которым их оплачивали, стали перемещаться по Тихому океану, теперь не было необходимости везти все через Европу. По словам одного из высокопоставленных чиновников, в 1600 году в городе можно было приобрести множество видов шелка, а также бархата, атласа и других тканей. Кроме того, здесь был большой выбор «постельного белья, портьер, покрывал и гобеленов», а также скатертей, подушек, ковров, металлических тазов, медных чайников и чугунных горшков. Здесь были доступны олово, свинец, селитра и порох из Китая, оттуда же привозили «консервы из апельсина, персика, груши, мускатного ореха и имбиря», каштаны, орехи, лошадей, гусей, которые больше напоминали лебедей, говорящих птиц и другие редкости. Автор пытался перечислить все, чем там торгуют, но отмечал: «Я никогда не закончу этот список, и у меня наверняка не хватит на него бумаги»¹⁰¹². По словам современного исследователя, Манила была «первым в мире глобальным городом»¹⁰¹³.

Это, естественно, имело важные последствия и для других торговых путей. Не случайно, после открытия маршрута через Манилу в экономике империи османов произошел спад. Хотя это и было связано с внутренним финансовым давлением и перерасходом средств на дорогостоящие военные кампании против Габсбургов и Персии, внезапное появление нового крупного пути для международной торговли за тысячи миль также сказалось на уменьшении доходов, получаемых Османской империей¹⁰¹⁴.

Количество серебра, направлявшегося из Северной и Южной Америки через Филиппины в Азию, колебалось. Объемы поставок были аналогичны объемам, которые поступали

¹⁰⁰⁹ Письмо Джона Ньюбери, in J. Courtney Locke (ed.), *The First Englishmen in India* (London, 1930), p. 42.

¹⁰¹⁰ Samuel Purchas, *Hakluytus posthumus, or, Purchas His Pilgrimes*, 20 vols (Glasgow, 1905–1907), 3, p. 93; G. Scammell, 'European Exiles, Renegades and Outlaws and the Maritime Economy of Asia, c. 1500–1750', *Modern Asian Studies* 26.4 (1992), pp. 641–661.

¹⁰¹¹ L. Newsom, 'Disease and Immunity in the Pre-Spanish Philippines', *Social Science & Medicine* 48 (1999), pp. 1833–1850; L. Newsom, 'Conquest, Pestilence and Demographic Collapse in the Early Spanish Philippines', *Journal of Historical Geography* 32 (2006), pp. 3–20.

¹⁰¹² Antonio de Morga, in W. Schurz, *The Manila Galleon* (New York, 1959), pp. 69–75; также см. Brook, *Confusions of Pleasure*, pp. 205–206.

¹⁰¹³ D. Irving, *Colonial Counterpoint: Music from Early Modern Manila* (Oxford, 2010), p. 19.

¹⁰¹⁴ Об османском кризисе – Pamuk, 'In the Absence of Domestic Currency', pp. 353–358.

в Европу в конце XVI – начале XVII века, и это вызвало волнения в некоторых частях Испании. Денежный поток из Нового света в Европу начал снижаться¹⁰¹⁵.

Серебряный путь огибал земной шар как пояс. Драгоценный металл сконцентрировался в одном месте, в частности в Китае. Это случилось по двум причинам. Первой причиной стало то, что размер Китая и его утонченность позволили ему стать крупнейшим производителем предметов роскоши, включая керамику и фарфор. В Европе был такой большой спрос на них, что очень быстро появился рынок подделок. Китайцы, как писал Маттео Риччи, который посетил Нинцзин, «гениальны в изготовлении антиквариата, очень искусны и изобретательны», и благодаря своим умениям, они могут делать большие деньги¹⁰¹⁶. В Китае были написаны целые книги о том, как обнаруживать подделки. Лю Дун написал пособие, как отличить подлинные изделия из бронзы из Сюанде или фарфора из Юнлэ¹⁰¹⁷.

Китай увеличивал производительность и поставлял все больше товаров. Так, например, Дехуа в провинции Фуцзянь стал центром изготовления фарфоровых изделий для удовлетворения запросов европейцев. Шелковые фабрики также получали инвестиции, чтобы удовлетворить аппетиты Запада. Это был разумный бизнес-ход, который помог резко увеличить доходы правителей династии Мин. Причем некоторые ученые утверждают, что они возросли не менее чем в 4 раза между 1600 и 1643 годами¹⁰¹⁸.

Второй причиной, почему так много денег вливалось в Китай, был дисбаланс между драгоценными металлами. В Китае курс серебра к золоту составлял примерно 6:1, что гораздо больше, чем в Индии, Персии или Османской империи. Его ценность была почти вдвое выше, чем в Европе в начале XVI века. На практике это означало, что европейские деньги имели большую платежеспособность на китайских рынках, что давало мощный стимул покупать товары именно там. Возможности для обмена валют и извлечения выгоды из разницы курсов, то, что современные банкиры называют арбитражем, были немедленно использованы прибывшими на Дальний Восток, особенно теми, кто осознал разницу в курсе золота в Китае и Японии.

Это позволяло получить легкую прибыль. Торговцы кинулись покупать и продавать валюту и драгоценные металлы. Купцы из Макао везли тщательно отобранные товары в Японию, но, по свидетельствам очевидцев, были заинтересованы только в том, чтобы обменять их на серебро¹⁰¹⁹. Некоторые едва могли скрыть свое волнение от таких возможностей. Ценность серебра по отношению к золоту была такой высокой, что золото внезапно стало удивительно дешевым, по словам Педро Баезы, «можно было получить прибыль в 70–75 %», если один драгоценный металл поменять на другой на Востоке, отвезти в испанские территории в Америке, а затем в саму Испанию¹⁰²⁰.

Эффект от притока серебра в Китай был достаточно сложным, и его трудно оценить в полной мере. Тем не менее поток драгоценных металлов из Америки оказывал очевидное

¹⁰¹⁵ W. Barrett, 'World Bullion Flows, 1450–1800', in J. Tracy (ed.), *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern Worlds, 1350–1750* (Cambridge, 1990), pp. 236–237; D. Flynn and A. Giráldez, 'Born with a "Silver Spoon": The Origin of World Trade in 1571', *Journal of World History* 6.2 (1995), pp. 201–221; J. TePaske, 'New World Silver, Castile, and the Philippines, 1590–1800', in Richards, *Precious Metals*, p. 439.

¹⁰¹⁶ P. D'Elia, *Documenti originali concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime relazioni tra l'Europa e la Cina (1579–1615)*, 4 vols (Rome, 1942), 1, p. 91.

¹⁰¹⁷ Brook, *Confusions of Pleasure*, pp. 225–226. Об отношении китайцев к древностям и прошлому – C. Clunas, *Superfluous Things: Material Culture and Social Status in Early Modern China* (Cambridge, 1991), pp. 91–115.

¹⁰¹⁸ W. Atwell, 'International Bullion Flows and the Chinese Economy circa 1530–1650', *Past & Present* 95 (1982), p. 86.

¹⁰¹⁹ Richard Hakluyt, *The Principal Navigation, Voyages, Traffiques, & Discoveries of the English Nations*, 12 vols (Glasgow, 1903–1905), 5, p. 498.

¹⁰²⁰ C. Boxer, *The Christian Century in Japan, 1549–1650* (Berkeley, 1951), pp. 425–427. Главным образом, см. здесь R. von Glahn, 'Myth and Reality of China's Seventeenth-Century Monetary Crisis', *Journal of Economic History* 56.2 (1996), pp. 429–454; D. Flynn and A. Giráldez, 'Arbitrage, China and World Trade in the Early Modern Period', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 6.2 (1995), pp. 201–221.

влияние на культуру Китая, искусство и науку в XVI и XVII веках. Художники, такие как Шэнь Чжоу, который входил в Четверку мастеров (величайших мастеров эпохи Мин), получали за свою работу покровительство и финансовую помощь. Такие же художники, как Лу Чжи, обнаружили, что частные коллекционеры и растущий средний класс проявляют интерес к их творчеству, желая расширить свои знания и приобрести новые увлечения¹⁰²¹.

Это была эпоха экспериментов и открытий. Тогда была написана книга Jin Ping Mei – эротическая новелла, известная под названием «Золотой Лотос», по имени одного из основных персонажей, примечательная не только сложной литературной формой, но и описанием секса¹⁰²². Новое богатство помогло поддержать таких ученых, как Сун Ынсин, который написал энциклопедию, охватывающую множество тем, начиная с ныряния с маской и заканчивая использованием гидравлики в ирригации. Его работа была высоко оценена и хорошо оплачена¹⁰²³. Растущий интерес к конфуцианству и уважение, с которым относились к таким специалистам, как Ван Янмин, – живое доказательство того, что люди хотели объяснений и решений в это время значительных перемен¹⁰²⁴.

Недавно в Бодлеанской библиотеке Оксфорда были найдены карты, в том числе китайская карта Селдена. Данная торговая карта подчеркивает стремление китайцев в тот период торговать и путешествовать, в частности по Юго-Восточной Азии, включая судоходные маршруты. Хотя в этот период, как и раньше, китайские карты демонстрировали затворнический взгляд на мир. Они оканчивались Великой китайской стеной на севере и морем на востоке. Это говорило о готовности Китая играть пассивную роль, в то время как весь остальной мир открывался, а также отражало превосходство европейцев в морском деле в Восточной Азии, где голландские, испанские и португальские суда прицеливались друг к другу, однако регулярно захватывали китайские джонки вместе с их грузами¹⁰²⁵. Китай не был заинтересован в том, чтобы принимать участие в битвах агрессивных соперников, не говоря уже о плачевных последствиях этого. В таких условиях желание стать более интроспективным, но в то же время пожинать плоды от увеличения прибывающих торговцев казалось вполне логичным.

Большая часть серебра, наводнившего Китай, была потрачена на серию крупных реформ – монетизацию экономики, поощрение свободных рынков труда и программу стимулирования международной торговли. Иронично, но любовь Китая к серебру и отношение к нему как драгоценному металлу номер один стало его ахиллесовой пятой. При таких больших объемах серебра, которые поступали в Китай в основном через Манилу, падение его ценности было неизбежно, что, в свою очередь, привело к ценовой инфляции. В конце концов, ценность серебра и прежде всего его курс в отношении золота пришлось привести в соответствие с курсами других регионов и континентов. В отличие от Индии, где открытие нового мира привело к созданию чудес света, в Китае это привело к серьезному экономическому и политическому кризису XVII века¹⁰²⁶. Глобализация причиняла не меньше проблем пять столетий назад, чем сейчас.

¹⁰²¹ C. Clunas, *Empire of Great Brightness: Visual and Material Cultures of Ming China, 1368–1644* (London, 2007); Brook, *Confusions of Pleasure*.

¹⁰²² *The Plum in the Golden Vase, or, Chin P'ing Mei*, tr. D. Roy, 5 vols (Princeton, 1993–2013). См. здесь N. Ding, *Obscene Things: Sexual Politics in Jin Ping Mei* (Durham, NC, 2002).

¹⁰²³ C. Cullen, 'The Science / Technology Interface in Seventeenth-Century China: Song Yingxing on *Qi* and the *Wu Xing*', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 53.2 (1990), pp. 295–318.

¹⁰²⁴ W. de Bary, 'Neo-Confucian Cultivation and the Seventeenth-Century Enlightenment', in de Bary (ed.), *The Unfolding of Neo-Confucianism* (New York, 1975), pp. 141–216.

¹⁰²⁵ Сама карта Селдена, возможно, была захвачена таким образом, R. Batchelor, 'The Selden Map Rediscovered: A Chinese Map of East Asian Shipping Routes, c. 1619', *Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography* 65.1 (2013), pp. 37–63.

¹⁰²⁶ W. Atwell, 'Ming Observations of Ming Decline: Some Chinese Views on the "Seventeenth Century Crisis" in Comparative

Как позже отметил Адам Смит в своей знаменитой книге о богатстве народов, «открытие Америки и пути в Ост-Индию через мыс Доброй Надежды – самые важные события в истории человечества»¹⁰²⁷. Мир на самом деле изменился вследствие появления золотых и серебряных путей после первой экспедиции Колумба и успешного возвращения Васко да Гамы домой из Индии. О чем не сказал Адам Смит в 1776 году, так это о том, как в это уравнение вписывалась Англия. Столетие после открытий 1490-х годов мир принадлежал Испании и Португалии, вместе со всеми благами, обнаруженными в восточной империи. Следующие же 200 лет должны принадлежать странам Северной Европы. Вопреки всем ожиданиям центр мирового притяжения снова сместился. Пришло время Британии стать Великой.

Perspective', *Journal of the Royal Asiatic Society* 2 (1988), pp. 316–348.

¹⁰²⁷ A. Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 4.7, ed. R. Campbell and A. Skinner, 2 vols (Oxford, 1976), 2, p. 626.

13. Путь в Северную Европу

После открытий 1490-х годов мир был преобразен. Европа уже не стояла на обочине мировых событий, она сама стала мировым двигателем. Решения, принятые в Мадриде и Лиссабоне, теперь разносились за тысячи миль, так же как раньше из Багдада под управлением Аббасидов, Лояна эпохи династии Тан в Китае, столицы империи монголов Каракорума и Самарканда под управлением Тимура. Все дороги теперь вели в Европу.

Очень многие были сильно разочарованы таким положением вещей. Причем тяжелее пришлось англичанам. То, что противники Англии разбогатели буквально в одночасье, уже было достаточно плохо. Но еще хуже был триумфальный рассказ о том, что золото и серебро, посыпавшиеся на испанскую корону, были частью божьего замысла. Последовал болезненный разрыв Англии с Римом. «Как же велика та сила, которую божественное провидение поместило в руки королей Испании», – писал один из иезуитских священников в XVI веке. Богатство Испании было «предопределено свыше Господом, который как дает, так и забирает королевства независимо от чьих-либо желаний»¹⁰²⁸.

Церковь заявляла, что правители-протестанты должны опасаться наказания за то, что отинули истинную веру. Реформация шла полным ходом, между католиками и протестантами Европы царил атмосфера насилия и жестокости. Ходили слухи о неминуемых военных действиях против Англии, особенно после того как со смертью Марии I развеялись ложные надежды, что Англия может вернуться в лоно Рима и снова признать власть папы.

Когда Елизавета I, ее сводная сестра, заняла трон в 1558 году, ей пришлось балансировать между религиозными требованиями громкоголосой и могущественной группы лоббистов, с одной стороны, и недовольством тех, кто оказался жертвой этой атмосферы нетерпимости, с другой. Стать всем и для всех было непросто ввиду относительной изоляции Англии на окраине Европы. В 1570 году папа Пий V издал буллу под названием *Regnans in Excelsis*, где было сказано, что Елизавета I «притворная королева Англии и пособница преступления». Также в ней содержались угрозы отлучения любого из ее подданных, кто будет подчиняться ее законам. В это время все мысли англичан были заняты тем, как подготовиться к возможному вторжению¹⁰²⁹.

Значительные средства были вложены в королевский флот для создания грозной и эффективной первой линии защиты. Были построены самые современные судоремонтные верфи, например, в Дептфорде и Вулвиче на Темзе, где военные корабли строились и ремонтировались со все возрастающей эффективностью, что привело к революции в строительстве торговых судов. Корабли смогли перевозить больше грузов, проходить большие расстояния, оставаться в море гораздо дольше и вмещать гораздо большую команду. Кроме того, на них устанавливались более мощные пушки¹⁰³⁰.

Главой кораблестроителей стал Мэтью Бейкер, который сам являлся сыном строителя. Он применял математические и геометрические принципы, которые были изложены в основополагающей работе под названием «Фрагменты древнего английского судостроения», для создания нового поколения судов для королевы Елизаветы¹⁰³¹. Вскоре эти разработки стали использовать и для коммерческих целей, и это привело к тому, что количество английских

¹⁰²⁸ José de Acosta, *Historia natural y moral de las Indias*, tr. E. Mangan, *Natural and Moral History of the Indies* (Durham, NC, 2002), p. 179.

¹⁰²⁹ *Regnans in excelsis*, in R. Miola (ed.), *Early Modern Catholicism: An Anthology of Primary Sources* (Oxford, 2007), pp. 486–488; см. P. Holmes, *Resistance and Compromise: The Political Thought of the Elizabethan Catholics* (Cambridge, 2009).

¹⁰³⁰ D. Loades, *The Making of the Elizabethan Navy 1540–1590: From the Solent to the Armada* (London, 2009).

¹⁰³¹ C. Knighton, 'A Century on: Pepys and the Elizabethan Navy', *Transactions of the Royal Historical Society* 14 (2004), pp. 143–144; R. Barker, 'Fragments from the Pepysian Library', *Revista da Universidade de Coimbra* 32 (1986), pp. 161–178.

кораблей весом в сто тонн утроилось за десятилетие после 1560 года. Новое поколение судов быстро завоевало хорошую репутацию благодаря их скорости, высокой управляемости, а также тому, какую угрозу они представляли на море¹⁰³².

Выгода от наращивания Англией военно-морских сил стала очевидной, когда Испания летом 1588 года предприняла попытку послать огромный флот в Нидерланды за войсками для полномасштабного вторжения в Англию. Потерпев поражение в схватке с англичанами, выжившая часть испанской армады с позором вернулась домой. Хотя большинство кораблей погибло на рифах и во время жестоких штормов, а не от рук англичан, никто не сомневался в том, что военно-морские инвестиции окупились с лихвой¹⁰³³.

Четыре года спустя захват Мадре-де-Деус, португальской каравеллы, которая возвращалась домой из Ост-Индии с грузом перца, гвоздики, мускатного ореха, черного дерева, gobеленов, шелка, текстиля, жемчуга и драгоценных металлов, еще раз решительно заявил о морском превосходстве Англии. Добыча с одного-единственного корабля, который отвели в Дартмутскую гавань на южном побережье, составила примерно половину от ежегодного объема импорта Англии. Захват каравеллы спровоцировал жаркие дискуссии о том, нужно ли поделить добычу между короной и теми, кто непосредственно добился успеха, и ситуация усугубилась, когда некоторые дорогостоящие товары пропали¹⁰³⁴.

Подобные успехи быстро поднимали уверенность в себе и сподвигали на все более разрушительную деятельность в Атлантике и многих других местах. Англия стала поддерживать отношения со всеми, кто мог назвать себя врагом католической Европы. Например, в 1590-х годах королева Елизавета решила освободить мусульман из Северной Африки, которые служили «галерными рабами» на захваченных испанских судах, и обеспечить их одеждой, деньгами «и другими необходимыми вещами», прежде чем они будут в сохранности доставлены домой¹⁰³⁵. Кроме того, англичане получили поддержку мусульман из Северной Африки во время атаки на Кадис в 1596 году. Это событие было упомянуто в самом начале произведения Шекспира «Венецианский купец». Расстановка сил в тот период была такова, что современные исследователи говорят об англичанах и маврах, участвовавших в «джихаде» против католической Испании¹⁰³⁶.

В результате в попытках Англии бросить вызов испанцам и португальцам на их новых торговых путях в Америку и Азию существенные усилия были затрачены на установление тесных отношений с османской Турцией. В то время как большая часть Европы с ужасом смотрела, как турецкие войска практически подходят к воротам Вены, англичане заняли совсем другую позицию. Их отсутствие было очень заметно, когда остальные христианские государства собрали Священную лигу, коалицию, которая собралась атаковать османский флот в Лепанто в Коринфском заливе в 1571 году. После победы Священной лиги ликовала вся Европа. Чтобы увековечить этот успех, были созданы прекрасные стихи, музыка, картины и статуи. Англия встретила эту победу молчанием¹⁰³⁷.

¹⁰³² M. Oppenheim, *A History of the Administration of the Royal Navy, 1509–1660* (London, 1896), pp. 172–174; N. Williams, *The Maritime Trade of the East Anglian Ports, 1550–1590* (Oxford, 1988), pp. 220–221.

¹⁰³³ C. Martin and G. Parker, *The Spanish Armada* (Manchester, 1988); G. Mattingly, *The Armada* (New York, 2005).

¹⁰³⁴ E. Bovill, 'The Madre de Dios', *Mariner's Mirror* 54 (1968), pp. 129–152; G. Scammell, 'England, Portugal and the Estado da India, c. 1500–1635', *Modern Asian Studies* 16.2 (1982), p. 180.

¹⁰³⁵ *The Portable Hakluyt's Voyages*, ed. R. Blacker (New York, 1967), p. 516; J. Parker, *Books to Build an Empire* (Amsterdam, 1965), p. 131; N. Matar, *Turks, Moors, and Englishmen in the Age of Discovery* (New York, 1999).

¹⁰³⁶ N. Matar, *Britain and Barbary, 1589–1689* (Gainesville, FL, 2005), p. 21; *Merchant of Venice*, I.1.

¹⁰³⁷ C. Dionisotti, 'Lepanto nella cultura italiana del tempo', in G. Benzoni (ed.), *Il Mediterraneo nella seconda metà del '500 alla luce di Lepanto* (Florence, 1974), pp. 127–151; I. Fenlon, "'In destructione Turcharum': The Victory of Lepanto in Sixteenth-Century Music and Letters", in E. Degreda (ed.), *Andrea Gabrieli e il suo tempo: Atti del Convegno internazionale (Venezia 16–18 settembre 1985)* (Florence, 1987), pp. 293–317; I. Fenlon, 'Lepanto: The Arts of Celebration in Renaissance Venice', *Proceedings of the British Academy* 73 (1988), pp. 201–236.

Даже после этого султан Константинополя получал теплые дружеские письма и щедрые дары от королевы Елизаветы. В результате «искренние и обширные приветствия, благоухающие розой, а также заверения в дружбе и взаимном доверии» были отправлены обратно в Лондон¹⁰³⁸.

Среди подарков из Англии был орган, дизайн которого был создан Томасом Далламом. Он был отправлен в Константинополь в 1599 году. Даллам пришел в ужас от известия, что из-за жары и влажности «многие детали испортились», а трубы были повреждены при перевозке. Английскому послу было достаточно одного взгляда, чтобы «заявить, что он не стоит и двухпенсовика». Орган был преподнесен в дар после того, как был восстановлен Далламом, работавшим круглыми сутками. Игра на нем настолько впечатлила султана Мехмета III, что он осыпал Даллама золотом и обещал «лучших жен, или лучших наложниц, или лучших девиц, которых я смогу найти»¹⁰³⁹.

Отношения Елизаветы и султана были подкреплены перспективами, которые открылись после продвижения турков в Европе. Папа убеждал христианских правителей сплотиться, чтобы предотвратить дальнейшие потери, мрачно предупреждая их, что «если Венгрия захвачена, то Германия будет следующей, а если они перейдут Далмацию и Иллирию, последует вторжение в Италию»¹⁰⁴⁰. Англия твердо гнула свою линию, выстраивая хорошие отношения с Константинополем. Это казалось удачным решением для внешней политики, а также для развития торговых связей.

В связи с этим официальный договор, который давал английским торговцам в Османской империи привилегии более щедрые, чем давались какой-либо другой нации, бросался в глаза¹⁰⁴¹. Не менее поразительным было то, что в общении между протестантами и мусульманами использовался общий язык. И это не было случайностью, королева Елизавета в письме османскому султану писала о себе, что она «милостью всемогущего Господа... непобедимый и самый могущественный защитник христианской веры от всех видов идолопоклонников, которые живут среди христиан и перевирают учение Христа»¹⁰⁴². Османские правители также внимательно следили за возможностью добраться до тех, кто откололся от католической церкви, подчеркивая сходство тем, как они интерпретируют веру, особенно, когда дело касалось визуальных образов. Среди множества прегрешений «неверного, которого они называют папой», как писал султан Мурад «членам лютеранской секты в Испании и Фландрии», было то, что он поощряет поклонение идолам. Во многом то, что последователи Мартина Лютера «отказались от идолов и изображений и колоколов в церквях», их заслуга¹⁰⁴³. Вопреки всем трудностям, протестантизм в Англии мог открыть новые возможности¹⁰⁴⁴.

Положительное восприятие османов и мусульманского мира проникло в массовую культуру Англии. «Не презирай меня за черноту», – говорил принц Марокканский в шекспировском «Венецианском купце», когда он пытался завоевать Порцию. Публика была осведомлена, что король неоднократно храбро сражался за султана и был прекрасной партией для наследницы (в данном персонаже зашифрован образ самой королевы Елизаветы), кроме

¹⁰³⁸ S. Skilliter, 'Three Letters from the Ottoman "Sultana" Safiye to Queen Elizabeth I', in S. Stern (ed.), *Documents from Islamic Chanceries* (Cambridge, MA, 1965), pp. 119–157.

¹⁰³⁹ G. Maclean, *The Rise of Oriental Travel: English Visitors to the Ottoman Empire, 1580–1720* (London, 2004), pp. 1–47; L. Jardine, 'Gloriana Rules the Waves: Or, the Advantage of Being Excommunicated (and a Woman)', *Transactions of the Royal Historical Society* 14 (2004), pp. 209–222.

¹⁰⁴⁰ A. Artner (ed.), *Hungary as 'Propugnaculum' of Western Christianity: Documents from the Vatican Secret Archives (ca. 1214–1606)* (Budapest, 2004), p. 112.

¹⁰⁴¹ Jardine, 'Gloriana Rules the Waves', p. 210.

¹⁰⁴² S. Skilliter, *William Harborne and the Trade with Turkey 1578–1582: A Documentary Study of the First Anglo-Ottoman Relations* (Oxford, 1977), p. 69.

¹⁰⁴³ Там же, p. 37.

¹⁰⁴⁴ L. Jardine, *Worldly Goods: A New History of the Renaissance* (London, 1996), pp. 373–376.

того, он был достаточно проницателен, чтобы понять: «не все то золото, что блестит». Еще одним примером служит образ Отелло – трагическое благородство главного героя, «мавра» (и вполне вероятно, мусульманина) на военной службе в Венеции резко контрастирует с двойными стандартами, лицемерием и обманом, царящими среди христиан вокруг него. «У мавра постоянный, любящий, благородный характер» – так публике сообщают, что мусульмане могут считаться надежными и решительными, соответственно, когда дело доходит до обещаний, они являются хорошими союзниками¹⁰⁴⁵. Действительно, в елизаветинскую эпоху появление Персии стало общим позитивным культурным ориентиром в английской литературе¹⁰⁴⁶.

На фоне положительного восприятия мусульман и их мира в Англии было удивительно жесткое отношение к испанцам. Публикация текста Бартоломе де лас Касаса о завоевании Нового Света стала просто находкой, особенно в контексте революции, устроенной Иоганном Гутенбергом столетием раньше, которая позволила печатать тексты в недостижимых ранее количествах¹⁰⁴⁷. Это давало возможность быстро распространять тексты, подобные работе доминиканского священника лас Касаса, при этом стоили они сравнительно дешево. Так же как и во время технологического прогресса начала XXI века, наблюдалось внезапное и значительное увеличение скорости распространения информации.

Отчет, написанный де лас Касасом, был важен потому, что священник был потрясен страданиями коренных народов Америки, свидетелем которых стал. За текст, в котором во всех подробностях описывались зверства, уцепились в Англии, где он был переведен как «Краткий отчет о разрушении Индий» (*Brevisima relación de la destrucción de las Indias*). Текст был широко распространен в 1580-х годах в полном и сокращенном варианте, показывающем лишь самые изощренные зверства. В нем испанцы изображались как массовые убийцы, а Испания – как жестокая, кровавая страна. Переводчик Джеймс Алигродо во введении писал, что было убито примерно «12, 15 или даже 20 миллионов несчастных разумных существ»¹⁰⁴⁸.

Такие истории быстро распространились по протестантской Европе, описывая ужасное отношение испанцев к тем, кого они покорили. Аналогии были очевидны: испанцы были прирожденными угнетателями, которые вели себя по отношению к другим с ужасающей жестокостью, если бы у них был шанс, они бы точно так же преследовали и своих соседей¹⁰⁴⁹. Такой вывод вселил ужас в жителей Нидерландов, которые увязли в яростной борьбе с Испанией в конце XVI века, так как испанцы стремились захватить власть в регионах, где активно поддерживалась Реформация. Ричард Хаклюйт, известный летописец и защитник британских поселений в Америке, описал, как испанцы «правили Индиями со всей гордыней и тиранией», загоняя в рабство невинных, которые горестно «рыдают в голос», моля о свободе¹⁰⁵⁰. Такой изображалась испанская модель империи – империи нетерпимости, насилия и преследования. Англия, как утверждали источники, конечно, никогда не станет поступать подобным постыдным образом¹⁰⁵¹.

¹⁰⁴⁵ *Merchant of Venice*, II.7; *Othello*, I.3.

¹⁰⁴⁶ J. Grogan, *The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549–1622* (London, 2014).

¹⁰⁴⁷ A. Kapr, *Johannes Gutenberg: Persönlichkeit und Leistung* (Munich, 1987).

¹⁰⁴⁸ E. Shaksan Bumas, 'The Cannibal Butcher Shop: Protestant Uses of Las Casas's "Brevisima Relación" in Europe and the American Colonies', *Early American Literature* 35.2 (2000), pp. 107–136.

¹⁰⁴⁹ A. Hadfield, 'Late Elizabethan Protestantism, Colonialism and the Fear of the Apocalypse', *Reformation* 3 (1998), pp. 311–320.

¹⁰⁵⁰ R. Hakluyt, 'A Discourse on Western Planting, 1584', in *The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyts*, ed. E. Taylor, 2 vols (London, 1935), 2, pp. 211–326.

¹⁰⁵¹ M. van Gelderen, *The Political Thought of the Dutch Revolt, 1555–1590* (Cambridge, 2002).

Такова была теория. На самом же деле отношение к рабству и насилию было более неоднозначным, чем об этом говорилось. В 1560-х годах английские моряки неоднократно пытались получить долю в прибыльной работорговле в Западной Африке, при этом сэр Джон Хокинс пользовался инвестициями, предоставленными лично королевой Елизаветой, чтобы получить хорошую прибыль от перевозки людей через Атлантику. Решив, что «негры – ходовой товар в Эспаньоле (Гаити) и что запас их можно легко пополнять на побережье Гвинеи», Хокинс и его покровители страстно желали принять в этом участие. Высшее общество Англии вовсе не отказывалось иметь дело с испанскими «тиранами» в Новом свете, на самом деле они также стремились получить от этого выгоду¹⁰⁵².

В конечном счете, позиция Англии была обусловлена глубоким осознанием того, что она находится в слабом положении, чтобы использовать удивительные возможности, которые были созданы великими изменениями начала XVI века. Религиозные диспуты и неудачное планирование времени привели к тому, что страна стала заклятым врагом могущественной мировой державы, которой стала Испания. Англии пришлось довольствоваться лишь малыми крохами богатств, которые щедрой рекой поступали из Америки, а также от торговли Венецией по Красному морю и наземным путям с Востоком. Критиковать испанцев было прекрасно, но это мало помогало скрыть тот факт, что англичане были падальщиками, благодарными за любые попадающиеся им крохи.

Англия «в то время была полна доблестных молодых людей», отмечал писатель Ричард Хаклюйт, а из-за хронического «недостатка в рабочей силе» находилась в отвратительном экономическом положении. Разве было бы не прекрасно, вопрошал он, если бы молодые люди работали над созданием флота, способного сделать «эти владения... властителем всех морей (мира)»?¹⁰⁵³. Разговоры о повелевании морями были амбициозны, но в мечтах нет ничего дурного.

Англичане не сидели на одном месте, пока продолжалась шумиха в Южной Европе. Экспедиции были отправлены в самых разных направлениях, чтобы попытаться открыть торговые пути и построить новые торговые, транспортные и коммуникационные сети. Лишь немногие из них принесли обнадеживающие результаты. Миссия под предводительством Мартина Фробишера, которая должна была исследовать северо-западный проход в 1570-х годах, вернулась домой, так и не найдя желанный путь в Азию. Положение Англии сделало еще более постыдным то, что находка, способная, по утверждению англичан, конкурировать с открытиями в обеих Америках, оказалась фикцией. Из тех мест, где сейчас находится Канада, было вывезено огромное количество золота, но потом оказалось, что этот сверкающий металл не что иное, как марказит, или белый железный пирит – «золото дураков»¹⁰⁵⁴.

Были и другие катастрофы. Попытки попасть в Китай через Баренцево море закончились трагедией. Сэр Хью Уиллоби и его люди обнаружили, что с наступлением зимы их судно оказалось заковано во льды в районе Мурманска. Их замерзшие насмерть тела обнаружили годом спустя. По словам венецианского посла в Лондоне, они замерзли «в самых разных позах, как статуи», некоторые были застигнуты за письмом «в сидячем положении и с пером в руке», другие с ложкой во рту или в процессе открывания сундуков и ящиков¹⁰⁵⁵.

Дальнейшие попытки установить торговые связи с Россией, чтобы получить доступ к товарам с Востока, были затруднены, во-первых, из-за того, что англичане прибыли в тот период, когда Иван IV был особенно грозен, а во-вторых, из-за ограничений торговли России

¹⁰⁵² 'The First Voyage of the right worshipfull and valiant knight, Sir John Hawkins', in *The Hawkins Voyages*, ed. C. Markham (London, 1878), p. 5, а также здесь Kelsey, *Sir John Hawkins*, pp. 52–69.

¹⁰⁵³ Hakluyt, 'A Discourse on Western Planting', 20, p. 315.

¹⁰⁵⁴ См. J. McDermott, *Martin Frobisher: Elizabethan Privateer* (New Haven, 2001).

¹⁰⁵⁵ *Calendar of State Papers and Manuscripts, Venice*, 6.i, p. 240.

с Азией в XVI веке. Даже несмотря на то, что пути через Каспий и за ним были значительно расширены, они все еще оставались небезопасными для торговцев. Даже хорошо охраняемые караваны рисковали нарваться на бандитов¹⁰⁵⁶.

В 1560-х годах английские купцы отправлялись в Персию в отчаянной попытке установить торговые связи. Обычно послы привозили документы от королевы Елизаветы, в которых она обещала дружбу и союз, а также просила о привилегиях «с намерением установить торговлю в ваших владениях»¹⁰⁵⁷.

Англичане так хотели получить торговые концессии, что торговцам были даны строгие инструкции не затрагивать тему религии, особенно после того как они ошиблись в ответах в разговоре относительно достоинств ислама и христианства во время беседы с набожными мусульманскими хозяевами. Если кто-то спросит о перспективах религии в будущем в Англии, советовали путешественникам, лучше всего «пропустить этот вопрос и не отвечать ничего»¹⁰⁵⁸. В Европе религиозное позерство цвело буйным цветом, католики и протестанты яростно сражались друг с другом. За пределами Европы было удобнее оставаться на какой-то одной стороне.

К началу XVII века мало что можно было противопоставить успеху испанцев и португальцев. Были созданы новые торговые объекты, чтобы попытаться собрать деньги из частных фондов, как, например, Компания торговцев-авантюристов, основанная в 1551 году, деятельность которой была направлена на открытие новых земель. Появилось множество компаний, ориентированных на разные географические зоны. Испанские, эстляндские, левантские, русские, турецкие и ост-индские компании получали королевские привилегии, которые давали им статус торговых монополий в выбранном регионе или стране. Обоснованием служило то, что международная торговля была рискованным делом, требующим основательных капиталовложений. Таким образом, стимулирование торговцев и защита будущих достижений стали инновационным способом организации торговли, а вместе с тем и распространения политических шупалец Англии.

Несмотря на звучные имена деятелей, королевское одобрение и большие надежды, вначале результаты были скудными. Англия оставалась на периферии мировой политики, в то время как позиции Испании все больше укреплялись. Драгоценные металлы, которые веками собирали ацтеки, инки и другие народы, буквально за десятилетия были собраны и отправлены в Испанию, так же как и богатства новых шахт уже открытых, но практически не разработанных, например, Потоси, которая только испанской короне приносила миллион песо в год¹⁰⁵⁹.

Хотя находки Испании и были огромны, в Новом свете оставалось еще большее количество сокровищ, которые можно было вывезти. Запас ресурсов были конечен, например, устричные отмели на побережье Венесуэлы, в конце концов, были разорены. За 30 лет в начале XVI века оттуда были выловлены миллиарды устриц¹⁰⁶⁰.

Тем не менее испанцы относились к своей неожиданной удаче как к нескончаемому ресурсу, используя обретенное богатство, чтобы финансировать грандиозные проекты,

¹⁰⁵⁶ Бушев П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. – М., 1976. – С. 37–62.

¹⁰⁵⁷ R. Hakluyt, *The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nations*, 12 vols (Glasgow, 1903–1905), 3, pp. 15–16; R. Ferrier, 'The Terms and Conditions under which English Trade was Transacted with Safavid Persia', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 49.1 (1986), pp. 50–51; K. Meshkat, 'The Journey of Master Anthony Jenkinson to Persia, 1562–1563', *Journal of Early Modern History* 13 (2009), pp. 209–228.

¹⁰⁵⁸ S. Cabot, 'Ordinances, instructions and aduertisements of and for the direction of the intended voyage for Cathaye', 22, in Hakluyt, *Principal navigations*, 2, p. 202.

¹⁰⁵⁹ Vilches, *New World Gold*, p. 27.

¹⁰⁶⁰ A. Romero, S. Chilbert and M. Eisenhart, 'Cubagua's Pearl-Oyster Beds: The First Depletion of a Natural Resource Caused by Europeans in the American Continent', *Journal of Political Ecology* 6 (1999), pp. 57–78.

например строительство огромного дворца Эль-Эскориал, а также нескончаемую военную акцию против врагов по всей Европе. При испанском дворе сложилось стойкое мнение, что необходимо действовать как полицейский Всемогущего, насаждая свою волю всему миру, если это понадобится, то силой. Испанцы полагали, что нельзя бороться с мусульманами и протестантами одними и теми же методами. Начиналась новая глава Священной войны.

Как показали ранние Крестовые походы, священная война, жадная до людей и денег, может стать разорительной для королевской сокровищницы. Ситуация не становилась проще даже ввиду готовности испанской короны финансировать эти проекты в долг, что позволяло поощрять краткосрочные и амбициозные решения, но скрывать истинные намерения, которые стали ясны позже, особенно когда ситуация вышла из-под контроля. Плохое финансовое планирование и некомпетентность были лишь частью общей картины, но именно неспособность Испании контролировать военные расходы привела к катастрофе. Невероятно, но именно Испания во второй половине XVI века не смогла расплатиться по своим долгам, не выполнив свои обязательства не менее четырех раз¹⁰⁶¹. Это было похоже на то, как победитель лотереи переходит от нищеты к богатству только для того, чтобы потратить выигранные деньги на предметы роскоши, которые ранее были ему не по карману.

Эффекты от увеличения богатства ощущались повсюду. Как следовало ожидать, в Европе началась революция цен, а из-за больших поступлений денег из Америки, которые привели к увеличению количества покупателей, приобретавших все большее количество товаров, началась инфляция. Рост урбанизации только усугубил проблему, заставляя цены взлететь вверх. В Испании после открытий Колумба цена на одно только зерно поднялась в 5 раз¹⁰⁶².

В конце концов, такая же участь постигла и города Нидерландов, которые входили во владения Испании. Здесь гнев народа подогревался тем, что Испания предпочитала решать свои финансовые проблемы путем повышения налогов. Северная Европа была сосредоточением производственных центров, а в XIV и XV веках такие города, как Антверпен, Брюгге, Гент и Амстердам, стали важными центрами торговли для Средиземноморья, Скандинавии, Балтики и России, а также Британских островов. Естественно, после открытия Индии и Америки они расцвели еще больше¹⁰⁶³.

Эти города стали магнитами для торговцев буквально отовсюду, что, в свою очередь, привело к оживлению социальной и экономической жизни, а также усилению гражданской самобытности. Рост численности населения требовал увеличения эффективности использования окружающих земель, что способствовало быстрому прогрессу не только в выращивании сельскохозяйственных культур, но и в ирригационных технологиях, включая строительство дамб и морских заграждений, которые позволили эффективно использовать каждый клочок земли. Увеличение размера и продуктивности городов Нидерландов сделало их прибыльными местами, приносящими неплохой доход за счет налогов. И они еще не были потеряны для испанских правителей, которые благодаря удачному династическому браку и наследованию контролировали большую часть этого региона¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁶¹ M. Drelichman and H. – J. Voth, 'The Sustainable Debts of Philip II: A Reconstruction of Spain's Fiscal Position, 1560–1598', *Centre for Economic Policy Research*, Discussion Paper DP6611 (2007).

¹⁰⁶² D. Fischer, *The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History* (Oxford, 1996), а также D. Flynn, 'Sixteenth-Century Inflation from a Production Point of View', in E. Marcus and N. Smukler (eds), *Inflation through the Ages: Economic, Social, Psychological, and Historical Aspects* (New York, 1983), pp. 157–169.

¹⁰⁶³ O. Gelderblom, *Cities of Commerce: The Institutional Foundations of International Trade in the Low Countries, 1250–1650* (Princeton, 2013).

¹⁰⁶⁴ J. Tracy, *A Financial Revolution in the Habsburg Netherlands: Renten and Renteniers in the County of Holland, 1515–1565* (Berkeley, 1985).

Это было незадолго до того, как отдельные провинции взвыли от введения непомерно высоких налогов и ужесточения отношения к религии. Слова Мартина Лютера, Жана Кальвина и прочих деятелей, которые говорили о коррупции политических правителей и подчеркивали важность человека, упали на благодатную почву в этих урбанизированных районах, и протестантизм пустил глубокие корни в этом регионе. Экономическое и религиозное преследование оказалось мощным средством для разжигания восстания и в итоге привело к созданию в 1579 году союза 7 областей, которые затем в итоге стали Голландией, и подписанию Утрехтской унии – декларации их независимости. Испанцы ответили демонстрацией силы и наложением эмбарго на торговлю по всем странам Исторических Нидерландов. Цель состояла в том, чтобы лишить мятежные города кислорода и заставить их подчиниться. Как это часто бывает, когда накладываются санкции, результат оказался противоположным: столкнувшись с ограниченным выбором, сепаратисты перешли в наступление. Единственным шансом выжить стало использование каждой унции знаний, навыков и опыта, имеющихся в их распоряжении. Настало время изменить ситуацию¹⁰⁶⁵.

В самом конце XVI века обстоятельства сложились таким образом, что в Нидерландах смогло произойти чудо. Попытки Испании подавить регион вызвали крупномасштабную эмиграцию. Жители мигрировали из южных провинций на север, из-за чего в таких городах, как Гент, Брюгге и Антверпен, по словам одного из ученых, произошло «катастрофическое кровоизлияние жителей».

Время было подобрано как нельзя удачно. Запрет на торговлю гарантировал, что на складах образовалось значительное количество зерна и сельди, а это означало, что еда было много и она была дешевая. Арендная плата быстро поднималась, но резкое увеличение численности населения привело к росту объема строительства домов. На север переехали опытные торговцы и другие профессионалы, которые пытались избежать давления испанцев¹⁰⁶⁶.

Когда в 1590 году блокада была снята окончательно, голландцы тут же стали избавляться от испанских войск, которые должны были поддерживать порядок, пользуясь тем, что король Испании Филипп II был втянут в военный конфликт в другой части Европы. Внезапно, освободившись от военного давления и получив возможность показать себя, голландцы занялись международной торговлей, начав поиски возможностей для налаживания торговых связей с Америкой, Африкой и Азией.

Была определенная коммерческая логика в том, как они выстраивали собственные торговые пути. Поставка товаров напрямую в Голландскую республику должна была помочь избежать двойного налогообложения: во-первых, теперь при доставке товаров не нужно было платить пошлины в портах Португалии и Испании, где грузы обычно облагали налогом перед отправкой на север. Во-вторых, тот факт, что теперь голландские власти могли собирать налоги сами, а не отправлять их хозяевам с Иберийского полуострова, означал, что деньги, полученные за счет прибыльной торговли в Нидерландах, больше не тратились бездумно на удовлетворение имперских амбиций. Это быстро принесло выгоду и позволило создать эффективный финансовый круговорот, так как большие доходы могли быть реинвестированы, создавая еще большие денежные потоки как для купцов, так и для зарождающейся республики¹⁰⁶⁷.

Амбициозная программа начала приносить дивиденды с самого начала. Экспедиция, которая была отправлена на Восток в 1597 году, на следующий год возвратилась домой с три-

¹⁰⁶⁵ O. van Nimwegen, 'Deser landen crijchsvolck'. *Het Staatse leger en de militaire revoluties 1588–1688* (Amsterdam, 2006).

¹⁰⁶⁶ J. Israel, *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness and Fall 1477–1806* (Oxford, 1995), pp. 308–312.

¹⁰⁶⁷ W. Fritschy, 'The Efficiency of Taxation in Holland', in O. Gelderblom (ed.), *The Political Economy of the Dutch Republic* (2003), pp. 55–84.

умфом и грузом товаров, которые принесли прибыль в 400 %. Корабли, спонсируемые инвесторами, ободренными такими большими прибылями, стали расходиться во всех направлениях¹⁰⁶⁸. Только в 1601 году 14 разных экспедиций отправилось в Азию, в то время как сотни судов в год пересекали Атлантику, чтобы приобрести соль с полуострова Арайа, которая была необходима для внутренней торговли сельдью¹⁰⁶⁹.

Испанцы были возмущены. Они возобновили военные действия и навязали очередную блокаду. Согласно блестящему философу и юристу Гуго Гроцию, это только усилило позицию голландцев относительно того, что они должны взять свою судьбу в свои руки. Перед лицом угроз и давления единственно верным выбором было не отступить, а увеличить инвестиции в коммерческие предприятия и как можно быстрее выстроить торговую сеть, чтобы нарастить огневую мощь и укрепить независимость. Это был вопрос жизни и смерти¹⁰⁷⁰.

Ключ к успеху голландцев заключался в судостроении, и прежде всего в инновационном изменении классического дизайна, которое позволяло рыболовецкому флоту успешно работать в Северном море и мелководных гаванях благодаря низкой осадке. Начиная с 1550-х годов англичане строили быстрые и крепкие военные корабли, а голландцы сосредоточили свои усилия на судах, которые были лучше в управлении, могли перевозить больше товаров, не требовали большой команды и при этом были дешевле в обслуживании. Эти корабли, которые называли флейтами, установили новые стандарты коммерческих морских перевозок¹⁰⁷¹.

Голландцы отлично выполнили домашнее задание, и когда пришло время отправляться в путь, они были отлично подготовлены. В то время как их европейские предшественники, которые пересекли Атлантику и обогнули мыс Доброй Надежды, отправлялись в неизвестность, у голландцев все было совсем по-другому. Они отлично знали, что искать и где это находится. Такие авторы, как Ян Гюйген ван Линсхотен, секретарь епископа Гоа, который провел много времени, тщательно изучая торговые пути, гавани, рынки и условия по всей Азии, писали полезные для путешественников тексты. Например, такая работа, как *Itinerario*, содержала поясняющие чертежи и могла служить инструкцией для тех, кто собирался на Восток¹⁰⁷².

Другие работы также были полезны для подготовки купцов, которые отправлялись в путешествие. Голландцы являлись мировыми лидерами в том, что касалось картографии. Карты и морские профили, подготовленные гравером Лукой Вагенером в 1580-х годах благодаря их детализации и точности были незаменимы для всей Европы. Внимание уделялось в основном сбору ценной информации и разработке новейших, детально проработанных атласов Ост-Индии, а также Карибского бассейна. Голландцы установили высокие стандарты современных навигационных средств еще в начале XVII века¹⁰⁷³.

Позже появились словари и работы, посвященные грамматике неизвестных языков, с которыми голландские купцы могли столкнуться во время своих путешествий. Одним из первых лингвистов был Фредерик де Хаутман, чей голландско-малайский словарь был опубли-

¹⁰⁶⁸ C. Koot, *Empire at the Periphery: British Colonists, Anglo-Dutch Trade, and the Development of the British Atlantic, 1621–1713* (New York, 2011), pp. 19–22; Ею Sluitter, 'Dutch-Spanish Rivalry in the Caribbean Area', *Hispanic American Historical Review* 28.2 (1948), pp. 173–178.

¹⁰⁶⁹ Israel, *Dutch Republic*, pp. 320–321.

¹⁰⁷⁰ M. Echevarría Bacigalupe, 'Un notable episodio en la guerra económica hispano-holandesa: El decreto Guana 1603', *Hispania: Revista española de historia* 162 (1986), pp. 57–97; J. Israel, *Empires and Entrepreneurs: The Dutch, the Spanish Monarchy and the Jews, 1585–1713* (London, 1990), p. 200.

¹⁰⁷¹ R. Unger, 'Dutch Ship Design in the Fifteenth and Sixteenth Centuries', *Viator* 4 (1973), pp. 387–415.

¹⁰⁷² A. Saldanha, 'The Itineraries of Geography: Jan Huygen van Linschoten's *Itinerario* and Dutch Expeditions to the Indian Ocean, 1594–1602', *Annals of the Association of American Geographers* 101.1 (2011), pp. 149–177.

¹⁰⁷³ K. Zandvliet, *Mapping for Money: Maps, Plans and Topographic Paintings and their Role in Dutch Overseas Expansion during the 16th and 17th Centuries* (Amsterdam, 1998), pp. 37–49, 164–189.

ликован в 1603 году после его освобождения из тюрьмы в Ачехе султаном Суматры, где он усердно изучал язык своих тюремщиков¹⁰⁷⁴.

Такие словари с готовностью изучали купцы, которые направлялись в Азию в XVI веке. В них были изложены полезные слова, переведенные с голландского на малайский, себуанский, тагальский, тамильский и другие языки¹⁰⁷⁵.

Базовым секретом успеха голландцев в XVII веке были здравый смысл и усердная работа. Голландцы считали, что в работе им не нужно следовать примеру Англии, где привилегированные компании использовали достаточно жесткую политику для того, чтобы ограничить круг бенефициаров, где все следят за деятельностью друг друга, а также стремятся сохранить свои монополии. Вместо этого голландцы объединяли капитал и распределяли риски среди как можно большего круга инвесторов. Со временем они пришли к выводу, что, несмотря на конкурентные амбиции и соперничество между провинциями, городами и отдельными купцами, самый лучший и действенный способ организовать торговлю – объединить ресурсы¹⁰⁷⁶.

Таким образом, в 1602 году правительство Союза провинций создало единую организацию для ведения торговли с Азией, основываясь на том принципе, что она должна быть более эффективна, чем сумма всех ее отдельных частей. Это был смелый шаг, не в последнюю очередь потому, что организация занималась также и усмирением местных соперников, и убеждением всех причастных в том, что при таком подходе их интересы не только объединятся, но и будут гораздо лучше соблюдаться. Создание Голландской Ост-Индской компании (VOC) и вскоре после этого схожей корпорации для торговли в Америке, Голландской Вест-Индской компании (WIC), стало хрестоматийным примером организации мультинациональных компаний мирового класса¹⁰⁷⁷.

Голландская модель оказалась удивительно успешной. Хотя некоторые, например купец и основатель WIC Уильям Усселинкс, утверждали, что лучшая идея – колонизировать части Америки, чтобы их заселить, план уже обрел четкую форму¹⁰⁷⁸. Задача состояла не в том, чтобы конкурировать с европейскими купцами, так как на Гоа португальские, венецианские и немецкие купцы жили бок о бок, задача была сместить их¹⁰⁷⁹.

Агрессивный подход сразу окупился. Внимание обратилось сначала на Острова пряностей, с которых изолированная португальская община была изгнана в 1605 году в рамках планомерной программы по установлению контроля над Ост-Индией. В ходе следующих десятилетий голландцы продолжали укреплять свои позиции, организовали постоянное представительство в Батавии (современная Джакарта). Это название – отсылка к названию жителей Нидерландов, данному им во времена Римской империи.

Голландия использовала военную силу, чтобы захватить и защитить целую цепочку точек, связывающих новый мир с родиной. Хотя голландцы и потерпели неудачу в некоторых местах, например в Макао, на Гоа их достижения XVII века действительно впечатляют. Вскоре голландцы контролировали не только европейцев, находящихся за рубежом, но и местных правителей, чьи владения были важны в стратегическом или экономическом

¹⁰⁷⁴ E. Beekman, *Paradijzen van Weeler. Koloniale Literatuur uit Nederlands-Indië, 1600–1950* (Amsterdam, 1988), p. 72.

¹⁰⁷⁵ D. Lach, *Asia in the Making of Europe*, 3 vols (Chicago, 1977), 2, pp. 492–545.

¹⁰⁷⁶ O. Gelderblom, 'The Organization of Long-Distance Trade in England and the Dutch Republic, 1550–1650', in Gelderblom, *Political Economy of the Dutch Republic*, p. 223–254.

¹⁰⁷⁷ J.-W. Veluwenkamp, 'Merchant Colonies in the Dutch Trade System (1550–1750)', in K. Davids, J. Fritschy and P. Klein (eds), *Kapitaal, ondernemerschap en beleid. Studies over economie en politiek in Nederland, Europe en Azië van 1500 tot heden* (Amsterdam, 1996), pp. 141–164.

¹⁰⁷⁸ Цитируется по С. Boxer, *The Dutch in Brazil 1624–1654* (Oxford, 1957), pp. 2–3.

¹⁰⁷⁹ Гоа в начале семнадцатого века – A. Gray and H. Bell (eds), *The Voyage of François Pyrard of Laval to the East Indies, the Maldives, the Moluccas and Brazil*, 2 vols (London, 1888), 2, pp. 2–139.

плане. Контроль был установлен над Малаккой, Коломбо, Цейлоном и Кочином, а следом за ними и над султанатом Макасар, который в 1669 году находится на территории современной Индонезии. Макасар был недостающим звеном для установления монополии в торговле специями с Азией. Город был переименован в Новый Роттердам. Его захват сопровождался постройкой большого форта, аналогичные действия были предприняты и в остальных местах. Таким образом голландцы заявляли, что не собираются просто так уступать свои достижения¹⁰⁸⁰. На карте, которая хранится в государственных архивах в Гааге, изображена торговая сеть, созданная голландцами в Ост-Индии¹⁰⁸¹.

Такая же модель применялась и в других местах. Соперники были вытеснены из Западной Африки, и голландцы преуспели в доминировании на рынке золота, а со временем вплотную занялись и работоторговлей в обеих Америках. Были основаны новые опорные пункты, например форт Нассау в современной Гане. Португальцы были вытеснены с других баз, например из Эльмина, расположенной на побережье Ганы, которое попало в их руки в середине XVII века. Был достигнут значительный успех на Карибах, а также в Америке, а к 1640-м годам голландцы присвоили значительную долю трансатлантического судоходства и контролировали торговлю сахаром напрямую¹⁰⁸².

Нидерланды преобразились. Состояния сколотили как те, кто инвестировал в международную торговлю на ранних стадиях, так и те, кто стал бенефициаром уже новых богатств. В Лейдене и Гронингене были построены университеты, в которых ученые могли раздвигать границы академических дисциплин благодаря щедрости покровителей. Художники и архитекторы процветали, упиваясь внезапным интересом новоиспеченных богачей. В период особенного достатка в Амстердаме появились потрясающие здания. Они поднимались прямо из воды, как в Венеции столетиями ранее. Такие районы, как Йордан, были буквально отвоеваны у моря, в то время как дома в районе Кейзерсграхт были построены благодаря инженерному и архитектурному гению.

Влияние Шелкового пути стало ощущаться в искусстве. Керамическое производство процветало в Харлеме, Амстердаме и прежде всего в Делфте. Большое влияние оказал дизайн предметов, импортируемых с Востока.

Доминировали китайские визуальные темы, а также характерные бело-голубые орнаменты. Они были разработаны столетиями ранее гончарами Персидского залива, а затем стали настолько популярны в Китае и Османской империи и так широко распространились, что стали отличительной чертой и голландской керамики в том числе. Имитация – не только высшая форма лести, в этом случае это было также способом присоединения к мировой материальной культуре, которая теперь соединяла Северное море с Индийским и Тихим океанами¹⁰⁸³.

С повышением спроса на статусные вещи искусство в Нидерландах стало процветать. Существует версия, что только в XVII веке было создано около 3 миллионов картин¹⁰⁸⁴. Это неизбежно должно было стимулировать новые идеи и поднять планку, вдохновляя таких художников, как Франс Халс, Рембрандт и Вермеер, на создание картин, от которых захватывало дух. Учитывая, что для достижения успеха голландцы работали вместе, было абсолютно приемлемо, что некоторые прекрасные работы запечатлевали группы людей, как, например, «Банкет офицеров стрелковой роты святого Адриана» (Гражданской гвардии Хар-

¹⁰⁸⁰ J. de Jong, *De waaier van het fortuin. De Nederlands in Azië de Indonesische archipel, 1595–1950* (Zoetermeer, 1998), p. 48.

¹⁰⁸¹ K. Zandvliet, *The Dutch Encounter with Asia, 1600–1950* (Amsterdam, 2002), p. 152.

¹⁰⁸² См. J. Postma (ed.), *Riches from Atlantic Commerce: Dutch Transatlantic Trade and Shipping, 1585–1817* (Leiden, 2003).

¹⁰⁸³ J. van Dam, *Gedateerd Delfts aardewerk* (Amsterdam, 1991); J. van Dam, *Dutch Delftware 1620–1850* (Amsterdam, 2004).

¹⁰⁸⁴ A. van der Woude, 'The Volume and Value of Paintings in Holland at the Time of the Dutch Republic', in J. de Vries and D. Freedberg (eds), *Art in History, History in Art: Studies in Seventeenth-Century Dutch Culture* (Santa Monica, 1991), pp. 285–330.

лема) Франса Халса или знаменитая работа Рембрандта «Выступление стрелковой роты капитана Франса Баннинга Кока и лейтенанта Виллема ван Рёйтенбюрга», которую обычно называют «Ночной дозор». Эта работа была написана по заказу Стрелкового общества – отряда гражданского ополчения Амстердама.

Частные лица также охотно покровительствовали искусству, например, купец Андриес Биккер нанял Бартоломеуса ван дер Хельста, чтобы увековечить его успех и новый, высокий социальный статус; или кораблестроитель Ян Риксен, который просил Рембрандта написать, как он и его жена вместе работают над мореходными конструкциями. Настала очередь голландцев и голландского искусства вступить в золотой век¹⁰⁸⁵.

Голландцы были заинтересованы в том, чтобы похвастаться своими товарами, так, например, в случае с картиной Вермеера «Девушка, читающая письмо у открытого окна», на переднем плане можно увидеть миску с бело-голубым узором¹⁰⁸⁶. Английский путешественник, побывавший в Амстердаме в 1640 году, не смог сдержать своего восхищения тем, что он увидел. В Нидерландах, как писал Питер Мунди, даже самые обыкновенные дома заполнены дорогостоящими и любопытными образчиками мебели и украшений. Здесь можно было встретить комоды, картины, фарфор, дорогие клетки с птицами и многое другое. Даже мясники, пекари, кузнецы и сапожники имели в своих домах картины и роскошные побрякушки¹⁰⁸⁷.

«Я был поражен», – говорил английский писатель Джон Эвелин о ежегодной ярмарке в Роттердаме примерно в то же самое время; на ярмарке было представлено множество картин, особенно «пейзажей и юмористических зарисовок, как они называют эти клоунские представления». Даже обычные фермеры стали заядлыми коллекционерами произведений искусства¹⁰⁸⁸. Такое отношение было типичным для все возрастающего числа английских путешественников в Нидерландах в этот период¹⁰⁸⁹.

Золотой век голландцев был результатом отлично исполненного плана. Еще одним его преимуществом была своевременность. В то самое время большая часть Европы пребывала в беспорядке, увязнув в бесконечных акциях дорогостоящего и бессмысленного насилия, которое захлестнуло континент во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов. Эта нестабильность предоставила возможность воспользоваться ресурсами, которые находились ближе к дому, и позволила голландцам нацелиться на выполнение задач на разных континентах, не опасаясь возмездия. Благодаря кровавой бойне, охватившей Европу в XVII веке, голландцы смогли занять господствующие позиции на Востоке.

Европейская война, однако, сыграла еще одну, возможно, более важную роль: она спровоцировала подъем Запада. Дискуссии о Европе в тот период подчеркивают, что наступила эпоха Просвещения и Разума, когда идеи абсолютизма стали заменяться понятиями свободы, равенства и братства. Однако именно укоренившееся отношение Европы к жестокости и войнам позволило ей поставить себя в центре мира после великих экспедиций 1490-х годов.

Еще до открытий Колумба и Васко да Гамы соревнование между королевствами в Европе было напряженным. Целыми столетиями континент являлся ареной соперничества между странами, которое иногда перерастало в открытую вражду и войны. Это, в свою

¹⁰⁸⁵ См. в целом S. Schama, *The Embarrassment of Riches* (New York, 1985); Slive, *Dutch Painting, 1600–1800* (New Haven, 1995).

¹⁰⁸⁶ T. Brook, *Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World* (London, 2008), pp. 5–83.

¹⁰⁸⁷ *The Travels of Peter Mundy in Europe and Asia, 1608–1667*, ed. R. Temple, 5 vols (Cambridge, 1907–1936), pp. 70–71; J. de Vries, *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present* (Cambridge, 2008), p. 54.

¹⁰⁸⁸ J. Evelyn, *Diary of John Evelyn*, ed. E. de Beer, 6 vols (Oxford, 1955), 1, pp. 39–40.

¹⁰⁸⁹ См. C. van Strien, *British Travellers in Holland during the Stuart Period: Edward Browne and John Locke as Tourists in the United Provinces* (Leiden, 1993).

очередь, привело к совершенствованию военных технологий. Были разработаны и введены новые виды оружия, которые тестировались прямо на поле боя. Тактика развивалась исходя из опыта, полученного генералами на полях сражений. Понятие насилия было узаконено: европейское искусство и литература долгое время прославляли жизнь рыцарей, которые могли использовать силу во имя справедливости, любви и веры. Истории о крестоносцах, которые восхваляли благородство и героизм и умалчивали о вероломстве, предательстве и нарушении клятв, приобрели большую власть.

Борьба, насилие и кровопролитие могут прославляться только до тех пор, пока люди сражаются за правое дело. В этом заключалась одна из причин, почему религия была так важна. Не могло быть лучшего оправдания для войны, чем защита Всемогущего. С самого начала религия и экспансия были тесно связаны. Даже паруса кораблей Колумба были отмечены большими крестами. Как постоянно подчеркивают современные исследователи в отношении Америки, а также распространения европейцев в Африке, Индии, других частях Азии и Австралии, божий замысел, по мнению европейцев, состоял в том, что Запад должен завладеть всем миром.

На самом деле тактика Европы, которая была более агрессивной, менее стабильной и миролюбивой, чем остальные части света, стала приносить свои плоды. В конце концов, именно поэтому большие корабли испанцев и португальцев оказались более эффективными для пересечения океанов и соединения континентов. Традиционные корабли, которые веками ходили по Индийскому океану и Аравийскому морю, подвергавшиеся со временем лишь небольшим изменениям в конструкции, не шли ни в какое сравнение с западными судами, которые превосходили их практически во всем. Постоянная модернизация кораблей, которая позволяла сделать их быстрее, выносливее и более смертоноснее, увеличили эту пропасть¹⁰⁹⁰.

То же самое можно сказать и о военных технологиях. Надежность и прочность оружия, которое использовали в Америке, были таковы, что небольшое количество конкистадоров могло доминировать над сильно превосходящими по количеству народами, которые являлись достаточно передовыми во всем, кроме вопросов вооружения. В землях инков, писал Педро Сьеса де Леон, тщательно поддерживался закон и порядок, чтобы удостовериться, что «правосудие равно для всех, и никто не отважится на уголовное преступление или кражу»¹⁰⁹¹. Данные собирали по всей империи инков, чтобы удостовериться, что налоги тщательно подсчитаны и честно уплачены. Так же тщательно записывались и хранились данные о рождениях и смертях. Элита должна была работать на земле определенное количество дней каждый год, чтобы «подать пример, что не должно быть никого богатого настолько, чтобы... презирать или оскорблять бедных»¹⁰⁹².

Они не были такими дикарями, как описывали их европейские триумфаторы. На самом деле они являлись достаточно просвещенными по сравнению с классовым обществом, которое стало появляться на большей части континента. Разрыв между сильными и слабыми был закреплен аристократической наследственностью, которая уважала гражданские права лишь сильных.

Хотя европейцы думали, что обнаружили примитивные цивилизации и именно поэтому смогли захватить их, правда была такова, что большую роль сыграло улучшенное оружие и тактика ведения войны, именно это лежало в основе успеха Запада.

Одна из причин, по которым завоевание Африки, Азии и Америки стало возможным, — это столетия практики европейцев в создании фортификационных сооружений, кото-

¹⁰⁹⁰ G. Scammell, 'After da Gama: Europe and Asia since 1498', *Modern Asian Studies* 34.3 (2000), p. 516.

¹⁰⁹¹ Pedro de Cieza de León, *The Incas of Pedro de Cieza de León*, tr. H de Onis (1959), 52, p. 171.

¹⁰⁹² Там же, 55, pp. 177–178.

рые были неприступны. Постройка замков была основным занятием европейцев со времен Средневековья. За это время было построено множество впечатляющих крепостей по всему континенту. Их главной целью было, конечно же, противостоять яростным и решительным атакам, а их большое количество свидетельствовало о страхе и регулярных нападениях. Европейцы были мировыми лидерами в том, что касалось строительства крепостей и их штурма. Поразительно, но упрямство европейцев в создании защитных сооружений, которые были укреплены с внутренней стороны, стало источником веселья для местных жителей. Торговцы никогда до этого не строили крепостей, отмечал наваб Бенгалии в 1700-х годах, так зачем же европейцы так настаивают на этом сейчас?¹⁰⁹³

Ирония заключалась в том, что Европа переживала великолепный золотой век, создавая прекрасные образчики искусства и литературы, а также совершая невероятные скачки в науке, получая ресурсы для всего этого насилием. Однако не только это, но и открытие новых земель делало европейское общество менее стабильным. Поскольку было еще очень много ресурсов, которые можно было забрать, ситуация обострилась, а борьба за превосходство усилилась.

Последующие столетия после превращения Европы в мировую державу сопровождались безжалостной консолидацией и жадностью. В 1500 году в Европе находилось примерно 500 политических единиц, к 1900 году их осталось 25. Сильные пожирали слабых¹⁰⁹⁴. Конкуренция и военные конфликты были типичны для Европы. В этой связи можно сказать, что ужасы XX века берут свое начало в глубоком прошлом. Борьба за доминирование над соседями и соперниками стимулировала совершенствование военных технологий, механизмов и логистики, что в конечном итоге позволило значительно расширить арену военных действий, а сотни убитых превратить в миллионы. Со временем преследования могли принять гораздо более крупные масштабы. Неудивительно, что мировая война и самый ужасный геноцид в истории были задуманы и совершены в Европе. Это были последние главы в длительной истории жестокости и насилия.

Основное внимание обычно уделяется инвестициям в искусство и влиянию нового богатства на культуру в XVI и XVII веках, но, возможно, было бы более поучительно взглянуть на параллельные достижения в оружейном деле в этот же период. Так же как и картины, оружие производилось в невероятных количествах. К 1690-м годам только в центре Франции предприниматель Максимилиан Титон продал около 600 000 кремневых ружей. Некоторые современники полагали, что сложно даже подсчитать, какое количество рабочих было задействовано в оружейной промышленности в Сент-Этьене, так много их было. Между 1600 и 1750 годами качество огнестрельного оружия повысилось в 10 раз. Технологический прорыв, включающий в себя изобретение шомпола, бумажных патронов и штыков, сделал оружие более дешевым, качественным и смертоносным¹⁰⁹⁵.

Хотя имена таких ученых, как Галилео Галилей, Исаак Ньютон и Леонард Эйлер, стали известны целым поколениям школьников, очень легко забыть, что многие важные их работы заключались в изучении траектории снарядов и понимания причин отклонения, что позволило артиллерии повысить точность¹⁰⁹⁶. Эти выдающиеся ученые помогали сделать оружие

¹⁰⁹³ S. Hill (ed.), *Bengal in 1756–1757: A Selection of Public and Private Papers Dealing with the Affairs of the British in Bengal during the Reign of Siraj-uddaula*, 3 vols (London, 1905), 1, pp. 3–5.

¹⁰⁹⁴ P. Perdue, 'Empire and Nation in Comparative Perspective: Frontier Administration in Eighteenth-Century China', *Journal of Early Modern History* 5.4 (2001), p. 282; C. Tilly (ed.), *The Formation of National States in Western Europe* (Princeton, 1975), p. 15.

¹⁰⁹⁵ P. Hoffman, 'Prices, the Military Revolution, and Western Europe's Comparative Advantage in Violence', *Economic History Review*, 64.1 (2011), pp. 49–51.

¹⁰⁹⁶ См., например, A. Hall, *Isaac Newton: Adventurer in Thought* (Cambridge, 1992), pp. 152, 164–166, 212–216; L. Debnath, *The Legacy of Leonhard Euler: A Tricentennial Tribute* (London, 2010), pp. 353–358; P. – L. Rose, 'Galileo's Theory of Ballistics', *The British Journal for the History of Science* 4.2 (1968), pp. 156–159, и в целом S. Drake, *Galileo at work: His Scientific Biography*

еще более мощным и надежным; военные и технологические достижения были неотъемлемой частью эпохи Просвещения.

Нельзя сказать, что в других обществах не было агрессии. Как показали многочисленные примеры на других континентах, любое завоевание приносило смерть и страдания в больших масштабах. Однако периоды взрывной экспансии в Азии и Северной Африке, например, в первые десятилетия распространения ислама во время монгольских завоеваний, сопровождались длительными периодами мира и процветания. Частота и ритм ведения войн в Европе отличались от всего остального мира: не успевал разрешиться один конфликт, как начинался другой. Соревнование было жестоким и беспощадным. В этом смысле такие работы, как «Левиафан» Томаса Хоббса, объясняли причины роста Запада. Только европейский автор мог прийти к заключению, что естественное состояние человека заключалось в постоянном насилии, и только европейский автор мог быть прав¹⁰⁹⁷.

Более того, жажда военной конфронтации стояла и за другими усовершенствованиями, которые были тесно связаны с войнами, например, в финансовой сфере. Европейские правители нуждались в капиталах для финансирования армий, что привело к созданию долговых рынков, где деньги могли быть получены за счет будущих налоговых поступлений.

Ставка на успех могла помочь получить солидную прибыль, титулы и другие социальные выгоды тем хитроумным инвесторам, чьи вложения в государственные проекты могли быть зачтены как проявление патриотизма: финансирование государства могло помочь продвинуться вперед и разбогатеть. Лондон и Амстердам стали мировыми финансовыми центрами, специализирующимися на государственных налогах, а также более сложном биржевом деле¹⁰⁹⁸.

Одной из причин возвышения Лондона и Амстердама стал социально-экономический рост Северной Европы. Последние исследования предполагают, что население Англии и Нидерландов в период между 1500 и 1800 годами увеличилось вдвое. В основном этот рост ощущался в густонаселенных регионах, где число больших городов выросло примерно в три раза¹⁰⁹⁹. Особенно бурно этот процесс протекал в Нидерландах, где в середине XVII века в города перебралась примерно половина жителей¹¹⁰⁰. Государства с большим количеством городов имели преимущества перед теми странами, где преобладало сельское население. Процесс сбора налогов занимал гораздо меньше времени и был более эффективным, так как скорость коммерческого обмена в городах гораздо выше, чем в сельской местности. Густонаселенные регионы также являлись более надежными источниками дохода, здесь были ниже риски для кредитования. Англия и Голландская республика могли занимать больше и по лучшим ставкам, чем их коммерческие и политические соперники¹¹⁰¹. Тогда, как и сейчас, чтобы получить деньги, недостаточно было быть умным, нужно было оказаться в нужном месте. Лондон или Амстердам подходил для этого лучше всего.

Это был похоронный звон для Италии и Адриатики. Находясь в крайне невыгодном положении из-за открытия новых торговых путей, по которым товары доставляли к бога-

(Chicago, 1978).

¹⁰⁹⁷ T. Hobbes, *Leviathan*, ed. N. Malcolm (Oxford, 2012).

¹⁰⁹⁸ A. Carlos and L. Neal, 'Amsterdam and London as Financial Centers in the Eighteenth Century', *Financial History Review* 18.1 (2011), pp. 21–27.

¹⁰⁹⁹ M. Bosker, E. Buringh and J. van Zanden, 'From Baghdad to London: The Dynamics of Urban Growth and the Arab World, 800–1800', *Centre for Economic Policy Research*, Paper 6833 (2009), pp. 1–38; W. Fritschy, 'State Formation and Urbanization Trajectories: State Finance in the Ottoman Empire before 1800, as Seen from a Dutch Perspective', *Journal of Global History* 4 (2009), pp. 421–422.

¹¹⁰⁰ E. Kuipers, *Migrantenstad: Immigratie en Sociale Verbouwingen in 17e-Eeuws Amsterdam* (Hilversum, 2005).

¹¹⁰¹ W. Fritschy, A "Financial Revolution" Reconsidered: Public Finance in Holland during the Dutch Revolt, 1568–1648', *Economic History Review* 56.1 (2003), pp. 57–89; L. Neal, *The Rise of Financial Capitalism: International Capitalism in the Age of Reason* (Cambridge, 1990).

тым потребителям напрямую, города-государства с их глубоко укоренившимся соперничеством не имели ни малейших шансов против союзов городов, которые к тому же с готовностью объединяли свои ресурсы. На финансирование экспансии требовались такие огромные суммы, что стало нормальным тратить более половины государственного дохода просто на погашение национального долга¹¹⁰². Постоянная борьба с соседями за политическое, коммерческое и культурное преимущество было дорогим занятием. Европа стала континентом, жизнь на котором шла с двумя разными темпами: Старая Европа на востоке и юге, которая доминировала столетиями, теперь ослабела и находилась в стагнации; а Новая Европа на северо-востоке резко поднялась¹¹⁰³.

Некоторые сумели разглядеть зловещие предзнаменования раньше остальных. Уже в 1600 году британский посол в Венеции писал, что «в вопросах торговли упадок настолько очевиден, что все приходит к выводу, что за 20 лет» город придет к полному краху. Когда-то Венеция доминировала на Востоке, но теперь она не могла составить достойную конкуренцию. Множество больших кораблей, которые привозили домой огромные грузы или отправлялись в путь, теперь были «не видны»¹¹⁰⁴. Это было незадолго до того, как город начал открывать себя заново, превращаясь из коммерческого центра в центр роскошной жизни, радость гедониста. Хотя власти пытались запретить ношение крупных, дорогих украшений, показательные вечеринки и гедонистические удовольствия, число которых возрастало, преобразование города было во многом понятно, в конце концов, что еще им оставалось делать?¹¹⁰⁵

В мире международной торговли и высокой политики Венеция, Флоренция и Рим стали остановками на пути новых богачей. Хотя понятие «большого путешествия» появилось в 1670 году, такие экспедиции начали совершать на столетие раньше, когда поездка в Италию означала возможность купить высококачественный антиквариат, а также более изысканные предметы искусства, цена которых резко возросла вместе с увеличением количества покупателей¹¹⁰⁶. Это был обряд социального изменения не только для тех, кто принимал в этом участие, но и для культуры в целом: плоды Южной Европы пожинались на севере. Когда гравитационный центр континента сдвинулся, то же самое произошло и с жемчужинами древней и современной культуры. Три самые примечательные коллекции античных скульптур в мире находятся в Британском музее, музее Фитцуильяма и музее Эшмола в Кембридже. Они были собраны любопытными путешественниками с глубокими карманами¹¹⁰⁷.

Они привезли домой архитектурные идеи, дизайн монументальных гробниц и скульптуры. Вскоре после этого поэзия, изобразительное искусство, музыка, ландшафтный дизайн и наука, изучающая классическую античность, широко распространились, так как величие Англии и Нидерландов основывалось на наследии прошлого¹¹⁰⁸. Римские граждане с удивлением наблюдали, как небольшое количество землевладельцев и мелких чиновников из

¹¹⁰² P. Malanima, *L'economia italiana: dalla crescita medievale alla crescita contemporanea* (Bologna, 2002); P. Malanima, 'The Long Decline of a Leading Economy: GDP in Central and Northern Italy, 1300–1913', *European Review of Economic History* 15 (2010), pp. 169–219.

¹¹⁰³ S. Broadberry and B. Gupta, 'The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800', *Economic History Review* 59.1 (2006), pp. 2–31; J. van Zanden, 'Wages and the Standard of Living in Europe, 1500–1800', *European Review of Economic History* 3 (1999), pp. 175–197.

¹¹⁰⁴ Sir Dudley Carleton, 'The English Ambassador's Notes, 1612', in D. Chambers and B. Pullan (eds), *Venice: A Documentary History, 1450–1630* (Oxford, 1992), pp. 3–4.

¹¹⁰⁵ G. Bistort (ed.), *Il magistrato alle pompe nella repubblica di Venezia* (Venice, 1912), pp. 403–405, 378–381.

¹¹⁰⁶ E. Chaney, *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance* (Portland, OR, 1998). О ценах на картины см. F. Etro and L. Pagani, 'The Market for Paintings in Italy during the Seventeenth Century', *Journal of Economic History* 72.2 (2012), pp. 414–438.

¹¹⁰⁷ См., например, C. Vout, 'Treasure, Not Trash: The Disney Sculpture and its Place in the History of Collecting', *Journal of the History of Collections* 24.3 (2012), pp. 309–326, а также здесь V. Coltman, *Classical Sculpture and the Culture of Collecting in Britain since 1760* (Oxford, 2009).

¹¹⁰⁸ C. Hanson, *The English Virtuoso: Art, Medicine and Antiquarianism in the Age of Empiricism* (Chicago, 2009).

регионов, которые раньше были провинциями империи, восхваляли себя, представляясь не только наследниками Рима, но и практически императорами¹¹⁰⁹. Очень скоро они зайдут гораздо дальше: Британия была готова править.

¹¹⁰⁹ См. в целом P. Ayres, *Classical Culture and the Ideas of Rome in Eighteenth-Century England* (Cambridge, 1997).

14. Путь к империи

Смена власти на севере Европы оставила тех, кто был неспособен конкурировать, позади. В Османской империи, к примеру, число городов с населением больше 10 000 человек оставалось неизменным между 1500 и 1800 годами. Там не было нужды развивать сельское хозяйство, чтобы удовлетворить растущий спрос, и это означало, что экономика оставалась вялой и статичной. Налоговые сборы также были неэффективны, частично из-за налогового откупа, который позволял частным лицам получать быстрые доходы за счет дохода государства¹¹¹⁰.

Османские бюрократы показали себя высококвалифицированными администраторами, искусными в централизации ресурсов и распределении их среди населения так, чтобы они оказывались именно там, где нужны. По мере того как империя захватывала все больше территорий, в XV и XVI веках эти процессы проходили плавно и были эффективными. Когда же экспансия империи замедлилась, стала очевидна вся хрупкость системы. Необходимость поддержания военных действий на двух фронтах – с европейцами на западе и с персидскими Сефевидами на востоке, а также смена климата оказывали сильное воздействие на Османскую империю¹¹¹¹.

Социальная структура мусульманского мира, которая развивалась по совершенно другому пути, чем в Западной Европе, также стала важным фактором. В исламском обществе богатства распределялись более равномерно, чем у их христианских коллег, в основном благодаря подробным инструкциям наследования, изложенным в Коране.

Принципы, которые здесь использовались, были более просвещенными для того времени, особенно когда дело касалось доли женщин, на которую они могли рассчитывать в имуществе отца или супруга. Мусульманские женщины находились в гораздо лучшем положении, чем европейские. Это позволяло большим богатствам оставаться в семье долгое время¹¹¹², а также означало, что разрыв между богатыми и бедными никогда не достигнет такого размаха, как в Европе, так как деньги распределялись и циркулировали в более широких границах. Это в некоторой степени замедлило рост: с учетом общих правил наследования семьям было сложно аккумулировать капитал на протяжении поколений, так как наследование было прогрессивным и уравнивающим. В Европе, согласно праву первородства, деньги концентрировались в руках одного ребенка, что давало возможность сколотить огромные состояния¹¹¹³.

Для некоторых тот факт, что в Европе, а точнее, в Северо-Западной Европе никогда не было такого, вызывал некоторое беспокойство. Священники-кальвинисты в Нидерландах с ужасающей убежденностью проповедовали, что деньги – корень зла, а также рассказывали об опасностях роскошной жизни¹¹¹⁴. Схожие настроения царили и в Англии, где такие деятели, как Томас Мун, особенно злобный комментатор начала XVII века, оплаки-

¹¹¹⁰ D. Panzac, 'International and Domestic Maritime Trade in the Ottoman Empire during the 18th Century', *International Journal of Middle East Studies* 24.2 (1992), pp. 189–206; M. Genç, 'A Study of the Feasibility of Using Eighteenth-Century Ottoman Financial Records as an Indicator of Economic Activity', in H. İslamoğlu-İnan (ed.), *The Ottoman Empire and the World-Economy* (Cambridge, 1987), pp. 345–373.

¹¹¹¹ См. здесь S. White, *The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire* (Cambridge, 2011).

¹¹¹² T. Kuran, 'The Islamic Commercial Crisis: Institutional Roots of Economic Underdevelopment in the Middle East', *Journal of Economic History* 63.2 (2003), pp. 428–431.

¹¹¹³ M. Kunt, *The Sultan's Servants: The Transformation of Ottoman Provincial Government, 1550–1650* (New York, 1983), pp. 44–56.

¹¹¹⁴ Schama, *Embarrassment of Riches*, pp. 330–335.

вали «напрасно потраченное... время, проведенное в праздности и удовольствиях», предупреждая, что материальные блага принесут недостаток знаний и «проказу» тела и ума¹¹¹⁵.

Конечно, возрастающие прибыли распределялись неравномерно. Повышение ренты было выгодно для землевладельцев, но не для жильцов. Воздействие крупных рынков означало, что оказывалось определенное ценовое давление: местные производители шерсти, тканей и других товаров столкнулись с большим уровнем конкуренции¹¹¹⁶. Падения стандартов морали, последовавшего за экономическими и социальными потрясениями, было достаточно, чтобы вдохновить многих на решительные меры. Пришло время для поиска новых пастбищ, осознали более консервативные, места, где можно вести простую жизнь, полную религиозной преданности и духовной чистоты, место для нового старта и возвращения к истокам.

Пуритане, основав Новую Англию, заявили тем самым протест против изменений, которые происходили во время подъема Европы, и последовавшего за этим достатка. Это стало реакцией на поток странных новых идей и товаров, полностью преобразивших мир, в котором китайский фарфор оказался на обеденном столе, в котором браки с людьми, имеющими другой цвет кожи, порождали вопросы о национальности и расе, а отношение к телу вызвало то, что ученые недавно называли «первой сексуальной революцией»¹¹¹⁷.

Чтобы избежать этого, было принято решение пересечь Атлантику. И пунктом назначения были не Карибы, куда многие отправлялись, чтобы превратить эти земли в сахарные плантации при помощи рабского труда, а девственные земли Новой Англии, где эмигранты могли вести идеальное существование в благочестивой простоте. Единственной сложностью являлись, конечно же, местные жители, которые «с удовольствием пытались людей наиболее кровавым способом; отделяли от живых людей конечности, поджаривали их на костре, поедали плоть пленных на глазах еще живых и проделывали еще более ужасные вещи»¹¹¹⁸. Однако даже с учетом этого риск стоил того. Все равно там было гораздо лучше, чем в старом мире, который остался позади. День благодарения был основан отцами-пилигримами, чтобы отметить их безопасное прибытие в изобильную землю, а также в память о кампании против глобализации. Это было празднование не только открытия нового Эдема, но и успешного бегства от того рая, который был практически разрушен дома¹¹¹⁹.

Для людей иного склада, которые не были заинтересованы в строительстве бастиона жесткой экономии и религиозного консерватизма, но хотели открыть для себя что-то новое, извлечь выгоду и получить долю привлекательных и соблазнительных удовольствий, которых было так много в мире, существовала альтернатива. Они могли отправиться на восток, в Азию. Создание базы, которая позволила бы Англии наладить структурированные и организованные отношения с Азией, часто замедлялось по самым разным причинам. Британская Ост-Индская компания (EIC), которая в 1600 году получила королевскую монополию на торговлю с землями к востоку от мыса Доброй Надежды, смогла вытеснить португальцев из Бендер-Аббаса в Персидском заливе и Сурата на северо-западе Индии при помощи силы, основала плацдармы, которые расширяли будущие возможности. Тем не менее конкуренция

¹¹¹⁵ Thomas Mun, *England's Treasure by Foreign Trade* (London, 1664), cited by de Vries, *Industrious Revolution*, p. 44.

¹¹¹⁶ C. Parker, *The Reformation of Community: Social Welfare and Calvinist Charity in Holland, 1572–1620* (Cambridge, 1998).

¹¹¹⁷ S. Pierson, 'The Movement of Chinese Ceramics: Appropriation in Global History', *Journal of World History* 23.1 (2012), pp. 9–39; S. Iwanisziw, 'Intermarriage in Late-Eighteenth-Century British Literature: Currents in Assimilation and Exclusion', *Eighteenth-Century Life* 31.2 (2007), pp. 56–82; F. Dabhoiwala, *The Origins of Sex: A History of the First Sexual Revolution* (London, 2012).

¹¹¹⁸ W. Bradford, *History of Plymouth Plantation, 1606–1646*, ed. W. Davis (New York, 1909), pp. 46–47.

¹¹¹⁹ Об исходе в Северную Америку – A. Zakai, *Exile and Kingdom: History and Apocalypse in the Puritan Migration to America* (Cambridge, 1992); обсуждение происхождения праздника благодарения, G. Hodgson, *A Great and Godly Adventure: The Pilgrims and the Myth of the First Thanksgiving* (New York, 2006).

с Голландской Ост-Индской компанией (VOC) была жесткой¹¹²⁰. Объемы торговли с Англией стали расти, но превосходство голландцев было таково, что в середине XVII века они перевозили в три раза больше товаров, чем англичане¹¹²¹.

Отношения между англичанами и голландцами были достаточно сложными. С одной стороны, Нидерланды предоставляли покупателей и кредиты на английские товары, так что, несмотря на коммерческое соперничество между EIC и VOC, их успехи не были взаимоисключающими. С другой стороны, испанцы являлись для них общим врагом и стали основой для военного и политического сотрудничества двух протестантских стран. Некоторые ведущие английские деятели сыграли важную роль в большой морской победе голландцев над испанцами в Английском канале в 1639 году и вскоре после этого в Итамараке у берегов Бразилии. В результате великолепный Оливер Сент-Джон был отправлен с делегацией в Гаагу, чтобы укрепить связи, и даже сделал смелое предположение, что две страны должны «образовать более тесный союз и содружество», другими словами, они должны были слиться в единое целое¹¹²².

Непредсказуемость европейских держав была такова, что буквально через год после предложения о создании конфедерации Англия и Голландия оказались в состоянии войны. Поводом послужило принятие Акта о навигации сразу после возвращения делегации Сент-Джона домой. Парламент принял закон, согласно которому все грузы, направляющиеся в Англию, должны были перевозиться в английские порты английскими же кораблями. Хотя за принятием этого закона, бесспорно, стояла определенная коммерческая мотивация, а именно привлечение доходов в экономику, подорванную внутренними распрями, было также важно то, что многочисленные и весьма громогласные английские лоббисты настаивали на том, что голландцами двигала лишь жажда материальной выгоды, а вовсе не религиозные убеждения¹¹²³.

Этот закон был признаком роста устремлений Англии. Так же как столетием раньше, разговоры об испанцах становились все более ядовитыми, усилилась критика голландцев, особенно во время интенсивных военных действий, вспыхнувших на море, когда голландцы пытались сохранить морские пути через Английский канал и Северное море открытыми для своих судов. Это спровоцировало морскую революцию в Англии. Военно-морской флот хорошо финансировался уже во времена Тюдоров, а сейчас он был к тому же полностью отремонтирован. В ходе второй половины XVII века значительные ресурсы вкладывались в широкомасштабную судостроительную программу. Расходы на военно-морской флот так резко возросли, что скоро он стал потреблять пятую часть всего национального бюджета¹¹²⁴. Этот процесс контролировал Сэмюэл Пипс, чьи личные дневники представляют картины военного и геополитического сдвига, который тогда произошел, а также позволяют осознать масштаб изменений, происходящих по всей стране¹¹²⁵.

¹¹²⁰ K. Chaudhari, *The Trading World of Asia and the English East India Company* (Cambridge, 2006).

¹¹²¹ Gelderblom, 'The Organization of Long-Distance Trade', pp. 232–234.

¹¹²² S. Groenveld, 'The English Civil Wars as a Cause of the First Anglo-Dutch War, 1640–1652', *Historical Journal* 30.3 (1987), pp. 541–566. О англо-голландском соперничестве в этот период см. L. Jardine, *Going Dutch: How England Plundered Holland's Glory* (London, 2008).

¹¹²³ S. Pincus, *Protestantism and Patriotism: Ideologies and the Making of English Foreign Policy, 1650–1668* (Cambridge, 1996), а также C. Wilson, *Profit and Power: A Study of England and the Dutch Wars* (London, 1957).

¹¹²⁴ J. Davies, *Gentlemen and Taraulins: The Officers and Men of the Restoration Navy* (Oxford, 1991), p. 15.

¹¹²⁵ J. Glete, *Navies and Nations: Warships, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860*, 2 vols (Stockholm, 1993), pp. 192–195.

* * *

Пипс собрал огромное количество новых пособий голландских специалистов, включая пособие Николааса Витсена, мастера-теоретика судостроения, и позаботился об установлении строгости и дисциплины во всем, что касалось организации школ, в которых обучали «искусству навигации», ввода в эксплуатацию новых доктрин, в которых были изложены новейшие техники для нового поколения амбициозных конструкторов¹¹²⁶.

Морская революция основывалась на трех отдельных наблюдениях. Первое гласило, что тяжелые суда были эффективнее, чем легкие крейсеры. Успех состоял в способности наносить концентрированные огневые удары и возможности их отражать. Конструкция кораблей была усовершенствована таким образом, что огромные мощные корабли больше напоминали плавучие замки. Второе наблюдение заключалось в том, что опыт преподает лучшие уроки. Столкновения с голландским флотом в 1650-х и 1660-х годах окончились сокрушительными поражениями. Корабли были потеряны или захвачены, а старший офицерский состав и капитаны погибли в бою: в 1666 году около 10 % старшего командного состава было убито во время одного столкновения. В результате таких опустошительных встреч тактика морского боя была основательно пересмотрена. Тренировочные пособия, такие как «Инструкция по ведению боя» адмирала Блейка, одного из ведущих морских офицеров эпохи, были широко распространены и тщательно изучены. Обмен знаниями и уроки прошлого стали решающим фактором в создании лучшего в мире военно-морского флота: между 1660 и 1815 годами число боевых столкновений с летальным исходом среди британских (английских) капитанов удивительным образом упало на 98 %¹¹²⁷.

Третье, но не менее важное наблюдение заключалось в том, как функционировал военно-морской флот. Чтобы стать лейтенантом, было необходимо провести в море 3 года и сдать экзамен, который принимали вышестоящие офицеры. Последующие продвижения основывались на личных способностях, а не покровительстве, и это означало, что только самые способные могли достичь вершин, однако на это также требовалось одобрение высших офицеров. Прозрачность этой меритократической системы была усилена системой награждения тех, кто проработал долго и с максимальной отдачей. Такая организация была схожа с той, которая была выработана на этапе становления ислама и оказалась столь эффективной во времена мусульманских завоеваний. В Англии добыча распределялась согласно заранее оговоренному принципу между офицерами и матросами в зависимости от стажа и продолжительности службы. Это сделало продвижение желанным и прибыльным, что опять же служило возвышению исключительно самых способных, особенно когда процессом стало руководить Адмиралтейство, цель которого заключалась в устранении фаворитизма и предвзятости. Трудовые договоры были оптимальными и были призваны поощрять и стимулировать производительность, к тому же они были справедливыми¹¹²⁸.

Это было незадолго до того, как реформы дали свои плоды. Крупные инвестиции в военно-морской флот позволили Англии расширить сферу влияния, давая шанс извлечь

¹¹²⁶ Witsen's book, *Aeloude en Hedendaegsche Scheeps-bouw en Bestier*, работа опубликована в 1671 и стала самым большим трудом в его жизни. О копии Пеписа – N. Smith et al., *Catalogue of the Pepys Library at Magdalene College, Cambridge*, vol. 1 (1978), p. 193. Человек, который вел дневник, сыграл важную роль в создании больницы Христа, которая остается одной из ведущих школ Британии, E. Pearce, *Annals of Christ's Hospital* (London, 1901), pp. 99–126; о новых проектах см. B. Lavery (ed.), *Deane's Doctrine of Naval Architecture, 1670* (London, 1981).

¹¹²⁷ D. Benjamin and A. Tifrea, 'Learning by Dying: Combat Performance in the Age of Sail', *Journal of Economic History* 67.4 (2007), pp. 968–1000.

¹¹²⁸ E. Lazear and S. Rosen, 'Rank-Order Tournaments as Optimum Labor Contracts', *Journal of Political Economy* 89.5 (1981), pp. 841–864; а также см. D. Benjamin and C. Thornberg, 'Comment: Rules, Monitoring and Incentives in the Age of Sail', *Explorations in Economic History* 44.2 (2003), pp. 195–211.

выгоду буквально из каждого противостояния в Европе, вспышек войн и других событий в Карибском бассейне и прочих местах¹¹²⁹. Кроме того, они подстегнули длительный процесс стабилизации коммерческих позиций в Азии, и наконец там стали видны плоды принятых действий. Подобно тому, что было в Сурате, Английская Ост-Индская компания основала важный центр торговли на юго-востоке субконтинента – Мадрасапаттинам (современный Мадрас), где в первой половине XVII века прошли переговоры с местным правительством о беспошлинной торговле. Как уже знают современные корпорации, щедрые налоговые льготы – основное благо, благодаря которому можно было обходить европейских соперников, а со временем и местных. Кроме того, поселения становились все больше и успешнее, а компания договаривалась о новых и более выгодных условиях. В течение 70 лет Мадрас превратился в процветающий город. Такая же схема была применена в других местах. Особенно стоит отметить Бомбей и Калькутту, жемчужины Бенгальского залива. Доходы Английской Ост-Индской компании стабильно росли¹¹³⁰.

Как и в случае с VOC в Голландии, границы между правительством и ЕИС были размыты. Обе компании имели право действовать как официальные представители государства. Им было дано право чеканить монеты, формировать альянсы и не только поддерживать вооруженные силы, но и использовать их. Обслуживание этой коммерческой организации, которая извлекала выгоду из покровительства как государства, так и могущественных инвесторов, было привлекательным карьерным ходом. Рабочие свозились со всей Англии, а также и других частей света, включая оплот консерватизма – Новую Англию. Для амбициозных и находчивых, которые смогли подняться по карьерным ступеням компании, была предусмотрена щедрая награда¹¹³¹.

Одним из примеров стала история человека, который родился в Массачусетсе в 1649 году и, будучи еще ребенком, вместе со своей семьей вернулся в Англию, чтобы впоследствии поступить на службу в Ост-Индскую компанию. Попав изначально на позицию писца, он, в конце концов, поднялся настолько высоко, что стал правителем всего Мадраса.

Он сколотил состояние, видимо, слишком большое, так как спустя 5 лет его сняли с должности по обвинению в том, что он слишком много нагребил, занимая высокий пост. Учитывая, что он вернулся домой с 5 тоннами специй, огромным количеством бриллиантов и бесчисленным количеством ценных вещей, эти обвинения были не безосновательны. Как гласит эпитафия на его могиле в Рексеме на севере Уэльса: «Рожден в Америке, вырос в Европе, путешествовал по Африке и женился в Азии... Сделал много добра и зла, поэтому надеемся, что его душа все-таки отправилась на небеса». Вернувшись в Англию, он щедро тратил деньги, хотя не забывал и место своего рождения. Ближе к концу жизни он пожертвовал большую сумму денег Монастырскому колледжу в штате Коннектикут. Его отблагодарили тем, что дали колледжу имя щедрого покровителя, который мог присылать дополнительные пожертвования в будущем, – Элайху Йель¹¹³².

Йель оказался в нужном месте и в нужное время. В 1680-х годах династия Цинь в Китае убрала ограничения на внешнюю торговлю, что привело к росту экспорта чая, фарфора и китайского сахара. В результате порты Мадрас и Бомбей стали не только полноценными центрами торговли, но и перевалочными пунктами в оживленной международной торговле¹¹³³.

¹¹²⁹ J. Robertson, 'The Caribbean Islands: British Trade, Settlement, and Colonization', in L. Breen (ed.), *Converging Worlds: Communities and Cultures in Colonial America* (Abingdon, 2012), pp. 176–217.

¹¹³⁰ P. Stern, 'Rethinking Institutional Transformation in the Making of Empire: The East India Company in Madras', *Journal of Colonialism and Colonial History* 9.2 (2008), pp. 1–15.

¹¹³¹ H. Bowen, *The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833* (Cambridge, 2006).

¹¹³² H. Bingham, 'Elihu Yale, Governor, Collector and Benefactor', *American Antiquarian Society. Proceedings* 47 (1937), pp. 93–144; H. Bingham, *Elihu Yale: The American Nabob of Queen Square* (New York, 1939).

¹¹³³ J. Osterhammel, *China und die Weltgesellschaft* (1989), p. 112.

В конце XVII века началась новая эра взаимоотношений между Европой и Китаем. На этот раз они не ограничивались торговлей. Математик Готфрид Лейбниц, разработавший двоичную систему, смог развить свои идеи благодаря книгам по теории китайской математики, которые прислали ему его иезуитские друзья, уехавшие жить в Пекин в конце XVII века. Те, кто был в состоянии извлечь выгоду из налаживающихся коммерческих и интеллектуальных отношений, смогли хорошо подняться¹¹³⁴.

К тому времени как Йель овдовел, он понял, что на Востоке, в частности в Индии, существуют прекрасные способы хорошо заработать. «Ты не должен быть нетерпелив в своем продвижении и не должен спешить навстречу богатству, – писал он своему крестнику Элайху Никсу, – мое состояние стоило мне примерно 30 лет ожидания»¹¹³⁵. Как представитель первой волны англичан, которые начали действовать, он был слишком богат, чтобы давать следующему поколению такие строгие советы. Тем временем перспективы разбогатеть в Азии становились все более осуществимыми. В Англии начинался золотой век.

То, что остров в северной Атлантике стал заправлять международными делами и стал центром империи, которая контролировала четверть земного шара и влияла на остальные регионы, поразило бы историков и строителей империй прошлого. Британия – неприветливое место, как писал один из величайших историков поздней античности, где воздух отравлен настолько, что может убить, если ветер сменится¹¹³⁶. Автор более позднего времени указывал, что она населена бритами, и как он предполагал, это название происходит от латинского слова *brutus*, что означает иррациональный или глупый¹¹³⁷. Отделенный от остальной Европы каналом, этот остров был далеким и изолированным. Однако теперь этот недостаток стал основой для формирования грозной силы и роста одной из величайших империй в истории.

Можно выделить множество причин такого успеха Британии. Ученые отмечали, например, что экономическое неравенство там было ниже, чем в остальных странах Европы, и что низшие слои населения в Британии потребляли гораздо больше калорий, чем на континенте¹¹³⁸. Последние исследования также показали, что изменения в стиле жизни сыграли определенную роль, поскольку темпы и эффективность работы резко возросли благодаря росту экономики. Успех Британии обусловлен еще и тем, что там проживало большое количество новаторов¹¹³⁹. Уровень рождаемости в Британии был гораздо ниже, чем в большинстве других европейских стран, и это также оказалось важным фактором распределения доходов среди населения, так как ресурсы делились среди меньшего количества людей, чем на континенте¹¹⁴⁰.

Однако главным козырем, который невозможно было побить, оказалось географическое положение. Англия или Британия после объединения с Шотландией в 1707 году полу-

¹¹³⁴ См., например, F. Perkins, *Leibniz and China: A Commerce of Light* (Cambridge, 2004).

¹¹³⁵ Цитируется по S. Mentz, *The English Gentleman Merchant at Work: Madras and the City of London 1660–1740* (Copenhagen, 2005), p. 162.

¹¹³⁶ Procopius, *The Wars*, 8.20, 5, pp. 264–266.

¹¹³⁷ K. Matthews, 'Britannus / Britto: Roman Ethnographies, Native Identities, Labels and Folk Devils', in A. Leslie, *Theoretical Roman Archaeology and Architecture: The Third Conference Proceedings* (1999), p. 15.

¹¹³⁸ R. Fogel, 'Economic Growth, Population Theory, and Physiology: The Bearing of Long-Term Processes on the Making of Economic Policy', *American Economic Review* 84.3 (1994), pp. 369–395; J. Mokyr, 'Why was the Industrial Revolution a European Phenomenon?', *Supreme Court Economic Review* 10 (2003), pp. 27–63.

¹¹³⁹ J. de Vries, 'Between Purchasing Power and the World of Goods: Understanding the Household Economy in Early Modern Europe', in J. Brewer and R. Porter (eds), *Consumption and the World of Goods* (1993), pp. 85–132; J. de Vries, *The Industrious Revolution*; H. – J. Voth, 'Time and Work in Eighteenth-Century London', *Journal of Economic History* 58 (1998), pp. 29–58.

¹¹⁴⁰ N. Voigtländer and H. – J. Voth, 'Why England? Demographic Factors, Structural Change and Physical Capital Accumulation during the Industrial Revolution', *Journal of Economic Growth* 11 (2006), pp. 319–361; L. Stone, 'Social Mobility in England, 1500–1700', *Past & Present* 33 (1966), pp. 16–55; также см. P. Fichtner, *Protestantism and Primogeniture in Early Modern Germany* (London, 1989), для оценки связи между религией и первородством.

чила естественный барьер, защищающий ее от противников, – море. Такой барьер был полезен с точки зрения отражения военной угрозы и совершенно незаменим, когда дело касалось государственных расходов. Так как у Британии не было границ, которые нужно было защищать, ее военные расходы были гораздо ниже, чем у континентальных противников. Исследователи подсчитали, что в 1550 году военные силы Англии по численности были примерно равны военным силам Франции, а к 1700 году армия французов превышала армию англичан в три раза. Это означало, что Франция тратила на военные расходы гораздо больше денег, чем Англия. Доходы Франции также были гораздо ниже, так как солдаты и матросы, потенциальные источники налоговых доходов и косвенных доходов посредством потребления, были удалены с полей, фабрик и прочих мест работы, чтобы нести службу государству¹¹⁴¹.

Казалось, что Британия была вакцинирована от инфекционных проблем Европы, которая погрязла в нескончаемых войнах, так как в XVII–XVIII веках страны на материке вели бесконечные войны во всех возможных вариациях. Британцы научились вмешиваться осторожно, когда обстоятельства складывались в их пользу, и воздерживаться от этого, когда ситуация оборачивалась против них. Становилось ясно, что происходящее в Европе могло определять судьбы на другой стороне земного шара. Интенсивные споры о том, кто должен унаследовать трон Австрии, могли иметь последствия, которые привели бы к войне и переделу европейских колоний по всему миру. Дискуссии о легитимности наследования трона Марией Терезией в 1740-х годах привели к вспышке военных действий повсюду, начиная с Америки и заканчивая Индийским субконтинентом, которые продолжались несколько десятилетий. В результате, когда все наконец улеглось, оказалось, что мыс Бретон в Канаде и Мадрас в Индии сменили владельцев с французов на англичан.

Это лишь один из примеров того, как соперничество между европейскими державами могло повлиять на совершенно другие регионы. Города Индии были переданы французами голландцам в конце 1690-х годов в результате урегулирования Девятилетней войны в Европе; острова в Карибском бассейне сменили хозяев с британцев на французов в результате мирного разрешения конфликта двумя десятилетиями позже после ожесточенной борьбы в Европе. В результате урегулирования споров об испанском престоле англичане и французы поменялись владениями в Америке.

Браки тоже могли приносить обширные земли, стратегические плацдармы и большие города, например, частью приданного Екатерины Браганской, когда она вышла замуж за Карла II в 1660-х годах, стал Бомбей. Это был акт щедрости, который по предсказанию португальского губернатора города, положил конец власти Португалии в Индии¹¹⁴². То, что происходило в спальнях Европы, приглушенные разговоры в кулуарах дворцов в столицах касалось потенциальных невест или предполагаемого пренебрежения правителей, чье эго было легко задеть, имели последствия за тысячи миль.

Однако такие интриги мало волновали жителей Востока, для которых было неважно, кто над ними господствовал – голландцы, британцы, французы или кто-то еще. На самом деле соперничество в Европе было нужно лишь для извлечения все больших выгод. На протяжении XVII века делегации противников отправлялись к императору моголов, правителям Китая и Японии, чтобы получить новые торговые концессии или обновить старые.

Это существенно увеличивало значимость посредников, таких как Муккараб Хан, чиновник из порта в Гуджарате, который уладил дело с императором Джахангиром в начале XVII века и в результате неплохо поднялся¹¹⁴³. Груз, который приобрел Хан в 1610

¹¹⁴¹ K. Karaman and S. Pamuk, 'Ottoman State Finances in European Perspective, 1500–1914', *Journal of Economic History* 70.3 (2010), pp. 611–612.

¹¹⁴² G. Ames, 'The Role of Religion in the Transfer and Rise of Bombay', *Historical Journal* 46.2 (2003), pp. 317–340.

¹¹⁴³ J. Flores, 'The Sea and the World of the Mutasaddi: A Profile of Port Officials from Mughal Gujarat (c.1600–1650)', *Journal of the Royal Asiatic Society* 3.21 (2011), pp. 55–71.

году, состоял из «арабских скакунов», рабов и предметов роскоши. Два месяца потребовалось только на то, чтобы просто пройти таможенно¹¹⁴⁴.

По словам одного историка, Британская Азия действовала по принципу «у всего и у всех есть своя цена»¹¹⁴⁵. Это спровоцировало дачу весьма экстравагантных взяток, а также протесты от тех, кто осуждал алчность. Император моголов Джахангир, например, питал особую слабость к подаренным ему «огромным слонам» и, возможно, додо. Говорили, что его сердце «настолько ненасытно, что непонятно, когда оно насытится; оно похоже на бездонный кошель, который невозможно наполнить, так как чем больше он получает, тем больше он алчет»¹¹⁴⁶.

Голландские послы привезли с собой в Пекин в 1660-х годах кареты, доспехи, украшения, ткани и даже очки в попытке восстановить свое положение после того, как они утратили свои позиции незадолго до этого¹¹⁴⁷. Отчет еще одной экстравагантной голландской делегации, на этот раз отправившейся в Лахор в 1711 году, показывает, какие огромные усилия были затрачены на лесть и получение ценных контрактов. Это видно из чудесных изображений, сделанных во время приема в Удайпуре, в ходе продвижения делегации на север. В дар были принесены лакированные изделия из Японии, слоны с Цейлона, лошади из Персии, специи из голландских колоний, европейские товары: пушки, телескопы, секстанты и микроскопы. Ничего не было оставлено на волю случая, хотя обстоятельства сложились так, что просьба посланника обновить торговые концессии осталась нерассмотренной¹¹⁴⁸.

Для того чтобы потоки из Европы добрались на Восток, потребовалось много времени. В любом случае, чем больше купцов приезжало торговать и чем больше были их корабли, тем лучше. Это означало больше даров, большую прибыль и увеличение объемов торговли. В действительности могольские императоры, например Акбар, Шах-Джахан и Аурангзеб (даты правления 1658–1707), имели привычку взвешиваться в день своего рождения, чтобы на другую чашу весов укладывали драгоценные камни, металлы и прочие сокровища, пока весы не оказывались сбалансированы. Едва ли это была лучшая мотивация для того, чтобы следить за фигурой¹¹⁴⁹.

Постепенно посредники начали вымогать деньги за услуги «эскорта» для путешественников и купцов до пункта их назначения к большому раздражению тех, кому не нравился как сам подход, так и запрашиваемая сумма. Английские купцы, у которых в Раджамахале конфисковали товар, поняли, что у них нет другого выхода, кроме как подкупить губернатора и его чиновников, точно так же, как всегда поступали голландцы¹¹⁵⁰. Жалобы на недостаточную честность могли достигать ушей императоров моголов, которые иногда наказывали тех, кто слишком хорошо использовал возможности своих карманов: один из судей, обвиненный в отсутствии беспристрастности, был приговорен к укусам кобры прямо перед

¹¹⁴⁴ Tūzuk-i-Jahāngīrī, tr. W. Thackston, *The Jahangirnama: Memoirs of Jahangir, Emperor of India* (Oxford, 1999), p. 108.

¹¹⁴⁵ A. Loomba, 'Of Gifts, Ambassadors, and Copy-cats: Diplomacy, Exchange and Difference in Early Modern India', in B. Charry and G. Shahani (eds), *Emissaries in Early Modern Literature and Culture: Mediation, Transmission, Traffic, 1550–1700* (Aldershot, 2009), pp. 43–45 и также в других местах.

¹¹⁴⁶ Rev. E. Terry, *A Voyage to East India* (London, 1655), p. 397, цитируется по T. Foster, *The Embassy of Sir Thomas Roe to India* (London, 1926), pp. 225–226, n. 1. Путешественник Питер Манди, когда посетил Сурат, увидел двух додо, которые также могли быть подарены торговцами, стремящимися завоевать благосклонность Джахангира, *Travels of Peter Mundy*, 2, p. 318.

¹¹⁴⁷ L. Blussé, *Tribuut aan China. Vier eeuwen Nederlands – Chinese betrekkingen* (Amsterdam, 1989), pp. 84–87.

¹¹⁴⁸ Список даров – J. Vogel (ed.), *Journal van Ketelaar's hofreis naar den Groot Mogol te Lahore* (The Hague, 1937), pp. 357–393; A. Topsfield, 'Ketelaar's Embassy and the Farengi Theme in the Art of Udaipur', *Oriental Art* 30.4 (1985), pp. 350–367.

¹¹⁴⁹ Подробно о взвешивании см. *Shah Jahan Nama*, p. 28; Жан-де-Тевено, который путешествовал по Индии в семнадцатом веке, дает яркое описание церемонии взвешивания, S. Sen, *Indian Travels of Thevenot and Careri* (New Delhi, 1949), 26, pp. 66–67.

¹¹⁵⁰ P. Mundy, *Travels*, pp. 298–300.

лицом правителя. В другом случае привратники были выпороты после жалобы музыканта на то, что они забрали деньги, пожалованные ему императором, по дороге из дворца¹¹⁵¹.

Деньги, поступающие в Индию, продолжали поддерживать развитие изобразительного искусства, архитектуры и культуры в целом. Огромные средства стекались сюда еще с начала XVI века. Все большие суммы попадали в Центральную Азию, частично как дань, уплаченная правителям, например Аурангзебу, чтобы обеспечить мирное существование на севере, а также как плата за покупку большого количества лошадей, которые паслись в степях. Не менее 100 000 лошадей продавалось на рынках Индии каждый год, если верить источникам, по совершенно заоблачным ценам¹¹⁵². Также купцами из Индии, а также Персии, Китая продавалось огромное количество домашнего скота. На данном рынке все больше увеличивалась доля России благодаря крупным суммам, поступающим в этот регион. Такие города, как Коканд (в современном Узбекистане), процветали. Источники говорят о превосходном качестве ревеня, чая, фарфора и шелка, которые можно было купить здесь по разумным ценам и в больших количествах¹¹⁵³.

Несмотря на рост европейской торговли, торговые сети, пересекающие Азию, все еще функционировали. Это отражено в записях Голландской Ост-Индской компании, которые говорят о десяти тысячах верблюдов, груженных тканью, которые каждый год отправлялись из Индии в Персию по старым торговым путям через Центральную Азию. Английские, французские, индийские и русские источники также содержат информацию о продолжительной наземной торговле и дают представление об ее объемах в XVII–XVIII веках: путешественники по Центральной Азии свидетельствовали о больших объемах продаваемых на рынках товаров, огромном количестве лошадей, которых доставляли в такие места, как Кабул, крупный торговый центр, к которому стекались караваны со всей Азии, чтобы продать и купить разнообразные ткани, ароматические корни, рафинированный сахар и другие предметы роскоши¹¹⁵⁴.

Все большее значение в этой континентальной торговле приобретали меньшинства, которые помогали делать коммерческий обмен более гладким благодаря обычаям, семейным узам и способности создавать кредитные сети, работавшие на больших расстояниях. В прошлом эту роль исполняли согдийцы. Теперь ее переняли евреи и армяне¹¹⁵⁵.

Под внешним слоем закручивались невидимые вихри. Отношение европейцев к Азии становилось жестче. Ее образ чудесной страны, полной экзотических растений и сокровищ, превратился в образ места, где местные жители столь же вялые и бесполезные, как в Новом свете. Отношение Роберта Орма было типичным для XVIII века. Первый официальный историк Ост-Индской компании Орм написал эссе под названием «Об изнеженности жителей Индостана», которое показывает, насколько ожесточились взгляды его современников. Чувство собственности обострялось¹¹⁵⁶. Отношение к Азии изменялось от восторга вследствие получения высоких прибылей до мыслей о грубой эксплуатации.

¹¹⁵¹ N. Manucci, *A Pepys of Mogul India, 1653–1708: Being an Abridged Edition of the 'Storia do Mogor' of Niccolao Manucci* (New Delhi, 1991), pp. 197, 189.

¹¹⁵² J. Gommans, 'Mughal India and Central Asia in the Eighteenth Century: An Introduction to a Wider Perspective', *Itinerario* 15.1 (1991), pp. 51–70. О выплате дани см. J. Spain, *The Pathan Borderland* (The Hague, 1963), pp. 32–34; а также см. C. Noelle, *State and Tribe in Nineteenth-Century Afghanistan: The Reign of Amir Dost Muhamad Khan (1826–1863)* (London, 1997), p. 164.

¹¹⁵³ S. Levi, 'The Ferghana Valley at the Crossroads of World History: The Rise of Khoqand 1709–1822', *Journal of Global History* 2 (2007), pp. 213–232.

¹¹⁵⁴ S. Levi, 'India, Russia and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 42.4 (1999), pp. 519–548.

¹¹⁵⁵ См. I. McCabe, *Shah's Silk for Europe's Silver: The Eurasian Trade of the Julfa Armenians in Safavid Iran and India, 1530–1750* (Atlanta, 1999), а также см. B. Bhattacharya, 'Armenian European Relationship in India, 1500–1800: No Armenian Foundation for European Empire?', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 48.2 (2005), pp. 277–322.

¹¹⁵⁶ S. Delgoda, "'Nabob, Historian and Orientalist': Robert Orme: The Life and Career of an East India Company Servant

Такая точка зрения отражена в термине «набоб», который использовали для обозначения чиновников Ост-Индской компании, сколотивших в Азии огромные состояния. Они вели себя как разбойники и ростовщики, одалживая деньги местным по завышенным процентным ставкам, используя при этом ресурсы компании для собственной выгоды и снимая жирные сливки прибыли со сделок лично для себя. Это был Дикий Восток – прелюдия того, что будет происходить на западе Северной Америки столетием позже. Отправляясь в Индию, советовал мемуаристу Уильяму Хики его отец, «снеси полдюжины голов богачей... и вернись набобом». Служба в Британской Ост-Индской компании была билетом на пути к богатству в одну сторону¹¹⁵⁷.

Этот путь не был лишен трудностей и опасностей, так как условия на субконтиненте были непростыми. Даже самых амбициозных могла остановить болезнь. Насколько позволяют понять источники, хотя смертность и снизилась благодаря улучшению санитарии и гигиены, а также усовершенствованным лекарствам и реформированию системы здравоохранения, число тех, кто отправился домой или оказался недееспособным, стабильно росло¹¹⁵⁸. Опыт мог быть опасен. Это выяснил торговец и моряк Томас Боури и его товарищи, когда выпили по пинте *Bangha*, настоя из конопли за шесть пенсов, в Индии в конце XVII века. Один из них «уселся на пол и горько плакал весь день»; другой «терзаемый страхом... засунул голову в кувшин и сидел так четыре часа»; «четверо или пятеро легли на ковер и принялись восхвалять друг друга возвышенными словами», в то время как еще один «боролся с деревянным столбом на крыльце, пока не содрал кожу на костяшках пальцев»¹¹⁵⁹. Потребовалось время, чтобы привыкнуть к другим частям света.

В то же время прибыль была поразительной до такой степени, что для драматургов, прессы и политиков стало абсолютно нормальным делом подкалывать нуворишей. Они презрительно говорили о моде на учителей танцев и фехтования для джентльменов, нервозности выбора правильного портного и обязательного знания, о чем следует говорить за обедом¹¹⁶⁰.

Лицемерие царило повсюду. Когда Уильям Питт в конце XVIII века рассказывал членам Парламента о том, что «импортеры иностранного золота пробились в Парламент с помощью такого количества взяток, которому невозможно сопротивляться», это звучало абсурдно¹¹⁶¹. При этом он не счел нужным вспомнить о том, что его собственный дед привез на родину один из самых больших драгоценных камней, бриллиант Питт, а также использовал богатства, полученные им на посту губернатора Мадраса, чтобы приобрести поместье и место в Парламенте, которое шло в комплекте¹¹⁶². Остальные были так же откровенны. Как говорил разъяренный Эдмунд Берк в Палате общин вскоре после этого, ужасно, что «набобы» разрушают общество, расшвыриваясь своим богатством, приобретая себе места в Парламенте и заключая браки с дочерьми дворян¹¹⁶³. Злость практически не имела эффекта: кто бы не захотел иметь амбициозного, богатого юношу в зятях или щедрого супруга?

Ключ к разгадке получения такого богатства лежал в переходе Ост-Индской компании от простых операций по торговле товарами между разными континентами к обрете-

(1728–1801)’, *Journal of the Royal Asiatic Society* 2.3 (1992), pp. 363–364.

¹¹⁵⁷ Цитируется по T. Nechtman, ‘A Jewel in the Crown? Indian Wealth in Domestic Britain in the Late Eighteenth Century’, *Eighteenth-Century Studies* 41.1 (2007), p. 73.

¹¹⁵⁸ A. Bewell, *Romanticism and Colonial Disease* (Baltimore, 1999), p. 13.

¹¹⁵⁹ T. Bowrey, *Geographical Account of Countries around the Bay of Bengal 1669 to 1679*, ed. R. Temple (London 1905), pp. 80–81.

¹¹⁶⁰ C. Smylitopoulos, ‘Rewritten and Reused: Imagining the Nabob through “Upstart Iconography”’, *Eighteenth-Century Life* 32.2 (2008), pp. 39–59.

¹¹⁶¹ P. Lawson, *The East India Company: A History* (London 1993), p. 120.

¹¹⁶² Nechtman, ‘Indian Wealth in Domestic Britain’, p. 76.

¹¹⁶³ E. Burke, *The Writings and Speeches of Edmund Burke*, ed. W. Todd, 9 vols (Oxford, 2000), 5, p. 403.

нию настоящей власти. Сдвиг в сторону наркоторговли и рэкеты прошел гладко. На плантациях Индии в огромных количествах рос опиум, который обеспечивал покупку шелка, фарфора и прежде всего китайского чая. Импорт чая резко возрос. Официальные цифры говорят о том, что объем импорта увеличился с 142 000 фунтов чая в 1711 году до 15 миллионов фунтов годом позже. Причем эти цифры не включают контрабандные поставки. Рост тяги к предметам роскоши на Западе фактически отражал растущую зависимость от наркотиков в Китае¹¹⁶⁴.

Другая сомнительная деятельность приносила не меньшие доходы. Хотя местным правителям в Индии в XVIII веке была обещана защита на постоянной основе и в больших масштабах, решающий момент наступил в 1757 году, когда экспедиция под предводительством Робейрта Клайва была послана в Калькутту, чтобы разрешить конфликт после нападения на город наваба Бенгалии. Клайву вскоре предложили крупную сумму денег за поддержку одной из сторон, которая желала обрести власть. Практически сразу он получил контроль над диваном, собирающим налоги по всему региону, и смог сколотить состояние для себя самого благодаря доходам в густонаселенной и экономически оживленной части Азии, где находилось текстильное производство, на которое приходилось больше половины британского импорта с Востока. Буквально мгновенно он стал одним из богатейших людей в мире¹¹⁶⁵.

Комитет Палаты общин, который был создан в 1773 году, чтобы наблюдать за последствиями бенгальских завоеваний, обнаружил, что из бенгальцев были выкачаны огромные суммы денег. Больше 2 миллионов, что сейчас составляет примерно 10 миллиардов, были розданы в качестве «подарков». Почти все эти деньги осели в карманах сотрудников местного отделения Британской Ост-Индской компании¹¹⁶⁶. Возмущение усугублялось ужасным, шокирующим положением в самой Бенгалии. К 1770 году цена на зерно взлетела настолько, что это привело к катастрофическим результатам, особенно когда наступил голод. Число погибших исчислялось миллионами, генерал-губернатор сообщал о том, что вымерла примерно треть всего населения. Европейцы думали только о собственном обогащении, в то время как местное население погибало от голода¹¹⁶⁷.

Этой ситуации вполне можно было избежать. Большое количество людей были обречены на страдания в угоду личной выгоде. На критику Клайв отвечал как глава банка, у которого есть проблемы, что его основной приоритет – защита интересов акционеров, а не местного населения, и он не заслуживает критики за проделанную им работу¹¹⁶⁸. Ситуация становилась все хуже. Уменьшение рабочей силы в Бенгалии привело к разрушению местного производства. В связи с сокращением доходов резко возросли расходы. Началась паника. Было похоже, что золотой гусь снес свое последнее яйцо. Это спровоцировало падение акций Британской Ост-Индской компании и подтолкнуло компанию к грани банкротства¹¹⁶⁹. Так как правление компании отнюдь не состояло из суперлюдей и гениев администрирования, способных заработать миллионы, ее деятельность поставила финансовую систему на колени.

¹¹⁶⁴ D. Forrest, *Tea for the British: The Social and Economic History of a Famous Trade* (London, 1973), Потребление чая в Великобритании – приложение II, таблица 1, стр. 284.

¹¹⁶⁵ О Бенгалии – R. Datta, *Society, Economy and the Market: Commercialization in Rural Bengal, c. 1760–1800* (New Delhi, 2000); R. Harvey, *Clive: The Life and Death of a British Emperor* (London, 1998).

¹¹⁶⁶ P. Marshall, *East India Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century* (Oxford, 1976), p. 179.

¹¹⁶⁷ J. McLane, *Land and Local Kingship in Eighteenth-Century Bengal* (Cambridge, 1993), pp. 194–207.

¹¹⁶⁸ См. N. Dirks, *Scandal of Empire: India and the Creation of Imperial Britain* (Cambridge, MA, 2006), pp. 15–17.

¹¹⁶⁹ P. Lawson, *The East India Company: A History* (New York, 1993).

* * *

После серии напряженных дискуссий правление в Лондоне пришло к выводу, что Британская Ост-Индская компания была слишком крупной для того, чтобы распустить ее, и приняло решение поддерживать компанию на плаву. Однако для ее финансирования требовались деньги. Мысли обратились к колониям в Северной Америке, где налоги были гораздо ниже, чем в самой Британии. Когда в 1773 году правительство лорда Норта приняло Закон о чае, это казалось элегантным решением проблемы финансирования Британской Ост-Индской компании, но также привело к тому, что налоговый режим в американских колониях стал практически равен британскому. Это спровоцировало недовольство поселенцев по ту сторону Атлантики.

В Пенсильвании распространялись листовки и памфлеты, которые описывали Ост-Индскую компанию как «оплот тирании, хищений, угнетения и кровопролития». В таких заявлениях отражалось то, что происходило с самой Британией, где высшее сословие наслаждалось собственным обогащением за счет обычных людей¹¹⁷⁰. Корабли, перевозящие чай, разворачивались обратно, так как колонисты отказались подчиняться требованиям правительства, которое не позволяло им участвовать в политике. Когда в Бостонскую гавань прибыло три корабля, между местными жителями и властями началось напряженное противостояние. В ночь 16 декабря небольшая группа людей, переодевшись «индейцами», забралась на корабли и сбросила груз чая прямо в гавань. Они предпочли утопить весь товар, чем платить налоги Лондону¹¹⁷¹.

Если смотреть с американской точки зрения, цепь событий, которая привела к созданию Декларации независимости Соединенных Штатов, имела сугубо американский контекст. Однако, если смотреть на вещи более широко, причины можно найти в том, что щупальца Британии постоянно находились в поиске новых возможностей, а также в том, что эффективность Шелкового пути привела к дисбалансу из-за слишком быстрых темпов роста. Лондон пытался сбалансировать конкурирующие потребности разных сторон света и использовал доходы, полученные в одних регионах, чтобы покрыть расходы в других, что привело к разочарованию, неудовлетворенности и, как результат, бунту. Стремление к прибыли было неистребимо, оно порождало уверенность в себе и высокомерие. Ост-Индская компания, как говорил Клайв следователям, находясь на пороге краха, была имперской силой во всем, кроме названия. Она правила странами, которые были «богатыми, густонаселенными и плодородными», и «владела 20 миллионами человек»¹¹⁷².

Американские колонисты поняли, что нет большой разницы между подданными одной или другой колонии Британии. Если люди в Бенгалии голодают, то, несмотря на то что их положение казалось лучше, такая же судьба может постигнуть и их. Настало время идти дальше самостоятельно.

Американская война за независимость спровоцировала в Британии дискуссии, посвященные тому, как нужно относиться к регионам, в которых были созданы центры торговли, не только являющиеся прибыльными, но и представляющие собой политическую власть. Эффективное завоевание Бенгалии создало прецедент. Британия превратилась из страны, которая поддерживала колонии своих собственных эмигрантов, в державу, которая правила

¹¹⁷⁰ J. Fichter, *So Great a Profit: How the East Indies Trade Transformed Anglo-American Capitalism* (Cambridge, MA, 2010), pp. 7–30.

¹¹⁷¹ Из писем жителей Бостона, которые в течение нескольких месяцев после этого жаловались, что «вкус рыбы изменился», они опасались, что чай, возможно, так загрязнил воду в гавани, что рыба могла заразиться, причиняя нервные расстройства человеку, *Virginia Gazette*, 5 May 1774.

¹¹⁷² Цитируется по Dirks, *Scandal*, p. 17.

другими народами. Это был новый шаг в понимании того, как нужно балансировать желания центра империи и потребности ее окраин. Британия столкнулась с тем, что подчиненные ей люди имели собственные законы и обычаи, с необходимостью заимствовать что-то у новых общин и что-то отдавать взамен, для того чтобы построить работающую и устойчивую основу. Так зарождалась империя.

Создание империи отметило конец целой главы. Передача большей части Индии в руки британцев привела к тому, что пострадали наземные торговые пути, так как покупательная способность, активы и внимание обратились к Европе. Снижение потребности в кавалерии ввиду усовершенствования военных технологий и тактики, в частности усиления огневой мощи тяжелой артиллерии, также сыграло роль в снижении объемов товаров, которые перевозили по дорогам, пересекающим Азию. Центральная Азия, как и Южная Европа до этого, приходила в упадок.

Потеря 13 колоний в Северной Америке была унижительна для Британии и подчеркнула важность сохранения британских владений. В этой связи назначение лорда Корнуоллиса генерал-губернатором Индии стало откровением. Именно Корнуоллис сыграл не последнюю роль в разгроме по ту сторону Атлантики, и именно он сдал Йорктаун Джорджу Вашингтону. Возможно, идея заключалась в том, что он получил болезненный урок и не станет повторять прежних ошибок. Британия потеряла Соединенные Штаты, но никогда не потеряет Индию.

15. Путь к кризису

Катастрофа в Америке стала большим шоком для Британии, показала, что империя может быть уязвимой. Британцы сумели занять доминирующее положение, в том числе посредством Ост-Индской компании, которая принесла богатство, влияние и власть. Она яростно защищала оазисы, которые приносили прибыль и имели связь с Лондоном, и ревностно относились к любым попыткам ослабить ее хватку на путях сообщения от Яванского моря до Карибского бассейна и от Канады до Индийского океана.

Хотя XIX век обычно считается пиком процветания империи, временем, когда Британия укрепляла свои позиции, наблюдались признаки обратного. Хватка ослабевала, провоцируя на отчаянные действия, которые имели стратегические, военные и дипломатические последствия. Реалии были таковы, что попытки удержания территорий, разбросанных по всем земному шару, привели к опасным играм с местными и мировыми конкурентами, причем ставки в этой игре постоянно повышались. К 1914 году они возросли до такой степени, что по итогам войны в Европе судьба самой империи была поставлена на карту: империя оказалась на коленях не из-за неудач и хронического недопонимания, царившего в коридорах власти Лондона, Берлина, Вены, Парижа и Санкт-Петербурга, а напряженной ситуации с контролем в Азии, которая длилась уже не первое десятилетие. За развязыванием Первой мировой войны стояла не Германия и не Россия, причиной стала все та же ситуация на Востоке. И именно Британия отчаянно пыталась предотвратить то, что в результате привело к мировой войне.

Угроза, которую Россия представляла для Британии, разрасталась как раковая опухоль еще за столетие до убийства Франца Фердинанда, так как Россия превратилась из ветхого, архаичного государства с аграрной экономикой в реформированную и амбициозную империю. В Лондоне зазвонили тревожные звоночки, когда стало ясно, что интересы растущей и расширяющей свое влияние России не только пересекаются с интересами Британии, но и могут нарушить их.

Первые знаки беды появились в начале 1800-х годов. Многие десятилетия Россия раздвигала свои границы, присоединяя новые территории степей Центральной Азии, население которых состояло из самых разных племен, проживавших на востоке и юге, таких как киргизы, казахи и ойраты. Такое присоединение осуществлялось с разумной осторожностью. Хотя Маркс глубоко критиковал империализм и появление «новых русских», все было сделано с немалой чуткостью¹¹⁷³. Во многих случаях местные лидеры не только получали щедрые дары, но и оставались на своих местах; их власть в пределах их территорий была одобрена и официально признана в Санкт-Петербурге. Уступки, например налоговые льготы, земельные гранты и освобождение от военной службы, также облегчили привыкание к господству России¹¹⁷⁴.

Территориальное расширение подпитало рост экономики России, который значительно ускорился в XIX веке. С одной стороны, большие расходы, которые были связаны с защитой от атак со стороны степей, сократились и было высвобождено определенное количество средств¹¹⁷⁵. С другой стороны, можно было получить щедрое вознаграждение, имея

¹¹⁷³ K. Marx, *Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century*, ed. L. Hutchinson (London, 1969).

¹¹⁷⁴ A. Kappeler, 'Czarist Policy toward the Muslims of the Russian Empire', in A. Kappeler, G. Simon and G. Brunner (eds), *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia* (Durham, NC, 1994), pp. 141–156; а также D. Brower and E. Lazzerini, *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* (Bloomington, IN, 1997).

¹¹⁷⁵ Лучшие общие обзоры экспансии России: M. Khodarkovsky, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800* (Bloomington, IN, 2002); J. Kusber, "'Entdecker' und 'Entdeckte': Zum Selbstverständnis von Zar und Elite

доступ к плодородным землям степей, которые простирались от Черного моря далеко на восток.

Ранее россияне были вынуждены возделывать гораздо менее подходящую для этого землю, в результате чего урожай зерна в России являлся одним из самых низких в Европе, и это подвергало население угрозе голода. Один из британских путешественников в начале XVIII века отметил, что калмыки, выходцы из племени ойратов, которые поселились в низовьях Волги и на северном побережье Каспийского моря, могли выставить до 100 000 хорошо вооруженных, крепких мужчин. При практически постоянной угрозе нападения сельское хозяйство не могло развиваться должным образом. «Несколько сотен акров» плодородной земли этого региона, писал тот же самый путешественник, «в Англии были бы на вес золота, а здесь они заброшены и необработанны»¹¹⁷⁶.

Торговля страдала точно так же, как и развитие городов. Их размер и количество оставались весьма скромными: лишь небольшая часть населения была урбанизирована до наступления 1800 года¹¹⁷⁷.

Когда все начало меняться, амбиции и кругозор также стали расширяться. В начале XIX века российские войска напали на Османскую империю, тем самым обеспечивая большие преимущества, в том числе контроль над Бессарабией, регионом между Днестром и рекой Прут, а также над значительными территориями на Каспийском море. Далее последовали нападения на Кавказ и целая серия неприятных поражений в Персии.

Баланс сил на Кавказе резко сменился. Располагающиеся здесь провинции и ханства или были независимы, или столетиями поддерживали отношения с Персией. Перерисовка карт показала большой сдвиг в этом регионе, что являлось однозначным свидетельством растущих амбиций России на ее южных границах. Англичанам потребовалось совсем немного времени, чтобы понять значимость момента, особенно после того как было получено сообщение, что французская миссия отправилась в Персию, чтобы скомпрометировать позицию Англии на Востоке. Революция во Франции в 1789 году принесла такие же результаты, как и черная смерть в свое время. Масштабные страдания положили начало новой эре возрождения.

К концу XVIII века Наполеон планировал не только покорить Египет, но и вытеснить Британию из Индии. Он якобы написал могущественному султану Майсура Типу, чтобы сообщить ему, что многочисленные и непобедимые французские войска скоро «освободят вас из железных тисков Англии»¹¹⁷⁸. Конечно же, Индия была лакомым кусочком для французских стратегов в это время¹¹⁷⁹. После отправки доверенного генерала Наполеона, графа де Гардана, в Персию в 1807 году с приказом заключить альянс с шахом, а также составить подробные карты, чтобы подготовиться к большой французской кампании на Индийском субконтиненте, стало ясно, что Индия продолжала будоражить умы¹¹⁸⁰.

Британцы отреагировали незамедлительно, отправив высокопоставленного чиновника, сэра Гора Оусли, чтобы предотвратить успешные переговоры французов с шахом. С

im frühneuzeitlichen Moskauer Reich zwischen Europa und Asien', *Zeitschrift für Historische Forschung* 34 (2005), pp. 97–115.

¹¹⁷⁶ J. Bell, *Travels from St Petersburg in Russia to Various Parts of Asia* (Glasgow, 1764), p. 29; M. Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads 1600–1771* (London, 1992).

¹¹⁷⁷ A. Kahan, 'Natural Calamities and their Effect upon the Food Supply in Russia', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 16 (1968), pp. 353–377; J. Hittle, *The Service City: State and Townspeople in Russia, 1600–1800* (Cambridge, MA, 1979), pp. 3–16; P. Brown, 'How Muscovy Governed: Seventeenth-Century Russian Central Administration', *Russian History* 36 (2009), pp. 467–468.

¹¹⁷⁸ L. de Bourrienne, *Memoirs of Napoleon Bonaparte*, ed. R. Phipps, 4 vols (New York, 1892), 1, p. 179.

¹¹⁷⁹ J. Cole, *Napoleon's Egypt: Invading the Middle East* (New York, 2007), pp. 213–215.

¹¹⁸⁰ C. de Gardane, *Mission du Général Gardane en Perse* (Paris, 1865). О Франции и Персии в этот период в целом и о попытке использовать Персию в качестве моста в Индию – I. Amini, *Napoléon et la Perse: les relations franco-persanes sous le Premier Empire dans le contexte des rivalités entre la France et la Russie* (Paris, 1995).

сэром Оусли отправилась внушительная делегация, которая должна была «впечатлить местное население своим размером и постоянством наших связей»¹¹⁸¹. Важно было произвести впечатление на шаха и его двор, хотя некоторые и пытались скрыть свое презрение к местным обычаям за закрытыми дверями.

Особенное презрение они испытывали к постоянным требованиям дорогих подарков. Оусли с огорчением узнал, что кольцо, которое он подарил персидскому правителю вместе с письмом от короля Георга III было сочтено слишком маленьким и недостаточно ценным. «Подлость и алчность этих людей, – писал он с возмущением, – отвратительны»¹¹⁸². Его мнение разделял другой британский офицер, который посетил Тегеран примерно в то же самое время. Персы, писал он, одержимы процедурами дарения подарков. О правилах, как при этом следует сидеть и стоять, можно было написать целую толстую книгу¹¹⁸³.

На публике все было совсем по-другому. Оусли, который прекрасно владел персидским языком, устроил все так, чтобы его встретили гораздо дальше от столицы, чем французского посла, прекрасно понимая, что это означает более высокий статус. Он позаботился о том, чтобы шах принял его как можно скорее, и с удовольствием отметил, что его стул стоял ближе к трону, чем это было положено¹¹⁸⁴. Усилия, затраченные на поддержание добрых отношений, распространились на обучение персидских войск специально присланными для этого британскими военными советниками – двумя офицерами королевских артиллерийских войск, двумя сержантами и десятью артиллеристами. Они тренировали персидских солдат, давали советы по укреплению границ и даже совершали внезапные атаки на русские позиции в Султанабаде, где в начале 1812 года успешная пропаганда привела к сдаче гарнизона.

Все изменилось, когда в июне того же года Наполеон напал на Россию. В то время как французы продвигались к Москве, британцы решили, что гораздо лучше дистанцироваться от Персии и присоединиться к России. «Наши добрые друзья» – так назвал русских Оусли в своем отчете, направленном министру иностранных дел, в котором он также отмечал обширные последствия нападения французов на Россию. Это было к лучшему, решил Оусли, так как «в характере персов есть некая извращенная черта, которая делает их нечувствительными и неблагодарными за все милости, им оказанные». Дружба, которой он так добивался, была принесена в жертву без особого сожаления, так как персы были «самым эгоистичным народом в мире»¹¹⁸⁵.

Переориентация Британии на налаживание взаимоотношений с Россией разочаровала персов, которые отмечали, что надежные ранее союзники внезапно сменили курс. Это было горьким упреком, особенно после внезапной атаки на Кавказ российских войск, ободренных отпором, данным Наполеону в 1812 году.

Для многих то, что Оусли, приложивший столько усилий, чтобы обработать шаха, принял участие в разработке унижительного Гюлистанского мирного договора, по условиям которого к России отходили большая часть западного крыла Каспия, включая Дагестан, Мегрелию, Абхазию, Дербент и Баку, было похоже на предательство.

То, что условия договора в основном были в пользу России, спровоцировало волну отвращения среди персов, которые интерпретировали происходящее как признак глубокой ненадежности и корысти. Персидский посол писал лорду Каслри, министру иностранных

¹¹⁸¹ Ouseley to Wellesley, 30 April 1810, FO 60/4.

¹¹⁸² Ouseley to Wellesley, 30 November 1811, FO 60/6.

¹¹⁸³ Об этом эпизоде см. A. Barrett, 'A Memoir of Lieutenant-Colonel Joseph d'Arcy, R.A., 1780–1848', *Iran* 43 (2005), pp. 241–247.

¹¹⁸⁴ Там же, pp. 248–253.

¹¹⁸⁵ Ouseley to Castlereagh, 16 January 1813, FO 60/8.

дел, что он чрезвычайно разочарован поведением Британии. Он «рассчитывал на добрую дружбу с Британией», а также на «надежные обещания», которые были даны в отношении Персии. «Я крайне разочарован» тем, как повернулась ситуация, продолжал посол, предупреждая, что «если все останется так, как есть сейчас, это не сделает Англии чести»¹¹⁸⁶. В результате нападения Наполеона Россия приобрела ценного союзника, а разрыв отношений с Персией был ценой, которую пришлось за это заплатить.

Увеличение значения России на международной арене не ограничивалось Европой и Ближним Востоком, ее щупальца протянулись гораздо дальше. В отличие от того, что мы видим сегодня, в XIX веке восточная граница России находилась не в Азии, а совершенно другом месте – в Северной Америке. Российские колонии были основаны по ту сторону Берингова пролива, там, где сейчас находится Аляска. Другие общины в начале 1800-х годов расположились на западном побережье Канады и дальше, до самого Форты-Росса в Калифорнии. Здесь жили не купцы, а постоянные поселенцы, которые вкладывали средства в строительство гаваней, складских помещений и даже школ. Юные мальчики «креольского происхождения» на побережье Тихого океана в Северной Америке обучались на русском языке по российским учебным программам. Некоторых из них посылали на учебу в Санкт-Петербург, в некоторых случаях они даже поступали на учебу в престижную Академию медицины¹¹⁸⁷. По любопытному стечению обстоятельств послы от царя прибыли в Сан-Франциско, чтобы обсудить с испанским губернатором вопросы выделения ресурсов практически в то же самое время, когда сэр Гор Оусли объявил Россию союзником сразу после вторжения Наполеона в 1812 году¹¹⁸⁸.

Проблема заключалась в том, что границы России расширялись очень быстро, так же как и ее уверенность. Отношение к тем, кто жил по ту сторону границы, ужесточилось.

Все чаще и чаще народы Южной и Центральной Азии рассматривались как варварские, которые нуждались в просвещении. Относились к ним соответствующим образом. Это имело ужасающие последствия, особенно заметные в Чечне, где в 1820-х годах местное население терроризировалось своевольным и кровожадным генералом Алексеем Ермоловым. Это не только привело к появлению харизматичного лидера, имама Шамиля, который возглавил сопротивление, но и испортило отношения России с этим регионом на целые поколения¹¹⁸⁹.

Укоренившиеся образы Кавказа и степи как мест, где царит жестокость и беззаконие, были отражены в литературе, например, в стихотворении «Кавказский пленник» Александра Сергеевича Пушкина и «Колыбельная» Михаила Юрьевича Лермонтова, где описаны кровожадные чеченцы, которые бродят по берегу реки, вооруженные кинжалами, желая убить ребенка¹¹⁹⁰. На западе Россия граничила с «самыми изысканными просветителями», как сообщал один из радикальных политических деятелей в Киеве, а на востоке с глубоким невежеством. Поэтому наипервейшим долгом считалось «поделиться знаниями с нашими полуварварскими соседями»¹¹⁹¹.

¹¹⁸⁶ Abul Hassan to Castlereagh, 6 June 1816, FO 60/11.

¹¹⁸⁷ A. Postnikov, 'The First Russian Voyage around the World and its Influence on the Exploration and Development of Russian America', *Terrae Incognitae* 37 (2005), pp. 60–61.

¹¹⁸⁸ Федорова С. Русская Америка в записках К. Т. Хлебникова. – М., 1985.

¹¹⁸⁹ M. Gammer, 'Russian Strategy in the Conquest of Chechnya and Dagestan, 1825–1859', in M. Broxup (ed.), *The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World* (New York, 1992), pp. 47–61; о Шамиле – Казиев С. Имам Шамиль. – М., 2001.

¹¹⁹⁰ Перевод стихов см. М. Pushkin, *Eugene Onegin and Four Tales from Russia's Southern Frontier*, tr. R. Clark (London, 2005), pp. 131–140; Kelly, *Lermontov: Tragedy in the Caucasus* (London, 2003), pp. 207–208.

¹¹⁹¹ Орлов М. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. – М., 1963. – С. 47.

Однако не все были так в этом уверены. Несколько десятилетий российская интеллигенция спорила о том, каким путем нужно развиваться империи. Нужно ли пойти по пути «салонов и утонченности Запада» или следует двигаться на восток – к Сибири и Центральной Азии. Существовало великое множество мнений. Философ Петр Чаадаев отмечал: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, мы не принадлежим ни Востоку, ни Западу»¹¹⁹². Девственные земли Востока давали России шанс создать свою собственную Индию¹¹⁹³. Великие державы Европы уже не выглядели образцом совершенства, они стали соперниками, чья власть должна была быть оспорена.

Композитор Михаил Глинка вдохновлялся ранней историей Руси и хазаров и создал оперу «Руслан и Людмила», а Александр Бородин обратился к Востоку при написании симфонической поэмы «В степях Центральной Азии», которая напоминает о караванах и переходах через степь, а «Половецкие пляски» вдохновлены ритмами кочевых народов¹¹⁹⁴. Интерес к Востоку в теме или подборе инструментов был отличительной чертой классической музыки XIX века в России¹¹⁹⁵.

Достоевский страстно утверждал, что Россия должна не только взаимодействовать с Востоком, но и принять его. В своем знаменитом эссе «Что такое для нас Азия?», написанном в конце XIX века, он утверждал, что Россия должна освободиться от оков европейского империализма. В Европе, писал он, русские прихлебатели и рабы, а в Азии «хозяева»¹¹⁹⁶.

Такие взгляды зарождались благодаря продолжающимся успехам за рубежом. Успехи на Кавказе были достигнуты в 1820-х годах, после неудачных атак персов. Испытывающий жгучую боль от условий Гюлистанского договора и ободренный враждебностью местного населения к генералу Ермолову, чьи прилюдные казни через повешенье женщин и детей вызывали отвращение наблюдателей, шах Фатх Али в 1826 году приказал двинуться на Россию¹¹⁹⁷. Ответная реакция была разрушительной. После того как Ермолов был снят со своего поста, царские войска прошли по горным переходам Кавказа, выбили персидскую армию и в 1828 году заняли поселение, и это было гораздо хуже, чем то, что произошло 15 лет назад. Еще больше земель вместе с солидной контрибуцией отошли России. Унижение было таково, что ослабленный шах просил царя официально поддержать его преемника, принца Аббаса-Мирзу, после его смерти, опасаясь, что тот не сможет удержать трон, не говоря уже об удержании власти.

Это было незадолго до вспышек насилия в Тегеране. В феврале 1829 года толпы устремились к посольству России и штурмовали здание. Министр-резидент, 36-летний Александр Грибоедов, автор знаменитой сатиры «Горе от ума», который занял бескомпромиссную позицию по вопросам Сирии, был убит, а его тело, все еще облаченное в форму, толпа протаскала по улицам города¹¹⁹⁸. Шах отреагировал немедленно, предотвратив кровавое вторжение. Он направил любимого внука, чтобы принести извинения царю, вместе с поэтами, которые называли его «Сулейманом наших дней». И, что более важно, в подарок был послан один из самых больших драгоценных камней в мире – алмаз «Шах» весом около 90 карат, который когда-то украшал трон императоров Индии в окружении рубинов и изумрудов. Теперь же

¹¹⁹² P. Chaadev, *Lettres philosophiques*, 3 vols (Paris, 1970), pp. 48–57.

¹¹⁹³ S. Becker, 'Russia between East and West: The Intelligentsia, Russian National Identity and the Asian Borderlands', *Central Asian Survey* 10.4 (1991), pp. 51–52.

¹¹⁹⁴ T. Levin, *The Hundred Thousand Fools of God: Musical Travels in Central Asia* (Bloomington, IN, 1996), pp. 13–15; Симфоническая поэма Бородина обычно представляется на английском языке под названием «In the Steppes of Central Asia».

¹¹⁹⁵ J. MacKenzie, *Orientalism: History, Theory and the Arts* (Manchester, 1995), pp. 154–156.

¹¹⁹⁶ F. Dostoevskii, *What is Asia to Us?*, ed. and tr. M. Hauner (London, 1992), p. 1.

¹¹⁹⁷ Broxup, *North Caucasus Barrier*, p. 47; J. Baddeley, *The Russian Conquest of the Caucasus* (London, 1908), pp. 152–163.

¹¹⁹⁸ L. Kelly, *Diplomacy and Murder in Teheran: Alexandre Griboyedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia* (London, 2002). О взглядах Грибоедова см. Шостакович С. Дипломатическая деятельность. – М., 1960.

он отправился в Санкт-Петербург в качестве предложения мира. И он сделал свое дело: как заявил царь Николай I, эта история должна быть забыта¹¹⁹⁹.

Тем временем в Лондоне росло напряжение. В начале XIX века британская миссия была отправлена в Персию, чтобы противостоять угрозе со стороны Наполеона. Британия столкнулась с новым, совершенно неожиданным соперником. И это была не Франция, которая больше не представляла угрозы, а Россия. Казалось, что она расширяется каждый день во всех направлениях.

Были и те, кто предвидел такое развитие событий. Сэр Харфорд Джонс, который служил послом в Тегеране, предвещал, что «Персия, связанная по рукам и ногам, будет доставлена ко двору Санкт-Петербурга». Остальные были еще более откровенны. Политики в Азии были обеспокоены, и как писал лорд Элленборо, видная фигура в кабинете герцога Веллингтона в 1820-х годах, роль Британии была достаточно проста – «сдерживать мощь России»¹²⁰⁰.

Вызывало беспокойство то, что после событий в Персии царь укрепил свою власть и стал защитником шаха и его режима. Когда в 1836–1837 годах в казахских степях вспыхнули серьезные восстания против правления России, которые нарушили торговлю в Центральной Азии и Индии, Россия призвала нового персидского шаха Мухаммеда выдвинуться в Герат, находящийся на западе Афганистана, в надежде открыть новые, альтернативные торговые пути на Восток. Персидским войскам была оказана военно-техническая поддержка, чтобы помочь им в достижении целей¹²⁰¹. Это застало британцев врасплох, и они запаниковали.

Лорд Пальмерстон, министр иностранных дел, был встревожен таким развитием событий. «Россия и Персия играют в игры в Афганистане [sic]», – писал он весной 1838 года. Тем не менее он оставался оптимистично настроен и полагал, что ситуация вскоре успешно разрешится¹²⁰². Через несколько недель, однако, он всерьез обеспокоился. Жемчужина Британской империи внезапно стала уязвимой. Действия России привели ее «совсем близко к нашим воротам в Индию», писал он доверенному лицу. Месяц спустя он предупреждал остальных, что барьер между Европой и Индией исчез, «открывая путь для вторжений»¹²⁰³. Ситуация выглядела действительно мрачно.

Экстренной отправки войск для оккупации острова Харк в Персидском заливе оказалось достаточно, чтобы отвлечь шаха и снять осаду Герата. Однако шаги, предпринятые после этого, были катастрофой. Стремясь получить надежного лидера, который помог бы укрепить безопасность ее позиций в Центральной Азии, Британия вмешалась в грязные дела в Афганистане. После того как поступило сообщение о том, что правитель страны Дост Мухаммед принимал у себя послов из России, которые предлагали сотрудничество, британцы приняли решение поддержать его противника, шаха Шуджу, намереваясь поставить его на место правителя.

В ответ Шуджа согласился разместить британские войска в Кабуле и одобрить недавнее присоединение Пешавара британским союзником, махараджей Пенджаба.

Сначала все шло как по маслу. Кветта, Кандагар, Газни и Кабул, ключевые точки, позволяющие контролировать доступ на восток, запад, север и юг, были взяты с минимальными потерями. Не в первый и, конечно, не в последний раз внешнее вмешательство послужило громоотводом для обычно разрозненных интересов в Афганистане. Несмотря на племенные,

¹¹⁹⁹ Персидское посольство в России 1828 года // Русский архив. – 1889. – № 1. – С. 209–260.

¹²⁰⁰ Цитируется по W. Dalrymple, *Return of a King: The Battle for Afghanistan* (London, 2013), pp. 50–51.

¹²⁰¹ J. Norris, *The First Afghan War 1838–1842* (Cambridge, 1967); M. Yapp, *Strategies of British India: Britain, Iran and Afghanistan 1798–1850* (Oxford, 1980), pp. 96–152; C. Allworth, *Central Asia: A Century of Russian Rule* (New York, 1967), pp. 12–24.

¹²⁰² Palmerston to Lamb, 22 May 1838, Beauvale Papers, MS 60466; D. Brown, *Palmerston: A Biography* (London, 2010), p. 216.

¹²⁰³ Palmerston to Lamb, 22 May 1838, цитируется по работе D. Brown, *Palmerston: A Biography* (London, 2010), p. 216.

этнические и лингвистические различия, все стояли на одной стороне, защищая интересы Доста Мухаммеда. Это произошло в основном благодаря непопулярности шаха Шуджи, особенно после того как были выпущены директивы, которые защищали интересы Британии в ущерб местному населению. Мечети по всей стране отказались читать хутбу, аккламацию в честь правителя Шуджи¹²⁰⁴. Это было незадолго до того, как Кабул стал опасен для любого британца или того, кто подозревался в симпатии к Британии.

В ноябре 1841 года Александр Бернс, шотландец, чьи продолжительные путешествия по всему региону были широко известны в Британии благодаря его знаменитым публикациям и неустанной саморекламе, был захвачен и убит в столице¹²⁰⁵. Вскоре после этого было принято решение отступить в Индию. В январе 1842 года произошел один из самых униительных и неприятных эпизодов в военной истории Британии. Колонна, отходящая под командованием генерал-майора Эльфинстона, была атакована по пути в Джелалабад на горных тропах и уничтожена в снегах. Легенда гласит, что только один человек добрался до города живым – доктор Уильям Брайдон, чью жизнь спасла копия журнала Blackwood: он свернул его и поместил внутрь шляпы для сохранения тепла. Именно журнал принял на себя основную силу удара мечом, который обязательно убил бы его¹²⁰⁶.

Попытки Британии приостановить прогресс России в других местах были не более успешны. Миссии по строительству мостов с эмиром Бухары и получению влияния на севере Афганистана имели эффектные, но неприятные последствия. Наивные описания Александра Бернса дали ложную надежду на то, что британцев примут с распростертыми объятиями. Это было невероятно далеко от правды. Свирепые, независимые ханства Хива, Бухара и Коканда не имели никакого желания принимать участие в том, что один эгоистичный брокер, мечтающий о британском господстве, наивно назвал «большой игрой»¹²⁰⁷.

Двое британских офицеров, полковник Чарльз Стоддарт и Артур Конолли, которые прибыли сюда в 1840-х годах, чтобы предложить решение проблем англо-русских отношений в Центральной Азии, были обезглавлены перед толпой фанатично настроенных зрителей¹²⁰⁸.

Третьим в Бухару приехал колоритный человек по имени Джозеф Вульф. Сын немецкого раввина, Вульф принял христианство. Он был исключен из духовной семинарии в Риме, изучал теологию в Кембриджском университете под руководством антисемита, чьи взгляды были настолько провокационными, что студенты забросали его тухлыми яйцами на улицах Кембриджа¹²⁰⁹. Отправившись в путь в качестве миссионера, он изначально намеревался искать потерянные племена Израиля. В конце концов он добрался до Бухары и нашел там послов, о которых уже давно никто ничего не слышал. Эмир уже знал, что этот эксцентрик скоро прибывает, получив заранее письмо, которое гласило: «Я, Джозеф Вульф, известный дервиш от христианства... я собираюсь в Бухару, чтобы расследовать отчеты об убийствах Конолли и Стоддарта, слух, в который я, зная гостеприимство жителей Бухары, конечно же не поверил». Ему повезло не разделить их судьбу, даже после того как его арестовали и при-

¹²⁰⁴ Palmerston to Lamb, 23 June 1838, pp. 216–217.

¹²⁰⁵ S. David, *Victoria's Wars: The Rise of Empire* (London, 2006), pp. 15–47; Burnes, *Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia*, 3 vols (London 1834). Об убийстве Бернса – Dalrymple, *Return of a King*, pp. 30–35.

¹²⁰⁶ W. Yapp, 'Disturbances in Eastern Afghanistan, 1839–1842', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 25.1 (1962), pp. 499–523; W. Yapp, 'Disturbances in Western Afghanistan, 1839–1842', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 26.2 (1963), pp. 288–313; Dalrymple, *Return of a King*, pp. 378–388.

¹²⁰⁷ A. Conolly to Rawlinson 1839; см. S. Brysac and K. Mayer, *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Asia* (London, 2006).

¹²⁰⁸ 'Proceedings of the Twentieth Anniversary Meeting of the Society', *Journal of the Royal Asiatic Society* 7 (1843), pp. x – xi. О Стоддарте, Конолли и других, подобных им. – P. Hopkirk, *The Great Game: On Secret Service in High Asia* (London, 2001).

¹²⁰⁹ H. Hopkins, *Charles Simeon of Cambridge* (London, 1977), p. 79.

говорили к смерти. В конце концов он был отпущен на свободу, однако опасность была очень близка¹²¹⁰.

Ирония заключалась в том, что со стратегической точки зрения у России не было большого интереса к Бухаре. Этнографические исследования этого периода, например, книги о хазарах Алексея Левшина, которые стали очень популярны в Санкт-Петербурге, подогрели интерес к людям, которые не умели ни читать, ни писать, у которых, однако, были «зачатки музыки и поэзии», несмотря на их кажущиеся невежество и грубость¹²¹¹. Как писал Бернс, цели России в регионе были исключительно скромными: их интересы заключались в том, чтобы подстегнуть торговлю и остановить захват россиян в рабство. Проблема заключалась не в том, что это утверждение затерялось в работе Бернса, а в том, что он вернулся домой в Британию с тревожным сообщением: «Двор в Санкт-Петербурге давно вынашивает планы в этой части Азии»¹²¹².

Это подогнало растущие интересы Британии в других частях Азии. Генеральный консул в Багдаде, Генри Роулинсон, неустанно повторял всем, кто его слушал, что, если рост России не будет остановлен Британской империей, это создаст большую угрозу для Индии. Предлагалось два решения: Британия должна или расширить свою империю на территорию Месопотамии, чтобы создать надежный буфер, защищающий подходы с запада, или отправить войска из Индии, чтобы атаковать русских на Кавказе¹²¹³. Роулинсон взял на себя поддержку местных антироссийских восстаний повсюду, где он только мог отыскать несогласных. Он отправил оружие и деньги имаму Шамилю, власть которого в Чечне была достаточно сильна и который постоянно был костью в горле для России в середине XIX века¹²¹⁴. Поддержка, которую он предоставил, способствовала зарождению длительной традиции чеченского терроризма против России.

То, что после этого Британия захотела воспользоваться шансом и сильно урезать территорию России, было неизбежно. Ситуация с отношением к христианам в Османской империи была быстро и умело обострена, и в 1854 году британские войска были отправлены к Черному морю, где к ним присоединились французы, которые хотели защитить свои обширные интересы в Константинополе, Алеппо и Дамаске. России нужно было преподать урок¹²¹⁵.

По словам лорда Пальмерстона, «самой главной и реальной причиной войны было сдерживание агрессивных амбиций России». Смутная, мрачная война, которая велась в Крыму, на Азовском море, включая периодические вспышки в других местах, например на Кавказе и Дунае, предполагала гораздо больший и ценный выигрыш, чем было заявлено. Харизматичный и уважаемый министр иностранных дел Британии представил своим коллегам официальный план расчленения России. Контроль России и, как следствие, защита британских интересов в Индии, кроме того, контроль над Крымом и всем Кавказом собирались передать османам¹²¹⁶. Хотя этот экстравагантный план не был исполнен, он стал свидетельством того, насколько Британию волновало расширение России.

Некоторые были потрясены англо-французским вторжением. Яростно и пространно описывая эту войну, Карл Маркс высказал огромное количество идей о разрушительном

¹²¹⁰ J. Wolff, *Narrative of a Mission to Bokhara: In the Years 1843–1845*, 2 vols (London, 1845); о самом Вольфе – Н. Hopkins, *Sublime Vagabond: The Life of Joseph Wolff – Missionary Extraordinary* (Worthing, 1984), pp. 286–322.

¹²¹¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алма-Ата, 1996. – С. 297.

¹²¹² Burnes, *Travels into Bokhara*, 11, 2, p. 381.

¹²¹³ R. Shukla, *Britain, India and the Turkish Empire, 1853–1882* (New Delhi, 1973), p. 27.

¹²¹⁴ O. Figes, *Crimea: The Last Crusade* (London, 2010), p. 52.

¹²¹⁵ О Франции см. M. Racagni, 'The French Economic Interests in the Ottoman Empire', *International Journal of Middle East Studies* 11.3 (1980), pp. 339–376.

¹²¹⁶ W. Baumgart, *The Peace of Paris 1856: Studies in War, Diplomacy and Peacemaking*, tr. A. Pottinger Saab (Oxford, 1981), pp. 113–116, 191–194.

влиянии империализма. Впервые они были опубликованы в Манифесте коммунистов за несколько лет до этого.

Маркс детально задокументировал увеличение военных расходов и дал обширные комментарии в *New-York Tribune*, в которых он яростно осудил лицемерие тех, кто развязал войну на Западе. Он едва сдержал ликование, когда лорд Абердин был вынужден уйти в отставку с должности премьер-министра после тяжелых потерь, понесенных в России. В то время как цены в Лондоне росли, и это вызывало протест, Марксу было очевидно, что империалистические настроения Британии были продиктованы жалкой кучкой элиты и осуществлялись за счет народных масс. Коммунизм родился не во время Крымской войны, но был определенно закален там¹²¹⁷.

В Италии началось движение за объединение. После того как Россия получила по носу от войск Британии и Франции, включая те, которые принимали участие в печально известной атаке Легкой бригады, окончательные детали обсуждались в Париже. В обсуждении за столом переговоров принял участие граф Ковур, премьер-министр Сардинии, который получил эту возможность благодаря решению Виктора Эммануила, королю острова, который отправил военные силы на Черное море в поддержку Франции. Он с умом воспользовался моментом, когда был в центре внимания, призывая к созданию единой независимой Италии – отчаянный призыв, который вызвал сочувствие у союзников и помог мобилизовать сторонников дома¹²¹⁸. Пять лет спустя король Сардинии стал королем Италии, новой страны, собранной из разрозненных городов и регионов. Впечатляющий памятник *Altare della Patria* (Витториано), который стоит в центре Рима, был построен 30 лет спустя, чтобы, по словам Примо Леви, Рим мог почувствовать себя итальянским городом, а Италия – наследницей Рима. Это стало кульминацией событий, которые дали новый импульс борьбе за земли за тысячи миль на восток¹²¹⁹.

Для России, условия, навязанные мирными переговорами в Париже в 1856 году, были катастрофическими. Британия и Франция заключили союз, чтобы завязать петлю на шее противника. Лишившись так тяжело доставшихся ей земель на Кавказе, Россия переживала потерю доступа к Черному морю, которое было объявлено нейтральной территорией и закрыто для военных кораблей. Линия побережья также должна была быть демилитаризована, освобождена от фортификаций и складов вооружения¹²²⁰.

Основной целью было унизить Россию и задушить ее амбиции. Однако это оказало противоположный эффект. Переговоры в Версале имели опасные последствия.

Несмотря на то что решение было карательным и носило ограничительный характер, россияне немедленно попытались выскользнуть из своих оков, что привело к переменам и реформам. Крымская война показала, что царская армия не могла устоять против союзных войск, которые были более опытными и лучше натренированными. После того как царь Александр II ознакомился с весьма неприятными докладами, в которых беспощадно излагались все недостатки российской армии, была проведена основательная военная реформа¹²²¹.

Были предприняты радикальные шаги: срок службы был сокращен с 25 до 15 лет, снижен средний возраст поступления на службу, к тому же была заменена неэффективная и

¹²¹⁷ K. Marx, *The Eastern Question: A Reprint of Letters Written 1853–1856 Dealing with the Events of the Crimean War* (London, 1969); K. Marx, *Dispatches for the New York Tribune: Selected Journalism of Karl Marx*, ed. F. Wheen and J. Ledbetter (London, 2007).

¹²¹⁸ G. Ameil, I. Nathan and G. – H. Soutou, *Le Congrès de Paris (1856): un événement fondateur* (Brussels, 2009).

¹²¹⁹ P. Levi, 'Il monumento dell'unità Italiana', *La Lettura*, 4 April 1904; T. Kirk, 'The Political Topography of Modern Rome, 1870–1936: Via XX Settembre to Via dell'Impero', in D. Caldwell and L. Caldwell (eds), *Rome: Continuing Encounters between Past and Present* (Farnham, 2011), pp. 101–128.

¹²²⁰ Figes, *Crimea*, pp. 411–424; Baumgart, *Peace of Paris*, pp. 113–116.

¹²²¹ D. Moon, *The Abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907* (London, 2001), p. 54.

устаревшая материальная база¹²²². Однако самой поразительной переменной стала социальная реформа. Несмотря на суровый банковский кризис в конце 1850-х годов, который также сыграл свою роль, поражение в Крыму и позор подвигли царя отменить крепостное право, систему, по которой значительная часть населения была привязана к земле, находясь в кабале у богатых помещиков. Через 5 лет крепостное право было отменено. Завершились столетия рабства в России¹²²³. Согласно современникам, это произошло как раз вовремя¹²²⁴. Это предвещало резкую смену направления в сторону модернизма и экономического либерализма, который развивался феноменальными темпами во второй половине XIX века: производство железа возросло в пять раз между 1870 и 1890 годами, в то время как внушительное расширение железнодорожной сети, по словам одного ученого, смогло «освободить Россию от ограничений, наложенных ее же географией, другими словами, соединить страну»¹²²⁵. Намекаясь сдерживать Россию, британцы, наоборот, выпустили джинна.

Усиление российских устремлений стало ощущаться уже тогда, когда на договоре, заключенном в Париже, еще не высохли чернила. Один из послов царя, участвовавший в мирных переговорах, военный атташе по имени Николай Игнатьев, был настолько разозлен отношением к России и ограничениями, связанными с контролем над ее же собственным побережьем Черного моря, что договорился с князем Горчаковым, бывшим одноклассником и доверенным лицом Александра Пушкина, чтобы тот организовал миссию в Центральную Азию. Цель была ясна: «Исследование (региона) и усиление дружеских связей России повысят ее влияние и понизят влияние Британии»¹²²⁶.

Игнатьев выступал за экспедиции в Персию и Афганистан, а также за то, чтобы отправить послов в ханство Хива и Бухару.

Цель, прямо заявлял он, заключалась в том, чтобы найти путь в Индию по одной из двух великих рек, которые вытекают из Аральского моря, – Сырдарье и Амударье. Он утверждал, что было бы идеально, если бы Россия могла заключить союз с народами, живущими по соседству с Индией, и подогреть их неприязнь к Британии: таким образом, Россия окажется впереди, и не только в Азии¹²²⁷.

Миссия под предводительством Игнатьева принесла свои плоды. За 15 лет, прошедших с окончания Крымской войны, Россия получила сотни тысяч квадратных километров, не имея необходимости прибегать к силе. Экспедиции с грамотным руководством, а также дипломатическое давление на Китай позволили значительно продвинуться на Дальнем Востоке «за короткий период в 10 лет», по словам одного опытного наблюдателя, отраженным в его докладе Министерству иностранных дел в Лондоне в 1861 году¹²²⁸.

Вскоре после этого под влияние России попали земли южных степей наряду с городами-оазисами, находящимися в самом сердце степи. В конце 1860-х годов Ташкент, Самарканд и Бухара, так же как и процветающая Ферганская долина, стали «протекторатами», или

¹²²² E. Brooks, 'Reform in the Russian Army, 1856–1861', *Slavic Review* 43.1 (1984), pp. 63–82.

¹²²³ Что касается крепостного права в России, см. T. Dennison, *The Institutional Framework of Russian Serfdom* (Cambridge, 2011). О банковском кризисе – Хох С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России, 1857–1861, Захарова Л., Эклов Б. и Бушнел Д. Великие реформы в России, 1856–1874. – М., 1991. – С. 95–105.

¹²²⁴ Николай Милютин, помощник министра внутренних дел, предупреждал в 1856 году, что отмена крепостного права является не просто приоритетом, а необходимостью: если этого не предпринять, то возможны волнения и революция в деревне, *Государственный архив Российской Федерации*, 722, оп. 1, д. 230, цитируется по L. Zakharova, 'The Reign of Alexander II: A Watershed?', in *The Cambridge History of Russia*, ed. D. Lieven (Cambridge, 2006), p. 595.

¹²²⁵ Федоров В. *История России XIX – начала XX в.* – М., 1998. – С. 295; P. Gatrell, 'The Meaning of the Great Reforms in Russian Economic History', in B. Eklof, J. Bushnell and L. Zakharovna (eds), *Russia's Great Reforms, 1855–1881* (Bloomington, IN, 1994), p. 99.

¹²²⁶ Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. – СПб., 1897. – С. 2.

¹²²⁷ Там же.

¹²²⁸ Alcock to Russell, 2 August 1861, FO Confidential Print 1009 (3), FO 881/1009.

вассалами, Санкт-Петербурга. Это стало прелюдией к полному поглощению и вливанию в империю. Россия строила свою собственную торговую и коммуникационную сеть, которая теперь соединяла Владивосток на востоке с границами Пруссии на западе, порты Белого моря на севере с Кавказом и Центральной Азией на юге.

История не была полностью позитивной. Хотя столь необходимая программа модернизации была запущена в течение десятилетия после окончания Крымской войны, по мере роста России росли и ее потребности. Генерирование денежных средств для финансирования преобразования империи стало постоянной проблемой, которая привела к принятию неловкого решения отказаться от Аляски по геополитическим и финансовым причинам¹²²⁹. По мере того как росли опасения Британии по поводу изменений в России, в Лондоне принялись разрабатывать способы, как остановить волну и отвлечь внимание России.

¹²²⁹ A. Grinev, 'Russian Politarism as the Main Reason for the Selling of Alaska', in K. Matsuzato (ed.), *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* (Sapporo, 2007), pp. 245–258.

16. Путь к войне

В конце XIX века уверенность России резко возросла. Вскоре после этого все сосредоточились на отмене положений о Черном море в Парижском договоре. Одна за другой канцелярии по всей Европе приходили к выводу о необходимости пересмотра всего договора в целом и удаления из него соответствующих положений. Оппозиции практически не было. Однако было одно исключение – Лондон. Зимой 1870 года копия циркуляра с предложением отказаться от указанных положений, представленного Кабинету министров Британии, просочилась в прессу Санкт-Петербурга вместе с известием о том, что это предложение было категорически отвергнуто в Лондоне. Усилия князя Горчакова, направленные на урегулирование вопроса в России, вызвали вопли ярости в британской прессе¹²³⁰.

Позиция, избранная газетой *Spectator*, была типичной – потрясение и негодование. Попытки России пересмотреть условия подобны проискам дьявола, заявлялось в газете, «мир еще не видел более смелого и открытого неповиновения европейскому праву, нормам международной морали и британской политики, чем в этом предложении России»¹²³¹. Предложение отказаться от некоторых положений убедило многих, что война неизбежна, а у Британии нет другого выбора, кроме как использовать силу, чтобы сохранить ограничения, наложенные на Россию. Эта реакция просто ужасна, как писал Джон Стюарт Милл в письме в *The Times*; ответные ходы могут быть провокационными, но они не должны вести к военному конфликту. Даже королева Виктория согласилась с этим, отправив телеграмму министру иностранных дел, лорду Гранвилю: «Можно ли намекнуть крупным изданиям, – писала она, – воздержаться от пробуждения духа войны?»¹²³²

Такая тревога была вызвана не только беспокойством по поводу Черного моря, но и общим волнением по поводу России, которая продолжала наращивать силу. Поскольку Британия не могла вести военные действия и имела крайне плохие карты на руках, у нее не было другого выбора, кроме как уступить, что привело к едким переговорам между премьер-министром Уильямом Гладстоном и харизматичным представителем Палаты общин Бенджамином Дизраэли. Россия получила то, что хотела, а именно свободу поступать на побережье так, как ей хочется, а также размещать в портах Крыма и по всему северу Черного моря свои военные корабли. В Санкт-Петербурге, по словам очевидца из Британии, это было встречено с ликованием. Это был «триумф» для России. Царь Александр II, который, как говорят, был «вне себя от радости», приказал распевать в часовне Зимнего дворца *Te Deum* перед службой в храме святых апостолов Петра и Павла «некоторое время, с признаками глубокого волнения»¹²³³.

Великобритания была бессильна превратить свою экономическую мощь в дипломатический и политический успех. Нужно было применять новые подходы. Одной из тем обсуждения являлся титул британского правителя. Учитывая размеры и распределение доминионов и регионов, количество людей, которые подчинялись британскому монарху, было решено, что титул монарха должен быть повышен с королевского на имперский. Это декоративное изменение спровоцировало яростные дебаты в Парламенте. Традиционалисты были потрясены идеей смены титула, который оставался неизменным столетиями. Короли имели

¹²³⁰ W. Mosse, 'The End of the Crimean System: England, Russia and the Neutrality of the Black Sea, 1870–1871', *Historical Journal* 4.2 (1961), pp. 164–172.

¹²³¹ *Spectator*, 14 November 1870.

¹²³² W. Mosse, 'Public Opinion and Foreign Policy: The British Public and the War-Scare of November 1870', *Historical Journal* 6.1 (1963), pp. 38–58.

¹²³³ Rumbold to Granville, 19 March 1871, FO 65/820, no. 28, p. 226; Mosse, 'End to the Crimean System', p. 187.

высшую власть над подчиненными правителями, отмечал лорд Гранвиль, так что не было никаких причин для изменения титула монарха. «Милорды, – заявил он Палате лордов, – в отношении достоинств Ее Величества, ни один титул не может так привлекать, как титул Виктории, королевы Великобритании и Ирландии». Это был прекрасный пример хорошего образа монарха¹²³⁴.

Проблема заключалась в России и царе. Помимо отсылок к Римской империи (слово «царь» – сокращение слова «Цезарь»), официальный титул царя во всем его великолепии, использовавшийся в официальной переписке, включал в себя длинный список территорий, которые находились в его власти. В середине 1870-х годов Дизраэли, который стал премьер-министром, заявил Парламенту, что более высокий титул королевы поможет придать уверенности населению Индии, уже обеспокоенному продвижением России в Центральной Азии. Королева Виктория согласилась с этими доводами, написав Дизраэли, что «нападение на Россию со стороны Индии – верный ход», а повышение титула поможет увеличить лояльность подданных в Индии¹²³⁵.

Некоторые члены Парламента не были столь уверены, что следует поступать таким образом. Несомненно, британцы «столетиями правили Индией», заявил один из членов Парламента, но разве мы так не уверены в себе, чтобы изменять титул королевы исключительно для того, «чтобы наш монарх находился в равных условиях с императором России?»¹²³⁶ Другие, однако, подчеркивали значение перемен на Востоке, утверждая, что «британское правление Индостаном продолжится», а поэтому «нельзя уступать ни клочка территорий». Граница России теперь находилась всего в нескольких днях пути от доминиона Ее Величества в Индии, и это заставляло волноваться¹²³⁷. После дебатов в Парламенте в 1876 году был принят билль, провозглашавший Викторию не только королевой (титул, который был дан ей при коронации примерно сорок лет назад), но и императрицей. Ей понравились эти изменения: на Рождество она отправила Дизраэли открытку, подписанную «Victoria, Regina et Imperatrix» («Виктория, королева и императрица»)¹²³⁸.

Эти, казалось бы, поверхностные шаги сопровождались более практическими мерами, предпринимавшимися в условиях напряженной атмосферы, так как британцы постоянно опасались уступить свои земли противникам. И Британия, и Россия стали одержимы созданием шпионских сетей и взаимной слежкой, чтобы получить большее влияние над местным населением. Полковник Маклин из Пенджабской кавалерии и Индийской службы политики стал одним из тех, кто был отправлен на границу Персии, Индии и Афганистана в 1880-х годах. Он организовал группы торговцев и операторов местной телеграфной связи и стимулировал их, чтобы они передавали информацию о том, что творится в регионе. Маклин сосредоточился на мусульманском духовенстве, одаривая их шальями, коврами, сигарами и даже бриллиантовыми кольцами, чтобы впечатлить местное население и показать преимущества сотрудничества с Британией. Маклин оправдывал эти взятки, называя их способом поддержки влиятельных друзей. На самом деле они служили для укрепления религиозного влияния в этом непростом регионе, который находился в центре внимания конкурентов извне¹²³⁹.

¹²³⁴ Lord Granville, House of Lords, 8 February 1876, Hansard, 227, p. 19.

¹²³⁵ Queen Victoria to Disraeli, Hughenden Papers, 23 July 1877; L. Knight, 'The Royal Titles Act and India', *Historical Journal* 11.3 (1968), p. 493.

¹²³⁶ Robert Lowe, House of Commons, 23 March 1876, Hansard, 228, pp. 515–516.

¹²³⁷ Sir William Fraser, House of Commons, 16 March 1876, Hansard, 228, p. 111; Benjamin Disraeli, House of Commons, 23 March, Hansard, 227, p. 500.

¹²³⁸ Knight, 'Royal Titles Act', p. 494.

¹²³⁹ L. Morris, 'British Secret Service Activity in Khorasan, 1887–1908', *Historical Journal* 27.3 (1984), pp. 662–670.

С точки зрения Британии, существовала реальная проблема, касающаяся намерений и возможностей России и угрозы ее расширения в Центральную Азию, которое могло затронуть оборону Индии. Обсуждение в Лондоне повернулось в сторону военной конфронтации с Россией. Дизраэли давал королеве совет разрешить отправку английских войск в Персидский залив, а также отмечал, что императрица Индии должна приказать своей армии очистить Центральную Азию от московитов и отбросить их к Каспию¹²⁴⁰.

Власти нервничали настолько, что наместник лорд Литтон приказал совершить не одно, а целых два вторжения в Афганистан в 1878–1880 годах и посадил марионеточного правителя на трон в Кабуле. Персия была старательно обработана и в итоге подписала Гератскую конвенцию, которая была создана для защиты Центральной Азии от продвижения России. Это была непростая задача, так как у Персии были свои интересы в этом регионе и она зализывала раны после недавнего и абсолютно бесполезного вмешательства Британии, которое пошло на пользу Афганистану за счет самой Персии¹²⁴¹. В то же самое время были предприняты шаги для налаживания контактов за пределами Кандагара, чтобы создать более эффективную систему раннего предупреждения любой инициативы России, военной или нет¹²⁴².

Значительные усилия были затрачены старшим офицерским составом, чтобы определить, что делать с возможным российским посягательством на британское господство в Индии. С конца 1870-х годов была подготовлена целая серия отчетов, которые рассматривали проблему с разных сторон. Было решено, что напряженность в отношениях с Россией в других местах может оказать большое влияние на происходящее на Востоке. Один меморандум, разработанный после вторжения России на Балканы в 1877 году, включал «меры, которые следует принять в Индии, по присоединению к Турции и Англии в войне с Россией». В еще одном, составленном в 1883 году, задавались следующие вопросы: «Возможно ли вторжение России в Индию?.. Какие у России слабые места и как последние события повлияли на нашу пограничную политику в Индии?» Признаком того, насколько серьезно все воспринималось, стало назначение автора этих работ, воинственного генерала сэра Фредерика (а позже лорда) Робертса главнокомандующим Индии в 1885 году¹²⁴³.

Не все разделяли эту мрачную точку зрения относительно ситуации в Азии, даже после того как планы по вторжению, разработанные генералом Алексеем Куропаткиным, попали в руки британцев в 1886 году¹²⁴⁴. Генри Бракенбери, глава военной разведки, чувствовал, что русская угроза растет, особенно в условиях наличия у царской армии желания и готовности нападать¹²⁴⁵. Джордж Керзон, тогда еще молодой, многообещающий член Парламента и стипендиат колледжа Всех душ, который через десять лет стал наместником в Индии, относился к этому еще более пренебрежительно. Он не видел никакого генерального плана или стратегии в интересах России на Востоке. Он не считал этот план «глубоким или проработанным» и писал в 1889 году: «Я полагаю, что их политика – это политика бедняков, политика выживания, извлечения выгоды из ошибок других, которые они так часто совершают сами»¹²⁴⁶.

¹²⁴⁰ Disraeli to Salisbury, 1 April 1877, W. Monypenny and G. Buckle (eds), *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield* (London, 1910–1920), 6, p. 379.

¹²⁴¹ B. Hopkins, 'The Bounds of Identity: The Goldsmid Mission and Delineation of the Perso-Afghan Border in the Nineteenth Century', *Journal of Global History* 2.2 (2007), pp. 233–254.

¹²⁴² R. Johnson, "'Russians at the Gates of India'?" Planning the Defence of India, 1885–1900', *Journal of Military History* 67.3 (2003), p. 705.

¹²⁴³ Там же, pp. 714–718.

¹²⁴⁴ General Kuropatkin's Scheme for a Russian Advance Upon India, June 1886, CID 7D, CAB 6/1.

¹²⁴⁵ Johnson, 'Russians at the Gates of India', pp. 734–739.

¹²⁴⁶ G. Curzon, *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question* (London, 1889), pp. 314–315.

Несомненно, в этом было много бахвальства и выдавания желаемого за действительное в том, что касалось отношения России к картине в Центральной Азии в целом и Индии в частности. В вооруженных силах нашлись горячие головы, которые говорили о грандиозных планах по замене Британии как господствующей силы на субконтиненте, в то же время были предприняты шаги, которые позволили полагать, что интересы России были далеко не пассивны: например, офицеры отправлялись на курсы изучения хинди, видимо, для приготовления неминуемого вторжения в Индию. Это поощрило многих, например, махараджу Далипа Сингха из Пенджаба, который написал царю Александру III, что «предоставит 250 000 000 своих соотечественников для избавления от жестокого ига британского правления», утверждая, что говорит от имени «большого количества могущественных князей Индии». Кажется, это было открытое приглашение для России расширить свои границы на юг¹²⁴⁷.

На практике все оказалось не так просто. Россия в это время решала весьма щекотливый вопрос, как включить обширные новые территории, которые недавно попали в сферу влияния империи. Чиновники, которых отправили в Туркменистан, пытались разобраться в сложных и зачастую противоречащих земельных реестрах. Их попытки упорядочить местное налогообложение и законы столкнулись с неизбежным противодействием оппозиции¹²⁴⁸. Мрачная реальность, порождаемая общественным мнением, дала начало тому, что в Совете министров в Санкт-Петербурге называли «фанатичными настроениями на наших восточных границах». Это привело к увеличению влияния ислама на многие аспекты повседневной жизни «новых русских», которые являлись частью царской империи¹²⁴⁹. Беспокойство о восстаниях и мятежах на этих вновь присоединенных территориях было настолько велико, что обязательная военная служба была здесь отменена, а финансовые требования были на удивительно низком уровне. Как едко заметил один из ведущих мыслителей, российские крестьяне не пользовались такими привилегиями¹²⁵⁰.

Сложности также возникали в отношении образа местного населения. Российские критики привлекли внимание к глубоко предвзятому отношению британцев, отметив, как британские солдаты обращались с торговцами на базарах Ташкента, воспринимая их «как что-то, что ближе к животному, чем к человеку». Был описан случай, когда жена британского капитана отказалась позволить махарадже Кашмира сопровождать ее на обед, заявив, что он «грязный индус». Однако, несмотря на всю их критику, отношение русских было не более просвещенным.

Царские офицеры, возможно, и жаловались друг другу на отношение британцев к местным, однако доказательств того, что они на самом деле вели себя по-другому, практически не было. «Все индусы без исключения, – писал один из русских путешественников в Индии в XIX веке, – посвящают все свои силы и всю свою душу ужасному ростовщичеству. Горе тому несчастному, кто поддастся их лживым обещаниям!»¹²⁵¹

Тем не менее наблюдался определенный азарт, касающийся новых миров, с которыми Россия входила в контакт, это следует из того, что писал в своем дневнике министр внутренних дел Петр Валуев в 1865 году. «Ташкент был взят генералом Черняевым, – отмечал он. – Никто не знает, зачем и по какой причине... (но) есть что-то эротическое в том, что

¹²⁴⁷ A. Morrison, 'Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860–1917', *Slavonic and East European Review* 84.4 (2006), pp. 674–676.

¹²⁴⁸ B. Penati, 'Notes on the Birth of Russian Turkestan's Fiscal System: A View from the Fergana Oblast', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 53 (2010), pp. 739–769.

¹²⁴⁹ D. Brower, 'Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire', *Slavic Review* 55.3 (1996), pp. 569–570.

¹²⁵⁰ Терентьев М. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – С. 361.

¹²⁵¹ Morrison, 'Russian Rule in Turkestan', pp. 666–707.

мы делаем на дальних границах империи». Расширение границ – это прекрасно, заявлял он. Сначала Россия добралась до реки Амур, затем Уссури, а теперь и до Ташкента¹²⁵².

И все же, несмотря на проблемы роста, влияние России и ее вовлеченность в дела на Востоке продолжали расти все быстрее. Россия создавала свой собственный Шелковый путь. Строительство Транссибирской магистрали и ее соединение с Китайской восточной железной дорогой привели к быстрому развитию торговли, объемы которой колебались между 1895 и 1914 годами¹²⁵³. Поддержку оказывал вновь созданный русско-китайский банк, который был сформирован для финансирования расширения на Дальнем Востоке¹²⁵⁴. Премьер-министр России Петр Столыпин заявлял в Думе, российском парламенте, в 1908 году, что регионы на востоке страны полны ресурсов и перспектив: «Наши дальние и негостеприимные территории богаты золотом, лесом, мехами и большим количеством места для развития сельского хозяйства». Хотя они малонаселены сейчас, это продлится недолго. Россия должна пользоваться открывающимися ей возможностями¹²⁵⁵.

С точки зрения Британии, это едва ли обнадеживало, учитывая, насколько ревностно она охраняла свои позиции на Дальнем Востоке. Особенно сложным оказалось открывать рынки Китая. К примеру, в 1793 году первая британская миссия имела дело с надменным императором Цяньлуном, прося разрешения основать торговые общины. Связи Китая проникали глубоко в «каждую страну под небесами». В любом случае, запрос британцев был вполне ожидаем. В письме императора, адресованном королю Георгу III, он писал: «Как уже понял ваш посол, мы владеем всем. Я не устанавливаю ценность странных или оригинальных вещей, поэтому не обладаю никакой ценностью для ваших мануфактур»¹²⁵⁶.

По большей части это было бахвальство, так как в конечном итоге условия были согласованы. Агрессивный ответ был основан на осознании того, что щупальца Британии протягиваются все дальше, а атака – лучшая защита¹²⁵⁷. Таким образом, изначальные опасения Китая были недалеки от истины. Как только торговые привилегии были получены, Британия не колеблясь применила силу и укрепила свои позиции. Основным способом расширения стала торговля опиумом, несмотря на яростные протесты китайцев. Однако британские власти лишь отмахнулись от возмущений по поводу разрушительного воздействия наркотика¹²⁵⁸. Торговля опиумом расширялась все больше, чему способствовал Нанкинский договор 1842 года, открывший доступ в порты, в которых прежде торговля была строго запрещена, одновременно уступая британцам Гонконг. Последующие концессии были получены после того, как британские и французские войска в 1860 году прошли по Пекину, разграбили и сожгли старый Летний дворец¹²⁵⁹.

Некоторые увидели в этом основополагающий момент, который отметил очередную главу триумфа Запада. «Именно это и есть судьба Англии, – гласила одна из статей в британской прессе, – ломать государственное устройство стран, которые так долго интриговали Европу, и раскрывать их же собственным жителям их фальшивость и пороки». Другой ком-

¹²⁵² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / Под ред. П. А. Зайончковского. Т. 2. – М., 1961. – С. 60–61.

¹²⁵³ M. Sladkovskii, *History of Economic Relations between Russia and China: From Modernization to Maoism* (New Brunswick, 2008), pp. 119–129; C. Paine, *Imperial Rivals: China, Russia and their Disputed Frontier, 1858–1924* (New York, 1996), p. 178.

¹²⁵⁴ B. Anan'ich and S. Beliaev, 'St Petersburg: Banking Center of the Russian Empire', in W. Brumfield, B. Anan'ich and Y. Petrov (eds), *Commerce in Russian Urban Culture, 1861–1914* (Washington, DC, 2001), pp. 15–17.

¹²⁵⁵ Столыпин П. Речь в Государственной Думе. (1906–1911). – Петроград, 1916. – С. 132.

¹²⁵⁶ E. Backhouse and J. Blood, *Annals and Memoirs of the Court of Peking* (Boston, 1913), pp. 322–331.

¹²⁵⁷ M. Mosca, *From Frontier Policy to Foreign Policy: The Question of India and the Transformation of Geopolitics in Qing China* (Stanford, CA, 2013).

¹²⁵⁸ R. Newman, 'Opium Smoking in Late Imperial China: A Reconsideration', *Modern Asian Studies* 29.4 (1995), pp. 765–794.

¹²⁵⁹ J. Polachek, *The Inner Opium War* (Cambridge, MA, 1991).

ментатор был настолько же глуп, отмечая, что «мистическое варварство» Китайской империи было заменено «силой вездесущей западной цивилизации»¹²⁶⁰.

Так как Британия стремилась противостоять все возрастающему влиянию России на Дальнем Востоке, в 1885 году было принято решение занять Комодские острова к югу от Корейского полуострова, используя их «в качестве базы», как заявил Кабинет министров, «для блокирования русских войск в Тихом океане», а также «в качестве станции для поддержки операций против Владивостока»¹²⁶¹. Этот ход был нацелен на защиту стратегических позиций Британии и прежде всего Китая, даже с помощью предупреждающего удара, если это будет необходимо. В 1894 году, еще до того как железная дорога открыла новые возможности, более 80 процентов всех таможенных сборов, собранных в Китае, уплачивались Британии и британским компаниям, корабли которых перевозили более четырех пятых общего объема товаров. Было очевидно, что рост России и появление новых торговых путей, по которым товары будут поставляться в Европу, лишат Британию части прибыли.

* * *

Именно в этой атмосфере соперничества и напряженности стало известно, что в конце 1890-х годов Россия предприняла шаги по привлечению Персии. Это увеличило вероятность создания альянса, который мог бы создать угрозу северо-западному подходу к Индии. Англичане после долгих размышлений пришли к выводу, что давление на субконтинент со стороны России через Афганистан и Гиндукуш будет ограничено. Для стратегов, вооруженных карандашами и картами, планирующих пути из Центральной Азии через эти сложные регионы, все выглядело просто. Было решено, что нельзя сбрасывать со счетов небольшой процент нападений. Реальность же была такова, что местность препятствовала перемещению крупных войск по горным тропам, которые были известны своим коварством и труднопроходимостью.

Совершенно другое дело – проходы через Персию. Россия повысила свою активность на южном фланге, в 1884 году оккупировав Мерв. Этот ход застал британских офицеров и агентов разведки врасплох. Они узнали об этом из газетных статей и принялись за обработку властей Тегерана. Так как граница России оказалась всего в 200 милях от Герата, дорога на Кандагар и Индию оказалась открыта. Еще большее беспокойство по-прежнему вызывало то, что экспансия сопровождалась строительством инфраструктуры, которая соединяла новые регионы с центром России. В 1880 году началось строительство Закаспийской железной дороги, которая должна была соединить Самарканд и Ташкент, а в 1899 году к этой сети был подключен переход от Мерва до Кушка, находящегося в непосредственной близости от Герата¹²⁶². Эти железнодорожные линии были не просто символическими, они являлись артериями, которые позволяли перемещать провизию, оружие и солдат к заднему входу в британскую империю. Как подчеркивал фельдмаршал Робертс в разговоре с офицерами восточного командования вскоре после этого, то, что железнодорожные пути расширялись, было весьма прискорбным фактом. Теперь, однако, была сооружена линия обороны, которую «Россия не могла пересечь». Если же это произойдет, то этот факт будет рассматриваться как *casus belli* – повод к войне¹²⁶³.

¹²⁶⁰ C. Pagani, 'Objects and the Press: Images of China in Nineteenth-Century Britain', in J. Codell (ed.), *Imperial Co-Histories: National Identities and the British and Colonial Press* (Madison, NJ, 2003), p. 160.

¹²⁶¹ Memorandum by Lord Northbrook for the Cabinet, 20 May 1885, FO 881/5207, no. 29, p. 11. См. Здесь I. Nish, 'Politics, Trade and Communications in East Asia: Thoughts on Anglo-Russian Relations, 1861–1907', *Modern Asian Studies* 21.4 (1987), pp. 667–678.

¹²⁶² D. Drube, *Russo-Indian Relations, 1466–1917* (New York, 1970), pp. 215–216.

¹²⁶³ Lord Roberts, 'The North-West Frontier of India. An Address Delivered to the Officers of the Eastern Command on 17th

Железнодорожные линии также представляли экономическую угрозу. В 1900 году британское посольство в Санкт-Петербурге направило в Лондон сборник памфлетов, написанных российским офицером, который выступал за расширение путей в Персию и Афганистан. Было похоже, отмечал офицер, что британцы определенно не отнесутся к новой железной дороге хорошо, и это вполне ожидаемо: в конце концов железнодорожное сообщение, охватывающее всю Азию, «поставит всю торговлю Индии и Восточной Азии с Россией и Европой под ее (России) контроль»¹²⁶⁴.

По словам одного высокопоставленного дипломата, это было большим преувеличением. «Стратегические выводы, которые делает автор, не имеют никакой ценности», – писал Чарльз Хардинг, потому что для России было бы просто безумием действовать в регионе, находящемся под контролем Британии, подобным образом¹²⁶⁵.

Тем не менее тревога Британии возросла, когда начались разговоры о коммерческих возможностях России и в этом направлении. Это был еще один повод для беспокойства. Теперь взволнованные британские дипломаты видели заговоры на каждом шагу. Задавались неловкие вопросы, например: почему присутствие некоего доктора Пашуски в Бушире не было обнаружено раньше, а также соответствует ли действительности то, что он лечит жертв чумы? Визит русского дворянина, идентифицированного как «князь Дабижа», также рассматривался с большой долей подозрительности, а тот факт, что он «был очень сдержан в своих передвижениях и намерениях», был должным образом зафиксирован и передан куда следует¹²⁶⁶. В Лондоне вопрос усиления России переместился в первые строки повесток дня во время встреч Кабинета министров, привлек внимание самого премьер-министра и стал главным приоритетом Министерства иностранных дел.

За совсем короткое время Персия стала ареной особенно жесткого противостояния. Правители Персии были разбалованы щедрыми подношениями тех, кто желал установить добрые отношения с народом, которому повезло жить в завидном стратегическом месте, соединяющем Восток и Запад. Британия удовлетворяла капризы и непомерные финансовые аппетиты персидских правителей с конца XIX века, пока в 1898 году Мозафереддин-шах, запоминающийся экстравагантными усами, не произвел сенсацию, отказавшись от нового займа в 2 миллиона фунтов. В Персию немедленно был отправлен высокопоставленный чиновник, чтобы узнать о ситуации больше, но встретил сопротивление. Лорд Солсбери, премьер-министр Британии, лично следил за развитием ситуации, посылая инструкции казначейству смягчить условия и увеличить суммы. Начали циркулировать слухи о том, что происходило за кулисами. В конце концов выяснилось, что Россия обещала гораздо больше денег, чем Британия, и на гораздо лучших условиях¹²⁶⁷.

Это был прекрасный ход Санкт-Петербурга. Налоговые доходы России резко поднялись, а также начали поступать иностранные инвестиции. Медленно, но верно начал появляться средний класс.

Такие люди, как Лопахин из «Вишневого сада» Чехова, который поколение назад был привязан к земле, теперь мог воспользоваться возможностями социальных изменений, новых внутренних рынков и внешней торговли, чтобы сколотить состояние. Историки экономики отмечают резкий рост урбанизации, производства чугуна и количества проложен-

November, 1905', *Royal United Services Institution Journal* 49.334 (1905), p. 1355.

¹²⁶⁴ Summary of Rittich Pamphlet on 'Railways in Persia', Part I, p. 2, Sir Charles Scott to the Marquess of Salisbury, St Petersburg, 2 May 1900, FO 65/1599. Также см. P. Kennedy and J. Siegel, *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia* (London, 2002), p. 4.

¹²⁶⁵ 'Memorandum by Mr. Charles Hardinge', p. 9, to the Marquess of Salisbury, St Petersburg, 2 May 1900, FO 65/1599.

¹²⁶⁶ Foreign Secretary, Simla, to Political Resident, Persian Gulf, July 1899, FO 60/615.

¹²⁶⁷ R. Greaves, 'British Policy in Persia, 1892–1903 II', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 28.2 (1965), pp. 284–288.

ных железнодорожных путей. Для того чтобы понять, что происходило в культуре и экономике, достаточно изучить литературу, искусство, танцы и музыку того периода. Это было время процветания для Толстого, Кандинского, Дягилева, Чайковского и многих других. Россия двигалась семимильными шагами.

Стало неизбежным то, что Россия примется ублажать Персию, удовлетворяя ее ненасытные финансовые аппетиты, которые были обусловлены в основном неэффективностью экономики и дорогостоящими запросами правящего класса. После того как сэр Мортимер Дюран, британский министр в Тегеране, отправил отчет с информацией, полученной из австрийских источников в Константинополе в начале 1900 годов, выяснилось, что царское правительство готово ссужать деньги и успешно обошло в этом Британию, в Лондоне начался сущий ад¹²⁶⁸. Создавались комиссии, которые должны были наблюдать за расширением железнодорожной ветки от Кветты до Систана, было решено построить телеграфную линию, чтобы, по словам лорда Керзона, «спасти юг Персии от лап России»¹²⁶⁹.

В целях противодействия продвижению России выдвигались самые радикальные предложения, в том числе создание крупных ирригационных сооружений в Систанском регионе для обработки земли и строительства внутренних связей. Велась даже разговоры о том, что британцы хотят арендовать землю в провинции Гильменд, чтобы более эффективно защитить Индию¹²⁷⁰. На этом этапе нападение России было лишь вопросом времени. Как говорил лорд Керзон в 1901 году, «мы хотели бы иметь буферные страны между нами и Россией». Одна за другой они «прекращали свое существование». Китай, Туркменистан, Афганистан и теперь Персия были удалены с игрового поля. Буфер, добавлял он, «сократился до толщины вафли»¹²⁷¹.

Лорд Солсбери был в отчаянии, убеждая министра иностранных дел лорда Лансдауна отыскать способ ссудить Персии денег. «Ситуация кажется... безнадёжной», – писал премьер-министр в октябре 1901 года. Казначейство отказалось поддержать его предложение, испугавшись того, с какой скоростью шах и его окружение тратили огромные суммы денег.

Вариантов становилось все меньше и меньше. «Если деньги не найдутся, – писал премьер-министр, – Россия установит свой протекторат в Персии и нам придется применять силу, чтобы спасти от этого Персидский залив»¹²⁷².

Такие опасения появились еще год назад, когда пришло сообщение, что Россия собирается взять под контроль Бендер-Аббас, стратегически важную точку, позволяющую контролировать Ормузский пролив, самое узкое место Персидского залива. Как заявил один из встревоженных пэров в Палате лордов, «военное присутствие в Персидском заливе великой державы поставит под угрозу нашу торговлю не только с Индией и Китаем, но и всей Австралией»¹²⁷³. Когда британским кораблям было приказано предпринимать ответные меры на каждое движение русских, лорд Лансдаун был непреклонен: «Мы должны рассматривать вопрос о создании военной базы или укрепленного форта в Персидском заливе любой другой державой как угрозу интересам Британии». Он подчеркивал, что последствия будут очень серьезными, имея в виду войну¹²⁷⁴.

¹²⁶⁸ Durand to Salisbury, 27 January 1900, FO 60/630.

¹²⁶⁹ Minute by the Viceroy on Seistan, 4 September 1899, FO 60/615, p. 7. О предлагаемых новых коммуникационных схемах – 'Report on preliminary survey of the Route of a telegraph line from Quetta to the Persian frontier', 1899, FO 60/615.

¹²⁷⁰ R. Greaves, 'Sistan in British Indian Frontier Policy', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 49.1 (1986), pp. 90–91.

¹²⁷¹ Lord Curzon to Lord Lansdowne, 15 June 1901, Lansdowne Papers, цитируется по Greaves, *British Policy in Persia*, p. 295.

¹²⁷² Lord Salisbury to Lord Lansdowne, 18 October 1901, Lansdowne Papers, cited by Greaves, *British Policy in Persia*, p. 298.

¹²⁷³ Lord Ellenborough, House of Lords, 5 May 1903, Hansard, 121, p. 1341.

¹²⁷⁴ Lord Lansdowne, House of Lords, 5 May 1903, Hansard, 121, p. 1348.

След России отмечался повсюду. Встревоженные чиновники Министерства иностранных дел корпели над огромным количеством поступающих в Лондон отчетов о деятельности царских офицеров, инженеров и геодезистов в Персии¹²⁷⁵. Значение новой российской торговой компании, которая работала между Одессой на Черном море и Буширом на южном побережье Персии, обсуждалось в Парламенте. Члены Парламента были обеспокоены секретными сообщениями о том, что темные личности, которые утверждали, что наблюдают «за птицами, бабочками и другими животными», на самом деле являлись российскими шпионами, поставлявшими в приграничные регионы винтовки и подогревающими недовольство¹²⁷⁶. Ситуация привлекла внимание самого короля Эдуарда VII, который в 1901 году писал министру иностранных дел о своей обеспокоенности тем, что «Российское влияние в Персии ежедневно увеличивается в ущерб Англии», убеждая его сообщить шаху, что Британия не станет терпеть, если тот встанет на сторону России¹²⁷⁷. Британский министр в Тегеране сэр Сесил Спринг-Райс написал, что шах божился, что «не собирался занимать позицию, которая могла бы позволить вторжение в Индию», однако это не имело большого значения¹²⁷⁸.

Тревога обострилась, когда возникло ощущение того, что российская империя простирается слишком далеко. Вражда с бурами в Южной Африке и восстание под предводительством Ихэтуани («Дружины справедливости и мира», в Европе более известная как «боксеры») в Китае породили идею, что Британия могла быть разбита за рубежом, и это привело к обострению опасений относительно наступления русских.

Мрачный отчет, представленный Кабинету министров в 1901 году, гласил, что Россия может собрать 200 000 человек в Центральной Азии и более половины из них находятся в непосредственной близости от границы Индии теперь, когда железнодорожная ветка протянулась от Оренбурга до Ташкента¹²⁷⁹. Перед этим был получен отчет из Батуми в Грузии, что русские собираются перевезти 20 000 человек в Центральную Азию. Как оказалось, тревога была ложной¹²⁸⁰. Проблема заключалась в том, что, с британской точки зрения, вариантов было крайне мало. Стоимость усиления границы была огромной. Еще за несколько лет до этого она составляла не меньше 20 миллионов плюс ежегодные расходы на ее поддержание¹²⁸¹.

Сцены жестокости на улицах Санкт-Петербурга в 1905 году и катастрофическое поражение царского военно-морского флота в русско-японской войне немного успокоили тех, кто думал, что это лишь вопрос времени, когда Россия разорвет оковы. Британия едва могла позволить себе сопротивляться тому, что открыто называли «угрозой продвижения России». Были необходимы другие решения, чтобы сложившаяся ситуация не стала еще хуже. Возможно, как предлагалось в секретном документе, подготовленном военной разведкой, настало время для обсуждения условий с Германией, чтобы перенаправить внимание России¹²⁸².

¹²⁷⁵ Greaves, 'Sistan in British Indian Frontier Policy', pp. 90–102.

¹²⁷⁶ British Interests in Persia, 22 January 1902, Hansard, 101, pp. 574–628; Earl of Ronaldshay, House of Commons, 17 February 1908, Hansard, 184, pp. 500–501.

¹²⁷⁷ King Edward VII to Lansdowne, 20 October 1901, цитируется по S. Lee, *King Edward VII*, 2 vols (New York, 1935–1937), 2, p. 154–155.

¹²⁷⁸ S. Gwynn, *The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring-Rice*, 2 vols (Boston, 1929), 2, p. 85; M. Habibi, 'France and the Anglo-Russian Accords: The Discreet Missing Link', *Iran* 41 (2003), p. 292.

¹²⁷⁹ Report of a Committee Appointed to Consider the Military Defence of India, 24 December 1901, CAB 6/1; K. Neilson, *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917* (Oxford, 1995), p. 124.

¹²⁸⁰ Stevens to Lansdowne, 12 March 1901, FO 248/733.

¹²⁸¹ Morley to Minto, 12 March 1908, цитируется по S. Wolpert, *Morley and India, 1906–1910* (Berkeley, 1967), p. 80.

¹²⁸² W. Robertson to DGMI, secret, 10 November 1902, Robertson Papers, I/2/4, in Neilson, *Britain and the Last Tsar*, p. 124.

Как результат постоянной озабоченности слабым присутствием на Среднем Востоке, в Лондоне пошли разговоры о вариантах британского вторжения в Месопотамию. Комитет обороны империи рассматривал возможность захвата Басры, в то время как шли оживленные переговоры о разделе Азиатской Турции, чтобы получить доступ к богатым полям Евфрата. В 1906 году поступили предложения построить железнодорожную ветку от Персидского залива до Мосула, которая помимо прочих выгод позволит британским войскам попасть прямо в самое уязвимое место России на Кавказе¹²⁸³. Одно за другим их отвергали по причинам отсутствия практичности и высокой стоимости: сэр Эдвард Грей, новый министр иностранных дел, предупреждал, что цена вторжения и защиты новых границ будет исчисляться миллионами¹²⁸⁴.

У Грея была другая идея. Позиции Британии на Востоке были ограничены и подвергались опасности. Было необходимо отвлечь внимание России от этого региона. В смелом заявлении *The Times* еще до своего назначения в конце 1905 года он дал понять, что можно получить очень многое, если суметь достичь понимания о «наших азиатских владениях».

«Правительство Британии не станет расстраивать планы или мешать политике России в Европе». Тем не менее «очень желательно», чтобы «позиции и влияние России» расширились в Европе, тем самым сократившись на Востоке¹²⁸⁵.

Сложно было выбрать момент лучше. Францию все больше тревожил экономический рост Германии, ее соседа и вечного соперника. Воспоминания о франко-прусской войне 1870–1871 годов, которая привела к осаде Парижа и победному маршу прусских войск по центру города после подписания соглашения о перемирии, были еще свежи. Скорость этого вторжения явилась шоком, вызывая опасения, что подобная вспышка может еще раз заставить Францию врасплох, тем более что одним из последствий нападения стало объединение Германии в империю, о чем было провозглашено в Версале.

Французы были встревожены внезапным ростом промышленности в Германии. Всего за два десятилетия после 1890 года производство угля увеличилось вдвое, а металла – втрое¹²⁸⁶. Подъем в экономике привел к большим инвестициям в уже достаточно грозную военную машину, как на суше, так и на море. Французские дипломаты в 1890-х годах работали в поте лица за кулисами основных событий, чтобы заключить военную конвенцию, а затем и полноценный союз с Россией, наиглавнейшей целью которого являлась самозащита: обе страны согласились напасть на Германию в том случае, если она или ее союзники мобилизуют армии. На самом деле обе страны взяли на себя формальные обязательства действовать против Британии, если она пойдет против одной из них¹²⁸⁷.

Желание Британии отвлечь Россию от западных границ было музыкой для ушей французов. Первая фаза перезаключения союза между Лондоном и Парижем пришлось на 1904 год, когда Антанта подписала подробный перечень взаимных интересов по всему миру («сердечное соглашение»). Неудивительно, что роль России в этих переговорах была центральной. В 1907 году создание альянсов было завершено. Формальное соглашение, достигнутое с Россией, включало четкое разделение сфер влияния в Персии, наряду со сведением влияния России в Афганистане к минимуму¹²⁸⁸. Способ избавить Индию от «захвата и раз-

¹²⁸³ S. Cohen, 'Mesopotamia in British Strategy, 1903–1914', *International Journal of Middle East Studies* 9.2 (1978), pp. 171–174.

¹²⁸⁴ Neilson, *Britain and the Last Tsar*, pp. 134–135.

¹²⁸⁵ *The Times*, 21 October 1905.

¹²⁸⁶ H.-U. Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, 5 vols (Munich, 2008), 3, pp. 610–612.

¹²⁸⁷ C. Clark, *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914* (London, 2012), p. 130.

¹²⁸⁸ F. Tomaszewski, *A Great Russia: Russia and the Triple Entente, 1905–1914* (Westport, CT, 2002); M. Soroka, *Britain, Russia and the Road to the First World War: The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–1916)* (Farnham, 2011).

дела», как утверждал Эдвард Грей, заключался в установлении более позитивных отношений с Россией.

Это обеспечило бы уверенность в том, что «Россия не захватит те части Персии, которые могли бы быть для нас опасны»¹²⁸⁹. В 1912 году он признался, что уже давно испытывал опасения по поводу политики одновременного подталкивания и сдерживания России, отмечая: «Годами я считал эту политику ошибочной»¹²⁹⁰. Образование союза, другими словами, было гораздо более элегантным и продуктивным способом двигаться вперед.

Старшие дипломаты, однако, пришли к выводу, что сближение с Россией будет иметь слишком высокую цену: на кону стояли отношения с Германией. Как заявил в 1908 году сэр Чарльз Хардиндж, постоянный заместитель министра иностранных дел: «Нам гораздо важнее добиться взаимопонимания с Россией в Азии и на Ближнем Востоке, чем иметь хорошие отношения с Германией»¹²⁹¹. Он не переставал это повторять даже после того, как его назначили наместником в Индию два года спустя. «Мы практически бессильны», писал он, если Россия обострит ситуацию в Персии. Тем не менее стоило сделать все возможное для поддержания баланса в Европе: «Гораздо более невыгодно иметь недружественную Францию и недружественную Россию, чем недружественную Германию»¹²⁹². Отношения Британии с Россией «были подвергнуты сильным изменениям» в результате обострения напряжения в Персии, говорил сэр Артур Николсон, посол в Санкт-Петербурге. «Я думаю, – продолжал он, – что мы должны любой ценой поддерживать взаимопонимание с Россией»¹²⁹³.

После создания альянса довольная Россия стала основным объектом британской политики. В 1907 году сэр Эдвард Грей сообщил послу России в Лондоне, что Британия может пересмотреть вопрос Босфора, если Россия согласится установить «постоянные хорошие отношения»¹²⁹⁴. Этого было достаточно, чтобы полностью перетасовать европейскую колоду. Тем временем в Санкт-Петербурге приступили к дипломатической игре, которая заключалась в получении поддержки Австрии по вопросам пролива Босфор в обмен на молчаливую поддержку аннексии Боснии. Эта сделка должна была иметь впечатляющие последствия¹²⁹⁵.

В 1910 году сэр Эдвард Грей снова писал о необходимости пожертвовать отношениями с Берлином: «Мы не можем установить политическое взаимопонимание с Германией, которое приведет к развалу союза с Россией и Францией»¹²⁹⁶. Целеустремленность такого подхода особенно остро ощущалась в Санкт-Петербурге, где уже разгадали «ухаживания» британцев и оценили возможности, которые они открывали. «Мне кажется, – размышлял министр иностранных дел России Сергей Сазонов в конце 1910 года, – что Кабинет министров в Лондоне рассматривает англо-русскую конвенцию 1907 года с точки зрения азиатского интереса Англии».

¹²⁸⁹ Minute of Grey, FO 371/371/26042.

¹²⁹⁰ G. Trevelyan, *Grey of Fallodon* (London, 1937), p. 193.

¹²⁹¹ Hardinge to de Salis, 29 December 1908, Hardinge MSS, vol. 30.

¹²⁹² K. Wilson, 'Imperial Interests in the British Decision for War, 1914: The Defence of India in Central Asia', *Review of International Studies* 10 (1984), pp. 190–192.

¹²⁹³ Nicolson to Hardinge, 18 April 1912, Hardinge MSS, vol. 92.

¹²⁹⁴ Grey to Nicholson, 19 March 1907; Memorandum, Sir Edward Grey, 15 March 1907, FO 418/38.

¹²⁹⁵ Clark, *Sleepwalkers*, pp. 85, 188; H. Afflerbach, *Der Dreibund. Europäische Grossmacht- und Allianz-politik vor dem Ersten Weltkrieg* (Vienna, 2002), pp. 628–632.

¹²⁹⁶ Grey to Nicolson, 18 April 1910, in G. Gooch and H. Temperley (eds), *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*, 11 vols (London, 1926–1938), 6, p. 461.

В таком случае, продолжал он, казалось, что Великобританию можно подтолкнуть к ценным торговым уступкам, для того чтобы «поддерживать столь ценную для них конвенцию»¹²⁹⁷. Это было проницательное наблюдение.

Когда в 1910 году российские войска принялись предпринимать вылазки в Монголию, Тибет и Китайский Туркестан, британские обозреватели едва могли сдерживать сильную встревоженность¹²⁹⁸. Расширение сферы влияния России лишь подчеркивало слабость позиций Британии. Едва ли ситуация могла стать хуже, чем описывали пессимистичные прогнозы Грея весной 1914 года. Такая же история повторилась в Афганистане, Тибете, Монголии и Персии: «Мы хотим что-то получить, но нам совершенно нечего отдать». В Персии, которой «ничего не оставалось», кроме как сдаться России, отмечал он, пока не было никаких рычагов, как в Афганистане. Хуже того, «Россия готова занять Персию, а мы нет»¹²⁹⁹. Британия была истощена, по крайней мере в Азии. Это, несомненно, был конец игры. Вопрос заключался в том, когда и где он наступит.

По мере того как начинались реальные трудности, британские чиновники не упускали из виду, что они не должны допустить самый кошмарный сценарий, который мог бы ухудшить и без того шаткое положение, — союз России и Германии. Эти страхи некоторое время преследовали британских политиков. Важным элементом англо-русского альянса 1907 года было сотрудничество и обеспечение статус-кво, который был бы взаимовыгодным. Чтобы поддерживать баланс, сэр Артур Николсон подчеркнул в разговоре с Греем, что очень важно «удержать Россию от движения в направлении Берлина»¹³⁰⁰.

Чувство паники усугублялось продолжающимся ростом возможностей и амбиций Германии. Оживленная экономика Берлина и рост военных расходов Германии представляли источник беспокойства. Некоторые высокопоставленные чиновники британского Министерства иностранных дел не сомневались, что целью Германии было «получить перевес на территории Европы», и это обязательно приведет к военному столкновению. В конце концов все империи сталкивались с вызовом от врагов, напомнил сэру Эдварду Грею Николсон: «Лично я уверен, что рано или поздно нам придется столкнуться с Германией». Сейчас же было крайне важно, чтобы Франция и Россия были довольны¹³⁰¹.

Германия была способна дестабилизировать хрупкое равновесие в Европе, а следовательно, и за ее пределами. Это означало начало урагана.

Опасения, что Россия окажется на стороне союза Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия и Италия), обострились. Разрушение отношений между Британией, Россией и Францией, а также «уничтожение... Антанты» воспринималось как главнейшая цель Берлина¹³⁰². «Мы действительно напуганы», — отметил Грей позднее, говоря о том, что Россия может соблазниться оставить Антанту¹³⁰³.

Эти опасения были небезосновательны. Посол Германии в Персии, например, признал, что пока в этой стране «ничего не получилось», но полезные уступки со стороны Санкт-Петербурга можно получить в других местах, если его интересы в Персии окажутся в опас-

¹²⁹⁷ Цитируется по B. de Siebert, *Entente Diplomacy and the World* (New York, 1921), p. 99.

¹²⁹⁸ I. Klein, 'The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914', *Journal of British Studies* 11.1 (1971), esp. pp. 140–143.

¹²⁹⁹ Grey to Buchanan, 18 March 1914, Grey MSS, FO 800/74, pp. 272–273.

¹³⁰⁰ Nicolson to Grey, 24 March 1909, FO 800/337, p. 312; K. Wilson, *The Policy of the Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy* (Cambridge, 1985), p. 38.

¹³⁰¹ Nicolson to Grey, 24 March 1909, FO 800/337, p. 312.

¹³⁰² Цитируется по N. Ferguson, *The Pity of War* (London, 1998), p. 73.

¹³⁰³ Цитируется по K. Wilson, *Empire and Continent: Studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War* (London, 1987), pp. 144–145; G. Schmidt, 'Contradictory Postures and Conflicting Objectives: The July Crisis', in G. Schöllgen, *Escape into War? The Foreign Policy of Imperial Germany* (Oxford, 1990), p. 139.

ности¹³⁰⁴. Именно это стояло за встречей кайзера и царя Николая II в Потсдаме зимой 1910 года. Кроме того, на высоком уровне прошла встреча министров иностранных дел. Это только усилило тревоги о том, что «европейские группировки», как их назвал сэр Артур Николсон, могут быть полностью пересмотрены в ущерб Британии¹³⁰⁵.

Подозрения насчет Германии и ее действий (реальные и воображаемые) повредили психику британских дипломатов еще до создания союза 1907 года. За 3 года до этого сэр Фрэнсис Берти, которого вскоре назначили послом в Париже, получил письмо от одного из служащих Министерства иностранных дел, в котором говорилось о важности того, чтобы миссию во Франции возглавлял «кто-то, чьи глаза открыты и кто может разглядеть махинации Германии». В ответ Берти написал, что Германии не стоит доверять: «Она никогда не делала для нас ничего, кроме вымогательства. Она насквозь фальшива и является нашим экономическим и политическим врагом»¹³⁰⁶.

Ирония заключалась в том, что немецкая угроза сама по себе подкреплялась ощущением уязвимости средневропейской страны, которая столкнулась с возможностью быть застигнутой врасплох франко-русским союзом, который обсуждал возможность военного сотрудничества и совместной превентивной атаки. Это было незадолго до того, как зародившиеся страхи оказаться меж двух враждебных государств привели к тому, что высшее командование Германии стало разрабатывать свою собственную линию поведения. В период после заключения франко-русского альянса в 1904 году начальник генерального штаба армии Германии, граф Альфред фон Шлиффен выступил с предложением, основанным на опыте 1870 года, когда Франция была практически растерзана. Он предложил сценарий, согласно которому армия кайзера должна нейтрализовать Францию, прежде чем двинуться на восток, чтобы разобраться с Россией.

План был амбициозным как в военном, так и в логистическом плане: на его осуществление требовалось миллион железнодорожников, 30 000 локомотивов, 65 000 пассажирских вагонов и 700 000 товарных вагонов, которые должны были перевезти 3 миллиона солдат, 86 000 лошадей и целые горы амуниции и боеприпасов всего за 17 дней¹³⁰⁷.

Такие же планы с зеркальной точностью вынашивались и в российской армии – летом 1910 года был создан «План 19», последовательность продуманных шагов, которые необходимо было принять в случае нападения Германии: отступить к укреплениям вдоль пути, идущего с севера на юг, от Ковно до Бреста, и подготовить контратаку. В 1912 году было разработано два варианта этого плана, известных как «План 19А» и «План 19Г». Последний, который означал быструю контратаку в случае враждебности Германии, имел достаточно простые цели: «перевести военные действия на (вражескую) территорию», то есть на территорию Германии и Австро-Венгерской империи¹³⁰⁸.

Высшее командование Германии, как и кайзер, остро ощущали возрастающее давление извне, которое загоняло Германию в угол. Общественный резонанс, вызванный предложением построить железнодорожную ветку от Берлина до Багдада, удивил кайзера: конечно, рассуждал он, прокладка тысяч миль железнодорожного полотна может стать проблемой, только если начнется война между нашей страной и Англией. В том случае, если это про-

¹³⁰⁴ Цитируется по R. MacDaniel, *The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution* (Minneapolis, 1974), p. 108.

¹³⁰⁵ T. Otte, *The Foreign Office Mind: The Making of British Foreign Policy, 1965–1914* (Cambridge, 2011), p. 352.

¹³⁰⁶ Bertie to Mallet, 11 June 1904 replying to Mallet to Bertie, 2 June 1904, FO 800/176.

¹³⁰⁷ План Шлиффена был достаточно противоречив и по содержанию, и с точки зрения точной даты создания и использования до Первой мировой войны, см. G. Gross, 'There was a Schlieffen Plan: New Sources on the History of German Military Planning', *War in History* 15 (2008), pp. 389–431; T. Zuber, *Inventing the Schlieffen Plan* (Oxford, 2002); T. Zuber, *The Real German War Plan* (Stroud, 2011).

¹³⁰⁸ J. Sanborn, *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire* (Oxford, 2014), p. 25. О «Плане 19» и его вариантах также см. Ростунов И. Русский фронт Первой мировой войны. – М., 1976. – С. 91–92.

изойдет, было бы правильно задуматься, хотим ли мы, чтобы наши солдаты оказались так далеко от дома¹³⁰⁹.

Последовала реакция Германии на размещение французами войск в Марокко в 1911 году в обход соглашения, достигнутого между Берлином и Парижем. Отправка немецкого крейсера Panther в попытке применить силу к французам имела дурные последствия. Германия не только получила унижительный урок, ее политическое влияние было сильно ограничено. Что еще хуже, в Берлине произошел обвал биржи. В начале Марокканского кризиса в сентябре 1911 года акции упали более чем на 30 %, и это привело к тому, что Рейхсбанк потерял более 50 % активов за один месяц. Даже если финансовая катастрофа была спровоцирована не французами, как полагало большинство немцев, было совершенно ясно: французы усугубили ситуацию, выводя краткосрочные активы, что сыграло не последнюю роль в создании кризиса ликвидности¹³¹⁰.

Значительные усилия были затрачены на открытие новых каналов, формирование новых связей и союзов. Большое внимание уделялось Ближнему и Среднему Востоку. Банки Германии открывали филиалы в Египте, Судане и Османской империи, осуществлялась программа исследований на арабском и персидском языках. Эта программа не только щедро спонсировалась, но и поощрялась самим кайзером. Растущие связи между исламским и немецкоговорящим миром захватили умы молодежи, а также академиков, военных, дипломатов и политиков. Один молодой человек начала XX века с тоской писал, что, когда он увидел прекрасные здания Вены на Рингштрассе, улице, опоясывающей город, он пережил «мгновения волшебства». Хотя Адольф Гитлер, который это писал, не почувствовал духа Священной Римской империи или классической античности, у него сложилось ощущение, словно он находился в сказочном мире «Тысячи и одной ночи»¹³¹¹.

У немцев появился опасный менталитет осадного положения наряду с сильным предчувствием, что у Берлина есть могущественные враги и он находится в их власти. Гельмут фон Мольтке, преемник Шлиффена на посту начальника Генерального штаба, который, так же как и остальной высший офицерский состав, убедился в том, что война неизбежна и чем раньше произойдет конфликт, тем лучше, утверждал, что промедление будет не на руку Германии. Гораздо лучше самим начать войну и вовлечь в нее противников, заявил Мольтке весной 1914 года, «пока еще есть шанс на победу»¹³¹².

Роберт Музиль в сентябре 1914 года вопрошал: почему возникла такая ненависть, откуда появилась зависть, в которой «не было нашей вины»?¹³¹³ Он верно подметил нарастающее напряжение в Европе, которое подогревалось массовой культурой. Книги о немецких шпионах и их планах стали очень популярны по всей Европе. Роман «Вторжение 1910 года», написанный Уильямом Лекью, был продан более чем миллионным тиражом и переведен на 27 языков. Роман «Когда пришел Уильям: история Лондона под властью Гогенцоллернов», написанный Саки, который также стал бестселлером, был издан накануне войны. В нем рассказывается о герое, вернувшемся из Азии и обнаружившем, что Англия оккупирована немцами¹³¹⁴.

¹³⁰⁹ Kaiser Wilhelm to Morley, 3 November 1907, цитируется по Cohen, 'British Strategy in Mesopotamia', 176. Что касается участия Кайзера в строительстве железной дороги, см. J. Röhl, *Wilhelm II: Into the Abyss of War and Exile, 1900–1914*, tr. S. de Bellaigue and R. Bridge (Cambridge, 2014), pp. 90–95.

¹³¹⁰ R. Zilch, *Die Reichsbank und die finanzielle Kriegsvorbereitung 1907 bis 1914* (Berlin, 1987), pp. 83–88.

¹³¹¹ A. Hitler, *Mein Kampf* (London, repr. 2007), p. 22. См. здесь B. Rubin and W. Schwanitz, *Nazis, Islamists, and the Making of the Modern Middle East* (New Haven, 2014), pp. 22–25.

¹³¹² D. Hoffmann, *Der Sprung ins Dunkle oder wie der I. Weltkrieg entfesselt wurde* (Leipzig, 2010), pp. 325–330; а также A. Mombauer, *Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War* (Cambridge, 2001), pp. 172–174.

¹³¹³ R. Musil, 'Europäertum, Krieg, Deutschtum', *Die neue Rundschau* 25 (1914), p. 1303.

¹³¹⁴ W. Le Queux, *The Invasion of 1910* (London, 1906); Andrew, *Defence of the Realm*, p. 8; Ferguson, *Pity of War*, pp. 1–11.

Это было практически самоисполняемое пророчество, так что немцам пришлось искать способы минимизировать риски или противостоять им. Было абсолютно ясно, например, что следует попробовать заключить соглашение с Россией, и уже одно только это в дальнейшем встревожило Британию¹³¹⁵.

Аналогичным образом рекомендации для армии Германии, написанные генералом Кольмаром фон дер Гольцом, который потратил больше 10 лет, чтобы реформировать армию османов (там его знали как «Гольц пашу»), содержали информацию об основах маневрирования во время военного кризиса. Поддержка Турции может быть полезна против России, говорил Гольц своим коллегам, и она может оказать бесценную услугу против Британии на Ближнем Востоке¹³¹⁶.

Проблема заключалась в том, что внимание, которое Германия оказывала Османской империи, слишком действовало на нервы России. Чиновники в Санкт-Петербурге очень внимательно следили за проливами и неоднозначно относились к появлению нового игрока, показывающего свою силу на территории, которую они считали своей. На рубеже веков неоднократно заводились разговоры об оккупации Константинополя. К концу 1912 года начал разрабатываться план по взятию города под контроль российскими войсками. Предполагалось, что это будет временная мера на период войны в Балканах¹³¹⁷. России противодействовали союзники, британцы и французы, которые внешне были безразличны к увеличивающемуся влиянию Германии в Османской империи, включая командирование офицеров в османский флот. Определенный общественный резонанс вызвала экстренная доставка туркам двух британских дредноутов: как отмечал министр царского военно-морского флота в 1914 году, эти военные корабли дали османам существенное (шестикратное) преимущество над российским военным флотом в Черном море¹³¹⁸.

Это представляло не только военную, но и экономическую угрозу. Более трети российского экспорта перед Первой мировой войной проходило через Дарданеллы, включая 90 % злаков, которые загружали в портах Одессы и Севастополя в Крыму. Прошения о прекращении поставок военных кораблей, направленные в Лондон, оказались бесполезными в игре блефа и даже двойного блефа двух великих держав накануне войны¹³¹⁹. Не было никаких сомнений в том, насколько высоки ставки. Российский посол в Константинополе писал в Петербург, что позиции России на Ближнем Востоке оказались под угрозой, «неоспоримое право, которое приобрели за столетия огромных жертв и пролитой русской крови» в серьезной опасности¹³²⁰.

В этой связи нападение Италии на Ливию в 1911 году и последовавшие за этим балканские войны 1912–1913 годов запустили цепную реакцию. Отдаленные провинции Османской империи были оккупированы местными и международными противниками, которые воспользовались моментом. Так как режим османов балансировал на грани краха, соперничество в Европе сильно обострилось. Со своей стороны Германия всерьез задумалась о расширении на восток и об установлении протектората для создания «Немецкого Востока»¹³²¹.

¹³¹⁵ 'Britain scared by Russo-German deal', New York Times, 15 January 1911. Также см. D. Lee, Europe's Crucial Years: The Diplomatic Background of World War I, 1902–1914 (Hanover, NH, 1974), pp. 217–220.

¹³¹⁶ A. Mombauer, Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War (Cambridge, 2001), p. 120.

¹³¹⁷ R. Bobroff, Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits (London, 2006), pp. 52–55.

¹³¹⁸ Grigorevich to Sazonov, 19 January 1914, in Die Internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus, 8 vols (Berlin, 1931–1943), Series 3, 1, pp. 45–47, цитируется по Clark, Sleepwalkers, pp. 485. Также см. M. Aksakal, The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War (Cambridge, 2008), p. 42–56.

¹³¹⁹ S. McMeekin, The Russian Origins of the First World War (Cambridge, MA, 2011), pp. 29, 36–38.

¹³²⁰ Girs to Sazonov, 13 November 1913, cited by McMeekin, Russian Origins, pp. 30–31.

¹³²¹ W. Kampen, Studien zur deutschen Türkeiipolitik in der Zeit Wilhelms II (Kiel, 1968), pp. 39–57; M. Fuhrmann, Der Traum vom deutschen Orient: Zwei deutsche Kolonien im Osmanischen Reich, 1851–1918 (Frankfurt-am-Main, 2006).

Это было похоже не экспансию, однако у агрессивных настроений, которые глубоко укоренились в сознании высшего командующего состава Германии, были свои противники¹³²². Германия, как и Британия, ожидала худшего, и в случае Германии это означало, что следует предотвратить оккупацию Россией лучших частей Османской империи, которая медленно гнивала, в то время как Россия осуществляла долгосрочные планы, значение которых нельзя было переоценить.

То, что британцы представляли угрозу для немцев и наоборот, было всего лишь обманом, отвлекающим внимание. Хотя современные историки настаивают на том, что первая собиралась завладеть второй, противостояние в Европе было сложным и многогранным. Конечно, все было гораздо сложнее, чем просто противостояние двух наций, которое началось непосредственно перед Первой мировой войной. К 1918 году реальные причины конфликта стали умалчиваться, вместо этого подчеркивалось повышение расходов на военноморской флот, агрессивные настроения за кулисами основных событий, а также кровожадность кайзера и его генералов, которые жаждали развязать войну в континентальной Европе.

Реальность была совершенно другой. После убийства Франца Фердинанда произошла целая серия событий: возникали недопонимания, споры, ставились ультиматумы и осуществлялись перестановки, которые невозможно воссоздать. Семена войны проросли на благодатной почве изменений и событий, происходящих за тысячи миль. Рост амбиций России и ее продвижение в Персии, Центральной Азии и на Дальнем Востоке оказали сильное давление на позиции Британии, что привело к сильной фоссилизации альянсов в Европе. Дальнейшее разрушение того, что Британия создавала столетиями, сдерживали только взаимные обязательства, которые предполагали ограничение России.

Тем не менее, пока сгущались тучи в первые месяцы 1914 года, угроза казалась незначительной. «Я никогда не видел столь спокойных вод, – писал Артур Николсон в мае, – с тех пор как я работаю в Министерстве иностранных дел»¹³²³. Год обещал быть урожайным. В январе сотрудники компании Ford Motor отмечали увеличение заработной платы в два раза, что стало результатом повышения уровня продаж и внедрения инновационных методов производства. Врачи собирались изучать последствия первого успешного непрямого переливания крови, проведенной в Брюсселе, на основе изучения передовой работы по использованию цитрата натрия и антикоагулянта. В Санкт-Петербурге люди были встревожены лесными пожарами. Густой черный дым сделал атмосферу еще более гнетущей, чем обычно. В Германии жители Фюрта в северной Баварии были просто в экстазе от победы местной команды в напряженном матче с сильной командой VfB Leipzig. Они победили, забив гол в дополнительное время, и впервые в истории стали чемпионами. Их тренер, англичанин Уильям Таунли, стал героем. Согласно английской поэтессе Элис Мейнелл, благоволила даже природа: начало лета 1914 года было идеальным, ожидался богатый урожай; луна за луной «были упоительно сладки», а «щедрый урожай оттягивал ветви»¹³²⁴.

В Британии не было ощущения близящейся неминуемой конфронтации с Германией. Академики Оксфордского университета собирались чествовать немецкую культуру и интеллект. Университету был преподнесен в дар огромный портрет кайзера Вильгельма, после присуждения правителю Германии почетного звания доктора гражданского права в 1907

¹³²² См. J. Röhl, *The Kaiser and his Court: Wilhelm II and the Government of Germany*, tr. T. Cole (Cambridge, 1996), pp. 162–189.

¹³²³ Nicolson to Goschen, 5 May 1914, FO 800/374.

¹³²⁴ О переливании – A. Hustin, 'Principe d'une nouvelle méthode de transfusion muqueuse', *Journal Médical de Bruxelles* 2 (1914), p. 436; о лесных пожарах – Френкель З. Записки о жизненном пути // Вопросы истории. – 2007. – № 1. – С. 79; о немецком футболе – C. Bausenwein, *Was ist Was: Fußballbuch* (Nuremberg, 2008), p. 60; A. Meynell, 'Summer in England, 1914', in *The Poems of Alice Meynell: Complete Edition* (Oxford, 1940), p. 100.

году¹³²⁵. Ближе к концу июня 1914 года, едва ли за месяц до начала враждебных действий, ведущие светила города собрались, чтобы наблюдать за процессией выдающихся немецких деятелей, которые должны были получить почетные степени. Среди аплодирующих процессии, направляющейся в Шелдонианский театр в самых красочных нарядах, были герцог Саксен-Кобург-Готский, композитор Рихард Штраус и Людвиг Миттейс, эксперт по римскому гражданскому праву. Почетные докторские степени были вручены герцогу Вюртембергу и принцу Лихновскому, послу Германии в Лондоне¹³²⁶.

Через 3 дня Гаврило Принцип, юный идеалист, которому не было и 20, выпустил две пули из пистолета по машине, которая проезжала по улицам Сараево. Первая пуля не попала в намеренную цель, поразив в живот и смертельно ранив эрцгерцогиню Софию, которая сидела на заднем сиденье машины вместе со своим мужем. Вторая пуля достигла цели и убила Франца Фердинанда, наследника трона Австро-Венгерской империи. После этого мир изменился¹³²⁷.

Современные историки часто фокусируются на «июльском кризисе» – неделях, которые последовали за этим, и упущенных возможностях мира, или на том, что многие давно опасались вспышки враждебности. Недавние исследования подчеркнули, что к войне привела не бравада, а недопонимание. Это был кошмарный сценарий. Как заметил один из историков, «главные действующие лица 1914 года были лунатиками: они смотрели, но не видели, были одержимы желаниями и все же оказались слепы к ужасной реальности», которую они же и создали¹³²⁸. К тому времени как сэр Эдвард Грей понял, что «огни гаснут по всей Европе», было уже слишком поздно¹³²⁹.

Некоторое время после убийства возникали опасения насчет России, которые в итоге привели к войне. В случае Германии возымело действие широко распространенное мнение в отношении восточного соседа, и это сыграло решающую роль. Кайзеру неоднократно повторяли его генералы, что угроза, которую представляет Россия, становится все больше и больше, пока ее экономика продолжает расти¹³³⁰. Примерно такие же настроения царили в Санкт-Петербурге, где у высшего командования сложилось мнение, что война неизбежна и чем скорее начнутся военные действия, тем лучше¹³³¹. Французы были слишком взволнованы. Они уже давно пришли к выводу, что следует быть осторожными и разумными в своих действиях как в Санкт-Петербурге, так и в Лондоне. Они собирались поддерживать Россию¹³³².

В Британии опасались того, что произошло бы, если бы российская политика пошла по другому пути. Как бы то ни было, к началу 1914 года в Министерстве иностранных дел уже звучали разговоры о заключении союза между Британией и Германией, чтобы притормозить

¹³²⁵ H. Pogge von Strandmann, 'Germany and the Coming of War', in R. Evans and H. Pogge von Strandmann (eds), *The Coming of the First World War* (Oxford, 2001), pp. 87–88.

¹³²⁶ T. Ashton and B. Harrison (eds), *The History of the University of Oxford*, 8 vols (Oxford, 1994), 8, pp. 3–4.

¹³²⁷ Подробные сведения о подготовке наемных убийц, о покушениях на жизнь Франца Фердинанда и его убийстве см. в судебных документах, касающихся процесса над Принципом и его сообщниками, *The Austro-Hungarian Red Book*, Section II, Appendices 1–13, nos. 20–34 (1914–1915).

¹³²⁸ Clark, *Sleepwalkers*, p. 562.

¹³²⁹ E. Grey, *Twenty-Five Years, 1892–1916* (New York, 1925), p. 20.

¹³³⁰ I. Hull, 'Kaiser Wilhelm II and the "Liebenberg Circle"', in J. Röhl and N. Sombart (eds), *Kaiser Wilhelm II: New Interpretations* (Cambridge, 1982), pp. 193–220; H. Herwig, 'Germany', in R. Hamilton and H. Herwig, *The Origins of the First World War* (Cambridge, 2003), pp. 150–187.

¹³³¹ Беседа с Сазоновым, см. V. Kokovtsov, *Out of my Past: The Memoirs of Count Kokovtsov, Russian Minister of Finance, 1904–1914*, ed. H. Fisher (Oxford, 1935), p. 348.

¹³³² Bureau du Levant to Lecomte, 2 July 1908, *Archives des Ministres des Affaires Etrangères: correspondance politique et commerciale (nouvelle série) 1897–1918*. Perse, vol. 3, folio 191.

Россию¹³³³. Постепенно противостояние превращалось в кризис, и дипломаты, генералы и политики пытались понять, что предпринять дальше. К концу июля дипломат Джордж Кларк, находящийся в Константинополе взволнованно отмечал, что Британия должна сделать все, что угодно, чтобы примириться с Россией. В обратном случае, как говорил он, она столкнется с такими последствиями, при которых «само существование нашей империи будет под угрозой»¹³³⁴.

Хотя некоторые и пытались охладить паникеров, британский посол в Санкт-Петербурге, который недавно предупреждал о том, что Россия становится настолько могущественной, что следует «завоевать ее дружбу любой ценой», теперь выслал домой вполне однозначную телеграмму¹³³⁵. Позиция Британии, говорил он, «достаточно рискованная», наступил момент истины: необходимо было сделать выбор между поддержкой России или «отказом от дружбы». «Если мы ошибемся сейчас, – советовал он, – дружеское сотрудничество с Россией в Азии, столь важное для нас, прекратится»¹³³⁶.

Не могло быть нейтральной позиции, как заявил министр иностранных дел России в конце июля. Менее двух недель назад он утверждал, что у России «нет агрессивных целей и намерений насильственного захвата». Теперь же он говорил о последствиях того, что может произойти, если союзники не смогут держаться вместе в момент расплаты. Если позиция Британии останется нейтральной, это будет равнозначно самоубийству¹³³⁷. Это была завуалированная угроза интересам Британии в Персии и во всей Азии.

Во время эскалации «июльского кризиса» британские политики публично рассуждали о мирных конференциях, медитации и защите суверенитета Бельгии. Ставки были сделаны. Судьба Британии и всей империи зависела от решений, принятых в России. Эти двое были соперниками, притворяющимися союзниками, пока ни один из них не желал бороться с другим, однако было очевидно, что маятник власти качнулся от Лондона в сторону Санкт-Петербурга. Никто не понимал это лучше, чем немецкий канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег, политик с обширными связями. Некоторое время он провел без сна, молясь о божественном чуде. Теперь, когда он сидел на террасе, глядя на звездное небо спустя десять дней после убийства в Сараево, маховики войны начали раскручиваться, он обернулся к своему секретарю и сказал: «Будущее принадлежит России»¹³³⁸.

В 1914 году еще было непонятно, каким будет это будущее. Мощь России могла быть обманом, она все еще находилась на ранних стадиях социальных, экономических и политических метаморфоз. Испуг 1905 года практически вверг страну в полномасштабную революцию. Назрела необходимость реформ, которая долго игнорировалась консерваторами. Также наблюдалась зависимость от иностранного капитала. Внешние вливания составляли почти половину всех инвестиций между 1890 и 1914 годами. Эти деньги пошли на поддержание мира и стабильной политической обстановки¹³³⁹.

На большие изменения требовалось время, и они редко проходили безболезненно. Если бы Россия оставалась спокойной и избрала менее воинственный путь вместе со своим союз-

¹³³³ Clark, *Sleepwalkers*, pp. 325–326.

¹³³⁴ Clerk, 'Anglo-Persian Relations in Persia', 21 July 1914, FO 371/2076/33484.

¹³³⁵ Buchanan to Nicolson, 16 April 1914, in Gooch and Temperley, *British Documents*, 10.2, pp. 784–785.

¹³³⁶ Buchanan to Grey, 25 July 1914, in Gooch and Temperley, *British Documents*, 11, p. 94.

¹³³⁷ 'Memorandum communicated to Sir G. Buchanan by M. Sazonof', 11 July 1914, in FO 371/2076; M. Paléologue, *La Russie des tsars pendant la grande guerre*, 3 vols (Paris, 1921), 1, p. 23.

¹³³⁸ K. Jarausch, 'The Illusion of Limited War: Bethmann Hollweg's Calculated Risk, July 1914', *Central European History* 2 (1969), p. 58; K. Jarausch, *The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg and the Hubris of Imperial Germany* (London, 1973), p. 96.

¹³³⁹ J. McKay, *Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913* (Chicago, 1970), pp. 28–29. Также см. здесь D. Lieven, *Russia and the Origins of the First World War* (London, 1983); O. Figs, *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924* (London, 1996), esp. pp. 35–83.

ником – Сербией, ее судьба, так же как и судьба Европы, Азии и, возможно, Северной Америки, была бы совершенной другой. Таким образом, 1914 год заставил думать о том, что королева Виктория отвергала еще десятилетие назад. Все, что она говорила, сводилось к «вопросу мирового господства России или Британии»¹³⁴⁰. Британия не могла себе позволить предать Россию.

Таким образом, как и в плохой партии в шахматы, где все ходы неудачные, мир двигался к войне. Когда начальная эйфория и агрессивный шовинизм уступили место трагедии и ужасам, история прошлого была изменена так, чтобы подчеркнуть конфронтацию между Германией и союзниками. Центральной стала история относительной виновности первой и героизма вторых.

История, которая глубоко въелась в народное сознание, рассказывала об агрессии Германии и о справедливой войне, которую вели союзники. Требовались объяснения, почему целое поколение молодых людей, у которых все было впереди, остались в стороне. Нужны были ответы, чтобы объяснить жертвы среди таких личностей, как Патрик Шоу Стюарт, ученый, чьи достижения в науке и бизнесе потрясли современников и леди Диану Маннерс, которой он писал письма, полные эротических цитат на латыни и греческом¹³⁴¹. Требовались объяснения, почему рабочий класс, который был объединен в специально созданные товарищеские батальоны, оказался уничтожен в первые часы битвы на Сомме в 1916 году¹³⁴². Или почему по всей стране были установлены мемориалы, на которых были увековечены имена людей, отдавших жизни, защищая свою страну, которые содержали имена павших, но на которых не было названий городов и деревень, исчезнувших с лица земли.

Неудивительно, что рассказы о войне прославляли солдат, их храбрость и отдавали должное принесенной ими жертве. Уинстон Черчилль писал уже после войны, что британская армия – лучшая из всех им виденных. Каждый был «вдохновлен не только любовью к своей стране, но и убежденностью в том, что свобода человека находилась под угрозой военной и имперской тирании».

Война была благородной и справедливой. «Если для того, чтобы убить одного немца, требовались жизни двоих или десятерых, от войска не было слышно ни слова жалобы».

Убийства, хоть и приводили бойцов в отчаяние, не препятствовали продолжению сражения, заявил Черчилль. Убитые были «мучениками не меньше, чем солдаты, исполнявшие свой высокий долг, с которым они сроднились»¹³⁴³.

Многие, однако, в то время смотрели на происходящее с другой точки зрения. Например, Эдвин Кэмпбелл Воган, молодой лейтенант, который был полон надежд, не понимал ни масштаба страданий, ни их назначения. После того как он увидел, что его товарищи убиты, и столкнулся с перспективой написания отчета о несчастных случаях, Кэмпбелл Воган записал: «Я сидел на полу и пил виски, глядя в пустое и беспросветное будущее»¹³⁴⁴. Потрясающие стихи, написанные во время войны, рисуют картины противостояния в совершенно других красках. Военный трибунал рассмотрел более 300 000 дел, не говоря о меньших нарушениях, с которыми разбирались другими методами¹³⁴⁵.

¹³⁴⁰ D. Fromkin, 'The Great Game in Asia', *Foreign Affairs* (1980), p. 951; G. D. Clayton, *Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli* (London, 1971), p. 139.

¹³⁴¹ E. Vandiver, *Stand in the Trench, Achilles: Classical Receptions in British Poetry of the Great War* (Oxford, 2010), pp. 263–269.

¹³⁴² H. Strachan, *The Outbreak of the First World War* (Oxford, 2004), p. 181ff.

¹³⁴³ W. Churchill, *The World Crisis, 1911–1918, with New Introduction by Martin Gilbert* (New York, 2005), pp. 667–668; представления о семье Черчилля – Hardinge to O'Beirne, 9 July 1908, Hardinge MSS 30.

¹³⁴⁴ E. Campion Vaughan, *Some Desperate Glory* (Edinburgh, 1982), p. 232.

¹³⁴⁵ HM Stationery Office, *Statistics of the Military Efforts of the British Empire during the Great War, 1914–1920* (London, 1922), p. 643.

Поразительно, что центром конфликта были объявлены Фландрия и ужасы Соммы. Война вырвалась далеко за пределы сетей, связывающих империи Европы со всем остальным миром, она велась вдалеке от точек давления в Персии и Центральной Азии, врат, ведущих одновременно в Индию и на Дальний Восток. Эти места были предметом сильной озабоченности британских политиков в конце XIX – начале XX века. Противостояние назревало десятилетиями. Британия наблюдала за тем, как Россия оказывает поддержку Сербии, совсем как предрекал Грей. «В России пробудились славянские начала», – отмечал он всего за несколько лет до этого, имея в виду все возрастающую роль России на Балканах, которая имела целью защитить славян этого региона. «Кровопролитие между Австрией и Сербией безусловно достигнет ужасающих масштабов»¹³⁴⁶. Эта искра оказалась способна поджечь весь мир.

В этих обстоятельствах Россия готовилась сделать заявление всему миру. Британия должна была определиться насчет своих союзников и врагов, даже если многих это приводило в замешательство.

Когда началась война, Руперт Брук, который вскоре снискал славу военного поэта, мог едва сдерживать гнев. «Все вокруг неправильно, – писал он. – Я хочу, чтобы Германия раздавила Россию, а затем Франция разгромила Германию... Россия означает конец любой порядочности в Европе»¹³⁴⁷. Лично у него не было никаких сомнений в том, кто на самом деле являлся врагом Британии.

Начало военных действий, в свою очередь, означало обострение неприятия Германии не только в 1914 году, но и во время войны и спустя несколько лет после ее окончания. «Седые стены Оксфорда взирают сверху вниз на беспечных мальчиков, – писал один из военных поэтов, – но когда рог протрубил «Война!», им пришлось отложить свои игры». «Стриженные лужайки» университетов превратились в «кровавый дерн»: «Они отдали свою веселую юность за отчизну и Бога»¹³⁴⁸. Британско-германские отношения и почетные звания, дарованные лучшим сынам этих стран, стали горькими воспоминаниями, которые следовало забыть.

Неудивительно, что вина за развязывание войны была полностью возложена на Германию, в том числе и документированно. В Версальском договоре содержался пункт, в котором категорично говорилось о том, кто именно виноват в войне: «Союзные и Объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников»¹³⁴⁹. Цель заключалась в заложении основ для компенсации и возмещения ущерба, подлежащего выплате. Однако реакция была абсолютно непредсказуемой. Это стало плодородной почвой для квалифицированных демагогов, которые принялись рассуждать о национальном чувстве, лежавшем в основе сильной Германии, поднимающейся из пепла.

Победители являлись таковыми лишь номинально. В течение 4 лет Британия из крупнейшего мирового кредитора превратилась в крупнейшего должника; экономика Франции была практически уничтожена после попыток финансирования войны, что сильно сказалось на финансах и природных ресурсах страны. По словам одного ученого, Россия вступила в войну, чтобы защитить империю, а закончилось все ее разрушением¹³⁵⁰.

¹³⁴⁶ Grey to Goschen, 5 November 1908, FO 800/61, p. 2.

¹³⁴⁷ Rupert Brooke to Jacques Raverat, 1 August 1914, in G. Keynes (ed.), *The Letters of Rupert Brooke* (London, 1968), p. 603.

¹³⁴⁸ W. Letts, 'The Spires of Oxford', in *The Spires of Oxford and Other Poems* (New York, 1917), pp. 3–4.

¹³⁴⁹ *The Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany* (London, 1919).

¹³⁵⁰ Sanborn, *Imperial Apocalypse*, p. 233.

Распад европейских держав открыл путь для других стран. Для покрытия дефицита в сельском хозяйстве и оплаты оружия и боеприпасов союзники взяли на себя большие обязательства по вводу в эксплуатацию предприятий, например J. P. Morgan & Co., чтобы обеспечить постоянную поставку товаров и материалов¹³⁵¹.

Предложение кредита привело к перераспределению богатств столь же драматично, как и во времена открытия Америки столетия назад. Деньги утекали из Европы в США в виде слитков и векселей. Война обогатила Новый свет и обанкротила Старый. Попытка компенсировать потери Германии (которые составили невероятную сумму, эквивалентную сотням миллионов долларов по нынешним ценам) была отчаянной и бесполезной, невозможно было предотвратить неизбежное: во время Великой войны были разграблены сокровищницы многих стран. Они грабили друг друга, в процессе уничтожая себя¹³⁵².

Когда две пули покинули браунинг Принципа, Европа была континентом империй. Италия, Франция, Австро-Венгрия, Германия, Россия, Османская Турция, Британия, Португалия, Нидерланды и даже маленькая Бельгия, основанная в 1831 году, контролировали обширные территории по всему миру. В момент столкновения они снова стали превращаться в региональные державы. В течение нескольких лет исчезли императоры, которые катались на яхтах и посвящали друг друга в великие рыцарские ордена. Исчезли некоторые колонии и доминионы, в то время как другие стали стремиться к независимости.

В течение 4 лет примерно 10 миллионов человек погибло в сражениях, а еще примерно половина – от болезней и голода. Более 200 миллиардов было потрачено союзниками и центральными державами на борьбу друг с другом. Европейские экономики были разрушены беспрецедентными расходами, которые усугублялись падением производительности. Страны, вовлеченные в боевые действия, вошли в состояние дефицита и в бешеном темпе набрали столько долгов, сколько не могли себе позволить¹³⁵³. Великие империи, которые господствовали над миром четыре столетия, не исчезли мгновенно. Сгустились сумерки. Покров тьмы, который Европа скинула с себя несколько столетий назад, сгущался снова. Война имела разрушительные последствия и сделала контроль над Шелковым путем и его богатствами более важным, чем когда-либо.

¹³⁵¹ H. Strachan, *Financing the First World War* (Oxford, 2004), p. 188.

¹³⁵² Там же. Также см. K. Burk, *Britain, America and the Sinews of War, 1914–1918* (Boston, 1985); M. Horn, *Britain, France and the Financing of the First World War* (Montreal, 2002), pp. 57–75.

¹³⁵³ Главным образом, Strachan, *Financing the First World War*; также см. Ferguson, *Pity of War*, esp. pp. 318ff, И B. Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (Oxford, 1992).

17. Путь черного золота

Мало кто из одноклассников Уильяма Нокса Д'Арси в престижной школе Вестминстера мог подумать, что он сыграет важную роль в трансформации мира, особенно когда он не вернулся к новому семестру в сентябре 1866 года. Отца Уильяма поймали за противозаконной деятельностью в Девоне, и вся семья приняла решение начать новую жизнь в Рокгемптоне, небольшом тихом городке в Квинсленде в Австралии.

Его сын-подросток продолжал тихо и достаточно усердно учиться, специализируясь в юриспруденции. В конце концов он открыл собственную практику. Обеспечив себе комфортное существование, он стал добропорядочным членом общества, состоял в комитете Рокгемптонского жокей-клуба и с удовольствием занимался стрельбой, когда позволяло время.

В 1882 году Уильям получил подарок судьбы. Трое братьев Морганов решили воспользоваться тем, что, как они полагали, было огромным золотым прииском, на горе Айронстоун, всего в двадцати милях от Рокгемптона. В поисках инвестора, который помог бы им создать добывающее предприятие, они обратились в местный банк, который в свою очередь указал им на Уильяма Нокса Д'Арси. Заинтригованный такой возможностью, Нокс Д'Арси сформировал синдикат с банковским клерком и еще одним общим другом, чтобы инвестировать в идею братьев Морган.

В самом начале мероприятий по добыче им требовалась трезвая голова, так как в поисках состояния уже была потрачена огромная сумма денег.

Очень скоро братья Морган потеряли терпение из-за того, с какой скоростью тратились их средства. Они продали свою долю трем партнерам и совершили сделку в совсем неподходящий момент. Залежи золота в месте, получившем название Гора Морган, оказались богатейшими в истории. Проданные акции подскочили в цене в 2000 раз и в течение десяти лет принесли 200 000 % дохода. Нокс Д'Арси, который контролировал большее количество акций, чем его партнеры, и которому принадлежало более трети всего бизнеса, из скромного юриста превратился в одного из богатейших людей в мире¹³⁵⁴.

Это было незадолго до того, как он упаковал вещи и с триумфом вернулся в Англию. Он купил великолепный дом по адресу Гросвенор-Сквер, 42 и огромное поместье в Станмор-холле, неподалеку от Лондона, которое он перестроил и украсил по самому высшему разряду. Для оформления интерьеров была нанята компания «Моррис и к^о», основанная Уильямом Моррисом. Ковры были заказаны в фирме Эдварда Берн-Джонса. Чтобы их соткать, понадобилось 4 года, таким потрясающим было их качество. Вытканный на них сюжет – поиски Грааля – прекрасно отражал тему обретения неисчислимых богатств¹³⁵⁵.

Нокс Д'Арси понимал толк в хорошей жизни. У него была недвижимость в Норфолке и ложа на скачках в Эпсоме. Две картины в национальной портретной галерее отлично отражают его характер. На одной из них он сидит откинувшись, с довольной улыбкой на лице, свидетельствующей о его любви к прекрасной еде и превосходным винам, на другой он немного подался вперед, как будто разговаривая с другом. В руках у него сигара, а на столике перед ним – бокал шампанского¹³⁵⁶.

Его успех и невероятное богатство привели к тому, что к нему стали обращаться те, кто, как и братья Морган, нуждался в инвестициях. Одним из них был Антуан Китабги, чинов-

¹³⁵⁴ D. Carment, 'D'Arcy, William Knox', in B. Nairn and G. Serle (eds), *Australian Dictionary of Biography* (Melbourne, 1981), 8, pp. 207–208.

¹³⁵⁵ J. Banham and J. Harris (eds), *William Morris and the Middle Ages* (Manchester, 1984), pp. 187–192; L. Parry, 'The Tapestries of Sir Edward Burne-Jones', *Apollo* 102 (1972), pp. 324–328.

¹³⁵⁶ National Portrait Gallery, NPG 6251 (14), (15).

ник из Персии с хорошими связями. Он вошел в контакт с Ноксом Д'Арси ближе к концу 1900 года посредством сэра Генри Драммонд-Вульфа, бывшего британского посла в Тегеране. Несмотря на то что он был католиком с грузинскими корнями, Китабги отлично устроился в Персии, поднявшись до генерального директора таможенных служб Персии, при этом он был человеком, который интересовался многими делами одновременно. Его неоднократно привлекали к поискам зарубежного инвестора для стимулирования экономики, а также к проведению переговоров в целях предоставления концессий для зарубежных представителей банковского и табачного сектора¹³⁵⁷.

Его усилия были мотивированы не альтруизмом или патриотизмом. Такие люди, как Китабги, понимали, что они могут получить хорошую прибыль, если сделка совершится. Их стратегия была следующей: в обмен на деньги открывались двери. Это вызывало большое раздражение в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге и Берлине, где дипломаты, политики и бизнесмены обнаружили, что бизнес в Персии непрозрачен, если не сказать коррумпирован. Усилия по модернизации страны имели небольшой успех, а старые традиции полагаться на иностранцев в вопросах, касающихся вооруженных сил и ключевых постов в администрациях, привели к большому разочарованию¹³⁵⁸. Персия сделала шаг вперед, теперь же она, похоже, собиралась сделать шаг назад.

Было очень приятно критиковать правящую элиту, но их долгое время учили поступать именно так. Шах и его окружение были похожи на избалованных детей, которым внушали, что, если они будут проявлять достаточную хватку, могущественные державы, которые так боятся потерять свои позиции в этом стратегически важном регионе, дадут им щедрую награду. Когда шах Мозафар ад-Дин не был принят в орден Подвязки во время первого визита в Англию в 1902 году, он отказался принять меньшую честь и покинул страну, поставившись сделать так, чтобы все были в курсе, что он недоволен. Это заставило дипломатов постараться убедить упирающегося короля Эдварда VII, который решал, кого принимать в орден, принять шаха по его возвращении домой. И даже тогда с «этим ужасным субъектом» происходили различные казусы, когда обнаружилось, что у шаха нет панталон, которые были строго обязательны для процедуры принятия, пока один предприимчивый дипломат не обнаружил прецедент, согласно которому у кандидата была привилегия носить брюки. «Как же ужасно, что нам пришлось пережить эпизод с Подвязкой», – ворчал впоследствии министр иностранных дел лорд Лансдаун¹³⁵⁹.

Кстати, хотя взяточничество, которое сопровождало все, что делалось в Персии, казалось ужасным, во многом персы, сновавшие по коридорам власти крупных финансовых центров Европы в конце XIX – начале XX века, были похожи на согдийцев, купцов древнего времени, преодолевавших огромные расстояния, или же армян и евреев, которые играли ту же самую роль в самом начале Нового времени. Разница была в том, что согдийцам приходилось брать на продажу товары, а их преемники продавали свои услуги и контракты.

Им пришлось стать коммерциализированными в основном потому, что это приносило значительную прибыль. Если бы не было берущих, вне всяких сомнений, все было бы совершенно по-другому. Таким образом, расположение Персии между Востоком и Западом, в месте, соединяющем Персидский залив и Индию с Аравией, Африкой, и наличие доступа

¹³⁵⁷ О предпосылках см. здесь R. Ferrier and J. Bamburg, *The History of the British Petroleum Company*, 3 vols (London, 1982–2000), 1, p. 29ff.

¹³⁵⁸ S. Cronin, 'Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran', *Comparative Studies in Society and History* 50.1 (2008), pp. 197–226.

¹³⁵⁹ Lansdowne to Hardinge, 18 November 1902, in A. Hardinge, *A Diplomatist in the East* (London, 1928), pp. 286–296. Также см. R. Greaves, 'British Policy in Persia, 1892–1903 II', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 28.2 (1965), pp. 302–303.

к Суэцкому каналу означало, что Персию постоянно обрабатывали, пусть и сквозь сжатые зубы.

Когда Китабги добрался до Драммонд-Вульфа и тот свел его с Д'Арси, которого откомендовали как «капиталиста высокого уровня», у него сформировался свой взгляд не только на табачный и банковский сектор Персии, но и на ее недра. Нокс Д'Арси был именно тем, с кем можно было это обсудить. Однажды он уже нашел золото в Австралии, и Китабги предложил ему еще один шанс; на этот раз речь шла о «черном золоте»¹³⁶⁰.

Наличие обширных нефтяных запасов в Персии едва ли было секретом. Авторы из Византии неоднократно писали о разрушительной силе вещества («мидийского огня»), сделанного из нефти, скорее всего, полученной из поверхностного слоя на севере Персии, и похожего на горящий «греческий огонь», который византийцы добывали в Черном море¹³⁶¹.

Первые систематические геологические исследования, проведенные в 1850-х годах, указывали на значительное количество подземных ресурсов. Это привело к целому ряду концессий, данных инвесторам, привлеченным возможностью сделать состояние, в то время мир, казалось, отдавал свои сокровища удачливым старателям от Калифорнии, золотого края, до бассейна Витватерсранда на юге Африки¹³⁶². Барон Пол Джулиус де Рейтер, основатель одноименного информационного агентства, был одним из тех, кто двинулся в Персию. В 1872 году де Рейтер получил эксклюзивную привилегию на добычу всего, что было возможно, из угольных, железных, медных, свинцовых и нефтяных месторождений по всей стране, вместе с возможностью строительства дорог и других инфраструктурных объектов и организации общественных работ¹³⁶³.

По ряду причин это не закончилось ничем. Появилась жесткая оппозиция, состоящая из местных. Например, Сейид Джамал ал-Дин ал-Афгани был глубоко опечален тем фактом, что «бразды правления были в руках врага ислама». По словам одного из громогласных критиков, «владения ислама скоро окажутся под контролем иностранцев, которые будут править так, как им заблагорассудится»¹³⁶⁴. Из-за международного давления концессии де Рейтера были отменены всего через год после того, как они были даны¹³⁶⁵.

Хотя де Рейтер и согласовал вторую концессию в 1889 году, которая давала ему право на минеральные ресурсы Персии, за исключением драгоценных металлов, в обмен на значительные денежные «дары» для шаха и его ведущих чиновников, а также выплаты из будущих доходов, все прекратилось, когда попытки поиска нефти в значительных объемах не имели успеха в обозначенный срок в 10 лет. Жизнь не стала проще из-за того, что один британский бизнесмен назвал «неразвитостью страны и отсутствием коммуникации и транспорта», которые усугублялись «прямой враждебностью, оппозицией и возмущениями высокопоставленных чиновников персидского правительства»¹³⁶⁶. Эта ситуация не вызвала никого сочувствия в Лондоне. В работе в этой части света были свои риски, как отмечалось в одном из протоколов, все, кто ожидал, что дела будут делаться как в Европе, просто глуп. «То, что

¹³⁶⁰ Wolff to Kitabgi, 25 November 1900, D'Arcy Concession; Kitabgi Dossier and Correspondence regarding Kitabgi's claims, BP 69454.

¹³⁶¹ См. в целом Th. Korres, *Hygron pyr: ena hoplo tes Vizantines nautikes taktikes* (Thessaloniki, 1989); J. Haldon, 'A Possible Solution to the Problem of Greek Fire', *Byzantinische Zeitschrift* 70 (1977), pp. 91–99; J. Partington, *A History of Greek Fire and Gunpowder* (Cambridge, 1960), pp. 1–41.

¹³⁶² W. Loftus, 'On the Geology of Portions of the Turco-Persian Frontier and of the Districts Adjoining', *Quarterly Journal of the Geological Society* 11 (1855), pp. 247–344.

¹³⁶³ M. Elm, *Oil, Power, and Principle: Iran's Oil Nationalization and its Aftermath* (Syracuse, 1992), p. 2.

¹³⁶⁴ 'Letter of Sayyid Jamâl al-Dên al-Afghênê to Mujtahid', in E. Browne, *The Persian Revolution of 1905–1909* (London, 1966), pp. 18–19.

¹³⁶⁵ P. Kazemzadeh, *Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism* (New Haven, 1968), pp. 122, 127.

¹³⁶⁶ Griffin to Rosebery, 6 December 1893, FO 60/576.

их ожидания совершенно не совпали с реальностью, полностью их проблема», – холодно заявлялось в этом же протоколе¹³⁶⁷.

Тем не менее Нокс Д'Арси был заинтригован предложением Китабги. Он изучал находки французских геологов, которые работали там около 5 лет, и исследования доктора Бовертон Редвуда, ведущего эксперта Британии в области нефти, автора пособий по использованию, хранению, транспортировке нефти и продуктов из нее¹³⁶⁸. В то же самое время Китабги уверял Драммонда-Вульфа, что эти исследования совершенно не нужны, утверждая, что «мы находимся в месте, где хранятся неисчислимые богатства»¹³⁶⁹.

Нокс Д'Арси был достаточно заинтересован тем, что он читал и видел, чтобы заключить сделку с теми, кто смог бы помочь получить у шаха концессию, а именно с Эдуардом Коттой, который служил агентом де Рейтера и потому был достаточно известен в Персии, а также самим Китабги. Драммонду-Вульфу также было обещано, что проект будет успешен и принесет большую прибыль. Нокс Д'Арси связался с Министерством иностранных дел, чтобы получить одобрение проекта, и должным образом снарядил своего представителя Альфреда Мариотта в Тегеран для обсуждения сделки с официальным письмом.

Письмо само по себе имело небольшую ценность, но его предьявитель должен был получить любую необходимую помощь. В мире, в котором любой символ может быть истолкован неправильно, подпись министра иностранных дел была мощным инструментом, показывающим, что за инициативой Нокса стоит британское правительство¹³⁷⁰.

Мариотт с удивлением рассматривал персидский двор. Трон, писал он в своем дневнике, полностью инкрустирован бриллиантами, алмазами, сапфирами и изумрудами, а по обеим сторонам от трона стояли украшенные драгоценными камнями птицы (не павлины). Также он отметил, что шах – «очень хороший стрелок»¹³⁷¹.

На самом деле основная часть настоящей работы была проделана Китабги, который сумел обеспечить поддержку всех главных министров и придворных шаха, не забыв даже о личном слуге, который приносил шаху трубку и утренний кофе. Другими словами, он их подкупил. Как было доложено Ноксу Д'Арси, дела шли достаточно хорошо, было похоже на то, что персидское правительство даст концессию на нефть¹³⁷².

Процесс получения разрешения посредством переписки был сложным. Неожиданные препятствия появлялись из ниоткуда, вынуждая связываться с Лондоном, чтобы обратиться к Д'Арси за советом и получить разрешение на дальнейшие траты. «Надеюсь, вы одобрите, так как отказ равнозначен краху всего дела», – предупреждал Мариотт. «Не стесняйтесь говорить, если я могу как-то помочь с этим делом», – последовал ответ¹³⁷³. Нокс Д'Арси свободно распоряжался деньгами и желал сделать все, чтобы получить то, что он хочет. Сложно сказать, когда появились новые требования и были даны обещания настоящим бенефициарам. Появились слухи, что русские прослышали о переговорах, которые должны были быть секретными. Были приложены определенные усилия, чтобы сбить их со следа¹³⁷⁴.

¹³⁶⁷ Currie Minute, 28 October 1893, FO 60/576.

¹³⁶⁸ J. de Morgan, 'Notes sur les gîtes de Naphte de Kend-e-Chirin (Gouvernement de Ser-i-Paul)', *Annales des Mines* (1892), pp. 1–16; J. de Morgan, *Mission scientifique en Perse*, 5 vols (Paris, 1894–1905); B. Redwood, *Petroleum: Its Production and Use* (New York, 1887); J. Thomson and B. Redwood, *Handbook on Petroleum for Inspectors under the Petroleum Acts* (London, 1901).

¹³⁶⁹ Kitabgi to Drummond-Wolff, 25 December 1900, Kitabgi Dossier and Correspondence regarding Kitabgi's claims, BP 69454.

¹³⁷⁰ Gosselin to Hardinge, 12 March 1901, FO 248/733; Marriott mentions the letter of introduction in his Diary, 17 April 1901, BP 70298.

¹³⁷¹ Marriott Diary, pp. 16, 25, BP 70298.

¹³⁷² Hardinge to Lansdowne, 12 May 1901, FO 60/640; Marriott Diary, BP 70298.

¹³⁷³ Marriott to Knox D'Arcy, 21 May, BP 70298; Knox D'Arcy to Marriott, 23 May, BP 70298.

¹³⁷⁴ Ferrier and Bamberg, *History of the British Petroleum Company*, pp. 33–41.

Затем просочилась информация о том, что (пока Мариотт был на званом обеде) шах подписал соглашение. «В обмен на 20 000 фунтов и эквивалентное количество акций, которые подлежали оплате после образования компании, а также с учетом выплаты 16 % годовых от чистой прибыли». Нокс Д'Арси, которого описывали как человека «с независимыми средствами, проживающего в Лондоне, Гросвенор сквер, 42», получил полные права. Ему на 60 лет были дарованы исключительные привилегии искать, владеть, эксплуатировать, развивать и подготавливать для продажи натуральный газ, нефть, битум и озокерит на территории всей персидской империи. В дополнение он получил эксклюзивные права на прокладку труб, строительство складских помещений, нефтеперерабатывающих заводов и насосных станций¹³⁷⁵.

Последовавшее за этим официальное королевское объявление гласило, что Нокс Д'Арси и его наследникам было даровано «полное право и свобода на исследования и сверление персидской земли на любую глубину», а также шах просил «чиновников этого благословенного королевства» помогать человеку, который пользуется «благодарностью великого двора»¹³⁷⁶. Ему вручили ключи от королевства, и вопрос заключался в том, найдет ли он замок.

Опытные наблюдатели из Тегерана не были в этом убеждены. Даже если нефть будет найдена, как отмечал сэр Артур Хардинг, британский представитель в Персии, основные проблемы впереди. Стоило помнить, что земля Персии, есть в ней нефть или нет, усыпана таким количеством обломков коммерческих и политических схем, что нельзя предсказать судьбу этого предприятия¹³⁷⁷.

Возможно, шах тоже ставил на то, что из этого мало что выйдет и он просто получит авансовые платежи, как и всегда. Несомненно, экономическая ситуация в Персии в этот период была тяжелой, правительство столкнулось с серьезным дефицитом бюджета. В результате пришлось сглаживать углы, чтобы достать деньги из глубоких карманов Нокса Д'Арси. В это же время началось волнение в Министерстве иностранных дел Британии, где в последнее время уделялось гораздо меньше внимания новым концессиям, чем Тегеран уделял внимание Лондону и, хуже того, Санкт-Петербургу перед началом Первой мировой войны.

Россия плохо отреагировала на известия о концессии, полученной Ноксом. Как бы то ни было, им почти удалось сорвать куш, когда шах получил личную телеграмму от царя, в которой он просил его не продолжать данное предприятие¹³⁷⁸. Нокс Д'Арси был весьма встревожен заявлением, что русские оскорблены соглашением, согласно которому северные провинции отдавали под его контроль. Его беспокоило то, что они могут быть исключены из соглашения, чтобы не обидеть могущественного северного соседа. С точки зрения Лондона, беспокойство заключалось в том, что Россия может компенсировать свои потери, договорившись с шахом и его ближайшим окружением¹³⁷⁹. Как предупреждал лорда Лансдауна представитель Британии в Тегеране, присуждение концессии может быть чревато политическими и экономическими последствиями, в том случае если будет найдена нефть в приличном количестве¹³⁸⁰. Ни для кого не был секретом тот факт, что давление усилило соперничество за влияние и ресурсы в Заливе.

¹³⁷⁵ Там же, Appendix 1, pp. 640–643.

¹³⁷⁶ N. Fatemi, *Oil Diplomacy: Powder Keg in Iran* (New York, 1954), p. 357.

¹³⁷⁷ Hardinge to Lansdowne, 30 May 1900, FO 60/731.

¹³⁷⁸ Marriott Diary, 23 May 1901, BP 70298.

¹³⁷⁹ Knox D'Arcy to Lansdowne, 27 June 1901, FO 60/731; Greaves, 'British Policy in Persia', pp. 296–298.

¹³⁸⁰ Hardinge to Lansdowne, 30 May 1900, FO 60/731.

Очень скоро кризис миновал, в основном потому, что проект Нокса Д'Арси находился на грани краха. Работа шла медленно из-за сложных климатических условий, большого количества религиозных фестивалей и регулярных механических поломок буровых установок. Жалобы на оплату и условия труда, а также то, что на работу было принято незначительное число местных жителей, привели к формированию атмосферы открытой враждебности. В то же самое время было множество проблем с местными племенами¹³⁸¹. Встревоженность Нокса Д'Арси по поводу слабого прогресса и количества потраченных денег резко возросла. «Задержки чрезвычайно серьезные, – телеграфировал он своей буровой команде менее чем через год после согласования концессии, – молитесь об ускорении»¹³⁸². Через неделю он отправил еще одно сообщение. «У вас есть свободный доступ к скважинам?» – в отчаянии спрашивал он своего главного инженера. Журнал учета показывает, что из Британии было отправлено большое количество труб, трубок, лопат, стали и наковален вместе с ружьями, пистолетами и боеприпасами. Снижение заработной платы в 1901–1902 годах также говорит о том, что траты сильно возросли. Нокс Д'Арси, видимо, ощущал, что просто хоронит свои деньги в песке¹³⁸³.

Он был обеспокоен, но также обеспокоены были и его банкиры в Лойдсе, которые были возмущены размером превышения кредита человеком, чьи финансовые возможности были безграничны¹³⁸⁴. Что было еще хуже, тяжелый труд и затраченные суммы почти не окупились. Ноксу Д'Арси было необходимо убедить инвесторов приобрести доли в его бизнесе, таким образом сняв часть давления с личных денежных средств и заполучив капитал для продвижения проекта. Его команда показывала обнадеживающие результаты работы. Чего не хватало, так это крупной забастовки.

Отчаявшись, Нокс Д'Арси, который прозондировал ситуацию насчет потенциальных инвесторов и даже покупателей для своего бизнеса, отправился в Канны, чтобы встретиться с бароном Альфонсом Ротшильдом, чья семья давно проявляла интерес к нефтяному бизнесу в Баку. В Лондоне зазвонили тревожные звоночки, в частности, это привлекло внимание британского военно-морского флота. Сэр Джон Фишер, первый лорд Адмиралтейства, убедился в том, что будущее военно-морского флота и покорение морей зависит от нефти, а не угля. «Горючее из нефти, – писал он другу в 1901 году, – перевернет представление о военно-морской стратегии. Это проект “Проснись, Англия!”»¹³⁸⁵ Несмотря на провал попытки найти огромные залежи, Персия все-таки обещала стать неплохим источником нефти.

Если удалось бы обеспечить королевскому флоту эксклюзивное право на эти месторождения, было бы просто прекрасно. Было чрезвычайно важно не допустить, чтобы такие ресурсы попали в руки иностранцев.

Адмиралтейство выступило в роли посредника в соглашении между Ноксом и Шотландской нефтяной компанией, которая достигла определенных успехов в Бирме. После предложения компании в 1905 году контракта на поставки военно-морскому флоту 50 000 тонн нефти в год руководство Бирманской нефтяной компании решило приобрести пакет акций и переименовать компанию в Концессионный синдикат. Они поступили так не потому, что это был их патриотический долг, а потому, что это была разумная стратегия диверсификации, а также потому, что это позволяло им получить еще больше денег. Хотя это дало Ноксу возможность вздохнуть свободнее и условия, которых он добился, были лучше, чем

¹³⁸¹ Ferrier and Bamberg, *British Petroleum*, pp. 54–59.

¹³⁸² D'Arcy to Reynolds, 15 April 1902, BP H12/24, p. 185.

¹³⁸³ Letter Book, Persian Concession 1901 to 1902, BP 69403.

¹³⁸⁴ Bell to Jenkin, 13 July, Cash Receipt Book, BP 69531.

¹³⁸⁵ A. Marder (ed.), *Fear God and Dread Nought: The Correspondence of Admiral the First Sea Lord Lord Fisher of Kilverstone*, 3 vols (Cambridge, MA, 1952), 1, p. 185. Об этом и об интересе Великобритании к нефти перед Первой мировой войной см. Yergin, *The Prize*, p. 134ff.

он мог бы получить в любой другой компании, это не давало никакой гарантии на успех, как сухо отметил британский представитель в Тегеране в своих отчетах. Обнаружение нефти было одной проблемой, а настойчивые попытки шантажа – совсем другое дело¹³⁸⁶.

Новое партнерство мало что дало в течение следующих 3 лет. Скважины, которые пробурили, оказались пусты, в то время как расходы съедали деньги акционеров. К весне 1908 года руководство Бирманской нефтяной компании открыто говорило о выходе из Персии. 14 мая 1908 года они отправили письмо Джорджу Рейнолдсу, руководителю проектов в этой сфере, которого описывали как целеустремленного человека, сделанного из «твердого английского дуба», с тем чтобы он подготовился к прекращению проекта, ему было поручено пробурить две скважины в районе города Месджеде-Сoleyман на глубину 1600 футов. Если там не обнаружится нефть, он должен был «прекратить все операции, закрыть и вернуть обратно с завода все, что возможно», и отправить все это в Бирму, где оно принесет гораздо больше пользы¹³⁸⁷.

Пока письмо шло в Персию через Европу и Левант, Рейнолдс продолжал свою работу, не подозревая, как скоро ему придется прекратить проект. Его команда продолжала бурить камень, такой твердый, что сверло сломалось. На несколько дней работу пришлось приостановить, пока сверло не было починено и установлено на место. 28 мая в 4 часа утра сверло пробило основной пласт и поток черного золота взмыл высоко вверх. Это была потрясающая находка¹³⁸⁸.

Арнольд Уилсон, лейтенант британской армии, который отвечал за безопасность месторождений, отправил домой шифrogramму с новостями. Там говорилось: «Смотрите псалом 104, стих 15, вторая строка»¹³⁸⁹. В этом стихе рассказывалось о даровании господом нефти и описывались сияющие от счастья лица. Находка, говорил он своему отцу, гарантировала огромную прибыль Британии и, как он надеялся, инженерам»¹³⁹⁰.

Инвесторы, которые вложили деньги в Англо-Персидскую нефтяную компанию, контролировавшую выдачу концессий, после того как в 1909 году им были предложены акции, решили, что скважина в городе Месджеде-Сoleyман лишь верхушка айсберга и впереди еще более крупные прибыли. Конечно, чтобы построить необходимую инфраструктуру для того, чтобы экспортировать нефть, а также пробурить новые скважины и отыскать новые месторождения, были необходимы время и деньги. На местах работа шла не лучше. Арнольд Уилсон жаловался, что ему приходится преодолевать культурный разрыв между англичанами, «которые не могут сказать, что думают, и персами, которые не всегда думают, что говорят». Британцы воспринимали контракт как что-то, к чему можно обратиться в суде, для персов это было, скорее, обозначением намерений¹³⁹¹.

Тем временем был построен трубопровод, чтобы соединить первое месторождение с островом Абадан на реке Шатт-эль-Араб, который был выбран для размещения перерабатывающего и логистического центра. Трубопровод переправлял персидскую нефть в залив, где ее грузили на корабли и перевозили в Европу, чтобы продать, в то время как потребности континента в энергии резко возросли. Постройка трубопровода являлась глубоко символической, так как он был первым в цепи трубопроводов, пересекающих Азию, которые дали старым Шелковым путям новую жизнь.

¹³⁸⁶ Kitabgi Dossier and Correspondence regarding Kitabgi's claims, BP 69454; Hardinge to Grey, 23 December 1905, FO 416/26; T. Corley, *A History of the Burmah Oil Company, 1886–1924* (London, 1983), pp. 95–111.

¹³⁸⁷ Ferrier and Bamberg, *British Petroleum*, pp. 86–88.

¹³⁸⁸ Там же.

¹³⁸⁹ A. Wilson, *South West Persia: Letters and Diary of a Young Political Officer, 1907–1914* (London, 1941), p. 42.

¹³⁹⁰ Там же.

¹³⁹¹ Там же, p. 103; Corley, *Burmah Oil Company*, pp. 128–145.

Проблемы нарастали. Обнаружение нефти сделало бумагу, подписанную шахом в 1901 году, одним из самых важных документов XX века. На какое-то время именно он заложил основы многомиллионного бизнеса и определил перспективы его роста – Англо-Персидская нефтяная компания преобразовалась в компанию British Petroleum, что породило политическую нестабильность. То, что, согласно условиям соглашения, контроль над жемчужинами персидской короны был передан иностранным инвесторам, породило ненависть всего остального мира. Это, в свою очередь, привело к национализму и, наконец, к обострению подозрительности и неприятию Запада. Ярче всего это отразилось в современном исламском фундаментализме. Желание получить контроль над нефтью стало причиной многих проблем в будущем.

Концессии Нокса были потрясающей сказкой, рассказывающей о коммерческой хватке и триумфе, несмотря на обстоятельства, но в глобальном смысле их можно было поставить в один ряд с трансатлантическими открытиями Колумба в 1492 году. Тогда бесчисленные сокровища были экспроприированы конкистадорами и отвезены в Европу. То же самое происходило и сейчас. Одной из причин стал повышенный интерес адмирала Фишера и королевского военно-морского флота, которые внимательно наблюдали за ситуацией в Персии. Когда в 1912 году англо-персидский мир испытывал проблемы с поступлением денег, Фишер немедленно вступил в дело, обеспокоенный тем, что бизнес может быть перехвачен такими компаниями, как Royal Dutch Shell, которая создала обширные производственные и дистрибьюторские сети из основной базы в Голландской Ост-Индии. Фишер посетил первого лорда Адмиралтейства, восходящую звезду большой политики, чтобы внушить ему важность перехода военно-морских судов с угля на нефть. За нефтью будущее, говорил он, ее можно запастись в больших количествах, и она сравнительно дешево стоит. Еще более важным было то, что она позволяет кораблям двигаться с большей скоростью. Для морских сражений это лучшее, что можно придумать, так как самое необходимое при этом – скорость, а также возможность сражаться, когда и где будет удобно. Британские корабли смогут превзойти вражеские суда и получить существенное преимущество в бою¹³⁹². Выслушав Фишера, Уинстон Черчилль понял, что он имеет в виду.

Переход на нефть означал, что мощь и эффективность королевского военно-морского флота перейдет на абсолютно новый уровень: «Лучшие корабли, лучшая команда, более высокий уровень экономики, более интенсивные формы военного превосходства». По словам Черчилля, это означало не менее чем господство над морями¹³⁹³. В то время как давление на международной арене возрастало, было похоже, что соперничество в Европе и других местах в той или иной форме обострится. Значительные усилия были затрачены на то, чтобы понять, как извлечь из этого выгоду. Летом 1913 года Черчилль представил Кабинету министров документ, озаглавленный «Поставки нефти для военно-морского флота Его Величества». Решение проблемы, как утверждал он, заключалось в покупке топлива у самых разных производителей впрок и даже рассмотрении вопроса о контроле наиболее надежных источников. Последовавшее обсуждение не привело к определенным решениям, кроме постановления о том, что «Адмиралтейство должно обеспечить поставки нефти... из наибольшего количества источников, расположенных на наибольшей территории»¹³⁹⁴.

Менее чем через месяц все изменилось. Премьер-министр, как и его коллеги, теперь был убежден в том, что нефть – «жизненно необходима» для обеспечения будущего. Поэтому он сказал королю Георгу V во время обычной ревизии стоящих внимания разработок, что

¹³⁹² Fisher, *Fear God and Dread Nought*, 2, p. 404.

¹³⁹³ Churchill, *World Crisis*, pp. 75–76.

¹³⁹⁴ 'Oil Fuel Supply for His Majesty's Navy', 19 June 1913, CAB 41/34.

правительство собирается получить контроль над Англо-Персидской нефтяной компанией, чтобы обеспечить «надежный источник поставок»¹³⁹⁵.

Черчилль громогласно защищал свой проект. Важность создания запасов нефти была обусловлена не только нуждами военно-морского флота, они должны были обеспечить будущее всей Британии. Хотя успех империи зависел от угольных запасов, нефть влияла на очень многое. «Если мы не сможем получить нефть, – заявил он Парламенту в июле 1913 года, – мы не сможем получить зерно, мы не сможем получить хлопок, мы не сможем получить целый ряд товаров, необходимых для поддержания экономики Великобритании». Запасы требуются на случай войны, однако не стоит доверять открытым рынкам из-за спекулянтов, которые делают из них «открытое издевательство»¹³⁹⁶.

Тем временем Англо-Персидская компания предлагала другое решение многих проблем. Ее концессии были «весьма разумны» и были обеспечены солидными капиталами. Они могли развиваться до огромных размеров, согласно адмиралу сэру Эдмунду Слейду, бывшему главе военно-морской разведки и руководителю целевой группы по управлению компанией. Контроль над компанией, который гарантировал поставки нефти, был просто даром небес для военно-морского флота. Ключ, по словам Слейда, лежал в приобретении контрольного пакета акций «по разумным ценам»¹³⁹⁷.

Переговоры с Англо-Персидской компанией проходили достаточно быстро, и к лету 1914 года британское правительство имело возможность купить 51 % всех акций и контролировать все дело. Красноречие Черчилля помогло ему получить большинство голосов в Палате общин. Таким образом, британские политики, специалисты по планированию и военные могли удовлетвориться тем, что у них был доступ к нефтяным запасам, которые могли оказаться жизненно важны, если в будущем вспыхнет конфликт. А через одиннадцать дней в Сараево был убит Франц Фердинанд.

В суматохе, которая сопровождала приближение войны, было легко упустить из вида важность шагов, которые предприняла Британия по обеспечению энергетических потребностей. Отчасти потому, что лишь некоторые осознавали, сколько сделок совершалось за кулисами основных событий. В дополнение к приобретению контрольного пакета акций Англо-Персидской компании британское правительство заключило секретный договор о поставках нефти в Адмиралтейство в течение 20 лет.

Это означало, что королевские военные корабли, которые были спущены на воду летом 1914 года, смогли получить топливо, которое было необходимо в случае затягивания конфликта с Германией. Переход на нефть сделал британские корабли быстрее и лучше, чем суда противников, но основное преимущество заключалось в том, что они могли дольше находиться в море. Недаром лорд Керзон произнес речь в Лондоне в ноябре 1918 года, менее чем за две недели до согласования условий перемирия, в которой он сообщил тем, кто присутствовал на званом обеде, что «союзники пришли к победе на волне нефти». Ведущий французский сенатор с ликованием согласился. Германия уделяла слишком много внимания железу и углю, заявил он, и недостаточно нефти. Нефть – кровь земли, и она же стала кровью победы¹³⁹⁸.

В этом была доля истины. На некоторое время внимание военных историков обратилось к полям сражений во Фландрии. То, что происходило в центре Азии, имело большое значение для исхода великой войны и еще большее для последующего периода. В то время

¹³⁹⁵ Asquith to King George V, 12 July 1913, CAB 41/34.

¹³⁹⁶ Churchill, House of Commons, 17 July 1913, Hansard, 55, 1470.

¹³⁹⁷ Slade to Churchill, 8 November 1913, 'Anglo-Persian Oil Company. Proposed Agreement, December 1913', ADM 116/3486.

¹³⁹⁸ Цитируется по D. Yergin, *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power* (3rd edn, New York, 2009), p. 167.

как в Бельгии и на севере Франции прозвучали первые выстрелы, османы решали, какую роль они должны сыграть в эскалации конфликта в Европе. Султан был непреклонен в решении, что империя должна оставаться в стороне от военных действий, но раздавались громкие голоса, которые утверждали, что лучшее решение – укреплять традиционно тесные связи с Германией. Могущественные державы Европы были заняты ультиматумами и объявлением войны друг другу. Энвер-паша, военный министр Османской империи, связался с командующим штаб-квартиры в Багдаде, чтобы предупредить о том, что может произойти. «Война с Англией сейчас вполне возможна», – писал он. Если начнутся враждебные действия, арабские лидеры должны поддержать османские войска в ведении священной войны. Мусульманское население Персии должно подняться для революции против «российского и английского господства»¹³⁹⁹.

В этой связи было неудивительно, что через несколько недель после начала войны британские дивизии отправились в Бомбей для защиты Абадана, трубопровода и месторождений. В ноябре 1914 года был оккупирован стратегически важный город Басра, после чего во время церемонии поднятия флага сэр Перси Кокс заявил местному населению, что «в этом месте не должно остаться ни следа турецкой администрации». В городе было установлено британское господство, при котором «вы сможете наслаждаться преимуществами свободы и справедливости, законов, которые встанут на защиту ваших религиозных убеждений и светской жизни»¹⁴⁰⁰. Обычаи и верования местного населения имели небольшое значение, самым важным стало обеспечение доступа к природным ресурсам региона.

Осознавая, что их господство в Персидском заливе было шатким, британцы начали переговоры с ведущими фигурами арабского мира, включая Хусейна, шарифа Мекки, что предвещало хорошую сделку: если Хусейн и «арабы в целом» предоставят поддержку против турков, Британия «гарантирует независимость, права и привилегии шарифата от внешней агрессии, в частности агрессии османов». Это было еще не все, так как появилось еще одно, более «вкусное» предложение. Британцы отмечали, что, может быть, пришло время, когда «истинные арабы создадут халифат в Мекке или Медине». Хусейн, хранитель священного города Мекки, член курайшитов и потомок Хашима, прародителя самого пророка Мухаммеда, получил предложение создать империю в обмен на поддержку¹⁴⁰¹.

На самом деле британцы не собирались способствовать этому и, конечно же, не могли это обеспечить. Тем не менее в начале 1915 года, когда ситуация усугубилась, они готовились и дальше водить Хусейна за нос. Отчасти это было обусловлено тем, что Британия не смогла добиться стремительного триумфа. Еще одним фактором стало то, что Османская империя, наконец, собралась контратаковать позиции британцев в Персидском заливе, а также, что волновало еще больше, в Египте, и это представляло угрозу для Суэцкого канала, артерии, которая позволяла судам попадать в Европу на недели быстрее, чем если бы им пришлось огибать Африку. Чтобы отвлечь внимание османов от ресурсов, британцы решили высадить войска в Восточном Средиземноморье и открыть новый фронт. В этих обстоятельствах заключение сделки с кем-то, кто сможет оказать давление на союзные войска, казалось очевидным, а обещание прибыли, которую можно было получить только в будущем, далось слишком просто.

Примерно такие же расчеты были произведены в Лондоне относительно роста мощи России. Несмотря на ужасы войны, очень быстро стало ясно, что многие влиятельные

¹³⁹⁹ Цитируется по M. Aksakal, “‘Holy War Made in Germany?’ Ottoman Origins of the Jihad”, *War in History* 18.2 (2011), p. 196.

¹⁴⁰⁰ F. Moberly, *History of the Great War Based on Official Documents: The Campaign in Mesopotamia 1914–1918*, 4 vols (London, 1923), 1, pp. 130–131.

¹⁴⁰¹ Kitchener to HH The Sherif Abdalla, Enclosure in Cheetham to Grey, 13 December 1914, FO 371/1973/87396. Также см. E. Karsh and I. Karsh, ‘Myth in the Desert, or Not the Great Arab Revolt’, *Middle Eastern Studies* 33.2 (1997), pp. 267–312.

фигуры Британии были обеспокоены тем, что война закончится слишком быстро. Бывший премьер-министр Артур Бальфур был взволнован тем, что быстрое поражение Германии сделает Россию еще более опасной, а ее возросшие амбиции могут поставить Индию под угрозу. Был и другой повод для волнений: до Бальфура дошли слухи о том, что лоббисты Санкт-Петербурга намеревались прийти к соглашению с Германией, что, по его мнению, было столь же опасно для Британии, как и поражение в войне¹⁴⁰².

Опасения по поводу России означали, что обеспечение ее лояльности было делом первостепенной важности. Перспектива контроля Константинополя и Дарданелл была прекрасной наживкой для сохранения тесных связей и объединения союзников, а также привлечения внимания царского правительства к этому деликатному вопросу.

Несмотря на могущество России, ее ахиллесовой пятой была нехватка тепловодных портов, кроме тех, что находились на Черном море, которое соединялось со Средиземноморьем через Босфор, а затем через Дарданеллы – узкими проливами, отделяющими Европу и Азию от другого берега Мраморного моря. Эти каналы служили дорогами жизни, соединяющими зерновые поля России с экспортными рынками за границей. Закрытие Дарданелл привело к гниению пшеницы на складах, что, в свою очередь, оказало разрушительное влияние на экономику в период Балканских войн в 1912–1913 годах и привело к разговорам об объявлении войны османам, которые их контролировали¹⁴⁰³.

Русские были в восторге, когда в конце 1914 года британцы подняли вопрос о будущем Константинополя и пролива Дарданеллы. «Это самый богатый приз за всю войну», – заявил посол Британии царским чиновникам. Контроль должен был быть передан России только после окончания войны, при этом Константинополь должен был оставаться свободным портом «для транзита товаров с нероссийских территорий», а также должны быть сохранены торговые концессии, которые «обеспечат торговую свободу кораблям купцов, проходящих через проливы»¹⁴⁰⁴.

В это время на Западном фронте не было никаких признаков прорыва, обе стороны несли огромные потери. Впереди были еще годы кровопролития, а союзники уже принялись делить земли и интересы своих противников. Большая ирония заключалась в обвинениях империализма Германии и ее союзников после обсуждения условий перемирия. Спустя всего несколько месяцев после начала войны союзники уже думали о пиршестве на руинах поверженных врагов.

На карту было поставлено нечто большее, чем соблазнение России Константинополем и Дарданеллами, ибо в начале 1915 года была создана комиссия под руководством сэра Мориса де Бунзена, чтобы обсудить будущее Османской империи после победы. Трюк заключался в том, чтобы разделить все таким образом, чтобы удовлетворить тех, кто на тот момент был союзником, но в прошлом и, возможно, в будущем противником. Нельзя делать ничего такого, что бы могло вызвать подозрения в том, что Британия имеет виды на Сирию, писал сэр Эдвард Грей. «Это означало бы разрыв с Францией, – отмечал он, – если мы выставим напоказ наши претензии на Сирию и Ливан», – регион, в который инвестировали французские бизнесмены в XVIII и XIX веках¹⁴⁰⁵.

¹⁴⁰² J. Tomes, *Balfour and Foreign Policy: The International Thought of a Conservative Statesman* (Cambridge, 1997), p. 218.

¹⁴⁰³ Soroka, *Britain, Russia and the Road to the First World War*, pp. 201–236; Aksakal, *Ottoman Road to War*.

¹⁴⁰⁴ ‘Russian War Aims’, Memo from British Embassy in Petrograd to the Russian government, 12 March 1917, in F. Golder, *Documents of Russian History 1914–1917* (New York, 1927), pp. 60–62.

¹⁴⁰⁵ Grey to McMahon, 8 March 1915, FO 800/48. О французских инвестициях до войны см. M. Raccagni, ‘The French Economic Interests in the Ottoman Empire’, *International Journal of Middle East Studies* 11.3 (198), pp. 339–376; V. Geyikdagi, ‘French Direct Investments in the Ottoman Empire Before World War I’, *Enterprise & Society* 12.3 (2011), pp. 525–561.

Чтобы продемонстрировать солидарность с Россией и избежать конфронтации с Францией в вопросах влияния в Сирии, было решено перебросить войска из Британии, Австралии и Новой Зеландии, не как планировалось ранее – в Александрию (юго-восток Турции), а на Галлипольский полуостров, в устье пролива Дарданеллы, который охранял подходы к Константинополю¹⁴⁰⁶. Это место было плохо приспособлено для крупномасштабного наступления и могло стать смертельной ловушкой для тех, кто пытался продвигаться наземными путями, где находились укрепленные фортификации турков. Катастрофическая кампания, предпринятая позже, имела в основе борьбу за установление контроля над коммуникационными и торговыми путями, соединяющими Европу, Ближний Восток и Азию¹⁴⁰⁷.

Будущее Константинополя и пролива Дарданеллы было определено, теперь нужно было решить судьбу Среднего Востока. В серии встреч, которые прошли во второй половине 1915 и начале 1916 года, сэр Марк Сайкс, чрезвычайно уверенный в себе член Парламента, который имел связи с лордом Китченером, министром обороны Великобритании, и Франсуа Жорж-Пико, нахальный французский дипломат, поделили регион. Граница, согласованная этими двумя, простиралась от Акра (север Израиля) на северо-восток до самых границ Персии. Французы оставались в своих владениях в Сирии и Ливане, а британцы в Месопотамии, Палестине и Суэце.

Раздел добычи на данном этапе был опасен, и не в последнюю очередь потому, что поступали сообщения о том, что судьба региона также решалась в совершенно другом месте. Был Хусейн, которому была обещана независимость арабов и восстановление халифата с ним во главе. Были народы Аравии, Армении, Месопотамии, Сирии и Палестины, вопросом которых был занят лично премьер-министр, публично заявивший, что «должны быть признаны специальные национальные условия», что, видимо, означало суверенитет и независимость¹⁴⁰⁸. Также были Соединенные Штаты, которым британцы и французы неоднократно давали гарантии, что они сражаются не «из эгоистических соображений, но во имя прав народов и гуманности». Британия и Франция со всей страстью заявляли о своих благородных устремлениях и желании «освободить людей от кровавой тирании турков», как говорилось в лондонском *The Times*¹⁴⁰⁹. «Это очень плохо, – писал Эдвард Хаус, министр иностранных дел президента Уилсона, когда узнал о секретном соглашении министров Британии и Франции. – Французы и британцы превращают Средний Восток в место для будущей войны»¹⁴¹⁰. И он был прав. Корень проблемы скрывался в том, что Британия знала, что именно стояло на кону, благодаря природным ресурсам, которые были обнаружены в Персии и, вероятно, могли быть найдены в Месопотамии. Нефтяные концессии были одобрены (но не ратифицированы официально) в день убийства Франца Фердинанда в 1914 году. Концессия была дана консорциуму под управлением Турецкой нефтяной компании, в которой Англо-Персидская компания владела большей долей акций, а компания *Royal Dutch Shell*, *Deutsche Bank* и дочерняя компания Галуста Гюльбенкяна, экстраординарного финансиста, который подготовил соглашение, – меньшей¹⁴¹¹.

Что бы ни было обещано народам Среднего Востока, правда состояла в том, что за кулисами чиновники, политики и бизнесмены уже продумали будущее региона. У них была лишь одна идея: обеспечить контроль над нефтью и трубопроводами, которые перекачивали ее в порты для погрузки в танкеры.

¹⁴⁰⁶ E. Kedourie, *In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon-Husayn Correspondence and its Interpretations, 1914–1939* (Abingdon, 2000), pp. 53–55.

¹⁴⁰⁷ О кампании см. P. Hart, *Gallipoli* (London, 2011).

¹⁴⁰⁸ *The Times*, 7 January 1918.

¹⁴⁰⁹ *The Times*, 12 January 1917.

¹⁴¹⁰ C. Seymour (ed.), *The Intimate Papers of Colonel House*, 4 vols (Cambridge, MA, 1928), 3, p. 48.

¹⁴¹¹ Yergin, *The Prize*, pp. 169–172.

Немцы поняли происходящее. В меморандуме, который оказался в руках у англичан, утверждалось, что у Британии было две стратегические цели. Во-первых, обретение контроля над Суэцким каналом из-за его уникальной стратегической и коммерческой ценности; во-вторых, удержание контроля над месторождениями нефти в Персии и на Среднем Востоке¹⁴¹². Это была проницательная оценка происходящего. Трансконтинентальная Британская империя охватывала около четверти всего земного шара. Несмотря на то что в ней существовали различные климатические зоны, экосистемы и ресурсы, был один очевидный недостаток – нехватка нефти.

Принимая во внимание отсутствие значительных запасов нефти на всей территории империи, Британия решила воспользоваться шансом получить их. «Единственный значительный запас ресурсов, – писал сэр Морис Хэнки, секретарь Кабинета министров, – это Персия и Месопотамия». В результате установление контроля над этими нефтяными запасами стало первостепенной целью войны¹⁴¹³. С военной точки зрения, в этом регионе не было ничего, за что нужно было бороться, как писал премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, но для того чтобы защитить ценные нефтяные запасы в Месопотамии, Британия должна действовать решительно¹⁴¹⁴.

В этом были убеждены практически все. До окончания войны Министерство иностранных дел Британии бескомпромиссно заявляло о будущих возможностях. Несомненно, были вопросы, касающиеся развала империй соперников. «Мне неважно, – заявлял министр ведущим лицам империи, – каким именно образом мы получим эту нефть, путем долгосрочной аренды или каким-то другим, совершенно ясно, что получить эту нефть для нас чрезвычайно важно»¹⁴¹⁵.

Для такой решимости были свои причины. В начале 1915 года Адмиралтейство потребляло 80 000 тонн нефти в год. Два года спустя в результате того, что количество кораблей, которые работали на нефтяном топливе, увеличилось, потребление нефти удвоилось и достигло 190 000 тонн. Увеличение потребности в армии имело драматические последствия. Количество кораблей выросло со 100 в 1914 году до десятков тысяч, и к 1916 году запасы нефти в Британии были практически исчерпаны. Запасы нефти, которые на 1 января составляли 36 миллионов галлонов, снизились до 19 миллионов галлонов шесть месяцев спустя и до 12,5 миллиона спустя всего четыре недели¹⁴¹⁶.

Когда правительственный комитет оценил возможные потребности на ближайшие 12 месяцев, расчеты показали, что для удовлетворения нужд не хватало около половины объема¹⁴¹⁷.

Хотя введение бензина помогло нормировать и стабилизировать запасы, проблема поставок все еще сохранялась. Это привело к тому, что глава королевского военно-морского флота весной 1917 года приказал судам оставаться в порту как можно дольше, а скорость была снижена до 20 узлов. Такие предосторожности были обусловлены прогнозами, подготовленными в июне 1917 года, что к концу года у Адмиралтейства останется всего шесть недель на «пополнение запасов»¹⁴¹⁸.

¹⁴¹² 'Petroleum Situation in the British Empire and the Mesopotamia and Persian Oilfields', 1918, CAB 21/119.

¹⁴¹³ Hankey to Balfour, 1 August 1918, FO 800/204.

¹⁴¹⁴ Hankey to Prime Minister, 1 August 1918, CAB 23/119; V. Rothwell, 'Mesopotamia in British War Aims, 1914–1918', *The Historical Journal* 13.2 (1970), pp. 289–290.

¹⁴¹⁵ War Cabinet minutes, 13 August 1918, CAB 23/42.

¹⁴¹⁶ G. Jones, 'The British Government and the Oil Companies 1912–1924: The Search for an Oil Policy', *Historical Journal* 20.3 (1977), p. 655.

¹⁴¹⁷ Petrol Control Committee, Second Report, 19 December 1916, Board of Trade, POWE 33/1.

¹⁴¹⁸ 'Reserves of Oil Fuel in U.K. and general position 1916 to 1918', minute by M. Seymour, 1 June 1917, MT 25/20; Jones, 'British Government and the Oil Companies', p. 657.

Все это усугубилось тем, что Германия быстро превращалась в эффективную военную машину. Британия импортировала нефть из США в больших количествах (и по невероятным ценам), однако многие танкеры не добрались до пункта назначения. Немцы сумели потопить «такое количество кораблей с горючим», писал Уолтер Пейдж, американский посол в Лондоне в 1917 году, что «эта страна может очень скоро оказаться в опасном положении»¹⁴¹⁹. Технологическая революция, которая позволила производить улучшенные двигатели, привела к более эффективной механизации военных действий после 1914 года. Это было вызвано яростной войной в Европе. Однако рост потребления нефти означал и рост спроса на доступ к ней, что стало проблемой еще перед началом военных действий и важным, если не сказать решающим фактором британской внешней политики.

Некоторые британские политики возлагали большие надежды на будущее. Опытный управленец Перси Кокс, который долгое время работал на востоке Персии и хорошо знал страну, в 1917 году предложил, чтобы Британия установила такой плотный контроль над Персидским заливом, чтобы задавить Россию, Францию, Японию, Германию и Турцию¹⁴²⁰. Несмотря на то что Россия пришла в упадок после революции 1917 года и подписания мирного договора с Германией вскоре после того, как большевики захватили власть, она все еще причиняла беспокойство, когда дело касалось войны в Европе, но в других местах это стало лучом надежды. При автократической форме правления, по словам лорда Балфора премьер-министру летом 1918 года, Россия представляла «опасность как для своих соседей, так и для нас»¹⁴²¹. Фиаско России было прекрасной новостью для сохранения позиций Британии на Востоке. Появилась реальная возможность укрепить позиции во всем регионе, который простирался от Сэуцкого канала до Индии.

¹⁴¹⁹ B. Hendrick, *The Life and Letters of Walter H. Page*, 2 vols (London, 1930), 2, p. 288.

¹⁴²⁰ 'Eastern Report, № 5', 28 February 1917, CAB 24/143.

¹⁴²¹ Balfour to Lloyd George, 16 July 1918, Lloyd George Papers F/3/3/18.

18. Путь компромисса

Британцы намеревались поставить в Персии сильного лидера, который сможет также служить их интересам. Высокопоставленную фигуру, за которой они смогут приглядывать. Принц Фарман Фарма был известен своими обширными инвестициями в Лондонскую биржу, его судьба была тесно связана с продолжительными успехами Британской империи. Началась процедура интенсивного лоббирования назначения принца премьер-министром. Британский представитель в Тегеране получил аудиенцию у шаха в канун Рождества 1915 года, чтобы дать понять, насколько важно для Лондона назначение Фармана Фармы. «Смена премьер-министра неизбежна, – было объявлено шаху, – особенно учитывая наличие «враждебных элементов» в правительстве Тегерана». Убедить шаха оказалось легко: «Он согласился и призвал к тому, чтобы это было сделано немедленно, а также обещал убедить Фармана Фарму как можно быстрее принять пост»¹⁴²². Фарман Фарма был назначен несколько дней спустя.

В Месопотамии нехватка готовых сотрудничать номинальных лидеров из числа местных осложнила ситуацию. Британцы взяли дело в свои руки, весной 1917 года направив войска из Басры, чтобы оккупировать Багдад. Никто не думал о том, что произойдет дальше, писал лорд (а ранее сэр) Чарльз Хардинг из Лондона Гертруде Белл, прекрасному ученому и путешественнице, которая знала регион как никто. «Неважно, – рассуждал он, – выберем мы трех самых толстых или длиннородых мужчин Багдада на роль символа арабского правления».

Британцы нуждались в любом лидере, который смог бы оценить все преимущества сотрудничества с оккупантами. Конечно же, это предполагало щедрые взятки¹⁴²³.

Были и другие проблемы, более серьезные, чем заигрывание с будущей властью региона. Ведущие голоса Британии выступали за пересмотр соглашения Сайкса – Пико, когда чернила еще не успели просохнуть. Это было вызвано не сомнениями по поводу откровенного империализма секретной сделки, причиной послужил отчет, подготовленный адмиралом Слейдом, бывшим главой службы разведки Адмиралтейства, который имел отношение к оценке нефтяных месторождений в Персии в 1913 году и вскоре после этого был назначен на пост главы Англо-Персидской нефтяной компании. Слейд подчеркивал, что «ни при каких обстоятельствах мы не можем позволить помешать нам наслаждаться плодами персидских месторождений», это же было справедливо и для других регионов. Он добавлял, что некоторые признаки показывают, что значительное количество нефти может быть найдено в «Месопотамии, Кувейте, Бахрейне и Аравии». Он настоятельно рекомендовал, чтобы границы были проведены заново, чтобы убедиться, что максимальное количество таких земель попадут под контроль Британии. Важно сохранить контроль над всеми правами на нефть в этих регионах, чтобы никакая другая держава не смогла воспользоваться их преимуществами¹⁴²⁴. Министерство иностранных дел нервно следило за европейскими газетами, которые настаивали на исполнении Германией требований по обеспечению свободы вод Персидского залива. Это означало, что чем быстрее Британия укрепит свои позиции, тем лучше¹⁴²⁵.

К концу 1918 года, всего через несколько недель после окончания войны, Британия сумела добиться желаемого: премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж убедил премьер-министра Франции Клемансо изменить соглашение и передать Британии контроль над Мосулом

¹⁴²² Marling to Foreign Office, 24 December 1915, FO 371/2438/198432.

¹⁴²³ Hardinge to Gertrude Bell, 27 March 1917, Hardinge MSS 30.

¹⁴²⁴ Slade, 'The Political Position in the Persian Gulf at the End of the War', 4 November 1916, CAB 16/36.

¹⁴²⁵ Europäische Staats und Wirtschafts Zeitung, 18 Aug 1916, CAB 16/36.

и окружающими территориями. Это было сделано частично из-за страхов Британии встать на пути Франции в вопросе установления протектората над Сирией, а также из-за намеков на то, что Франция не верна в поддержке Британии в переговорах по вопросу Эльзаса-Лотарингии, которые должны были вскоре начаться. «Что вы хотите?» – прямо спросил Клемансо у Ллойда Джорджа в Лондоне. «Я хочу Мосул», – ответил премьер-министр Британии. «Он у вас будет. Что-нибудь еще?» «Да, – последовал ответ. – Я также хочу Иерусалим». Ответ был тем же: «Вы его получите». «Клемансо был честен и никогда не нарушал своего слова», – вспоминал высокопоставленный чиновник, который слушал Ллойда Джорджа¹⁴²⁶.

Целью британцев также стала Палестина из-за ее расположения, благодаря которому она могла служить буферной зоной, защищающей от посягательств на Суэцкий канал, который являлся одной из важнейших артерий империи и контроль над которым был установлен в 1888 году. Британские войска были отправлены в Багдад, чтобы подойти к Палестине с юга и, что менее вероятно, с востока, а летом 1917 года Томас Эдвард Лоуренс появился со стороны пустыни, чтобы захватить Акабу. Через несколько месяцев пал Иерусалим, несмотря на яростную контратаку седьмой и восьмой османской армий под предводительством генерала Фалькенхайна, который ранее, во время войны, был начальником штаба армии Германии. Британский генерал Эдмунд Алленби вошел в город пешком, отдавая дань уважения после захвата города, который британский премьер-министр позже назвал «рождественским даром британцам»¹⁴²⁷.

Палестина была важна по многим причинам. В Британии росла тревога вместе с увеличением еврейской иммиграции, причем число прибывающих из России в период между 1880 и 1920 годами увеличилось в пять раз. В начале двадцатого века началось обсуждение возможного предложения евреям эмигрантам селиться в Восточной Африке, но к тому времени как началась война, внимание переключилось на Палестину. В 1917 году письмо, написанное министром иностранных дел Артуром Бальфуrom лорду Ротшильду, просочилось в лондонский *The Times*. Там говорилось о том, что «Правительство Его Величества с одобрением (рассматривает) возможность создания в Палестине национального очага для евреев»¹⁴²⁸. Эта идея стала известна как Декларация Бальфура и была позже представлена Палате лордов как частичное решение большой и постоянной еврейской проблемы¹⁴²⁹.

Хотя отстаивание дома для европейских евреев, несомненно, привлекло внимание, Британия рассматривала Палестину как возможный объект нефтепромысла и удобное место для постройки конечной станции трубопровода, соединяющего Средиземноморье. Это могло сократить путь на тысячи миль, как впоследствии отмечали проектировщики, что может дать Британии «виртуальный контроль над тем, что могло оказаться богатейшим месторождением в мире»¹⁴³⁰. Было крайне важно, чтобы Британия имела сильные позиции в Палестине и контроль над Хайфой и ее хорошими, глубокими гаванями, которые делали ее идеальной для погрузки нефти на британские танкеры. Кроме того, трубопровод было гораздо легче подвести сюда, чем на север, в контролируемую французами Сирию.

Согласно британской стратегии, Хайфа представляла собой прекрасную станцию для переправления нефти по трубопроводу из Месопотамии. Так и вышло. К 1940 году больше 4

¹⁴²⁶ Hankey Papers, 20 December 1918; 4 December 1918 entry, 1/6, Churchill Archives Centre, Cambridge; E. P. Fitzgerald, 'France's Middle Eastern Ambitions, the Sykes-Picot Negotiations, and the Oil Fields of Mosul, 1915–1918', *Journal of Modern History* 66.4 (1994), pp. 694–725; D. Styan, *France and Iraq: Oil, Arms and French Policy-Making in the Middle East* (London, 2006), pp. 9–21.

¹⁴²⁷ A. Roberts, *A History of the English-Speaking Peoples since 1900* (London, 2006), p. 132.

¹⁴²⁸ *The Times*, 7 November 1917. О Сэмюэле см. S. Huneidi, *A Broken Trust: Herbert Samuel, Zionism and the Palestinians* (London, 2001).

¹⁴²⁹ Lord Balfour, House of Lords, 21 June 1922, Hansard, 50, pp. 1016–1017.

¹⁴³⁰ 'Report by the Sub-Committee', Imperial Defence, 13 June 1928, CAB 24/202.

миллионов тонн нефти проходило по трубопроводу, построенному после войны. Этого было достаточно, чтобы обеспечить весь средиземноморский флот. Журнал *The Times* назвал этот трубопровод «сонной артерией Британской империи»¹⁴³¹. Самая большая империя в мире получала огромные количества черного золота, которое доставлялось прямо из сердца мира.

К началу 1918 года все мысли обратились к формированию послевоенного мира и дележке военных трофеев. Проблема заключалась в разнице между сделками, которые заключали политики, вспыльчивые дипломаты и вооруженные картами и карандашами планировщики в европейских столицах, и реальностью на местах. Дележка территорий была отлично спланирована, интересы Британии и Франции должны были быть расширены и защищены, однако все стало гораздо сложнее, когда планы оказались нарушены.

Например, летом 1918 года британский генерал Лайонел Данстервиль получил приказ продвигаться из Северо-Западной Персии к Каспию, в то время как другие старшие офицеры были отправлены наблюдателями на Кавказ с целью удостовериться, что турки не установили контроль над месторождениями в Азербайджане, а также захватить регион к югу от Каспия или получить контроль над Закаспийской железной дорогой, которая вела к афганской границе. Это было классическое затягивание миссии, которая наверняка должна была обернуться катастрофой. Продвигающиеся турецкие войска окружили Баку, заперев Данстервиля внутри на шесть недель, прежде чем ему позволили уйти. После того как город сдался, последовали ужасные сцены кровопролития¹⁴³².

Паника охватила чиновников индийского управления в Лондоне. Они лихорадочно искали одобрения отправки людей в Центральную Азию с целью отслеживания того, что будет происходить после возрождения Турции и спада в России, – массовые беспорядки и демонстрации в Самаркандском районе, Ферганской долине и Ташкенте сыграли свою роль в революциях, вспыхивающих по всему миру¹⁴³³. «Эффективный контроль над местным населением в Туркменистане был прекращен, – писал государственный секретарь заместителю лорду Челмсфорду в начале 1918 года, – из-за распада центрального правительства в России и полного падения дисциплины в русской армии»¹⁴³⁴.

В ответ на предупреждение о том, что среди мусульманского населения региона стремительно разрастаются антибританские настроения, для наблюдения и проведения проанглийской пропаганды были направлены послы. Офицеры были отправлены в Кашгар и Мешхед, чтобы оценить настроения, и в это время начались неискренние разговоры о том, стоит ли посылать вооруженные силы в Афганистан и Ташкент, или осуществить более грандиозные планы по поощрению эмира Афганистана на расширение в западном направлении и захват окрестностей Муграба и Мерва¹⁴³⁵. Новые идеи, новое самосознание и новые стремления возникали по всей территории Украины, Кавказа и Центральной Азии после революции в России, отовсюду слышались требования самовыражения, если даже не самоопределения, которые становились все громче и громче.

Сложности возникли, когда те, кто захватил власть в России, обнаружили, что их мечты о международной революции в Европе сорвались, и обратили внимание на Азию. Троцкий, как обычно пышущий энтузиазмом, с удовольствием ухватился за идею культивирования

¹⁴³¹ *Time*, 21 April 1941; J. Barr, *A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that shaped the Middle East* (London, 2011), p. 163.

¹⁴³² A. Arslanian, 'Dunsterville's Adventures: A Reappraisal', *International Journal of Middle East Studies* 12.2 (1980), pp. 199–216; A. Simonian, 'An Episode from the History of the Armenian-Azerbaijani Confrontation (January – February 1919)', *Iran & the Caucasus* 9.1 (2005), pp. 145–158.

¹⁴³³ Sanborn, *Imperial Apocalypse*, pp. 175–183.

¹⁴³⁴ Secretary of State to Viceroy, 5 January 1918, цитируется по L. Morris, 'British Secret Missions in Turkestan, 1918–1919', *Journal of Contemporary History* 12.2 (1977), pp. 363–379.

¹⁴³⁵ См. Morris, 'British Secret Missions', pp. 363–379.

революционных настроений на Востоке. «Путь в Индию вполне может быть намного проще в текущих обстоятельствах и, более того, быстрее, чем тот, который ведет к Советской Венгрии», – писал он в меморандуме, который был распространен среди его соратников в 1919 году. «Путь в Париж и Лондон лежит через Афганистан, Пенджаб и Бенгалию»¹⁴³⁶.

Делегаты порабощенных народов Персии, Армении и Турции, так же как и народы Месопотамии, Сирии, Аравии и многие другие, были приглашены на конференцию в Баку в 1920 году, где один из главных большевистских демагогов не скупился на слова. «Мы столкнулись с задачей разжигания настоящей священной войны (против Запада)», – говорил он своим слушателям. Пришло время «научить народы Востока ненавидеть и сражаться против богатых». Это означало борьбу против русских, еврейских, немецких и французских богачей, чтобы организовать настоящую народную, священную войну, в первую очередь против «британского империализма»¹⁴³⁷. Настало время для разборок между Западом и Востоком.

Сообщение было услышано. Помимо чествования делегатов, предпринимались разнообразнейшие действия, например, Мухаммед Баракатулла написал элизию «Большевизм и исламские народы», что ускорило приход социализма в мусульманскую Азию.

По всей Центральной Азии были учреждены газеты, построены университеты и военные училища, чтобы удовлетворить потребности и радикализировать местное население¹⁴³⁸.

Советы продемонстрировали удивительную гибкость и были готовы найти компромисс с любым, кто мог помочь в их деле. Например, большевистское руководство не имело сомнений насчет начала переговоров с правителем Афганистана, королем Амануллою, после того как он пожелал дистанцироваться от британского влияния и собрался атаковать британцев в Индии, к востоку от Хайбера. Хотя военная конфронтация потерпела фиаско, режим большевиков был удовлетворен тем, что нашел союзника на Востоке, и направил предложение помощи вместе с уверениями в освобождении Востока от империализма, которые являлись основной частью революционной программы, но вряд ли полностью удовлетворяли правящего монарха.

Наглость и оппортунизм России вызвали сильную тревогу в Британии. The Times писал о большевистской угрозе Индии: «Большевистская угроза Индии: афганская ступень». Британские войска двинулись на север, в Афганистан. Среди них был молодой капрал по имени Чарльз Кавана. Недавно был обнаружен его дневник, в котором он описывал то, что видел, и который находит отклик у многих западных военных, служивших в этом регионе. Засады и атаки боевиков являлись ежедневной угрозой. Афганцы не брезговали переодеванием в женские платья, которые скрывали их лица и оружие. Кавана советовал избегать протягивать местным руку для рукопожатия: «Они схватят ее левой рукой, в то время как правой заколют вас»¹⁴³⁹.

В этот период предлагались самые разные варианты будущего, которое наступит после окончания войны. Наблюдалось определенное продвижение к самоопределению, которое по крайней мере на старте отстаивали большевики. «Организируйте свою жизнь по своему выбору, без всяких препятствий, – объявил Ленин. – У вас есть на это право. Знайте, что ваши права, так же как и права всего русского народа, защищены всей мощью революции»¹⁴⁴⁰. Это распространялось и на прогрессивные взгляды равенства полов: женщинам было дано право голоса в Киргизии, Туркмении, Украине и Азербайджане прежде, чем в Соединенном

¹⁴³⁶ L. Trotsky, Central Committee, Russian Communist Party, 5 August 1919, in J. Meijer (ed.), *The Trotsky Papers*, 2 vols (The Hague, 1964), 1, pp. 622, 624.

¹⁴³⁷ *Congress of the East, Baku, September 1920*, tr. B. Pearce (London, 1944), pp. 25–37.

¹⁴³⁸ L. Murawiec, *The Mind of Jihad* (Cambridge, 2008), pp. 210–223. В целом см. Ansari, 'Pan-Islam and the Making of Early Indian Socialism', *Modern Asian Studies* 20 (1986), pp. 509–537.

¹⁴³⁹ Corp. Charles Kavanagh, Unpublished diary, Cheshire Regiment Museum.

¹⁴⁴⁰ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сборник документов. Т. 2. – Ташкент, 1963–1972. – С. 571.

Королевстве. В Ташкенте в 1920 году появились плакаты, написанные на узбекском языке, изображающие четыре призрачные, укутанные фигуры. Плакаты призывали к эмансипации женщин: «Женщина! Прими участие в выборах в Совет!»¹⁴⁴¹

Эти первые постреволюционные прогрессивные шаги резко контрастировали с империалистическими настроениями в западных державах и их стремлением контролировать ресурсы, что считалось важным для национальных интересов. И никто не был более активен и агрессивен, чем британцы, которые прежде всего стремились контролировать нефтяные запасы. Пока Британия была уверена в своих войсках, у нее была фора и возможность устраивать все наиболее подходящим для себя образом. В случае с Месопотамией это было сделано путем создания новой страны, которой было дано название Ирак. Она была сформирована из бывших османских провинций, история, религия и география которых сильно различались: Басра на юге смотрела в сторону Индии и Персидского залива; Багдад был тесно связан с Персией; Мосул был естественным образом связан с Турцией и Сирией¹⁴⁴². Такое объединение не удовлетворило никого, кроме Лондона.

Это была весьма шаткая конструкция. Британцы помогли своему недавнему союзнику Фейсалу, наследнику шарифа Мекки, встать во главе, частично в качестве награды за его сотрудничество во время войны, частично в качестве компенсации за то, что его изгнали из Сирии, где ему изначально был обещан трон, и частично из-за отсутствия других очевидных кандидатов. Тот факт, что он был мусульманином-суннитом, в то время как население страны в основном состояло из шиитов, должно было сгладить введение новых национальных атрибутов, например, церемониала смены караула, нового флага (разработанного Гертрудой Белл) и соглашение, которое признавало «национальный суверенитет» Ирака, но обязывало правителей и их правительства обращаться в Британию «по всем важным вопросам», включая вопросы внешних связей и обороны. Приложения к этому соглашению давали Британии право осуществлять назначения в рамках судебной системы и направлять финансовых консультантов для управления экономикой страны¹⁴⁴³. Такое управление с делегированием полномочий было более выгодным с финансовой точки зрения, чем полноценная колонизация, а с учетом того что у Британии во время войны образовался огромный национальный долг, это также было выгодно и в политическом плане. Более 2000 британских солдат было убито во время восстаний и гражданских волнений в Месопотамии в 1920 году¹⁴⁴⁴.

Определенные усилия были предприняты, чтобы получить такой же контроль над Персией. В 1919 году было подписано соглашение, которое позволяло британским консультантам управлять финансами и вооруженными силами, в также контролировать инфраструктурные проекты.

В Персии и некоторых других местах такая схема не сработала. Британия владела контрольным пакетом акций Анго-Персидской нефтяной компании, и Россия и Франция были обеспокоены тем, что контроль Британии над Персией был слишком сильным. Взятки (или комиссионные), выплаченные для того, чтобы соглашение было заключено, вызвали волны протеста в Персии, направленные в том числе против самого шаха. «Бог осудит к вечному позору того, кто предал землю Сасанидов, — писал один известный поэт, ссылаясь на слав-

¹⁴⁴¹ Копия плаката представлена в работе D. King, *Red Star over Russia: A Visual History of the Soviet Union from 1917 to the Death of Stalin* (London, 2009), p. 180.

¹⁴⁴² M. MacMillan, *Peacemakers: Six Months that Changed the World* (London, 2001), p. 408.

¹⁴⁴³ Treaty with HM King Faisal, 20 October 1922, Command Paper 1757; Protocol of 30 April 1923 and Agreements Subsidiary to the Treaty with King Faisal, Command Paper 2120. Что касается новых церемоний, см. E. Poteh, 'From Indifference to Obsession: The Role of National State Celebrations in Iraq, 1921–2003', *British Journal of Middle Eastern Studies* 37.2 (2010), pp. 185–186.

¹⁴⁴⁴ B. Busch, *Britain, India and the Arabs, 1914–1921* (Berkeley, 1971), pp. 408–410.

ное прошлое Персии. – Скажи же ревностный и длиннорукий Артаксеркс, враг присоединил твои земли к Англии»¹⁴⁴⁵. Однако такие критики быстро оказывались в тюрьме¹⁴⁴⁶.

Народный комиссар по иностранным делам формирующегося Советского Союза тоже отреагировал достаточно бурно: он отмечал, что Британия «пытается захватить персидский народ в рабство». Это позор, заявил он, что правители страны «продали вас английским грабителям»¹⁴⁴⁷. Реакция Парижа была несколько другой. Франция оказалась не готова к сражению за нефть и буквально сразу сдала Мосул. Французы давили на своих же советников, чтобы занять более твердую позицию в Тегеране и защищать интересы страны. Это вызвало вспышку гнева лорда Керзона, который едва мог сдерживать свою ярость, когда его спросили, одобрит ли он такие назначения. Персия, как сказал он Полю Камбону, послу Франции в Лондоне, была «спасена от полного банкротства только при помощи Великобритании». Франция должна заняться своими делами¹⁴⁴⁸.

Реакция Франции была более яростной и горькой. Были выделены деньги на антибританскую пропаганду в персидской прессе, а дома выходили статьи, нацеленные на англо-персидское соглашение и самого шаха. Этот полусантиметровый карлик, как говорил Фигаро, в части широко цитируемой в Тегеране, «продал свою страну за один сантим»¹⁴⁴⁹. Французы, которые были на стороне победителей в войне, оказались побежденными своими же союзниками.

На самом деле британцы находились в замешательстве от финансовых запросов шаха, он выставлял требования еще более часто, чем до войны. Также наблюдалась проблема с принцем Фарман Фармой, чье назначение на пост премьер-министра оказалось не настолько успешным, как надеялись британцы. Отчеты, направляемые в Лондон, свидетельствовали о его нежелании «работать честно», а также его «алчности», и это делало его пребывание на должности невозможным¹⁴⁵⁰. Требовалась более надежная фигура.

Приходит час, приходит и человек. Реза Хан был «крепко сбитым, ширококостным человеком, ростом выше среднего», писал в отчете сэр Перси Лорейн, британский представитель в Тегеране в 1922 году.

Хан сразу переходит к сути вопроса, говорилось в отчете, «не тратя время на обмен совершенно бесполезными комплиментами, столь дорогими сердцу персов». Несмотря на то что он был явно «невежественен и необразован», Лорейн был впечатлен: «В разговоре с ним у меня сложилось мнение, что у него нетренированный, но отнюдь не пустой мозг». Это была просто музыка для ушей министра иностранных дел. «Оценка Резы Хана, данная сэром Лорейном, весьма обнадеживает, – писал один из чиновников в Лондон. – Он, конечно, не лишен недостатков своих соотечественников, но его сердце, кажется, на нужном месте». Его происхождение также всех устроило. То, что он был наполовину европейцем по материнской линии, говорило в его пользу, как гласил еще один отчет. Вскоре он был признан человеком, с которым можно иметь дело¹⁴⁵¹.

Он казался сильным и бесстрашным человеком, который переживал за свою страну, говорил сэр Эдмунд Айронсайд, командующий британскими вооруженными силами, направленными на защиту Северной Персии и для устранения растущих опасений по поводу

¹⁴⁴⁵ H. Katouzian, 'The Campaign against the Anglo-Iranian Agreement of 1919', *British Journal of Middle Eastern Studies* 25.1 (1998), p. 10.

¹⁴⁴⁶ H. Katouzian, 'Nationalist Trends in Iran, 1921–1926', *International Journal of Middle Eastern Studies* 10.4 (1979), p. 539.

¹⁴⁴⁷ Цитируется по H. Katouzian, *Iranian History and Politics: The Dialectic of State and Society* (London, 2003), p. 167.

¹⁴⁴⁸ Curzon to Cambon, 11 March 1919, FO 371/3859.

¹⁴⁴⁹ См. Katouzian, 'The Campaign against the Anglo-Iranian Agreement', p. 17.

¹⁴⁵⁰ Marling to Foreign Office, 28 February 1916, FO 371/2732. Также см. D. Wright, 'Prince #Abd ul-Husayn Mirza Framan-Farma: Notes from British Sources', *Iran* 38 (2000), pp. 107–114.

¹⁴⁵¹ Loraine to Curzon, 31 January 1922, FO 371/7804.

планов России на Каспийское море. Какую именно поддержку британцы оказали Резе Хану и какую роль они сыграли в том, что он стал серым кардиналом и в конце концов шахом в 1925 году, до сих пор горячо обсуждается. В то время, однако, немногие сомневались в способности Англии влиять на вопросы подбора кандидатов на престол¹⁴⁵². Американский представитель в Тегеране, Джон Колдуэлл, отметил, что Реза был настолько близок к британцам, что сам стал «практически шпионом»¹⁴⁵³.

Неудивительно, что американцы также уделяли большое внимание этой части света. В докладе, направленном в центр планирования Американского военно-морского флота в 1918 году, говорилось о том, что Соединенным Штатам необходимо приготовиться к коммерческому соперничеству с Британией. Там также было высказано мнение о том, что «в мире появились четыре великие державы, которые могли посоревноваться с Великобританией за коммерческое превосходство». Британия обошла Испанию, Голландию, Францию и Германию. Соединенные Штаты стали «пятой силой, самой большой из всех...». Исторические прецеденты предупреждали о том, с чем могла столкнуться Британия¹⁴⁵⁴. Важность нефтяных месторождений означала, что к этой части света нужно было присмотреться повнимательнее.

Учитывая растущую озабоченность Соединенных Штатов собственными нефтяными запасами, это было особенно верно. Так же как Британия переживала о ресурсах до начала войны, в Америке нарастало беспокойство об их нехватке уже после ее завершения.

Рост потребления стал причиной беспокойства, особенно после того как были оценены запасы нефти. По словам главы геологической службы Соединенных Штатов, они должны были закончиться через девять лет и три месяца. Нехватка «необходимого запаса в стране и за границей» представляла большую проблему, отмечал президент Вильсон¹⁴⁵⁵.

По этой причине госдепартамент призвал Standard Oil, ведущего производителя Америки, рассмотреть возможность заключения соглашения с правительством Персии на освоение нефтяных ресурсов на севере Персии, так как этот регион не был охвачен англо-персидской концессией¹⁴⁵⁶. Интерес США вызвал восторженную реакцию в Тегеране: Британия и Россия вмешивались в дела Персии достаточно долго, заявлял репортер местной газеты, постоянно ставя под угрозу независимость страны. Соединенные Штаты, новая, зарождающаяся империя виделась идеальным рыцарем в сияющих доспехах. «Если американцы, учитывая их богатство, установят экономические отношения с нашей страной, – гласила одна из газетных статей, – мы можем быть уверены, что наши ресурсы будут освоены и мы более не останемся в нищете»¹⁴⁵⁷. Большие ожидания широко распространились по всей стране: телеграммы в столицу, одобряющие перспективу американских инвестиций, поступали щедрым потоком. Американский представитель в Тегеране с удивлением отметил, что они были подписаны «муллами, знатно, государственными чиновниками и купцами»¹⁴⁵⁸.

Британцы отреагировали злобно, заявив госдепартаменту в недвусмысленных выражениях, что американский интерес к Персии не только нежелателен, но и незаконен. Хотя

¹⁴⁵² M. Zirinsky, 'Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926', *International Journal of Middle East Studies* 24.4 (1992), pp. 639–663.

¹⁴⁵³ Caldwell to Secretary of State, 5 April 1921, in M. Gholi Majd, *From Qajar to Pahlavi: Iran, 1919–1930* (Lanham, MA, 2008), pp. 96–97.

¹⁴⁵⁴ 'Planning Committee, Office of Naval Operations to Benson', 7 October 1918, in M. Simpson (ed.), *Anglo-American Naval Relations, 1917–1919* (Aldershot, 1991), pp. 542–543.

¹⁴⁵⁵ Цитируется по Yergin, *The Prize*, p. 178.

¹⁴⁵⁶ Цитируется по M. Rubin, 'Stumbling through the "Open Door": The US in Persia and the Standard-Sinclair Oil Dispute, 1920–1925', *Iranian Studies* 28.3/4 (1995), p. 206.

¹⁴⁵⁷ Там же, p. 210.

¹⁴⁵⁸ Там же.

спорный регион не относился к владениям Англо-Персидской компании, британцы заявили, что он был объектом отдельного соглашения между Персией и Россией, которое не было должным образом оформлено. Таким образом, права на исследования не могли быть проданы американцам или кому бы то ни было еще. Однако в конечном итоге это оказалось бессмысленно, так как персы дали Standard Oil пятидесятилетнюю концессию¹⁴⁵⁹.

Уже не впервые попытки американцев провалились. Персы надеялись на то, что американцы предложат альтернативу британскому влиянию в регионе. Тем не менее, с практической точки зрения, следовало заключить договор с Англо-Персидской компанией, чтобы получить доступ к трубопроводам.

Более того, к тому времени как начались переговоры, надежда персов сменилась разочарованием. Американцы оказались «бóльшими британцами, чем сами британцы», – отмечал персидский представитель в Вашингтоне, и это был не комплимент. Как оказалось, возмущался один из издателей «Тегеранской газеты», США и Британия – одно и то же: обе эти страны «поклоняются золоту и душат слабых», они одержимы продвижением своих собственных интересов и «пытались поделить главную драгоценность нации, запасы нефти, и забрать их у ребячливых персидских политиков»¹⁴⁶⁰.

Эта история была очень похожа на ту, что произошла во время открытия Америки 400 лет назад. Пока местное население не уничтожалось таким же образом, как это делали испанцы, но в остальном ситуация повторялась: экспроприация местных ценностей и отправка их на другой континент с минимальной выгодой для местного населения. Наблюдались и другие параллели с тем, что произошло после того, как Колумб пересек Атлантику. Испания и Португалия поделили целый мир, подписав в 1494 году Тордесильяский договор и Сарагосский тридцать лет спустя. Точно так же поступили западные державы, когда поделили между собой ресурсы земель, находящихся между Средиземноморьем и Центральной Азией.

Территории, отмеченные на карте цветным карандашом, стали основой договоренности между британцами и французами, известной как «Соглашение о красной линии», которое поделило запасы нефти между Англо-Персидской компанией и компанией Turkish Petroleum (в которой Англо-Персидская компания, а соответственно, и британское правительство, имела контрольный пакет акций), с формальным условием не залезать на чужую территорию. Это было важно для Франции, которая стремилась укрепить свои позиции в Леванте из-за длительной истории торговых связей и значительных коммерческих инвестиций, направляемых сюда на протяжении десятилетий. Подобно иберийским державам, Франция и Британия поделили контроль над активами и добычу, на которую они заявили права. Начиналась новая эра империй.

Проблема заключалась в том, что эти новые империи сразу же столкнулись с тем, что мир полностью изменился, и менялся он быстро. Разрабатывать сложные планы и пытаться установить британский контроль над нефтью и трубопроводами было прекрасно, но за это нужно было заплатить свою цену. Учитывая рост государственного долга Британии, начались болезненные и сложные разговоры о расходах на содержание вооруженных сил, необходимых для более эффективного управления империей.

Огромные траты, как писал лорд Керзон, «не могут длиться вечно». К этому выводу пришел и Черчилль, в то время колониальный секретарь, который понял, что все, что происходит на Среднем Востоке, вторично для уменьшения расходов¹⁴⁶¹.

¹⁴⁵⁹ Там же, р. 209.

¹⁴⁶⁰ Там же, р. 213.

¹⁴⁶¹ M. Gilbert, *Winston S. Churchill*, 8 vols (London, 1966–1988), 4, p. 638.

Это несоответствие между желаниями и возможностями было рецептом настоящей катастрофы. Положение только усугублялось упрямством старших дипломатов. Британский министр в Тегеране, например, продолжал помыкать персами, называя их «вонючим» и «изворотливым скотом». Тем временем в Багдаде представитель из Лондона сносил дома, чтобы расширить сад британского посольства. По мнению одного из наблюдателей, это «несомненно улучшило и так прекрасную резиденцию». Иракцы же отнеслись к этому крайне негативно¹⁴⁶². Во всем этом сквозила высокомерность и уверенность в собственном праве. Настоящее и будущее этих стран, несомненно, находилось в руках британцев. Власть принадлежала политикам, которым не было никакого дела до интересов местного населения. Они были сосредоточены на стратегических и экономических приоритетах Британии. Только в 1920-х годах британцы участвовали напрямую или оказывали содействие установлению новой власти в Ираке, Персии и Афганистане, также они были вовлечены в переговоры о титуле короля Египта и последовавшую в 1922 году борьбу за независимость¹⁴⁶³.

Неизбежно это приводило к большим проблемам, которые со временем становились катастрофическими. Гертруда Белл была права, когда еще в 1919 году предсказывала «ужасную путаницу», которая начнется на Ближнем Востоке. Предполагаемый сценарий был похож на «кошмар, в котором можно усмотреть все ужасные вещи, которые должны были случиться и которые невозможно было предотвратить»¹⁴⁶⁴. Решая, кого поддержать и куда вторгаться, Британия начала опасную игру.

Нарушенные обещания, разочарование царили на всей территории Леванта и в землях дальше на восток. Обязательства по поддержке, оказанию помощи и защите местного населения уступили место поощрению и защите коммерческих интересов Британии, даже если это означало разделение территории согласно новым, искусственным границам или уничтожение целых общин, например, христианских ассирийцев в Ираке, которые обнаружили, что находятся в крайне уязвимом положении во время раздела территории после окончания Первой мировой войны¹⁴⁶⁵.

В целом обстановка в Ираке была катастрофической. Новый феодализм укоренился очень глубоко. Магнаты отхватили большие куски Османского государства в обмен на поддержку британского мандата – снижение социальной активности, углубление социального неравенства и разжигание недовольства. Сельскохозяйственные общины потеряли права на землю и средства к существованию. В иракской провинции Кут две семьи сумели всего за три десятилетия получить больше полумиллиона акров земли между ними¹⁴⁶⁶. Примерно то же самое происходило и в Персии, где богатство формировалось на основе доходов от нефти и находилось в руках шаха и его окружения. В этой связи тот факт, что британское правительство владело контрольным пакетом акций Англо-Персидской нефтяной компании, которая к 1920-м годам получала более половины всех доходов в стране, привел к усилению антибританских настроений и волне национализма.

Это также было признаком того, что антиколонистические настроения набирали обороты по всей империи. В 1929 году в Индии во время Лахорской сессии Национального конгресса Индии была принята «Декларация независимости» (Purna Swaraj). «Британское правительство в Индии не только лишило граждан Индии свободы, но и эксплуатировало

¹⁴⁶² См. M. Zirinsky, 'Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926', *International Journal of Middle East Studies* 24.4 (1992), p. 650; H. Mejer, *Imperial Quest for Oil: Iraq 1910–1928* (London, 1976), p. 49.

¹⁴⁶³ О Египте см. A. Maghraoui, *Liberalism without Democracy: Nationhood and Citizenship in Egypt, 1922–1936* (Durham, NC, 2006), pp. 54–55.

¹⁴⁶⁴ Цитируется по M. Fitzherbert, *The Man Who was Greenmantle: A Biography of Aubrey Herbert* (London, 1985), p. 219.

¹⁴⁶⁵ S. Pedersen, 'Getting Out of Iraq – in 1932: The League of Nations and the Road to Normative Statehood', *American Historical Review* 115.4 (2010), pp. 993–1000.

¹⁴⁶⁶ Y. Ismael, *The Rise and Fall of the Communist Party of Iraq* (Cambridge, 2008), p. 12.

народ», – говорилось к декларации. Индия была разрушена и «должна немедленно разорвать связи с Британией и получить... полную независимость». Настало время гражданского неповиновения¹⁴⁶⁷.

Такие последствия – коктейль из разочарования, отвращения и бесправия – могли проявиться и в другом месте. Растущее разочарование на Среднем Востоке было также обусловлено тем, что доходы от нефтяных месторождений уже не казались столь недостижимыми. Западные нефтяные корпорации, которые контролировали выдачу концессий, были изворотливы и креативны в том, что касалось выплат. Так же, как и в современном мире, была создана сеть дочерних компаний с целью использования внутренних кредитов, создания убытков, которые могли привести к уменьшению прибыли управляющих компаний или даже сведению их к нулю, таким образом существенно снижались подлежащие выплате, согласно концессионному соглашению, суммы. В газетах появились сердитые статьи об «иностранцах, которым позволяли разграблять нефтяные запасы страны и намеренно занижать причитающиеся Персии доходы путем предоставления незаконных освобождений от таможенных пошлин». По крайней мере, в Персии дела шли не так плохо, как в соседнем Ираке, который в то время был колонией во всем, кроме названия¹⁴⁶⁸.

Чтобы попытаться предотвратить растущую волну народного гнева, правление Англо-Персидской компании занялось полномасштабным очаровыванием. Оно обещало новые выгоды, начиная с возможностей получения образования и улучшения дорог и заканчивая увеличением выплат. Несправедливо, жаловались высокопоставленные персы, что у персидского правительства нет долей в бизнесе. «Персы, – отмечал один очевидец, – почувствовали, что индустрия развивается на их земле, а у них нет никаких реальных доходов»; они настаивали на том, что это не вопрос денег, так как ни одна финансовая награда не может развеять это чувство отчуждения¹⁴⁶⁹. Председатель Англо-Персидской компании, учтивый сэр Джон Кэдман, призывал к спокойствию, сообщая своим визави за столом переговоров, что нагнетать атмосферу и создавать «ошибочное и тягостное впечатление» того, что бизнес ведется несправедливо и в нем отсутствует равноправие, совсем не в интересах прессы¹⁴⁷⁰. Отлично, ответили ему, в интересах всех – партнерство. То, что происходит сейчас, – не более чем эксплуатация¹⁴⁷¹.

Длительные дискуссии о том, как изменить условия концессии Нокса Д'Арси, не привели ни к чему. В конце концов персы сдались. Еще до 1929 года обнаружение нефти в Мексике и Венесуэле (разработками в Венесуэле руководил Джордж Рейнолдс, который занимался всеми скважинами в Месджеде-Сoleyмане) привело к глобальному изменению цен на нефть. После того как случился обвал на Уолл-стрит, что привело к сильному снижению спроса, персы взяли все в свои руки. Наконец, в ноябре 1932 года произошло значительное снижение выплат. Продолжались финансовые махинации, в ходе которых удерживались значительные суммы, причитающиеся Тегерану. Шах объявил о немедленном прекращении действия концессии Нокса Д'Арси.

Британские дипломаты жаловались, что это позор. «Если мы не поймем обстановку сейчас, – говорил один из высокопоставленных чиновников, – у нас будут большие проблемы с персами в будущем»¹⁴⁷². Декларация была «вопиющим» преступлением, отмечал

¹⁴⁶⁷ О декларации Purna Swaraj – M. Gandhi, *The Collected Works of Mahatma Gandhi*, 90 vols (New Delhi, 1958–1984), 48, p. 261.

¹⁴⁶⁸ Цитируется по Ferrier and Bamberg, *British Petroleum*, pp. 593–594.

¹⁴⁶⁹ 'A Record of the Discussions Held at Lausanne on 23rd, 24th and 25th August, 1928', BP 71074.

¹⁴⁷⁰ Cadman to Teymouratche, 3 January 1929, BP 71074.

¹⁴⁷¹ Young report of Lausanne discussions, BP H16/20; также см. Ferrier and Bamberg, *British Petroleum*, pp. 601–617.

¹⁴⁷² Vansittart minute, 29 November 1932, FO 371/16078.

другой¹⁴⁷³. В глазах британцев контракт, заключенный тридцать лет назад, не мог быть отменен, несмотря ни на что. Несомненно, открытие нефтяного бизнеса в первую очередь было связано с определенными финансовыми рисками и требовало инвестиций для создания инфраструктуры, которая позволила бы эксплуатировать месторождения.

Однако богатства, которые можно было получить в результате, были просто огромны. И возмущения просто игнорировались, в духе банковских скандалов двадцать первого века. Интересы Англо-Персидской компании были слишком велики, чтобы она потерпела неудачу.

В данном случае, однако, процесс стабилизации ситуации проходил достаточно быстро, в основном потому, что Персия обладала необходимым для переговоров инструментом, который был способен прекратить производство и инициировать дополнительные переговоры. Весной 1933 года было подписано новое соглашение. Делегация персов встретилась с руководителями нефтяных компаний в отеле Бо Риваж в Женеве и объяснила, что ей известно об условиях соглашения насчет нефти в Ираке, и потребовала, чтобы условия их соглашения были по крайней мере равны иракским. Изначальное предложение, которое предполагало уступку 25 % акций Англо-Персидской компании, что гарантировало ежегодный доход, долю в прибыли и место в правлении, было отклонено сэром Джоном Кэдманом как нелепое и неисполнимое¹⁴⁷⁴.

Хотя последовавшие переговоры проходили в достаточно теплой атмосфере, стало ясно, что попытки избежать серьезных пересмотров провалятся. К апрелю 1933 года было заключено новое соглашение. Большое внимание было уделено «персинизации» нефтяного бизнеса, что означало, что местных привлекали к бизнесу на всех уровнях, от руководящего состава до низких позиций. Регион, открытый для концессий, был существенно уменьшен – до четверти изначального размера, хотя самый сладкий кусок был оставлен. При расчете выплат не учитывались колебания цен на нефть, была установлена четкая минимальная ежегодная ставка, независимо от уровня производства и рыночных цен. Правительство Персии получило долю в Англо-Персидской компании, что сулило большие выгоды. Кэдман не стал комментировать слова персидских переговорщиков, которые сказали, что он должен рассматривать новое соглашение как «личный триумф и триумф его коллег». Его реакцию можно понять из записей: «Я чувствовал, что нас обообрали»¹⁴⁷⁵.

Персы и прочие наблюдатели увидели во всей этой истории другую мораль. Урок заключался в том, что, несмотря на все бахвальство, позиции Запада в переговорах оказались слабыми. Обладатели ресурсов держат руку на пульсе событий и могут заставить тех, кому были выданы концессии, сесть за стол переговоров. Запад мог жаловаться сколько угодно, но оказалось, что их действия на девять десятых соответствовали букве закона.

Это стало одной из ключевых тем второй половины XX века. В Азии возникли совершенно другие связи. Сеть охватывала не только города и оазисы, но и трубопроводы, которые соединяли скважины с Персидским заливом, а к 1930-м годам – со Средиземноморьем. По этим путям ресурсы и богатства поступали в порты Хайфы и Абадана, в котором более пятидесяти лет находились самые большие в мире нефтеперерабатывающие заводы.

Контроль этой сети был чрезвычайно важен. Британцы поняли это еще до начала Первой мировой войны. Для оптимистов все выглядело радужно. В конце концов, несмотря на пересмотр концессий в 1933 году, в этой части света были установлены крепкие связи. Кроме того, все еще оставались страны, в которых запасы ресурсов были огромны, сотрудничество с ними сулило многое, и, несомненно, у Британии были преимущества перед остальными.

¹⁴⁷³ Hoare to Foreign Office, 29 November 1932, FO 371/16078.

¹⁴⁷⁴ Lord Cadman's Private Diary, BP 96659/002.

¹⁴⁷⁵ Cadman, Notes, Geneva and Teheran, BP 96659.

Реальность, однако, была такова, что все сильно изменилось. Мощь и влияние Запада уменьшились и, казалось, все еще продолжают уменьшаться. Была цена, которую нужно было заплатить за вмешательство в местные дела. Была цена за расширение садов посольства, и была своя цена за игру не по правилам. Эта цена заключалась в дурных предчувствиях и недоверии.

В 1920 году, когда облик Ближнего и Среднего Востока стал яснее, в Багдаде за обедом встретились две совершенно отличные точки зрения. Одним из собеседников была деятельная и умная Гертруда Белл, которая еще в начале Первой мировой войны была завербована в военную разведку и, кроме того, являлась блестящим знатоком арабской политики. Она сообщила Джафару аль-Аскари, который должен был вскоре стать премьер-министром новой страны – Ирака, что «британцы дадут им полную независимость». «Госпожа, – ответил он, – полная независимость не дается никогда, но часто забирается»¹⁴⁷⁶. Главной задачей для таких стран, как Ирак и Персия, стало освобождение от внешнего вмешательства, чтобы они имели возможность самостоятельно определять свою судьбу. Задачей Британии было предотвратить это. Назревал конфликт. Однако сначала произошла другая катастрофа, как и прежде из-за борьбы за контроль над ресурсами, правда, на этот раз в центре конфликта была не нефть, а пшеница.

¹⁴⁷⁶ G. Bell, *Gertrude Bell: Complete Letters* (London, 2014), p. 224.

19. Пшеничный путь

Британский журнал «Homes & Gardens» издавна гордился своим положением, находясь на переднем крае интерьерного дизайна. «Сочетание красивых деталей в по-настоящему великолепных домах и садах, советы экспертов и практическая информация, – заявлял журнал в своем недавнем рекламном тексте, – универсальный ключ к оформительскому вдохновению». Ноябрьский выпуск 1938 года расточал похвалы горному убежищу, отделанному с альпийским шиком. «Все в этом светлом, просторном шале выполнено в светло-нефритовой гамме», – писал корреспондент, растроганный любовью к цветам, которую выказывал хозяин, самостоятельно спроектировавший, украсивший и обставивший здание. Его акварельные наброски висели в гостевых спальнях рядом со старинными гравюрами. «Речистый балагур», этот человек любил общество «ярких иностранцев, в особенности художников, музыкантов и певцов» и частенько приглашал местные дарования сыграть пьесу-другую Моцарта или Брамса после обеда.

Человека, так впечатлившего автора статьи, звали Адольф Гитлер¹⁴⁷⁷.

Девятью месяцами позже, 21 августа 1939-го, на телефонную станцию, которая, как сообщал «Homes & Gardens», располагалась рядом с приемной фюрера и позволяла ему держать связь с друзьями и подчиненными, поступил долгожданный звонок. Гитлер получил послание за ужином. Как вспоминает очевидец, «он прочел, на мгновение уставился в пространство, а затем густо покраснел и хлопнул по столу так, что задребезжали бокалы». Он повернулся к гостям и возбужденно воскликнул: «Они мои! Мои!»¹⁴⁷⁸

Затем принялся за еду, представленную, без сомнения, как обычно «внушительным разнообразием вегетарианских блюд, сытных и вкусных, приятных равным образом желудку и языку» (как восхищался корреспондент «Homes & Gardens» годом раньше), приготовленных его личным поваром Артуром Канненбергом (часто по вечерам оставлявшим кухню, чтоб сыграть на аккордеоне)¹⁴⁷⁹.

После еды Гитлер собрал гостей вместе и объявил, что записка в его руках – желанный ответ Москвы. Сталин, единоличный властелин Советского Союза, соглашался подписать договор о ненападении с Германией. «Я надеюсь, – гласило сообщение, – что [это] приведет к улучшению отношений между нашими странами»¹⁴⁸⁰. На третий вечер после объявления этих новостей Гитлер и его свита стояли на террасе, глядя на долину внизу. «Лучшей постановки финала «Гибели богов» и представить было нельзя», – заметил рейхсминистр Альберт Шпеер¹⁴⁸¹. По иронии судьбы, экстраординарное соглашение было вызвано международной политикой Британии и Франции. Обе они отчаянно пытались найти способ сдержать нового рейхсканцлера, встревоженные высотой его ставок в политическом покере 1930-х годов, но не слишком успешно. Настолько, что Муссолини признался своему министру иностранных дел графу Чиано, что политики и дипломаты Британии «не из того теста, Френсис Дрейк и другие замечательные авантюристы создали империю, но усталые потомки многих поколений знати ее развалят»¹⁴⁸². В результате оккупации Германией Чехословакии ситуация обост-

¹⁴⁷⁷ Hitler's Mountain Home', *Homes & Gardens*, November 1938, pp. 193–195.

¹⁴⁷⁸ A. Speer, *Inside the Third Reich*, tr. R. and C. Winston (New York, 1970), p. 161.

¹⁴⁷⁹ Там же; об игре Канненберга на аккордеоне – C. Schroder, *Er War mein Chef. Aus den Nachlaß der Sekretärin von Adolf Hitler* (Munich, 1985), pp. 54, 58.

¹⁴⁸⁰ R. Hargreaves, *Blitzkrieg Unleashed: The German Invasion of Poland* (London, 2008), p. 66; H. Hegner, *Die Reichskanzlei 1933–1945: Anfang und Ende des Dritten Reiches* (Frankfurt-am-Main, 1959), pp. 334–337.

¹⁴⁸¹ Speer, *Inside the Third Reich*, p. 162.

¹⁴⁸² M. Muggeridge, *Ciano's Diary, 1939–1943* (London, 1947), pp. 9–10.

рилась. Днем 31 марта 1939 года премьер-министр Невилл Чемберлен выступил в Палате общин: «В случае любых действий, прямо угрожающих независимости Польши, – торжественно заявил он, – правительство Его Величества чувствует себя обязанным всеми силами оказывать поддержку польскому правительству. Мы гарантируем это. Я также должен добавить, что уполномочен правительством Франции дать понять, что оно занимает ту же позицию, что и правительство Его Величества»¹⁴⁸³. Эти гарантии безопасности на деле оказались смертным приговором. Хотя премьер-министр и сказал в Палате общин, что министр иностранных дел тем же утром встретился с советским послом Иваном Майским, чтобы уладить разногласия, предложенные Польше гарантии запустили цепь событий, ведущую прямо на пшеничные поля Украины и южной России. В борьбе должны были погибнуть миллионы¹⁴⁸⁴.

Предполагалось завлечь Германию в патовые условия, парализуя угрозой войны любое ее движение в адрес восточного соседа. На деле же Гитлер сразу понял, ему сдали козырь, хоть и требующий удивительной наглости, чтоб им сыграть: это был шанс на сделку с коммунистическим Советским Союзом. Хотя СССР и был злейшим врагом Германии по многим причинам, внезапно появилась точка соприкосновения, которую обеспечило вмешательство Британии и других стран. Сталин тоже правильно понимал расклад. У него тоже появилась возможность, которая требовала невероятной наглости, – прийти к соглашению с Гитлером. Идея альянса между этими государствами была нереальной, неправдоподобной. С тех пор как Гитлер был избран в 1933 году, отношения между Германией и СССР резко обострились, вплоть до саркастических медиакампаний, в рамках которых каждая сторона изображала другую беспощадной, демонической и опасной. Торговля практически прекратилась: в 1932 году доля Германии в советском импорте составляла до 50 %, а через шесть лет она упала ниже 5 %¹⁴⁸⁵. Однако гарантии, данные Польше, наконец позволили противникам найти нечто общее: желание уничтожить зажатое между ними государство¹⁴⁸⁶. Весной 1939 года взметнулся шквал дипломатической активности. Исполняющий обязанности советского посла в Берлине и ведущий германский эксперт по Восточной Европе встретились, чтобы подготовить почву для улучшения отношений и определить области потенциального сотрудничества, включая возобновление торговли. Переговоры быстро продвигались и получили продолжение в Москве, где их вели германский посол и новый нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, предшественник которого Максим Литвинов был снят с должности из-за еврейского происхождения (недопустимый недостаток, если договариваться с антисемитским германским режимом). Литвинов, «выдающийся еврей», как писал Уинстон Черчилль, «будучи объектом германской неприязни, был выброшен, как поломанный инструмент, вылетел с мировой дипломатической арены к безвестности, нищете и полицейскому надзору»¹⁴⁸⁷. К лету дошло до того, что рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп посылал в Москву сообщения, в которых объяснялось, что значительные различия между национал-социализмом и коммунизмом «недостаточны для вражды между странами».

«При желании вести диалог, – писал он, – дальнейшее сближение возможно». Суть проблемы состояла в Польше: можно ли достигнуть соглашения о разделе Польши между ними?¹⁴⁸⁸ Этот вопрос Сталин рассматривал лично. Польша была камнем преткновения со времен революции. С одной стороны, версальские мирные соглашения подарили полякам

¹⁴⁸³ House of Commons Debate, 31 March 1939, Hansard, 345, 2415.

¹⁴⁸⁴ Там же, 2416; см. G. Roberts, *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler* (London, 1989); R. Moorhouse, *The Devil's Alliance: Hitler's Pact with Stalin* (London, 2014).

¹⁴⁸⁵ L. Bezymenskii, *Stalin und Hitler. Pokerspiel der Diktatoren* (London, 1967), pp. 186–192.

¹⁴⁸⁶ J. Herf, *The Jewish Enemy: Nazi Propaganda during World War II and the Holocaust* (Cambridge, MA, 2006).

¹⁴⁸⁷ W. Churchill, *The Second World War*, 6 vols (London, 1948–1953), 1, p. 328.

¹⁴⁸⁸ Bezymenskii, *Stalin und Hitler*, pp. 142, 206–209.

ряд земель, которые были русскими до 1914 года; с другой – Польша предпринимала военные действия, которые угрожали становлению власти большевиков после 1917 года. Страх перед польскими шпионами был обычным и частым поводом для советских чисток 1930-х годов, которые включали миллионы арестов и сотни тысяч казней. Менее чем за два года до начала переговоров с Германией Сталин лично подписал приказы о «ликвидации шпионской сети польской военной организации», в ходе которой были арестованы десятки тысяч человек, из которых четыре пятых были расстреляны¹⁴⁸⁹. Его ответ на германское предложение сотрудничества не только по поводу Польши был позитивным и ободряющим. Он последовал немедленно. Через два дня после ответа два самолета Фокке-Вульф «Кондор» приземлились в Москве, прилетевшие на них были встречены советским почетным караулом и двумя рядами знамен, трепещущих на ветру. Половина несла изображения серпа и молота, орудий рабочих и крестьян – несомненный символ коммунизма. Остальные держали знамена Третьего рейха, разработанные самим Гитлером. Как он объяснял в «Mein Kampf»: красный цвет представляет социалистическую идею движения, белый – националистическую идею, а свастика – миссию борьбы за триумф арийской расы¹⁴⁹⁰. Являя собой один из наиболее экстраординарных и неожиданных видов XX века, флаги коммунизма и фашизма развевались бок о бок, пока германцы сходили с самолетов. Делегацию возглавлял Риббентроп, рейхсминистр иностранных дел, о котором один из его учителей вспоминал как о «самом глупом в классе, исполненном тщеславия и бесцеремонности», теперь же, похоже, он стал организатором соглашения между непримиримыми врагами¹⁴⁹¹. Препровожденный в Кремль на встречу со Сталиным и Молотовым, Риббентроп выразил надежду на хорошие отношения. «Германии ничего не нужно от России, только мир и торговля», – сказал он.

Сталин как обычно дал прямой ответ: «На протяжении многих лет мы поливали друг друга грязью, и даже наши пропагандисты не могли бы сделать больше в этом направлении. Теперь же мы внезапно говорим нашим народам, что все забыто и прощено? Это не работает так быстро»¹⁴⁹².

На самом деле именно так оно и работало. За несколько часов были и оговорены условия сделки, и составлен текст для публикации, и написаны секретные протоколы раздела сфер влияния в Прибалтике и Польше, и определены возможности для каждой стороны действовать по своему усмотрению в обозначенных территориальных пределах. Ранним утром удовлетворенный Сталин приказал подать водки, чтобы поднять тост. «Я знаю, как сильно германский народ любит фюрера, – он использовал немецкое слово, – хотел бы выпить за его здоровье». Последовали еще тосты. Молотов с трудом сдерживал радость: «Великий товарищ Сталин начал этот раунд международных отношений, – провозгласил он, – пью за его здоровье»¹⁴⁹³. Сталин продолжил веселье на следующий день на даче в Подмоскowie, куда отправился на утиную охоту с верхушкой Политбюро. «На самом деле, конечно, все это блеф, – говорил он, – состязание, кто кого одурачит. Я знаю, на что рассчитывает Гитлер. Он думает, что перехитрил меня, но на деле это я его провел»¹⁴⁹⁴. Разумеется, точно так же рассуждал и Гитлер. Когда сообщение достигло его, около полуночи, среди альпийской идиллии, и стало ясно, что окончательное соглашение подписано, его реакция (как и у Сталина) была реакцией игрока, сорвавшего банк. «МЫ победили!» – триумфально объявил он¹⁴⁹⁵.

¹⁴⁸⁹ T. Snyder, *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin* (London, 2010), pp. 81, 93.

¹⁴⁹⁰ Цитируется по E. Jäckel and A. Kahn, *Hitler: Sämtliche Aufzeichnungen, 1905–1924* (Stuttgart, 1980), p. 186.

¹⁴⁹¹ J. Weitz, *Hitler's Diplomat: The Life and Times of Joachim von Ribbentrop* (New York, 1992), p. 6.

¹⁴⁹² S. Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (London, 2004), p. 317.

¹⁴⁹³ Hegner, *Die Reichskanzlei*, pp. 337–338, 342–343; о договоре и секретном приложении к нему – *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*, Series D, 13 vols (London, 1949–1964), 7, pp. 245–247.

¹⁴⁹⁴ Sebag Montefiore, *Stalin*, p. 318.

¹⁴⁹⁵ N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, tr. S. Talbott (Boston, MA, 1970), p. 128.

Советский лидер договаривался с Германией, чтобы выиграть время. Сталин не питал иллюзий насчет Гитлера и представляемой им в перспективе угрозы. На самом деле еще на XVII съезде КПСС целыми абзацами цитировалась «Mein Kampf», иллюстрируя опасность Германии и ее канцлера. Сам Сталин читал пресловутую работу Гитлера, выделяя те места, которые предполагали необходимость для Германии продвигаться на восток¹⁴⁹⁶. В то же время Советский Союз нуждался в восстановлении после периода непрерывных смут. Катастрофический голод, результат недальновидного и жестокого правления, привел к миллионам смертей от недоедания и болезней. Потери были ужасны и неисчислимы. Один мальчик из Харькова, которому тогда было 8, позднее вспоминал, как взглянул на свою одноклассницу, которая будто бы уснула, положив голову на парту, на самом деле она умерла от истощения.

Он знал, что ее похоронили, так же как и тех, кто умер вчера и позавчера, и умирал каждый день¹⁴⁹⁷. В последующие годы советское общество пожирало само себя. Даже посты в КПСС не были защитой, когда Сталин выступил против соперников и бывших коллег. В ходе эффектной серии показательных процессов в Москве люди, чьи имена стали нарицательными не только в СССР, но и по всему миру, драматично обвинялись в контрреволюционной деятельности, допрашивались и приговаривались к смерти. Такие герои революции 1917 года, как Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Николай Бухарин и Карл Радек, были казнены в числе прочих и прокляты как «фашистские псы, террористы, дегенераты и черви» государственным обвинителем Андреем Вышинским. Словно бы для издевательства над разумом и историей культуры, впоследствии в честь Вышинского был переименован Институт государства и права РАН¹⁴⁹⁸. Затем пришел черед армии. Генштаб был не столько прорежен, сколько уничтожен в соответствии с извращенной и беспощадной логикой: предполагалось, что если младшие офицеры виновны в подрывной деятельности, то их начальству следует вменить пособничество или же халатность. Так, одно признание, выбитое из сломленного человека, вызывало каскады арестов. Целью было, как позднее признавал офицер тайной полиции, доказать существование «заговора внутри Красной Армии с максимальным количеством вовлеченных»¹⁴⁹⁹. Из 101 высших командных чинов все, кроме десяти, были арестованы, из 91 задержанного все, кроме девяти, расстреляны. В том числе три из пяти маршалов СССР, два адмирала, весь старший командный состав ВВС, главы всех военных округов и почти все командиры дивизий. Красная Армия пала на колени¹⁵⁰⁰. В этих условиях Сталину требовалась передышка для реорганизации. Германское предложение оказалось подарком судьбы. Гитлер же играл с более высокими ставками. Он отчаянно нуждался в доступе к ресурсам, необходимым для того, чтобы сделать Германию сильной и могущественной надолго. Проблема заключалась в том, что Германия была крайне неудачно расположена для выхода на трансатлантическую торговлю с Америкой, Африкой и Азией, поэтому надежды Гитлера обратились на Восток.

За его решением примириться с Советским Союзом стояла идея прокладки собственного Шелкового пути. После подписания пакта Гитлер созвал генералов в свое альпийское шале, чтобы поведать им о сути соглашения и своих планах. Опершись о рояль, он долго говорил о себе. Жителям Германии, утверждал он, повезло с ним, с человеком, в которого они безоговорочно верят. Но теперь, продолжал он, время ловить момент. «Нам нечего терять, —

¹⁴⁹⁶ Besymenski, *Stalin und Hitler*, pp. 21–22; D. Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy* (New York, 1991), p. 352.

¹⁴⁹⁷ L. Kovalenko and V. Maniak, 33'i: *Golod: Narodna kniga-memorial* (Kiev, 1991), p. 46, in Snyder, *Bloodlands*, p. 49; также см. pp. 39–58.

¹⁴⁹⁸ О Вышинском и показательных процессах см. A. Vaksberg, *Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky* (New York, 1990), и N. Werth et al. (eds), *The Little Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* (Cambridge, MA, 1999).

¹⁴⁹⁹ M. Jansen and N. Petrov, *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940* (Stanford, 2002), p. 69.

¹⁵⁰⁰ Роговин В. Партия расстрелянных. — М., 1997. — С. 207–219; а также Bezymenskii, *Stalin und Hitler*, p. 96; Volkogonov, *Stalin*, p. 368.

сказал он своим командирам, – Германия в текущей экономической ситуации может выжить лишь несколько лет; у нас нет выбора»¹⁵⁰¹. Альянс с СССР не только позволит вернуть земли, отобранные Версальским договором, он гарантирует Германии будущее. Нужно сделать все для успеха Германии и жизненно важно всегда об этом помнить. «Закройте сердца для жалости, – говорил он, – будьте жестоки. Восемьдесят миллионов человек должны получить то, что по праву принадлежит им. Их жизнь необходимо защитить»¹⁵⁰². Он говорил о вторжении в Польшу, а также о новых возможностях, проистекающих от сближения с Советским Союзом. Для Гитлера соглашение со Сталиным означало больше, чем просто возможность дальше повышать ставки в политической конфронтации, оно открывало целую панораму возможностей. Хотя он часто говорил о «Lebensraum», или жизненном пространстве для германского народа на Востоке, с тех пор как стал известен, теперь он говорил генералам, что на кону стоят конкретные призывы: зерно, скот, уголь, свинец и цинк. Германия, наконец, могла стать свободной¹⁵⁰³. Не все слушатели были убеждены. Гитлер сказал, что война займет 6 недель, а генерал фон Рейхенау пробормотал, что скорее 6 лет¹⁵⁰⁴. Генерал Либманн также не впечатлился. Он говорил потом, что речь была хвастлива, противоречива и «совершенно отвратительна», а Гитлер вконец потерял чувство ответственности. Однако, как следует из ведущих современных исследований нацистской Германии, против никто не высказался¹⁵⁰⁵. Гитлер был убежден, что нашел способ защитить будущее Германии. Слабое место заключалось в местном сельскохозяйственном комплексе. Как сообщают недавние исследования, этот сектор серьезно пострадал в 1930-е годы, когда началось строительство германской военной машины, пожирающей ресурсы, время и деньги. Фактически новое законодательство действительно привело к снижению объема инвестиций в сельское хозяйство того времени¹⁵⁰⁶.

Германия по-прежнему сильно зависела от импорта, поскольку не могла полностью обеспечить себя продукцией¹⁵⁰⁷. В беседе с высокопоставленным дипломатом в Данциге в августе 1939 года Гитлер поднял тему невыносимого напряжения, которое испытала Германия в ходе Первой мировой войны – одну из своих постоянных тем. Однако на этот раз он претендовал на решение проблемы: «Нам нужна Украина, чтобы никто больше не мог взять нас измором, как это произошло в последней войне»¹⁵⁰⁸. Украина, а точнее дары ее плодородной земли пали ему в руки с подписанием пакта о ненападении в 1939 году. В течение нескольких месяцев, последовавших за визитом Риббентропа в русскую столицу, нацистские и советские чиновники сновали туда-сюда между Москвой и Берлином. Германцы были уверены, что за открытостью последует согласие, особенно в области «всех территориальных проблем от Черного моря до Балтийского», как говорил Риббентроп Молотову в августе 1939 года¹⁵⁰⁹. Новые сложные дискуссии завязались вокруг условий торговли и в особенности вокруг стоимости и объемов поставок советской пшеницы, нефти и всего прочего, что

¹⁵⁰¹ 'Speech by the Führer to the Commanders in Chief', 22 August 1939, in *Documents on German Foreign Policy*, Series D, 7, pp. 200–204; I. Kershaw, *Hitler, 1936–1945: Nemesis* (London, 2001), pp. 207–208.

¹⁵⁰² 'Second speech by the Führer', 22 August 1939, in *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*, Series D, p. 205.

¹⁵⁰³ 'Speech by the Führer to the Commanders in Chief', p. 204.

¹⁵⁰⁴ K.-J. Müller, *Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940* (Stuttgart, 1969), p. 411, n. 153; Мюллер не предоставляет вспомогательных ссылок.

¹⁵⁰⁵ W. Baumgart, 'Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung', *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 16 (1968), p. 146; Kershaw, *Nemesis*, p. 209.

¹⁵⁰⁶ G. Corni, *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939* (New York, 1990), pp. 66–115.

¹⁵⁰⁷ См., например, R.-D. Müller, 'Die Konsequenzen der "Volksgemeinschaft": Ernährung, Ausbeutung und Vernichtung', in W. Michalka (ed.), *Der Zweite Weltkrieg. Analysen-Grundzüge-Forschungsbilanz* (Weyarn, 1989), pp. 240–249.

¹⁵⁰⁸ A. Kay, *Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941* (Oxford, 2006), p. 40.

¹⁵⁰⁹ Бондаренко А. Год кризиса 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. Т. 2. – М., 1990. – С. 157–158.

было необходимо Германии для завоевания и удержания Польши. Сталин подпитывал военную активность Гитлера¹⁵¹⁰. Альянс придал Гитлеру уверенности и обещал ресурсы, необходимые для нападения на Польшу, при этом он мог не опасаться угрозы для своих позиций на Востоке («Я даю слово чести, что Советский Союз не предаст своего партнера», – сказал вождь русских, когда пакт был подписан)¹⁵¹¹. Впрочем, один из наиболее проницательных командиров понимал, что соглашение о разделе Польши сделало Германию по меньшей мере уязвимее, продвигая советскую границу далеко к западу; было бы лучше, писал Франц Гальдер, сохранить хорошие отношения с Россией и сосредоточиться на британских позициях на Ближнем Востоке и в Средиземноморье¹⁵¹². 1 сентября 1939 года, едва ли через неделю после исторического соглашения, германские солдаты хлынули через границу, прорубая себе путь через польскую оборону. Одновременно с захватом территорий до самой Варшавы была поставлена цель обезглавить польскую элиту. Гитлер утверждал, что «только нация, чья элита уничтожена, может быть ввергнута в рабство». Поэтому за офицерами и лидерами специально охотились те, кто знал, кого ищет: 15 из 25 командиров отрядов, посланных для уничтожения «элиты общества», имели докторские степени, преимущественно в сфере юриспруденции и философии¹⁵¹³.

Примирение Германии с Советским Союзом и нападение на Польшу застали Британию и Францию врасплох. Хотя война была объявлена, никто не оказал полякам сколько-нибудь значимой военной или логистической поддержки. Королевские ВВС нанесли несколько бомбовых ударов, но при этом, как правило, самолеты были нагружены не взрывчаткой, а листовками, что было довольно оптимистично, если не сказать наивно. «Есть серьезные основания полагать, что германские власти напуганы нашей пропагандой», – отмечалось в протоколах встречи Кабинета министров в начале сентября 1939 года первым же пунктом. «Одно то, что наша авиация способна безнаказанно действовать над всем северо-востоком Германии» считалось достаточным, чтобы «оказать подавляющий эффект на дух германского народа». Было решено, что сброс еще большего числа листовок будет еще более эффективным¹⁵¹⁴. В это время в Лондон хлынула волна панических донесений из Индии и Средней Азии, ибо подписанное Молотовым и Риббентропом соглашение не только позволило Германии открыть канал необходимых поставок и открыло войне путь в Европу. Посланник в Кабуле, сэр Уильям Керр Фрейзер-Тайтлер, предупреждал о появлении множества слухов, касающихся того, обеспечит ли Британия военную поддержку в случае советского вторжения в Афганистан или нет¹⁵¹⁵. Эту озабоченность разделяло индийское правительство, государственный секретарь выпустил алармистский документ для военного министерства в Лондоне, рисуящий безнадежную картину состояния индийских войск, особенно противовоздушной обороны, которая состояла не более и не менее как из 8 трехдюймовок¹⁵¹⁶. Хотя Лондон был настроен скептически по поводу опасности для центрально-азиатских владений в краткосрочной перспективе, в целом там признавали, что германский альянс с СССР является угрозой британским интересам на Востоке. К весне 1940 года в Лондоне стали осторожно обсуждать то, что казалось неизбежной развязкой. Как сообщалось в докладе воен-

¹⁵¹⁰ E. Ericson, *Feeding the German Eagle: Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941* (Westport, CT, 1999), p. 41ff.

¹⁵¹¹ A. Bullock, *Hitler: A Study in Tyranny* (London, 1964), p. 719.

¹⁵¹² S. Fritz, *Ostkrieg: Hitler's War of Extermination in the East* (2011), p. 39.

¹⁵¹³ C. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942* (Lincoln, NE, 2004), p. 16; Snyder, *Bloodlands*, p. 126.

¹⁵¹⁴ War Cabinet, 8 September 1939, CAB 65/1; A. Prazmowska, *Britain, Poland and the Eastern Front, 1939* (Cambridge, 1987), p. 182.

¹⁵¹⁵ British Legation Kabul to Foreign Office London, Katodon 106, 24 September 1939, цитируется по M. Hauner, 'The Soviet Threat to Afghanistan and India, 1938–1940', *Modern Asian Studies* 15.2 (1981), p. 297.

¹⁵¹⁶ Hauner, 'Soviet Threat to Afghanistan and India', p. 298.

ному министерству от совета начальников штабов, озаглавленном «Военные последствия неприязненных отношений с Россией в 1940 году», было не похоже, чтобы советское правительство собиралось терять время на действия в Индии и Афганистане, поскольку такое развитие событий «повлекло бы максимальный подрыв мощи союзных войск»¹⁵¹⁷.

Другой доклад с леденящей ясностью повествовал о великом множестве способов, которыми германское сотрудничество с Москвой могло повредить союзникам: британские нефтяные промыслы в Иране и Ираке были уязвимы и могли быть потеряны или, того хуже, перейти к врагу¹⁵¹⁸. Для этих опасений были основания. Германцы проявляли кипучую активность на Ближнем Востоке и в Средней Азии в 1930-х годах, Lufthansa строила расширяющуюся сеть коммерческих маршрутов во всем регионе, компании вроде Siemens и Todt были серьезно вовлечены в промышленность Ирака, Ирана и Афганистана. Бесчисленные дороги и мосты были спроектированы германскими инженерами и построены по их проектам под контролем германских специалистов. Телекоммуникационные структуры создавали такие компании, как Telefunken, их услуги пользовались колоссальным спросом¹⁵¹⁹. На эти связи с Германией позитивно смотрели во всем регионе, отчасти это было связано с восприятием Гитлера в исламском мире как лидера решительного и стоящего за свои идеалы. Такую точку зрения всемерно поддерживала сеть агентов Абвера, германской военной разведки, которая выстраивала контакты и искала поддержку на территории от Восточного Средиземноморья до Гималаев¹⁵²⁰. Более того, в январе 1940 года в германском генеральном штабе велись дискуссии о том, как бы воодушевить Советы вторгнуться в среднюю Азию и Индию. Генерал Йодль, один из наиболее уважаемых командиров вермахта, тиражировал планы совместного германо-советского удара, нацеленного на Ближний Восток. Это, по его мысли, «требовало относительно небольших усилий, при этом создавая источник угрозы для Англии»¹⁵²¹. Так же тщательно разрабатывался отдельный дерзкий план восстановить на афганском престоле Аманулли-хана, который после низложения нашел убежище в Берлине¹⁵²². Факир из Ипи, Усама бен Ладен 1930-х годов, – аскет-проповедник, духовный и кровожадный, ортодокс и революционер – казался прекрасным партнером по дестабилизации северо-восточных границ и распылению британского внимания и ресурсов. Однако его трудно было найти. Он был неуловим и множество раз ускользал от британцев.

Другая трудность заключалась в том, чтобы найти его тихо – первая миссия агентов Абвера, замаскированных под врачей лепрозория, закончилась провалом: один был убит, другой ранен, попав в засаду афганских войск. Когда же, наконец, удалось установить связь, оказалось, что требования Факира в обмен на помощь против британцев граничат с абсурдом¹⁵²³. Работа в остальном регионе была не менее энергичной. Многих в Иране и Ираке захватывал динамизм Гитлера и его риторика. Полностью совпадали, например, глубокий антисемитизм нацистского режима и некоторых ведущих теоретиков ислама. Великий муф-

¹⁵¹⁷ Report by the Chiefs of Staff Committee, 'The Military Implications of Hostilities with Russia in 1940', 8 March 1940, CAB 66/6.

¹⁵¹⁸ 'Appreciation of the Situation Created by the Russo-German Agreement', 6 October 1939, CAB 84/8; см. здесь M. Hauner, *India in Axis Strategy: Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981), esp. pp. 213–237.

¹⁵¹⁹ Hauner, *India in Axis Strategy*, pp. 70–92.

¹⁵²⁰ M. Hauner, 'Anspruch und Wirklichkeit: Deutschland also Dritte Macht in Afghanistan, 1915–1939', in K. Kettenacker et al. (eds), *Festschrift für Paul Kluge* (Munich, 1981), pp. 222–244; M. Hauner, 'Afghanistan before the Great Powers, 1938–1945', *International Journal of Middle East Studies* 14.4 (1982), pp. 481–482.

¹⁵²¹ 'Policy and the War Effort in the East', 6 January 1940, *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*, Series D, 8, pp. 632–633.

¹⁵²² 'Memorandum of the Ausenpolitisches Amt', 18 December 1939, *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*, Series D, 8, p. 533; Hauner, *India in Axis Strategy*, pp. 159–172.

¹⁵²³ M. Hauner, 'One Man against the Empire: The Faqir of Ipi and the British in Central Asia on the Eve of and during the Second World War', *Journal of Contemporary History* 16.1 (1981), pp. 183–212.

тий Иерусалима, Мухаммед аль-Хусейни, приветствовал возвышение человека, которого называл «аль-хаджи Мухаммед Гитлер». Антисемитские взгляды нацистского лидера лили воду на мельницу человека, всегда готового призывать к убийствам евреев, которых он именновал «червями и паразитами»¹⁵²⁴. Восхищения Германией в регионе пошли гораздо дальше. Некоторые ученые отмечают сходство между идеологией, которую Гитлер установил в Германии в 1930-е годы, и принятой в Персии программой, предполагающей «очищение» персидского языка и обычаев, а также сознательное усилие по возвращению назад – как это делали нацисты – к полумифическому, золотому веку. Действительно, решение официально изменить название с Персии на Иран якобы было результатом работы дипломатов Тегерана в Берлине, где шаху разъяснили важность идей «арийства» и общего этимологического и псевдоисторического наследия, на которое может легко ссылаться Иран¹⁵²⁵. Основание «Баас» – партии «возрождения» в Ираке – также во многом произошло благодаря нацистской пропаганде и идее перерождения¹⁵²⁶. А еще был обмен репликами между Гитлером и послом Саудовской Аравии. «Мы относимся к арабам с глубочайшей симпатией по трем причинам, – говорил Гитлер послу в 1939 году. – Во-первых, у нас нет никаких территориальных претензий на арабские земли. Во-вторых, у нас общие враги. А в-третьих, мы плечом к плечу боремся с евреями. Я не успокоюсь, пока последний из них не покинет Германию»¹⁵²⁷. Таким образом, неудивительно, что Лондон и Париж готовили план за планом, чтобы сдержать германцев и Советы. Глава французского штаба Клод Гамелин предлагал план постройки цитадели, в идеале на Балканах, откуда можно было бы давить на Германию с тыла в случае необходимости¹⁵²⁸. Эту идею, поддержанную премьер-министром Франции, свиноподобным Эдуардом Даладье, воспринимали серьезно, но потом отбросили.

Ее заместил дерзкий план нападения на Скандинавию, чтобы перерезать линию поставок шведской железной руды, который с энтузиазмом поддерживал Уинстон Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства. «Ничто не может быть смертоноснее... чем остановить на три или даже шесть месяцев эти поставки, – писал Черчилль. – Британии следует поколебать нейтралитет Норвегии и заминировать норвежские прибрежные воды. Эти шаги поставят под вопрос боеспособность Германии и... само существование государства»¹⁵²⁹. Подрыв линий снабжения Германии находился в центре обсуждений. В конечном счете, весной 1940 года взгляды обратились на Баку. Начальник штаба французских ВВС генерал Вюллемин отстаивал план, согласно которому союзные силы должны были использовать базы на Ближнем Востоке для атаки целей, в первую очередь на территории Азербайджанской ССР. Авиаотряды, базирующиеся на британских базах в Ираке и французских в Сирии, могли, как считалось, снизить добычу нефти на Кавказе вдвое за 2–3 месяца. Согласно первой редакции плана, это бы имело «решающие последствия для СССР и Германии». Последующие версии обещали еще более радужные перспективы: более мелкие атакующие звенья могли доставить ту же бомбовую нагрузку за меньший период времени¹⁵³⁰. Результаты бомбардировки Кавказа были бы блестящими, соглашались британские стратеги: произошло бы

¹⁵²⁴ Rubin and Schwanitz, *Nazis, Islamists*, p. 4 n. 13.

¹⁵²⁵ S. Hauser, 'German Research on the Ancient Near East and its Relation to Political and Economic Interests from Kaiserreich to World War II', in W. Schwanitz (ed.), *Germany and the Middle East, 1871–1945* (Princeton, 2004), pp. 168–169; M. Ghods, *Iran in the Twentieth Century: A Political History* (Boulder, CO, 2009), pp. 106–108.

¹⁵²⁶ Rubin and Schwanitz, *Nazis, Islamists*, p. 128.

¹⁵²⁷ Цитируется по тому же источнику, p. 5.

¹⁵²⁸ T. Imlay, 'A Reassessment of Anglo-French Strategy during the Phony War, 1939–1940', *English Historical Review* 119.481 (2004), pp. 337–338.

¹⁵²⁹ First Lord's Personal Minute, 17 November 1939, ADM 205/2. См. здесь Imlay, 'Reassessment of Anglo-French Strategy', pp. 338, 354–359.

¹⁵³⁰ Imlay, 'Reassessment of Anglo-French Strategy', p. 364.

«немедленное разрушение промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики России, которые были бы постепенно парализованы до полной утраты работоспособности». Это уничтожило бы все надежды Германии на разумное распределение российских товаров к своей выгоде и, с этой точки зрения, оказало бы решающее влияние на исход войны. Французские и британские прожектеры окончательно убедились, что разрушение русской нефтедобычи наилучшим образом устранило бы угрозу со стороны Германии¹⁵³¹. Все эти планы совместных действий рухнули, когда Гитлер предпринял молниеносную атаку на Францию. Для многих германский марш выглядел работой тактического гения, застающего защитников врасплох сериями блестящих операций, тщательно спланированных штабами и искусно исполненных армией, закаленной в боях и имеющей постоянно растущий опыт завоевания чужих земель. На самом деле из современных исследований ясно, что успех во Франции дался не просто так. Много раз Гитлер терял терпение, приказывая солдатам занять позицию, а затем находя, что приказы достигают командиров частей продвинувшимися на много миль вперед от того места, которое предполагалось занять.

Гейнц Гудериан, brave прусский командир танкового корпуса, был освобожден от должности за неподчинение, когда продолжал двигаться, и это при том, что приказ занять позицию, скорее всего, вообще к нему не попал. В это время Гитлер так боялся, что его войска попадут в несуществующую западню, что был на грани нервного срыва¹⁵³². Быстрое продвижение было незаслуженным призом для игрока, испытывающего удачу. Век империй в Восточной Европе подошел к концу с началом Первой мировой. Теперь, вместо того, чтобы постепенно угаснуть, Германия готовила сокрушительный удар. В то время как королевские ВВС готовились взлететь для битвы за Британию, громкие голоса возвещали конец эпохи. Германский посол в Кабуле прогнозировал, что к концу лета Гитлер войдет в Лондон. В предвкушении окончательного падения Британии посыпались конкретные предложения афганским руководителям: в частности, в обмен на отказ от нейтралитета, который страна заняла в начале войны, Германия предлагала солидный кусок Северо-Восточной Индии, а также порт Карачи, как только овладеет всем этим. Это было впечатляющее предложение. Даже британский эмиссар в Кабуле осознавал, что британское судно выглядит тонущим, и для того чтобы просто предполагать, что оно останется на плаву, уже требовались смелость и вера. Шаги вроде снижения расценок на перевозку афганского хлопка, чтобы избежать обвала местной экономики, были мельчайшими из символических жестов, а также знаком того, какой ограниченной в возможностях оказалась Британия. В этот критический момент афганцы не поддались, может быть, они колебались, но на сторону Германии не склонились¹⁵³³. Летом 1940 года Британия и ее империя отчаянно цеплялись за жизнь. Росчерк пера в московских пред-рассветных сумерках прошлого лета, скрепивший соглашение между нацистской Германией и коммунистическим Советским Союзом, изменил облик мира, и очень быстро. Будущее обещало новую сеть связей, которая соединит Берлин через Советский Союз с глубинами Азии и индийского субконтинента, которая перенаправит торговлю и ресурсы из Западной Европы в Центральную.

Однако эта переориентация зависела от плотной и продолжительной поддержки Советского Союза. Хотя продукция и сырье поступали в Германию в последовавшие за втор-

¹⁵³¹ CAB 104/259, 'Russia: Vulnerability of Oil Supplies', JIC (39) 29 revise, 21 November 1939; Imlay, 'Reassessment of Anglo-French Strategy', pp. 363–368.

¹⁵³² О Гудериане и о повторной гибели Гитлера см. К. Н. Frieser, *Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940* (Munich, 1990), pp. 240–243, 316–322.

¹⁵³³ См. M. Hauner, 'Afghanistan between the Great Powers, 1938–1945', *International Journal of Middle East Studies* 14.4 (1982), p. 487; о предлагаемом сокращении транспортных расходов – Ministry of Economic Warfare, 9 January 1940, FO 371/24766.

жением в Польшу месяцы, все шло не так уж гладко. Переговоры были напряженными, особенно когда дело касалось пшеницы и нефти – двух наиболее важных ресурсов.

Сталин лично пересматривал сделки, решая, когда германцы должны получить требуемые 800 000 тонн нефти, а когда гораздо меньше и на каких условиях. Обсуждение отдельных поставок было чревато потерей времени и постоянным беспокойством для германских стратегов¹⁵³⁴.

Неудивительно, что в германском Министерстве иностранных дел понимали хрупкость сложившегося положения и непрерывно подчеркивали в докладах опасность чрезмерной зависимости от Москвы. Случись что не так – смена руководства, упрямство или просто конфликт из-за условий сделки, – Германия оказывалась под ударом. Это было основной угрозой великолепной череде военных успехов Гитлера в Европе¹⁵³⁵.

Тяжелое чувство неопределенности привело к решению, стоившему жизни миллионам германских солдат, миллионам русских и миллионам евреев, – вторгнуться в Советский Союз. Как всегда, когда Гитлер готовил очередную авантюру, в конце июля 1940 года он облек ее в одежды идеологической борьбы. Настало время использовать возможность, сказал он генералу Йодлю, уничтожить большевизм¹⁵³⁶. На самом деле на кону стояло сырье и прежде всего продовольствие.

На протяжении второй половины 1940 – начала 1941 года над логистикой вторжения работали не только военные, но и экономические стратеги. Их возглавлял Герберт Бакке, сельскохозяйственный специалист, вступивший в НСДАП в начале 1920-х годов и постоянно росший в чинах, будучи протеже Рихарда Дарре, рейхсминистра продовольствия и сельского хозяйства. Рабская преданность Бакке нацистской идее вместе с его искушенностью в интригах обусловили возрастание его влияния на реформы 1930-х годов, в ходе которых регулировались цены и устанавливались объемы импорта и экспорта¹⁵³⁷.

Бакке был поглощен мыслью о России как решении проблем Германии. Со времен падения Российской империи степи медленно превращались из обиталища полудиких кочевников в превосходную житницу, колосющиеся поля тянулись насколько хватало взгляда, почвы были необычайно плодородны, особенно черноземные.

Экспедиции РАН, исследовавшие регион, источали мед в описаниях пояса, тянувшегося от Черного моря глубоко в Среднюю Азию, возбужденно докладывая об идеальных условиях для пахотного земледелия¹⁵³⁸.

Сельскохозяйственное производство в Южной России и Украине росло с пугающей скоростью еще до революции 1917 года, подстегиваемое растущим внутренним спросом, увеличением экспорта и результатами исследований повышения качества пшеницы, а также высокой урожайностью земель, на которых тысячелетиями выпасали скот кочевники¹⁵³⁹. Никто не знал потенциала степей, производительность которых так стремительно выросла в конце XIX – начале XX века, лучше Герберта Бакке: его специальностью, как и темой докторской диссертации, были русские зерновые¹⁵⁴⁰. Маленький, тощий человечек, аккуратно

¹⁵³⁴ Ericson, *Feeding the German Eagle*, pp. 109–118.

¹⁵³⁵ Fritz, *Ostkrieg*, pp. 38–41.

¹⁵³⁶ J. Förster, 'Hitler's Decision in Favour of War against the Soviet Union', in H. Boog, J. Förster et al. (eds), *Germany and the Second World War*, vol. 4: *The Attack on the Soviet Union* (Oxford, 1996), p. 22; также см. Kershaw, *Nemesis*, p. 307.

¹⁵³⁷ Corni, *Hitler and the Peasants*, pp. 126–127, 158–159, 257–260. Также см. H. Backe, *Die Nahrungsfreiheit Europas: Großliberalismus in der Wirtschaft* (Berlin, 1938).

¹⁵³⁸ Гнучева В. Материалы для истории экспедиции наук в XVIII и XX веках // *Труды Архива Академии наук СССР* 4. – М., 1940. – С. 97–108.

¹⁵³⁹ Строганова М. *Заповедники европейской части РСФСР*. – М., 1989; C. Kremenetski, 'Human Impact on the Holocene Vegetation of the South Russian Plain', in J. Chapman and P. Dolukhanov (eds), *Landscapes in Flux: Central and Eastern Europe in Antiquity* (Oxford, 1997), pp. 275–287.

¹⁵⁴⁰ H. Backe, *Die russische Getreidewirtschaft als Grundlage der Land- und Volkswirtschaft Rußlands* (Berlin, 1941).

одетый, в очках, Бакке возглавлял коллективы по созданию перспективных проектов, являвшихся подлинными целями вторжения. Как он подчеркивал Гитлеру, ключом ко всему была Украина: контроль над плодородными сельскохозяйственными землями, простиравшимися от Черного моря и далее за Каспийское, «освободил бы нас от любого экономического давления»¹⁵⁴¹.

Германия должна была «стать непобедимой», если бы забрала территории СССР, хранящие «неизмеримые богатства»¹⁵⁴². Исчезла бы зависимость от доброй воли СССР и его причудливого руководства, результаты британской блокады Средиземного и Северного морей в основном сошли бы на нет. Это был шанс обеспечить Германию всем необходимым.

Именно с этими речами выступал Гитлер, когда летом 1941 года началась атака. Пока германские солдаты с впечатляющей скоростью продвигались на восток, фюрер с трудом сдерживал волнение. Германия никогда не оставит эти вновь завоеванные земли, ликовал он, они станут «нашей Индией», «нашим новым райским садом»¹⁵⁴³.

Йозеф Геббельс, рейхсминистр пропаганды, тоже не сомневался в том, что война ведется в основном за ресурсы, особенно пшеницу и зерновые. В статье 1942 года он по обыкновению невозмутимо и безжалостно заявлял, что «война ведется за зерно и хлеб, за обильный завтрак, обед и ужин». «Это, и ничто другое, – цель Германии в войне, – продолжал он, – захватить на востоке широкие колоссящиеся поля золотой пшеницы, более чем достаточные для пропитания нашего народа и всей Европы»¹⁵⁴⁴.

За комментариями вроде этого стояла жестокая реальность, ибо в Германии вот-вот должно было закончиться продовольствие, а советские поставки не в силах были восполнить хроническую недостачу. В феврале 1941 года, например, германское радио передавало, что всей Европе пришлось затянуть пояса из-за британской торговой блокады, которую описывали как «умственное расстройство» или еще «*dementia Britannica*»¹⁵⁴⁵. Летом 1941 года Геббельс писал в дневнике, что полки берлинских магазинов пусты, найти в продаже овощи – редкая удача. Это вызвало колебания цен и подстегнуло рост черного рынка, а также беспокойство населения, которое пока еще редко, но начало интересоваться, в чем выгода от германских завоеваний. И это определенно заставило шефа гитлеровской пропаганды понервничать¹⁵⁴⁶.

Как выразился один местный чиновник, «перегруженные работой и истощенные мужчины и женщины» в его части Германии «не понимают, почему война должна вестись еще и в Азии и Африке. Счастливые дни стали далекими воспоминаниями»¹⁵⁴⁷.

Решение нашел Бакке и его команда аналитиков. Самому Бакке было неприятно отмечать ухудшающееся продовольственное положение внутри Германии в своем докладе о снабжении в конце 1940 года. Дошло до того, что на правительственном совещании в январе 1941 года с Германом Герингом в качестве координатора четырехлетнего плана, он предупреждал, что довольно скоро мясо придется выдавать пайками, и этот шаг был немедля

¹⁵⁴¹ Bundesarchiv-Militärarchiv, RW 19/164, fo. 126, цитируется по Kay, *Exploitation*, 211, p. 50.

¹⁵⁴² Цитируется по A. Hillgruber, *Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940–1941* (Frankfurt-am-Main, 1965), p. 365.

¹⁵⁴³ ‘Geheime Absichtserklärungen zur künftigen Ostpolitik: Auszug aus einem Aktenvermerk von Reichsleiter M. Bormann vom 16.7.1941’, in G. Uebershär and W. Wette (eds), *Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion, 1941: Berichte, Analysen, Dokumente* (Paderborn, 1984), pp. 330–331.

¹⁵⁴⁴ G. Corni and H. Gies, *Brot – Butter – Kanonen. Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997), p. 451; R. – D. Müller, ‘Das “Unternehmen Barbarossa” als wirtschaftlicher Raubkrieg’, in Uebershär and Wette, *Unternehmen Barbarossa*, p. 174.

¹⁵⁴⁵ German radio broadcast, 27 February 1941, Propaganda Research Section Papers, 6 December 1940, Abrams Papers, 3f 65; 3f 8/41.

¹⁵⁴⁶ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, ed. E. Fröhlich, 15 vols (Munich, 1996), 28 June 1941, *Teil I*, 9, p. 409; 14 July, *Teil II*, 1, pp. 63–64.

¹⁵⁴⁷ Kershaw, *Nemesis*, pp. 423–424.

запрещен из-за страха, что поддержки лишатся не только военные действия, но и нацистская партия вообще¹⁵⁴⁸.

Предложение Бакке было радикальным. Хотя Советский Союз был огромен и включал в себя всевозможные природные и климатические зоны, он мог быть, грубо говоря, поделен на две части. Южная включала в себя Украину, юг России и Кавказ, располагала полями и ресурсами, формирующими «зону избытка». Северная, то есть центр и север России, Белоруссия и Прибалтика, являлись «зоной недостатка». Бакке понимал это так, что население с одной стороны черты производит еду, а жители с другой стороны – только потребляют. Решением проблем Германии было бы сосредоточиться на захвате первой и игнорировать вторую. Продукцию «зоны избытка» следовало перенаправить в Германию, а «зону недостатка» предоставить самой себе, не беспокоясь о ее выживании. Отказываясь от этих земель, Германия оставалась в выигрыше.

О том, как это воплотится в реальность, говорилось на совещании в Берлине за считанные недели до запуска плана «Барбаросса» – такое имя было присвоено планам вторжения в Советский Союз. 2 мая стратеги обсуждали приоритеты и ожидаемые результаты атаки: германские армии по мере продвижения должны были обеспечивать себя продовольствием на месте. Так обещанная земля приносила первые плоды. Вермахт, как предполагалось, будет снабжаться из России с того момента, как германские солдаты пересекут границу. Судьба жителей «зоны недостатка» также обсуждалась на той встрече. Их рассчитывали отрезать в один прием. Один из самых шокирующих документов в истории гласит: «Х миллионов человек будет, несомненно, голодать, если мы вывезем все, что нам необходимо»¹⁵⁴⁹. Этими жизнями Германия покупала возможность прокормить себя. Эти миллионы были сопутствующим ущербом, необходимой жертвой во имя успеха и выживания Германии.

В дальнейшем обсуждались другие логистические проблемы, а также то, что нужно сделать, чтобы все прошло, как следует. Основные артерии, соединявшие сельскохозяйственные земли с транспортной сетью, должны были быть взяты под охрану, чтобы обеспечить доставку сырья в Германию. Немало внимания было уделено тому, что должны носить агропромышленные специалисты, надзирающие за сбором урожая и будущим посевом: серебристо-серые нарукавные повязки поверх гражданской одежды. Как отмечает один из ведущих ученых, совещание было столь же будничным, сколь и убийственным¹⁵⁵⁰.

В следующие 3 недели совместные усилия были направлены на исчисление вероятных потерь, чтобы оценить те «х миллионов», которые должны были умереть в «зоне недостатка». 23 мая был готов двадцатистраничный доклад, который, в сущности, представлял собой развернутую версию уже принятых решений. «Избыточный» регион Советского Союза было решено отделить, а произведенные там зерно и другие сельскохозяйственные продукты отправить в Германию. Как и говорилось на предшествующей встрече в Берлине, страдать от последствий предстояло местному населению. В докладе все это обстоятельно разъяснялось и конкретизировались приблизительные оценки предполагаемых жертв. «Многие десятки миллионов людей на этой территории станут излишними и должны будут умереть или отправляться в Сибирь, – было написано в докладе, – попытки спасти местное население от голодной смерти могут быть предприняты только за счет снабжения Европы. Они лишат Германию возможности довести войну до конца»¹⁵⁵¹. Атака принималась не просто для победы в войне. Это был буквально вопрос жизни и смерти.

¹⁵⁴⁸ Приватная переписка Бакке, цитируется по G. Gerhard, 'Food and Genocide: Nazi Agrarian Politics in the Occupied Territories of the Soviet Union', *Contemporary European History* 18.1 (2009), p. 56.

¹⁵⁴⁹ 'Aktennotiz über Ergebnis der heutigen Besprechung mit den Staatssekretären über Barbarossa', in A. Kay, 'Germany's Staatssekretäre, Mass Starvation and the Meeting of 2 May 1941', *Journal of Contemporary History* 41.4 (2006), pp. 685–686.

¹⁵⁵⁰ Kay, 'Mass Starvation and the Meeting of 2 May 1941', p. 687.

¹⁵⁵¹ 'Wirtschaftspolitische Richtlinien für Wirtschaftsorganisation Ost, Gruppe Landwirtschaft', 23 May 1941, in *Der Prozess*

Хотя списки присутствовавших на совещании 2 мая не сохранились, отпечатки пальцев Бакке были обнаружены повсюду на программе и на решениях. Гитлер ценил его выше его непосредственного руководства и, как писала в дневнике жена Бакке, германский лидер прислушивался к его советам охотнее всего, беседуя о планах вторжения. А еще сохранилось исправленное введение к его диссертации, наконец изданной летом 1941 года. Россия не в состоянии использовать ресурсы правильно, было написано там, если Германия захватит их, им найдется лучшее применение¹⁵⁵².

Но наиболее говорящей является короткая заметка, которую он сделал 1 июня 1941 года, за 3 недели до вторжения: «Русские веками сносили нищету, голод и ограничения... Не пытайтесь использовать германские стандарты жизни как мерило и переменить русский стиль жизни». Русский желудок, писал он, эластичен. Жалость к тем, кому придется голодать, таким образом, неуместна¹⁵⁵³. Прямота его мысли впечатляла многих, как замечал Геббельс в дневнике во время подготовки к нападению на СССР. Бакке, писал он, «мастерски владеет своим департаментом. Пока он с нами, все, что может быть сделано, будет сделано»¹⁵⁵⁴.

Решающее значение предстоящей операции понимали все причастные. Геббельс в своем дневнике предсказывал нехватку продовольствия зимой 1941 года, притом такую жестокую, что с предыдущими случаями голода ее будет не сравнить. Но это не наша проблема, добавлял он, считая, что это русские, а не германцы, будут голодать¹⁵⁵⁵. Предполагая, что в Германии слушают советское радио не менее внимательно, чем в Британии, Геббельс, вероятно, черпал воодушевление из новостей менее чем за 3 дня до начала вторжения: «В Центральной России поля словно зеленые ковры, в Юго-Восточной – пшеница поспела». Жатва как раз началась, а урожай, похоже, был небывалым¹⁵⁵⁶.

Когда приготовления к атаке вошли в финальную стадию, в головы солдат и офицеров было накрепко вбито, что на кону. Если верить Францу Гальдеру, баварскому кадровому военному, который неуклонно рос в чинах Вермахта, Гитлер, как обычно, был прям и категоричен. Это битва до конца, сказал он генералитету в марте 1941 года. В России следует применять силу «в наиболее жестокой форме». Это должно стать «войной на уничтожение». «Командиры должны понимать, за что мы сражаемся». Когда речь идет о Советском Союзе, говорил Гитлер, «кнут сегодня, а пряник – потом»¹⁵⁵⁷.

Эта тема была раскрыта в мае 1941 года, когда официальные руководства по поведению войск в России были готовы и распространялись среди сил вторжения. Они содержали списки опасностей, исходивших от «агитаторов», «партизан», «диверсантов» и евреев, из которых становилось ясно, что немецкий солдат не должен никому доверять и давать пощады. Были изданы и руководства по управлению захваченными территориями. В случае восстания или сопротивления полагалось использовать круговую поруку. Подозреваемые в противодействии интересам Германии должны были быть допрошены на месте и там же расстреляны в случае признания виновными, вне зависимости от того, комбатанты это или нет. Наконец, был выпущен ряд директив, в том числе так называемый «приказ о комисса-

gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg 14 November 1945–1 October 1946, 42 vols (Nuremberg, 1947–1949), 36, pp. 135–137. Аналогичный отчет был опубликован три недели спустя 16 июня, Kay, *Exploitation*, pp. 164–167.

¹⁵⁵² Backe, *Die russische Getreidewirtschaft*, цитируется по Gerhard, 'Food and Genocide', pp. 57–58; а также Kay, 'Mass Starvation', pp. 685–700.

¹⁵⁵³ H. Backe, '12 Gebote für das Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen', in R. Rürup (ed.), *Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945: Eine Dokumentation* (Berlin, 1991), p. 46; Gerhard, 'Food and Genocide', p. 59.

¹⁵⁵⁴ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, 1 May 1941, *Teil I*, 9, pp. 283–284.

¹⁵⁵⁵ Там же, 9 July 1941, *Teil II*, 1, pp. 33–34.

¹⁵⁵⁶ Russian radio broadcast, 19 June 1941, Propaganda Research Section Papers, Abrams Papers, 3f 24/41.

¹⁵⁵⁷ F. Halder, *The Halder War Diary*, ed. C. Burdick and H. – A. Jacobsen (London, 1988), 30 March 1941, pp. 345–346.

рах» с красочными предупреждениями, чего ожидать: противник, вероятно, собирался вести войну в манере, отрицающей международное законодательство и гуманизм. Комиссары – так обобщенно называли советских политработников – сражались способами, которые можно называть только «варварскими» и «азиатскими». Щадить комиссаров не полагалось.

20. Путь к геноциду

В ходе подготовки германского вторжения в Советский Союз инструкции офицерам и солдатам были однозначны и беспощадны: все для захвата пшеничных полей юга. Солдатам рекомендовали представлять себе, что пища, потребляемая советскими гражданами, вырвана из ртов германских детей¹⁵⁵⁸. Старшие офицеры говорили своим людям, что само будущее Германии зависит от их успеха. Как сказал генерал-полковник Эрих Хепнер своей построенной панцербригаде непосредственно перед началом реализации плана «Барбаросса», Россия должна быть сокрушена, и сокрушена с беспрецедентной жестокостью. Каждое военное действие в замысле и исполнении должно направляться стальной волей, чтобы безжалостно и тотально уничтожить врага¹⁵⁵⁹. Неприязнь к славянам, ненависть к коммунизму, а также антисемитизм струились в генах офицерского состава. Теперь они смешались, как выразился один ведущий историк, «в идеологическую закуску, брожение которой с легкостью превращало генералов в орудия массового убийства»¹⁵⁶⁰.

Гитлер, призывая к воплощенному ужасу, не переставал грезить о будущем: Крым должен был стать Ривьерой для германцев, воображал он; как чудесно было бы соединить полуостров в Черном море с Родиной с помощью шоссе, чтобы каждый германец мог поехать туда на своем «Народном автомобиле» (или Volkswagen). Его наполняло причудливое желание стать моложе, чтобы он мог увидеть, чем все это обернется. Как жаль, думал он, что он не успеет застать время бурного вдохновения, которое наступит через десятилетия¹⁵⁶¹. Гиммлер также имел радужные виды на «жемчужины поселений» (Siedlungspierlen), населенных колонизаторами и окруженных деревнями, которые, в свою очередь, станут домом германским фермерам, собирающим плоды богатого чернозема¹⁵⁶².

Гитлер и его приближенные видели два образца для расширения ресурсной базы Германии. Первым была Британская империя. Германия могла бы объявить своими огромные новые территории на Востоке, совсем как Британия повела себя на Индийском субконтиненте. Небольшой контингент германских колонизаторов правил бы Россией, совсем как небольшое число британцев заправляли в Радже. Европейская цивилизация могла восторжествовать над более слабой культурой. Нацистское руководство постоянно приводило в пример британцев в Индии, чтобы показать, как управленческая система огромного масштаба может контролироваться малым числом людей¹⁵⁶³.

Однако была и другая модель, к которой Гитлер также регулярно обращался, с которой находил много общих мест и в которой черпал вдохновение: Соединенные Штаты. Германии требовалось сделать то, что европейские поселенцы в Новом Свете проделали с коренными американцами, говорил Гитлер Альфреду Розенбергу, министру оккупированных восточных территорий: местное население должно быть вытеснено или уничтожено. Волга, провозглашал он, станет германской Миссисипи, так сказать, границей между цивилизованным миром и хаосом. Народы, которые заселяли великие равнины Америки в XIX столетии, говорил он, наверняка бы толкались локтями, чтобы поселиться на Востоке. Германцы, голландцы, скан-

¹⁵⁵⁸ C. Streit, *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart, 1978), pp. 143, 153.

¹⁵⁵⁹ Цитируется по Kershaw, *Nemesis*, p. 359.

¹⁵⁶⁰ Там же, p. 360.

¹⁵⁶¹ Там же, pp. 400, 435.

¹⁵⁶² W. Lower, *Nazi Empire Building and the Holocaust in Ukraine* (Chapel Hill, NC, 2007), pp. 171–177.

¹⁵⁶³ A. Hitler, *Monologe im Führer-Hauptquartier 1941–1944*, ed. W. Jochmann (Hamburg, 1980), 17–18 September 1941, pp. 62–63; Kershaw, *Nemesis*, p. 401.

динавы, а также, как уверенно предрекал он, сами американцы могли бы найти себе будущее и процветание в новой земле возможностей¹⁵⁶⁴. Новый мировой порядок должен был установиться благодаря полям Украины и Южной России, которые простирались далеко на восток. Это был конец американской мечты, объявлял Гитлер; «Европа, а не Америка будет теперь местом бесконечных перспектив»¹⁵⁶⁵.

Его радость была вызвана не только тем, что обещал пояс чернозема между Черным и Каспийским морями, ибо множество знаков повсюду указывало на драматические перемены в пользу Германии. Один конец германских клещей проходил через сердце мира с севера, в то время как другой продвигался с запада через Северную Африку и Ближний Восток. Одержанные блестящие победы в пустынях Северной Африки в 1941 году привели Роммеля и Африканский корпус на расстояние удара к Египту и, таким образом, приблизили к овладению критически важным Суэцким каналом, как раз во время начала «Барбароссы». Падение Франции между тем дало Люфтваффе возможность использовать авиабазы, построенные Францией в Сирии и Леванте по соглашениям времен Первой мировой войны, чтобы еще больше увеличить область действия Германии.

Судьба мира повисла на тончайшей из нитей. Ключевым стал вопрос о том, какое время выбрать для вторжения в Советский Союз и получится ли застать Сталина врасплох. Было важно начать атаку после того, как поля были сжаты, но до сбора урожая, чтобы германские солдаты могли прокормиться по мере продвижения в глубь России. Переговоры с Москвой в 1940 году уже привели к поставкам из Советского Союза в Германию миллионов тонн зерна, примерно такого же количества горючего, а также значительных объемов железной руды и марганца. После того как в мае 1941 года была получена еще одна огромная партия, момент настал¹⁵⁶⁶.

Встревоженный германскими войсками, стремящимися на восток в начале лета 1941 года, маршал Тимошенко, народный комиссар обороны, и генерал Георгий Жуков обратились к Сталину с предложением предпринять превентивную атаку, советуя нацелить ее на Варшаву, север Польши и часть Пруссии. Согласно двум практически полностью совпадающим свидетельствам, Сталин отверг план сразу. «Вы с ума сошли? – предположительно зло спросил он. – Хотите спровоцировать германцев?» Затем он обратился к Тимошенко: «Посмотрите-ка, Тимошенко здоровый и у него большая голова, но, очевидно, маленький мозг». Затем прозвучала угроза: «Если вы спровоцируете германцев на границе, если двинете войска без разрешения, имейте в виду, что ваши головы слетят». Потом он повернулся, вышел и захлопнул за собой дверь¹⁵⁶⁷.

Не то чтобы Сталин не верил, что Гитлер нападет, он просто сомневался, что тот уже готов это сделать. На самом деле причиной, по которой Сталин лично курировал переговоры с нацистской администрацией, стала необходимость внимательно следить за Германией, пока советская армия стремительно перестраивалась и модернизировалась. Он был так уверен, что все козыри все еще у него, что, когда донесения разведслужб из Берлина, Рима и даже Токио в дополнение к предупреждениям и знакам представительств в Москве в один голос сообщали, что атака неизбежна, он просто отбрасывал их¹⁵⁶⁸. Его скептическое отношение полностью выразилось в резолюции на сообщение от шпионов в штабе германских ВВС за 5 дней до начала вторжения.

¹⁵⁶⁴ Цитируется по Kershaw, *Nemesis*, p. 434.

¹⁵⁶⁵ Hitler, *Monologe*, 13 October 1941, p. 78; Kershaw, *Nemesis*, p. 434.

¹⁵⁶⁶ Ericson, *Feeding the German Eagle*, p. 125ff.

¹⁵⁶⁷ Анфилов В. ...Разговор закончился угрозой Сталина // *Военно-исторический журнал*. – 1995. – № 3. – С. 41; Безименский Л. О «плане» Жукова от 15 мая 1941 г. // *Новая новейшая история*. – 2000. – № 3. – С. 61. См. здесь E. Mawdsley, 'Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940–1941', *International History Review* 25 (2003), p. 853.

¹⁵⁶⁸ D. Murphy, *What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa* (New Haven, 2005).

«Можешь сказать своему «источнику»... пойти к черту», – нацарапал он. «Это не «источник», – написал он, – это распространитель дезинформации»¹⁵⁶⁹. Не все в окружении Сталина были столь скептически настроены, как советский лидер. Передвижения германских войск в начале июня вызвали некоторые споры о том, должна ли Красная армия выдвигаться на оборонительные позиции. «У нас с Германией пакт о ненападении, – отвечал Сталин. – Германия связана войной на западе, и я уверен, что Гитлер не осмелится открыть второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не так глуп и осознает, что Советский Союз – это не Польша, не Франция и даже не Англия»¹⁵⁷⁰.

К 21 июня стало очевидно, что надвигается что-то серьезное. Шведский посол в Москве Вильгельм Ассарссон полагал, что случится одно из двух: или у него будет билет в партер на эпическое противостояние между Третьим рейхом и Советской империей с экстраординарно далеко идущими последствиями, или же германцы выступят с набором требований относительно Украины и нефтяных промыслов в Баку. В последнем случае, как он полагал, он просто станет свидетелем величайшего шантажа в мировой истории¹⁵⁷¹.

Через несколько часов стало ясно, что это не блеф. В 3:45 утра Сталина разбудил звонок от генерала Жукова, который сообщил, что граница прорвана во многих местах и Советский Союз под ударом. Сначала Сталин отказывался верить в происходящее, полагая, что это какой-то гитлеровский гамбит, нацеленный на принуждение к соглашению, возможно, торговому. Однако постепенно до него дошло, что это бой насмерть. Оцепенев от шока, он впал в ступор, предоставив Молотову сделать публичное заявление. «Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством, – торжественно объявил Молотов, выйдя в эфир. – Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». В речи не упоминалось о том, что Советский Союз танцевал с дьяволом и теперь пришло время расплаты¹⁵⁷².

Германское продвижение было безостановочным и разрушительным, несмотря на то что силы вторжения не были ни так хорошо подготовлены, ни так хорошо вооружены, как обычно считалось¹⁵⁷³. За считанные дни Минск пал и 400 000 советских солдат были окружены и блокированы. Брест-Литовск был отсечен, у его защитников быстро кончились запасы, но не надежда: как один юный солдат нацарапал на стене 20 июля 1941 года: «Погибаю, но не сдаюсь. Прощай, Родина»¹⁵⁷⁴.

К этому моменту Сталин начал осознавать масштаб происходящего. 3 июля он выступил по радио с речью, в которой говорилось о германском вторжении как о вопросе «жизни и смерти народов СССР». Он поведал слушателям, что захватчики пришли восстановить «царизм» и «феодализм». Ближе к реальности было заявление, что нападающие хотят захватить рабов для германских принцев и баронов¹⁵⁷⁵. Это было более-менее верно, если понимать под принцами и баронами членов НСДАП и германских фабрикантов: недолго оставалось до того, как принудительный труд станет обычным делом для пленных советских солдат и местного населения. В свое время более 13 миллионов человек заставили строить дороги, обрабатывать поля или работать на заводах для удовлетворения нужд нацистского

¹⁵⁶⁹ R. Medvedev and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin: His Life, Death and Legacy* (London, 2003), p. 226.

¹⁵⁷⁰ Жуков Г. *Воспоминания и размышления*: В 3 т. Т. 1. – М., 1995. – С. 258.

¹⁵⁷¹ Assarasson to Stockholm, 21 June 1941, цитируется по G. Gorodetsky, *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia* (New Haven, 1999), p. 306.

¹⁵⁷² Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 23. – Москва, 1995. – С. 764–765.

¹⁵⁷³ A. Tooze, *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy* (New York, 2006), pp. 452–460; R. di Nardo, *Mechanized Juggernaut or Military Anachronism? Horses and the German Army of World War II* (Westport, CT, 1991), pp. 35–54.

¹⁵⁷⁴ Цитируется по Beevor, *Stalingrad* (London, 1998), p. 26.

¹⁵⁷⁵ Сталин И. О Великой отечественной войне Советского Союза. – М., 1944. – С. 11.

режима или частных германских компаний, многие из которых существуют до сих пор. Рабство возвращалось в Европу¹⁵⁷⁶.

К концу лета 1941 года казалось, что германцев уже не остановить. В сентябре Киев был осажден и пал, полмиллиона советских солдат оказалось в плену. Несколько недель спустя три группировки, действуя словно копьё, погружающиеся в сердце России, достигли Калинина, Тулы и Бородина, о которое споткнулось наполеоновское нашествие в 1812 году. Однако германцы продолжали прорубать оборону. В октябре Москва задрожала. Беспокойство порождало планы эвакуации руководства в Куйбышев (некогда Самару), находящийся более чем в 600 милях к востоку от Москвы на берегу Волги по направлению к Каспию. Тело Ленина было убрано с Красной площади и отправлено в хранилище. Готовились эвакуировать и самого Сталина, но русский лидер передумал в последнюю минуту и решил остаться: некоторые говорят, что локомотив уже развел пары и телохранители ожидали отбытия на платформе¹⁵⁷⁷.

К ноябрю пал Ростов-на-Дону, последняя ступень к Кавказу. В конце месяца третья и четвертая панцербригады оказались в двадцати милях от Москвы. 1 декабря передовой отряд мотопехоты находился всего в 5 милях от столицы¹⁵⁷⁸. Гитлер был в восторге. План обезглавливания Советского Союза за счет вывода из строя Ленинграда и Москвы на севере был ключом к контролю «зоны избытка» на юге в долгосрочной перспективе, и, кажется, он удался. Через 2 месяца после начала атаки, когда русские войска были отброшены, он вдохновенно говорил о будущем. «Украина, а затем и бассейн Волги однажды станут житницами Европы. Мы пожнем гораздо больше, чем просто плоды земли, – сказал он в августе 1941 года. – Если однажды Швеция откажется снабжать нас железом, – продолжал он, – ну и ладно. Мы возьмем его в России»¹⁵⁷⁹.

Тем временем инженерные и строительные подразделения продвигались на восток вслед за армией. В сентябре 1941 года колонна созданной Зондеркоманды Р («Особой команды России») направилась из Берлина на Украину, чтобы создать работающую инфраструктуру на завоеванных территориях. Состоящая из полевых кухонь, передвижных канцелярий, ремонтных мастерских и полицейских радиостанций, размещающаяся более чем на ста машинах, она должна была сделать возможным то, что один историк назвал самой радикальной программой колонизации в истории европейских завоеваний и имперского строительства¹⁵⁸⁰.

По достижении Одессы, располагающейся на Черном море, старшие офицеры – пестрое собрание неудачников, прожектеров и отбросов общества – сосредоточились на занятии лучших резиденций для штабов и создания учреждений, которые однозначно говорили о долгосрочных планах: библиотек, фонотек, лекториев и кинотеатров для показа триумфальных германских лент¹⁵⁸¹.

Похоже было, что вторжение увенчалось успехом. Почти вся территория, предназначенная для снабжения ресурсами Германии, была захвачена менее чем за полгода. Ленинград и Москва еще не пали, но казалось, вопрос лишь в том, когда они сдадутся. Все прочее

¹⁵⁷⁶ A. von Plato, A. Leh and C. Thonfeld (eds), *Hitler's Slaves: Life Stories of Forced Labourers in Nazi-Occupied Europe* (Oxford, 2010).

¹⁵⁷⁷ E. Radzinsky, *Stalin* (London, 1996), p. 482; N. Ponomarev, цитируется по I. Kershaw, *Fateful Choices: Ten Decisions that Changed the World, 1940–1941* (London, 2007), p. 290.

¹⁵⁷⁸ Fritz, *Ostkrieg*, p. 191.

¹⁵⁷⁹ H. Trevor-Roper, *Hitler's Table Talk, 1941–1944: His Private Conversations* (London, 1953), p. 28.

¹⁵⁸⁰ W. Lower, “‘On Him Rests the Weight of the Administration’: Nazi Civilian Rulers and the Holocaust in Zhytomyr”, in R. Brandon and W. Lower (eds), *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization* (Bloomington, IN, 2008), p. 225.

¹⁵⁸¹ E. Steinhart, ‘Policing the Boundaries of “Germanism” in the East: SS Ethnic German Policy and Odessa’s “Volksdeutsche”’, 1941–1944’, *Central European History* 43.1 (2010), pp. 85–116.

тоже выглядело многообещающе. Хотя восстание в Ираке было подавлено спешно собранными британскими силами, которые реквизируют автобусы с улиц Хайфы и повели их на восток, чтобы подавить революцию, были основания полагать, что новые друзья Германии, живущие в богатых нефтью землях к югу от Каспийского моря, вскоре придут к успеху¹⁵⁸².

К моменту вторжения в Советский Союз Гитлер уже дал формальное благословение идее арабской независимости и передал муфтию Иерусалима выражения солидарности, превознося арабов как древнюю цивилизацию и соратника в борьбе Германии с британцами и евреями¹⁵⁸³. Развитие связей с мусульманским миром зашло так далеко, что один германский академик слагал медоточивые оды, где в числе прочего восхвалялась Саудовская Аравия как Третий рейх в ваххабитском стиле¹⁵⁸⁴.

С точки зрения Британии, тем временем, положение выглядело отчаянным. С катастрофой в Ираке разминулись на волосок, как заметил генерал Уэйвелл, главнокомандующий в Индии, и было жизненно важно принять меры к защите Ирана, до которого то ли дотянулось германское влияние, то ли еще нет. «Для обороны Индии необходимо, – написал он премьер-министру Черчиллю летом 1941 года, – немедленно очистить от германцев Иран. Неудача в этом вызовет повторение событий, которые в Ираке еле успели предотвратить»¹⁵⁸⁵.

Уэйвелл не зря беспокоился об Иране, где германская пропаганда работала непрерывно с начала войны. Летом 1941 года, писал один американский корреспондент, книжные лавки Тегерана были завалены номерами журнала *Signal*, одного из рупоров Геббельса, а кинотеатры, крутившие ленты вроде *Sieg im Westen* («Победа на западе»), которые с грандиозным шиком прославляли германские победы во Франции и Восточной Европе, были набиты битком¹⁵⁸⁶.

Нападение Гитлера на Советский Союз также было с восторгом принято в Иране. Согласно некоторым сообщениям, на площади Сеп в центре Тегерана собралась толпа, чтобы приветствовать новости о падении перед Вермахтом одного советского города за другим¹⁵⁸⁷. Дело было в том, что «иранцы в основном восхищены нападением Германии на их старинного врага – Россию», как сэр Ридер Баллард, британский посол, проинформировал Лондон вскоре после вторжения¹⁵⁸⁸.

Прогерманские настроения были широко распространены в армии и Парламенте, отмечала уважаемый исследователь Персии Энн Лэмбтон в ответ на вопрос о ее взглядах на развитие ситуации. Страсти разгорелись особенно жарко в среде младших чиновников, которые были склонны сочувствовать Германии и надеялись на ее победу¹⁵⁸⁹. Британский военный атташе во многом поддерживал это мнение, противопоставляя положительному впечатлению местных от Германии негативный взгляд на Британию. К настоящему моменту немногие склонны поддержать британские интересы, если германцы достигнут Персии, следует ожидать, что германцы найдут значимую и деятельную поддержку¹⁵⁹⁰. Этот взгляд разделял посол Германии в Тегеране Эрвин Эттель, сообщивший в Берлин, что британская атака

¹⁵⁸² W. Hubatsch, *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht* (Munich, 1965), pp. 139–140.

¹⁵⁸³ Rubin and Schwanitz, *Nazis, Islamists*, pp. 124, 127.

¹⁵⁸⁴ Там же, p. 85; H. Lindemann, *Der Islam im Aufbruch, in Abwehr und Angriff* (Leipzig, 1941).

¹⁵⁸⁵ Churchill, *Second World War*, 3, p. 424.

¹⁵⁸⁶ A. Michie, 'War in Iran: British Join Soviet Allies', *Life*, 26 January 1942, p. 46.

¹⁵⁸⁷ R. Sanghvi, *Aryamehr: The Shah of Iran: A Political Biography* (London, 1968), p. 59; H. Arfa, *Under Five Shahs* (London, 1964), p. 242.

¹⁵⁸⁸ Bullard to Foreign Office, 25 June 1941, in R. Bullard, *Letters from Teheran: A British Ambassador in World War II Persia*, ed. E. Hodgkin (London, 1991), p. 60.

¹⁵⁸⁹ Lambton to Bullard, 4 October 1941, FO 416/99.

¹⁵⁹⁰ Intelligence Summary for 19–30 November, 2 December 1941, FO 416/99.

встретит немедленный вооруженный отпор и закончится тем, что шах официально запросит помощи у Германии¹⁵⁹¹.

Обеспокоенность тем, что Иран может перевернуться на сторону Гитлера, обострялась тем, что германцы продолжали сокрушать сопротивление, продвигаясь на восток.

Продвигались они так быстро, что генерала Окинлека, в недавнем прошлом главнокомандующего британскими силами в Индии, а ныне переведенного в ближневосточный штаб, проинформировали, что войска Гитлера достигнут Кавказа в середине августа 1941 года¹⁵⁹². С точки зрения британцев, это была катастрофа. Германцы отчаянно нуждались в горючем. Если бы им удалось наладить снабжение из Баку и с Кавказа, ситуация была бы хуже некуда. Но еще хуже, писал Леопольд Эмери, министр по делам Индии, было то, что они тогда вплотную приблизятся к нефтяным залежам в Иране и Ираке, и, несомненно, это приведет к всевозможным бедствиям¹⁵⁹³. Другими словами, все выглядело так, будто Германия нашла средство для того, чтобы не только избавиться от своей ахиллесовой пяты – отсутствия прямого доступа к топливу для своих кораблей, самолетов, танков и других машин, но и чтобы подорвать возможности Британии выносить тяготы войны. Поэтому жизненно важно, заключал генерал Окинлек, разработать план под названием «Операция «Спокойствие», чтобы защитить рубежи от Палестины до Басры и иранские нефтяные залежи¹⁵⁹⁴.

Важность Ирана была обусловлена его стратегическим положением. Хотя Сталин и договорился с Гитлером в 1939 году, двумя годами позже германское нашествие на Советский Союз превратило последний в неожиданного союзника для Британии и ее друзей. Поэтому в Вашингтоне было объявлено, что «правительство Соединенных Штатов решило выделить всю возможную экономическую помощь для укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии»¹⁵⁹⁵. К этому прилагались личные заверения Сталину со стороны американского посла в Москве, что США предельно решительно настроены побить Гитлера и были готовы сделать для этого что угодно¹⁵⁹⁶.

Доставлять оружие и ресурсы в Советский Союз было проблематично. Доступ к портам в Заполярье был затруднен и в середине зимы опасен. Недостаток подходящих гаваней, кроме Владивостока, между тем причинял не меньше затруднений, не в последнюю очередь из-за доминирования Японии в этой части Тихого океана. Решение было очевидно: захватить Иран. Это бы отрезало местных германских агентов и сочувствующих от поддержки в решительный момент, позволило бы лучше защитить природные ресурсы, которые союзники не могли позволить себе потерять, а также обеспечило бы лучшие возможности по координации усилий, чтобы поколебать и остановить бесконечное наступление Вермахта на Восток.

Помимо того что такое окончание войны устраивало союзников, оно также обещало долгосрочные прибыли для Британии и Советов соответственно: оккупация страны дала бы им то, чего они долго добивались политическими, экономическими и стратегическими средствами. Волнующие перспективы были созданы решением Гитлера порвать со своим бывшим союзником в Москве.

В августе 1941 года Тегеран был занят британскими солдатами, к которым вскоре присоединились и советские военные. Разногласия были отложены в сторону, чтобы обеспечить взаимовыгодное сотрудничество в регионе фундаментальной стратегической и экономиче-

¹⁵⁹¹ 'Minister in Iran to the Foreign Ministry', 9 July 1941, *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*, Series D, 13, pp. 103–104.

¹⁵⁹² P. Dharm and B. Prasad (eds), *Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945: The Campaign in Western Asia* (Calcutta, 1957), pp. 126–128.

¹⁵⁹³ Цитируется по J. Connell, *Wavell: Supreme Commander* (London, 1969), pp. 23–24.

¹⁵⁹⁴ R. Stewart, *Sunrise at Abadan: The British and Soviet Invasions of Iran, 1941* (New York, 1988), p. 59, n. 26.

¹⁵⁹⁵ 'Economic Assistance to the Soviet Union', *Department of State Bulletin* 5 (1942), p. 109.

¹⁵⁹⁶ R. Sherwood, *The White House Papers of Harry L. Hopkins*, 2 vols (Washington, DC, 1948), 1, pp. 306–309.

ской важности. Было много радости, когда британские и советские солдаты встретились в Казвине на севере страны, где они обменивались историями и сигаретами. Иностранные корреспонденты, прибывшие с Советской армией, вскоре обнаружили, что привыкли к водке и предлагали союзникам тосты за здоровье Сталина, потом Черчилля, потом Молотова, потом Рузвельта, а потом все сначала в том же порядке. «После 30 тостов неразбавленной водки, — писал один американский журналист, участвовавший в этом, — половина корреспондентов оказывалась под столом. Русские продолжали пить»¹⁵⁹⁷.

Когда шах заколебался издать указ о немедленном выдворении граждан Германии, британцы начали передавать на волне вновь созданной персидской радиослужбы ВВС ложные обвинения шаха в высылке из столицы фамильных драгоценностей, использовании принудительного труда в своих деловых интересах и орошении своих собственных садов с помощью системы водоснабжения Тегерана, то есть говорили о том, что уже широко распространилось ввиду слухов, если верить мемуарам Ридера Балларда¹⁵⁹⁸.

Шах увиливал от британских требований, жалуясь президенту Рузвельту на «акты агрессии» и порицая «угрозу международному законодательству, правам и свободам человека». Это все, конечно, очень хорошо, отвечал президент, но шаху не следует забывать о том, «что завоевательные походы Германии продолжатся, и за Европой последуют Азия, Африка и даже Америка». Персия, другими словами, играла с огнем, пытаясь сохранить хорошие отношения с Гитлером¹⁵⁹⁹. В конце концов британцы взяли дело в свои руки и организовали отречение Резы Хана, который уже стал обузой, и заменили его сыном, Мохаммедом Резой, безукоризненно воспитанным плейбоем, любившим французские детективы, быстрые автомобили и еще более быстрых женщин¹⁶⁰⁰.

Для многих иранцев подобное внешнее вмешательство было невыносимо. В ноябре 1941 года собравшиеся толпы скандировали «Долгой жизни Гитлеру» и «Долой русских и британцев!», демонстрируя свое отвращение к тому, что судьбу страны решают солдаты оккупантов¹⁶⁰¹. Это была не война Ирана; споры и боевые столкновения Второй мировой войны не имели отношения к обитателям городов вроде Тегерана и Исфахана, которые с волнением наблюдали, как их страна втягивалась в борьбу между европейскими силами. С этим никто не считался.

Когда ситуация в Иране была урегулирована силой, были приняты меры против французских объектов, оставшихся в Сирии после падения Франции, чтобы исключить возможность их использования против Британии и ее союзников на Ближнем Востоке. Спешно развернутая эскадрилья «Харикейнов» вылетела с британской королевской авиабазы в Хабании, оставшейся в Ираке после Первой мировой, чтобы разнести базы вишистов. Среди участников рейдов во второй половине 1941 года был юный пилот, который потом вспоминал, как во время одного из вылетов застиг воскресную утреннюю коктейльную вечеринку французских летчиков, которые отдыхали с компанией ярко одетых девчонок. Стаканы, бутылки и высокие каблуки разлетелись повсюду, когда налетели британские истребители и открыли огонь. Это было ну очень смешно, написал пилот одного из «Харикейнов», Роальд Даль¹⁶⁰².

¹⁵⁹⁷ Michie, 'War in Iran', pp. 40–44.

¹⁵⁹⁸ Bullard, *Letters*, p. 80.

¹⁵⁹⁹ Reza Shah Pahlavi to Roosevelt, 25 August 1941; Roosevelt to Reza Shah Pahlavi, 2 September 1941, цитируется по M. Majd, *August 1941: The Anglo-Russian Occupation of Iran and Change of Shahs* (Lanham, MD, 2012), pp. 232–233; Stewart, *Abadan*, p. 85.

¹⁶⁰⁰ J. Buchan, *Days of God: The Revolution in Iran and its Consequences* (London, 2012), p. 27.

¹⁶⁰¹ Military attaché, 'Intelligence summary 27', 19 November 1941, FO 371 27188.

¹⁶⁰² R. Dahl, *Going Solo* (London, 1986), p. 193.

Новости, поступающие в Берлин в этот период, выглядели по-прежнему хорошо. Советский Союз в отчаянном положении, прорывы в Персии, Ираке и Сирии кажутся неотвратимыми – были все основания полагать, что Германия на пороге череды побед, сравнимых с завоеваниями великих армий ислама VII века или монгольских войск Чингиз-хана и его наследников. До успеха было рукой подать.

Настоящее положение дел довольно сильно отличалось от этого. Поразительно, но любое достижение Германии в Советском Союзе или где-то еще, едва возникнув, оказывалось погребено под грузом проблем. Боевые потери во время продвижения на восток значительно превышали численность подкреплений. Хотя эффектные победы принесли великое множество пленных, это часто достигалось дорогой ценой. По собственной оценке генерала Гольдера, Вермахт потерял более 10 % личного состава в первые 2 месяца боев после начала вторжения, то есть более 400 000 солдат.

К середине сентября их число составляло уже 500 000 убитыми и ранеными¹⁶⁰³.

Стремительный натиск до предела перегрузил линии снабжения. Недостаток чистой воды был проблемой с самого начала, а впоследствии привел к вспышкам холеры и дизентерии. Еще до конца августа самые проницательные стали понимать, что картина не так радужна, как сначала казалось: дефицит предметов быта, таких как бритвенные лезвия, зубная паста, зубные щетки, писчая бумага, иглы и нитки, был замечен с самых первых дней вторжения¹⁶⁰⁴. Нескончаемый дождь в конце лета пропитал людей и снаряжение. «Совершенно невозможно как следует высушить простыни, обувь и одежду», – писал один из солдат домой¹⁶⁰⁵. Эти новости достигли Геббельса, который заметил в дневнике, что для преодоления трудностей нужны стальные нервы. В свой черед, писал он, «нынешние испытания станут увлекательными воспоминаниями»¹⁶⁰⁶.

Надежды на Ближнем Востоке и в Средней Азии тоже оказались обманчивы. Несмотря на весь предыдущий оптимизм, Германии нечем было вызвать духовный подъем, которым предполагалось связать Северную Африку и Сирию, Ирак и Афганистан. Перспектива создания значимого присутствия, не говоря уже об установлении контроля, оказалась скорее иллюзорной, чем материальной.

Итак, в свете необычайных территориальных приобретений Германский генеральный штаб решил укрепить мораль, пока Москва колеблется. В начале октября 1941 года генерал-фельдмаршал фон Рейхенау, командующий одной из армий группы «Юг», которая продвигалась в «зону избытка», издал воззвание, чтобы вселить немного мужества в своих солдат. Каждый из вас, провозглашал он торжественно, «знаменосец национального идеала и мститель за все зверства, перенесенные народом Германии»¹⁶⁰⁷. Это, конечно, было очень мило, но в то время как люди набивали газетами ботинки, чтобы спастись от холода, было трудно воздействовать красноречием на солдат, которые замерзали насмерть, если были ранены или примерзали к обледенелым прикладам винтовок¹⁶⁰⁸. Когда пришел жгучий мороз, такой, что хлеб приходилось рубить топорами, Гитлер с презрением сказал министру иностранных дел Дании: «Если народ Германии утратил силу и готовность жертвовать свою кровь, он должен погибнуть»¹⁶⁰⁹. Химические стимуляторы, такие как первитин и метамфе-

¹⁶⁰³ F. Halder, *Kriegstagebuch: tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres, 1939–1942*, ed. H. – A. Jacobson and A. Philipp, 3 vols (Stuttgart, 1964), 3, 10 September 1941, p. 220; 17 September 1941, p. 236.

¹⁶⁰⁴ D. Stahel, *Kiev 1941: Hitler's Battle for Supremacy in the East* (Cambridge, 2012), pp. 133–134.

¹⁶⁰⁵ H. Pichler, *Truppenarzt und Zeitzeuge. Mit der 4. SS-Polizei-Division an vorderster Front* (Dresden, 2006), p. 98.

¹⁶⁰⁶ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, 27 August 1941, Teil II, 1, p. 316.

¹⁶⁰⁷ Цитируется по Beevor, *Stalingrad*, pp. 56–57.

¹⁶⁰⁸ Fritz, *Ostkrieg*, pp. 158–159.

¹⁶⁰⁹ A. Hillgruber, *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen 1939–1941* (Munich, 1969), p. 329.

тамин, распространявшиеся в огромных количествах среди солдат на пронзающе холодном Восточном фронте, поддерживали куда лучше зажигательных речей¹⁶¹⁰.

Серьезные проблемы снабжения также были характерны для наступления. Считалось, что соединение, приближавшееся к Москве, нуждается в 27 поставках топлива поездом каждый день, а в ноябре оно получало 3 в течение всего месяца¹⁶¹¹. Американские экономисты, следившие за ходом войны, сосредоточились именно на этом обстоятельстве в докладах, озаглавленных «Военно-экономическое положение Германии» и «Проблемы снабжения Германии на Восточном фронте». Они подсчитали, что на каждые двести миль продвижения потребуется дополнительно 35 000 грузовиков или же снижение объемов ежедневных поставок для линии фронта на 10 000 тонн. Скорость движения, таким образом, оказывалась наибольшей проблемой¹⁶¹².

Продолжать снабжать передовую с тыла получалось плохо. Но было и более давящее обстоятельство. Главной идеей вторжения было отсечь плодородные земли Украины и Южной России – так называемую «зону избытка». Даже когда зерно поставлялось из Советского Союза, до начала вторжения, воздействие войны на поставки пищи и рацион населения были гораздо более заметны в Германии, чем, например, в Великобритании. Вместо того чтобы вырасти благодаря восточным приобретениям объем дневного потребления калорий, и так снизившийся к концу 1940 года, снова начал падать¹⁶¹³. Фактически поставки зерна в Германию после начала операции «Барбаросса» были гораздо ниже, чем импорт из Советского Союза в 1939–1941 годах¹⁶¹⁴.

Германское радиовещание пыталось подстегнуть дух и вселить уверенность. В Германии привыкли иметь богатые запасы зерна, провозглашалось в одной из передач в ноябре 1941 года, «теперь в военное время мы не можем позволить себе такую роскошь». Но есть и хорошие новости, говорилось дальше. Не нужно бояться дефицита и проблем, аналогичных Первой мировой. В отличие от периода между 1914 и 1918 годами, «германский народ может полагаться на службу распределения продовольствия»¹⁶¹⁵.

Это было громко сказано, поскольку на самом деле становилось ясно, что идея захвата практически бесконечного источника ресурсов на Востоке была миражом. Армия, которой было предписано кормиться с земли, была не способна делать это, с трудом выживая за счет угона скота. Вместо улучшения положения в сельском хозяйстве родины, обетованные земли, на которые Гитлер и его окружение возлагали надежды, истощили его. Советская тактика выжженной земли отняла большую часть ее богатств. Тем временем в сложной и противоречивой системе командования Вермахта наблюдались постоянные раздоры относительно того, сколько людей, танков, ресурсов и топлива направить в центр, на север или юг – семена, которые впоследствии дали гибельные всходы.

Американские оценки вероятной урожайности на оккупированных советских территориях на весну 1942 года давали безрадостную картину перспектив жатвы на Украине и в

¹⁶¹⁰ W. Kemper, 'Pervitin – Die Endsieg-Droge', in W. Pieper (ed.), *Nazis on Speed: Drogen im Dritten Reich* (Lohrbach, 2003), pp. 122–133.

¹⁶¹¹ R.-D. Müller, 'The Failure of the Economic "Blitzkrieg Strategy"', in H. Boog et al. (eds), *The Attack on the Soviet Union*, vol. 4 of W. Deist et al. (eds), *Germany and the Second World War*, 9 vols (Oxford, 1998), pp. 1127–1132; Fritz, *Ostkrieg*, p. 150.

¹⁶¹² M. Guglielmo, 'The Contribution of Economists to Military Intelligence during World War II', *Journal of Economic History* 66.1 (2008), esp. pp. 116–120.

¹⁶¹³ R. Overy, *War and the Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), pp. 264, 278; J. Barber and M. Harrison, *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II* (New York, 1991), pp. 78–79.

¹⁶¹⁴ A. Milward, *War, Economy and Society, 1939–1945* (Berkeley, 1977), pp. 262–273; Tooze, *Wages of Destruction*, pp. 513–551.

¹⁶¹⁵ German radio broadcast, 5 November 1941, Propaganda Research Section Papers, Abrams Papers, 3f 44/41.

Южной России. В лучшем случае предполагалось в докладе, возможно собрать две трети довоенных урожаев. Да и то вряд ли¹⁶¹⁶.

Несмотря на все территориальные приобретения, таким образом, кампания на Востоке не смогла обеспечить не то что обещанного, но даже необходимого. Всего через 2 дня после начала вторжения в Советский Союз Бакке представил свои подсчеты, сколько пшеницы требовалось для выполнения четырехлетнего экономического плана. Германии не хватало 2,5 миллиона тонн в год. Вермахт должен был это исправить и сопроводить миллионы тонн масличных зерен и миллионы голов скота, чтобы накормить Германию¹⁶¹⁷. Гитлер приказал генералам сравнить Москву и Ленинград с землей только для того, чтобы «там не осталось людей, которых тогда придется зимой кормить»¹⁶¹⁸.

Поняв, что миллионы погибнут от голода, германцы начали решать, кто именно. Первыми в списке стояли русские пленные. Нет нужды их кормить, пренебрежительно писал Геринг, мы не связаны какими-то международными обязательствами¹⁶¹⁹. 16 сентября 1941 года он отдал приказ прекратить снабжение продовольствием неработающих военнопленных, то есть тех, кто был слишком слаб или изранен для рабского труда. Месяц спустя после того, как пайки работающих пленных тоже были урезаны, их уменьшили еще раз¹⁶²⁰. Эффект был опустошительный: к февралю 1942 года около 2 миллионов (из общего числа в 3,3 миллиона) советских пленников умерли в основном от истощения¹⁶²¹.

Чтобы еще ускорить процесс, были придуманы новые способы сокращения числа голодных ртов. Военнопленных поделили на сотни, чтобы проверить действие ядохимикатов, применявшихся для дезинфекции польских казарм. Также проводились эксперименты по воздействию отравления угарным газом, для чего применялись фургоны с выведенными в кузов выхлопными трубами. Эти испытания, состоявшиеся осенью 1941 года, проводились в местах, которые скоро приобрели дурную славу за массовое применение подобных методов, — Освенцим, Заксенхаузен¹⁶²².

Массовые убийства, последовавшие через считанные недели после начала вторжения, были отвратительным ответом на провал германского наступления и очевидные несостыковки экономического и стратегического планирования. Огромные житницы Украины и Южной России не принесли того, что от них ожидалось. И вот последовала расплата: не депортация или эмиграция местного населения, как Гитлер упоминал в беседах. Когда людей оказалось слишком много, а еды слишком мало, две цели для демонизации во всех областях жизни Германии, в прессе и общественном сознании оказались очевидны — русские и евреи.

Изображение славян расово неполноценными, непредсказуемыми, склонными к мучительству и насилию всемерно развивалось перед войной. Хотя язвительности поубавилось после подписания пакта Молотова — Риббентропа в 1939 году, нападки возобновились вме-

¹⁶¹⁶ 'Gains of Germany (and her Allies) through the Occupation of Soviet Territory', in Coordinator of Information, *Research and Analysis Branch, East European Section Report*, 17 (March 1942), pp. 10–11.

¹⁶¹⁷ 'Reich Marshal of the Greater German Reich', 11th meeting of the General Council, 24 June 1941, цитируется по Müller, 'Failure of the Economic "Blitzkrieg Strategy"', p. 1142.

¹⁶¹⁸ Halder, *Kriegstagebuch*, 8 July 1941, 3, p. 53.

¹⁶¹⁹ C. Streit, 'The German Army and the Politics of Genocide', in G. Hirschfeld (ed.), *The Policies of Genocide: Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany* (London, 1986), pp. 8–9.

¹⁶²⁰ J. Hürter, *Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/1942* (Munich, 2006), p. 370.

¹⁶²¹ Streit, *Keine Kameraden*, p. 128; также см. Snyder, *Bloodlands*, pp. 179–184.

¹⁶²² R. Overmans, 'Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945', in J. Echternkamp (ed.), *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, 10 vols (Munich, 1979–2008), 9.2, p. 814; Browning, *Origins of the Final Solution*, p. 357; Snyder, *Bloodlands*, pp. 185–186.

сте с вторжением. Решительно внедряемая, эта политика вылилась в геноцид русских, который начался летом 1941 года¹⁶²³.

Антисемитизм еще глубже въелся в Германию перед войной. Согласно мнению предыдущего кайзера, Веймарская республика была «задумана евреями, создана евреями и содержалась на еврейские деньги». Евреи как комары, писал он в 1925 году, «неудобство, от которого человечество должно избавиться тем или иным путем. Мне кажется, газ лучше всего!»¹⁶²⁴ – Такие взгляды не были необычными. События типа Хрустальной ночи – организованных погромов в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года – были вершинами ядовитой риторики, отношения к евреям как «паразитам, которые кормятся плотью и плодами труда других наций»¹⁶²⁵.

Растущие страхи перед тем, что получится вследствие таких речей и действий, уже убедили некоторых попытаться найти новых союзников. В середине 1930-х годов Давид Бен-Гурион, впоследствии премьер-министр Израиля, пытался достичь соглашения с арабскими властями в Палестине, чтобы расширить путь для переселения евреев. Но не добился ничего, кроме миссии, возглавляемой якобы обычным арабом, отправленной в Берлин, чтобы согласовать условия получения помощи нацистского режима для поддержки арабских планов по подрыву британских интересов на Ближнем Востоке¹⁶²⁶.

Еще до конца первого месяца войны, в сентябре 1939 года, был согласован план переселения всех евреев в Польшу. Для начала план подразумевал концентрацию основной массы населения, чтобы облегчить ее насильственное выдворение с территории Германии. Также в конце 1930-х годов разрабатывались замысловатые планы депортации германских евреев на Мадагаскар. Полусырые проекты, вероятно, базировались на популярной, но неверной теории географов и антропологов XIX и начала XX века, выводившей происхождение малагасийских племен, населявших этот остров на юго-западе Индийского океана, от евреев¹⁶²⁷.

Обсуждались также и проекты переселения евреев куда-нибудь еще. Гитлер стоял за план создания еврейского государства в Палестине большую часть последних двух десятилетий. Весной 1938 года он высказывался в поддержку политики перемещения германских евреев на Ближний Восток и основания нового государства для них¹⁶²⁸. Более того, в конце 1930-х годов миссия высших чинов, возглавляемая Адольфом Эйхманом, была послана на встречу с сионистскими агентами в Палестине, чтобы обсудить, какой комплекс мер мог бы решить то, что называлось еврейским вопросом, раз и навсегда. Определенно забавно, что Эйхман, который позже был казнен в Израиле за преступления против человечества, оказался ведущим переговоры об ускорении эмиграции евреев из Германии в Палестину, что было в интересах как антисемитской нацистской верхушки, так и лидеров еврейского сообщества в Иерусалиме и его окрестностях¹⁶²⁹.

¹⁶²³ K. Berkhoff, 'The "Russian" Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine as Victims of Genocidal Massacre', *Holocaust and Genocide Studies* 15.1 (2001), pp. 1–32.

¹⁶²⁴ Röhl, *The Kaiser and his Court*, p. 210. Что касается отношения Кайзера к евреям, см. L. Cecil, 'Wilhelm II und die Juden', in W. Mosse (ed.), *Juden im Wilhelminischen Deutschland, 1890–1914* (Tübingen, 1976), pp. 313–348.

¹⁶²⁵ Hitler's speech to the Reichstag, 30 January 1939, in *Verhandlungen des Reichstags, Stenographische Berichte 4. Wahlperiode 1939–1942* (Bad Feilnbach, 1986), p. 16.

¹⁶²⁶ Rubin and Schwanitz, *Nazis, Islamists*, p. 94.

¹⁶²⁷ H. Jansen, *Der Madagaskar-Plan: Die beabsichtigte Deportation der europäischen Juden nach Madagaskar* (Munich, 1997), esp. pp. 309–311. Что касается теорий о малагасийцах, см. E. Jennings, 'Writing Madagascar Back into the Madagascar Plan', *Holocaust and Genocide Studies* 21.2 (2007), p. 191.

¹⁶²⁸ F. Nicosia, 'Für den Status-Quo: Deutschland und die Palästinafrage in der Zwischenkriegszeit', in L. Schatkowski Schilcher and C. Scharf (eds), *Der Nahe Osten in der Zwischenkriegszeit 1919–1939. Die Interdependenz von Politik, Wirtschaft und Ideologie* (Stuttgart, 1989), p. 105.

¹⁶²⁹ D. Cesarani, *Eichmann: His Life and Crimes* (London, 2004), pp. 53–56.

Хотя переговоры не увенчались успехом, германцев продолжали рассматривать как потенциально полезных партнеров даже после начала войны. Осенью 1940 года Авраам Штерн, основатель движения под названием ЛеХИ, которое было известно палестинским властям как «банда Штерна» и в которое входили будущий премьер-министр Ицхак Шамир, а также другие отцы-основатели современного Израиля, отправил послание высокопоставленному германскому дипломату в Бейруте с радикальным предложением. «Можно найти общие интересы», было написано в начале, у Германии и «подлинно национальных устремлений еврейского народа», которые Штерн и другие якобы представляли. Если «чаяния движения за свободу Израиля будут признаны», Штерн предлагал «активно поучаствовать в войне на стороне Германии». Если евреи получают свободу в собственном государстве, Гитлер, конечно, окажется в выигрыше: помимо «укрепления будущих германских позиций на Ближнем Востоке», это также «невероятно укрепит моральный облик Третьего рейха в глазах всего человечества»¹⁶³⁰.

Это был сильный ход. На самом деле Штерн вел себя практично, даже несмотря на то, что надежды, которые он возлагал на союз с Германией, разделяли не все в его собственной организации. «Все, что мы хотим от германцев, – говорил он вскоре после этого, объясняя свою позицию, – это поток еврейских новобранцев в Палестину». Таким образом, «война с британцами за освобождение родины начнется здесь. Евреи получают государство, а германцы за счет этого избавятся от важного британского опорного пункта на Ближнем Востоке и также решат еврейский вопрос в Европе...» Это звучало логично и пугающе: еврейские лидеры активно стремились к сотрудничеству с величайшим антисемитом всех времен, торгуясь с организаторами холокоста менее чем за год до начала геноцида¹⁶³¹.

С точки зрения Гитлера, было вообще неважно, куда высылать евреев, так велика была мощь его антисемитизма. Палестина была лишь одной областью на карте из многих рассматриваемых, в том числе всерьез осаждавшихся мест в глубине России. «Неважно куда послать евреев, – говорил Гитлер хорватскому полевому командиру Славко Кватернику в 1941 году. – Что в Сибирь, что на Мадагаскар»¹⁶³².

После столкновения с проблемами в России это обычное отношение переросло в нечто более формальное и грубое, когда до нацистских планировщиков дошло, что концентрация евреев в лагерях позволяла устроить массовое убийство без особых затруднений¹⁶³³. В свете истощения ресурсов, которых уже не хватало, оставалось недолго до того, как систематический антисемитский режим начал смотреть на убийства сквозь пальцы. Евреи уже находились в лагерях в Польше, они были готовой и легкой целью в тот момент, когда нацистское руководство поняло, что у него на балансе миллионы лишних ртов.

«Существует опасность, – писал Адольф Эйхман уже в середине июля 1941 года, – что этой зимой евреев нельзя будет прокормить. Всерьез обсуждается, не будет ли наиболее гуманным решением избавиться от неспособных к труду евреев какими-нибудь быстродействующими средствами»¹⁶³⁴. Старики, больные, женщины, дети и прочие «неспособные к труду» были пущены в расход: именно они заняли первую строку в списке «х миллионов» людей, чьи смерти были тщательно просчитаны перед вторжением в Советский Союз.

¹⁶³⁰ Цитируется по D. Yisraeli, *The Palestinian Problem in German Politics, 1889–1945* (Ramat-Gan, 1974), p. 315.

¹⁶³¹ J. Heller, *The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949* (London, 1995), p. 85–87.

¹⁶³² T. Jersak, 'Blitzkrieg Revisited: A New Look at Nazi War and Extermination Planning', *Historical Journal* 43.2 (2000), p. 582.

¹⁶³³ См., главным образом, G. Aly, "'Judenumsiedlung': Überlegungen zur politischen Vorgeschichte des Holocaust', in U. Herbert (ed.), *Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945: neue Forschungen und Kontroversen* (Frankfurt-am-Main, 1998), pp. 67–97.

¹⁶³⁴ Streit, 'The German Army and the Politics of Genocide', p. 9; Fritz, *Ostkrieg*, p. 171.

Это положило начало цепи событий, беспрецедентно масштабных и ужасных. Человеческие существа словно скот доставлялись в загоны, где их можно было разделить на тех, кто пригоден для рабского труда, и тех, чьи жизни становились платой за выживание остальных: Южная Россия, Украина и степи на западе стали причиной геноцида. Неспособность земли рождать пшеницу в ожидаемых количествах стала прямой причиной холокоста.

В Париже, где полиция вела секретные списки иностранцев, причем не только евреев, с конца 1930-х годов процесс депортации был вопросом простого просмотра картотеки, доставшейся германским оккупантам, и последующей высылки нарядов для подготовки к отправке целых семей в лагеря на востоке, в основном в Польшу¹⁶³⁵. Регистрация евреев в других оккупированных странах, например в Нидерландах, как часть широкомасштабной программы официального нацистского антисемитизма также сделала процесс депортации ставших лишними людей удручающе легким¹⁶³⁶. Нападение на Советский Союз, сопровождаемое мыслями о зоне избытка, теперь привело к мыслям об избытке населения и о том, как от него избавиться.

Когда надежды на плоды вторжения рухнули, нацистская элита пришла к выводу, что есть лишь одно решение проблем Германии. Словно гротескное отражение встречи, состоявшейся в Берлине 2 мая 1941 года, в Ванзее, зеленом пригороде Берлина, менее чем через восемь месяцев состоялась другая встреча. Обсуждение снова вращалось вокруг гибели неисчислимых миллионов. От названия, которое получили решения, достигнутые холодным утром 20 января 1942 года, пробирает мороз по коже. В глазах его создателей геноцид евреев был просто реакцией на проблему. Холокост стал «окончательным решением»¹⁶³⁷.

Вскоре в Москву из Лондона и Вашингтона отправились танки, самолеты, вооружение и продовольствие, сопротивление Германии начало усиливаться. Существовали сети, торговые пути и каналы связи, которые работали с античных времен в так называемом персидском коридоре, протянувшемся от портов Персидского залива – Абадана, Басры, Башира и других, в глубь страны до Тегерана через Арак и Кум и далее через Кавказ в Советский Союз. Были также открыты пути через русский Дальний Восток в Среднюю Азию¹⁶³⁸.

Старинные торговые связи России с Великобританией снова заработали, несмотря на сопутствующие трудности: арктические караваны, доставлявшие провизию и ресурсы в Мурманск и на север России, были достаточно рискованным занятием в XVIII и XIX веках. Водить суда в досягаемости подводного флота и тяжеловооруженных линкоров, типа «Тирпиц» и «Бисмарк», которые вели себя на побережье Норвегии как дома, требовало огромной стойкости и силы. Временами менее половины судов добиралось до места назначения и назад, а их команды не награждались за службу и храбрость целые десятилетия после окончания войны¹⁶³⁹.

Медленно, но верно положение менялось и германские войска выдавливались из центра мира. В какой-то момент казалось, что ставки Гитлера оправдались: еще не коронованный повелитель Европы, он почти овладел Средней Азией с севера и с юга, когда его войска

¹⁶³⁵ J.-M. Belière and L. Chabrun, *Les Policiers français sous l'Occupation, d'après les archives inédites de l'épuration* (Paris, 2001), pp. 220–224; P. Griffioen and R. Zeller, 'Anti-Jewish Policy and Organization of the Deportations in France and the Netherlands, 1940–1944: A Comparative Study', *Holocaust and Genocide Studies* 20.3 (2005), p. 441.

¹⁶³⁶ L. de Jong, *Het Koninkrijk der Nederlanden in de Tweede Wereldoorlog*, 14 vols (The Hague, 1969–1991), 4, pp. 99–110.

¹⁶³⁷ О конференции в Ванзее – C. Gerlach, 'The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All European Jews', *Journal of Modern History* 70 (1998), pp. 759–812; Browning, *Origins of the Final Solution*, p. 374ff.

¹⁶³⁸ R. Coakley, 'The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR', in M. Blumenson, K. Greenfield et al., *Command Decisions* (Washington, DC, 1960), pp. 225–253; а также T. Motter, *The Persian Corridor and Aid to Russia* (Washington, DC, 1952).

¹⁶³⁹ О конвоях – R. Woodman, *Arctic Convoys, 1941–1945* (London, 2004).

достигли берегов Волги. Но один за другим призы ускользали по мере того, как германская армия безостановочно и жестоко изгонялась назад к Берлину.

Гитлер пришел в отчаяние, когда сообразил, что происходит. В качестве доказательства этого в закрытом британском докладе приводилась его речь 26 апреля 1942 года: несмотря на определенные успехи на Востоке, германский лидер выказывал явные признаки паранойи и фатализма, а также все более заметные симптомы того, что называется мессианским комплексом¹⁶⁴⁰. С точки зрения психологии Гитлер был поразительно склонен к риску, можно было бы назвать его маниакальным игроком¹⁶⁴¹. А теперь удача стала оставлять его.

Положение дел начало меняться летом 1942 года. Роммель застрял в Эль-Аламейне, исполняя план Мухаммеда аль-Хусейни, который велел обитателям Каира приготовить списки адресов и мест работы еврейских граждан, чтобы их можно было собрать и уничтожить в газенвагенах, разработанных германским офицером-фанатиком, служившим поблизости¹⁶⁴².

Вступление Соединенных Штатов в войну не сразу оказало влияние на ее ход. Шокированные нападением японцев на Перл-Харбор, американцы вооружались для войны на два фронта. В середине 1942 года победа в великой битве при Мидвее позволила США перейти в атаку на тихоокеанском театре. Множественные высадки войск в Северной Африке, на Сицилии и в Северной Италии в начале следующего года, а впоследствии и повсюду в Европе также обещали переломить ход войны¹⁶⁴³.

Затем был Сталинград. Весной 1942 года Гитлер поддержал предложение под названием «Синий вариант», которое предполагало бросок германских сил через юг России, чтобы защитить нефтяные скважины на Кавказе, которые стали ключевыми элементами военной стратегии рейха. Идея была претенциозной и рискованной, но от этого зависела победа, это понимал и Гитлер, и его верховное командование: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, – заявил германский лидер, – придется мне закончить войну»¹⁶⁴⁴.

Главную проблему представлял собой Сталинград. Было необходимо захватить город, и вовсе не из-за его славного имени. Помимо того что он являлся крупным промышленным центром, важно было его стратегическое положение в излучине Волги. Нейтрализовать Сталинград было жизненно необходимо для защиты германской добычи, ожидавшейся на Кавказе. К осени 1942 года стало ясно, что дела идут не слишком хорошо. Германское наступление началось поздно и вскоре столкнулось с трудностями. Солдаты, боеприпасы и все более дефицитное топливо, ресурсы, которые Берлин не мог позволить себе тратить, расходовались в огромном количестве под Сталинградом, что само по себе было достаточно плохо. Еще хуже было отвлечение внимания от приоритетной цели кампании – нефти. Некоторые в ближайшем окружении Гитлера, например Альберт Шпеер, понимали, чего будет стоить задержка. Германия должна была выиграть войну «к концу октября до прихода русской зимы», или она проиграет «раз и навсегда»¹⁶⁴⁵.

Хотя еще многое оставалось сделать в стратегическом плане, чтобы поколебать германские позиции на востоке и западе и создать клещи, которые сомкнутся на Берлине, в конце 1942 года мысли новых союзников, Британии, США и Советского Союза, обратились

¹⁶⁴⁰ J. MacCurdy, 'Analysis of Hitler's Speech on 26th April 1942', 10 June 1942, Abrams Archive, Churchill College, Cambridge.

¹⁶⁴¹ E. Schwaab, *Hitler's Mind: A Plunge into Madness* (New York, 1992).

¹⁶⁴² Rubin and Schwanitz, *Nazis, Islamists*, pp. 139–141. В целом – M. Carver, *El Alamein* (London, 1962).

¹⁶⁴³ О США в Тихом океане см. H. Willmott, *The Second World War in the Far East* (London, 2012); а также A. Kernan, *The Unknown Battle of Midway: The Destruction of the American Torpedo Squadrons* (New Haven, 2005).

¹⁶⁴⁴ Цитируется по Fritz, *Ostkrieg*, p. 235; для контекста – pp. 231–239.

¹⁶⁴⁵ Там же, pp. 261–270; Speer, *Inside the Third Reich*, p. 215.

к будущему. Когда лидеры трех стран встречались в Тегеране в 1943 году, затем в Ялте весной 1945 года и, наконец, в Потсдаме несколько месяцев спустя, было ясно, что последний мировой конфликт измотал Западную Европу.

Стало очевидно, что древние империи нуждаются в передышке, вопрос был в том, как лучше организовать этот процесс. Признаком всепроникающего падения духа было то, что при необходимости принять наименее плохое решение, найти его не удалось. В октябре 1944 года Черчилль вернулся домой из Москвы «освеженный и укрепленный», как он говорил Сталину, благодаря тому, что «русское гостеприимство, и без того знаменитое, превзошло себя».

В программу входил Третий концерт для фортепиано Рахманинова, небольшие покупки, а также совещания, в ходе которых было разработано множество решений. Переговоры о судьбе послевоенной Европы не вошли в протокол и исключены из официальных репортажей¹⁶⁴⁶.

Территориальная целостность Польши, которую Палата общин клялась защищать в 1939 году, была нарушена, ее границы были грубо изменены, когда Черчилль счел момент «подходящим для дела» и синим карандашом сделал на карте пометки, предполагающие, что треть страны отойдет Германии, а треть – Советскому Союзу. Он также предложил другие изменения в границах стран Центральной и Восточной Европы, которые были взаимовыгодны, например, раздел Румынии 9 к 1 в пользу СССР и обратное соотношение для Греции, Болгарию, Венгрию и Югославию предполагалось разделить ровно пополам. Даже сам Черчилль признавал, что небрежная манера, с которой он решает судьбы миллионов людей, «довольна цинична». В цену расположения Сталина входила свобода половины европейского континента. «Давайте сожжем бумагу», – предложил Черчилль советскому вождю. «Нет, – ответил Сталин, – сохраните ее»¹⁶⁴⁷.

Черчилль понял истинную суть происходящего слишком поздно. В своей знаменитой Фултонской речи в Миссури в 1946 году, предупреждавшей о падении железного занавеса поперек Европы, он замечал, что «все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София» теперь находятся в сфере влияния Советского Союза¹⁶⁴⁸. Все они, кроме Вены и половины Берлина, там и остались. Вторая мировая война велась против падающей на Европу тени тирании, а в конце ничто не смогло остановить падение железного занавеса.

Итак, Европа была рассечена пополам по итогам Второй мировой. Западная часть сражалась храбро, героически и десятилетиями потом чествовала себя за заслуги в победе над нацизмом, отказываясь признавать свою роль в его создании. Нельзя было также думать и о той части континента, которая была отдана в рамках послевоенных соглашений. Разгром Германии вылился в хроническую послевоенную усталость, наблюдалось истощение экономик Британии и Франции, экономический коллапс в Голландии, Бельгии, Италии и Скандинавских странах.

На фоне разрухи возрастал страх не только перед гонкой вооружений, участники которой склонялись к углублению исследований ядерного оружия, но и перед прямым противостоянием. Соотношение советских войск и войск союзников в Европе 4:1, а также превосходство СССР в танках создавали опасения конфликтов, которые могли последовать за капитуляцией Германии. В результате Черчилль приказал составить планы, основывающиеся на гипотезе, что разгром Гитлера означал конец главы, но не конфликта. В названии этих

¹⁶⁴⁶ О поездке в Москву в октябре 1944 года см. CAB 120/158.

¹⁶⁴⁷ M. Gilbert, *Churchill: A Life* (London, 1991), p. 796; R. Edmonds, 'Churchill and Stalin', in R. Blake and R. Louis (eds), *Churchill* (Oxford, 1996), p. 320, а также Churchill, *Second World War*, 6, pp. 227–228.

¹⁶⁴⁸ W. Churchill, 'The Sinews of Peace', 5 March 1946, in J. Muller (ed.), *Churchill's 'Iron Curtain' Speech Fifty Years Later* (London, 1999), pp. 8–9.

планов скрывалась причина их приоритетности: операция «Немыслимое» с трудом помещалась в сознании британских стратегов¹⁶⁴⁹.

Необходимость готовиться ко всему была обусловлена стремительным изменением ситуации после падения Германии. Сталин занимал все более бескомпромиссную позицию, без сомнения, основанную на страхе предательства. Основой стало крушение катастрофического альянса, заключенного с Гитлером в 1939 году, а также чудовищная цена, которую Советскому Союзу пришлось заплатить, прежде всего в Сталинграде и Ленинграде, чтобы пережить германский натиск¹⁶⁵⁰. С точки зрения Москвы, стало важно построить систему буферных зон и государств-сателлитов, а также показать всем, что Советский Союз может действовать решительно, если почувствует угрозу. В этих обстоятельствах парализовать западные страны, подрывая и даже уничтожая их промышленную базу, было логичным шагом – так же как и предоставление финансовой и логистической поддержки местным коммунистическим партиям. Как учит история, атака зачастую наилучшая защита¹⁶⁵¹.

В результате гитлеровская тирания была признана хуже сталинской. Повесть о войне как о триумфе над угнетателями стала выборочной, выделяя главного врага и скрывая вину и недостатки недавних друзей. Многие в Центральной и Восточной Европе были бы рады не иметь ничего общего с этой историей триумфа демократии, учитывая цену, которая в последующие десятилетия была заплачена оказавшимися не с той стороны черты. Тем не менее Западная Европа защищала свою историю, подчеркивая успехи и замалчивая ошибки и решения, которые составляли реальную политику.

Символично, что Европейскому Союзу присудили Нобелевскую премию мира в 2012 году: как чудесно, что Европа, ответственная за практически непрерывные военные столкновения, не только на своем континенте, но и по всему миру на протяжении веков, смогла удержаться от конфликта несколько десятилетий.

В поздней античности эквивалентом могло бы быть присуждение премии Риму через век после его разграбления готами или, возможно, крестоносцам после потери Акры за смягчение антиисламской риторики в христианском мире. Молчание пушек, однако, было вызвано скорее тем обстоятельством, что драться было больше не за что, чем прозорливостью когорты предположительно блестящих миротворцев в конце XX – начале XXI века или громоздкой организации европейских государств, чьи счета годами не утверждают ее же аудиторы.

Новый мир начал рождаться в 1914 году, когда солнце над Западной Европой склонилось к закату. Процесс ускорился благодаря потерям 1939–1945 годов и продолжился после того, как они закончились. Теперь вопрос заключался в том, кто будет контролировать громадные сети Евразии. Были причины как следует подумать об этом, ибо оказалось, что плодородная земля, золотые пески сердца мира и воды Каспийского моря скрывают больше, чем видит глаз.

¹⁶⁴⁹ D. Reynolds, *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s* (Oxford, 2006), pp. 250–253.

¹⁶⁵⁰ M. Hastings, *All Hell Let Loose: The World at War, 1939–1945* (London, 2011), pp. 165–182; Beevor, *Stalingrad*, в разных местах.

¹⁶⁵¹ См. A. Applebaum, *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956* (London, 2012).

21. Путь холодной войны

Еще до окончания Второй мировой войны развернулась борьба за контроль над Сердцем Азии. В громко звучащем трехстороннем договоре, подписанном в январе 1942 года, Британия и Советский Союз торжественно обязались «хранить иранский народ от нужды и лишений, возникших в результате этой войны», и обеспечивать его достаточным количеством еды и одежды. В действительности, когда настало время исполнять договор, оказалось, что дело отнюдь не в безопасности Ирана, а в управлении его инфраструктурой: договор, между прочим, предполагал, что Британия и Советский Союз могут использовать дороги, реки, трубопроводы, аэродромы и телеграфную сеть страны, как им заблагорассудится¹⁶⁵². Это не оккупация, подчеркивал договор, а рука помощи союзнику. Прекрасные слова, но довольно хитрые.

Предполагалось, что договор предназначен для предотвращения германской экспансии в Иран и обеспечения возможности транспортировки ресурсов, и это свидетельствовало о том, что у британцев явно есть долгосрочные планы. Американский посол в Тегеране Луис Дж. Дрейфус, например, регулярно телеграфировал в Вашингтон, комментируя все более агрессивные требования к шаху и объяснения насчет работы пятой колонны против британских интересов в Иране. «Я убежден, – писал он в августе 1941 года, – что британцы используют ситуацию как предлог для настоящей оккупации Ирана и заведомо сгущают краски в связи с текущей ситуацией»¹⁶⁵³.

Цель построения и укрепления британских позиций в Иране не стала достижимее от того, каким образом их чиновники и солдаты обращались с местным населением. За целое десятилетие до войны один журналист выступил с вялой критикой поведения британцев, заявляя, что они относятся к иранцам так же плохо, «как Ост-Индская компания к индусам 200 лет назад»¹⁶⁵⁴. Враждебность возросла, когда британские офицеры настояли, чтобы иранские офицеры салютовали своим зарубежным коллегам при встрече, причем отвечать им было необязательно. Широко распространялись жалобы, что британцы ведут себя, как «сахибы, белые господа, и относятся к иранцам, как к порабощенному народу». Это создавало яркий контраст с советскими офицерами, которые были сдержанны, редко покидали расположение и не требовали салютов – во всяком случае, если верить одному из офицеров германской разведки, базировавшейся в этой области¹⁶⁵⁵.

Взгляды сэра Ридера Балларда, британского посланника, в это непростое время были типичны. Дефицит продовольствия и инфляция, сопровождавшие вторую половину войны, не были связаны с неудачами оккупационных сил или с логистическими трудностями прокладки персидского коридора, принимавшего оружие и другие грузы с залива для отправки на север. Вина, как писал Баллард, лежит на самих иранцах: «Нынешний перс получает двойное удовольствие от воровства, взвинчивания цен во время голода и так далее, а винит он во всем британцев»¹⁶⁵⁶. Отметив свое «невысокое мнение» об иранцах, он легкомысленно

¹⁶⁵² A. Millsaugh, *Americans in Persia* (Washington, DC, 1946), Appendix C; B. Kuniholm, *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece* (Princeton, 1980), pp. 138–143.

¹⁶⁵³ The Minister in Iran (Dreyfus) to the Secretary of State, 21 August 1941, *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers 1941*, 7 vols (Washington, DC, 1956–1962), 3, p. 403.

¹⁶⁵⁴ Али Дашти, писавший в декабре 1928-го, цитируется по Buchan, *Days of God*, p. 73.

¹⁶⁵⁵ B. Schulze-Holthus, *Frührot in Persien* (Esslingen, 1952), p. 22. Шульце-Хольтус был отправлен в Иран Абвером (германской военной разведкой) в качестве вице-консула в городе Тебризе. Он оставался под прикрытием в Тегеране во время войны, поддерживая агитацию среди антисоюзных фракций. Также см. здесь S. Seydi, 'Intelligence and Counter-Intelligence Activities in Iran during the Second World War', *Middle Eastern Studies* 46.5 (2010), pp. 733–752.

¹⁶⁵⁶ Bullard, *Letters*, p. 154.

добавил к одному из своих отчетов в Лондон, что «большая часть персов, конечно, будут мясными мухами в следующем перерождении»¹⁶⁵⁷. Депеши вроде этой привлекли внимание Уинстона Черчилля. «Каким бы естественным ни было презрение сэра Ридера Балларда ко всем персам, — написал премьер-министр, — оно губительно для нашей деятельности и наших интересов»¹⁶⁵⁸.

Еще хуже становилось из-за того, что глубоко вьевшееся ощущение главенства и превосходства противоречило реалиям ситуации, ставилось ясно, что доминантная позиция британцев под угрозой. Безобразные сцены начались в Тегеране в 1944 году, когда русские обнаружили, что ведутся переговоры о передаче концессии на Северный Иран американскому консорциуму производителей горючего. Масло в огонь подливала партия «Тудех», боевая группа левых радикалов, чьи идеи реформ, перераспределения богатств и модернизации получали поддержку из Москвы. Заинтересованность Советского Союза в срыве переговоров проявилась в том, что на пике напряжения русские солдаты вышли на улицы вместе с тысячами демонстрантов, якобы для защиты протестующих.

Многим казалось неудобным возможное применение силы Советским Союзом, чтобы настоять на своем и добиться отмены соглашения. Это подчеркивал Сергей Кавтарадзе, заместитель наркома иностранных дел, которого Сталин отправил в Тегеран, чтобы предупредить, как небезопасно злить Советский союз¹⁶⁵⁹.

В последовавшей драматической развязке главная роль отводилась Мохаммеду Мосаддыку, хитрому, красноречивому и искусному политику, который понимал дух времени. Этот человек, по словам одного британского чиновника, «выглядит как рабочая лошадка и слегка глуховат, так что он слушает с напряженным и вместе с тем невыразительным лицом. Он ведет разговор на дистанции в 6 дюймов, с которой распространяет слабый аромат опиума. Его реплики часто занудны, и он будто бы нечувствителен к аргументам»¹⁶⁶⁰. Мосаддык был персом старой школы, как гласило описание в *Observer*, приложенное к документам внешнеполитического ведомства, «вежливым, щедрым на поклоны и аплодисменты»¹⁶⁶¹. Впоследствии жизнь показала, что британцы сильно недооценили его.

Мосаддык принялся распространять идею, впервые озвученную в Парламенте в конце 1944 года, что Иран не может и не должен позволять себе быть управляемым и терроризируемым внешними силами. Концессия Нокса Д'Арси и поведение Англо-Иранской, а ранее Англо-Персидской компаний позволяли увидеть, что происходит, если руководство недостаточно твердо. Мосаддык говорил, что Иран снова используется для извлечения выгоды соперничающими сторонами, от которых нет никакого прока его гражданам. Было просто несправедливо предлагать Ирану выбор, с кем ему вести дела: «Давайте торговать со всеми, — предлагал он, — кто хочет купить нефть, и станем работать для освобождения страны»¹⁶⁶².

Мосаддык выражал чувства многих людей на протяжении долгого времени, он говорил о несправедливости, заключающейся в том, что скрытые под землей плоды приносят мало пользы Ирану. С этим было трудно спорить. В 1942 году, например, британское правительство получило 6,6 миллиона фунтов налогов с операций Англо-Иранской компании; Иран же получил едва 60 % от этой суммы в виде ренты. В 1945 году разрыв еще более увеличился. В то время как казначейство в Лондоне получило порядка 16 миллионов фунтов

¹⁶⁵⁷ Там же, р. 216.

¹⁶⁵⁸ Там же, р. 187.

¹⁶⁵⁹ C. de Bellaigue, *Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Very British Coup* (London, 2012), pp. 120–123.

¹⁶⁶⁰ Shepherd to Furlonge, 6 May 1951, FO 248/1514.

¹⁶⁶¹ The Observer, 20 May 1951, FO 248/1514.

¹⁶⁶² Цитируется по de Bellaigue, *Patriot of Persia*, p. 123, n. 12.

налогов с операций, на долю Тегерана пришлось лишь 6 миллионов, иными словами, около трети¹⁶⁶³. Дело было не только в деньгах; как заметил хорошо осведомленный британский обозреватель, проблема заключалась в том, что «никакие материальные выгоды не могли компенсировать деградацию личности и потерю чувства собственного достоинства»¹⁶⁶⁴.

Такой взгляд был необычен, как признавал и его носитель. Лоуренс Элвил-Саттон изучал арабский в Школе востоковедения и африкановедения, перед тем как устроиться работать на Англо-Иранскую компанию в Иране перед Второй мировой. Талантливый лингвист, имевший страсть к персидской культуре, Элвил-Саттон был ошарашен бестактной политикой служащих Англо-Иранской компании в отношении местного населения. «Слишком немногие европейцы берут на себя труд что-то узнать о персах, предпочитая смотреть на «местных»... как на грязных дикарей с диковинными привычками, которые не интересны никому, кроме, возможно, антропологов». Эта «расовая неприязнь» обречена закончиться катастрофой; «разве только в этом и заключается план компании»¹⁶⁶⁵.

В этих условиях было нетрудно заметить, какие силы стояли за спиной реформаторов вроде Мосаддыка. Эпоха европейских империй уже долгое время ржавела, и это стало очевидно в Ираке, когда Гертуде Белл напомнили, что независимость не может быть подарена британцами. Было неизбежно в Иране, да и в других регионах, что возникнет растущий спрос на страны, которые можно подчинить и на которые можно влиять из-за рубежа, определяя их судьбу, – этот метод сформировался и стремительно распространился, пока шла война. Таким образом, Британия буквально теряла влияние из-за того, что ее «Шелковый путь» рухнул.

Прибой военного давления в Азии вызвал целую серию «дюнкерков» на востоке – случаев беспорядочного отступления, служивших явными признаками заката золотого века Британии. Сотни тысяч бежали из Бирмы, когда японские войска распространились по Юго-Восточной Азии. Этому способствовало то, что британцы и французы были заняты проблемами гораздо ближе к дому, чтобы заниматься регионами, которые долгое время привлекали Токио в стратегическом и экономическом плане. Германские союзники на Востоке быстро поняли, что у Японии появилась возможность реализовать собственные имперские претензии. Многие пострадали от наступления британских войск. Около 80 000 умерли от голода и болезней. События на Малайском полуострове были не менее драматичны: в Пенанге и Сингапуре были тысячи погибших, лишь немногие счастливчики успели выбраться до падения города. Одна одинокая женщина, эвакуировавшаяся вовремя, написала несколько недель спустя, что хаос британского бегства «никогда не забудут и не простят свидетели и участники»¹⁶⁶⁶.

Отступление продолжалось, когда противостояние в Европе, на Тихом океане подошло к концу. Решение уйти заодно и из Индии пришло после трех десятилетий уступок и обещаний, которые повысили ожидания от самоуправления, автономии и полной независимости. К концу войны британская власть быстро угасала и ситуация грозила полностью выйти из-под контроля после месяцев беспорядков, антиимперских забастовок, приведших к параличу городов на севере субконтинента. Изначальные планы постепенного выхода из Индии, которые, в частности, должны были обеспечить защиту мусульманским меньшинствам, были отвергнуты Лондоном как чересчур дорогие и слишком долгосрочные¹⁶⁶⁷. Вместо этого в начале 1947 года было сделано объявление, что Британия уходит в течение 16

¹⁶⁶³ Buchan, *Days of God*, p. 82.

¹⁶⁶⁴ L. Elwell-Sutton, *Persian Oil: A Study in Power Politics* (London, 1955), p. 65.

¹⁶⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶⁶ C. Bayly and T. Harper, *Forgotten Armies: The Fall of British Asia, 1841–1945* (London, 2004), pp. 182, 120.

¹⁶⁶⁷ I. Chawla, 'Wavell's Breakdown Plan, 1945–1947: An Appraisal', *Journal of Punjabi Studies* 16.2 (2009), pp. 219–234.

месяцев. Результатом стала паника. Это было провальное решение, как заявил в Палате общин Уинстон Черчилль, потерявший пост после войны: «Не будет ли ужасным позором нашему имени и памяти... если мы позволим одной пятой населения планеты... впасть в хаос и начать бойню»?¹⁶⁶⁸

Эти предупреждения были проигнорированы, и на субконтиненте разверзся ад. Сообщества, которые оставались стабильными долгое время, взорвались насилием, и семьи, жившие в городах и селах столетиями, начали крупнейшую массовую эмиграцию в человеческой истории. По меньшей мере 11 миллионов человек пересекли новые границы Пенджаба и Бенгала¹⁶⁶⁹. Британцы тем временем разрабатывали детальные планы эвакуации, чтобы ограничить число собственных граждан, втягивающихся в драку¹⁶⁷⁰. Местного населения эта забота не касалась.

Аналогичные ситуации наблюдались повсюду, Британию поражал один кризис за другим. Для того чтобы сохранить равновесие в непростой ситуации в Палестине, а также контроль над нефтеперерабатывающим заводом и портом Хайфы, защитить Суэцкий канал и сохранить дружеские отношения с главными фигурами арабского мира, были приняты меры к обузданию еврейской эмиграции из Европы. После представления планов британской разведки топить корабли, везущие беженцев в Палестину, и назначать виновной невероятной могущественную, но несуществующую арабскую террористическую организацию британцы приняли более прямые действия¹⁶⁷¹.

Критическим положение стало летом 1947 года, после того как суда, идущие за еврейскими эмигрантами во французские порты, подверглись нападениям.

Один корабль, везущий более 4000 евреев, включая беременных женщин, детей и стариков, был протаранен британскими эсминцами по пути на восток, несмотря на уже принятое решение отказать пассажирам в убежище, когда они достигнут Палестины¹⁶⁷². Относиться к тем, кто пережил концлагеря и потерял семью в ходе холокоста, таким образом было репутационной катастрофой, стало ясно, что Британия не остановится ни перед чем, защищая свои интересы за рубежом, в процессе игнорируя окружающих.

Неловкость была заметна и в отношениях с Абдуллой, королем Трансиордана, которому теперь уделялось повышенное внимание и которому была обещана британская военная помощь (что было зафиксировано в секретных соглашениях) для поддержки его режима, ставшего независимым в 1946 году. Он извлек выгоду из этого обещания, утвердив план расширения своих границ на всю Палестину, оставленную британцами, и получил зеленый свет и полное одобрение из Лондона¹⁶⁷³. «Я говорю очевидные вещи, – заявил его премьер-министру Эрнест Бевин, министр иностранных дел, – но нельзя просто так взять и вторгнуться на территорию, отведенную евреям»¹⁶⁷⁴. Как бы там ни было, хаос, который царил в той части мира, из которой отступала Британия, был неопровержимым доказательством злокачественного воздействия империалистической европейской политики. Арабо-израильская война 1948 года, видимо, не являлась результатом политических решений, кивков, подталкиваний и подмигиваний, а была обусловлена вакуумом, создавшимся в результате смены караула¹⁶⁷⁵.

¹⁶⁶⁸ W. Churchill, House of Commons debates, 6 March 1947, Hansard, pp. 434, 676–677.

¹⁶⁶⁹ См. L. Chester, *Borders and Conflict in South Asia: The Radcliffe Boundary Commission and the Partition of the Punjab* (Manchester, 2009), а также A. von Tunzelmann, *Indian Summer: The Secret History of the End of an Empire* (London, 2007).

¹⁶⁷⁰ I. Talbot, 'Safety First: The Security of Britons in India, 1946–1947', *Transactions of the RHS* 23 (2013), pp. 203–221.

¹⁶⁷¹ K. Jeffrey, *MI6: The History of the Secret Intelligence Service, 1909–1949* (London, 2010), pp. 689–690.

¹⁶⁷² N. Rose, 'A Senseless, Squalid War': *Voices from Palestine 1890s–1948* (London, 2010), pp. 156–158.

¹⁶⁷³ A. Halamish, *The Exodus Affair: Holocaust Survivors and the Struggle for Palestine* (Syracuse, NY, 1998).

¹⁶⁷⁴ Цитируется по J. Glubb, *A Soldier with the Arabs* (London, 1957), pp. 63–66.

¹⁶⁷⁵ E. Karsh, *Rethinking the Middle East* (London, 2003), pp. 172–189.

Немногим лучше обстояли дела в Ираке, где начались беспорядки после того, как премьер-министр Салих Джабр в 1948 году согласовал с Британией условия использования иракских аэродромов в ближайшие 25 лет. Новости о соглашении привели к забастовкам, бунтам и даже отставке Джабра, выброшенного прямо из кабинета разъяренной толпой¹⁶⁷⁶. Враждебность к Британии подогревалась множеством событий, этому способствовали в том числе оккупация Багдада во Вторую мировую и явный провал британских попыток поддержать арабов в Палестине, особенно наряду с попытками Лондона добиться постоянного военного присутствия в Ираке. Положение становилось еще хуже из-за безудержной инфляции и дефицита продовольствия, который последовал за неурожаем, в результате чего один проникательный наблюдатель заключал, что «внутреннее положение в Ираке стало опасно»¹⁶⁷⁷. Поэтому Британия предприняла шаги для поддержки «иракского премьер-министра... против популистской агитации, пойдя на уступки». Под этим, в том числе, понималось совместное использование аэродромов Эль-Хаббании; «...иракцы должны быть довольны этим первоклассным примером сотрудничества», – утверждали законодатели в Лондоне.

Британия «была бы не готова сделать подобное предложение любому другому государству», и иракцам следовало бы быть очень благодарными за позволение чувствовать себя «значительнее других государств Ближнего Востока»¹⁶⁷⁸.

Скреплял все это тот факт, что, в отличие от других стран, Ирак не мог похвастаться большими объемами нефтедобычи. В 1950 году около 90 % населения все еще были неграмотны. Более того, Британии ставили в вину ее чересчур тесные объятия: например, когда зашла речь о ссудах на постройку и развитие железнодорожной сети, Британия потребовала иракские резервы в качестве гарантий. Это создавало перспективу отъема нефтяных скважин в случае дефолта – практически так произошло с Суэцким каналом в XIX веке, когда контроль над жизненно важной артерией был захвачен британцами¹⁶⁷⁹. Британия оказалась в заведомо проигрышной ситуации: весь ее политический капитал был израсходован и никто ей не доверял. Уровень подозрительности был таким, что даже агентства вроде Ближневосточного отряда по борьбе с саранчой (MEALU), который пользовался успехом с самого момента основания во время войны, были распущены, а технические навыки, полезные в борьбе с разрушительными стаями и защите запасов пищи, были утеряны¹⁶⁸⁰. Государства Ближнего Востока играли мускулами и поворачивались против Запада.

В это время Советский Союз тоже возрождался. Вслед за разгромом Германии СССР была создана новая история, в которой сведения о том, что Сталин в начале войны являлся союзником Гитлера, были старательно стерты и замещены повестью о триумфе и о том, как исполнилось предназначение¹⁶⁸¹. Революция 1917 года не смогла породить глобальной трансформации, предсказанной Марксом и его учениками, тем не менее 30 лет спустя казалось, что пришло время коммунизму распространиться по миру и овладеть Азией, как это сделал ислам в седьмом столетии. Он уже начал просачиваться в Китай, где обещания равенства, справедливости, земельной реформы принесли поддержку коммунистической партии и позволили ей отбросить правительственные войска, практически выгнав их из страны.

Сходные тенденции начали наблюдаться повсюду, когда левые партии стали получать поддержку в Европе и Соединенных Штатах. Многие были охвачены идеей, обещающей гар-

¹⁶⁷⁶ F. Hadid, *Iraq's Democratic Moment* (London, 2012), pp. 126–136.

¹⁶⁷⁷ Beeley to Burrows, 1 November 1947, FO 371/61596/E10118.

¹⁶⁷⁸ Outward Saving Telegram, 29 July 1947; Busk to Burrows, 3 November 1947, FO 371/61596.

¹⁶⁷⁹ K. Kwarteng, *Ghosts of Empire: Britain's Legacies in the Modern World* (London, 2011), p. 50.

¹⁶⁸⁰ B. Uvarov and A. Waterston, 'MEALU General Report of Anti-Locust Campaign, 1942–1947', 19 September 1947, FO 371/61564.

¹⁶⁸¹ N. Tumarkin, 'The Great Patriotic War as Myth and Memory', *European Review* 11.4 (2003), pp. 595–597.

монию, контрастировавшую с ужасами войны, в ходе которой на Хиросиму и Нагасаки были сброшены две атомные бомбы. Такие настроения наблюдались и среди тех, кто работал над ядерной программой и был разочарован тем, какие опустошительные результаты по всему миру имело титаническое противостояние двух европейских наций немногим более чем за три десятилетия.

Сталин умело раздувал этот пожар в речи, которая широко транслировалась по всему миру весной 1946 года. Вторая мировая война была неизбежна, заявил он, «в силу воздействия глобальных экономических и политических факторов, которые подразумевают концепции современного монополистического капитализма»¹⁶⁸². Данная речь являлась декларацией намерений: капитализм владел миром слишком долго и становился причиной страданий, массовых убийств и ужасов войны в течение всего XX века. Коммунизм стал логичной реакцией на действия политической системы, которая показала себя порочной и опасной. Это была новая система, в которой подчеркивались различия, а иерархия заменялась равенством. Другими словами, это был не просто привлекательный образ, но жизнеспособная альтернатива.

Незадолго до этого Черчилль распорядился будущим стран к западу от границ Советского Союза. «Бедный Невилл Чемберлен думал, что может доверять Гитлеру, – сказал Черчилль одному из своих младших служащих сразу после переговоров об облике послевоенного мира в Ялте. – Он ошибался, но не думаю, что я ошибаюсь насчет Сталина»¹⁶⁸³. Чемберлен определенно ошибался, но и Черчилль тоже, как он вскоре понял. Никто не знает, говорил он 5 марта 1946 года в Фултоне, штат Миссури, «что Советская Россия... намеревается предпринять в ближайшем будущем». Тем не менее уже то, что ее философия экспансивна и догматична, замечал он, делает ее угрозой для Запада. От Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом железный занавес опустился на континент¹⁶⁸⁴. Судьба центра мира уравнилась. Иран стал опорой. В США стратеги были убеждены, что Советы желают полного контроля над Ираном из-за его нефти, а также морских баз и расположения в центре сети международных воздушных путей. Иранское правительство предоставило концессию на разработку нефти на севере страны Соединенным Штатам только в обмен на гарантии от американского посла, что США, если это будет необходимо, обеспечит военную поддержку в случае вторжения советских войск в страну, что вызвало яростный протест Москвы¹⁶⁸⁵.

Летом 1946 года, после серии забастовок по всему Ирану напряжение возросло. Слухи и контрслухи, кружащие по улицам Тегерана, говорили, что судьба страны снова на кону. Было ясно, что, несмотря на сильное желание удержать свое имущество, Британия мало способна повлиять на значимые события. Донесения разведки рисовали зловещую картину неминуемого военного вторжения Москвы в Иран и Ирак, они включали детальные планы атаки, информацию о наиболее вероятном направлении главного удара «мощной советской кавалерии и мотопехоты» во время нападения. Советский генеральный штаб, как сообщалось, принял грубое решение по оккупации Мосула и был готов учредить «народное иранское правительство», как только шах будет свергнут. Если верить британцам, против главенствующих фигур нынешнего режима, заклейменных как «предатели и коллаборанты»,

¹⁶⁸² Сталин И. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы, в Сталин И. Сочинения, ed. R. McNeal, 3 vols (Stanford, CA, 1967), 3, p. 2.

¹⁶⁸³ B. Pimlott (ed.), *The Second World War Diary of Hugh Dalton, 1940–1945* (London, 1986), 23 February 1945, marginal insertion, p. 836, n. 1.

¹⁶⁸⁴ Вероятно, эти слова были добавлены Черчиллем в поездке на пути в Фултон, J. Ramsden, 'Mr Churchill Goes to Fulton', in Muller, *Churchill's 'Iron Curtain' Speech: Fifty Years Later*, p. 42. В целом – P. Wright, *Iron Curtain: From Stage to Cold War* (Oxford, 2007).

¹⁶⁸⁵ B. Rubin, *The Great Powers in the Middle East, 1941–1947: The Road to the Cold War* (London, 1980), p. 73ff.

должны были быть предприняты репрессии. Советские десантники были готовы к высадке вблизи Тегерана, чтобы возглавить молниеносный штурм¹⁶⁸⁶.

Чувство неподдельной тревоги охватило Вашингтон. Американцы наблюдали Иран вблизи с декабря 1942 года, когда первые 20 000 солдат США прибыли в Хорремшехр в заливе, чтобы приступить к работам по улучшению иранской транспортной системы. Чтобы присматривать за логистикой в самом Тегеране, был построен большой американский лагерь, в котором располагался штаб контингента США в Персидском заливе¹⁶⁸⁷. И Британия, и Советский Союз имели свои интересы в Иране и в итоге постоянно подрывали военную мощь и само иранское государство. Иран опасно растягивался, как докладывал генерал Патрик Херли президенту Рузвельту¹⁶⁸⁸.

Американцы, отправленные в Иран, чтобы поддерживать и контролировать линии снабжения в ходе войны, сперва испытали что-то вроде культурного шока: иранская армия, находил генерал-майор Кларенс Ридли, была плохо подготовлена, недостаточно снаряжена и в основном бесполезна. Если она должна была выстоять против воинственных соседей, то требовались огромные инвестиции для подготовки нового поколения офицеров и покупки хорошего снаряжения. Эти слова стали приятной музыкой для ушей нового шаха, поскольку он отчаянно желал оставить в Иране свой след в виде программы модернизации. Проблема, как его (американский) финансовый консультант сказал ему прямо, заключалась в том, что армию по западным лекалам построить было невозможно: если распределить фонды в пользу военной реформы, «вряд ли что-то останется на сельское хозяйство, образование и здравоохранение»¹⁶⁸⁹.

Неподготовленный, неорганизованный и слабый Иран, казалось, имеет мало шансов противостоять Советскому Союзу, в то время как речи и поведение Сталина были предметом основных забот Соединенных Штатов.

Некоторые, слышавшие речь Сталина, заключили, что это не что иное, как «объявление третьей мировой войны»¹⁶⁹⁰. Джордж Кеннан, дипломатический представитель в посольстве США в Москве, своими глазами видевший сталинские чистки, пришел к сходному решению, предупредив в начале 1946 года о грядущем глобальном противостоянии. «За невротическим взглядом Кремля на международные отношения, – писал он, – стоит традиционное и инстинктивное русское ощущение небезопасности». Советский Союз, заключал он, «политическая сила, фанатично преданная» идее состязания с Соединенными Штатами, которое может довести до того, что «внутренняя гармония нашего государства будет разрушена, наш традиционный образ жизни будет разрушен и международный авторитет нашей страны будет подорван»¹⁶⁹¹.

Политическая и стратегическая важность Ирана способствовали его выдвижению на передний край международной политики США. Принимались систематические меры по укреплению страны. В 1949 году радиостанция «Голос Америки» начала вещание для местного населения на фарси, и в первой же передаче выступил президент Трумэн с комментариями об «исторических узах дружбы» между Ираном и Соединенными Штатами и обещаниями помощи в создании «процветающего и... благополучного мира, свободного от

¹⁶⁸⁶ 'Soviet Military and Political Intentions, Spring 1949', Report No. 7453, 9 December 1948.

¹⁶⁸⁷ K. Blake, *The US – Soviet Confrontation in Iran 1945–1962: A Case in the Annals of the Cold War* (Lanham, MD, 2009), pp. 17–18.

¹⁶⁸⁸ 'General Patrick J. Hurley, Personal Representative of President Roosevelt, to the President', 13 May 1943, *FRUS, Diplomatic Papers 1943: The Near East and Africa*, 4, pp. 363–370.

¹⁶⁸⁹ Millspaugh, *Americans in Persia*, p. 77.

¹⁶⁹⁰ A. Offner, *Another Such Victory: President Truman and the Cold War, 1945–1953* (Stanford, 2002), p. 128.

¹⁶⁹¹ 'The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State', 22 February 1946, *FRUS 1946: Eastern Europe, the Soviet Union*, 6, pp. 696–709.

угнетения»¹⁶⁹². После начала войны на Корейском полуострове годом позже была предложена и более прямая помощь. Как гласил брифинг госдепартамента, хотя сокращающаяся экономика «еще не достигла катастрофического состояния», если не оказать мощной поддержки сейчас, появится риск «полного распада страны и ее присоединения, немедленного или постепенного, к советскому блоку»¹⁶⁹³. Трумэна не надо было убеждать. «Если мы остаемся в стороне, – рассудил он, – Советы войдут в Иран и заберут весь Ближний Восток»¹⁶⁹⁴.

Радиовещание все более напирало на то, что «свободные нации должны сражаться вместе», что «безопасность США связана с безопасностью других народов» и что «сила свободного мира» продолжает расти. Рука об руку с этим шли репортажи, в которых подчеркивалась угроза всему миру со стороны Советского Союза и постулировалось, что «цель коммунистических лидеров – абсолютное подавление человеческой свободы», доходящее даже до того, что «советские учителя селятся в разбитых фургонах, которые больше не годятся для перевозки скота, а также обходятся без отопления, санитарных служб и чистой воды»¹⁶⁹⁵.

В страну начали поступать финансовые средства, и их объем вырос в 5 раз за 3 года – с 11,8 миллиона долларов в 1950 году до 52,5 миллиона долларов в 1953 году. Целью было укрепить экономическое развитие Ирана, стабилизировать его политическую культуру и заложить основы для реформ, а также обеспечить военную и техническую помощь в деле самообороны. Это были первые этапы построения американского государства-сателлита на Ближнем Востоке¹⁶⁹⁶.

Частично это было вызвано пониманием, что Британия больше не может устанавливать режим, как она делала это раньше, а частично осознанием того, что советский экспансионизм нуждается в противовесе. Однако это были не все причины обратить пристальное внимание на Иран. В 1943 году, например, в ходе конференции союзников в Тегеране ни Уинстон Черчилль, ни президент Рузвельт не утруждали себя встречей с шахом, проще говоря, оба полагали это пустой тратой времени¹⁶⁹⁷. В следующем году США записали Саудовскую Аравию в страны ограниченного значения, чьи запросы о финансовой помощи президент Рузвельт легко отбрасывал, так как они расположены «далековато от нас». Рузвельт добавлял, что лучше саудитам обратиться со своими заботами и просьбами к Британии, чем к США¹⁶⁹⁸. К концу войны все сильно изменилось, и Саудовская Аравия считалась «более важной для американской дипломатии, чем практически любая другая небольшая нация»¹⁶⁹⁹. Причиной тому стала нефть.

Во время войны суровый нефтяник по имени Эверет Ли Деголье, который сколотил состояние в американской топливной индустрии после изучения геологии в Оклахоме, посетил Ближний Восток, чтобы оценить нефтяные месторождения в этой области и составить заключение относительно долгосрочного потенциала и ресурсов региона самого по себе и по сравнению с Мексиканским заливом, Венесуэлой и самими Соединенными Штатами. Его доклад, хотя и изобиловал консервативными оценками и предостережениями, был пора-

¹⁶⁹² D. Kisatsky, 'Voice of America and Iran, 1949–1953: US Liberal Developmentalism, Propaganda and the Cold War', *Intelligence and National Security* 14.3 (1999), p. 160.

¹⁶⁹³ 'The Present Crisis in Iran, undated paper presented in the Department of State', *FRUS, 1950: The Near East, South Asia, and Africa*, 5, pp. 513, 516.

¹⁶⁹⁴ M. Byrne, 'The Road to Intervention: Factors Influencing US Policy toward Iran, 1945–1953', in M. Gasiorowski and M. Byrne (eds), *Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran* (Syracuse, NY, 2004), p. 201.

¹⁶⁹⁵ Kisatsky, 'Voice of America and Iran', pp. 167, 174.

¹⁶⁹⁶ M. Gasiorowski, *US Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran* (Ithaca, NY, 1991), pp. 10–19.

¹⁶⁹⁷ Buchan, *Days of God*, pp. 30–31.

¹⁶⁹⁸ Цитируется по Yergin, *The Prize*, p. 376.

¹⁶⁹⁹ A. Miller, *Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949* (Chapel Hill, NC, 1980), p. 131.

зительным. «Центр тяжести мировой нефтедобычи смещается из Карибского бассейна на Ближний Восток, в область Персидского залива, и, похоже, продолжит смещаться, пока надежно не установится там»¹⁷⁰⁰. Один из его спутников выразился более прямо, когда докладывал в госдепартамент: «Нефть этого региона – величайшая добыча всех времен»¹⁷⁰¹.

Это не укрылось от британцев, которые ревниво отнеслись к поведению Соединенных Штатов и повышению их внимания к региону. Надо бы попросить американцев держаться подальше от Ближнего Востока и от сильных позиций, построенных Британией, сказал Черчиллю один из ведущих промышленников: «Нефть – единственное и величайшее достояние, остающееся нам после войны. Нам следует отказаться делить его с американцами»¹⁷⁰². Это же настойчиво повторял лорд Галифакс, британский посол в Вашингтоне, обиженный тем, что чиновники госдепартамента пытались уклониться от взаимодействия с ним. Британские законодатели были также озабочены происходящим, они замечали: «Соединенные Штаты намереваются отнять у нас наши нефтяные владения на Ближнем Востоке»¹⁷⁰³. Непосредственное участие принял и сам премьер-министр, который написал в телеграмме, отправленной президенту Рузвельту: «Я наблюдаю за ходом переговоров с некоторыми опасениями; вы можете быть уверены, что я желаю лишь честного и справедливого исхода для наших двух стран»¹⁷⁰⁴.

Это означало достижение соглашения о разделе этой критической части мира между Британией и Соединенными Штатами. Встреча Галифакса с президентом Рузвельтом решила проблему: как понимали в США, «нефть в Иране была британской... обе страны имели долю в Ираке и Кувейте... Бахрейн и Саудовская Аравия отходили Америке»¹⁷⁰⁵. Это было похоже на соглашение между Испанией и Португалией в конце XV – начале XVI века или переговоры лидеров союзников во время и сразу после Второй мировой войны, которые аккуратно разделили мир пополам.

Американцы и британцы относились к итогам этого раздела по-разному. С точки зрения США, ключевым было то, что цены на нефть удвоились между 1945 и 1948 годами, в то время как число автомобилей в одних Соединенных Штатах возросло на 50 %, а отпускные цены в автопромышленности выросли в 7 раз¹⁷⁰⁶. США исследовали ситуацию и пришли к пониманию: страны, богатые природными ресурсами, которых добываются со всех сторон, будут искать максимизации собственного влияния. Поэтому было важно пересмотреть условия нефтяных разработок и сделать это скорее добровольно, нежели принудительно.

Уже началась шумиха и угрозы национализации, которые отражали новый мировой порядок. Прежде всего, новые сделки с богатыми нефтью странами были все более щедры и конкурентны, например, Дж. Пол Гетти за концессию на разработку нейтральной зоны между Саудовской Аравией и Кувейтом платил почти вдвое больше сборов с барреля, чем в других местах на Ближнем Востоке, и это приводило к возникновению соперничества и неприятия в странах, которые заключали подобные соглашения ранее.

¹⁷⁰⁰ E. DeGolyer, 'Preliminary Report of the Technical Oil Mission to the Middle East', *Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists* 28 (1944), pp. 919–923.

¹⁷⁰¹ 'Summary of Report on Near Eastern Oil', 3 February 1943, in Yergin, *The Prize*, p. 375.

¹⁷⁰² Beaverbrook to Churchill, 8 February 1944, цитируется по K. Young, *Churchill and Beaverbrook: A Study in Friendship and Politics* (London, 1966), p. 261.

¹⁷⁰³ Foreign Office memo, February 1944, FO 371/42688.

¹⁷⁰⁴ Churchill to Roosevelt, 20 February 1944, FO 371/42688.

¹⁷⁰⁵ Halifax to Foreign Office, 20 February 1944, FO 371/42688; Z. Brzezinski, *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power* (New York, 2012), p. 14.

¹⁷⁰⁶ *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970* (Washington, DC, 1970); Yergin, *The Prize*, p. 391.

Это не только обусловило формирование очагов несогласия с тем, как экспроприировались ресурсы, и вызывало призывы к национализации; это также сделало данные страны восприимчивыми к коммунистической риторике и инициативам Москвы.

Значительное изменение доходности произошло, когда США смягчили свои торговые позиции и пересмотрели ряд сделок. В 1949 году, например, казначейство США собрало 433 миллиона долларов налогов с АРАМКО, консорциума западных нефтяных компаний, в то время как Саудовская Аравия получила 39 миллионов прибыли. Два года спустя, после изменения системы налоговых сборов, благодаря которому предприятия смогли изменить расценки, 6 миллионов долларов получали Соединенные Штаты, а 110 миллионов уходили саудитам¹⁷⁰⁷. Принцип домино сработал как на других концессиях Саудовской Аравии, так и в Ираке, Кувейте и повсюду, условия изменялись в пользу локальных правительств.

Некоторые историки называют этот переломный момент столь же значимым, как передача власти Лондоном Индии и Пакистану¹⁷⁰⁸. Но по силе воздействия он был более сравним с открытием Америк и последовавшим перераспределением мировых богатств. Западные корпорации, контролировавшие разработки, деятельность которых была в основном сосредоточена в Европе и Соединенных Штатах, начали вливать деньги в Ближний Восток и таким образом начали смещение мирового центра тяжести. Паутина трубопроводов, покрывавшая регион и соединявшая Запад с Востоком, открыла новую главу в истории области. В этот период не специи и шелка, не рабы и серебро пересекали мир, а нефть.

Тем не менее британцы, которые не смогли истолковать знамения, так же ясно как их американские партнеры, лелеяли другие надежды. В Иране Англо-Иранская компания стала громоотводом для критики. Нетрудно понять почему, учитывая колоссальный дисбаланс между долей, уплачиваемой британскому оценщику, и сборами, которые получал Иран¹⁷⁰⁹. Хотя другие страны в регионе тоже могли пожаловаться на недостаток выгод, получаемых в обмен на нефть, масштаб несправедливости в Иране был по-настоящему грандиозным.

Хотя в Абадане располагался крупнейший на то время нефтеперегонный завод, сам город был примерно так же электрифицирован, как одна улица в Лондоне. Едва ли десятая часть из 25 000 детей школьного возраста могла посещать школу, так как это было дорого¹⁷¹⁰.

Как и везде, Британия была поймана в вилю, из которой не имелось выхода: пересмотр условий нефтяных концессий был практически невозможен, как замечал хитрый и хорошо осведомленный госсекретарь США Дин Эйксон. Контрольный пакет Англо-Иранской компании принадлежал британскому правительству, и ее действия рассматривались как прямое продолжение британской международной политики, причем не без оснований: как и в случае с Ост-Индской компанией, существовали неявные связи между деловыми интересами и интересами британского правительства. И как и Ост-Индская компания, Англо-Иранская компания была достаточно мощной, чтобы рассматриваться как государство в государстве, хотя ее власть в конечном итоге была британской¹⁷¹¹. Если бы Англо-Иранская компания прогнулась и предоставила Ирану лучшие условия, заключил Эйксон, «это бы уничтожило

¹⁷⁰⁷ Yergin, *The Prize*, p. 429.

¹⁷⁰⁸ W. Louis, *The British Empire in the Middle East, 1945–1951: Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism* (Oxford, 1984), p. 647.

¹⁷⁰⁹ Yergin, *The Prize*, p. 433.

¹⁷¹⁰ de Bellaigue, *Patriot of Persia*, p. 118. Также см. здесь M. Crinson, 'Abadan: Planning and Architecture under the Anglo-Iranian Oil Company', *Planning Perspectives* 12.3 (1997), pp. 341–359.

¹⁷¹¹ S. Marsh, 'Anglo-American Crude Diplomacy: Multinational Oil and the Iranian Oil Crisis, 1951–1953', *Contemporary British History Journal* 21.1 (2007), p. 28; J. Bill and W. Louis, *Musaddiq, Iranian Nationalism, and Oil* (Austin, TX, 1988), pp. 329–330.

последние остатки веры в британскую мощь и ее фунт». В течение месяцев, предсказывал он, Британия потеряла бы все заокеанские владения¹⁷¹².

Зависимость Лондона от доходов компании делала положение шатким, полагал Эйксон. «Британия на грани банкротства», телеграфировал он; без ее «важных предприятий за рубежом и невидимых элементов экономического баланса... она не сможет выжить». Поэтому британцы пустили в ход все дипломатические трюки, включая панические сообщения, все более напирать на неминуемую угрозу советского вторжения. Эйксон, в свою очередь, ни во что их не ставил. «Основная цель британской политики не в том, чтобы спасти Иран от комми», несмотря на утверждения обратного; «настоящая цель – сохранить то, что они считают последним оплотом британской состоятельности»¹⁷¹³.

Положение ухудшилось, когда в 1950 году Ираку были предложены новые условия, а Ирану в них было отказано. Тот факт, что Иракская нефтяная компания частично принадлежала Англо-Иранской компании, добавил соли на раны и спровоцировал яростный протест Ирана. Националистические политики выступили с заявлениями о порочности фактической монополии Англо-Иранской компании, приправляя свою критику провокационными комментариями. Вся коррупция в Иране исходила от Англо-Иранской компании, заметил один из членов Меджлис¹⁷¹⁴. Если ничего не сделать, скоро дойдет до того, что «с женщин посрывают чадры», заявлял один демагог¹⁷¹⁵.

Было бы лучше, говорил другой, если бы на всю нефтяную промышленность Ирана упала атомная бомба, чем позволять Англо-Иранской компании использовать страну и народ¹⁷¹⁶. Мосаддык был менее прям. Став премьер-министром, он якобы обещал «не иметь намерения договориться с британцами», а вместо этого «забить нефтяные скважины грязью»¹⁷¹⁷.

Антибританская риторика продолжалась уже поколения, а теперь приобрела статус мейнстрима: Британия – источник всех проблем и доверять ей нельзя. Она считается только со своими интересами, будучи империалистом в худшем смысле этого слова. Ассоциации иранского самоопределения с антизападными настроениями укоренились. Были неизбежны фундаментальные последствия.

Мосаддык ухватил шанс двумя руками. Хватит, провозгласил он, пришло время обеспечить процветание иранского народа и «защитить мир во всем мире». В конце 1950-х годов было выдвинуто радикальное предложение в дальнейшем не иметь дело с Англо-Иранской компанией или кем-либо еще, а вместо этого «национализировать нефтяную промышленность Ирана во всех областях страны без исключения»¹⁷¹⁸. Аятолла Кашани, популист-проповедник, только что вернувшийся из изгнания и уже приобретший известность как громкий критик Запада, всем сердцем поддержал этот призыв к действию, убеждая своих последователей использовать любые методы во имя перемен. Через считанные дни премьер-министр Али Размара был убит; вскоре после этого та же участь постигла министра образования. Иран охватила анархия.

Худшие опасения британцев сбылись, когда весной 1951 года Мосаддык был избран Меджлисом премьер-министром. В одночасье он принял закон, национализующий Англо-

¹⁷¹² 'The Secretary of State to the Department of State', 10 November 1951, *FRUS, 1952–1954: Iran, 1951–1954*, 10, p. 279.

¹⁷¹³ Там же.

¹⁷¹⁴ R. Ramazani, *Iran's Foreign Policy, 1941–1973: A Study of Foreign Policy in Modernizing Nations* (Charlottesville, 1975), p. 190.

¹⁷¹⁵ In de Bellaigue, *Patriot of Persia*, p. 150.

¹⁷¹⁶ Yergin, *The Prize*, p. 437.

¹⁷¹⁷ Cited by J. Bill, *The Eagle and the Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations* (New Haven, 1988), p. 84.

¹⁷¹⁸ *Correspondence between His Majesty's Government in the United Kingdom and the Persian Government and Related Documents Concerning the Oil Industry in Persia, February 1951 to September 1951* (London, 1951), p. 25.

Иранскую компанию, вступающий в силу немедленно. Это был провал, как понимала и лондонская пресса, и британское правительство. Очень важно, заявил министр обороны, «показать, что нельзя безнаказанно дергать за хвост». Если Ирану «просто спустить это», продолжал он, «следующей будет попытка национализации Суэцкого канала»¹⁷¹⁹. Были разработаны планы парашютного десанта в Иран для защиты НПЗ в Абадане в случае необходимости. Такова была агония империи, пришедшей в упадок и отчаянно цеплявшейся за былую славу.

Мосаддык закрутил гайки, дав британским служащим Англо-Иранской компании неделю, чтобы собраться и убраться из Ирана в сентябре 1951 года. Вдобавок аятолла Кашани учредил национальный праздник «ненависти к британскому правительству».

Британия стала синонимом всего плохого для Ирана, объединявшим широкий спектр политических предрассудков. «Вы не знаете, как коварны британцы, – говорил Мосаддык высокопоставленному американскому дипломату, не знаете, как они порочны. Вы не знаете, как они оскверняют все, к чему прикасаются»¹⁷²⁰. Такая риторика принесла ему бешеную популярность на родине, а также известность за рубежом: в 1952 году он оказался на обложке журнала «Тайм» как человек года¹⁷²¹.

Тяжеловесные британские попытки форсировать ситуацию не помогали. Столкнувшись с потерей контроля не только над Англо-Иранской компанией, но и доходами с нее, британское правительство перешло в критический режим, наложив эмбарго на всю иранскую нефть. Целью было навредить Мосаддыку и заставить его капитулировать. Финансовый голод в Иране скоро окажет решительное действие, считал сэр Уильям Фрейзер, британский посол в Тегеране: «Когда иранцам понадобятся деньги, они приползут к нам на пузе». Реплики вроде этой, появляясь в глобальной прессе, вряд ли улучшали облик Британии в глазах общественности¹⁷²².

Вместо этого они укрепили решимость Ирана до такой степени, что к концу 1952 года британцы уже не были так уверены, что использование санкций окупится. Тогда они обратились с просьбой к недавно сформированному центрально-разведывательному управлению за поддержкой плана «совместных политических действий по смещению премьер-министра Мосаддыка», другими словами, с целью устройства заговора. Не в последний раз смена режима в этой части мира оказалась решением проблемы.

Власти Соединенных Штатов благосклонно отнеслись к британским инициативам. Оперативникам на Ближнем Востоке уже была дана свобода действий для поиска творческого решения проблем с местными правителями, которые были или недостаточно расположены к Соединенным Штатам, или склонны заигрывать с Советским Союзом. Группа юных полных энтузиазма агентов, подготовленных на Восточном побережье, уже поучаствовала в путче, который привел к свержению руководства Сирии в 1949 году, в смещении коррумпированного и ненадежного египетского короля Фарука, операции, неофициально известной как Project FF (Project Fat Fucker), 3 года спустя¹⁷²³.

Рвение таких людей, как Майлз Коупленд и двое внуков президента Теодора Рузвельта – Арчи и Кермита (Кима), было отражением того, как действовали британские агенты в Средней Азии век назад, чувствуя, что могут изменить мир, или более современных их кол-

¹⁷¹⁹ Shinwell, Chiefs of Staff Committee, Confidential Annex, 23 May 1951, DEFE 4/43; об английской прессе в это время – de Bellaigue, *Patriot of Persia*, p. 158–159.

¹⁷²⁰ S. Arjomand, *The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran* (Oxford, 1988), pp. 92–93.

¹⁷²¹ *Time*, 7 January 1952.

¹⁷²² Elm, *Oil, Power, and Principle*, p. 122.

¹⁷²³ M. Holland, *America and Egypt: From Roosevelt to Eisenhower* (Westport, CT, 1996), pp. 24–25.

лег, которые чувствовали, что передача секретов Советскому Союзу будет иметь положительный эффект.

После падения правительства Сирии, к примеру, юные американцы отправились в путешествие по замкам крестоносцев и другим достопримечательностям, восхищаясь по пути архитектурой и атмосферой Алеппо¹⁷²⁴. Решения принимались на ходу. «Какая разница, – спрашивал Коупленд у сурового эрудита Арчи Рузвельта, – между моими поддельными докладами и теми, которые подделывают для тебя агенты? От моих по крайней мере есть толк»¹⁷²⁵. То, как эти люди в поле шли напролом, было замечено одним из офицеров разведки США, и тот предостерегал их, говоря, что в дальнейшем безответственное блуждание им не простят¹⁷²⁶.

Тем не менее, когда речь заходила об Иранском вопросе, к их мнению прислушивались.

Дело сдвинулось после обычной встречи в Вашингтоне в конце 1952 года, когда британские власти, высказывая свою обеспокоенность экономическими последствиями национализации, задели струну американской заботы о возможном будущем пути Ирана. Расположение ЦРУ в Тегеране беспокоилось насчет Мосаддыка и особо рекомендовало США «предпочесть наследственное правление» в Иране. Стратеги быстро заключили, что шах должен быть вовлечен в заговор, чтобы обеспечить единство и спокойствие и предать смещению премьер-министра «облик законности или псевдозаконности»¹⁷²⁷.

Убедить шаха было не так-то легко. Нервный и глупый, он испугался, лишь услышав о плане под названием «Операция Аякс». Особенно беспокоило его участие британцев, если верить одному из американских создателей плана, который замечал, что тот «патологически боится» скрытой руки «британцев», а также что операция – ловушка. Его требовалось умасливать, запугивать и остерегать. В репортажи ВВС из Лондона вставлялись ключевые слова, чтобы уверить его в том, что операция санкционирована на высшем уровне. Выступление президента Эйзенхауэра, который прямо пообещал Ирану поддержку США, также помогло его убедить. Кроме того, ему лично сказали, что, если он не окажет поддержки, Иран станет коммунистическим – «второй Кореей», как выразился Рузвельт¹⁷²⁸.

Чтобы увериться, что «общественное мнение... будет взвинчено до предела», в качестве прелюдии к смещению Мосаддыка Вашингтон обеспечивал финансирование разработки ключевых фигур, чтобы настроить их против премьер-министра. Рузвельт разрабатывал лидеров Меджлиса практически только с помощью взяток (цель, как он иносказательно выразился, была в «убеждении» их прекратить поддержку Мосаддыка)¹⁷²⁹.

Деньги свободно тратились везде. По свидетельству, приток американских денег в Тегеран был так велик, что курс доллара к реалу упал на 40 % за лето 1953 года. Часть этих фондов пошла на оплату выхода толп на улицы столицы, организованного двумя главными местными оперативниками ЦРУ. Были и другие значимые адресаты, прежде всего муллы, такие как аятолла Кашани, чьи интересы были предположительно совместимы с целями заговорщиков¹⁷³⁰. Мусульманские ученые заключили, что принципы и антирелиги-

¹⁷²⁴ H. Wilford, *America's Great Game: The CIA's Secret Arabists and the Shaping of the Modern Middle East* (New York, 2013), p. 73.

¹⁷²⁵ Там же, p. 96.

¹⁷²⁶ Там же.

¹⁷²⁷ D. Wilber, *Clandestine Services History: Overthrow of Premier Mossadeq of Iran: November 1952 – August 1953* (1969), p. 7, National Security Archive.

¹⁷²⁸ Там же, pp. 22, 34, 33.

¹⁷²⁹ См. S. Koch, 'Zendeabad, Shah!': *The Central Intelligence Agency and the Fall of Iranian Prime Minister Mohammed Mossadeq, August 1953* (1998), National Security Archive.

¹⁷³⁰ M. Gasiorowski, 'The Causes of Iran's 1953 Coup: A Critique of Darioush Bayandor's Iran and the CIA', *Iranian Studies* 45.5 (2012), pp. 671–672; W. Louis, 'Britain and the Overthrow of the Mosaddeq Government', in Gasiorowski and Byrne, *Mohammad Mosaddeq*, pp. 141–142.

озность коммунизма делают эту доктрину враждебной учению ислама. Поэтому ЦРУ получало очевидное преимущество при заключении сделок с священнослужителями, которые были явно предупреждены об опасности коммунистического Ирана¹⁷³¹. После того как британские и американские стратеги встретились в Бейруте в июне 1953 года, появился план, в начале июля одобренный лично Уинстоном Черчиллем, премьер-министром Британии, а затем через несколько дней и президентом Эйзенхауэром. Впоследствии идею доработали агенты разведслужб, чтобы лучше донести до «довольно многословных и зачастую нелогичных персов», что в смене режима заинтересован Запад, и она должна пройти гладко и без происшествий¹⁷³².

В реальности все случилось совсем не так. Прикрытие сорвалось, и планы пошли вкривь и вкось, повергая страну в хаос. Перепуганный шах вылетел из страны, не успев надеть носки. Когда он остановился в Багдаде по пути в Рим, то встретился с послом США в Ираке, который затем писал: «Я посоветовал ему никогда не открывать участие каких-либо иностранцев в недавних событиях, чтобы сохранить репутацию в Иране». Вообще-то это было сделано не для сохранения репутации шаха, а для того, чтобы оставить возможность выбора и, прежде всего, сохранить руки США чистыми. Шах, измотанный «тремя бессонными ночами и озадаченный поворотом событий», вряд ли мог ясно мыслить. И посол с облегчением сообщил Вашингтону, что «он согласился»¹⁷³³.

Пока шах направлялся в изгнание в Италию, иранское радиовещание исходило злобными репортажами, а пресса именвала его шлюхой, мародером и вором¹⁷³⁴. Вниманием не обошли и его молодую жену Сораю (многие шептались, что она была моложе заявленных 19 лет в день свадьбы): ее вспоминали прогуливающейся по Виа Венето в красно-белом платье в горошек, обсуждавшей злобных политиков Тегерана и слушавшей заунывные планы мужа купить небольшой участок земли, чтобы начать новую жизнь, возможно, в США¹⁷³⁵.

Злоключения, достойные театрального фарса, сопровождали бегство шаха. По улицам прошел слух, что Мосаддык собирается потребовать трон себе, все встало с ног на голову. Затем в считанные дни наперекор всем ожиданиям шах вернулся домой, остановившись в Багдаде только для того, чтобы переодеться в униформу командующего ВВС. Возвращаясь в блеске и славе, он представлял себя не трусом, бежавшим в ужасе, но героем, возвращающимся, чтобы взять ситуацию в свои руки. Мосаддык был арестован, допрошен и приговорен к заключению в одиночной камере, затем последовало его изгнание до самой смерти в 1967 году¹⁷³⁶.

Мосаддык заплатил дорогую цену за озвучивание планов на Ближний Восток, где влияние Запада было бы не просто уменьшено, а полностью исключено. Его враждебность к Англо-Иранской компании развилась в негативное и опасное восприятие Запада вообще. Он стал первостепенной проблемой в Иране, и этого было достаточно для британских и американских политиков, чтобы разработать план его устранения со сцены. Его громкие протесты пришлись на время, когда многие другие критиковали контроль Запада над путями, соединявшими Запад и Восток. В Египте растущая неприязнь вызвала антибританские бунты и требования эвакуации британских войск, расположенных на Суэцком канале. Доклад, направленный наблюдателем госдепа в Каире объединенному командованию, был недву-

¹⁷³¹ Wilber, *Overthrow of Premier Mossadeq*, p. 35.

¹⁷³² Там же, p. 19.

¹⁷³³ Berry to State Department, 17 August 1953, National Security Archive.

¹⁷³⁴ О радио см. M. Roberts, 'Analysis of Radio Propaganda in the 1953 Iran Coup', *Iranian Studies* 45.6 (2012), pp. 759–777; о прессе – de Bellaigue, *Patriot of Persia*, p. 232.

¹⁷³⁵ О Риме – Soraya Esfandiary Bakhtiary, *Le Palais des solitudes* (Paris, 1992), p. 165–166, а также здесь Buchan, *Days of God*, p. 70.

¹⁷³⁶ de Bellaigue, *Patriot of Persia*, pp. 253–270.

смысленным. «Британцев ненавидят, – писал он. – Ненависть к ним всеобща и сильна. Ее разделяет вся страна». Требовалось экстренное решение¹⁷³⁷.

Времена менялись. В этом свете Мосаддык был наиболее последовательным из тех, кто описывал облик новой эры, той, где Запад отступит из центра Азии. Хотя точные обстоятельства его краха десятилетиями скрывались представителями разведки, опасавшимися «болезненных последствий», которые принесло бы рассекречивание материалов, немногие сомневались, что смещение Мосаддыка организовали западные власти для собственных целей¹⁷³⁸. Таким образом, Мосаддык стал духовным отцом великого множества людей в этом регионе, ибо, хотя средства, цели и амбиции людей столь разных, как аятолла Хомейни, Саддам Хусейн, Усама бен Ладен и представители движения «Талибан», были мало похожи, всех их объединяло глубокое убеждение, что Запад двуличен и злобен, а освобождение для местного населения означает освобождение от внешнего влияния.

Достичь этого пытались разными способами, но, как показал пример Мосаддыка, те, кто представлял проблему для Запада, должны были быть готовы к последствиям.

Психологически заговор стал поворотным моментом. Шах все понял неправильно и убедил себя в том, что иранцы восхищаются им, на самом деле шаха, чей отец, кавалерийский офицер, занял трон всего 30 лет назад, воспринимали в лучшем случае неоднозначно. Сбежав в Рим, он продемонстрировал удручающий недостаток стержня. Его убеждение, что ему предназначено модернизировать страну, основывалось на способности предчувствовать, куда подуют политические ветры, и дистанцироваться от западной, прежде всего американской, интервенции. Это было немало для человека, чьи бегущие глаза и любовь к первоклассным вещам вооружили его противников и не оставили места для рассуждений.

Однако более всего заговор, организованный ЦРУ в 1953 году, был знаковым для роли Америки на Ближнем Востоке. Это был второй шанс спасти Иран, утверждал Джон Фостер Даллес, новый государственный секретарь, шанс удостовериться, что он не соскользнет с орбиты Запада¹⁷³⁹. Понятно, что «демократически независимый Иран не кажется возможным в настоящих обстоятельствах», так сказал шаху посол США в Тегеране; было два варианта: свободный «недемократический независимый Иран» или «навсегда... недемократический независимый Иран за железным занавесом»¹⁷⁴⁰. Это прямо противоречило громким публичным заявлениям, что Запад борется с коммунизмом за свободу и демократию.

Это был момент, когда Соединенные Штаты ворвались в брешь; когда они вступили в близкий контакт с регионом, который столетиями пересекали Шелковые пути, и начали пытаться овладеть им. Но впереди таилось множество опасностей. Проповеди о демократии, с одной стороны, и готовность к санкциям и акциям по смене режима – с другой, делали США неудобными союзниками. Это сочетание могло быть опасно, в первую очередь, потому что в таком виде неизбежно вело к потере доверия. Поскольку закат звезды Британии продолжался, многое зависело от уроков, которые Америка могла бы извлечь из случившегося в 1953 году.

¹⁷³⁷ 'Substance of Discussions of State – Joint Chiefs of Staff Meeting', 12 December 1951, *FRUS, 1951: The Near East and Africa*, 5, p. 435.

¹⁷³⁸ 'British-American Planning Talks, Summary Record', 10–11 October 1978, FCO 8/3216.

¹⁷³⁹ 'Memorandum of Discussion at the 160th Meeting of the National Security Council, 27 August 1953', *FRUS, 1952–1954: Iran, 1951–1954*, 10, p. 773.

¹⁷⁴⁰ 'The Ambassador in Iran (Henderson) to Department of State', 18 September 1953, *FRUS, 1952–1954: Iran, 1951–1954*, 10, p. 799.

22. Американский Шелковый путь

С захватом лидерства на Ближнем Востоке Соединенные Штаты вступали в новый мир, в котором наблюдался очевидный конфликт между продвижением национальных интересов, с одной стороны, и поддержкой сомнительных режимов и правителей – с другой. Через считанные недели после свержения Мосаддыка госдепартамент задумался об объединении американских нефтяных компаний для захвата скважин и инфраструктуры Англо-Иранской компании. Однако это увлекло немногих, все старались избежать неясности, которая сопровождала возвращение шаха. Тот факт, что последний собирался казнить бывшего премьер-министра, был не слишком многообещающим в плане разрядки ситуации.

Не имело значения, что повсюду развивалась топливная промышленность и появлялись новые возможности, обещающие создание громадных состояний, вероятно, больших, чем у Нокса Д'Арси. За недели до падения Мосаддыка компания под руководством Дж. Пола Гетти сделала сильнейший рывок, о котором говорили, что это «нечто между колоссальным и историческим», в нейтральной зоне между Саудовской Аравией и Кувейтом. По сравнению с этим, вовлеченность в ядовитую политику Тегерана было по понятным причинам непривлекательно для корпорации. Однако для правительства США это был не просто приоритет, а необходимость: Иран практически прекратил экспортировать нефть во время кризиса начала 1950-х годов. Не возобнови он производство в ближайшее время, экономика страны рухнула бы, что открыло бы путь подрывным группировкам, которые могли толкнуть страну в объятия Советского Союза. Истощение запасов и рост цен также вызвали бы нежелательные последствия для Европы, которая пыталась восстановиться в послевоенный период.

Таким образом, госдепартамент начал мощную кампанию по воодушевлению крупнейших промышленников США сформировать консорциум для перехвата интересов Англо-Иранской компании, туманно намекая, что их концессии в Кувейте, Ираке и Саудовской Аравии могут подвергнуться риску, если ничего не предпринять.

Правительство США теперь изображало шпехшталмейстера, умасливая американские корпорации скооперироваться. Как выражался по этому поводу один из администраторов нефтяных компаний, «со строго коммерческой точки зрения, наша компания не имеет особого интереса» в вовлечении в иранскую нефтяную промышленность; «но мы вполне осознаем, что здесь замешаны глобальные национальные интересы, поэтому мы готовы ко всем необходимым шагам», чтобы помочь. Мы бы никогда не сунулись в Иран, утверждал другой нефтяник, если бы правительство «не гнало нас туда пинками»¹⁷⁴¹.

Попытка занять позиции Англо-Иранской компании и сохранить стабильность в Иране усложнялись еще и тем, что сами нефтяные компании, призванные выступить в качестве инструмента в международной политике США, находились под следствием министерства юстиции за нарушение антитрестовых законов. Однако поскольку идея проповедей о демократии оказалась гибкой, то же произошло и с гарантией соблюдения американских законов: генеральный прокурор дал формальные разъяснения по запросу национального совета безопасности, что «применение антитрестового законодательства Соединенных Штатов (против нефтяных компаний, формирующих консорциум) должно считаться вторичным по отношению к интересам национальной безопасности». Весной 1954 года, таким образом, нефтяные компании получили формальные гарантии иммунитета от расследований. Кон-

¹⁷⁴¹ *The International Petroleum Cartel, the Iranian Consortium, and US National Security*, United States Congress, Senate (Washington, DC, 1974), pp. 57–58; Yergin, *The Prize*, p. 453.

троль над Ираном был так важен, что правительство США было готово отложить в сторону собственное законодательство¹⁷⁴².

Привлечение американских нефтяных компаний было лишь одним этапом широкомасштабного плана поддержки Ирана и удержания его вне хватки Советского Союза. Совместные усилия были приложены для разработки проектов социального развития, особенно в сельской местности. Около трех четвертей населения составляли крестьяне, не имевшие земли и получавшие минимальный доход. Они были заперты в мире, где землевладельцы противостояли аграрной реформе и где выбор был невелик: обычная ставка по кредиту для мелких фермеров колебалась от 30 до 75 %, что гарантированно ограничивало социальную мобильность¹⁷⁴³.

Основные фонды были инвестированы в решение части этих проблем. Схемами микрофинансирования для мелких фермеров занималась Ford Foundation, крупнейшая благотворительная организация в Америке. Поддержка создания кооперативов позволила им отказаться от неэффективной торговли своим урожаем хлопка на местных рынках в пользу продажи их по заметно лучшим ценам брокерам в Европе. На шаха и его министров давили, чтобы те занялись реформированием сельского хозяйства как следует, но не очень результативно к отчаянию тех, кто пытался убедить высокопоставленных политиков, что неспособность разобраться с безграмотностью и неравенством в сельской местности будет иметь долгосрочные последствия¹⁷⁴⁴.

Прямая поддержка правительства США быстро возрастала, объем ежегодных финансовых вливаний, составлявший 27 миллионов долларов в годы до смещения Мосаддыка, увеличился почти в 5 раз в последующие годы¹⁷⁴⁵. США также предоставили гранты и займы, чтобы помочь выстроить массивную дамбу на реке Карадж примерно в 40 милях к северо-востоку от Тегерана, которая предназначалась в основном для улучшения электро- и водоснабжения столицы, а также служила символом иранской модернизации и прогресса¹⁷⁴⁶.

Такие шаги были частью систематического подхода к укреплению региона. Хотя нефтяные богатства Ирана и делали его особо значимым для Запада, важность соседних стран также возросла из-за их расположения по южному флангу Советского Союза, в то время как начинала разгораться холодная война.

Результатом должно было стать создание пояса государств между Средиземноморьем и Гималаями с прозападными правительствами, устойчивой экономикой, политикой и военной поддержкой США. Этот блок стран, который суровый госсекретарь Джон Фостер Даллес окрестил «северным рубежом», должен был выполнять три задачи: служить преградой экспансии советских интересов; прикрывать богатый ресурсами залив и продолжать перекачивать нефть на Запад, чтобы стимулировать восстановление Европы и в то же время получать прибыль, необходимую для местной стабильности; и обеспечивать функционирование сети разведывательных постов и военных баз на случай, если напряженные отношения с советским блоком выльются в открытый конфликт.

В 1949 году, например, в докладе, представленном объединенному руководству штабов в Южной Азии, отмечалось, что Пакистан «может потребоваться как база для воздушных операций против центрального района СССР и как перевалочный пункт для сил, обороняю-

¹⁷⁴² Bill, *The Eagle and the Lion*, p. 88; 'Memorandum of the discussion at the 180th meeting of the National Security Council', 14 January 1954, *FRUS, 1952–1954: Iran, 1951–1954*, 10, p. 898.

¹⁷⁴³ M. Gasiorowski, *US Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran* (Ithaca, NY, 1991), pp. 150–151.

¹⁷⁴⁴ V. Nemchenok, '“That So Fair a Thing Should Be So Frail”: The Ford Foundation and the Failure of Rural Development in Iran, 1953–1964', *Middle East Journal* 63.2 (2009), pp. 261–273.

¹⁷⁴⁵ Там же, p. 281; Gasiorowski, *US Foreign Policy*, pp. 53, 94.

¹⁷⁴⁶ C. Schayegh, 'Iran's Karaj Dam Affair: Emerging Mass Consumerism, the Politics of Promise, and the Cold War in the Third World', *Comparative Studies in Society and History* 54.3 (2012), pp. 612–643.

щих или отбивающих нефтяные залежи Ближнего Востока». Также в нем сообщалось, что это очевидный аванпост для скрытых действий против Советского Союза¹⁷⁴⁷.

Таким образом, было жизненно важно обеспечить поддержку Пакистану, а также другим странам Северного рубежа, в противном случае существовала вероятность, что регион целиком займет нейтральную позицию относительно Запада, «или того хуже... может включиться в советскую орбиту»¹⁷⁴⁸.

Эти заботы формировали политику США и Запада в большей части Азии в последовавшие после Второй мировой десятилетия. В 1955 году страны, начиная с Турции на западе, через Ирак и Иран, до Пакистана на востоке, были связаны единым соглашением, которое заменило паутины союзов друг с другом и Британией. Это соглашение стало предтечей того, что вскоре стало известно как Багдадский пакт. Хотя объявленной целью договора являлось «достижение мира и безопасности на Ближнем Востоке» и обеспечение взаимных гарантий, реальность была такова, что он был составлен для обеспечения западного влияния на регион невероятной стратегической и экономической важности¹⁷⁴⁹.

Несмотря на осторожные уверения, которые давались для обеспечения благосклонности местных правительств, ошибки Вашингтона создавали возможности для Советов. К примеру, в конце 1954 года сдержанная просьба афганского руководства о помощи и вооружении от Соединенных Штатов была отклонена госдепартаментом. Принцу Наиму, брату премьер-министра, сказали, что Афганистану стоит сосредоточиться на проблемах ближе к дому, например, таких, как решение пограничных споров с Пакистаном. Неуклюжий ответ, призванный продемонстрировать поддержку режима Карачи, который один военный атташе недавно описывал как «имеющий глобальную стратегическую важность», имел немедленные последствия¹⁷⁵⁰.

Едва новости достигли Кабула, как Советы выступили с предложением предоставить военную технику и фонды на развитие, и данное предложение было сразу принято. За основным грантом на 100 миллионов долларов последовали другие вливания, которые позволили построить мосты, модернизировать телекоммуникации и расширить дорожную сеть, в том числе построить шоссе от Кандагара до Герата. Деньги и советы из Москвы также помогли построить тоннель Саланг длиной в 1,7 мили на крупной дороге, ведущей на север, в Советскую Среднюю Азию. Эта трасса – символ советско-афганской дружбы – была основной артерией снабжения в 1980-е годы во время вторжения в Афганистан. По иронии, она также была жизненно важной частью пути снабжения для США и караванов союзников в начале XXI века: шоссе, построенное для усиления Афганистана против Запада, стало ключевым в планах последнего перестроить первый по собственному образу¹⁷⁵¹.

То, что США обошли столь явно, оказало отрезвляющее воздействие, особенно когда то же самое повторилось несколько месяцев спустя, на этот раз с более драматическим исходом. В конце 1955 года революционер Гамаль Абдель Насер, игравший функциональную роль в заговоре трехлетней давности, который сбросил короля Фарука при поддержке ЦРУ, также попросил оружие у Москвы. Застигнутые врасплох, США решили профинансировать проект постройки огромной дамбы на Асване в сотрудничестве с Британией и Всемир-

¹⁷⁴⁷ ‘Memorandum from the Joint Chiefs of Staff’, 24 March 1949, *FRUS, 1949: The Near East, South Asia, and Africa*, 6, pp. 30–31.

¹⁷⁴⁸ ‘Report by the SANACC [State-Army-Navy-Air Force Co-ordinating Committee] Subcommittee for the Near and Middle East’, *FRUS, 1949: The Near East, South Asia, and Africa*, 6, p. 12.

¹⁷⁴⁹ В целом см. здесь В. Yesilbursa, *Baghdad Pact: Anglo-American Defence Policies in the Middle East, 1950–1959* (Abingdon, 2005).

¹⁷⁵⁰ R. McMahon, *The Cold War on the Periphery: The United States, India and Pakistan* (New York, 1994), pp. 16–17.

¹⁷⁵¹ P. Tomsen, *The Wars of Afghanistan: Messianic Terrorism, Tribal Conflicts and the Failures of the Great Powers* (New York, 2011), pp. 181–182.

ным банком – это стало отражением проекта дамбы на Карадже в Иране. На высшем уровне велись дискуссии между Лондоном и Вашингтоном, как еще умиротворить Насера, было решено обещать предоставить оружие и оказать давление на Израиль, чтобы склонить его к мирному договору с Египтом, в надежде улучшить все более натянутые отношения между двумя странами¹⁷⁵².

Насера бесил Багдадский пакт, в котором он видел препятствия для объединения арабов и западный инструмент сохранения влияния в сердце Азии. Если бы деньги и поддержка уже поступали, может быть, он бы удовлетворился, по крайней мере ненадолго, но вышло так, что обещанные фонды были отозваны из-за беспокойства сенаторов США, что постройка дамбы вызовет всплеск производства хлопка и скачок цен, которые повредят американским фермерам¹⁷⁵³. Эта забота о себе оказалась фатальной и стала последней каплей.

Эксперт в политической борьбе, Насер, судя по описанию британского премьер-министра Энтони Идена, стремившийся «стать арабским Наполеоном», пошел на обострение ситуации¹⁷⁵⁴. Он резко ответил на громкое заявление британского Министерства иностранных дел, сделанное в 1956 году, что Суэцкий канал – «неотъемлемая часть Ближневосточного нефтепромышленного комплекса» и жизненно важен для британских интересов, отповедью, что, если дело в этом, тогда Египту следует выделить долю с канала, так же как страны – производители нефти получали долю нефтяных доходов¹⁷⁵⁵. Он вполне понимал, что Запад не остановится ни перед чем, чтобы защитить свое имущество, но рассчитывал, что национализация канала вызовет развитие событий, которые в долгосрочной перспективе пойдут на пользу Египту.

Когда американские стратеги прикинули вероятное влияние закрытия канала на цены на топливо, первые лица Британии погрузились в пучины ужаса и отчаяния.

«Правда в том, что мы стоим перед ужасным выбором, – писал Гарольд Макмиллан, уважаемый и хорошо информированный канцлер счетной палаты. – Если мы предпримем силовые действия против Египта, и в результате канал будет перекрыт, трубопроводы в Левант перерезаны, Персидский залив восстанет и добыча нефти остановится, тогда с Соединенным королевством и Западной Европой будет «покончено»¹⁷⁵⁶. С другой стороны, он отмечал, что, если ничего не предпринять, Насер легко победит и это будет иметь катастрофические последствия повсюду: все страны Ближнего Востока просто последуют за ним и национализуют нефтедобычу.

Насер занял место Мосаддыка. Западные дипломаты, политики и разведслужбы стали размышлять, не применить ли сходное решение к проблеме лидера, чья политика противоречила западным интересам. Спустя недолгое время британцы уже искали «способы и средства свержения режима»¹⁷⁵⁷. Как выражался один лондонский дипломат, «мы должны избавиться от Насера»; премьер-министр Энтони Иден хотел не просто сместить его – ему был нужен мертвый Насер¹⁷⁵⁸. Когда несколько раундов дипломатического обмена ни к чему не привели, Британия и Франция заключили, что нужна демонстрация силы, чтобы донести до ближневосточных лидеров, что сила будет применена к каждому, кто осмелится восставать против интересов Запада.

¹⁷⁵² R. McNamara, *Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East, 1952–1967* (London, 2003), pp. 44–45.

¹⁷⁵³ A. Moncrieff, *Suez: Ten Years After* (New York, 1966), pp. 40–41; D. Kunz, *The Economic Diplomacy of the Suez Crisis* (Chapel Hill, NC, 1991), p. 68.

¹⁷⁵⁴ Eden to Eisenhower, 6 Sept 1956, FO 800/740.

¹⁷⁵⁵ M. Heikal, *Nasser: The Cairo Documents* (London, 1972), p. 88.

¹⁷⁵⁶ H. Macmillan, *Diary*, 25 August 1956, in A. Horne, *Macmillan: The Official Biography* (London, 2008), p. 447.

¹⁷⁵⁷ Цитируется по McNamara, *Britain, Nasser and the Balance of Power*, p. 46.

¹⁷⁵⁸ McNamara, *Britain, Nasser and the Balance of Power*, pp. 45, 47.

В конце октября 1956 года начались военные действия против Египта. Британские и французские войска выдвинулись для охраны канала, в то время как их израильские союзники ударили в глубины Синайского полуострова, чтобы помочь защитить Суэц и максимизировать давление на Насера. Вскоре вторжение потерпело крах. Суэцкий канал был перекрыт египтянами, затопившими всевозможные суда, баржи и буксиры по всему руслу, а также обрушившими в воду передвижной железнодорожный мост в Эль-Фридане к северу от Измаилии. В результате создания приблизительно 49 заторов канал был перекрыт, и это вызвало то, что записи того времени называют «серьезным смещением обычного движения товаров». Поставки топлива в Западную Европу резко сократились.

Дальнейший ход событий был ожидаемым, как заключали в ЦРУ, цены «на множество основных товаров мирового рынка» закономерно повысились, вырос уровень безработицы в странах свободного мира, экономика которых зависела от поставок через Суэцкий канал.

Это должен был почувствовать и Советский Союз, суда которого, перевозящие грузы с Дальнего Востока, столкнулись с необходимостью преодолеть 7000 миль вокруг Африки, чтобы достичь родных портов в Черном море из-за перекрытия Суэца. Американцы внимательно следили, как Москва распределяет основные грузопотоки по трансазиатским железнодорожным путям, важность которых резко подскочила¹⁷⁵⁹.

Прекрасно сознавая растущее напряжение вокруг Египта, администрация Эйзенхауэра все же была застигнута врасплох исходом военных действий, не предусмотренных планами вторжения. Президент аж дымился, осыпая упреками британского премьера лично. Применение силы в зоне канала оказалось репутационным провалом для самопровозглашенных стражей «свободного мира», и это в то время, как советские танки катили по улицам Будапешта подавлять народное восстание в Венгрии. В конечном счете, события на Суэцком канале вызвали еще одно следствие: они обозначили момент, когда США пришлось выбирать между силами Запада, чью мантию они унаследовали в XX веке, и богатым нефтью миром Ближнего Востока. И они выбрали последнее.

Как рассуждал президент Эйзенхауэр, необходимо «не доставать арабов». Если это случится, поставки нефти с Ближнего Востока могут сразу оборваться как из-за перекрытого канала, так и из-за остановки добычи или наложения эмбарго странами, симпатизировавшими Египту, столь явно ущемляемому. Как уже признавал британский дипломат, любое снижение поставок будет иметь разрушительные последствия: «Если Британию отрезать от ближневосточной нефти на год или два, наши золотовалютные резервы иссякнут. Если резервы иссякнут, курс фунта рухнет. Если курс фунта рухнет, а резервов у нас не будет... Я сомневаюсь, что мы сможем оплатить хотя бы необходимый минимум собственной обороны. А страна, которая не может обеспечить свою оборону, обречена»¹⁷⁶⁰. Это был крайне пессимистичный сценарий, можно даже сказать роковой. Эйзенхауэр лично признавал, что тяжело «оставаться безразличным к топливному и финансовому положению Западной Европы», и все же, писал он лорду Исмею, первому генеральному секретарю объединенного оборонительного союза НАТО (Организация Североатлантического договора), важно «не настраивать против себя арабский мир»¹⁷⁶¹.

На практике это загоняло Британию и Францию в угол. Хотя в Вашингтоне был разработан план доставки нефти из США в Западную Европу, его намеренно не привели в действие, чтобы подтолкнуть события в Египте к развязке.

¹⁷⁵⁹ 'Effects of the Closing of the Suez Canal on Sino-Soviet Bloc Trade and Transportation', Office of Research and Reports, Central Intelligence Agency, 21 February 1957, Freedom of Information Act Electronic Reading Room, Central Intelligence Agency.

¹⁷⁶⁰ Kirkpatrick to Makins, 10 September 1956, FO 800/740.

¹⁷⁶¹ *Papers of Dwight David Eisenhower: The Presidency: The Middle Way* (Baltimore, 1970), 17, p. 2415.

Будучи уверенным в разрушении британской экономики и падении курса фунта, Лондон был вынужден обратиться за финансовой поддержкой в Международный валютный фонд. Еще четыре десятилетия назад повелевавшая миром Британия отправилась по миру со шляпой. То, что запрос в МВФ был решительно отвергнут, было уже достаточно плохо, а то, что посланные в Египет сражаться за ценности Западной Европы войска были отозваны, не выполнив миссию, – просто унизительно. Их возвращение домой под взглядом мировой прессы было символом того, как изменился мир: Индия была брошена, нефтяные залежи Ирана вырваны у Британии из пасти, а теперь и Суэцкий канал. Отставка премьер-министра Энтони Идена в начале 1957 года была просто еще одним параграфом в последней главе о гибели империи¹⁷⁶².

Соединенные Штаты резко озаботились новообретенной ответственностью, налагаемой статусом сверхдержавы, когда шла речь о странах, лежащих вдоль оси Азии. Нужно держаться осторожного курса, как ясно показали последствия Суэцкого конфликта. Престиж и влияние Британии сошли на нет, и это повысило вероятность того, что южный фланг, преграждающий путь Советскому Союзу, «может полностью рухнуть от коммунистического влияния и успехов на Ближнем Востоке», как выразился президент Эйзенхауэр в конце 1956 года¹⁷⁶³.

Более того, фиаско с прерванными военными действиями послужило расцвету антизападных настроений на всем Ближнем Востоке, распространявшихся националистами-демагогами, черпавшими вдохновение в успехе Насера, хладнокровно преодолевшего военное давление Европы. Когда популярность египетского лидера экспоненциально взлетела повсюду, начала всплывать идея арабского национализма, а с ней растущее чувство того, что объединение всех арабов позволит создать силу, которая уравновесит Запад, с одной стороны, и советский блок – с другой.

Проницательные исследователи предсказывали такое развитие событий еще до того, как Насер провел мастер-класс политической игры. Посол США в Тегеране Лой Хендерсон, который понимал особенности этой области лучше любого другого американца, заключил, что голоса националистов будут все более громкими и влиятельными. «Кажется почти неизбежным, – писал он в 1953 году, – что однажды в будущем... ближневосточные страны... объединятся и станут проводить единую политику»¹⁷⁶⁴. Насер стал фигурой, которую ждало это движение.

* * *

Это обусловило существенные изменения позиции Соединенных Штатов, которые стали известны как доктрина Эйзенхауэра. Ясно понимая, что Советский Союз возлагает надежды на Ближний Восток, президент заявил Конгрессу о необходимости заполнения «образовавшейся пустоты» на Ближнем Востоке «Соединенными Штатами до того, как ее заполнит Россия». Это было важно не только для США, продолжал он, это было необходимо для «мира во всем мире»¹⁷⁶⁵. Поэтому Конгрессу предлагалось утвердить претенциозный бюджет финансирования и военной поддержки региона, а также полномочия защищать любую страну, которой бы угрожала военная агрессия. Хотя ключевой целью было упредить

¹⁷⁶² W. Louis and R. Owen, *Suez 1956: The Crisis and its Consequences* (Oxford, 1989); P. Hahn, *The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War* (Chapel Hill, NC, 1991).

¹⁷⁶³ Eisenhower to Dulles, 12 December 1956, in P. Hahn, 'Securing the Middle East: The Eisenhower Doctrine of 1957', *Presidential Studies Quarterly* 36.1 (2006), p. 39.

¹⁷⁶⁴ Цитируется по Yergin, *The Prize*, p. 459.

¹⁷⁶⁵ Hahn, 'Securing the Middle East', p. 40.

Советский Союз, все это также имело целью создать альтернативу облику Насера – такую, которая бы привлекла страны, видевшие выгоды получения постоянных выплат от Вашингтона¹⁷⁶⁶.

Попытка репозиционирования понравилась не всем. Израильцы разочаровали американские попытки улучшить отношения с арабами и не особо порадовали уверения, что и они почувствуют выгоду от возросшего статуса и роли США¹⁷⁶⁷. Это недоверие было понятно, учитывая злобу, сгущающуюся вокруг Израиля, особенно в Саудовской Аравии и Ираке в свете проваленной интервенции на Суэце. Дело было, конечно, не в том, что израильские солдаты принимали участие в ней наравне с британскими и французскими; что важнее, страна становилась тотемным символом постороннего вмешательства с Запада в дела региона, а также его прямым бенефициаром. В результате все более угрожающий шум поднимался вокруг поддержки Израиля со стороны США, не сравнимой с помощью арабам.

Теперь Израиль стал поводом для объединения арабских националистов, для того чтобы отложить в сторону разногласия, совсем как сотни лет назад, когда крестоносцы обнаружили на Святой земле государство, построенное чужаками. И тоже, совсем как крестоносцы, израильцы прочувствовали неоднозначную и незавидную роль мишени, объединяющей многих врагов.

Острота антиизраильской риторики усилилась, когда сирийские политики приняли сторону Насера и поддержали облик арабского мира, который тот проповедовал. В начале 1958 года формальное объединение с Египтом привело к образованию нового государства, объединенной арабской республики, которая должна была стать основой будущей консолидации. За развитием ситуации с беспокойством наблюдал Вашингтон. Посол Хендерсон предупреждал, что возвышение одного голоса может вызвать затруднения и иметь «разрушительные эффекты», как он их называл.

США боролись с последствиями, а в государственном департаменте велись дебаты, причем высказывания были в основном крайне пессимистичными. Авторы записки, изданной Бюро ближневосточных, среднеазиатских и африканских дел, авторы озабоченно замечали, что радикальный национализм Насера грозит затопить регион, в то время как американские «достижения» на Ближнем Востоке пострадали или потеряны в результате успеха египетского лидера на Суэце и его шага навстречу Сирии¹⁷⁶⁸. Прогресс Насера неизбежно проложит путь к коммунизму, заключал Джон Фостер Даллес, госсекретарь и старший брат Аллена Даллеса, главы ЦРУ. Настало время для решительных действий и «возведения брустверов вокруг позиций, которые мы должны удерживать»¹⁷⁶⁹.

Настроения ухудшились, когда цепная реакция двинулась на восток по Азии. Первым на очереди был Ирак. Объединение Египта и Сирии вызвало множество дискуссий в среде образованной элиты Багдада, которую все более привлекал панарабизм, который предлагал третий путь помимо взаимодействия с Вашингтоном и Москвой. Однако летом 1958 года события в столице приняли опасный оборот, разжигаемые симпатиями к Насеру и растущими антизападными настроениями, пронизанными агрессивной риторикой в адрес Израиля. 14 июля группа высокопоставленных иракских офицеров, возглавляемая Абдулом

¹⁷⁶⁶ См., главным образом, S. Yaqub, *Containing Arab Nationalism: The Eisenhower Doctrine and the Middle East* (Chapel Hill, NC, 2004).

¹⁷⁶⁷ R. Popp, 'Accommodating to a Working Relationship: Arab Nationalism and US Cold War Policies in the Middle East', *Cold War History* 10.3 (2010), p. 410.

¹⁷⁶⁸ 'The Communist Threat to Iraq', 17 February 1959, *FRUS, 1958–1960: Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*, 12, pp. 381–388.

¹⁷⁶⁹ S. Blackwell, *British Military Intervention and the Struggle for Jordan: King Hussein, Nasser and the Middle East Crisis* (London, 2013), p. 176; 'Memorandum of Conference with President Eisenhower', 23 July 1958, *FRUS, 1958–1960: Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*, 12, p. 84.

Каримом Касимом – человеком, которого современники прозвали «заклинателем змей», прошедшим курс военной подготовки в Британии двумя десятилетиями ранее, – организовала переворот¹⁷⁷⁰.

Вступив во дворец во время завтрака, заговорщики согнали членов королевской семьи, включая короля Файсала II, во внутренний двор и казнили их. Тело наследного принца Абд аль-Илаха, вдумчивого и довольно серьезного человека, было вытащено «на улицу... как собака», разорвано на части и затем сожжено разъяренной толпой. На следующий день иракский премьер-министр Нури аль-Саид, ветеран политики, который наблюдал трансформацию Ближнего Востока с самого начала, был пойман, когда пытался бежать, переодевшись женщиной, и застрелен. Его тело было изуродовано и торжественно пронесено по Багдаду¹⁷⁷¹.

Эти события, казалось, возвещали о приближающейся экспансии интересов Советского Союза. Иран, как заявил русский вождь Никита Хрущев президенту Джону Ф. Кеннеди на саммите в 1961 году, вскоре упадет в руки Советов как перезрелый плод. Этот прогноз напрашивался, учитывая, что даже глава иранской секретной службы был известен интригами против шаха.

После того как московский Комитет государственной безопасности (более известный как КГБ) провалил одну попытку убийства, усилия переключились на создание посадочных площадок и складов амуниции по всему Ирану, предположительно на случай решения сосредоточиться на разжигании народного восстания и свержении монархии¹⁷⁷².

Немногим лучше обстояли дела в Ираке, высокопоставленный представитель США писал, что страна «практически наверняка скатится в то, что приведет к коммунистическому перевороту»¹⁷⁷³. В результате этого Запад пересмотрел отношения с Насером, который стал рассматриваться как «меньшее из зол». США отчаянно пытались навести мосты в отношениях с непостоянным египетским лидером, который сам понимал, что арабский национализм может быть вытеснен тем, что он называл «растущим проникновением коммунистов на Дальний Восток»¹⁷⁷⁴. Наличие у Вашингтона и Каира общих интересов подчеркнуло решение нового руководства Ирака пойти собственным путем и дистанцироваться от панарабизма и от Насера; это еще больше взвинтило опасения относительно усиления влияния Советского Союза¹⁷⁷⁵.

Планы решения багдадского вопроса разрабатывались сформированным в США комитетом по рассмотрению «открытых или скрытых способов» предотвращения коммунистического переворота в Ираке. Недостаток источников затруднял понимание того, насколько (если вообще) ЦРУ было вовлечено в заговор по смещению Касема, националистического премьер-министра, который низложил иракскую монархию, предпринятый в конце 1959 года. Один из тех, кто находился в гуще событий в то смутное время, позднее раздул свое участие до почти мифического масштаба, чтобы продемонстрировать свою решимость и личную храбрость. Звали его Саддам Хусейн¹⁷⁷⁶.

Пользовались ли заговорщики поддержкой США в этом деле – неизвестно, хотя данные говорят, что американская разведка была осведомлена о провальном путче еще до его

¹⁷⁷⁰ 'Iraq: The Dissembler', *Time*, 13 April 1959.

¹⁷⁷¹ 'Middle East: Revolt in Baghdad', *Time*, 21 July 1958; J. Romero, *The Iraqi Revolution of 1958: A Revolutionary Quest for Unity and Security* (Lanham, MD, 2011).

¹⁷⁷² C. Andrew and V. Mitrokhin, *The KGB and the World: The Mitrokhin Archive II* (London, 2005), pp. 273–274; W. Shawcross, *The Shah's Last Ride* (London, 1989), p. 85.

¹⁷⁷³ OIR Report, 16 January 1959, цитируется по Popp, 'Arab Nationalism and US Cold War Policies', p. 403.

¹⁷⁷⁴ Yaqub, *Containing Arab Nationalism*, p. 256.

¹⁷⁷⁵ W. Louis and R. Owen, *A Revolutionary Year: The Middle East in 1958* (London, 2002).

¹⁷⁷⁶ F. Matar, *Saddam Hussein: The Man, the Cause and his Future* (London, 1981), pp. 32–44.

начала¹⁷⁷⁷. Тот факт, что для смещения ключевых фигур с позиций в правительстве были разработаны детальные планы (например, названному иракскому полковнику должны были послать платок с монограммой, отравленный паралитическим ядом) также показывает, что кто-то предпринял действия, чтобы увериться, что Багдад не ускользнет в орбиту Москвы¹⁷⁷⁸. Вероятно, не было совпадением, что, когда Касем, наконец, был низложен в 1963 году, его свержение не стало неожиданностью для американских наблюдателей, которые позднее отмечали, что все это было предсказано агентами ЦРУ до мельчайших деталей¹⁷⁷⁹.

Глубокая вовлеченность в иракские дела была вызвана в основном желанием удержать Советский Союз подальше от стран к югу от него. Построение связей внутри пояса, пересекавшего шелковые пути, было частично вопросом политического престижа, США не могли себе позволить проиграть сопернику, предлагавшему диаметрально противоположное видение мира. Но были и другие причины этого усиливающегося интереса.

В 1955 году Москва решила расположить большой испытательный полигон для ракет дальнего действия в Торетаме (ныне в Казахстане), заключив, что степи – подходящая среда для установки цепи антенн, которые позволят отслеживать запуски без перерыва во время полета, а также достаточно хорошо изолированная, чтобы не представлять угрозу окружающим городам. Результат, позже названный космодромом Байконур, стал основным местом разработки и тестирования баллистических ракет¹⁷⁸⁰. Еще до постройки центра Советы запустили Р5, имевшую дальность около 600 миль и способную нести ядерную боеголовку. В 1957 году поступила в производство ее наследница Р7, более известная под кодовым именем ССБ «Заболонь». Она имела дальность 5000 миль, что резко повысило угрозу для Запада со стороны Советского Союза¹⁷⁸¹.

Запуск ПС1, первого искусственного спутника Земли, на следующий год вместе с представлением флота ТУ-95 «Медведь» и 3М «Бизон», стратегических бомбардировщиков дальнего действия, заставили американских военных стратегов еще больше сосредоточиться на данной проблеме: для США было важно следить за испытаниями ракет, развитием летных качеств и отслеживать возможные враждебные запуски¹⁷⁸². Холодная война часто ассоциируется с мыслями о Берлинской стене и Восточной Европе как арене противостояния между сверхдержавами. Но настоящая шахматная доска холодной войны располагалась на клочке территории прямо в подбрюшье Советского Союза.

Стратегическая ценность стран вдоль южных границ СССР для США была давно известна. Теперь они стали жизненно необходимы, аэродромы, радарные станции и инфраструктура связи в Пакистане стали частью оборонительной стратегии США. К моменту, когда дальность советских ракет стала межконтинентальной, Пешаварский аэродром на севере страны оказался центром сбора важнейших разведданных. Он служил базой для самолетов-шпионов U-2, которые выполняли рекогносцировочные миссии вокруг Байконура, а

¹⁷⁷⁷ 'Memorandum of Discussion at the 420th Meeting of the National Security Council', 1 October 1959, *FRUS, 1958–1960: Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*, 12, p. 489, n. 6.

¹⁷⁷⁸ Этот случай был выявлен в ходе исследований, проведенных в 1975 году, которые касались использования убийств в качестве политического инструмента американскими спецслужбами. Полковник, который не назван, по-видимому, был расстрелян в Багдаде до того, как план «Носовой платок» был введен в действие, *Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Interim Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities* (Washington, DC, 1975), p. 181, n. 1.

¹⁷⁷⁹ H. Rositzke, *The CIA's Secret Operations: Espionage, Counterespionage and Covert Action* (Boulder, CO, 1977), pp. 109–110.

¹⁷⁸⁰ A. Siddiqi, *Challenge to Apollo: The Soviet Union and the Space Race, 1945–1974* (Washington, DC, 2000); Черток Б. Е. Ракеты и люди. Фили – Подлипки – Тюратам – М., 1999.

¹⁷⁸¹ A. Siddiqi, *Sputnik and the Soviet Space Challenge* (Gainesville, FL, 2003), pp. 135–138.

¹⁷⁸² G. Laird, *North American Air Defense: Past, Present and Future* (Maxwell, AL, 1975); S. Zaloga, 'Most Secret Weapon: The Origins of Soviet Strategic Cruise Missiles, 1945–1960', *Journal of Slavic Military Studies* 6.2 (1993), pp. 262–273.

также других крупных военных объектов, включая завод по очистке плутония в Челябинске. Именно из Пешавара вылетел Гэри Пауэрс на злосчастную миссию, которая завершилась сбитым самолетом в советском воздушном пространстве неподалеку от Свердловска в 1960 году, в ходе одного из наиболее захватывающих эпизодов холодной войны¹⁷⁸³.

Не было ни малейшей иронии в том, что политические и военные действия Америки, предназначенные для защиты свободного мира и демократического образа жизни, приводили к очень разным результатам. Позиция США в этой части мира была основана на ряде сильных людей с недемократичными инстинктами и сомнительными методами удержания власти. В случае с Пакистаном США были рады иметь дело с генералом Аюб-ханом, после того как он возглавил переворот в 1958 году, умышленно назвав его «революцией против коммунизма», чтобы получить поддержку американцев. Он смог ввести военное положение без возражений со стороны своих западных союзников и, оправдывая свои действия, отмечал, что проявляет «жестокость только к тем, кто подрывает моральный дух Пакистана»¹⁷⁸⁴. Давались обещания восстановить «работоспособное конституционное правление», но мало кто сомневался в том, что военная диктатура продлится долго. Особенно когда Аюб-хан объявил, что пройдет «несколько десятилетий», пока образовательные стандарты поднимутся достаточно, чтобы доверить населению избирать себе лидеров¹⁷⁸⁵. США более чем охотно обеспечивали оружием в больших количествах этого неоднозначного союзника: ракеты Sidewinder, реактивные истребители и тактические бомбардировщики В-57 были только частью продаваемой с одобрения президента Эйзенхауэра техники¹⁷⁸⁶.

Вследствие этого власть вооруженных сил Пакистана, где более 65 % национального бюджета шло на армию, еще более возросла. Казалось необходимым поддерживать друзей у власти в этой части мира. Закладка основ для социальной реформы была рискованной и долговременной по сравнению с немедленной выгодой, которую можно было получить, положившись на лидеров и представителей элиты, которые их окружали. Но результатом было также подавление демократии и сеяние семян глубоких проблем, которые затем давали всходы.

С руководством Афганистана обращались также обходительно, взять, к примеру, премьер-министра Дауд Хана, приглашенного с двухнедельным визитом в Соединенные Штаты в конце 1950-х годов.

Стремление произвести впечатление было таковым, что на летном поле его встречали вице-президент Никсон и госсекретарь Джон Фостер Даллес, а потом сердечно принял президент Эйзенхауэр, спешивший предупредить афганского премьера об угрозе, которую коммунизм являл для мусульманских стран Азии. США уже начали серию амбициозных проектов развития в Афганистане, таких как постройка крупной системы орошения в долине Гильменд и смелая попытка улучшения системы образования. Теперь они давали новые обещания, чтобы уравновесить крупные советские инвестиции, займы и инфраструктурные проекты, которые уже действовали¹⁷⁸⁷.

Проблема, конечно же, состояла в том, что лидеры важных стран быстро поняли, что могут заставить обе сверхдержавы играть друг против друга и извлекать все большие выгоды из обоих. Действительно, когда президент Эйзенхауэр лично посетил Кабул в конце 1950-

¹⁷⁸³ Kux, *The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted Allies* (Washington, DC, 2001), p. 112; N. Polmar, *Spyplane: The U-2 History Declassified* (Osceola, WI, 2001), pp. 131–148.

¹⁷⁸⁴ Karachi to Washington DC, 31 October 1958, *FRUS, 1958–1960: South and Southeast Asia*, 15, p. 682.

¹⁷⁸⁵ Memcon Eisenhower and Ayub, 8 December 1959, *FRUS, 1958–1960: South and Southeast Asia*, 15, pp. 781–795.

¹⁷⁸⁶ R. Barrett, *The Greater Middle East and the Cold War: US Foreign Policy under Eisenhower and Kennedy* (London, 2007), pp. 167–168.

¹⁷⁸⁷ Department of State Bulletin, 21 July 1958.

х годов, его прямо попросили перебить цену, которую предлагала стране Москва¹⁷⁸⁸. Отказ имел последствия, впрочем, как и согласие.

Американские стратеги тем временем были сильно взбудоражены тем, что было расценено как явное колебание Ирана в конце 1950-х годов, когда шах Реза Пехлеви продемонстрировал желание улучшить отношения с Москвой вследствие разрушительной радиопропаганды, финансируемой Советским Союзом, которая представляла иранского правителя как марионетку Запада и призывала рабочих восстать и сбросить его деспотический режим¹⁷⁸⁹. Этого было достаточно, чтобы заставить шаха подумать об отказе от того, что он называл «тотально антагонистичными» отношениями с СССР, и открыть более гибкие каналы кооперации и коммуникации¹⁷⁹⁰.

Это вызвало тревогу в Вашингтоне, стратеги которого занимали бескомпромиссную позицию относительно принципиальной важности Ирана на южных границах Советского Союза. К началу 1960-х годов, как гласит одна запись, «стратегическое положение страны между СССР и Персидским заливом, наличие огромных запасов нефти делают критически важными для Соединенных Штатов дружбу, независимость и территориальную целостность Ирана»¹⁷⁹¹. Значительные силы и ресурсы пошли на поддержку иранской экономики и армии, а также на укрепление власти шаха в стране.

Все были так озабочены счастьем шаха, что незамеченными остались и нетерпимость, и крупномасштабная коррупция, а также вызванная ею неминуемая экономическая стагнация. Ничего не говорилось и не делалось по поводу преследования религиозных меньшинств, таких как, например, бахаи, которые, в частности, подвергались жестоким гонениям в 1950-х годах¹⁷⁹². Мало на что при этом влиял крутой подъем нефтяных доходов Ирана, которые увеличились более чем в семь раз в период с 1954 по 1960 год. Родственники шаха и группа, неформально называемая «1000 семей», держались железной хваткой за импорт, сколачивали себе состояния, используя все возможное. Займы на льготных условиях, предоставляемые Вашингтоном, позволяли богатым иранцам просто набивать карманы за счет бедных, которые с трудом могли угнаться за взлетающими ценами на жизнь, особенно с учетом плохого урожая в 1959–1960 годах¹⁷⁹³.

Вдобавок некоторые проекты США, созданные для стимуляции аграрной экономики, представляли собой зрелищные провалы. Попытки заменить традиционные семена современными гибридами стали катастрофой, поскольку новые растения оказались неподходящими для почвы и им не хватало сопротивляемости болезням и насекомым. Схема помощи как иранским, так и американским птицеводам, которая предполагала завоз цыплят из США в Иран, тоже привела к бедственному положению вследствие невозможности вакцинации и использования подходящих кормов, и последствия этого были вполне предсказуемыми. Позорная неспособность понять, как устроен водяной пласт в Иране, привела к созданию колодцев, которые иссушили подпочвенные резервуары и подорвали жизнеспособность множества ферм по всей стране¹⁷⁹⁴.

¹⁷⁸⁸ Kux, *United States and Pakistan*, pp. 110–111.

¹⁷⁸⁹ V. Nemchenok, 'In Search of Stability amid Chaos: US Policy toward Iran, 1961–1963', *Cold War History* 10.3 (2010), p. 345.

¹⁷⁹⁰ Central Intelligence Bulletin, 7 February 1961; A. Rubinstein, *Soviet Foreign Policy toward Turkey, Iran and Afghanistan: The Dynamics of Influence* (New York, 1982), pp. 67–68.

¹⁷⁹¹ National Security Council Report, Statement of US Policy to Iran, 6 July 1960, *FRUS, 1958–1960: Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*, 12, pp. 680–688.

¹⁷⁹² M. Momen, 'The Babi and the Baha'i Community of Iran: A Case of "Suspended Genocide"?', *Journal of Genocide Research* 7.2 (2005), pp. 221–242.

¹⁷⁹³ E. Abrahamian, *Iran between Two Revolutions* (Princeton, 1982), pp. 421–422.

¹⁷⁹⁴ J. Freivalds, 'Farm Corporations in Iran: An Alternative to Traditional Agriculture', *Middle East Journal* 26.2 (1972), pp. 185–193; J. Carey and A. Carey, 'Iranian Agriculture and its Development: 1952–1973', *International Journal of Middle East*

Контрпродуктивные схемы вроде этих вряд ли можно назвать позитивными примерами близкого сотрудничества с Западом и, в частности, с США. Эти провальные проекты, помимо прочего, обеспечили плодородную почву для роста критики. И в этом никто не был более искусен, чем шиитский ученый Рухолла Мусави Хомейни, поймавший настроение народа, который все более раздражали низкие доходы, невысокий уровень экономического прогресса и демонстративное отсутствие социальной справедливости. «Ваше Величество, господин шах, позвольте мне дать вам небольшой совет, – провозглашал аятолла в одной из особенно зажигательных речей в начале 1960-х годов. – Ничтожный негодяй, не пора ли подумать и сообразить, к чему все это приведет?.. Господин шах, должен ли я сказать, что вы не верите в ислам, и вышвырнуть вас из Ирана?»¹⁷⁹⁵ Этого было достаточно, чтобы его арестовали, после чего в центре Тегерана вспыхнул бунт, и толпы распевали «Хомейни или смерть». Как отмечается в разведданных ЦРУ, даже служащие правительства участвовали в демонстрациях против режима¹⁷⁹⁶.

Вместо того чтобы внять предостережению, шах отреагировал еще более яростной борьбой с критиками. Духовенство Ирана, как он объявил, демонстрируя поразительное отсутствие такта, во время визита в священный город Кум – «невежественные и чахлые люди, которые не шевелили мозгами в течение столетий»¹⁷⁹⁷. Вместо предложения концессий или инициации последовательных реформ шах сосредоточил усилия на ужесточении контроля. Хомейни был изгнан и поселился более чем на десятилетие в Неджефе в соседнем Ираке, где его страстные разоблачения шаха и режима были не только благосклонно приняты, но и всячески поощрялись¹⁷⁹⁸.

Основные фонды также тратились на построение «САВАК», иранской тайной полиции, которая быстро заслужила пугающую известность. Заключение без суда, пытки и казни использовались повсеместно в отношении критиков шаха и его приближенных. В некоторых редких случаях удачливые оппоненты, чья известность делала их заметными, как Хомейни, помещались под домашний арест и изгонялись, что также помогало убрать их со сцены¹⁷⁹⁹. Подобная тактика, будучи применена в Советском Союзе, стала предметом громогласной критики со стороны Соединенных штатов, ее объявляли противоположностью демократии и инструментом тоталитаризма. В Иране же такие действия сопровождались молчанием.

Чтобы обеспечить поддержку шаха и укрепить его позиции, Вашингтон продолжал направлять в Иран средства на постройку полуторатысячемильной системы шоссежных дорог, соединяющей Персидский залив с Каспийским морем, на помощь в строительстве крупного порта в Бендер-Аббасе, расширение и улучшение энергосистемы и даже на запуск репутационных проектов, например, по созданию национальной авиалинии. При этом большинство западных политиков игнорировали реалии местности, предпочитая видеть только то, что им хотелось видеть. Для наблюдателей в США действия в Иране выглядели несомненным триумфом. «Экономика одного из преданнейших друзей Соединенных Штатов на Ближнем Востоке рвется вперед», – гласил доклад, подготовленный для президента Джонсона в 1968 году. ВВП Ирана поднимался так быстро, что стал «одной из заметнейших историй успеха» последнего времени. Аналогичный вывод был сделан в еще более категоричной форме 4 года спустя. После окончания Второй мировой, как замечали в американском

Studies 7.3 (1976), pp. 359–382.

¹⁷⁹⁵ H. Ruhani, *Nehzat-e Imam-e Khomeini*, 2 vols (Teheran, 1979), 1, p. 25.

¹⁷⁹⁶ CIA Bulletin, 5 May 1961, цитируется по Nemchenok, 'In Search of Stability', p. 348.

¹⁷⁹⁷ *Gahnamye panjah sal Shahanshahiye Pahlavi* (Paris, 1964), 24 January 1963.

¹⁷⁹⁸ См. D. Brumberg, *Reinventing Khomeini: The Struggle for Reform in Iran* (Chicago, 2001).

¹⁷⁹⁹ D. Zahedi, *The Iranian Revolution: Then and Now* (Boulder, CO, 2000), p. 156.

посольстве в Тегеране, Соединенные Штаты были вынуждены сделать ставку на Иран и формировать страну по собственному образу.

«Эта авантюра принесла неплохие результаты, возможно, даже больше, чем в любой другой развивающейся стране, также проинвестированной США». Иран на пути, как уверенно предсказывал доклад, к положению «самой процветающей страны Азии после Японии» и равенству со многими странами Европы¹⁸⁰⁰.

Скептики были в разительном меньшинстве. Одним из них оказался молодой академик Уильям Полк, который был приглашен в администрацию Кеннеди советником по международным отношениям. Возникнет конфликт и даже может разразиться революция, если шах не реформирует политический процесс, предупреждал он; когда эти беспорядки начнутся, лишь вопрос времени, как скоро силы безопасности откажутся стрелять в протестующих. Оппозиция шаху объединяется под началом «мощных исламских структур Ирана»¹⁸⁰¹.

Полк был совершенно прав. Однако в то время казалось более важным продолжать снабжать союзника против коммунизма, чем давить на него, чтобы он ослабил собственную власть. А шах лелеял все более грандиозные планы, все больше ухудшая ситуацию. Огромные средства были вложены в армию – иранский военный бюджет возрос с 293 миллионов долларов в 1963 году до 7,3 миллиарда долларов менее чем через 15 лет. В результате армия и авиация страны оказались одними из крупнейших в мире¹⁸⁰². Иран финансировал этот экстраординарный рост частично за счет военной помощи и дешевых займов от США (которые, в свою очередь, обогащались, поскольку большая часть военной техники была куплена у американских производителей). Помимо этого, Иран продолжал обогащаться за счет постоянного роста нефтяных доходов, а также за счет действия механизма, который был запущен ведущими добывающими компаниями мира, чтобы действовать как картель и максимизировать прибыль.

Создание Мировой организации экспортеров нефти (ОПЕК) в 1960 году было предназначено для координации потока нефти на открытый рынок. Целью было позволить основателям – Ираку, Ирану, Саудовской Аравии, Кувейту и Венесуэле – сочетать свои интересы и увеличивать доходы, контролируя поставки и, таким образом, регулируя цены¹⁸⁰³. Это было логичным шагом для богатых ресурсами стран, которые пытались вырвать власть у западных корпораций, не переставая получать политическую и финансовую поддержку от западных же правительств.

ОПЕК предприняла отчаянную попытку сократить влияние Запада, стремление которого обеспечить множество дешевого топлива для своих домашних рынков явно противоречило интересам стран, имевших богатые запасы нефти и газа и озабоченных тем, чтобы получать с них как можно более высокие доходы. Неочевидным образом ОПЕК была духовным детищем также неочевидного списка непреклонных лидеров, таких как Мосаддык, популист и демагог Насер, диктатор Касем, и антизападных фигур в Иране вроде аятоллы Хомейни. Всех их связывали совместные усилия по выводу своих стран из зоны всевозрастающего внешнего внимания. ОПЕК не была политическим движением, но, объединяя ряд стран и позволяя им общаться и выступать единым фронтом, явилась ключевым звеном в процессе передачи политических сил от Европы и США местным правительствам.

¹⁸⁰⁰ 'United States Support for Nation-Building' (1968); US Embassy Teheran to State Department, 4 May 1972, оба источника цитируются по R. Popp, 'An Application of Modernization Theory during the Cold War? The Case of Pahlavi Iran', *International History Review* 30.1 (2008), pp. 86–87.

¹⁸⁰¹ Polk to Mayer, 23 April 1965, цитируется по Popp, 'Pahlavi Iran', p. 94.

¹⁸⁰² Zahedi, *Iranian Revolution*, p. 155.

¹⁸⁰³ A. Danielsen, *The Evolution of OPEC* (New York, 1982); F. Parra, *Oil Politics: A Modern History of Petroleum* (London, 2004), p. 89ff.

Изобилие нефти в Иране, Ираке, Кувейте и Саудовской Аравии в сочетании с растущим мировым спросом означало фундаментальный передел власти в середине двадцатого столетия. Масштаб этого стал ясен в 1967 году, когда Насер предпринял внезапное нападение на Израиль. Саудовская Аравия, Ирак и Кувейт, поддержанные Алжиром и Ливией, странами Северной Африки, где объемы нефтедобычи резко возросли, прервали поставки в Британию и Соединенные Штаты из-за их явного дружелюбия к Израилю. С закрытием нефтеперерабатывающих заводов и перекрытием трубопроводов во весь рост встал кошмарный сценарий с перспективой дефицита топлива, резкого роста цен и угрозой глобальной экономике.

На самом деле последствия оказались минимальными, поскольку штурм Насера провалился, причем достаточно быстро: шестидневная война была окончена, едва начавшись, и Насер с мечтами об арабском национализме оказался перед лицом реальности. Израильские военные, за которыми стояли западные технологии и политическая поддержка, оказались стойким противником. Ни Запад, ни предположительно его марионетка на Ближнем Востоке не позволили нанести себе решающий удар¹⁸⁰⁴.

Два столетия великие державы Европы боролись между собой за контроль над регионом и рынками, соединявшими Средиземноморье с Индией и Китаем. В XX веке Европа сдала позиции и передала жезл Соединенным Штатам. Некоторым образом закономерно, что нация, рожденная в ходе состязания Британии, Франции и Испании, начала попытки установить контроль над сердцем мира. Это могло стать серьезным вызовом, не в последнюю очередь потому, что новая Большая игра вот-вот должна была начаться.

¹⁸⁰⁴ Главным образом, см. M. Oren, *Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East* (Oxford, 2002).

23. Путь к противостоянию сверхдержав

Война 1967 года была предупредительным выстрелом, игрой мускулами. Она стала знаком грядущих перемен. Сохранять власть и влияние в сердце мира было все сложнее для Запада. Для Британии это стало и вовсе невозможным. В 1968 году премьер-министр Гарольд Уилсон объявил, что Британия отходит со всех оборонительных позиций к востоку от Суэца, включая Персидский залив¹⁸⁰⁵. Теперь США, порождению и наследнику великой эпохи европейских империй, предстояло продолжить борьбу за сохранение влияния на Ближнем Востоке.

В сложных обстоятельствах интенсивного давления со всех сторон этого было не так просто добиться. В Ираке в 1961 году, например, огромные области, переданные три десятилетия назад на концессионных условиях консорциуму западных производителей, составлявших Иракскую топливную компанию, были национализированы на том основании, что на них не велись разработки. Ситуация в Багдаде еще более накалилась после того, как премьер-министр Касем был свергнут и затем казнен прямо перед телекамерами, «чтобы весь мир мог видеть». Новый жесткий режим объявил, что возглавит «широкий фронт борьбы за освобождение арабской нации от верховенства западного империализма и эксплуатации нефтяными монополиями», и немедленно поднял транзитные сборы с трубопровода Банияс¹⁸⁰⁶.

Советы смотрели на это с восторгом. Перемены на Ближнем Востоке и растущий градус антизападных настроений тщательно отслеживались Москвой. С арабо-израильской войны 1967 года, как замечалось в докладе ЦРУ, СССР «следовал постоянным курсом... по мере роста возможностей расширять политическое и военное влияние в регионе традиционных русских интересов»¹⁸⁰⁷.

Теперь Советский Союз собирался с энтузиазмом использовать возможности, сосредоточившись на построении собственной сети связей, простирающейся от Средиземноморья до Гиндукуша, от Каспийского моря до Персидского залива.

Отчасти это был результат политической игры двух сверхдержав. Небольшие успехи превращались пропагандой в колоссальные победы, как произошло, например, с советской финансовой и технической поддержкой нефтяного месторождения Румайла в Ираке. Газета «Известия» экстатически трубила на первой полосе о новом уровне плодотворного сотрудничества между «арабами и социалистами», особенно заостряя внимание на том, как пронищательно со стороны СССР было развивать «национальную нефтяную промышленность арабов». В противоположность этому, продолжала газета, западные «планы контролировать арабскую нефть рушатся»¹⁸⁰⁸.

1960-е годы стали временем постоянного расширения зон влияния сверхдержав и не только в Средней Азии. В начале 1960-х годов поддержка Советским Союзом революционной Кубы, включавшая в себя запланированное размещение на острове ядерных боеголовок, чуть не привела к войне. После опасных маневров в море советские корабли, в конце концов, отошли от нее, сумев преодолеть периметр, выстроенный судами флота США. Противостояние, которое разгорелось на Дальнем Востоке и на Корейском полуострове в конце Вто-

¹⁸⁰⁵ P. Pham, *Ending 'East of Suez': The British Decision to Withdraw from Malaysia and Singapore, 1964–1968* (Oxford, 2010).

¹⁸⁰⁶ G. Stocking, *Middle East Oil: A Study in Political and Economic Controversy* (Nashville, TN, 1970), p. 282; H. Astarjian, *The Struggle for Kirkuk: The Rise of Hussein, Oil and the Death of Tolerance in Iraq* (London, 2007), p. 158.

¹⁸⁰⁷ 'Moscow and the Persian Gulf', Intelligence Memorandum, 12 May 1972, *FRUS, 1969–1976: Documents on Iran and Iraq, 1969–1972*, E-4, p. 307.

¹⁸⁰⁸ «Известия», 12 июля 1969.

рой мировой, возобновилось, на этот раз во Вьетнаме, впоследствии распространившись на Камбоджу и Лаос, где США были втянуты в безобразную и дорогостоящую войну, которая казалась многим американцам битвой между силами свободного мира и тоталитарного коммунизма. Эти пылкие взгляды значительной части пехотинцев разделялись далеко не всеми, и растущее разочарование Вьетнамом стало отправной точкой для развития контркультурного движения.

По мере того как ситуация в Юго-Восточной Азии ухудшалась, Москва взбудораженно искала преимущества в растущем разочаровании США, таком сильном, что аятолла Хомейни заявил в 1964 году: «Пусть американский президент знает, что в глазах иранского народа он самый отвратительный представитель человеческой расы»¹⁸⁰⁹. Это разочарование не ограничивалось лидерами оппозиции, священнослужителями и ораторами. Президент соседнего Ирака с готовностью обозвал британских и американских нефтяников кровососами в то время, как основные багдадские газеты описывали Запад как «империалистический», «сионистский» или даже «империалистически-сионистский»¹⁸¹⁰.

Несмотря на враждебность этих заявлений и плодородную почву, на которую они упали, отношение к Западу было не абсолютно отрицательным. На самом деле дело было не в том, чтобы заклеймить Соединенные Штаты и в меньшей степени Британию за вмешательство в дела государств к востоку от Средиземного моря и за наполнение карманов коррумпированных элит. Скорее, риторика маскировала императивы новой реальности, в которой регион, остававшийся периферийным на протяжении нескольких столетий, вновь обретал значимость благодаря природным ресурсам, множеству покупателей, желающих за них платить, и растущему спросу. Это подпитывало амбиции, и, в частности, требование не ограничиваться внешними интересами и влиянием. Ирония была в том, что теперь появилось новое поле битвы, где сверхдержавы боролись за положение в рамках новой Большой Игры, ища преимущества в слабостях друг друга.

Ирак, Сирия и Афганистан были рады получать дешевые займы на покупку советского оружия, а также компетентных советников и инженеров, присланных из Москвы, чтобы строить базы, которые должны были пригодиться при реализации расширяющихся стратегических амбиций. В их число входил морской порт в Умм-Касре на Персидском заливе, а также шесть военных аэродромов в Ираке, которые, как быстро дошло до разведки США, могли быть использованы «для поддержки советского флота в Индийском океане»¹⁸¹¹.

Это было частью попытки Москвы построить собственные связи, союзы, чтобы противопоставить их американским. Таким образом, неудивительно, что советская политика была идентична той, которую проводил Вашингтон с самой Второй мировой, по итогам которой США создали ряд позиций, позволявших им следить, с одной стороны, за безопасностью в Персидском заливе и на Индийском океане, а с другой – за советской активностью и созданием форпостов. Теперь все это повторял СССР. Советские военные корабли были вновь введены в Индийский океан в конце 1960-х годов, чтобы поддержать новые революционные режимы, набиравшие силу в Судане, Йемене и Сомали, что тщательно культивировалось Москвой. Это дало Советам завидную опору в Адене, Могадишо и Бербере¹⁸¹². СССР, таким образом, получал возможность перекрыть доступ в Суэцкий канал, чего политики в США боялись годами¹⁸¹³.

¹⁸⁰⁹ Buchan, *Days of God*, p. 129.

¹⁸¹⁰ Kwarteng, *Ghosts of Empire*, pp. 72–73.

¹⁸¹¹ Department of State to Embassy in France, Davies-Lopinot talk on Iraq and Persian Gulf, 20 April 1972, *FRUS, 1969–1976: Documents on Iran and Iraq, 1969–1972*, E-4, p. 306.

¹⁸¹² G. Payton, 'The Somali Coup of 1969: The Case for Soviet Complicity', *Journal of Modern African Studies* 18.3 (1980), pp. 493–508.

¹⁸¹³ Popp, 'Arab Nationalism and US Cold War Policies', p. 408.

ЦРУ внимательно следило за тем, как Советы систематически поддерживают рыболовецкую, сельскохозяйственную и прочую промышленность на побережье Индийского океана, включая Восточную Африку и Персидский залив. Предпринималось и обучение рыбаков, и развитие портовой инфраструктуры, и продажа или аренда рыболовецких судов по выгодным ценам. Эти жесты доброй воли были вознаграждены свободным доступом в порты Ирака, Маврикия и Сомали, а также Адена и Саны¹⁸¹⁴. Советы также приложили значительные усилия для развития Ирака и Индии. Что касается последней, СССР поставил вооружение, составившее более трех четвертей военного импорта Нью-Дели в 1960-е годы, а в последующие десятилетия объемы возросли еще больше¹⁸¹⁵, было продано, в том числе, кое-что из наиболее хитроумного оружия Москвы – ракеты «Атол» и «Стикс», истребители МиГ-27 и МиГ-29 и миноносцы последнего поколения. Также Индия получила лицензию на производство боевых самолетов, в чем Китаю было отказано¹⁸¹⁶.

Сидение на двух стульях стало естественно для народов этой части света и продолжало оправдывать себя. В Афганистане появилось специальное слово, означавшее поиск поддержки обеих сверхдержав, буквально означавшее «без сторон», – *bi-tarafi* – оно стало использоваться для обозначения международной политики, нацеленной на выравнивание контрибуций от СССР и США. Как заметил проникательный наблюдатель в классическом докладе, опубликованном в 1973 году, афганские армейские офицеры, проходившие обучение в Советском Союзе и Соединенных Штатах с целью укрепления связей и построения отношений с будущими лидерами, могли сравнивать записи по возвращении домой. Талантливым офицерам было особенно очевидно одно: «Ни США, ни СССР на поверку не являются раем, изображаемым их пропагандой». Поэтому вместо того чтобы проповедовать новые перемены, побывавшие за рубежом возвращались домой убежденными, что Афганистан должен оставаться независимым¹⁸¹⁷.

Сходные мотивы наблюдались в Иране, где шах рассказывал всем и каждому, что он спаситель страны. «Мои взгляды стали чудом, спасшим страну, – говорил он в одном интервью. – Мое правление спасло страну, и это стало возможным, поскольку Господь на моей стороне». Когда его спрашивали, почему даже его имя не осмеливаются упоминать на улицах Тегерана, он, кажется, не считал, что это может быть следствием работы ужасающего полицейского аппарата, который удерживал его у власти. «Надо полагать, – говорил он, – что они не говорят о шахе из преувеличенного уважения»¹⁸¹⁸.

Это был пример самообмана, так же как и проповеди о коммунистах. «Коммунизм противозаконен, – безапелляционно заявлял интервьюеру шах. – Из этого следует, что коммунист не политический заключенный, а обычный преступник... мы должны избавиться от этих людей». Затем, практически не прерываясь, он гордо заявлял, что Иран имеет «хорошие дипломатические и торговые отношения с Советским союзом»¹⁸¹⁹. Этим было сказано все о балансе вдоль азиатской оси, который приходилось искать на всем протяжении холодной войны. Шах по опыту знал, что восстание против могучего северного соседа отзовется серьезными последствиями. Таким образом, в его интересах было принимать поддержку

¹⁸¹⁴ 'Soviet aid and trade activities in the Indian Ocean Area', CIA report, S-6064 (1974); Гошев В. СССР и страны Персидского залива. – М., 1988.

¹⁸¹⁵ US Arms Control and Disarmament Agency, *World Military Expenditure and Arms Transfers, 1968–1977* (Washington, DC, 1979), p. 156; R. Menon, *Soviet Power and the Third World* (New Haven, 1986), p. 173; об Ираке – Федченко А. Ирак в борьбе за независимость. – М., 1970.

¹⁸¹⁶ S. Mehrotra, 'The Political Economy of Indo-Soviet Relations', in R. Cassen (ed.), *Soviet Interests in the Third World* (London, 1985), p. 224; L. Racioppi, *Soviet Policy towards South Asia since 1970* (Cambridge, 1994), pp. 63–65.

¹⁸¹⁷ L. Dupree, *Afghanistan* (Princeton, 1973), pp. 525–526.

¹⁸¹⁸ 'The Shah of Iran: An Interview with Mohammad Reza Pahlavi', *New Atlantic*, 1 December 1973.

¹⁸¹⁹ Там же.

США и Запада, в то же время подслащивая отношения с Москвой. В результате он был отлично вознагражден рядом соглашений о закупке реактивных гранатометов, зенитных орудий и тяжелой артиллерии в СССР, а также о помощи советских инженеров в расширении крупного металлургического завода в Исфахане.

Хотя это была вполне понятная реальная политика, становились очевидны трудности, с которыми сталкивались государства в этом регионе. За любым соглашением с одной из сверхдержав следовал ответ другой; любая попытка сохранить дистанцию могла иметь катастрофические последствия и легко создавала возможности для оппозиционных лидеров. В 1968 году очередной переворот в Ираке дал Советскому Союзу шанс укрепить связи, тщательно разрабатываемые предыдущие десятилетия. Плодом этого стал пятнадцатилетний договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в 1972 году, который в Лондоне рассматривали как «официальный союз с СССР»¹⁸²⁰.

Опасения Вашингтона, что щупальца СССР протянутся еще дальше, укреплялись событиями по всей Азии. В 1971 году Москва подписала двадцатипятилетний договор о мире, дружбе и сотрудничестве с Индией, и согласилась предоставить экономическую, технологическую и военную поддержку. Зловеще выглядело положение в Афганистане, где переворот в 1973 году привел к власти Мухаммеда Дауда и левых. Некоторые знаменитые лидеры исламистов были выдворены из страны или бежали от нового режима. Их тепло приняли в Пакистане, особенно в так называемых племенных областях вокруг Кветты, где они активно поддерживались правительством Зульф리카ра Али Бхутто, который видел в них орудие дестабилизации нового правительства Афганистана, а также легкий способ отшлифовать собственные религиозные полномочия на родине.

Чувство нестабильности и явления нового мирового порядка все усиливалось по мере того, как народы в полосе от Средиземноморья до Гималаев боролись за право взять свое будущее в собственные руки. Ирак стал по-настоящему независимым, как позже говорил Саддам Хусейн, когда национализировал топливную промышленность и таким образом овладел своей судьбой в 1972 году. Прошло время, когда люди Запада могли приходить и указывать местному населению. Эпоха «инострannого господства и эксплуатации чужаками», объявил он, «пришла к концу»¹⁸²¹.

Нефть во многом стояла за этим движением прочь от подавляющего влияния внешних сил, запустившим цепную реакцию, имевшую глубокие долгосрочные последствия. Катализатором нового этапа перемен был переворот, возглавляемый юным, амбициозным ливийским офицером, которого его куратор при обучении в Соединенном королевстве описывал как «бодрого, трудолюбивого и сознательного»¹⁸²². Муаммар Каддафи определенно был находчив. В начале 1970-х годов, едва захватив власть, он потребовал значительного повышения расценок на ливийскую нефть, которая в то время обеспечивала 30 % всего снабжения Европы. «Братья, – провозгласил он своим соотечественникам, – революция не может позволить ливийскому народу нищенствовать, владея огромным нефтяным богатством. Есть люди, живущие в хижинах и палатках, в то время как иностранец живет во дворце». Другие страны посылают людей на Луну, продолжал Каддафи; ливийцев же эксплуатируют, у них нет даже электричества и воды¹⁸²³.

Нефтяные компании яростно взвыли в ответ на настояние нового режима платить честную цену на нефть, но вскоре они смирились, после того как стало ясно, что о национали-

¹⁸²⁰ Boardman to Douglas-Home, August 1973, FCO 55/1116, а также O. Freedman, 'Soviet Policy towards Ba'athist Iraq, 1968–1979', in R. Donaldson (ed.), *The Soviet Union in the Third World* (Boulder, CO, 1981), pp. 161–191.

¹⁸²¹ Saddam Hussein, *On Oil Nationalisation* (Baghdad, 1973), pp. 8, 10.

¹⁸²² R. Bruce St John, *Libya: From Colony to Revolution* (Oxford, 2012), pp. 138–139.

¹⁸²³ Gaddafi, 'Address at Tubruq', 7 November 1969, in 'The Libyan Revolution in the Words of its Leaders', *Middle East Journal* 24.2 (1970), p. 209.

зации речь не идет, а могла бы. Тот факт, что ливийский лидер может добиться пересмотра сделок, не прошел незамеченным: в считанные недели ОПЕК уже продавливала повышение выплат своим членам от западных нефтяных компаний, угрожая снизить добычу, чтобы принудить к соглашению. По словам одного из администраторов Shell, это вызвало лавину¹⁸²⁴.

Результаты были эффектны. Цены на нефть учетверились за три года, создав невероятное напряжение экономик Европы и США, где уровни спроса и потребления все больше возрастали.

В то же время страны – экспортеры нефти утопали в беспрецедентных доходах. Государства Средней Азии и Персидского залива повышали свой доход постоянно почти с того момента, как Нокс Д’Арси нашел нефть, поскольку соглашения медленно, но верно пересматривались в последующие десятилетия в сторону улучшения условий. Но то, что произошло в 1970-е годы, было просто потрясающим скачком. Только за 1972–1973 годы нефтяные доходы Ирана возросли в 8 раз. В масштабах десятилетия доходы правительства увеличились тридцатикратно¹⁸²⁵. По соседству, в Ираке, рост был не менее эффективным, между 1972 и 1980 годами наблюдалось пятидесятикратное увеличение – с 575 миллионов долларов до 26 миллиардов¹⁸²⁶.

Было вполне обычным жаловаться на «степень зависимости западных промышленных держав от нефти как источника энергии», как один высокопоставленный американский чиновник докладывал госдепартаменту в 1973 году¹⁸²⁷. Тем не менее перетекание власти и денег к странам азиатской оси было неизбежным, и таким же неизбежным было укрепление сухожилий исламского мира, которое следовало за ростом амбиций.

Наиболее ярко это проявилось в новых усилиях по вытеснению тотемного символа внешнего влияния на Ближнем Востоке вообще – Израиля. В октябре 1973 года сирийские и египетские войска начали операцию «Бадр», названную в честь битвы, открывшей путь к власти над священным городом Мекка во времена пророка Мухаммеда¹⁸²⁸. Атака застала врасплох не только израильскую оборону, но и сверхдержавы. За считанные часы до начала операции в докладе ЦРУ уверенно утверждалось: «Мы оцениваем возможность инициации военной операции против Израиля двумя армиями как маловероятную», – несмотря на знание, что египетские и сирийские солдаты сосредоточились у границы. Они это делают в рамках учений, заключалось в докладе, или «в страхе перед возможным нападением Израиля»¹⁸²⁹. Хотя некоторые предполагали, что КГБ может быть лучше осведомлено о планах, выдворение большей части советских наблюдателей из Египта годом раньше показывает, как сильно было желание улаживать проблемы на местном уровне, а не в рамках противостояния в холодной войне¹⁸³⁰. Фактически Советский Союз активно пытался ослабить напряжение на Ближнем Востоке и искал способы умиротворить регион¹⁸³¹.

¹⁸²⁴ Там же, pp. 209–210; M. Ansell and M. al-Arif, *The Libyan Revolution: A Sourcebook of Legal and Historical Documents* (Stoughton, WI, 1972), p. 280; *Multinational Corporations and United States Foreign Policy*, 93rd Congressional Hearings (Washington, DC, 1975), 8, pp. 771–773, цитируется по Yergin, *The Prize*, p. 562.

¹⁸²⁵ F. Halliday, *Iran, Dictatorship and Development* (Harmondsworth, 1979), p. 139; Yergin, *The Prize*, p. 607.

¹⁸²⁶ P. Marr, *Modern History of Iraq* (London, 2004), p. 162.

¹⁸²⁷ Embassy in Tripoli to Washington, 5 December 1970, цитируется по Yergin, *The Prize*, p. 569.

¹⁸²⁸ G. Hughes, ‘Britain, the Transatlantic Alliance, and the Arab-Israeli War of 1973’, *Journal of Cold War Studies* 10.2 (2008), pp. 3–40.

¹⁸²⁹ ‘The Agranat Report: The First Partial Report’, *Jerusalem Journal of International Relations* 4.1 (1979), p. 80. Также см. здесь U. Bar-Joseph, *The Watchman Fell Asleep: The Surprise of Yom Kippur and its Sources* (Albany, NY, 2005), esp. pp. 174–183.

¹⁸³⁰ A. Rabinovich, *The Yom Kippur War: The Epic Encounter that Transformed the Middle East* (New York, 2004), p. 25; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive II*, p. 160.

¹⁸³¹ G. Golan, ‘The Soviet Union and the Yom Kippur War’, in P. Kumaraswamy, *Revisiting the Yom Kippur War* (London, 2000), pp. 127–152; G. Golan, ‘The Cold War and the Soviet Attitude towards the Arab-Israeli Conflict’, in N. Ashton (ed.), *The Cold War in the Middle East: Regional Conflict and the Superpowers, 1967–1973* (London, 2007), p. 63.

Последствия конфликта потрясли планету. В США уровень военной угрозы был повышен до DEFCON 3, что означало, что угроза применения ядерного оружия считается неминуемой и выше, чем когда-либо с момента Карибского кризиса в 1962 году. В Советском Союзе сфокусировались на удержании ситуации под контролем. За кулисами надавили на египетского президента Садата, вынуждая его к прекращению огня, в то время как советский министр иностранных дел Андрей Громыко, непревзойденный в политической непопулярности, лично давил на президента Никсона и его вновь назначенного государственного секретаря Генри Киссинджера, чтобы заставить предпринять совместные действия для предотвращения «настоящего большого пожара», который легко мог бы привести к всеобщей войне¹⁸³².

Настоящее значение войны Йом Кипур (войны Судного дня), называемой так потому, что нападение началось в еврейский праздник, не в попытках Вашингтона и Москвы работать вместе и даже не в эффектных результатах, которые включали в себя один из величайших переломов в ходе войны в истории, когда Израиль перешел из положения на грани исчезновения к разгрому вторгшихся сил и контратаки на Дамаск и Каир. На самом деле значительнее всего было то, что арабский мир действовал совместно, как халифат, его признаки проявлялись во всем, кроме имени. Зачинщиками выступили саудовцы – хозяева Мекки, которые не только открыто говорили об использовании нефти в качестве оружия, но и действительно это сделали. Добыча была прекращена, что в сочетании с политической нестабильностью привело к росту цен: расценки за баррель утроились почти мгновенно.

Когда вокруг бензозаправочных станций в США образовались очереди, госсекретарь Генри Киссинджер сетовал на «политический шантаж», который угрожал стабильности развитых стран. Шок был так велик, что вызвал дискуссии о развитии новых стратегий, которые могут снизить или даже совсем устранить зависимость от ближневосточной нефти. 7 ноября 1973 года президент Никсон обратился к народу по телевидению в прайм-тайм, чтобы анонсировать комплекс мер, связанных с тем неудобным фактом, что «последние годы наши энергетические запросы стали превышать возможные предложения». В результате, торжественно объявил президент, электростанциям придется перейти с использования нефти на уголь, «наиболее изобильный ресурс». Авиационное топливо придется ограничить и немедленно; все автомобили, находящиеся в собственности федерального правительства, будут двигаться не быстрее, чем 50 миль в час, «кроме как в случае опасности». «Чтобы увериться, что нам хватит топлива на всю зиму, – продолжал Никсон, – всем нам будет необходимо жить и работать при более низких температурах. Мы должны попросить всех, по меньшей мере, понизить температуру в доме на 6 градусов, чтобы мы достигли среднего по стране значения 68 градусов». Если есть опасения, добавил президент, «мой врач говорит... что такая температура полезна для здоровья»¹⁸³³.

«Некоторые из вас могут задуматься, – говорил он дальше, – не возвращаемся ли мы в прошлый век. Ограничение газа, дефицит нефти, снижение скорости – все это звучит как описание образа жизни, который мы оставили позади, вместе с Гленном Миллером и войной сороковых. Что ж, на самом деле отчасти наши нынешние проблемы вызваны войной – войной на Ближнем Востоке». Дополнительно необходимо было, как объявлял Никсон, разработать «национальную цель», амбициозный план, как США, достичь способности «удовлетворять свои энергетические потребности без зависимости от иностранных энергоносителей». Предложение, получившее название «Проект “Независимость”», было вдохновлено «духом Аполлона» (отсылка к космической программе) и проектом «Манхэттен», давшим

¹⁸³² H. Kissinger, *Years of Upheaval* (Boston, 1982), p. 463.

¹⁸³³ ‘Address to the Nation about Policies to Deal with the Energy Shortages’, 7 November 1973, *Public Papers of the Presidents of the United States [PPUS]: Richard M. Nixon, 1973* (Washington, DC, 1975), pp. 916–917.

Западу ядерное оружие, способное уничтожить мир. США были сверхдержавой, но при этом прекрасно осведомленной о своих слабостях. Пришло время найти альтернативы и снизить зависимость от ближневосточной нефти¹⁸³⁴.

Такой оборот вызвал некоторые неожиданные побочные эффекты. Общее снижение скорости на шоссе до 55 миль в час, шаг, предназначенный для уменьшения потребления, привел не только к падению потребления на 150 000 баррелей в день, но и к серьезному снижению числа аварий на дорогах по всей стране. В одном декабре 1973 года подразделение статистики национальной администрации безопасности дорожного движения зарегистрировало уменьшение смертельных случаев на более чем 15 % благодаря ограничениям скорости¹⁸³⁵. Исследования, проведенные в Юте, Иллинойсе, Калифорнии и в других местах, явно демонстрировали положительный эффект, оказываемый снижением скорости на спасение жизней¹⁸³⁶.

Важность снижения энергопотребления диктовало американским архитекторам необходимость конструирования зданий, в которых возрастала роль возобновляемых энергетических ресурсов¹⁸³⁷. Также это способствовало наступлению переломного момента в разработке электромобиля: было проведено смелое широкомасштабное исследование стабильности и эффективности ряда конкурирующих систем, включающих аккумуляторы на водном электролите, полупроводниках и растворе солей, которое заложило основу для создания гибридных автомобилей, достигших массового рынка десятилетия спустя¹⁸³⁸. Энергия стала первоочередным предметом политики, и губернатор Джорджии, а вскоре кандидат в президенты, Джими Картер вызвал в своих агитационных речах к проведению «всеобъемлющей и долгосрочной национальной энергетической политики»¹⁸³⁹.

Конгресс одобрил масштабные инвестиции в добычу солнечной энергии, но больше всего симпатий привлекала атомная промышленность, которая воспринималась как технологически надежное и очевидное решение энергетических проблем¹⁸⁴⁰.

Рост цен оправдал разработку нефти в областях, где ранее добыча была коммерчески нежизнеспособна или непозволительно дорога, таких как Северное море и Мексиканский залив. Развитие буровых платформ привело к быстрому технологическому продвижению в бурении в глубоководных зонах и привлечению инвестиций в инфраструктуру, трубопроводы, вышки и кадры.

Ни одно из предложенных решений не было моментальным. Все они требовали исследований, денежных вливаний и, прежде всего, времени. Отключение систем кондиционирования на федеральных объектах, «приемлемое послабление в стандартах дресс-кода правительственных служащих» и расширение использования прокатных автомобилей, как распорядился президент Никсон в меморандуме в июне 1973 года, были не так плохи, но такие меры было явно недостаточно для решения проблемы¹⁸⁴¹. Тем временем нефтедобы-

¹⁸³⁴ Там же; Yergin, *The Prize*, pp. 599–601.

¹⁸³⁵ D. Tihansky, 'Impact of the Energy Crisis on Traffic Accidents', *Transport Research* 8 (1974), pp. 481–483.

¹⁸³⁶ S. Godwin and D. Kulash, 'The 55 mph Speed Limit on US Roads: Issues Involved', *Transport Reviews: A Transnational Transdisciplinary Journal* 8.3 (1988), pp. 219–235.

¹⁸³⁷ R. Knowles, *Energy and Form: Approach to Urban Growth* (Cambridge, MA, 1974); P. Steadman, *Energy, Environment and Building* (Cambridge, 1975).

¹⁸³⁸ D. Rand, 'Battery Systems for Electric Vehicles – a State-of-the-Art Review', *Journal of Power Sources* 4 (1979), pp. 101–143.

¹⁸³⁹ Выступление на семинаре по энергетике, 21 August 1973, цитируется по E. S. Godbold, *Jimmy and Rosalynn Carter: The Georgian Years, 1924–1974* (Oxford, 2010), p. 239.

¹⁸⁴⁰ J. G. Moore, 'The Role of Congress', in R. Larson and R. Vest, *Implementation of Solar Thermal Technology* (Cambridge, MA, 1996), pp. 69–118.

¹⁸⁴¹ President Nixon, 'Memorandum Directing Reductions in Energy Consumption by the Federal Government', 29 June 1973, *PPUS: Nixon, 1973*, p. 630.

вающие компании на Ближнем Востоке ковали железо. Учитывая нестабильность поставок и то, что мусульманские нации ОПЕК использовали нефть, по заветам короля Саудовской Аравии, как «оружие в битве», цены практически вырвались из-под контроля. За последние шесть месяцев 1973 года объявленная цена возросла с 2,9 доллара за баррель до 11,65¹⁸⁴².

Даже когда война Йом Кипура подошла к концу после трех недель жестоких сражений, ситуация уже не вернулась к норме. Определенно, перераспределение капитала с Запада только ускорилося: совокупный доход стран – экспортеров нефти возрос с 23 миллиардов долларов в 1972 году до 140 миллиардов всего через 5 лет¹⁸⁴³. Города стремительно развивались, получаемые деньги направлялись на организацию школ, больниц, в случае Багдада – на строительство нового аэропорта, монументальную архитектуру, и даже постройку стадиона по проекту Ле Корбюзье. Перемены были такими грандиозными, что один японский архитектурный журнал уподобил преобразенную иракскую столицу Парижу конца XIX века под управлением барона Османа¹⁸⁴⁴. Естественно, это обеспечило действующие власти значительным политическим капиталом: режимы вокруг Персидского залива могли позволить себе грандиозные заявления, связывавшие новообретенное богатство с их собственными достижениями.

Не было совпадения в том, что как только потоки денег, вливающиеся в сердце мира, превратились в течения, правящие классы приобретали все более демагогические взгляды.

Фонды, находящиеся в их распоряжении, были так велики, что хотя они могли себе позволить обеспечить хлеб и зрелища в традиционной манере автократического контроля, кусок был просто слишком жирным, чтобы им делиться. Случился очевидный поворот от развития плюралистической демократии к усилению контроля небольших групп лиц, связанных кровью с правителем и правящей семьей, как на Аравийском полуострове и в Иране, или разделяющих политические убеждения, как в Ираке и Сирии. Династическое правление стало нормой в то время, когда индустриальный мир активно разрушал барьеры на пути социальной мобильности и громко провозглашал выгоды либеральной демократии.

Перераспределение капитала в пользу богатых нефтью стран, основная часть которых располагалась в самом Персидском заливе или вокруг него, досталось ценой хронического кризиса экономик развитых стран, пригвожденных весом депрессии и стагнации, в то время как сундуки ОПЕК ломались. Ближний Восток купался в деньгах совсем как Британия в лучшие дни в XVIII веке, когда набобы развязно швырялись деньгами. 1970-е были тучным десятилетием, когда Iran Air размещала заказы на «конкорды», а импорт предметов роскоши, таких как стереосистемы и телевизоры, взлетел до небес – число телезрителей увеличилось с 2 миллионов в 1970 году до 15 миллионов всего 4 года спустя¹⁸⁴⁵. Щедрость трат не знала границ.

Как и когда-то давно, когда раннесредневековая Европа нуждалась в прекрасных тканях, специях и предметах роскоши с Востока, возник вопрос, чем же оплатить дорогое, но необходимое. Тысячелетием раньше мусульманские страны поставляли рабов, чтобы оплатить покупки. Теперь появился более зловещий способ оплаты черного золота – продажа оружия и ядерных технологий. Национальные правительства агрессивно лоббировали продажу оружия через государственные компании или через сопутствующие организации, которые были крупными нанимателями и налогоплательщиками. На Ближний Восток в середине 1970-х годов приходилось более 50 % мирового импорта оружия. В одном Иране траты на

¹⁸⁴² Yergin, *The Prize*, pp. 579, 607.

¹⁸⁴³ Там же, p. 616.

¹⁸⁴⁴ K. Makiya, *The Monument: Art, Vulgarly, and Responsibility in Iraq* (Berkeley, 1991), pp. 20–32; R. Baudouï, 'To Build a Stadium: Le Corbusier's Project for Baghdad, 1955–1973', *DC Papers, revista de crítica y teoría de la arquitectura* 1 (2008), pp. 271–280.

¹⁸⁴⁵ P. Stearns, *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire* (London, 2001), p. 119.

оборону умножились десятикратно за шесть лет до 1978 года, а компании США приняли заказов на 20 миллиардов долларов в тот же период. Общие военные затраты в этот период оценивались в более чем 54 миллиарда, таким образом, практически достигая 16 % ВВП¹⁸⁴⁶.

Шаха не требовалось долго убеждать, когда речь шла о покупке оружия. Он был страстно увлечен самолетами, ракетами и артиллерией и мог при случае обратиться к британскому послу в Иране с вопросом: «Какова удельная мощность танка “Вождь”?» – а дипломат затруднялся с ответом¹⁸⁴⁷. Все желающие могли урвать кусок, от Советского Союза до Франции, от ГДР до Британии. В свете, казалось бы, бесконечных ресурсов вопрос выглядел так: какие ракетные системы земля-воздух купить, какие противотанковые системы продать, какие истребители будут пользоваться спросом и какому посреднику доверять в мире, который был сложен для понимания чужака?

В Ираке затраты на военную технику достигли почти 40 % государственного бюджета, поднявшись в 6 раз между 1975 и 1980 годами. Немногих беспокоили последствия того, что быстро оказалось региональной гонкой вооружений между Ираном и Ираком, или то, что постоянно повышающиеся расходы на вооружение могут опасно увеличить влияние военных в обеих странах. В то же время пока существовал спрос и платежеспособность была высокой, препятствий на пути к приобретению огромных гор оружия для стран Ближнего Востока и Персидского залива не возникало. Чем больше танков «Вождь» заказывал Иран, истребителей «Мираж» – Израиль, МиГ-21 и МиГ-23 – Сирия, советских танков Т-72 – Ирак и американских истребителей F-5 – Саудовская Аравия, тем лучше было для экономик Британии, Франции, СССР и США¹⁸⁴⁸.

Примерно такой же подход работал в отношении ядерной мощи. В начале XXI века одно упоминание государств вроде Ирана, развивающих любую форму ядерных технологий, стало предметом международного осуждения и недоверия. Вопрос ядерных технологий стал неразрывно связан с распространением оружия массового поражения. Ядерный потенциал Ирака и невозможность для инспекторов МАГАТЭ проверить фабрики, лаборатории и центрифуги, которые, как считалось, сообщалось или было известно, существовали в стране, стали основным оправданием для вторжения в 2003-м и свержения Саддама Хусейна.

Аналогичное стремление Ирана развить ядерный потенциал и его способность производить радиоактивные материалы спровоцировали схожую реакцию. «Мы не можем позволить политике и мифологии заслонять реальность», – сказал государственный секретарь Джон Керри зимой 2013 года.

«Президент Обама готов и ясно дал понять, что может использовать силовое решение в отношении иранских вооружений и что он направил войска и технику в достаточном количестве, чтобы обеспечить достижение этой цели»¹⁸⁴⁹. Желание развивать ядерную энергетику стало рассматриваться как угроза региональной и глобальной безопасности. Иранцы, как говорил вице-президент Дик Чейни в 2005 году, «уже сидят на огромном количестве нефти и газа. Никто не понимает, зачем им нужны еще и ядерные технологии, чтобы производить энергию». «Для крупного экспортёра нефти, такого как Иран, – соглашался Генри Киссинджер, – ядерная энергетика – это напрасная трата ресурсов»¹⁸⁵⁰.

¹⁸⁴⁶ Sreedhar and J. Cavanagh, 'US Interests in Iran: Myths and Realities', *ISDA Journal* 11.4 (1979), pp. 37–40; US Arms Control and Disarmament Agency, *World Military Expenditures and Arms Transfers 1972–1982* (Washington, DC, 1984), p. 30; T. Moran, 'Iranian Defense Expenditures and the Social Crisis', *International Security* 3.3 (1978), p. 180.

¹⁸⁴⁷ Цитируется по Buchan, *Days of God*, p. 162.

¹⁸⁴⁸ A. Alnasrawi, *The Economy of Iraq: Oil, Wars, Destruction of Development and Prospects, 1950–2010* (Westport, CT, 1994), p. 94; C. Tripp, *A History of Iraq* (Cambridge, 2000), p. 206.

¹⁸⁴⁹ 'Secretary Kerry's Interview on Iran with NBC's David Gregory', 10 November 2013, US State Department, Embassy of the United States London, website.

¹⁸⁵⁰ 'Past Arguments Don't Square with Current Iran Policy', *Washington Post*, 27 March 2005.

За десятилетия до того оба они смотрели на вещи совсем иначе – как и череда администраций Белого дома в послевоенный период. На самом деле приобретение ядерных технологий активно поощрялось Соединенными Штатами в рамках программы, название и цели которой сегодня выглядят почти комичными: «Атомы за мир». Администрацией Эйзенхауэра был разработан план участия США в «международном атомном объединении», в конечном счете, предлагавший дружественным правительствам доступ к сорока тоннам урана-235 для невоенных нужд¹⁸⁵¹.

В течение трех десятилетий передача ядерных технологий, компонентов и материалов была значимой частью международной политики США, прямо направленной на сотрудничество и поддержку против советского блока. Когда Советский Союз стал заметной силой в Азии и на Персидском заливе, США остро почувствовали необходимость в усилении поддержки шаха, который казался единственным надежным лидером в регионе, хотя так думали не все: один знатный саудовец предупреждал посла США в Эр-Рияде, что шах «мегаломаньяк и совершенно нестабилен». Если Вашингтон этого не поймет, добавил он, «то, должно быть, у Америки что-то с глазами»¹⁸⁵².

Несмотря на существование скептиков, которые предостерегали об опасности наделения иранского правителя «всем, чего тот пожелает», расширение советского влияния в регионе убедило многих, особенно Киссинджера, что поддержку шаха надо увеличить. Когда последний посетил Вашингтон в середине 1970-х годов, Киссинджером был подготовлен меморандум для президента, в котором он обращал внимание на важность заметной поддержки шаха со стороны США и называл его «человеком необычайных способностей и знаний», хотя такая похвала полностью противоречила уровню коррупции и некомпетентности, достигнутому в Иране¹⁸⁵³.

США были так озабочены поддержкой планов дестабилизации соседнего Ирака, что могли разжечь конфликт с курдами, и это привело к трагическим последствиям, когда восстание провалилось и против курдского меньшинства на севере страны пошли в ход тяжелые репрессии. Вдохновив восстание, США отошли в сторону и смотрели, как Иран достигает соглашений с Ираком по поводу долго тянувшихся территориальных споров, в процессе принося в жертву курдов¹⁸⁵⁴. «Даже среди тайных операций наши выделяются цинизмом», – заключал комитет Пайка, следивший за тайной американской дипломатией в 1970-е годы¹⁸⁵⁵. Поэтому неудивительно, что, объявив, что в первом томе его мемуаров недостаточно места для обсуждения этого события, Киссинджер так и не сдержал обещания вернуться к нему во втором¹⁸⁵⁶.

В других отношениях шах также готовился к будущему. Он понимал, что нефтяное процветание начала 1970-х годов не продлится вечно, что нефтяные запасы рано или поздно окажутся исчерпаны и Иран останется наедине с собственными неудовлетворенными энергетическими потребностями. Безотносительно вращения термостатов в США спрос на нефть продолжал расти, оставляя Иран и другие, богатые нефтью страны с полными карманами для подготовки долгосрочных планов. Ядерная энергетика, заключалось в докладе, специально заказанном шахом, была «самым экономичным источником энергии», который обеспечит нужды Ирана. Основываясь на двух предположениях – что цены на нефть так и продолжат

¹⁸⁵¹ S. Parry-Giles, *The Rhetorical Presidency, Propaganda, and the Cold War, 1945–1955* (Westport, CT, 2002), p. 164ff.

¹⁸⁵² Цитируется по Shawcross, *Shah's Last Ride*, p. 179.

¹⁸⁵³ Secretary of State Henry A. Kissinger to President Gerald R. Ford, Memorandum, 13 May 1975, in M. Hunt (ed.), *Crises in US Foreign Policy: An International History Reader* (New York, 1996), p. 398.

¹⁸⁵⁴ J. Abdulghani, *Iran and Iraq: The Years of Crisis* (London, 1984), p. 152–155.

¹⁸⁵⁵ R. Cottam, *Iran and the United States: A Cold War Case Study* (Pittsburgh, 1988), pp. 149–151.

¹⁸⁵⁶ H. Kissinger, *The White House Years* (Boston, 1979), p. 1265; H. Kissinger, *Years of Upheaval*; L. Meho, *The Kurdish Question in US Foreign Policy: A Documentary Sourcebook* (Westport, CT, 2004), p. 14.

расти, а цены на строительство и содержание атомных электростанций будут снижаться, – развитие ядерной индустрии казалось очевидным шагом, особенно учитывая, что этот престижный проект продемонстрировал бы, каким современным стал Иран¹⁸⁵⁷. Шах лично принял ответственность за него, проинструктировав доктора Акбара Этемада из новой организации по атомной энергии Ирана, докладывать о ходе реализации непосредственно ему¹⁸⁵⁸.

Первой остановкой стали американцы. В 1974 году с США было заключено предварительное соглашение о продаже Ирану двух реакторов, а также обогащенного урана. Масштаб сделки увеличился в 1975 году, когда был заключен договор на сумму 15 миллиардов долларов, предполагавший, что Ирану будет позволено приобрести у Соединенных Штатов по фиксированной цене в 6,4 миллиарда долларов восемь реакторов¹⁸⁵⁹. На следующий год президент Форд одобрил сделку, дающую Ирану право купить и использовать произведенную в США систему, включавшую в себя перерабатывающий завод для извлечения плутония из реакторного топлива и, таким образом, позволяющую Ирану применить «ядерный топливный цикл».

Глава администрации президента Форда не колебался, одобряя эту продажу: в 1970-е годы Дик Чейни не находил сложным «вычислить» мотивы Ирана.

Приобретения шаха в США были частью амбициозного и гораздо более масштабного плана, который требовал технологий, знаний и сырья от других западных стран. В 1975 году началась работа над строительством двух реакторов с водой под давлением, располагавшихся неподалеку от Бушира, после подписания контрактов с западногерманской компанией Kraftwerk Union AG, которая также обязалась обеспечить начальную заправку и перезарядку каждые десять лет. Декларации дальнейших намерений были подписаны с Kraftwerk, Brown Boveri и французской компанией Framatome, в которых обговаривалось устройство еще восьми реакторов, а также условия снабжения Ирана обогащенным ураном. Были достигнуты соглашения о переработке урана во Франции и возвращении его в Тегеран для обогащения и повторного использования или перепродажи третьей стороне по выбору Ирана¹⁸⁶⁰.

Хотя в 1968 году Иран и подписал договор о нераспространении ядерного оружия, в среде разведслужб постоянно ходили слухи о разработке скрытой программы ядерного вооружения, и это неудивительно, учитывая заявления шаха, что Иран повысит силу своего оружия «без сомнения и скорее, чем кто-либо думает»¹⁸⁶¹. В докладе ЦРУ относительно распространения ядерного оружия в 1974 году в общем заключалось, что, хотя Иран находится на ранней стадии разработок, похоже, что шах достигнет цели в середине 1980-х годов, «если останется жив»¹⁸⁶².

Другие страны тоже хотели вкладывать средства в ядерные разработки гражданского применения, в то же время наращивая поражающую мощь. В 1970-х годах Ирак под руководством Саддама Хусейна осуществлял бешеные траты в рамках программы создания ядер-

¹⁸⁵⁷ *Power Study of Iran, 1974–1975*, Report to the Imperial Government of Iran (1975), pp. 3–24, цитируется по B. Mossavar-Rahmani, 'Iran', in J. Katz and O. Marwah (eds), *Nuclear Power in Developing Countries: An Analysis of Decision Making* (Lexington, MA, 1982), p. 205.

¹⁸⁵⁸ D. Poneman, *Nuclear Power in the Developing World* (London, 1982), p. 86.

¹⁸⁵⁹ Там же, p. 87; J. Yaphe and C. Lutes, *Reassessing the Implications of a Nuclear-Armed Iran* (Washington, DC, 2005), p. 49.

¹⁸⁶⁰ B. Mossavar-Rahmani, 'Iran's Nuclear Power Programme Revisited', *Energy Policy* 8.3 (1980), pp. 193–194, и B. Mossavar-Rahmani, *Energy Policy in Iran: Domestic Choices and International Implications* (New York, 1981).

¹⁸⁶¹ S. Jones and J. Holmes, 'Regime Type, Nuclear Reversals, and Nuclear Strategy: The Ambiguous Case of Iran', in T. Yoshihara and J. Holmes (eds), *Strategy in the Second Nuclear Age: Power, Ambition and the Ultimate Weapon* (Washington, DC, 2012), p. 219.

¹⁸⁶² *Special Intelligence Estimate: Prospects for Further Proliferation of Nuclear Weapons* (1974), p. 38, National Security Archive.

ной бомбы¹⁸⁶³. Саддам был амбициозен, поставив «план производства шести бомб в год», по словам доктора Хидира Хамзы, ответственного за программу в 1980-е годы. Разработки такого масштаба дали бы Ираку больший арсенал, чем создал Китай за два десятилетия. За ценой не стояли. Иракские ученые и инженеры толпами отправлялись за границу для обучения, в первую очередь во Францию и Италию, в то время как дома делалось все возможное, чтобы использовать гражданскую программу для приобретения технологий, выработки умений и создания инфраструктуры, необходимой для формирования ядерного арсенала¹⁸⁶⁴.

Иракцы были последовательны в своих устремлениях. После приобретения в Советском Союзе двухмегаваттного исследовательского реактора, который вышел из строя в 1967 году, они решили добыть газографитный реактор и построить завод по переработке плутония, который могли получить в результате. Когда запросы во Францию были отклонены, они забросили удочку в Канаду в надежде купить реактор, аналогичный тому, который позволил Индии испытать ядерное устройство в 1974 году. Это заставило французов изменить взгляд на сделку, согласившись построить исследовательский реактор класса «Осирис» и еще один поменьше, работавших на оружейном уране. Остальные материалы, необходимые для двойного использования, были куплены у Италии, включая горячие камеры, а также установку для обработки и обогащения, способную извлекать плутоний из радиоактивного урана и производить 8 килограммов в год¹⁸⁶⁵.

Немногие сомневались, что за этим что-то скрывается и энергия не единственная цель. Израильцы, в частности, следили за разработками с возрастающей озабоченностью и собирали детальные разведданные о милитаризации своих соседей, сосредоточившись на заводе «Таммуз» неподалеку от Багдада в аль-Тувейте, более известном как завод «Осирак». Израиль также много вкладывал в собственную программу ядерных вооружений, так же как и в ракетные системы, модифицированные из французских оригиналов, которые могли доставлять боеголовки на расстояние более чем 200 миль¹⁸⁶⁶. Во время войны Йом Кипура в 1973 году считалось, что арсенал Израиля насчитывает 13 ядерных устройств¹⁸⁶⁷.

Запад смотрел на ситуацию сквозь пальцы, когда это требовалось. В Ираке, например, в начале 1970-х годов британцы решили, что «склонное к репрессиям и лично непривлекательное действующее правительство кажется успешным». Этот режим был стабилен и в таком качестве способен вести дела с британцами¹⁸⁶⁸. Аналогичным образом действия Пакистана – постройка в 1970-е годы установок глубоко под землей, чтобы проводить скрытые испытания и в конечном итоге успешную детонацию, – прошли незамеченными. Пять горизонтальных тоннелей были вырыты глубоко в горе Раскох в Белуджистане, каждый предназначался для того, чтобы выдержать двадцатикилотонный взрыв¹⁸⁶⁹. Как огорченно замечали пакистанские ученые, «западный мир был уверен, что неразвитая страна вроде Пакистана никогда не освоит эту технологию», и в то же время западные страны предпринимали «сума-

¹⁸⁶³ K. Hamza with J. Stein, 'Behind the Scenes with the Iraqi Nuclear Bomb', in M. Sifry and C. Cerf (eds), *The Iraq War Reader: History, Documents, Opinions* (New York, 2003), p. 191.

¹⁸⁶⁴ J. Snyder, 'The Road to Osirak: Baghdad's Quest for the Bomb', *Middle East Journal* 37 (1983), pp. 565–594; A. Cordesman, *Weapons of Mass Destruction in the Middle East* (London, 1992), pp. 95–102; D. Albright and M. Hibbs, 'Iraq's Bomb: Blueprints and Artifacts', *Bulletin of the Atomic Scientists* (1992), pp. 14–23.

¹⁸⁶⁵ A. Cordesman, *Iraq and the War of Sanctions: Conventional Threats and Weapons of Mass Destruction* (Westport, CT, 1999), pp. 603–606.

¹⁸⁶⁶ *Prospects for Further Proliferation*, pp. 20–26.

¹⁸⁶⁷ K. Mahmoud, *A Nuclear Weapons-Free Zone in the Middle East: Problems and Prospects* (New York, 1988), p. 93.

¹⁸⁶⁸ Wright to Parsons and Egerton, 21 November 1973, FO 55/1116.

¹⁸⁶⁹ F. Khan, *Eating Grass: The Making of the Pakistani Bomb* (Stanford, 2012), p. 279.

тошные и настойчивые усилия продать нам все... они буквально молили нас купить их оборудование»¹⁸⁷⁰.

Учитывая все это, нетрудно понять, как относились к суровым проповедям США, Британии и Франции, отказавшихся от проверок и правил МАГАТЭ, о нераспространении ядерного оружия те, кто вынужден был проводить исследования в секрете. Но настоящее лицемерие, если подумать, заключалось в энтузиазме, с которым развитые страны спешили заработать твердую валюту или получить доступ к дешевой нефти.

Предпринимались вялые попытки уменьшить распространение ядерных материалов. В 1976 году Киссинджер предложил, чтобы Пакистан свернул свой проект переработки и вместо этого положился на установку, снабжаемую из США, строящуюся в Иране в рамках плана, авторство которого принадлежало не кому иному, как Дику Чейни, предлагавшему, чтобы завод в Иране служил энергетическим узлом для нужд всего региона. Когда президент Пакистана отверг это предложение, США стали угрожать прекращением поддержки¹⁸⁷¹.

Даже Киссинджер начал переосмысливать идеи представления иностранным правительствам доступа к технологиям и конструкциям, служащим основой ядерной энергетики. «Меня просто утомляют стремления Ирана построить ядерные реакторы, – сказал он на заседании госдепартамента в 1976 году, несмотря на центральную роль, которую он играл в их поощрении. – Я поощрял это, но в какую область ни посмотри, кругом обман... мы единственная страна, достаточно фанатичная и непонятливая, чтобы делать вещи, противоречащие нашим национальным интересам»¹⁸⁷².

Настроения вроде этих намекали на растущее в Вашингтоне чувство, что США загнаны в угол и стоят перед ограниченным выбором. Это было явно выражено членами Национального совета безопасности в конце 1970-х годов, которые позже замечали, что «у Соединенных Штатов нет видимой стратегической альтернативы близкому сотрудничеству с Ираном», который сжигает политические мосты повсюду¹⁸⁷³. Хотя критика шахского режима и, в частности, жестоких методов «САВАК» звучала в западной прессе, правительство США продолжало оказывать явную и постоянную поддержку. В 1977 году президент Картер посетил Тегеран в канун Нового года и стал почетным гостем на обеде в честь окончания года. «Иран, – сказал президент, – островок стабильности в одной из самых проблемных областей мира». Такое положение, по его словам, было достигнуто благодаря «великолепному руководству шаха». Он заявил шаху, что успех страны многим обязан «Вашему Величеству и вашему руководству, уважению и успеху, и любви, которую проявляет к вам народ»¹⁸⁷⁴.

Эти очки были недостаточно розовыми, чтобы отрицать реальность, ибо грозные тучи уже собрались и были видны всем.

В Иране демографический рост, скоростная урбанизация и щедрые растраты репрессивного режима смешались в ядовитый коктейль. Привычка к коррупции не помогала, учитывая сотни миллионов долларов «комиссионных», полученных правящей семьей и ее приближенными с каждого реактора¹⁸⁷⁵. К концу 1970-х годов ситуация в Тегеране стала взрывоопасной, когда на улицы высыпали толпы людей, число которых все возрастало, чтобы протестовать против недостатка социальной справедливости и растущей стоимости

¹⁸⁷⁰ Dr A. Khan, 'Pakistan's Nuclear Programme: Capabilities and Potentials of the Kahuta Project', Speech to the Pakistan Institute of National Affairs, 10 September 1990, quoted in Khan, *Making of the Pakistani Bomb*, p. 158.

¹⁸⁷¹ Kux, *The United States and Pakistan*, pp. 221–224.

¹⁸⁷² Memcon, 12 May 1976, цитируется по R. Alvandi, *Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War* (Oxford, 2014), p. 163.

¹⁸⁷³ G. Sick, *All Fall Down: America's Tragic Encounter with Iran* (New York, 1987), p. 22.

¹⁸⁷⁴ 'Toasts of the President and the Shah at a State Dinner', 31 December 1977, *PPPUS: Jimmy Carter, 1977*, pp. 2220–2222.

¹⁸⁷⁵ Mossaver-Rahmani, 'Iran's Nuclear Power', p. 192.

проживания с учетом скачков цен на нефть и мировой поддержки, объем которой начинал превышать спрос.

Растущее недовольство играло на руку аятолле Хомейни, ныне изгнанному в Париж после выдворения из Ирака в рамках сделки, заключенной с шахом в 1975 году. Хомейни, чей старший сын, возможно, был убит «САВАК» в 1977 году, получил контроль над ситуацией, освещая болезни Ирана и обещая их вылечить. Он был блестящим оратором, способным улавливать настроения, совсем как Мосаддык тремя десятилетиями раньше. Обращаясь к левым революционерам, исламским ортодоксам и практически всем тем, кто был вне золотой петли драгоценных даров, Хомейни объявил, что пришло время шаху уйти. Бенефициарами новой власти должны были стать народ Ирана и ислам, а не шах.

Чтобы развеять страхи, что Иран станет религиозным государством, Хомейни пообещал, что священнослужители, проповедники и фанатики не будут участвовать в управлении страной прямо, они лишь укажут путь. Хомейни заложил 4 принципа в основу будущего: соблюдение законов ислама, уничтожение коррупции, отмену несправедливых законов и прекращение иностранного вмешательства в дела Ирана. Этот манифест не был слишком привлекательным, зато он был эффективным, затрагивал всех избирателей и очерчивал проблемы и трудности не только Ирана, но и всего исламского мира. Аргумент, что богатство разделено между несколькими за счет многих, был не просто сильным, но непобедимым. В 1970-е годы более 40 % населения страны голодали, по данным Всемирной организации здравоохранения. Неравенство было очевидным, богатые становились богаче, а положение бедных если и улучшалось, то незначительно¹⁸⁷⁶. У иранского народа есть право на демонстрации, провозглашал Хомейни. Он говорил: «взывайте к солдатам, «даже если они стреляют в вас и убивают», пусть десятки тысяч из нас умрут как братья, но покажите, «что кровь сильнее меча»¹⁸⁷⁷.

Пока ситуация накалялась все больше, шах, на которого США возложили столько надежд, отправился в аэропорт Тегерана, где с горечью заметил: «Я устал и хочу отдохнуть», – перед тем как улететь из страны в последний раз¹⁸⁷⁸. Мог ли он предвидеть, что случится дальше, – предмет спекуляций. Куда понятнее, как европейские лидеры отреагировали на эту ситуацию. В день, который президент Картер назвал «худшим в моей дипломатической жизни», канцлер Шмидт перешел на «личные оскорбления» в процессе обсуждения Ближнего Востока, утверждая, что «американское вмешательство в этом регионе... вызвало топливный кризис во всем мире»¹⁸⁷⁹.

США занимали позицию полного отрицания и прочли знамения слишком поздно. В начале 1979 года Вашингтон отправил генерала Роберта Хайзера, главнокомандующего европейским штабом США, в Тегеран, чтобы продемонстрировать американскую поддержку шаху и убедить армию, что США продолжают спонсировать режим. Хайзеру не потребовалось много времени, чтобы осознать бессмысленность этой затеи и то, что его жизнь в опасности. Он увидел достаточно, чтобы понять, что дни шаха окончены и Хомейни не остановить¹⁸⁸⁰.

Американская политика лежала в руинах. Время, силы и ресурсы вливались в Иран, как и в соседние страны, со Второй мировой войны. За лидерами ухаживали и потакали им,

¹⁸⁷⁶ Pesaran, 'System of Dependent Capitalism in Pre- and Post-Revolutionary Iran', *International Journal of Middle East Studies* 14 (1982), p. 507; P. Clawson, 'Iran's Economy between Crisis and Collapse', *Middle East Research and Information Project Reports* 98 (1981), pp. 11–15; K. Pollack, *Persian Puzzle: The Conflict between Iran and America* (New York, 2004), p. 113; а также здесь N. Keddie, *Modern Iran: Roots and Results of Revolution* (New Haven, 2003), pp. 158–162.

¹⁸⁷⁷ M. Heikal, *Iran: The Untold Story* (New York, 1982), pp. 145–146.

¹⁸⁷⁸ Shawcross, *Shah's Last Ride*, p. 35.

¹⁸⁷⁹ J. Carter, *Keeping Faith: Memoirs of a President* (Fayetteville, AR, 1995), p. 118.

¹⁸⁸⁰ A. Moens, 'President Carter's Advisers and the Fall of the Shah', *Political Science Quarterly* 106.2 (1980), pp. 211–237.

те же, кто отказывался сотрудничать, смещались и заменялись. Однако методы, использовавшиеся для контроля ключевых частей Азии, перестали действовать. Западные нации, как сказал сэр Энтони Парсонс, британский посол в Тегеране в то время, «смотрели в правильный телескоп... но только не туда»¹⁸⁸¹. Что еще хуже, антиамериканская риторика отныне объединяла все страны этого региона: Сирия и Ирак теперь обратились к СССР; Индия была ближе к Москве, чем к Вашингтону, в то время как Пакистан желал пользоваться поддержкой США, как и когда ему удобно. Иран был критической частью головоломки, а теперь и она грозила выпасть. Это выглядело как конец эпохи, и Хомейни заметил в речи в конце 1979 года: «Все проблемы Востока исходят от этих иностранцев с Запада, в данный момент от Америки. Все наши проблемы пришли из Америки»¹⁸⁸².

Падение шаха вызвало панику в Вашингтоне и надежду в Москве. Коллапс Ирана обещал стать поворотным моментом, создающим новые возможности.

Было почти смешно, как сильно Запад ошибся относительно ситуации не только в Иране, но и в других регионах, например, в Афганистане – посольство США в Кабуле в 1978 году докладывало о прекрасных отношениях¹⁸⁸³. В самом деле, для оптимистического американского глаза Афганистан выглядел как история большого успеха, как до того Иран: число школ удесятирилось с 1950 года, учащиеся обратились к техническим дисциплинам, медицине, юриспруденции, науке; женское образование также процветало, число девочек, получивших начальное образование, стремительно росло. Ходили слухи, что президент Дауд, захвативший власть в 1973 году, завербован ЦРУ, и прогрессивные цели, которые он преследует, – идеи, насаждаемые американцами. Хотя слух не был правдой, тот факт, что он потребовал расследования дипломатами из Вашингтона и Москвы, показывает, как велико было стремление сверхдержав к состязанию и победе в последнем раунде Большой игры в Азии¹⁸⁸⁴.

Каким все окажется после короткого периода нестабильности, было теперь критично. Во всех смыслах казалось, что США совершенно выведены из равновесия. Ставка на шаха и Иран обернулась потерями, но вдоль старых Шелковых путей существовали и другие игроки, открытые для предложений. В отношении Ирана, пережившего революцию, и Ирака, кажется, падающего в советские объятия, США предстояло тщательно обдумать, каким будет следующий ход. И он оказался роковым.

¹⁸⁸¹ D. Murray, *US Foreign Policy and Iran: American-Iranian Relations since the Islamic Revolution* (London, 2010), p. 20.

¹⁸⁸² US Department of Commerce, *Foreign Broadcast Service*, 6 November 1979.

¹⁸⁸³ 'Afghanistan in 1977: An External Assessment', US Embassy Kabul to State Department, 30 January 1978.

¹⁸⁸⁴ Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 78–79; S. Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Intervention to September 10, 2001* (New York, 2004), p. 48.

24. Путь к катастрофе

Революция в Иране заставила карточный домик американской мечты практически рухнуть во всем регионе. Уже некоторое время многие признаки указывали на общую нестабильность. Коррупционный режим шаха в сочетании с экономической стагнацией, политическим параличом и жестокостью полиции были ядовитой смесью, которая играла на руку критикам, чьи обещания реформ упали на благодатную почву.

Те, кто переживал за события в Иране, нервничали еще больше из-за появления признаков того, что СССР активно планируют извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Советский Союз продолжал активные действия даже тогда, когда КГБ потерял свой основной актив в Иране, генерала Ахмада Могареби, которого в Москве считали «лучшим агентом России», имевшим хорошие связи с элитой Ирана. В сентябре 1977 года его арестовал «САВАК», который заинтересовался подозрительно частыми контактами с вербовщиками КГБ¹⁸⁸⁵. Это послужило стимулированию интенсификации деятельности Советов.

Существовало предположение, что необычайно большие объемы торговли в иранских реалиях на швейцарском валютном рынке в начале 1978 года стали результатом поддержки советских агентов. Высокое качество газеты «Навид», которая распространялась левой партией «Туде», убедило многих, что она печатается не только при поддержке Советов, но и в советском посольстве в Тегеране. Новые лагеря, созданные за пределами страны для обучения иранских диссидентов (и прочих) принципам партизанского движения и марксистской доктрине, были зловещим знаком того, что Москва готовится заполнить пустоту, возникшую после падения шаха¹⁸⁸⁶.

Это было частью более широкого взаимодействия с регионом, который, по всей видимости, переживал эпоху перемен. Дополнительная поддержка была оказана президенту Ассаду в Сирии, даже несмотря на то, что КГБ считало его «мелкобуржуазным и эгоистическим шовинистом»¹⁸⁸⁷.

Те, кто следил за всей ситуацией, были полностью уверены, что конец света рядом. К концу 1978 года Уильям Саливан, американский посол в Тегеране, направил в Вашингтон телеграмму «Думать о немыслимом», в которой утверждалось, что план для чрезвычайных ситуаций должен быть введен в действие немедленно. Его слова были проигнорированы. Рекомендации Саливана были «попыткой установить модус вивенди между военными и религиозными (лидерами)» при первой же возможности. Он имел в виду, что США должны попытаться открыть коммуникационные каналы с Хомейни перед тем, как он захватит власть, а не после¹⁸⁸⁸. Громкоголосые представители Белого дома по-прежнему надеялись, что США смогут контролировать ситуацию, продолжая поддержку шаха, и поддерживали предложение, сделанное в конце января 1979 года премьер-министром Шапуром Бахтияром, о том, что аятолла Хомейни должен быть арестован, если он бежит в Иран¹⁸⁸⁹.

Зашоренность и бесполезность такого рода мышления стали очевидными в течение нескольких дней. 1 февраля 1979 года аятолла Хомейни приземлился в Тегеране, через четырнадцать лет после того, как ему пришлось покинуть страну. Огромные толпы людей

¹⁸⁸⁵ Andrew and Mitrokhin, *Mitrokhin Archive II*, pp. 178–180.

¹⁸⁸⁶ Sreedhar and Cavanagh, 'US Interests in Iran', p. 140.

¹⁸⁸⁷ C. Andrew and O. Gordievsky, *KGB: The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (London, 1990), p. 459.

¹⁸⁸⁸ W. Sullivan, *Mission to Iran: The Last Ambassador* (New York, 1981), pp. 201–203, 233; а также Sick, *All Fall Down*, pp. 81–87; A. Moens, 'President Carter's Advisors', *Political Science Quarterly* 106.2 (1991), p. 244.

¹⁸⁸⁹ Z. Brzezinski, *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981* (London, 1983), p. 38.

собрались в аэропорту, чтобы встретить его, а затем последовать за ним по пути к кладбищу Мучеников, находящемуся в двенадцати милях от Тегерана, где его ожидало еще около 250 000 сторонников. «Я собираюсь наносить своими кулаками удары прямо в лицо этого правительства, – ревел он с вызовом. – С сегодняшнего дня правительство – это я». По подсчетам ВВС, после этих слов вдоль дорог выстроилось около 5 миллионов человек, в то время как Хомейни приближался к столице¹⁸⁹⁰.

Все завершилось, когда сторонники Хомейни взяли контроль над страной. 11 февраля посольство США было закрыто. Посол Саливан телеграфировал домой: «Армия сдается. Хомейни победил. Секретные документы уничтожаются». Секретные материалы уничтожали еще и через три дня, когда в здание посольства ворвались боевики, хотя вскоре порядок был восстановлен лейтенантами Хомейни¹⁸⁹¹. 16 февраля посол Саливан встретился с Мехди Базарганом, новым премьер-министром, и сказал ему, что у США нет намерения вмешиваться во внутренние дела Ирана¹⁸⁹². Меньше чем через неделю США официально признали новое правительство, которое после национального референдума, проведенного 1 апреля, объявило о создании «Исламской республики Иран».

В ходе второго референдума, проведенного в конце года, была одобрена новая Конституция, в которой говорилось, что отныне «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и нормативные акты в стране должны быть основаны на “исламских” критериях»¹⁸⁹³.

США делали большие ставки на Иран и шаха десятилетиями. Теперь же они должны были заплатить высокую цену за то, что авантюра не удалась. Ударные волны революции распространились по всему миру, заставив цены на нефть вырасти в три раза. Это оказало на экономики стран, в которых недоставало нефти, разрушительный эффект. Инфляция вышла из-под контроля. По мере того как увеличивалась паника, зарождались и опасения кризиса. К концу июня большое число станций обслуживания по всей территории США были закрыты из-за сокращения поставок. Рейтинг одобрения президента Картера упал до отметки 28 %, примерно до того же уровня, что у Никсона во время Уотергейтского скандала¹⁸⁹⁴. Учитывая кампанию по переизбранию президента, которая вот-вот должна была начаться, казалось, что смена режима в Тегеране была важным фактором, влияющим на грядущие президентские выборы.

Дело было не только в увеличении цен на нефть, что могло разрушить западные экономики. Большое влияние оказывали массовые отмены заказов и экстренная национализация промышленности. Компания British Petroleum (BP), преемница изначальной концессии Нокса Д'Арси, была вынуждена провести основательную реорганизацию (и распродать часть акций), после того как месторождения, которые составляли около 40 % мирового производства, исчезли буквально мгновенно. Кроме того, контракты на строительство металлургических заводов, реконструкцию терминалов аэропортов и развитие портов были списаны в одночасье, а контракты на поставку оружия аннулированы и разорваны. В 1979 году Хомейни отменил поставки из США на 9 миллионов долларов, и это образовало в карманах производителей огромные дыры, кроме того, им пришлось искать другие рынки сбыта, которые были менее склонны к милитаризации, чем шах¹⁸⁹⁵.

¹⁸⁹⁰ 'Exiled Ayatollah Khomeini returns to Iran', BBC News, 1 February 1979.

¹⁸⁹¹ Sick, *All Fall Down*, pp. 154–156; D. Farber, *Taken Hostage: The Iran Hostage Crisis and America's First Encounter with Radical Islam* (Princeton, 2005), pp. 99–100, 111–113.

¹⁸⁹² C. Vance, *Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy* (New York, 1983), p. 343; B. Glad, *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, his Advisors, and the Making of American Foreign Policy* (Ithaca, NY, 1979), p. 173.

¹⁸⁹³ *Constitution of the Islamic Republic of Iran* (Berkeley, 1980).

¹⁸⁹⁴ 'Presidential Approval Ratings – Historical Statistics and Trends'. – www.gallup.com.

¹⁸⁹⁵ A. Cordesman, *The Iran-Iraq War and Western Security, 1984–1987* (London, 1987), p. 26; а также D. Kinsella, 'Conflict

Таким образом, перегруженность экономики Ирана привела к тому, что замедленная перед революцией ядерная программа была отменена. Потери компаний Creusot-Loire, Westinghouse Electric Corporation и Kraftwerk Union, расположенных соответственно во Франции, США и Западной Германии, составили примерно 330 миллиардов долларов¹⁸⁹⁶. Некоторые из них стойко держались перед лицом невзгод.

«Мы не должны забывать, как много мы получили благодаря шахскому режиму, – писал дипломат сэр Энтони Парсонс, ветеран Ближнего Востока и британский посол в Тегеране в период возвращения Хомейни. – Британский бизнес и промышленность заработали в Иране огромные суммы денег»¹⁸⁹⁷. Он сказал не очень много, но было ясно, что хорошие времена подошли к концу; было лучше отметить то, что дало прошлое, чем оплакивать то, что уготовило будущее.

Для США, однако, ставки вышли за рамки экономического и политического спада. Утешением послужил то факт, что Хомейни и его служащим не было никакого дела до атеистической политики Советского Союза или близости к левым группировкам в Иране¹⁸⁹⁸. Даже несмотря на падение шаха, это не привело к расширению СССР. США со своей стороны усилили оборону целого ряда плацдармов, которые ранее находились в безопасности. Некоторые из них стали нестабильны или были потеряны.

После того как Хомейни захватил власть, он немедленно закрыл представительства разведывательных служб США, расположенные в Иране, которые использовались для раннего предупреждения советских ядерных атак, а также для мониторинга запуска ракет в Центральной Азии. Это лишило Соединенные Штаты важнейших средств сбора информации о противнике. Кроме того, это имело дополнительное значение ввиду интенсивных переговоров между США и СССР об ограничении числа запусков баллистических ракет. Заккрытие станций играло важную роль в процессе проверки и ставило под угрозу ряд стратегических соглашений о вооружении, на принятие которых понадобились годы, а также могло сорвать близящиеся переговоры.

Потребуется по крайней мере пять лет, сообщил разведуправлению директор ЦРУ, адмирал Стэнсфилд Тернер в начале 1979 года, чтобы восстановить возможность мониторинга советских ракетных испытаний и разработок¹⁸⁹⁹. В сборе информации в результате произошедшего в Иране, отмечал Роберт Гейтс, сотрудник разведки ЦРУ (позже директор агентства и министр обороны), появился «реальный разрыв». Были предприняты «исключительно секретные» попытки заключить новые альянсы, которые помогли бы заполнить пустоту. Это включало переговоры с китайским правительством на самом высоком уровне об установке новых объектов в западной части Китая. Все это привело к тому, что адмирал Тернер и Гейтс нанесли в Бейджин тайный визит зимой 1980/1981 года. Это открылось лишь много лет спустя (и, конечно, стали известны не все детали)¹⁹⁰⁰.

in Context: Arms Transfers and Third World Rivalries during the Cold War', *American Journal of Political Science* 38.3 (1994), p. 573.

¹⁸⁹⁶ Sreedhar and Cavanagh, 'US Interests in Iran', p. 143.

¹⁸⁹⁷ 'Comment by Sir A. D. Parsons, Her Majesty's Ambassador, Teheran, 1974–1979', in N. Browne, *Report on British Policy on Iran, 1974–1978* (London, 1980), Annexe B.

¹⁸⁹⁸ R. Cottam, 'US and Soviet Responses to Islamic Political Militancy', in N. Keddie and M. Gasiorowski (eds), *Neither East nor West: Iran, the Soviet Union and the United States* (New Haven, 1990), p. 279; A. Rubinstein, 'The Soviet Union and Iran under Khomeini', *International Affairs* 57.4 (1981), p. 599.

¹⁸⁹⁹ Turner's testimony was leaked to the press, 'Turner Sees a Gap in Verifying Treaty: Says Iran Bases Can't Be Replaced until '84', *New York Times*, 17 April 1979.

¹⁹⁰⁰ R. Gates, *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War* (New York, 1996). Гейтс говорит немного иначе, что переговоры были деликатными и что адмирал Тернер обзавелся усами, по-видимому, в качестве маскировки, pp. 122–123.

Новые объекты радиоэлектронной разведки были построены в Цитае и Корле в Синьцзяне. Они эксплуатировались техническим отделом Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, работающим в тесном контакте с американскими советниками и техниками¹⁹⁰¹. Тесное сотрудничество между американскими и китайскими военными и разведчиками явилось последствием падения шаха.

Тем временем иранская революция, которая хоть и не помогла СССР в политическом плане, несомненно, принесла военную пользу. Несмотря на попытки американского посольства в Тегеране уничтожить важные документы, скорость и сила волны изменений в стране привели к драматическим последствиям. Шах приобрел истребители F-14 Tomcat, а также самые современные ракеты воздух-воздух Phoenix, ракеты земля-воздух Hawk и противотанковое оружие. Советы смогли получить бесценные снимки крупным планом, а в некоторых случаях и инструкции к этой технике. Это было не просто неловкая потеря, она имела серьезные последствия для национальной безопасности США и их союзников¹⁹⁰².

Привычный мир рушился на глазах. Это дошло и до Вашингтона, так как не только Иран, но и все остальное выглядело иначе, чем прежде. Соединенные Штаты продолжали внимательно следить за Афганистаном, значимость которого резко возросла со времени революции Хомейни. Весной 1979 года, например, ЦРУ задалось целью найти страну, подходящую для возможного расположения разведывательных объектов, потерянных в Иране¹⁹⁰³. Проблема была в том, что ситуация в Афганистане стремительно менялась, и было похоже, что там повторятся иранские события.

Волнение началось, когда король Захир Шах, любитель шахмат, был свергнут своим же племянником Даудом Мухаммедом, который провозгласил себя президентом в 1973 году. Через пять лет был свергнут сам Дауд. Его падение не стало большой неожиданностью, учитывая растущую жестокость его режима, при котором политических заключенных казнили без суда, лицом вниз на территории печально известной и часто упоминаемой тюрьмы Пуль-Чархи, расположенной за пределами Кабула¹⁹⁰⁴.

Коммунистические ястребы, которые заняли место Дауда, продемонстрировали такую же жестокость и постоянный прогресс, действуя в соответствии с амбициозной программой модернизации страны. Это было время, объявили они, для того чтобы повысить уровень грамотности, сломать «феодалную» структуру родового строя, положить конец этнической дискриминации, а также обеспечить права женщин, в том числе право на образовательное равенство, безопасность труда и доступ к медицинскому обслуживанию¹⁹⁰⁵. Усилия по введению всеобъемлющих изменений вызвали яростную реакцию, которая была особенно сильна среди мусульманского духовенства; как и в начале двадцать первого века, попытки проведения реформ привели лишь к объединению традиционалистов, помещиков, племенных вождей и мулл, которые стремились защитить свои собственные интересы.

Очень скоро оппозиция стала громогласной и достаточно опасной. Первое крупное восстание вспыхнуло в марте 1979 года в Герате, на западе страны, где те, кто провозгласил национальную независимость, возвращение к традициям и отказ от влияния извне, приободрились, наблюдая за событиями через границу, в Иране. Бунтовщики бросались буквально на любую цель, в том числе на советских граждан, проживающих в городе, они были про-

¹⁹⁰¹ J. Richelson, 'The Wizards of Langley: The CIA's Directorate of Science and Technology', in R. Jeffreys-Jones and C. Andrew (eds), *Eternal Vigilance? 50 Years of the CIA* (London, 1997), pp. 94–95.

¹⁹⁰² Rubinstein, 'The Soviet Union and Iran under Khomeini', pp. 599, 601.

¹⁹⁰³ Gates, *From the Shadows*, p. 132.

¹⁹⁰⁴ R. Braithwaite, *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–1989* (London, 2011), pp. 37–44.

¹⁹⁰⁵ 'Main Outlines of the Revolutionary Tasks'; Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 42–43; P. Dimitrakis, *The Secret War in Afghanistan: The Soviet Union, China and Anglo-American Intelligence in the Afghan War* (London, 2013), pp. 1–20.

сто забиты неистовой толпой¹⁹⁰⁶. Вскоре беспорядки распространились на другие города, в том числе Джелалабад, где афганские военные подразделения отказались выступить против сопротивления и вместо этого повернулись против своих советских советников¹⁹⁰⁷.

Реакция СССР на эти события была осторожной. В «постаревшем» Политбюро пришли к заключению, что поддержка должна быть предоставлена беспокойному и воинственному афганскому правительству. У некоторых его членов были давнишние личные связи в Советском Союзе, которые могли бы помочь снизить уровень волнений, вспыхнувших уже и в Кабуле. Был предпринят ряд мер для усиления режима, во главе которого стоял президент Нур Мухаммед Тараки, высоко ценившийся в Москве. Некоторые сравнивали его с «афганским Максимом Горьким» за его труды в сфере «научного социализма», которые получили высокую оценку¹⁹⁰⁸. В Афганистан были направлены щедрые поставки зерна, а процентные выплаты по непогашенным кредитам были отменены. Чтобы помочь заполнить правительственную казну, Советы также предложили платить за афганский газ в два раза больше, чем платили все предыдущее десятилетие¹⁹⁰⁹. Несмотря на то что просьбы о химическом оружии и отравляющем газе не были удовлетворены, Москва оказала военную помощь, отправив 140 артиллерийских орудий, 48 000 единиц огнестрельного оружия и около 1000 гранатометов¹⁹¹⁰.

Все это было отмечено в Вашингтоне, где последствия «постепенного, но безошибочного» роста вовлеченности СССР в дела Афганистана были тщательно изучены.

Если СССР обеспечит прямую военную помощь Тараки и направит свои войска, отмечалось в одном докладе высокого уровня, это может иметь последствия не только в самом Афганистане, но и по всей Азии: в Иране, Пакистане, Китае и других местах¹⁹¹¹. Неопределенность будущего стала очевидна после убийства посла США в Кабуле в феврале 1979 года. Всего через несколько дней после того, как Хомейни вернулся домой, бронированный автомобиль посла Адольфа Дабса был угнан среди бела дня в афганской столице, как оказалось, недалеко от контрольно-пропускного пункта полиции. Он был доставлен в отель в Кабуле (теперь это роскошный Kabul Serena Hotel), где находился в заложниках в течение нескольких часов, прежде чем был убит во время неудачной спасательной операции¹⁹¹².

Несмотря на то что было неясно, кто стоял за похищением посла и каковы были мотивы, этого было достаточно, чтобы побудить США принять непосредственное участие в том, что происходило в стране. Помощь Афганистану была немедленно урезана, зато антикоммунисты и все, кто выступал против нового правительства, получили поддержку¹⁹¹³. Это положило начало длительному периоду, в течение которого США стремились активно сотрудничать с исламистами, чьи интересы в сопротивлении режиму левых, естественно, совпадали с интересами США. Потребовались десятилетия, чтобы реальная цена этой сделки стала очевидной.

¹⁹⁰⁶ J. Amstutz, *Afghanistan: The First Five Years of Soviet Occupation* (Washington, DC, 1986), p. 130; H. Bradsher, *Afghanistan and the Soviet Union* (Durham, NC, 1985), p. 1010.

¹⁹⁰⁷ N. Newell and R. Newell, *The Struggle for Afghanistan* (Ithaca, NY, 1981), p. 86.

¹⁹⁰⁸ N. Misdaq, *Afghanistan: Political Frailty and External Interference* (2006), p. 108.

¹⁹⁰⁹ A. Assifi, 'The Russian Rope: Soviet Economic Motives and the Subversion of Afghanistan', *World Affairs* 145.3 (1982–1983), p. 257.

¹⁹¹⁰ V. Bukovsky, *Reckoning with Moscow: A Dissident in the Kremlin's Archives* (London, 1998), pp. 380–382.

¹⁹¹¹ Gates, *From the Shadows*, pp. 131–132.

¹⁹¹² US Department of State, Office of Security, *The Kidnapping and Death of Ambassador Adolph Dubs, February 14 1979* (Washington, DC, 1979).

¹⁹¹³ D. Cordovez and S. Harrison, *Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal* (Oxford, 1995), p. 35; D. Camp, *Boots on the Ground: The Fight to Liberate Afghanistan from Al-Qaeda and the Taliban* (Minneapolis, 2012), pp. 8–9.

За этим новым подходом стояли опасения, что Афганистан может обратиться к Советам, которые во второй половине 1979 года, по всей видимости, готовились к военной интервенции. Вопрос о намерениях СССР стал основным в повестках дня брифингов разведки США и основной темой документов, в которых излагались последние события, хотя это и не означало понимание происходящего¹⁹¹⁴. В одном из докладов, представленных Совету национальной безопасности, под названием «Что Советы делают в Афганистане?» содержался ответ, к откровенности которого придаться невозможно: «Проще говоря, мы не знаем»¹⁹¹⁵. Разоблачить ход размышлений Москвы было трудно, но было очевидно, что вследствие падения шаха США потеряли своего основного союзника в регионе. И это тревожило, так как эффект домино мог ухудшить положение.

Советы были обеспокоены примерно по тому же поводу. События в Иране не принесли никакой выгоды, по оценкам Москвы, они даже нанесли ущерб интересам СССР, так как захват власти Хомейни скорее уменьшил существующие возможности, а не открыл новые. Экстренные планы действий были составлены советскими военными таким образом, чтобы произвести развертывание в случае, если понадобится укрепление того, что генеральный секретарь Леонид Брежнев назвал «правительство дружественной нации Афганистана».

США контролировали передвижение войск к северу одновременно от иранских и афганских границ, фиксируя переброску спецназа в Кабул, а также батальона десантников, которые, как пришли к выводу в ЦРУ, были направлены для обеспечения безопасности авиабазы в Баграме, основной точке советских поставок¹⁹¹⁶.

На этом решающем этапе, однако, в игру внезапно вступило будущее Афганистана. В сентябре 1979 года во время борьбы за власть Нур Мухаммед Тараки был свергнут Хафизулла Амином, человеком, который был столь же амбициозен, как и скрытен. Он был явно списан как жизнеспособный лидер, который появлялся в передовице «Правды», официального рупора, отражавшего текущий курс Политбюро СССР¹⁹¹⁷. Теперь он был осужден в Москве как враг революции, человек, который пытался манипулировать племенными распрями в собственных целях, и к тому же как «шпион американского империализма»¹⁹¹⁸. Советы были также обеспокоены слухами о том, что Амин был завербован ЦРУ, эти сплетни энергично распространялись его врагами в Афганистане¹⁹¹⁹. Отчеты о заседаниях Политбюро показывают, что руководство в Москве было сильно обеспокоено переориентацией Амина в сторону США, а также стремлением Штатов поддерживать дружественное правительство в Кабуле¹⁹²⁰.

Советы становились все более обеспокоены ситуацией. Частые встречи Амина с исполняющим обязанности главы миссии США в Афганистане до путча, казалось, указывали на то, что Вашингтон пересматривал позиции после катастрофического провала своей политики в Иране. Когда Амин стал относиться к Советам более агрессивно, в то же время начав переговоры с США, настало время для решительных действий¹⁹²¹.

¹⁹¹⁴ CIA Briefing Papers, 20 August; 24 August; 11 September; 14 September, 20 September; Gates, *From the Shadows*, pp. 132–133.

¹⁹¹⁵ 'What Are the Soviets Doing in Afghanistan?', 17 September 1979, National Security Archive.

¹⁹¹⁶ D. MacEachin, *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan: The Intelligence Community's Record* (Washington, DC, 2002); O. Sarin and L. Dvoretzky, *The Afghan Syndrome: The Soviet Union's Vietnam* (Novato, CA, 1993), pp. 79–84.

¹⁹¹⁷ M. Brecher and J. Wilkenfeld, *A Study of Crisis* (Ann Arbor, MI, 1997), p. 357.

¹⁹¹⁸ «Правда», 29 и 30 декабря 1979.

¹⁹¹⁹ Amstutz, *Afghanistan*, pp. 43–44. Эти слухи были настолько сильны и, вероятно, настолько убедительны, что посол сам справлялся в ЦРУ, насколько они истинны, Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 78–79. О распространении сплетен локально — R. Garthoff, *Détente and Confrontation: Soviet-American Relations from Nixon to Reagan* (Washington, DC, 1985), p. 904; а также здесь Andrew and Mitrokhin, *Mitrokhin Archive II*, pp. 393–394.

¹⁹²⁰ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. — М., 1995. — С. 102.

¹⁹²¹ Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 78–79, 71; Lyakhovskii, *Tragediya i doblest' Afgana*, p. 181.

Если СССР не проявит стойкость и не поддержит своих союзников сейчас, такова была логика, он потеряет позиции не только в Афганистане, но и в регионе в целом. Генерал Валентин Варенников вспоминал позже, что старшие офицеры «были обеспокоены тем, что, если Соединенные Штаты будут вытеснены из Ирана, они перенесут свои базы в Пакистан и захватят Афганистан»¹⁹²². Разработки в других местах также волновали советское руководство, создавалось впечатление, что СССР находится в невыгодном положении. В Политбюро обсудили улучшение отношений Вашингтона и Бейджина в конце 1970-х годов, отметив, что здесь Москва отстает¹⁹²³.

Как доложили партийные чиновники Брежневу в декабре 1979 года, США пытались создать «новую Великую Османскую империю», охватывающую Центральную Азию. Эти опасения усугублялись из-за отсутствия комплексной системы противовоздушной обороны по всей южной границе СССР. Это означало, что Америка сможет направить кинжал прямо в сердце Советского Союза¹⁹²⁴. Как впоследствии Брежнев заявил в интервью газете «Правда», нестабильность в Афганистане представляет собой «очень серьезную угрозу для безопасности Советского государства»¹⁹²⁵. То, что необходимо что-то делать, ощущалось все сильнее.

Через два дня после встречи Брежнева с ведущими чиновниками был отдан приказ разработать план вторжения на основе первоначального развертывания войск, включавших 75 000–80 000 человек. Начальник Генерального штаба, генерал Николай Огарков, трезво-мыслящий офицер старой школы, отреагировал гневно. Инженер по образованию, Огарков утверждал, что этих сил будет недостаточно, чтобы успешно полностью защищать коммуникационные пути и удерживать ключевые точки по всей стране¹⁹²⁶. Его обошел министр обороны Дмитрий Устинов, непревзойденный политический выживальщик, склонный делать показательные заявления о блеске советских вооруженных сил, боевые способности которых, по его словам, позволяли «выполнить любые задачи, поставленные партией и народом»¹⁹²⁷.

На самом ли деле он так считал, было не столь важно. Значение в настоящее время имело лишь то, что он и его поколение ветеранов Второй мировой войны, хватка которых в стремительно меняющемся мире начала исчезать, были уверены, что американцы планируют вытеснить СССР. Устинов, как сообщается, спросил в конце 1979 года: «Если [они могут] сделать все эти приготовления прямо под нашим носом, почему мы должны сидеть тихо, вести осторожную игру и потерять Афганистан?»¹⁹²⁸ На заседании Политбюро ЦК КПСС 12 декабря Устинов, поддерживаемый кликой убежденных седидами стариков, таких как Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, Ю. В. Андропов и К. Черненко, дал добро на полномасштабное развертывание войск в Афганистане¹⁹²⁹. Это было непростое решение, как цитировали Брежнева в газете «Правда» через несколько недель¹⁹³⁰.

Спустя две недели после встречи, в канун Рождества 1979 года, советские войска начали переправляться через границу в рамках операции «Буря 333». Это не вторжение, заявил Устинов командирам, ведущим войска через границу. Это повторялось снова и снова советскими дипломатами и политиками в течение следующего десятилетия. Как заявлялось, это была попытка восстановить равновесие, так как «политическая и военная ситуация на

¹⁹²² Цитируется по V. Zubok, *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill, NC, 2007), p. 262; Coll, *Ghost Wars*, p. 48.

¹⁹²³ 'Meeting of the Politburo Central Committee', 17 March 1979, p. 142–149, in Dimitrakis, *Secret War*, p. 133.

¹⁹²⁴ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана, с. 109–112.

¹⁹²⁵ «Правда», 13 января 1980.

¹⁹²⁶ Braithwaite, *Afgantsy*, p. 77.

¹⁹²⁷ 'The Current Digest of the Soviet Press', *American Association for the Advancement of Slavic Studies* 31 (1979), p. 4.

¹⁹²⁸ Zubok, *A Failed Empire*, p. 262.

¹⁹²⁹ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана, с. 215.

¹⁹³⁰ «Правда», 13 января 1980.

Ближнем Востоке» была нестабильна и правительство в Кабуле попросило «обеспечить международную помощь дружественному афганскому народу»¹⁹³¹.

С точки зрения Вашингтона, нельзя было подобрать момент хуже, чем этот. Хотя Советы и опасались расширения США в Афганистане, стало очевидно, насколько слаба позиция американцев в регионе. После того как шах вылетел из Тегерана в начале 1979 года, он переезжал из одной страны в другую в поисках постоянного места жительства. К осени президент Картер был убежден старшими членами своей администрации позволить умирающему человеку, который был убежденным другом США, въехать в страну, чтобы получить медицинскую помощь. Во время обсуждения новый министр иностранных дел Хомейни прямо сказал советникам президента: «...таким образом вы открываете ящик Пандоры»¹⁹³². Записи Белого дома показывают, что Картер был осведомлен о том, насколько высоки были ставки в случае предоставления шаху разрешения на въезд в США. «Как вы, ребята, посоветуете мне поступить, если [иранцы] захватят наше посольство и возьмут в заложники наших людей?» – спросил президент. Однако он не получил ответа на этот вопрос¹⁹³³.

4 ноября, через две недели после того, как шах обратился в Cornell Medical Center в Нью-Йорке, воинствующие иранские студенты одолели охрану в американском посольстве в Тегеране и захватили контроль над посольством, взяв в заложники около шестидесяти человек дипломатического персонала. Хотя первоначальной целью, кажется, было выдвинуть короткий, но резкий протест по поводу решения о приеме шаха в США, ситуация резко обострилась¹⁹³⁴. 5 ноября аятолла Хомейни прокомментировал ситуацию в посольстве. Он не жонглировал словами, не говоря уже о призывах к спокойствию. Посольства Тегерана, заявил он, были рассадниками «тайных заговорщиков, (которые) вынашивают идеи» о разрушении Исламской республики Иран. Главным организатором этих заговоров, продолжал он, был «великий Сатана Америка». С этими словами он призвал США передать «предателя», чтобы он мог предстать перед судом¹⁹³⁵.

Первоначальные усилия США, чтобы разрядить обстановку, были абсурдны и хаотичны. Посланника, у которого было личное обращение от президента к Хомейни, не допустили до аудиенции с аятоллой, и он не смог доставить письмо. Как выяснилось потом, что еще один посланник был уполномочен открыть переговоры с Организацией освобождения Палестины (ООП), члены которой отвечали за многие террористические атаки, такие как бойня на Мюнхенской Олимпиаде, и основной целью которой было создание палестинского государства за счет Израиля.

Еще более неловким, чем раскрытие того, что США пытаются использовать ООП в качестве канала для достижения контроля над Ираном, стало известие, что иранцы сами отказались позволить ООП играть посредническую роль в кризисе¹⁹³⁶.

Президент Картер пришел к выводу, что необходимо принять более решительные меры, которые бы позволили не только урегулировать ситуацию с заложниками, но и заявить о том, что, хотя шах пал, США были силой, с которой нельзя не считаться в центре Азии. 12 ноября 1979 года в попытке оказать на режим Хомейни финансовое давление он объявил эмбарго на иранскую нефть. «Никто, – пояснил он запрет на импорт, – не должен недооцени-

¹⁹³¹ Цитируется по Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана, с. 252.

¹⁹³² Бжезинский преуменьшал подобные предупреждения, *Power and Principle*, pp. 472–475; Vance, *Hard Choices*, pp. 372–373; Glad, *Outsider in the White House*, pp. 176–177.

¹⁹³³ D. Harris, *The Crisis: The President, the Prophet, and the Shah: 1979 and the Coming of Militant Islam* (New York, 2004), p. 193.

¹⁹³⁴ Там же, pp. 199–200.

¹⁹³⁵ Farber, *Taken Hostage*, pp. 41–42.

¹⁹³⁶ Saunders, 'Diplomacy and Pressure, November 1979 – May 1980', in W. Christopher (ed.), *American Hostages in Iran: Conduct of a Crisis* (New Haven, 1985), pp. 78–79.

вать решимость американского правительства и американского народа»¹⁹³⁷. Два дня спустя президент пошел еще дальше, выпустив распоряжение о заморозке 12 миллиардов активов Ирана. Эти энергичные действия положительно сказались на внутреннем рынке, а популярность президента Картера, согласно опросу Gallup, резко возросла¹⁹³⁸.

Бряцание оружием, однако, оказалось малоэффективным. Эмбарго на нефть было отклонено Тегераном как несущественный факт. «Мир нуждается в нефти, – заявил аятолла через неделю после объявления Картера. – Мир не нуждается в Америке. Другие страны повернутся к тем из нас, у кого есть нефть, а вовсе не к вам»¹⁹³⁹. С логистической точки зрения, применить эмбарго было не так просто, учитывая, что иранская нефть часто передавалась посредством третьей стороны и по-прежнему могла попасть в США. То, что бойкот и давление на поставки угрожали повышением цен на нефть, сыграло на руку иранскому режиму за счет повышения его доходов¹⁹⁴⁰.

Захват активов напугал многих в арабоязычающем мире, кто был обеспокоен предшествовавшими действиями США. Противостояние обострило политические разногласия с такими странами, как Саудовская Аравия, которая не встречалась с Вашингтоном с глазу на глаз по поводу политики на Ближнем Востоке, особенно в отношении Израиля¹⁹⁴¹. В отчете ЦРУ, подготовленном через несколько недель после введения эмбарго, был сделан вывод, что «нынешние экономические трудности вряд ли будут иметь положительный эффект; их воздействие может быть отрицательным»¹⁹⁴².

Кроме того, многие западные страны не желали втягиваться в эскалацию кризиса с Тегераном. «Вскоре стало очевидным, – писал Картер, – что даже наши ближайшие союзники в Европе не собираются подвергать себя потенциальным нефтяным бойкотам или ставить под угрозу дипломатические договоренности ради американских заложников». Единственный способ привести умы в порядок – создать «прямую угрозу дальнейших шагов со стороны Соединенных Штатов»¹⁹⁴³. Министр обороны Картера Сайрус Вэнс тем не менее отправился в турне по Западной Европе с сообщением, что, если санкции в отношении Ирана не будут введены, США предпримут односторонние действия, в том числе минирование Персидского залива, если это необходимо¹⁹⁴⁴. Это, естественно, оказало влияние на цены на нефть и, следовательно, на развитые страны. Для того чтобы оказать давление на Тегеран, Вашингтону пришлось угрожать своим собственным сторонникам.

Именно на фоне напряжения и отчаяния, контрпродуктивных и плохо продуманных мер, направленных на урегулирование ситуации в Иране, было получено известие, что советские колонны идут на юг, в Афганистан. Американских стратегов это известие застало врасплох. За четыре дня до вторжения президент Картер и его советники обдумывали планы по захвату прибрежных островов Ирана и тайные операции по свержению Хомейни. Зловещая ситуация превратилась в критическую¹⁹⁴⁵.

¹⁹³⁷ H. Alikhani, *Sanctioning Iran: Anatomy of a Failed Policy* (New York, 2001), p. 67.

¹⁹³⁸ 'Rivals doubt Carter will retain poll gains after Iran crisis', *Washington Post*, 17 December 1979. См. здесь С. Emery, 'The Transatlantic and Cold War Dynamics of Iran Sanctions, 1979–1980', *Cold War History* 10.3 (2010), pp. 374–376.

¹⁹³⁹ 'Text of Khomeini speech', 20 November 1979, NSC memo to President Carter, цитируется по Emery, 'Iran Sanctions', p. 374.

¹⁹⁴⁰ Там же.

¹⁹⁴¹ Там же, p. 375.

¹⁹⁴² 'The Hostage Situation', Memo from the Director of Central Intelligence, 9 January 1980, цитируется по Emery, 'Iran Sanctions', p. 380.

¹⁹⁴³ Carter, *Keeping Faith*, p. 475.

¹⁹⁴⁴ Там же; а также G. Sick, 'Military Operations and Constraints', in Christopher, *American Hostages in Iran*, pp. 144–172.

¹⁹⁴⁵ Woodrow Wilson Center, *The Origins, Conduct, and Impact of the Iran-Iraq War, 1980–1988: A Cold War International History Project Document Reader* (Washington, DC, 2004).

Уже столкнувшись с катастрофической ситуацией в отношении заложников, США теперь вынуждены были созерцать существенное расширение советской власти в этом регионе. Кроме того, взгляды Вашингтона отражали взгляды Москвы: американцы полагали, что движение в Афганистане, вероятно, станет прелюдией для дальнейшего расширения одной супердержавы за счет другой. Внимание Советов было сосредоточено на Иране, где проблема была связана с деятельностью агитаторов, как значилось в одном из докладов разведки в начале 1980 года. Поэтому президент должен приступить к рассмотрению обстоятельств, при которых «мы были бы готовы отправить Вооруженные силы США в Иран»¹⁹⁴⁶.

Картер увеличил риторику в адрес Союза 23 января 1980 года. Советское вторжение в Афганистан означало, что регион «большой стратегической важности» находится под угрозой, говорил он. Действия Москвы привели к ликвидации буфера, теперь в пределах досягаемости СССР оказались не только области, которые «содержали более двух третей мирового запаса экспортируемой нефти», но и стратегически важный Ормузский канал, «через который должны проходить основные мировые запасы нефти». Поэтому Картер крайне тщательно сформулировал свою угрозу. «Я хочу, чтобы наша позиция была совершенно ясна, — сказал он. — Любая попытка извне получить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как нападение на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми необходимыми средствами, включая военную силу».

Это было дерзкое утверждение, которое идеально отражало всю суть отношения к нефти на Ближнем Востоке, а также позицию, которая изначально была сформулирована британцами, а затем унаследована Соединенными Штатами: любая попытка изменить статус-кво будет встречена агрессией. Эта имперская политика проявлялась во всем, кроме названия¹⁹⁴⁷.

Однако высокопарные слова Картера резко контрастировали с тем, что происходило на самом деле. Переговоры с иранцами об освобождении заложников продолжались в фоновом режиме, но становились все более фарсовыми. Переговоры велись между представителями Тегерана и помощником президента, который на некоторые встречи надевал парик, накладные усы и очки. И в то время, как проводились эти дискуссии, аятолла Хомейни продолжал делать заявления о «Соединенных штатах, пожирающих мир» и о том, что «великого Сатану» следует проучить¹⁹⁴⁸.

В конце концов в апреле 1980 года президент Картер решил завершить это дело и санкционировал операцию «Орлиный коготь» — секретную миссию по спасению заложников в Тегеране. Результат был настолько плачевным, что заставил бы краснеть даже школьников. Восемь вертолетов, отправленных с атомного авианосца *Nimitz*, должны были доставить наземные группы спецназа к Табасу в Центральном Иране, откуда их должен был повести полковник Чарли Беквит вместе с новым подразделением отборных войск, названных «Подразделение Дельта». Операция оказалась мертворожденной: один вертолет вернулся из-за погодных условий; у другого треснул ведущий винт, и он был брошен; еще у одного была повреждена система гидравлики. Беквит пришел к выводу, что миссия не жизнеспособна, и получил разрешение от президента на отмену. Когда вертолеты возвращались на Нимиц, один из них подлетел слишком близко к заправочному самолету C-130, в результате чего произошел взрыв, в результате которого пострадали оба самолета и погибли восемь американских военнослужащих¹⁹⁴⁹.

¹⁹⁴⁶ 'NSC on Afghanistan', Fritz Ermath to Brzezinski, цитируется по Emery, 'Iran Sanctions', p. 379.

¹⁹⁴⁷ 'The State of the Union. Address Delivered Before a Joint Session of the Congress', 23 January 1980, p. 197.

¹⁹⁴⁸ M. Bowden, *Guests of the Ayatollah: The First Battle in America's War with Militant Islam* (2006), pp. 359–361.

¹⁹⁴⁹ J. Kyle and J. Eidson, *The Guts to Try: The Untold Story of the Iran Hostage Rescue Mission by the On-Scene Desert*

Эта катастрофа стала использоваться в пропагандистских целях. Хомейни, что было неудивительно, говорил о ней как о божественном вмешательстве¹⁹⁵⁰. Многие с изумлением наблюдали за провальной операцией. Тот факт, что США не удалось добиться освобождения заложников путем переговоров или силой, говорил о том, что мир изменился. Еще до провала спасательной миссии некоторые из советников президента чувствовали, что необходимо действовать решительно, чтобы не выглядеть бессильно. «Нам нужно сделать что-то, – говорил Збигнев Бжезинский, советник президента по национальной безопасности, – успокоить Египет, Саудовскую Аравию и другие страны на Аравийском полуострове, чтобы показать, что США готовы отстаивать свою власть». И это означало установление «видимого военного присутствия в регионе»¹⁹⁵¹.

Не только США пытались найти ответ на бурные события, который позволил бы защищать собственные интересы и репутацию. 22 сентября Ирак внезапно напал на Иран, были предприняты бомбардировки иранских аэродромов и трехстороннее наземное вторжение, целью которого стали провинция Хузестан и города Абадан и Хорремшехр. У иранцев не было никаких сомнений в том, кто стоит за этим нападением. «Из рукавов Саддама, – негодовал Хомейни, – появились руки Америки»¹⁹⁵². Нападение, заявил президент Банисадр, явилось результатом американо-ирако-израильского генерального плана, цели которого описывались по-разному: как попытки свергнуть исламское правительство, чтобы восстановить шаха, или заставить Иран распасться на пять республик. В любом случае, утверждал он, Вашингтон предоставил иракцам план вторжения¹⁹⁵³.

Хотя идея о том, что США стояли за нападением, была высказана некоторыми комментаторами и повторена многими другими, существует мало убедительных доказательств того, что это действительно было так. Наоборот, источники, которые включали в себя миллионы страниц документов, аудиозаписей и расшифровок, добытых в президентском дворце в Багдаде в 2003 году, твердо указывали на то, что Саддам действовал в одиночку, выбирая подходящий момент для нанесения удара по своему непостоянному соседу, с которым он имел счеты после того, как выступил не на той стороне во время урегулирования территориального вопроса за пять лет до этого¹⁹⁵⁴. Эти документы показывают нарастающую активность в сборе информации иракской разведкой за несколько месяцев до нападения, в то время как мысли в Багдаде обратились к внезапному вторжению¹⁹⁵⁵.

Саддамом также двигало сильное ощущение незащищенности и мания величия. Он был одержим Израилем и бессилием арабов, желанием победить страну, которая была «продолжением Соединенных Штатов Америки и Англии», и в то же время жаловался, что любые агрессивные действия, предпринятые арабами против Израиля, приведут к решению принять ответные меры против Ирака на Западе. Если мы нападём на Израиль, предупреждал он своих старших офицеров, американцы «сбросят на нас атомную бомбу». «Первой целью» действий Запада, отметил он, «будет Багдад, а не Дамаск или Амман»¹⁹⁵⁶.

Commander (New York, 1990); а также P. Ryan, *The Iranian Rescue Mission: Why It Failed* (Annapolis, 1985).

¹⁹⁵⁰ S. Mackey, *The Iranians: Persia, Islam and the Soul of a Nation* (New York, 1996), p. 298.

¹⁹⁵¹ Brzezinski to Carter, 3 January 1980, in H. Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran: Was There a Green Light?', *Cold War History* 12.2 (2012), pp. 322–323; также см. O. Njølstad, 'Shifting Priorities: The Persian Gulf in US Strategic Planning in the Carter Years', *Cold War History* 4.3 (2004), pp. 30–38.

¹⁹⁵² R. Takeyh, 'The Iran-Iraq War: A Reassessment', *Middle East Journal* 64 (2010), p. 367.

¹⁹⁵³ A. Bani-Sadr, *My Turn to Speak: Iran, the Revolution and Secret Deals with the US* (Washington, DC, 1991), pp. 13, 70–71; D. Hiro, *Longest War: The Iran-Iraq Military Conflict* (New York, 1991), pp. 71–72; S. Fayazmanesh, *The United States and Iran: Sanctions, Wars and the Policy of Dual Containment* (New York, 2008), pp. 16–17.

¹⁹⁵⁴ Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran', pp. 321–337.

¹⁹⁵⁵ K. Woods and M. Stout, 'New Sources for the Study of Iraqi Intelligence during the Saddam Era', *Intelligence and National Security* 25.4 (2010), p. 558.

¹⁹⁵⁶ Transcript of a Meeting between Saddam Hussein and his Commanding Officers at the Armed Forces General Command', 367

Следовательно, предпринятая атака имела смысл: нападение на Израиль поставило бы Ирак под угрозу уничтожения, таким образом, в приоритете должно было стоять нападение на Иран.

Связи Израиля и Ирана часто озвучивались в публичных речах Саддама и ведущих представителей иракского руководства, которые возбужденно ссылались на принятие Ираком лидерства над арабами во всем мире. Нападение на Иран в 1980 году было представлено как заявление прав на земли, которые «вымогались» во время территориального урегулирования 1975 г. Это могло дать надежду другим, объявил Саддам своим высокопоставленным чиновникам, и побудить «всех людей», у которых были отобраны земли, подняться и заявить о том, что принадлежит им по праву, – это сообщение было предназначено прежде всего для палестинцев¹⁹⁵⁷. Саддам убедил себя в том, что вторжение в Иран могло способствовать делу арабов повсеместно. Ввиду такой извращенной логики было неудивительно, что премьер-министр Израиля Менахем Бегин описывал Ирак как «наиболее безответственный арабский режим, за исключением, возможно, Каддафи»¹⁹⁵⁸.

Саддама раздражала сама мысль о революции в Иране, он негодовал, говоря о том, что удаление шаха и подъем Хомейни были «полностью американским решением». Волнения стали началом большого плана США, заявил он, которые будут использовать мусульманских духовных лиц, «чтобы напугать людей в Персидском заливе, чтобы получить влияние и воздействовать на ситуацию в регионе» так, как американцы сочтут нужным¹⁹⁵⁹. Подобная паранойя перемежалась с моментами просветления, например, когда иракский лидер сразу понял значение советских действий в Афганистане и что это может означать для Ирака. Поступит ли СССР точно так же в будущем, чтобы заполучить Багдад, спрашивал он, создадут ли Советы марионеточное правительство и в Ираке «под предлогом оказания помощи»? «Так ли, – спросил он Москву, – вы будете относиться к другим своим друзьям в будущем?»¹⁹⁶⁰

Его опасения только росли, в то время как в СССР работали над увеличением антиамериканских настроений в Иране и установлением тесных связей с Хомейни и его окружением¹⁹⁶¹. Саддам понимал, что это было потенциально опасно и что Ирак может быть выброшен Москвой за борт в пользу его соседа. «Советское проникновение в регион... должно быть сдержано», – сообщил он дипломатам из Иордании в 1980 году¹⁹⁶². Чувствуя, что изоляция усиливается, он был готов отвернуться от своих советских покровителей, которые стояли за его приходом к власти в 1970-е годы.

Его разочарование было одной из причин, почему Советский Союз не был проинформирован о предстоящем нападении до того дня, когда оно началось, и в результате он получил ледяной комментарий из Москвы¹⁹⁶³. По данным иракской разведки, на тот момент Иран страдал от «удушья экономического кризиса» и не был в состоянии «полномасштабно защищать себя (сам)», и это было слишком хорошей возможностью, чтобы ее упустить¹⁹⁶⁴.

22 November 1980, цитируется по H. Brands and D. Palkki, 'Saddam Hussein, Israel, and the Bomb: Nuclear Alarmism Justified?', *International Security* 36.1 (2011), pp. 145–146.

¹⁹⁵⁷ 'Meeting between Saddam Hussein and High-Ranking Officials', 16 September 1980, in K. Woods, D. Palkki and M. Stout (eds), *The Saddam Tapes: The Inner Workings of a Tyrant's Regime* (Cambridge, 2011), p. 134.

¹⁹⁵⁸ Цитируется по Brands and Palkki, 'Saddam, Israel, and the Bomb', p. 155.

¹⁹⁵⁹ 'President Saddam Hussein Meets with Iraqi Officials to Discuss Political Issues', November 1979, in Woods, Palkki and Stout, *Saddam Tapes*, p. 22.

¹⁹⁶⁰ Цитируется по Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran', p. 331. О параноидальных взглядах Саддама см. K. Woods, J. Lacey and W. Murray, 'Saddam's Delusions: The View from the Inside', *Foreign Affairs* 85.3 (2006), pp. 2–27.

¹⁹⁶¹ J. Parker, *Persian Dreams: Moscow and Teheran since the Fall of the Shah* (Washington, DC, 2009), pp. 6–10.

¹⁹⁶² Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran', p. 331.

¹⁹⁶³ O. Smolansky and B. Smolansky, *The USSR and Iraq: The Soviet Quest for Influence* (Durham, NC, 1991), pp. 230–234.

¹⁹⁶⁴ 'Military Intelligence Report about Iran', 1 July 1980, цитируется по Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and

Падение шаха привело в движение экстраординарную цепь событий. К концу 1980 года весь центр Азии находился в постоянном движении. Будущее Ирана, Ирака и Афганистана находилось в руках их лидеров и зависело от их выбора, а также от вмешательства внешних сил. Предугадать, каким путем пойдет каждая из этих стран, не говоря уже о регионе в целом, было практически невозможно. С точки зрения США, наилучшим решением было пытаться выкарабкаться, играя за все стороны. Результаты были катастрофическими: семена антиамериканских настроений были посажены еще в начале XX века, и было неизбежно, что они вырастут в полнокровную ненависть, однако именно политические решения США за последние два десятилетия XX века послужили отправной точкой для формирования отношения к Америке всех стран, находящихся между Средиземноморьем и Гималаями.

Несомненно, Соединенные Штаты имели все возможности для действий в 1980-х годах. Вначале иракское нападение казалось благословением для американских политиков, которые видели в агрессии Саддама Хусейна возможность открыть переговоры с Тегераном. Советник президента Картера по национальной безопасности Бжезинский не делал секрета из того, что иракское нападение было потенциально позитивным событием. Оно позволяло оказать давление на Иран с целью освобождения заложников, отмечал старший консультант, участвовавший в кризисных встречах, которые происходили в этот период¹⁹⁶⁵. Давление на режим Хомейни усиливалось вследствие того, что для отражения нападения он остро нуждался в запасных частях для военной техники, которые ранее приобретались в США. Иранцы были уведомлены, что Вашингтон может решить предоставить соответствующие материалы, стоимость которых составляла сотни миллионов долларов, в том случае, если будут освобождены заложники. Тегеран просто проигнорировал это предложение, которое было одобрено лично президентом США¹⁹⁶⁶. Уже не в первый раз Иран был на шаг впереди: его агенты оказались столь находчивы, что закупили все необходимые запасные части в других странах, в том числе во Вьетнаме, который имел большие запасы американского оборудования, захваченного во время войны¹⁹⁶⁷.

В Иран также поступали большие объемы поставок из Израиля, который заявлял, что Саддам Хусейн должен быть остановлен любой ценой. Готовность иранцев и израильтян сотрудничать друг с другом была удивительной во многих отношениях, особенно учитывая унижительный тон, в котором Хомейни регулярно говорил о евреях и Израиле. «Ислам и исламские люди впервые столкнулись с диверсантами в еврейском народе, который находится у истоков всех антиисламских наветов и интриг», – писал он в 1970 году¹⁹⁶⁸. Теперь Иран и Израиль вели себя как маловероятные компаньоны благодаря вмешательству Саддама Хусейна.

Это было одной из причин, почему заявления Хомейни в отношении меньшинств и других религий смягчились в начале 1980-х годов, когда он отождествлял иудаизм как о «почетной религии, возникшей среди простого народа», хотя и делал различия с сионизмом, который в его глазах был по крайней мере политическим (и эксплуататорским) движением, по своей сути противоречащим религии. Эти изменения в отношении к религии были

the Invasion of Iran', p. 334; а также H. Brands, 'Why Did Saddam Hussein Invade Iran? New Evidence on Motives, Complexity, and the Israel Factor', *Journal of Military History* 75 (2011), pp. 861–865; H. Brands, 'Saddam and Israel: What Do the New Iraqi Records Reveal?', *Diplomacy & Statecraft* 22.3 (2011), pp. 500–520.

¹⁹⁶⁵ Brands, 'Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran', p. 323.

¹⁹⁶⁶ Sick, *All Fall Down*, pp. 313–314; J. Dumbrell, *The Carter Presidency: A Re-Evaluation* (Manchester, 2005), p. 171.

¹⁹⁶⁷ Brzezinski, *Power and Principle*, p. 504.

¹⁹⁶⁸ J.-M. Xaviere (tr.), *Sayings of the Ayatollah Khomeini: Political, Philosophical, Social and Religious: Extracts from Three Major Works by the Ayatollah* (New York, 1980), pp. 8–9.

настолько велики, что Исламская Республика Иран даже выпустила почтовые марки с силуэтом Иисуса Христа и стих из Корана, написанный на армянском языке¹⁹⁶⁹.

Дело было не только в продаже оружия, Израиль и Иран сотрудничали также и в сфере военных действий. Одной из конкретных целей был представляющий взаимный интерес иракский ядерный реактор «Осирак». По словам одного сотрудника разведки, нападение на этот объект было обсуждено иранскими и израильскими представителями в ходе тайных переговоров в Париже еще до того, как Саддамом было предпринято нападение¹⁹⁷⁰. Всего через неделю после того, как Ирак начал атаку на Иран, реактор стал объектом дерзкого рейда четырех иранских истребителей «Фантом» F-4, целью которых были научно-исследовательские лаборатории и здание управления. Восемь месяцев спустя, в июне 1981 года, израильские летчики превзошли всех, сильно повредив реактор, когда возникли опасения, что положение может стать критическим¹⁹⁷¹.

Нападение на Иран должно было стать коротким и принести славную победу. Вначале, даже несмотря на нападение на «Осирак», с точки зрения Багдада все выглядело многообещающе. Время шло, и всеобщее внимание обратилось к Ираку. СССР наказали Саддама за его односторонние действия, отказав в поставках оружия и приостановив его отправку, и иракский лидер был сильно расстроен отсутствием каких-либо вариантов. Откровенно признавая, что ход войны не соответствует ожиданиям, он регулярно собирал своих приближенных, чтобы пожаловаться им, озвучивая надуманные международные заговоры, которые могли бы объяснить его неудачи.

Однако причина была в том, что противники иракцев все чаще превосходили их в тактике ведения боевых действий и вооружении. Однажды, в середине 1981 года, Саддам почти тоскливо обратился к своим генералам: «Давайте сейчас попробуем купить оружие на черном рынке. Неужели мы не можем добиться того, что могут иранцы?»¹⁹⁷² Иран действительно доказал, что может быть находчивым, быстро оправляться от неприятностей, и становился все более амбициозным. К лету 1982 года иранские войска не только сумели заставить иракцев покинуть территории, захваченные ими, но и сами проникли через границу. В специальном докладе разведки, подготовленном Агентством национальной безопасности США в июне того же года, описывалась вполне однозначная картина: «Ирак, по сути, проиграл войну с Ираном... иракцы в одиночку или в комбинации с другими арабами могут мало что сделать для изменения военной ситуации»¹⁹⁷³. Окрыленные успехом, иранцы теперь стремились распространить идею исламской революции и в других странах. Финансирование и материально-техническое обеспечение было предоставлено шиитскими радикальными силами в Ливане и таким организациям, как «Хезболла» («Партия Бога»), в то время как в Мекке были предприняты усилия по разжиганию беспорядков, а в Бахрейне спонсировался переворот. «Я думаю, что иранцы, несомненно, представляют серьезную угрозу странам Ближнего Востока, — заявлял министр обороны Каспар Вайнбергер в июле 1982 года. — Это страна, которой управляет кучка сумасшедших»¹⁹⁷⁴.

Как ни странно, возрастающие трудности, с которыми сталкивался Саддам Хусейн, были находкой для США. Хотя заложники из посольства, пробывшие в плену более года, были, наконец, выпущены из Тегерана после сделки, заключенной за кулисами, отношения США с Ираном зашли в тупик. В противоположность этому Советы продолжали обхажи-

¹⁹⁶⁹ E. Abrahamian, *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic* (London, 1989), p. 51.

¹⁹⁷⁰ T. Parsi, *The Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Iran, Israel and the United States* (New Haven, 2007), p. 107.

¹⁹⁷¹ R. Claire, *Raid on the Sun: Inside Israel's Secret Campaign that Denied Saddam Hussein the Bomb* (New York, 2004).

¹⁹⁷² Woods, Palkki and Stout, *Saddam Tapes*, p. 79.

¹⁹⁷³ 'Implications of Iran's Victory over Iraq', 8 June 1982, National Security Archive.

¹⁹⁷⁴ *The Times*, 14 July 1982.

вать Хомейни, как с тревогой отмечали в ЦРУ. Казалось, что СССР обгоняют Америку по всем параметрам, особенно учитывая очевидный успех в Афганистане, где советские войска заняли города и основные коммуникационные пути и по крайней мере внешне контролировали ситуацию. Дипломатическое давление на Советский Союз, включая бойкот Олимпийских игр в 1980 году в Москве, не смогло принести каких-либо ощутимых результатов. С точки зрения Вашингтона, надежды было мало, пока не стало ясно, что политики хорошо продвинулись в поддержке Саддама.

Как позже выразился госсекретарь Джордж Шульц, если Ирак продолжит отступать, страна может легко разрушиться, что было бы «стратегическим бедствием для Соединенных Штатов»¹⁹⁷⁵.

В дополнение к суматохе, которая началась бы в Персидском заливе и на Ближнем Востоке в целом, это привело бы к усилению Тегерана, который вышел бы на международные рынки нефти. Медленно, но верно появлялась новая стратегия поведения. США решили сделать основную ставку на Ирак; на этом «поле» шансы Вашингтона на то, чтобы оказывать влияние на положение в самом центре Азии, были наиболее высоки. Помощь Саддаму, как способ противодействия продвижению Ирана и Советского Союза, также оставалась в силе.

Поддержка осуществлялась в нескольких формах. После удаления Ирака из списка государств – спонсоров терроризма США помогали поддерживать его экономику, увеличили финансовый кредит для поддержки сельскохозяйственного сектора, что изначально позволило Саддаму закупить невоенную технику, а затем и технику «двойного назначения», как, например, тяжелые грузовики, которые могли быть использованы для транспортировки оборудования на линии фронта. Правительствам стран Западной Европы было рекомендовано продавать оружие в Багдад, в то время как американские дипломаты работали над тем, чтобы убедить другие региональные державы, такие как Кувейт и Саудовская Аравия, помочь финансировать военные кампании Ирака. Разведданные, собранные агентами США, передавались в Багдад, часто через короля Иордании Хусейна, доверенного посредника¹⁹⁷⁶. Администрация США при президенте Рейгане также помогла увеличению экспорта иракской нефти и, как следствие, доходов путем поощрения и содействия в расширении трубопроводов в Саудовскую Аравию и Иорданию. Это помогло решить проблему транспортировки нефти через Персидский залив, вызванную войной с Ираном, и должно было «исправить ирано-иракский нефтяной экспортный дисбаланс», другими словами, «выровнять игровое поле»¹⁹⁷⁷.

Кроме того, начиная с конца 1983 года были предприняты активные шаги по сокращению продажи оружия и запасных частей в Иран в попытке остановить его военные продвижения, в частности в ходе операции, названной «Непоколебимость». Американские дипломаты были проинструктированы просить принимающие страны «рассмотреть вопрос о прекращении любых поставок военной техники любого происхождения, которые могут осуществляться между вашей страной и Ираном», пока перемирие в Персидском заливе не будет согласовано. Дипломаты должны были подчеркивать, что борьба «угрожала всем интересам», было крайне важно, говорилось в призыве, «снизить возможности Ирана продолжать войну»¹⁹⁷⁸.

¹⁹⁷⁵ G. Shultz, *Turmoil and Triumph: Diplomacy, Power and the Victory of the American Deal* (New York, 1993), p. 235.

¹⁹⁷⁶ B. Jentleson, *Friends Like These: Reagan, Bush, and Saddam, 1982–1990* (New York, 1994), p. 35; J. Hiltermann, *A Poisonous Affair: America, Iraq and the Gassing of Halabja* (Cambridge, 2007), pp. 42–44.

¹⁹⁷⁷ ‘Talking Points for Amb. Rumsfeld’s Meeting with Tariq Aziz and Saddam Hussein’, 14 December 1983, цитируется по B. Gibson, *Covert Relationship: American Foreign Policy, Intelligence and the Iran-Iraq War, 1980–1988* (Santa Barbara, 2010), pp. 111–112.

¹⁹⁷⁸ Цитируется по Gibson, *Covert Relationship*, p. 113.

Эта мера была предназначена также и для того, чтобы заработать доверие иракцев и Саддама, который все еще относился к США и их мотивам с глубоким подозрением, даже после того как были предприняты все эти шаги¹⁹⁷⁹. Когда президент Рейган отправил своего посла по особым поручениям Дональда Рамсфелда в Багдад в конце 1983 года, одной из явных целей последнего было «начать диалог и установить личный контакт» с Саддамом Хусейном.

Как отмечал Рамсфелд в своих отчетах, он должен был убедить иракского лидера в том, что США «посчитают любое серьезное изменение состояния Ирака стратегическим поражением для Запада»¹⁹⁸⁰. Миссия Рамсфелда была оценена как успешная и американцами, и иракцами. Кроме того, это был «хороший толчок», по мнению саудовцев, которые также были обеспокоены распространением Хомейни шиитского ислама на Ближнем Востоке¹⁹⁸¹.

Образование союза с Ираком было столь важно, что Вашингтон был готов не придавать значения применению Саддамом химического оружия, что, как говорилось в одном докладе, было «почти ежедневным» явлением¹⁹⁸². Усилия по удерживанию иракцев от его использования должны быть предприняты, но в частном порядке, чтобы «избежать неприятной для Ирака публичной огласки»¹⁹⁸³. Было также отмечено, что критика применения химического оружия (строго запрещенного Женевским протоколом 1925 года) приведет к пропагандистской победе Ирана и не поможет снижению напряженности. США пытались предотвратить поставки химических веществ, используемых для производства горчичного газа, и лоббировали оказание давления на иракцев, чтобы прекратить использование ими химикатов на поле боя, особенно после того как Иран примкнул к Организации объединенных наций в октябре 1983 года¹⁹⁸⁴.

Тем не менее, даже когда стало очевидно, что отравляющий газ был применен против Ирана в ходе наступления на Бадр в 1985 году, на публике не прозвучало никакой критики, кроме успокаивающих заявлений о том, что США решительно возражают против использования химического оружия¹⁹⁸⁵. Таким образом, было крайне неудобно, что практически весь производственный потенциал Ирака, как указал один высокопоставленный американский чиновник, «в основном [получен] от западных фирм, включая, возможно, иностранную дочернюю компанию США». Не нужно было много времени, чтобы понять, что это вызовет неудобные вопросы о соучастии в приобретении и использовании химического оружия Саддамом¹⁹⁸⁶.

Со временем стихли даже самые сдержанные комментарии общественности и переговоры с высокопоставленными иракскими чиновниками о химическом оружии, которые проводились в частном порядке. В середине 1980-х годов, когда в докладах Организации

¹⁹⁷⁹ H. Brands and D. Palkki, 'Conspiring Bastards: Saddam Hussein's Strategic View of the United States', *Diplomatic History* 36.3 (2012), pp. 625–659.

¹⁹⁸⁰ 'Talking Points for Ambassador Rumsfeld's Meeting with Tariq Aziz and Saddam Hussein', 4 December 1983, cited by Gibson, *Covert Relationship*, p. 111.

¹⁹⁸¹ Gibson, *Covert Relationship*, pp. 113–118.

¹⁹⁸² Admiral Howe to Secretary of State, 'Iraqi Use of Chemical Weapons', 1 November 1983, цитируется по Gibson, *Covert Relationship*, p. 107.

¹⁹⁸³ Цитируется по Z. Fredman, 'Shoring up Iraq, 1983 to 1990: Washington and the Chemical Weapons Controversy', *Diplomacy & Statecraft* 23.3 (2012), p. 538.

¹⁹⁸⁴ Совет безопасности ООН принял Резолюцию – 540, призывающую прекратить военные операции, но не упоминавшую химическое оружие. По словам одного высокопоставленного представителя ООН, когда генеральный секретарь Хавьер Перес де Куэльяр поднял вопрос о рассмотрении этого вопроса, «он столкнулся с антарктически холодной атмосферой; Совет безопасности ничего не хотел слышать». Hiltermann, *A Poisonous Affair*, p. 58. Также см. здесь Gibson, *Covert Relationship*, pp. 108–109.

¹⁹⁸⁵ Fredman, 'Shoring up Iraq', p. 539.

¹⁹⁸⁶ 'Iraqi Use of Chemical Weapons', in Gibson, *Covert Relationship*, p. 108.

объединенных наций появились выводы о том, что Ирак использовал химические вещества против своих собственных мирных жителей, США ответили молчанием. Бросалось в глаза полное отсутствие осуждения целой волны жестокости по отношению к курдскому населению Ирака со стороны Саддама. Это было отмечено и американскими военными, которые сообщали, что «химические вещества» широко использовались против гражданских целей. Ирак был более важен для Соединенных Штатов, чем принципы международного права и, тем более, чем жертвы¹⁹⁸⁷.

Точно так же мало было сказано и сделано для того, чтобы свернуть ядерную программу в Пакистане, из-за повышенной стратегической ценности страны после советского вторжения в Афганистан. По всему земному шару права человека были отодвинуты на второй план ради интересов США. Уроки дореволюционного Ирана не были усвоены: Соединенные Штаты, возможно, не стремились поощрять плохое поведение, однако это было неизбежной платой за поддержку диктаторов и тех, кто готов истязать свое собственное население или намеревается спровоцировать своих соседей, а также за уменьшение репутационного ущерба¹⁹⁸⁸.

В данном случае речь шла о помощи, оказываемой боевикам в Афганистане, которые выступали против советского вторжения и стали известны в западной прессе под общим названием «моджахеды», что буквально означает «те, кто занят джихадом». На самом деле это было пестрое собрание, состоящее из националистов, бывших армейских офицеров, религиозных фанатиков, племенных вождей, оппортунистов и наемников. Они в некоторых случаях были соперниками, которые соревновались друг с другом за рекрутов, деньги и оружие, в том числе тысячи полуавтоматических винтовок и РПГ-7 (реактивных гранатометов), которые были поставлены ЦРУ еще с начала 1980 года, в основном через Пакистан.

Несмотря на всю свою организационную несогласованность, сопротивление безжалостной мощи советской военной машины оказалось выматывающим и деморализующим. Террористические атаки стали неотъемлемыми элементами жизни в крупных городах, а также вдоль шоссе Саланг, пути, который вел из Узбекистана на юг, в Герат и Кандагар. Он был главной артерией, по которой войска и техника поступали в Афганистан из СССР. В отчетах, отправляемых обратно в Москву, отмечался тревожный рост числа враждебных инцидентов, а также трудности идентификации преступников: повстанцы были тщательно проинструктированы. В памятке говорилось, что они должны слиться с местным населением, чтобы их не могли обнаружить¹⁹⁸⁹.

Растущий успех афганских повстанцев впечатлял. В 1983 году, например, отряд во главе с Джалалуддином Хаккани смог захватить два танка Т-55 вместе с оружием, которое включало зенитные орудия, ракетные пусковые установки и гаубицы, защищавшие туннели вблизи Хоста недалеко от границы с Пакистаном. Теперь они использовались во время нападений на конвои, проходящие по автомобильным дорогам. Это позволяло осуществлять эффективную пропаганду, которая помогла убедить местное население в том, что руки могут сокрушить СССР в крови¹⁹⁹⁰.

Подобные триумфы деморализовали советские войска, которые отреагировали достаточно жестоко. Некоторые писали о «жажде крови» и неутолимой жажде мести, возникавшей при виде погибших и раненых товарищей. Репрессии были ужасными: убивали детей,

¹⁹⁸⁷ Fredman, 'Shoring Up Iraq', p. 542.

¹⁹⁸⁸ A. Neier, 'Human Rights in the Reagan Era: Acceptance by Principle', *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 506.1 (1989), pp. 30–41.

¹⁹⁸⁹ Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 201–202, и M. Bearden and J. Risen, *Afghanistan: The Main Enemy* (New York, 2003), pp. 227, 333–336.

¹⁹⁹⁰ Braithwaite, *Afgantsy*, p. 214; Гай Д., Снегирев В. Вторжение. – М., 1991. – С. 139.

насиловали женщин, а каждый гражданский подозревался в принадлежности к моджахедам. Это создало порочный круг, в который вовлекались все больше и больше афганцев, поддерживавших повстанцев¹⁹⁹¹. По словам одного из комментаторов, на советских командиров это действовало отвращающе. Становилось понятно, что сокрушительная мощь Красной армии не смогла сломать неуловимого, хоть и скоординированного врага¹⁹⁹².

Сила повстанцев впечатлила США, для которых советская экспансия в Афганистане больше не являлась проблемой. К началу 1985 года мысли обратились к победе над СССР и выводу Советов из страны в целом¹⁹⁹³. В марте президент Рейган подписал Директиву о национальной безопасности – 166, в которой говорилось, что «конечной целью политики (США) является удаление советских войск из Афганистана». Для того чтобы добиться этого, необходимо было повысить военную эффективность афганского сопротивления¹⁹⁹⁴. Что это означало, стало ясно очень скоро – были резко увеличены объемы оружия, поставляемого повстанцам. Это решение вызвало продолжительную дискуссию о том, нужно ли включать в эти поставки ракеты Stinger – грозные переносные пусковые установки, способные сбивать самолеты в диапазоне трех миль, обладавшие значительно большей точностью, чем другие виды оружия¹⁹⁹⁵.

Бенефициарами этой новой политики были такие люди, как Джалалуддин Хаккани, чьи достижения в борьбе с советской властью и религиозная преданность настолько убедили американского конгрессмена Чарли Уилсона, который позже стал героем блестящего голливудского блокбастера «Война Чарли Уилсона» (2007 года), что он описывал его как «самую доброту». Принимая во внимание доступ к более широкому ассортименту вооружения, Джалалуддин смог разработать свою собственную позицию на юге Афганистана. Его бескомпромиссные взгляды были подкреплены военными успехами, что стало возможным благодаря потоку американского оружия после 1985 года. Это не означало, что он был лоялен по отношению к США. На самом деле он должен был стать бельмом на глазу Америки: после событий 11 сентября 2001 года он был назван третьим самым разыскиваемым человеком в Афганистане¹⁹⁹⁶.

Таким образом, США поддерживали около пятидесяти командиров, выплачивая им фиксированную сумму в размере 20 000–100 000 долларов в месяц в зависимости от результатов и общественного положения.

В результате проявления симпатии Саудовской Аравии к заявлениям воинствующего ислама, пропагандируемого сопротивлением, и желания помочь преследуемым мусульманам было существенное увеличение денежного потока из Саудовской Аравии в поддержку моджахедов. Мужчины из Саудовской Аравии, которые следовали своей совести и сражались в Афганистане, очень высоко ценились. Усама бен Ладен, человек с хорошими связями, красноречивый и очень обаятельный, прекрасно подходил для распределения крупных денежных сумм от саудовских благотворителей. Доступ к этим ресурсам позволил ему стать важной фигурой в движении моджахедов в целом¹⁹⁹⁷. Однако значение этого стало очевидным позже.

Поддержка сопротивления со стороны Китая также имела долгосрочные последствия. Китай заявил о своей оппозиции к советскому вторжению еще в самом начале, предвидя

¹⁹⁹¹ Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 228–229.

¹⁹⁹² Там же, p. 223.

¹⁹⁹³ J. Hershberg, 'The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair: Missing Links?', *Cold War History* 3.3 (2003), p. 27.

¹⁹⁹⁴ National Security Decision Directive 166, 27 March 1985, National Security Archive.

¹⁹⁹⁵ Hershberg, 'The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair', 28; а также H. Teicher and G. Teicher, *Twin Pillars to Desert Storm: America's Flawed Vision in the Middle East from Nixon to Bush* (New York, 1993), pp. 325–326.

¹⁹⁹⁶ Braithwaite, *Afgantsy*, p. 215.

¹⁹⁹⁷ Coll, *Ghost Wars*, pp. 161–162, 71–88.

неудобные последствия экспансионистской политики. Действия СССР в 1979 году были «угрозой миру и безопасности в Азии и во всем мире», как писали в одной ежедневной китайской газете того времени; Афганистан – не настоящая цель для Советов, которые намеревались использовать страну просто как «трамплин для продвижения на юг к Пакистану и всему субконтиненту»¹⁹⁹⁸.

Те, кто оказывал сопротивление советской армии, активно поддерживались Бейджином, включая поставки оружия в объемах, которые постоянно увеличивались с 1980-х годов. На самом деле, когда американские войска захватили талибов и базы «Аль-Каиды» в Тора-Бора в 2001 году, они обнаружили большие запасы китайских реактивных гранатометов и многоствольных ракетных пусковых установок, наряду с минами и винтовками, которые были направлены в Афганистан еще два десятилетия назад. Помимо шагов, о которых им пришлось пожалеть, китайцы также набирали и обучали уйгурских мусульман, прежде чем помочь им вступить в контакт с моджахедами и присоединиться к ним¹⁹⁹⁹. Радикализация Западного Китая создает проблемы до сих пор.

Мощное покровительство помогало борьбе против Красной армии, Советы обнаружили, что теряют позиции, а также несут серьезные потери оборудования, рабочей силы и денег. Весной 1986 года за пределами Кабула были взорваны примерно 40 000 тонн контрабандных боеприпасов на сумму около 250 миллионов долларов. Потом был успех американских ракет Stinger, которые сбили три вертолета Ми-24 возле Джелалабада в 1986 году. Они оказались настолько эффективны, что от использовавшегося подхода прикрытия операций с воздуха пришлось отказаться: советские летчики были вынуждены изменить способ посадки, а на миссии все чаще вылетали в ночное время, чтобы уменьшить вероятность быть сбитыми²⁰⁰⁰.

В середине 1980-х годов с точки зрения Вашингтона все выглядело радужно. Значительные усилия были затрачены на обработку Саддама Хусейна и укрепление доверия с Ираком; ситуация в Афганистане также улучшалась, так как советские войска были вынуждены обороняться и в конечном итоге к началу 1989 года покинули страну. В любом случае, США удалось не только предотвратить попытки Москвы распространить свое влияние и авторитет в центре Азии, но и построить свои собственные, новые сети, приспособившись к обстоятельствам. Это был просто позор, гласил один из отчетов разведки, написанный весной 1985 года, учитывая «историческое и геостратегическое значение Ирана», отношения между Вашингтоном и Тегераном недостаточны²⁰⁰¹. Действительно, годом ранее Иран был официально назван «государством – спонсором терроризма», что означало общий запрет на экспорт и продажу оружия, строгий контроль технологий и оборудования двойного назначения, а также множество финансовых и экономических ограничений.

К сожалению, как отмечалось в другом отчете, написанном примерно в то же время, у США нет «ни одной карты на руках» для «игры» с Ираном; возможно, стоит действовать «смелее и проводить более рискованную политику», как предлагал автор²⁰⁰². Выгоды были очевидны для обеих сторон. Так как Хомейни был уже стар и немощен, Вашингтон стремился определить следующее поколение лидеров, которое сможет занять главенствующие позиции. По некоторым данным, в иранской политической системе действовала «фракция умеренных», которые были готовы добиваться сближения с США. Взаимодействие с этими

¹⁹⁹⁸ *Beijing Review*, 7 January 1980.

¹⁹⁹⁹ M. Malik, *Assessing China's Tactical Gains and Strategic Losses Post-September 11* (Carlisle Barracks, 2002), цитируется по S. Mahmud Ali, *US – China Cold War Collaboration: 1971–1989* (Abingdon, 2005), p. 177.

²⁰⁰⁰ Braithwaite, *Afgantsy*, pp. 202–203.

²⁰⁰¹ Цитируется по Teicher and Teicher, *Twin Pillars to Desert Storm*, p. 328.

²⁰⁰² 'Toward a Policy in Iran', in *The Tower Commission Report: The Full Text of the President's Special Review Board* (New York, 1987), pp. 112–115.

«умеренными» могло способствовать укреплению связей, которые стали бы полезными в будущем. Возникли надежды, что Иран может помочь обеспечить освобождение западных заложников, которые были взяты воинствующими террористами «Хезболлы» в Ливане в начале 1980-х годов²⁰⁰³.

У Ирана был более конструктивный подход к тому, что его привлекало. Ситуация в Афганистане, где уживались иранские и американские интересы, имела многообещающее начало и свидетельствовала о том, что сотрудничество не только возможно, но и может быть плодотворным. Кроме того, Иран стремится двигаться вперед, чтобы улучшить отношения и по другим причинам. Не в последнюю очередь потому, что с 1980-го года границу пересекли более чем 2 миллиона беженцев.

Такой приток беженцев в страну было сложно впитать, а это означало, что руководство в Тегеране было, возможно, в гораздо большей степени готово развивать дружеские отношения, которые позволили бы уменьшить нестабильность в регионе²⁰⁰⁴. Между тем Иран испытывал сложности с поиском источника военной техники, когда шли тяжелые бои с Ираком. Несмотря на то что все оборачивалось в его пользу и совершались обширные закупки оружия на черном рынке, обеспечение оружием и запасными частями из США становилось все более привлекательным²⁰⁰⁵. Была осуществлена подготовка к проведению переговоров.

Первые встречи прошли в атмосфере раздражительности и непонимания. Исполнившись решимости одержать победу над иранцами, американцы представили то, что, как выяснилось позже, было «одновременно реальными и ложными разведанными» о советских намерениях в отношении Ирана, которые основывались прежде всего на предполагаемых территориальных планах СССР. Были предприняты попытки убедить Иран, что налаживание отношений с США имеет очевидные преимущества²⁰⁰⁶. Однако переговоры продолжались, речь зашла о вопросах, которые представляли особый интерес для Соединенных Штатов, например о боепригодности советского оборудования. Американцы всегда относились к подобным вопросам крайне внимательно, например, заплатили 5000 долларов за автомат АК-74, захваченный в Афганистане вскоре после того, как он был введен в эксплуатацию советской армией²⁰⁰⁷. Американцы внимательно выслушали мнение афганских боевиков о достоинствах, недостатках и уязвимых местах танка Т-72 и ударного вертолета Ми-24 «Крокодил»; они узнали о широком использовании Советами напалма и ядовитых газов, а также о специальных подразделениях «Спецназ», которые были особенно эффективными, вероятно, в результате того, что получали лучшую подготовку, чем бойцы регулярной Красной армии²⁰⁰⁸. Всего через два десятилетия эта информация стала очень ценной.

Произошла естественная элизия интересов Ирана и США. Заявление иранских переговорщиков о том, что «советская идеология прямо противоположна идеологии Ирана», было близко отношению к коммунизму американцев, которые были настроены в равной степени решительно. Тот факт, что СССР оказывает существенную военную помощь Ираку, в то время имел решающее значение. «Советы, – сказал один высокопоставленный деятель в ходе дискуссии, – убивают иранских солдат»²⁰⁰⁹. За несколько лет Иран и США, возможно, не прошли путь от худших врагов до лучших друзей, но они были готовы оставить разногласия

²⁰⁰³ H. Brands, 'Inside the Iraqi State Records: Saddam Hussein, "Irangate" and the United States', *Journal of Strategic Studies* 34.1 (2011), p. 103.

²⁰⁰⁴ H. Emadi, *Politics of the Dispossessed: Superpowers and Developments in the Middle East* (Westport, CT, 2001), p. 41.

²⁰⁰⁵ Hershberg, 'The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair', pp. 30–31.

²⁰⁰⁶ Там же, pp. 35, 37–39.

²⁰⁰⁷ M. Yousaf and M. Adkin, *The Bear Trap* (London, 1992), p. 150.

²⁰⁰⁸ 'Memorandum of Conversation, 26 May 1986', *Tower Commission Report*, p. 311–312; Hershberg, 'The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair', pp. 40, 42.

²⁰⁰⁹ Cited by Hershberg, 'The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair', p. 39.

позади и работать над достижением общей цели. Эта попытка найти путь между соперничающими великими державами являлась примером классической политики, которая была мгновенно узнаваема по опыту предыдущих поколений иранских дипломатов и руководителей.

Стремясь укрепить отношения, США начали поставки оружия в Иран в нарушение своего собственного эмбарго и несмотря на давление на правительства других государств не продавать оружие в Тегеран. Некоторые были против такого развития событий, в том числе госсекретарь Джордж Шульц, который заметил, что эта инициатива может привести к победе Ирана и «свежему приливу энергии для антиамериканских настроений по всему региону»²⁰¹⁰. Были и другие, которые утверждали, что это служило интересам США, а Иран и Ирак просто исчерпают друг друга сами. Ричард Мерфи, один из депутатов Шульца, заявил на слушаниях в Конгрессе за год до этого, что «победа (Ирана или Ирака) недостижима в военном аспекте и нежелательна в стратегическом» – эти же настроения были отражены в комментариях высокопоставленных чиновников Белого дома²⁰¹¹.

Первая партия из 100 противотанковых ракетных комплексов (TOW) была отправлена летом 1985 года. Оружие поставлялось через посредника, которому не терпелось упрочить связи с Тегераном, – Израиль²⁰¹². Дружественные отношения между ними кажутся удивительными с точки зрения людей, живущих в начале XXI века, когда иранские лидеры призывают к тому, чтобы Израиль был «стерт с карты». Но в середине 1980-х годов их отношения были настолько близки, что премьер-министр Израиля Ицхак Рабин мог сделать такое заявление: «Израиль – лучший друг Ирана, и мы не намерены менять свою позицию»²⁰¹³.

Готовность Израиля принять участие в программе вооружения США была во многом обусловлена его желанием поставить Ирак в положение, когда он вынужден будет сосредоточить свое внимание на восточном соседе, а не наблюдать за происходящим в других местах. Тем не менее в договоренностях с Ираном были свои тонкости. США сделали предложение Израилю принять участие в перевозках американских боеприпасов и оборудования в Тегеран с последующей компенсацией со стороны Вашингтона. Израильское правительство попросило – и получило – подтверждение того, что эта схема была разработана на самом высоком уровне в Соединенных Штатах. На самом деле она была одобрена лично президентом Рейганом²⁰¹⁴.

Между летом 1985 года и осенью 1986 года Иран получил несколько крупных поставок из США, в том числе более 2000 ракет системы TOW, восемнадцать зенитных ракет системы Hawk и две партии запасных частей для них²⁰¹⁵.

Не все из них были доставлены через Израиль, вскоре поставки стали делать напрямую, хотя в процессе этого воды намутили еще больше, чем когда доходы от продажи шли на обеспечение оппозиционеров в Никарагуа – «Контрас». С тех пор как произошел кубинский ракетный кризис, Вашингтон был напуган угрозой появления коммунизма на пороге Соединенных Штатов и стремился финансировать активные группы, способные эффективно бороться с пролевой риторикой и политикой и преодолевать свои сложности в тишине. Участники «Контрас», который на самом деле был свободной группировкой повстанцев, часто занятых ожесточенными конфликтами друг с другом, были основной аудиторией для

²⁰¹⁰ S. Yetiv, *The Absence of Grand Strategy: The United States in the Persian Gulf, 1972–2005* (Baltimore, 2008), p. 57.

²⁰¹¹ E. Hooglund, 'The Policy of the Reagan Administration toward Iran', in Keddie and Gasiorowski, *Neither East nor West*, p. 190. Другие примеры см. Brands, 'Inside the Iraqi State Records', p. 100.

²⁰¹² K. Woods, *Mother of All Battles: Saddam Hussein's Strategic Plan for the Persian Gulf War* (Annapolis, 2008), p. 50.

²⁰¹³ B. Souresrafil, *Khomeini and Israel* (London, 1988), p. 114.

²⁰¹⁴ *Report of the Congressional Committees Investigating the Iran-Contra Affair, with Supplemental, Minority, and Additional Views* (Washington, DC, 1987), p. 176.

²⁰¹⁵ О продаже оружия – *Report of the Congressional Committees Investigating the Iran-Contra Affair*, в разных местах.

насаждения американской антикоммунистической доктрины и политики внешней слепоты. Американские частные и правительственные мероприятия сильно отличались на Ближнем Востоке, помощь передавалась оппозиционным силам в Центральной Америке, несмотря на то что законодательство прямо запрещало правительству США совершать такие действия²⁰¹⁶.

Дело дошло до крайней точки в конце 1986 года, когда после целого ряда утечек стало ясно, что произойдет дальше. Скандал мог привести к свержению президента. 13 ноября президент Рейган выступил в прямом эфире в прайм-тайм, чтобы сделать обращение к нации по «чрезвычайно тонкому и глубоко важному вопросу о внешней политике». Это был решительный момент, когда от него требовалось использовать все его обаяние. Президент хотел избежать извинений или оправданий, но объяснял, что было сделано то, что нужно. Он идеально обрисовал значимость стран этого региона и потребность Америки оказывать влияние на все расходы.

«Иран, – заявил он ошеломленным зрителям, – расположен в одном из наиболее стратегически важных мест в мире». Он лежит между Советским Союзом и доступом к теплым водам Индийского океана. Такое расположение объясняет, почему Советский Союз послал войска в Афганистан, чтобы получить контроль над этой страной, а также, если бы это оказалось возможным, над Ираном и Пакистаном. География Ирана обуславливала его важность, которая позволяла противникам помешать перемещению нефтяных потоков из арабских государств, граничащих с Персидским заливом. Нефтяные месторождения Ирана имели важное значение для долгосрочного «оздоровления» мировой экономики. Это оправдывало «передачу небольшого количества оборонительного вооружения и запасных частей», заявил президент. Не указывая точно, что именно было отправлено в Тегеран, он отметил, что все «эти скромные поставки, взятые вместе, могут легко поместиться в один грузовой самолет». Все, что он пытался сделать, должно было «положить конец кровавой шестилетней войне» между Ираном и Ираком, он стремился «ликвидировать спонсируемый государством терроризм» и «осуществить безопасное возвращение всех заложников»²⁰¹⁷.

Этого выступления было явно мало, чтобы предотвратить сильные волнения в Вашингтоне, как только стало известно, что США продавали оружие Ирану, ведь это было очень похоже на торговлю ради возвращения американских заложников. Ситуация усугубилась, когда выяснилось, что те, кто был тесно связан с делом Иран-контрас, уничтожали документы, которые свидетельствовали о скрытых и незаконных действиях, санкционированных самим президентом. Рейган предстал перед комиссией, назначенной для рассмотрения дела, где он признал, что его память недостаточно хороша, чтобы вспомнить, санкционировал он поставки оружия в Иран или нет. В марте 1987 года он выступил с еще одним телеобращением, на этот раз чтобы выразить свой гнев по поводу «деятельности, осуществляемой без моего ведома». В этом заявлении он весьма вольно обращался с истиной, отмечая следующее: «Несколько месяцев назад я сказал американскому народу, что не торговал оружием за заложников. Мое сердце и мои лучшие намерения до сих пор говорят мне, что это правда, но факты и доказательства говорят другое»²⁰¹⁸.

Эти неудобные откровения имели последствия, которые отразились на администрации Рейгана. Целому ряду высокопоставленных чиновников вскоре были предъявлены обвинения в заговоре, начиная с дачи ложных показаний и заканчивая удержанием доказательств. Среди них были Каспар Вайнбергер, министр обороны; Роберт Макфарлейн, советник по

²⁰¹⁶ A. Hayes, 'The Boland Amendments and Foreign Affairs Deference', *Columbia Law Review* 88.7 (1988), pp. 1534–1574.

²⁰¹⁷ 'Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy', 13 November 1986, *PPPUS: Ronald Reagan, 1986*, p. 1546.

²⁰¹⁸ 'Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy', 4 March 1987, *PPPUS: Ronald Reagan, 1987*, p. 209.

национальной безопасности, а также его преемник, Джон Пойндекстер; Эллиот Абрамс, помощник министра обороны; и множество высокопоставленных сотрудников ЦРУ, в том числе Клер Джордж, заместитель директора отдела операций. Поименная переключка показала, насколько далеко готовы зайти США, чтобы обеспечить свое положение в самом центре мира²⁰¹⁹.

Однако обвинения оказались не более чем ширмой: позже основные действующие лица получили президентское помилование от Джорджа Буша старшего, остальные обвинения были сняты в канун Рождества 1992 года. «Вне зависимости от того, были их действия правильными или нет, – говорилось в речи, – общим в их мотивации был патриотизм». То, как это сказалось на их личных финансах, карьере и семьях, продолжил президент, было «явно несоразмерно каким-либо проступкам или ошибочным суждениям, которые у них могли быть»²⁰²⁰. Некоторые из помилованных уже были осуждены по обвинению в даче ложных показаний, а также в утаивании информации от Конгресса, в то время как судебный процесс Вайнбергера должен был начаться через две недели. Это был классический пример гибкости судебной системы и того, как цель оправдывает средства. Последствия вышли далеко за пределы Вашингтонского метро.

Саддам Хусейн был крайне раздражен, когда появились новости о том, что США имеют дело с Ираном, в то время как в Ираке считали, что Вашингтон поддерживает их в борьбе с их соседом и давним соперником. В серии совещаний, проведенных сразу после первого телеобращения Рейгана в ноябре 1986 года для обсуждения слов президента, Саддам разглагольствовал о том, что продажа оружия стала позорным «ударом в спину», и о том, как поведение Соединенных Штатов установило новую планку «дурного и аморального поведения»²⁰²¹. США были полны решимости «пролить больше (иракской) крови», заключил он, а остальные согласились, что была обнаружена лишь верхушка айсберга. Это было неизбежно, так прокомментировал происходящее один высокопоставленный деятель несколько недель спустя, что США продолжают и будут продолжать плести заговоры против Ирака. И вице-премьер Тарик Азиз согласился, что это характерно для империалистических держав²⁰²². Гнев из-за предательства был очень сильным. «Не доверяйте американцам, американцы лжецы, не доверяйте американцам», – эти слова можно услышать на аудиокассетах, найденных в Багдаде, двадцать лет спустя²⁰²³.

Скандал Ирангейт стоил многим рабочих мест в Вашингтоне, но он же сыграл решающую роль в развитии осадной ментальности в Ираке в середине 1980-х годов. Преданные Соединенными Штатами, Саддам и его должностные лица видели заговоры повсюду. Иракский лидер начал говорить о пятой колонне и резать глотки всем, кого он подозревал в принадлежности к ней; другие арабские страны, отношения которых с Ираном или США казались слишком близкими, внезапно попали под сильное подозрение. Как позже заключили в американском докладе на высоком уровне, после Ирангейта Саддам убедился, что «Вашингтону нельзя доверять и что американцы хотят добраться лично до него»²⁰²⁴.

²⁰¹⁹ L. Walsh, *Final Report of the Independent Counsel for Iran/Contra Matters*, 4 vols (Washington, DC, 1993).

²⁰²⁰ G. H. W. Bush, 'Grant of Executive Clemency', Proclamation 6518, 24 December 1992, *Federal Register* 57.251, pp. 62145–62146.

²⁰²¹ 'Cabinet Meeting regarding the Iran-Iraq War, mid-November 1986', and 'Saddam Hussein Meeting with Ba'ath Officials', early 1987, оба цитируются по Brands, 'Inside the Iraqi State Records', p. 105.

²⁰²² 'Saddam Hussein Meeting with Ba'ath Officials', early 1987, цитируется по Brands, 'Inside the Iraqi State Records', pp. 112–113.

²⁰²³ Там же, p. 113.

²⁰²⁴ *Comprehensive Report of the Special Advisor to the Director of Central Intelligence on Iraq's Weapons of Mass Destruction*, 3 vols (2004), 1, p. 31; Brands, 'Inside the Iraqi State Records', p. 113.

Убеждения в том, что США готовы вести двойную игру, едва ли были необоснованны. Американцы были готовы подружиться с шахом; теперь же они пытались укрепить связи с режимом аятоллы Хомейни. Существенная военная и экономическая поддержка была оказана группе сомнительных лиц в Афганистане исключительно из-за давнего соперничества США с СССР. С Саддамом они связались, когда это устраивало политиков в Вашингтоне, но затем, когда он был им больше не нужен, он был принесен в жертву. То, что американские интересы стояли на первом месте, являлось не самой большой проблемой. Вопрос заключался в том, что проведение внешней политики в имперском стиле требовало более тщательного подхода, а также более глубоких размышлений о долгосрочных последствиях.

В каждом конкретном случае в ходе борьбы за контроль над странами Шелкового пути в XX веке США заключали сделки и договоры, которые помогали решить сегодняшние проблемы, не заботясь о завтрашнем дне. В некоторых ситуациях это закладывало основу для возникновения более серьезных проблем. Цель вывода Советов из Афганистана была достигнута, но никто не задумался о том, что может произойти дальше.

Суровая реальность мира, который был создан США, все еще слишком сильно ощущалась в Ираке в конце 1980-х и 1990-х годах. Обеспокоенные американские официальные лица после фиаско с Ирангейтом сделали все возможное, чтобы, по словам министра обороны, «восстановить доверие со стороны арабских государств»²⁰²⁵. В случае с Ираком это означало передачу чрезвычайно крупных кредитных средств, развитие инициатив по укреплению торговли, которые включали ослабление ограничений на экспорт технологий двойного назначения, и финансирование сельского хозяйства Ирака. Эти шаги были приняты, чтобы попытаться восстановить доверие Саддама²⁰²⁶. Однако они были поняты в Багдаде совершенно иначе: хотя иракский лидер принял сделки, которые ему предложили, он думал, что они были частью другой ловушки, возможно прелюдией к военному нападению, или частью попытки увеличить напряжение в то время, как урегулирование долгов, накопившихся за время ирано-иракской войны, становилось проблемой.

Иракцы, заявил посол США в Багдаде, были «совершенно убеждены, что Соединенные Штаты... нацелились на Ирак. Они жаловались на это все время... И я думаю, что в это искренне верил Саддам Хусейн»²⁰²⁷. В конце 1989 года среди иракского руководства начали распространяться слухи о том, что США плетут заговор против Саддама Хусейна. Тарик Азиз прямо заявил госсекретарю США Джеймсу Бейкеру, что у Ирака есть доказательства того, что США собираются коварно свергнуть Саддама²⁰²⁸. Осадный менталитет развился в настолько острую паранойю, что независимо от того, что предприняли бы американцы, это обязательно было бы неверно истолковано.

Опасения Ирака было не трудно понять, особенно когда кредитные гарантии, обещанные Вашингтоном, были внезапно отменены в июле 1990 года после того, как попытки Белого дома направить финансовую поддержку в Багдад были сорваны Конгрессом. Хуже того, в дополнение к отказу в финансировании в размере 700 миллионов долларов были введены санкции в качестве наказания за последнее применение Ираком отравляющего газа. С точки зрения Саддама, история повторялась: США обещают одно, а потом делают другое, и делают они это исподтишка²⁰²⁹.

²⁰²⁵ Colin Powell Notes of meeting 21 January 1987, Woodrow Wilson Center, *The Origins, Conduct, and Impact of the Iran-Iraq War*.

²⁰²⁶ Brands, 'Inside the Iraqi State Records', p. 112.

²⁰²⁷ D. Neff, 'The US, Iraq, Israel and Iran: Backdrop to War', *Journal of Palestinian Studies* 20.4 (1991), p. 35.

²⁰²⁸ Brands and Palkki, 'Conspiring Bastards', p. 648.

²⁰²⁹ Fredman, 'Shoring Up Iraq', p. 548.

К этому времени иракские силы собирались на юге страны. «Это не наше дело», – сказал американский посол в Багдаде, Эйприл Гласпи, когда она встретила Саддама Хусейна 25 июля 1990 года. В документе, который называют одним из самых животрепещущих документов конца XX века, представлена стенограмма встречи посла США с иракским лидером, из которой становится ясно: Гласпи рассказала Саддаму, что получила «прямые указания от президента Буша улучшить наши отношения с Ираком», с восхищением отмечая «чрезвычайные усилия Саддама по восстановлению страны». Наконец, сказала Гласпи иракскому лидеру: «Мы знаем, что нужны средства».

Ирак переживает трудные времена, признал Саддам, который был «радушным, разумным» во время встречи, которая «прошла в теплой атмосфере», как гласил отдельный мемуаром, опубликованный впоследствии²⁰³⁰. Угловое бурение газовых скважин, давние пограничные споры и снижение цен на нефть – все это представляет проблемы для экономики, сказал он, так как там образовалось огромное количество долгов за время войны с Ираном. Он отметил, что есть одно потенциальное решение – взятие под свой контроль водного пути в Шатт-эль-Араб, области, в которой Ирак был вовлечен в длительный спор с Кувейтом. Это помогло бы решить некоторые из текущих проблем. «Что Соединенные Штаты думают по этому поводу?» – спросил он.

«У нас нет своего мнения о ваших арабо-арабских конфликтах, таких как ваш спор с Кувейтом», – ответила посол. Она также разъяснила, что это означало: «...секретарь (государственный) Бейкер направил меня, чтобы напомнить об инструкциях, которые были в первый раз даны Ираку в 1960-х годах и в которых также сказано, что проблема Кувейта никак не связана с Америкой»²⁰³¹. Саддам просил зеленый свет от США, и он был дан. На следующей же неделе он вторгся в Кувейт.

Последствия оказались катастрофическими. В течение следующих трех десятилетий в глобальных обсуждениях будут доминировать события в странах, относящихся к хребту Азии. Борьба за контроль и влияние в этих регионах привела к войнам, мятежам и межнациональному терроризму, и при этом открыла возможности и перспективы не только в Иране, Ираке и Афганистане, но и в поясе стран, растянувшихся по направлению к востоку от Черного моря, в Сирии, на Украине, в Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане, Азербайджане, а также России и Китае. История мира всегда была сосредоточена на этих странах. Но как бы то ни было, во время вторжения в Кувейт все говорило в пользу появления нового Шелкового пути.

²⁰³⁰ WikiLeaks, 90 BAGHDAD 4237.

²⁰³¹ ‘Excerpts from Iraqi Document on Meeting with US Envoy’, *New York Times*, 23 September 1990.

25. Путь к трагедии

Вторжение в Кувейт в 1990 году вызвало неожиданную череду событий, которые определили ход конца XX и начала XXI века. Саддам поразил британцев тем, что он был «презентабельным молодым человеком» с «обаятельной улыбкой», который в отличие от своих коллег не был «искусственно приветлив» и «говорил без обиняков». Это был человек, с которым, по словам британского посла в Багдаде, можно иметь дело, если узнать его получше²⁰³². Французы называли его «арабским де Голлем», чье отношение к «национализму и социализму» восхищало президента Жака Ширака. Саддам был человеком, на которого США ставили в начале 1980-х годов, чтобы улучшить то, что Дональд Рамсфелд назвал «позиционированием США в регионе»²⁰³³.

Нападение на Кувейт, как сказал Саддам Хусейн своим ближайшим советникам в декабре 1990 года, было формой самозащиты на волне скандала Ирангейт и разоблачения двурушничества со стороны США²⁰³⁴. Весь остальной мир оценивал это по-другому. После вторжения последовали экономические санкции, а ООН потребовала немедленного вывода иракских вооруженных сил. Когда Багдад просто проигнорировал увеличивающееся дипломатическое давление, для решения этого вопроса был разработан новый план. 15 января 1991 года президент Джорж Буш заявил о применении силы «в соответствии с моими обязанностями и полномочиями и в соответствии с Конституцией, как президент и главнокомандующий, согласно законам и договорам Соединенных Штатов». В первом предложении Национальной директивы – 54 было одобрено использование «воздушных, морских и сухопутных вооруженных сил США в координации с силами партнеров по коалиции».

При этом агрессия Ирака, нарушение суверенной территории Кувейта или норм международного права не были упомянуты. Вместо этого поступило заявление, которое определило внешнюю политику США на последующие тридцать лет. Президент заявил следующее: «...доступ к нефти Персидского залива и защита дружественных государств в регионе – жизненно важные задачи для безопасности США»²⁰³⁵. Вторжение Саддама Хусейна в Кувейт было прямым вызовом американской мощи и ее интересам.

Последовало немедленное честолюбивое нападение. Войска, собранные из широкого круга стран, входящих в коалицию, возглавил генерал Норман Шварцкопф, отец которого помог обеспечить дружественность Ирана во время второй мировой войны и сыграл важную роль не только в операции «Аякс», в ходе которой был свергнут Мосаддык, но и в формировании «САВАК», иранской службы разведки, которая терроризировала местное население с 1957 по 1979 год. Авиаудары союзников наносились по ключевым объектам обороны и вооружению, в то время как сухопутные войска продвигались к южной границе Ирака и Кувейта в рамках операции «Буря в пустыне». Операция была зрелищной, но короткой. Через шесть недель после ее начала, в январе 1991 года, президент Буш объявил о прекращении огня, отмечая в телевизионном обращении 28 февраля, что Кувейт освобожден, а ирак-

²⁰³² Paul to Foreign & Commonwealth Office, 'Saddam Hussein al-Tikriti', 20 December 1969, FCO 17/871; 'Saddam Hussein', Telegram from British Embassy, Baghdad to Foreign and Commonwealth Office, London, 20 December 1969, FCO 17/871.

²⁰³³ 'Rumsfeld Mission: December 20 Meeting with Iraqi President Saddam Hussein', National Security Archive. О Франции и Саддаме – C. Saint-Prot, *Saddam Hussein: un gaullisme arabe?* (Paris, 1987); также см. D. Styan, *France and Iraq: Oil, Arms and French Policy Making in the Middle East* (London, 2006).

²⁰³⁴ 'Saddam and his Senior Advisors Discussing Iraq's Historical Rights to Kuwait and the US Position', 15 December 1990, in Woods, Palkki and Stout, *Saddam Tapes*, pp. 34–35.

²⁰³⁵ President George H. W. Bush, 'National Security Directive 54. Responding to Iraqi Aggression in the Gulf', 15 January 1991, National Security Archive.

ская армия потерпела поражение. Военные цели были достигнуты. Кувейт снова находился в руках кувейтцев, которые сами определяли свою судьбу. Однако это не повод для эйфории и злорадства, продолжил он. «Мы должны думать о том, что будет после победы и войны»²⁰³⁶.

Рейтинг одобрения Буша взлетел до заоблачных высот, достигнув уровня одобрения президента Трумэна в день капитуляции Германии в 1945 году²⁰³⁷. Частично это было из-за того, что военные задачи были четко и оперативно выполнены, при том что союзные войска потеряли всего несколько человек. США не ставили цель свержения Саддама, только если он не использует «химическое, биологическое или ядерное оружие», не станет спонсировать террористические акты или уничтожать нефтяные месторождения Кувейта. В этом случае, заявил президент Буш, «конкретной целью Соединенных Штатов станет смена руководства в Ираке»²⁰³⁸.

Решение о прекращении военных действий при первой же возможности высоко оценили в арабском мире и за его пределами, несмотря на тот факт, что иракские войска организовали диверсию и сожгли многие нефтяные вышки Кувейта. Этот факт был проигнорирован, частично из-за того, что происходящее в столице Ирака неизбежно приводило к «размыванию миссии», как отмечал президент в книге, написанной в соавторстве с советником по национальной безопасности Брентом Скоукрофтом в конце 1990-х годов.

Несмотря на продолжающуюся борьбу союзников в арабском мире и других местах, было признано, что расширение наземной войны в Ираке и попытки «уничтожить Саддама» дадутся слишком высокой ценой²⁰³⁹.

«Мы приняли решение не отправляться в Багдад, – согласился министр обороны Дик Чейни в своей речи в Discovery Institute в 1992 году, – так как это никогда не было частью нашей цели. США на это не подписывались. Конгресс на это не подписывался. И коалиция была создана не для этого». Кроме того, продолжал он, у США не было намерений «увязнуть в проблемах, пытаясь взять на себя управление Ираком». Свержение Саддама будет сложным. «Вопрос, который я задаю себе сейчас, – признал он, – сколько еще американских жертв потребует Саддам? И ответ – не так, черт побери, много»²⁰⁴⁰.

Общественная позиция диктовала стремление сдерживать Саддама Хусейна вместо его свержения. На самом же деле все было совершенно по-другому. В мае 1991 года, всего через несколько недель после прекращения огня, президент Буш одобрил план «создания условий для свержения Саддама Хусейна». Чтобы исполнить этот план, он выделил впечатляющую сумму – 100 миллионов долларов – для тайных операций²⁰⁴¹. С тех пор как в 1920-х годах США стали активно поддерживать режимы, которые отвечали их обширным стратегическим интересам, Вашингтон еще раз продемонстрировал, что готов рассмотреть вопрос о смене режима, с тем чтобы навязать региону свое видение мира.

Амбиции США в то время были частично сдержаны глубокими геополитическими изменениями в начале 1990-х годов. Берлинская стена пала незадолго до вторжения в Кувейт, а через несколько месяцев после поражения Ирака развалился Советский Союз. На Рождество 1991 года президент Михаил Горбачев объявил о распаде Советского Союза на 15 независимых государств. Мир претерпевал изменения практически в библейских масшта-

²⁰³⁶ G. Bush, *Speaking of Freedom: The Collected Speeches of George H. W. Bush* (New York, 2009), pp. 196–197.

²⁰³⁷ J. Woodard, *The America that Reagan Built* (Westport, CT, 2006), p. 139, n. 39.

²⁰³⁸ President George H. W. Bush, 'National Security Directive 54. Responding to Iraqi Aggression in the Gulf'.

²⁰³⁹ G. Bush and B. Scowcroft, *A World Transformed* (New York, 1998), p. 489.

²⁰⁴⁰ Цитируется по J. Connelly, 'In Northwest: Bush-Cheney Flip Flops Cost America in Blood', *Seattle Post-Intelligencer*, 29 July 2004. Также см. B. Montgomery, *Richard B. Cheney and the Rise of the Imperial Vice Presidency* (Westport, CT, 2009), p. 95.

²⁰⁴¹ W. Martel, *Victory in War: Foundations of Modern Strategy* (Cambridge, 2011), p. 248.

бах, заявил президент Буш Конгрессу несколько недель спустя. «Божьей милостью Америка победила в холодной войне»²⁰⁴².

В самой России эти изменения вызвали яростную борьбу за власть, которая привела к конституционному кризису и свержению «старой гвардии», после того как в 1993 году танки обстреляли Белый дом в Москве, место заседаний российского правительства.

Также это время стало периодом крупных преобразований в Китае. Реформы, предложенные Дэн Сяопином и его соратниками после смерти Мао Цзедуна в 1976 году, начали осуществляться, превращая Китай из изолированной региональной страны в державу, которая наращивала экономическую и военную мощь, а также политические амбиции²⁰⁴³. Политика апартеида, угнетающая Южную Африку, также, наконец, прекратилась. Дух свободы, мира и процветания был силен как никогда.

Мир когда-то был поделен на две части, сказал президент Буш во время совместной сессии Сената и Палаты представителей. Теперь осталась «одна превосходящая сила – Соединенные Штаты Америки»²⁰⁴⁴. Запад торжествовал. Некоторые не соответствующие моральным принципам события в Ираке были оправданы важными евангельскими целями скорейшего распространения фирменного дара американской империи – демократии.

Таким образом, в течение десятилетия после вторжения в Кувейт США проводили политику, которая была неоднозначна и амбициозна. Они повторяли как мантру, что освобождают страны, как, например, Ирак, и укрепляют демократию, но в то же самое время ревностно и временами жестко защищали и продвигали свои интересы в этом стремительно меняющемся мире, практически не считаясь с ценой. Резолюция ООН № 687, принятая после войны в Заливе, включала меры, связанные с суверенитетом Кувейта, а также с санкциями, наложенными на «продажу и поставки... продуктов, лекарств и товаров медицинского назначения», «продуктов питания» в Ираке²⁰⁴⁵. Эти меры должны были ускорить разоружение, включая прекращение программ по созданию биологического и химического оружия и заключение соглашения по признанию суверенитета Кувейта. Влияние ограничения иракского экспорта и финансовых операций было разрушительным, особенно на бедные слои населения. По первоначальным оценкам, как предполагал журнал *Lancet*, в результате реализации такой политики за пять лет от недоедания и болезней погибло 500 000 детей²⁰⁴⁶. В 1996 году Лесли Шталь взяла интервью у госсекретаря Мадлен Олбрайт в телевизионной программе «60 минут» и заявила, что в Ираке погибло больше детей в результате этой политики, чем в Хиросиме в 1945 году. «Я думаю, что это очень тяжелое решение», – ответила Олбрайт. Однако она отметила: «...мы полагаем, что это стоит того»²⁰⁴⁷.

Санкции были не единственными шагами, предпринятыми после прекращения огня. Бесполетные зоны были установлены к северу от 33-й параллели и к югу от 36-й параллели сразу после заключения соглашения о прекращении огня. В 1990-е годы территорию контролировали американские, французские и британские боевые самолеты²⁰⁴⁸.

²⁰⁴² President Bush, 'Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union', 28 January 1992, *PPPUS: George Bush, 1992–1993*, p. 157.

²⁰⁴³ О распаде Советского Союза см. S. Plokhy, *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union* (New York, 2014); о Китае в этот период – L. Brandt and T. Rawski (eds), *China's Great Economic Transformation* (Cambridge, 2008).

²⁰⁴⁴ Bush, 'State of the Union,' 28 January 1992, p. 157.

²⁰⁴⁵ UN Resolution 687 (1991), Clause 20.

²⁰⁴⁶ S. Zahdi and M. Smith Fawzi, 'Health of Baghdad's Children', *Lancet* 346.8988 (1995), p. 1485; C. Ronsmans et al., 'Sanctions against Iraq', *Lancet* 347.8995 (1996), pp. 198–200. Показатели смертности были впоследствии пересмотрены и уменьшены, S. Zaidi, 'Child Mortality in Iraq', *Lancet* 350.9084 (1997), p. 1105.

²⁰⁴⁷ *60 Minutes*, CBS, 12 May 1996.

²⁰⁴⁸ B. Lambeth, *The Unseen War: Allied Air Power and the Takedown of Saddam Hussein* (Annapolis, 2013), p. 61.

Создание бесполетных зон, которые покрывали более половины территории Ирака, было якобы обусловлено защитой курдских меньшинств на севере и шиитов на юге. То, что это было сделано в одностороннем порядке, без мандата совета безопасности ООН, показало, что Запад готов вмешиваться во внутренние дела стран и брать дела в свои руки, когда это выгодно²⁰⁴⁹.

Это было продемонстрировано еще раз в 1998 году, когда президент Клинтон подписал закон об освобождении Ирака в соответствии с официальной «политикой Соединенных Штатов по поддержке усилий по свержению Саддама Хусейна и содействию появления демократического правительства, которое пришло бы на смену этому режиму»²⁰⁵⁰. Клинтон также объявил, что выделит демократической оппозиции Ирака 8 миллионов долларов с явной целью обеспечения голосов против Саддама, чтобы «объединиться и работать вместе более эффективно»²⁰⁵¹.

Попытки США и их союзников получить то, что они хотят, не были ограничены Ираком. Президент Клинтон попытался начать переговоры с иранским руководством, чтобы улучшить отношения, которые покатались по наклонной после скандала Ирангейт, а также после того, как в 1988 году американским крейсером Vincennes был сбит иранский пассажирский самолет. Хотя в полной мере репрессии в Тегеране не ясны до сих пор, множественные доказательства свидетельствуют о том, что была предпринята целая серия террористических атак против американских целей, возможно включая сбитый над Локерби Pan Am 103 в декабре 1988 года, а также бомбежку американской базы возле Дахрана в Саудовской Аравии в 1996 году²⁰⁵².

После того как у американских следователей появились сильные подозрения насчет того, что Иран причастен к бомбежке, президент Клинтон направил ноту протеста президенту Хатами, которая была доставлена в конце 1990-х годов. Иранцы ответили агрессивно, отвергая американские обвинения в гибели девятнадцати военнослужащих как «неточные и неприемлемые». Кроме того, со стороны США неискренне, говорилось в ответе, возмущаться по поводу террористических атак, учитывая, что они ничего не предприняли, чтобы «преследовать в судебном порядке или выдать легко узнаваемых американских граждан, ответственных за сбитый иранский пассажирский лайнер десять лет назад. Тем не менее Тегеран дал надежду на будущее. Президент может быть уверен, было написано в ответном письме, что «Иран не питает враждебных чувств к американцам». На самом деле «иранцы не только не питают вражды, но (также) уважают великий американский народ»²⁰⁵³.

Этот шаг эхом отозвался в Афганистане, где были открыты каналы связи с жестким режимом талибов, после того как верховный лидер, мулла Омар, вышел на связь через посредника в 1996 году. И снова первые признаки были многообещающими. «“Талибан” высоко ценит США», – сказал один высокопоставленный талибский лидер, согласно секретному отчету первой встречи, которая была подготовлена посольством США в Кабуле. Кроме

²⁰⁴⁹ Обзор можно посмотреть здесь С. Gray, 'From Unity to Polarization: International Law and the Use of Force against Iraq', *European Journal of International Law* 13.1 (2002), pp. 1–19; а также А. Bernard, 'Lessons from Iraq and Bosnia on the Theory and Practice of No-Fly Zones', *Journal of Strategic Studies* 27 (2004), pp. 454–478.

²⁰⁵⁰ Iraq Liberation Act, 31 October 1998.

²⁰⁵¹ President Clinton, 'Statement on Signing the Iraq Liberation Act of 1998', 31 October 1998, PPPUS: William J. Clinton, 1998, pp. 1938–1939.

²⁰⁵² S. Aubrey, *The New Dimension of International Terrorism* (Zurich, 2004), pp. 53–56; M. Ensalaco, *Middle Eastern Terrorism: From Black September to September 11* (Philadelphia, 2008), pp. 183–186; Однако, что касается атаки Дхарана, обратите внимание на следующий источник С. Shelton, 'The Roots of Analytic Failure in the US Intelligence Community', *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence* 24.4 (2011), pp. 650–651.

²⁰⁵³ Response to the Clinton letter, undated, 1999. Clinton Presidential Records, Near Eastern Affairs, Box 2962; Folder: Iran-US, National Security Archive. О послании Клинтона, представленном министром иностранных дел Омана, см. 'Message to President Khatami from President Clinton', undated, 1999, National Security Archive.

того, поддержка Вашингтона во время «джихада против Советов» не была забыта. Также, «Талибан» хочет хороших отношений с Соединенными Штатами»²⁰⁵⁴. Это примирительное сообщение давало повод для оптимизма, так же как и тот факт, что у США были связи и старые друзья, которые могли быть полезны в будущем. Одним из них был вождь Джалалуддин Хаккани, давний агент ЦРУ, завербованный после советского вторжения, чье (относительно) либеральное отношение к правам женщин и социальной политике было отмечено в меморандуме, который подчеркнул его растущее значение в рамках «Талибана»²⁰⁵⁵.

В первую очередь США были обеспокоены ролью Афганистана как рассадника боевиков и террористов. «Талибан» получил контроль над Кабулом в 1996 году, что вызвало растущую обеспокоенность в соседних странах насчет возможной нестабильности, роста религиозного фундаментализма и перспективы российского присутствия в регионе, из которого она отступила совсем недавно, когда развалился Советский Союз.

Эти опасения были высказаны на встрече на высшем уровне с высокопоставленными талибами в Кандагаре в октябре 1996 года. Американских чиновников уверили в том, что тренировочные боевые лагеря закрыты и что для проверки достоверности этой информации туда будет открыт доступ. Должностные лица «Талибана», в том числе и мулла Мухаммед Гус, который по факту исполнял обязанности премьер-министра Афганистана, охотно отвечали, когда им задавали вопросы об Усаме бен Ладене, чья деятельность чрезвычайно интересовала военную разведку США. В ЦРУ связывали бен Ладена с атаками на американских солдат в Сомали в 1992 году, бомбежкой Всемирного торгового центра в 1993 году и созданием «сети вербовочных центров «Аль-Каиды» и гостевых домов в Египте, Саудовской Аравии и Пакистане». В одном из отчетов разведки отмечалось, что это один из самых значительных спонсоров исламских экстремистов по всему миру²⁰⁵⁶.

«Было бы полезно, – сообщили американские чиновники представителям Афганистана, – если бы талибы могли указать, где он находится, чтобы удостовериться, что он не может проводить террористические операции». Афганские чиновники ответили, что бен Ладен был «с ними в качестве гостя, в качестве беженца», а в культуре пушту существует правило, согласно которому с гостем «нужно обращаться с уважением и гостеприимством». «“Талибан”, – сказали они, – никогда не позволит террористам совершать никакие террористические действия на своей территории». В любом случае бен Ладен «обещал, что не будет совершать (террористических атак)», пока находится в Афганистане, кроме того, когда талибам показалось подозрительным его нахождение в пещерах к югу от Джелалабада возле Тора-Бора и они велели ему «покинуть пещеры и жить в обычном доме», он тут же подчинился²⁰⁵⁷.

Хотя это и обнадеживало, но не настолько, как надеялись американцы, что привело к смене линии поведения. «Этот человек сама зараза», – решительно заявили американские чиновники талибам. «Всем странам, даже таким большим и мощным, как США, нужны друзья. А Афганистану особенно нужны друзья». Это был предупредительный выстрел: подразумевалось, что в случае если бен Ладен предпримет террористическую атаку, будут последствия. Ответ муллы Раббани, высокопоставленной фигуры в «Талибана», был предельно ясен – он повторял то, что было сказано до этого. Его ответ цитировался полностью и был отправлен в Вашингтон, а копии разосланы в Исламабад, Карачи, Лахор, Эр-Рияд и Джидду:

²⁰⁵⁴ ‘Afghanistan: Taliban seeks low-level profile relations with [United States government] – at least for now’, US Embassy Islamabad, 8 October 1996, National Security Archive.

²⁰⁵⁵ ‘Afghanistan: Jalaluddin Haqqani’s emergence as a key Taliban Commander’, US Embassy Islamabad, 7 January 1997, National Security Archive.

²⁰⁵⁶ ‘Usama bin Ladin: Islamic Extremist Financier’, CIA biography 1996, National Security Archive.

²⁰⁵⁷ ‘Afghanistan: Taliban agrees to visits of militant training camps, admit Bin Ladin is their guest’, US Consulate (Peshawar) cable, 9 January 1996, National Security Archive.

«В этой части света есть закон, согласно которому тем, кто ищет убежища, оно должно быть предоставлено, но если человек совершает террористические действия, вы можете указать на это, у нас есть чувства, и мы не позволим никому заниматься этой поганой деятельностью»²⁰⁵⁸.

Эти гарантии никогда не проверялись досконально. Но их и не приняли за чистую монету. К весне 1998 года ЦРУ работало над планом поимки, который включал в себя поддержку и сотрудничество с «племенами» в Афганистане. Планировщиками это было описано как «идеальная операция». К маю «планирование передачи задержанного (Усамы бен Ладена) шло очень хорошо». Согласно сильно отредактированному отчету ЦРУ, схема была разработана и продумана «детально, тщательно и реалистично», хотя и содержала некоторую долю риска. Другое дело, получит ли этот план одобрение. Как выразился один участник, «шансы на получение зеленого света 50/50». Старший офицерский состав был менее оптимистичен. Было доложено, что командир спецподразделения «Дельта» не очень «доволен» деталями операции, в то время как командир совместных специальных операций думал, что план ЦРУ не относится к его подразделению. И хотя «финальный прогон операции» прошел хорошо, от нее отказались²⁰⁵⁹.

Прежде чем была предпринята решительная попытка разобраться с бен Ладеном, события приняли решительный оборот. 7 августа 1998 года «Аль-Каида» несколько раз бомбила американское посольство в Найроби и Дар-эс-Салам, крупнейших городах Кении и Танзании соответственно. Было убито 224 человека, более тысячи ранены. Подозрение пало на бен Ладена.

За две недели США приняли соответствующие меры, запустив семдесят восемь ракет по замеченным базам «Аль-Каиды» в Афганистане. «Наша цель – терроризм, – сказал президент Клинтон в телевизионном обращении 20 августа. – Наша миссия ясна: ударить по сети радикальных группировок, связанных и финансируемых бен Ладеном, возможно, самым выдающимся организатором и финансистом мирового терроризма». Клинтон в это время находился в центре сексуального скандала, связанного со стажером Моникой Левински, которая угрожала снять его с поста президента и требовала отдельного телевизионного обращения. Поэтому он не консультировался с талибами, прежде чем попытаться устранить вдохновителя плана. Пытаясь упредить критику, он обратился с заявлением: «Я хочу, чтобы мир понял, что наши действия не направлены против ислама». Напротив, продолжал осажденный президент, «ислам – великая религия»²⁰⁶⁰.

К сожалению, попытки наладить взаимоотношения с Усамой бен Ладеном провалились. К тому же были нарушены отношения с талибами, которые немедленно высказали свое недовольство нападением на территории Афганистана на гостя, причастность которого к атакам в Восточной Африке не была доказана. Мулла Омар заявил, что талибы «никогда не передадут бен Ладена никому и будут защищать его любой ценой»²⁰⁶¹. Согласно объяснениям разведслужбы США, в арабском мире наблюдалась симпатия к бен Ладену и его экстремизму. Там понятия «несправедливости и виктимизации» мусульман шли рука об руку с популярным убеждением, что «политика США поддерживает коррумпированные режимы...

²⁰⁵⁸ Там же.

²⁰⁵⁹ *National Commission on Terrorist Attacks upon the United States* (Washington, DC, 2004), pp. 113–114.

²⁰⁶⁰ President Clinton, 'Address to the Nation', 20 August 1998, *PPPUS: Clinton, 1998*, p. 1461. Тремя днями ранее президент дал известную клятву о том, что его предыдущее заявление «У меня не было сексуальных отношений с этой женщиной, мисс [Моникой] Левински», было правдивым и что его утверждение «нет сексуальных отношений, неправильных сексуальных отношений или любого другого вида неправильных отношений» было верным в зависимости «от того, какой смысл вкладывается в слово «есть», *Appendices to the Referral to the US House of Representatives* (Washington, DC, 1998), 1, p. 510.

²⁰⁶¹ 'Afghanistan: Reaction to US Strikes Follows Predictable Lines: Taliban Angry, their Opponents Support US', US Embassy (Islamabad) cable, 21 August 1998, National Security Archive.

и предназначена для разделения, ослабления и разрушения арабского мира». Мало кто одобряет терроризм бен Ладена, говорилось в заключении отчета, но «многие разделяют его политические настроения»²⁰⁶².

Эти взгляды разделял сам мулла Омар, который в знаменательном телефонном разговоре с представителем госдепартамента в Вашингтоне через три дня после запуска ракет заявил, что «удары приводят к обратному результату и вызовут всплеск антиамериканских настроений в исламском мире». В ходе этого недавно рассекреченного телефонного разговора, единственного контакта верховного лидера Афганистана с чиновниками США, мулла Омар, ссылаясь на дело Левински, отметил, что президент Клинтон переживает «текущие внутренние сложности». Учитывая это и стремление «восстановить популярность США в исламском мире» после катастрофической односторонней атаки, заявил мулла Омар, «Конгресс должен заставить президента Клинтона подать в отставку»²⁰⁶³.

Удары США были осуждены, главный спикер Вакиль Ахмед Мутавакиль объявил их атакой «на весь народ Афганистана». Крупные антиамериканские демонстрации прошли в Кандагаре и Джелалабаде после нападения, как заявил Ахмед, который говорил с американскими чиновниками вскоре после этого. «Если талибы примут ответные меры против Вашингтона, – заявил он, – так оно и будет»²⁰⁶⁴. Подобно Саддаму Хусейну, когда он узнал, что США продают оружие Ирану, обещая поддержать Ирак, у него появилось ощущение предательства и двурушничества, что было разрушительным: с одной стороны, американцы были дружелюбны, а с другой – поступали жестоко.

Вакиль Ахмед выразил свое возмущение по поводу вялости доказательств после военных ударов США. Лидеры талибов всегда ясно заявляли, что в случае если бен Ладен будет замечен в террористической деятельности на афганской земле, против него будут приняты меры²⁰⁶⁵. И мулла Омар немедленно запросил у госдепартамента пояснения²⁰⁶⁶. По словам официальных лиц «Талибана», некоторые верили, что обвинения были сфабрикованы, в то время как другие отмечали, что в свое время бен Ладен обучался партизанскому делу при поддержке США. Американцы представили всего лишь несколько бумаг, которые едва ли могли служить доказательствами. Видеокассета, переданная талибам, которая, как предполагалось, должна была содержать что-то новое о бен Ладене, как доказательство не годилась ни на что.

Нападение было позорным, заявил Ахмед, и оно привело к гибели невинных афганцев и нарушению суверенитета Афганистана. Если американцы действительно хотят решить проблему с бен Ладеном, заключил он, им нужно обратиться к Саудовской Аравии. Это поможет уладить вопрос «за минуты, а не часы»²⁰⁶⁷.

Как ни странно, то же самое было достигнуто без участия США, как показывает целый шквал дипломатических телеграмм, исследований и рекомендаций о получении поддержки в Эр-Рияде²⁰⁶⁸.

²⁰⁶² 'Bin Ladin's Jihad: Political Context', US Department of State, Bureau of Intelligence and Research, Intelligence Assessment, 28 August 1998, National Security Archive.

²⁰⁶³ 'Afghanistan: Taliban's Mullah Omar's 8/22 Contact with State Department', US Department of State cable, 23 August 1998, National Security Archive.

²⁰⁶⁴ 'Osama bin Laden: Taliban Spokesman Seeks New Proposal for Resolving bin Laden Problem', US Department of State cable, 28 November 1998, National Security Archive.

²⁰⁶⁵ Там же.

²⁰⁶⁶ 'Afghanistan: Taliban's Mullah Omar's 8/22 Contact with State Department', US Department of State cable, 23 August 1998, National Security Archive.

²⁰⁶⁷ Там же.

²⁰⁶⁸ Например, 'Afghanistan: Tensions Reportedly Mount within Taliban as Ties with Saudi Arabia Deteriorate over Bin Ladin', US Embassy (Islamabad) cable, 28 October 1998; 'Usama bin Ladin: Coordinating our Efforts and Sharpening our Message on Bin Ladin', US Embassy (Islamabad) cable, 19 October 1998; 'Usama bin Ladin: Saudi Government Reportedly Turning the Screws

Последствия американских ударов были катастрофическими. Как указано в отчете об исследованиях разведки США, написанном год спустя, помимо того что попытка уничтожить бен Ладена провалилась, это нападение укрепило его позицию в большей части арабского мира, а также в других местах, а США выставила «как неудачника, столкнувшегося с агрессивным задирой». В растущем восприятии «американской культуры как высокомерной» скрывались реальные опасности, и это тревожило. Отчет предупреждал, что атаки США были сомнительны с моральной точки зрения и зеркально отражали бомбежки самого бен Ладена, в ходе которых страдали невинные люди, а применение силы оправдывалось политическими мотивами. В результате «ответных ударов с помощью ракет... может быть больше вреда, чем пользы». США также должны быть готовыми к тому, пророчески отмечалось в отчете, что воздушные удары могут «спровоцировать новый виток террористических заговоров»²⁰⁶⁹.

Еще до того как это произошло, проваленная интервенция принесла нежелательные результаты. Взгляды талибов на внешний мир ужесточались по мере того, как они укреплялись в своих подозрениях насчет Запада. «Осадный» менталитет привел к ужесточению религиозных взглядов, а также повышению интереса к распространению радикального исламизма по всему миру, хотя отчеты ЦРУ того времени утверждали, что это вряд ли может быть эффективным²⁰⁷⁰.

Тем не менее давление США послужило тому, что консервативно настроенные становились все более фундаменталистскими. Такие деятели, как мулла Раббани, заместитель лидера и глава *Kabul Shūrā* (Совета), который опасался, что невозможность свержения бен Ладена углубит международную изоляцию Афганистана, были обойдены муллой Омаром, чья бескомпромиссная политика – не сотрудничать и не капитулировать перед чужаками – в то время превалировала. В результате талибы приблизились к агрессивным идеям бен Ладена об освобождении мусульман из плена Запада и восстановлении условий досредневекового периода²⁰⁷¹.

Именно это было основной целью девятой части нападений. В отчете разведки, написанном в 1999 году, уже отмечалось, что у бен Ладена было «огромное, раздутое эго. Он видел себя в качестве игрока на мировой арене на самой ранней стадии истории, например, в период Крестовых походов»²⁰⁷².

Было крайне показательно, что в каждом аудио- и видеообращении, которое он выпустил после атаки на башни-близнецы, упоминались крестоносцы. Революционеры часто желают возродить идеализированное прошлое, но немногие обращают взор на тысячу лет назад, чтобы черпать вдохновение для террористических актов.

В месяцы, предшествующие трагедии 11 сентября, разведка указывала на возрастающую угрозу «Аль-Каиды». В памятке «только для президента» со зловещим названием «Бен Ладин [sic] собирается напасть на США», датированной 6 августа 2001 года, говорилось о том, что информация, собранная по «результатам примерно семидесяти полноценных расследований», произведенных на всей территории США, «показала признаки подозрительной активности в этой стране, что, по всей видимости, свидетельствует о подготовке к захвату самолетов и других атаках»²⁰⁷³. США были достаточно взбудоражены, чтобы держать дверь открытой для режима в Кабуле. Они уверяли, что США не против «Талибана».

on the Taliban on Visas', US Embassy (Islamabad) cable, 22 December 1998, National Security Archive.

²⁰⁶⁹ *Osama bin Laden: A Case Study*, Sandia Research Laboratories, 1999, National Security Archive.

²⁰⁷⁰ 'Afghanistan: Taleban External Ambitions', US Department of State, Bureau of Intelligence and Research, 28 October 1998, National Security Archive.

²⁰⁷¹ A. Rashid, *Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond* (rev. edn, London, 2008).

²⁰⁷² *Osama bin Laden: A Case Study*, p. 13.

²⁰⁷³ 'Bin Ladin Determined to Strike in US', 6 August 2001, National Security Archive.

Проблема была в бен Ладене. Если бы с ним можно было иметь дело, сетовали американские дипломаты, «у нас были бы совсем другие отношения»²⁰⁷⁴.

Однако с ним не стали иметь дело. В 8:24 утра 11 сентября 2001 года стало ясно, что что-то идет совсем не так. Воздушный контроль пытался связаться с рейсом номер 11 American Airlines из Бостона в Лос-Анджелес целых одиннадцать минут, после того как их проинструктировали подняться на высоту 35 000 футов. Когда пришел ответ, он был неожиданным: «У нас тут несколько самолетов. Просто сидите тихо, и все будет в порядке. Мы возвращаемся в аэропорт»²⁰⁷⁵. В 8:46 утра по восточному времени Боинг-676 влетел в северную башню Всемирного торгового центра. Через час и семнадцать минут появились еще несколько захваченных самолетов: United 175 врезался в южную башню Всемирного торгового центра, American 77 влетел в Пентагон, а US 93 разбился возле Шенксвилла в Пенсильвании²⁰⁷⁶.

Две тысячи девятьсот семьдесят семь человек погибло 11 сентября 2001 года вместе с девятнадцатью террористами. Психологическое воздействие нападений, в результате которых пали башни-близнецы и был поврежден Пентагон, было сильным. Террористические акты, совершенные у здания посольства и американских вооруженных сил за границей, были шокирующими, но скоординированная атака на наземные цели была просто разрушительной. Ужасающие снимки самолетов, намеренно влетающих в здания, и сцены бедствий, хаоса и трагедий, которые произошли позже, требовали немедленного ответа.

«Мы ведем поиски тех, кто стоит за этими злодеяниями», – заявил президент Джордж Буш в телевизионном обращении вечером в день нападений. «Я направил все силы нашей разведки и правоохранительных органов, чтобы найти виновных и привлечь их к ответственности. Мы не будем делать различий, – предупредил он, – между теми террористами, которые совершили эти преступления, и теми, кто их прикрывает»²⁰⁷⁷.

Выражения сочувствия посыпались из всех уголков мира, включая страны, от которых их не ждали, – Ливию, Сирию и Иран, президенты которых выразили «глубокие соболезнования и сочувствие жертвам», добавив, что «международная обязанность – постараться разрушить терроризм»²⁰⁷⁸. Было совершенно ясно, что за атаками стоит бен Ладен, хотя посол талибов в Пакистане утверждал, что у него не было достаточно ресурсов для исполнения такого «хорошо организованного плана»²⁰⁷⁹. Вакиль Ахмед Мутавакиль сообщил катарской телекомпании al-Jazeera на следующий день после нападения, что талибы «осуждают этот террористический акт вне зависимости от того, кто за ним стоит»²⁰⁸⁰.

Через несколько часов после атаки были разработаны стратегии борьбы с бен Ладеном. План действий, который появился утром 13 сентября, подчеркнул важность привлечения Ирана и сотрудничества с властями Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Китая, соседей Афганистана. План заключался в «оживлении» их за последующую

²⁰⁷⁴ 'Searching for the Taliban's Hidden Message', US Embassy (Islamabad) cable, 19 September 2000, National Security Archive.

²⁰⁷⁵ *The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States* (New York, 2004), p. 19.

²⁰⁷⁶ Там же, в разных местах.

²⁰⁷⁷ President George W. Bush, Address to the Nation on the Terrorist Attacks, 11 September 2001, *PPPUS: George W. Bush, 2001*, pp. 1099–1100.

²⁰⁷⁸ 'Arafat Horrified by Attacks, But Thousands of Palestinians Celebrate; Rest of World Outraged', Fox News, 12 September 2001.

²⁰⁷⁹ Statement of Abdul Salam Zaeef, Taliban ambassador to Pakistan, 12 September 2001, National Security Archive.

²⁰⁸⁰ Al-Jazeera, 12 September 2001.

неделю и подготовке к грядущим военным действиям против «Талибана»²⁰⁸¹. Первый шаг реагирования на события 11 сентября заключался в объединении стран Шелкового пути.

Одному из соседей Афганистана было уделено особое внимание. У Пакистана были тесные связи с «Талибаном», длительность которых составляла поколение, если не два. Теперь же террористические атаки требовали от Исламабада, как заявил глава пакистанской разведслужбы, выбрать между «черным и белым... без серого». Страна должна была «при-мкнуть к Соединенным Штатам и воевать против терроризма или занять сторону террористов»²⁰⁸².

После того как войска были перемещены в позицию, из которой можно было напасть на Афганистан, талибы получили последнее злое предупреждение, которое было доставлено лично президентом Пакистана или его главой безопасности. «Это абсолютно в ваших интересах и интересах вашего выживания выдать лидеров «Аль-Каиды», покончить с террористами», их лагерями и дать США доступ к террористическим объектам.

«Если какая-либо группа или лицо, связанные с Афганистаном» окажутся вовлеченными в террористические атаки в США, «ответ будет разрушительным». «Каждый из столпов режима «Талибана», говорилось в сообщении, «будет уничтожен»²⁰⁸³. Ультиматум был выразителен и ясен – сдайте бен Ладена или страдайте от последствий.

Во время выслеживания бен Ладена и уничтожения «Аль-Каиды» на карту было поставлено нечто большее, чем охота за головами. На самом деле внимание Вашингтона быстро сосредоточилось на более масштабной цели – контроле над центром Азии. Влиятельные голоса утверждали: нужно полное перепрофилирование стран этого региона, чтобы соблюсти американские интересы и значительно повысить безопасность.

В течение десятилетий США заигрывали с силами зла. Длительное время сердце Азии было настолько важно, что после Второй мировой войны стало обычным делом относиться к этому региону как непосредственно связанному с национальной безопасностью Соединенных Штатов. Его расположение между Востоком и Западом стало стратегически важным в ходе соперничества сверхдержав, в то время как природные ресурсы, такие как нефть и прежде всего газ, сделали события в странах Персидского залива и их ближайших соседей действительно важными для национальной безопасности США.

К 30 сентября 2001 года, спустя три недели после трагических событий, министр обороны Дональд Рамсфелд предложил президенту свои «стратегические мысли» о том, к чему США должны стремиться в ближайшем будущем, как часть «военных целей». «Некоторые воздушные удары против «Аль-Каиды» и «Талибана» планируется начать в ближайшее время», – подчеркивал он, отмечая начало, как он называл, «войны». Было чрезвычайно важно, писал он, «убедить или заставить государства прекратить поддержку терроризма». То, что он предложил далее, было драматичным и поразительно амбициозным: «Если война не сможет изменить политическую карту мира существенным образом, США не достигнут своей цели». Что это значило, было ясно. «Правительство Соединенных Штатов должно четко представить себе цели по этим направлениям: новые режимы в Афганистане и еще одном ключевом государстве (или двух)»²⁰⁸⁴. Ему не нужно было уточнять, о каких государствах он говорит, было ясно, что имелись в виду Иран и Ирак.

²⁰⁸¹ 'Action Plan as of 9/13/2001, 7:55am', US Department of State, 13 September 2001, National Security Archive.

²⁰⁸² 'Deputy Secretary Armitage's Meeting with Pakistani Intel Chief Mahmud: You're Either with Us or You're Not', US Department of State, 13 September 2001, National Security Archive.

²⁰⁸³ 'Message to Taliban', US Department of State cable, 7 October 2001, National Security Archive.

²⁰⁸⁴ 'Memorandum for President Bush: Strategic Thoughts', Office of the Secretary of Defense, 30 September 2001, National Security Archive.

События 11 сентября изменили отношение США ко всему миру. Будущее Америки зависело от защиты центра Азии, начиная с западной границы Ирака с Сирией и Турцией до Гиндукуша.

Видение было окончательно сформулировано президентом Бушем в конце января 2002 года. К тому времени с «Талибаном» разбирались решительно. Его представителей выжали из крупных городов, включая Кабул, в течение нескольких недель после окончания операции «Сокрушающая свобода», включающей экстенсивные авиационные удары и крупное развертывание сухопутных войск. Хотя бен Ладен все еще был на свободе, президент в послании к Конгрессу объяснил, почему США нацелились на более амбициозные цели. Многие режимы, которые ранее были враждебны к США, «после событий 11 сентября сидят тихо, но мы-то знаем их истинную натуру». Северная Корея – одно из ключевых проблемных государств. Однако основное внимание было уделено другим двум странам – Ирану и Ираку. Они вместе с Пхеньяном «образовывают ось зла, угрожающую спокойствию мира». Разрушение этой оси имело решающее значение. «Наша война против терроризма началась хорошо, но это только начало»²⁰⁸⁵.

Решимость взять все под свой контроль была потрясающей. Смещение существующих режимов, которые считались дестабилизирующими и опасными, стало основной целью стратегической политики США и союзников. Они отдавали приоритет избавлению от существующей опасности, практически не думая о том, что может произойти дальше. Устранение краткосрочных проблем было важнее долгосрочных планов. Это стало ясно исходя из планов против Афганистана, принятых в 2001 году. Правительство США не должно мучиться над созданием постталибских соглашений, говорилось в бумаге, когда воздушная кампания уже началась. Победитель «Аль-Каиды» и «Талибана» становится главным. О том, что будет дальше, можно подумать позднее²⁰⁸⁶.

Такая же скоропалительность наблюдалась и в случае с Ираком, где акцент был сделан на устранении Саддама Хусейна в условиях отсутствия планирования и понимания будущего страны. Желание избавиться от Саддама стояло на повестке дня с самого начала правления администрации Буша. Новый госсекретарь Колин Пауэлл уточнял вопрос об изменении режима в Ираке менее чем через семьдесят два часа после инаугурации Джорджа Буша и за месяц до событий 11 сентября²⁰⁸⁷. В дальнейшем, после террористических атак, внимание переключилось на Саддама Хусейна. В то время как американские войска неумолимо брали под контроль Афганистан, министерство обороны усердно работало над подготовкой большого маневра в сторону Ирака. Вопрос был прост, как говорится в заметках по планированию Рамсфелда и генерала Томми Франкса, начальника центрального командования: «Как нам начать?»²⁰⁸⁸

Были предусмотрены три возможных триггера. Все они оправдывали военные действия. Может быть, Саддам движется против курдов на север, размышлял Дональд Рамсфелд в ноябре 2001 года; может быть, это связано с нападением 11 сентября или распространением сибирской язвы (это сообщение было разослано нескольким СМИ и двум американским сенаторам в сентябре 2001 года); или, может быть, причиной стал спор об инспекции оружия массового поражения? Это выглядело многообещающим моментом, о чем свидетельствует следующий комментарий: «Начните сейчас думать о требованиях к проверке»²⁰⁸⁹.

²⁰⁸⁵ President Bush, State of the Union address, 29 January 2002, *PPPUS: Bush, 2002*, p. 131.

²⁰⁸⁶ 'US Strategy in Afghanistan: Draft for Discussion', National Security Council Memorandum, 16 October 2001, National Security Archive.

²⁰⁸⁷ 'Information Memorandum. Origins of the Iraq Regime Change Policy', US Department of State, 23 January 2001, National Security Archive.

²⁰⁸⁸ 'Untitled', Donald Rumsfeld notes, 27 November 2001, National Security Archive.

²⁰⁸⁹ Там же.

В течение 2002 года и в начале 2003 давление на Ирак было увеличено. В центре внимания оказалось химическое и биологическое оружие, а также оружие массового поражения. США показывали буквально евангельское рвение. В условиях отсутствия «неопровержимых доказательств» связи 11 сентября и Багдада в одном из отчетов отмечалось, что только на Тони Блэра можно положиться в вопросах поддержки военных действий, хотя «и за существенную политическую цену». Другие подчеркивали, что «многие, если не все страны, которые объединились или просто доброжелательно относились к США, особенно в Европе, испытывают серьезные сомнения насчет полномасштабного нападения на Ирак». Поэтому основная работа заключалась в поисках правовой базы для подготовки к войне в ожидании правильного момента. ООН никогда не дала бы разрешение на подобные действия²⁰⁹⁰. Особое внимание было уделено тому, что Ирак не только намерен создавать оружие массового поражения, но еще и делает это тайно, чиня препятствия инспекторам из Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). В некоторых случаях это создавало проблемы с самими наблюдателями, которые обнаруживали, что их позиции преувеличены, скомпрометированы и даже подвергаются риску. Весной 2002 года, например, Хосе Бустани, генеральный директор бразильской Организации по запрещению химического оружия, был отстранен от власти после специальной закрытой сессии – это был первый раз, когда глава крупной международной организации был вынужден уйти со своего поста²⁰⁹¹. Информация, зачастую полученная из ненадежных источников, была растиражирована, а спекуляции были представлены как факт, результат целеустремленной решимости укрепить позиции Ирака и Саддама. «Каждое заявление, которое я сделаю сегодня, – заявил Колин Пауэлл 5 февраля 2003 года, – подкреплено источниками, надежными источниками. Это не пустые утверждения. То, что мы даем вам, – это факты и выводы, основанные на надежной разведке»²⁰⁹².

На самом деле все было не так. Едва ли за неделю до этого в отчете МАГАТЭ было отмечено: «...мы не обнаружили никаких доказательств того, что Ирак возродил свою ядерную программу 1990-х годов».

Добавление к докладу гласило, что «необходима будет проверка данных»²⁰⁹³. В тот же день, 27 января 2003 года, появилось обновление, подписанное Хансом Бликсом, главой Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК), который заявил, что, хотя инспекторы иногда сталкиваются со случаями преследования, «Ирак до сих пор хорошо справлялся» с требованиями инспекторов²⁰⁹⁴.

Как выяснилось позже, не было никакой связи между Саддамом Хусейном и нападениями «Аль-Каиды» в 2001 году. Миллионы страниц, обнаруженные в Багдаде после вторжения, которое началось 19 марта 2003 года, выявили новые связи с терроризмом. Скорее всего, в этих документах, принадлежащих иракской разведке, большое внимание было уделено тому, чтобы приструнить таких, как Абу Аббас, лидер палестинского освободительного фронта, который проводил впечатляющие атаки в 1980-х годах и дал понять, что на американские цели не предпринималось и не будет предприниматься никаких атак, за исключением случаев нападения США на Ирак²⁰⁹⁵.

²⁰⁹⁰ 'Europe: Key Views on Iraqi Threat and Next Steps', 18 December 2001; 'Problems and Prospects of "Justifying" War with Iraq', 29 August 2002. Оба выпущены US Department of State, Bureau of Intelligence and Research Intelligence Assessment, National Security Archive. Lord Goldsmith to Prime Minister, 'Iraq', 30 July 2002; 'Iraq: Interpretation of Resolution 1441', Draft, 14 January 2003; 'Iraq: Interpretation of Resolution 1441', Draft, 12 February 2003, The Iraq Enquiry Archive.

²⁰⁹¹ 'To Ousted Boss, Arms Watchdog Was Seen as an Obstacle in Iraq', *New York Times*, 13 October 2013.

²⁰⁹² 'Remarks to the United Nations Security Council', 5 February 2003, National Security Archive.

²⁰⁹³ 'The Status of Nuclear Weapons in Iraq', 27 January 2003, IAEA, National Security Archive.

²⁰⁹⁴ 'An Update on Inspection', 27 January 2003, UNMOVIC, National Security Archive.

²⁰⁹⁵ Woods and Stout, 'New Sources for the Study of Iraqi Intelligence', esp. pp. 548–552.

Как мы уже знаем, разговоры о существовании якобы обширной и сложной программы по созданию ядерного оружия, которая была столь реальной в воображении тех, кто видел угрозу в Ираке для регионального и мирового спокойствия, на самом деле не имели под собой оснований. Трейлеры, которые Колин Пауэлл описал, как мобильное биологическое оружие, спрятанное в густых рощах и... передвигающееся с промежутками от одной до четырех недель, чтобы избежать обнаружения, оказались метеозондами, как и говорили иракцы²⁰⁹⁶.

Решимость избавиться от Саддама Хусейна любой ценой шла рука об руку с хронически плохим планированием устранения последствий. Чертежи и книги, которые были выпущены до и во время вторжения, рисовали идиллическую картинку будущего Ирака после освобождения. Согласно одному крупному исследованию, нефтяные запасы Ирака были значительными. Это был потенциал, «способный принести пользу каждому гражданину страны, независимо от этнической и религиозной принадлежности»²⁰⁹⁷. Наивное предположение, что богатство будет поделено ко всеобщему удовольствию и честно, многое говорит о нереалистичных ожиданиях относительно последствий вторжения. Тем не менее мотивы спонтанных решений сквозили повсюду. «Ирак, в отличие от Афганистана, довольно богатая страна», – заявил спикер Белого дома Ари Флейшер во время брифинга в феврале 2003 года. Здесь есть огромные ресурсы, которые принадлежат народу этой страны. И Ирак вполне способен взять на себя большую часть бремени по собственной реструктуризации.

Об этом же говорил Пол Вулфовиц, заместитель Дональда Рамсфелда, во время слушаний в комитете по ассигнованиям через восемь дней после начала вторжения в марте 2003 года. Нет никаких причин для беспокойства, настаивал он: «...мы имеем дело со страной, которая может сама финансировать свою реструктуризацию, и сравнительно скоро». По его беззаботным предсказаниям, запасы нефти должны были принести от 50 до 100 миллиардов долларов за два или три года²⁰⁹⁸.

Сама идея, что свержение Саддама превратит Ирак в страну с молочными реками и кисельными берегами, представляла собой выдавание желаемого за действительное. Когда войска вошли в Афганистан, политические планировщики отметили, что США «не должны совершать военного вмешательства в постталибский мир, так как США будут активно участвовать в борьбе с терроризмом во всем мире»²⁰⁹⁹. Примерно такие же ожидания наблюдались и в отношении Ирака: войска численностью 270 000 человек должны были понадобиться для вторжения в страну в соответствии с планами, составленными центральным командованием, однако всего через три года понадобилось лишь 5000 пехотинцев. Все это выглядело правдоподобно, когда было представлено на слайдах PowerPoint для тех, кто видел, что хотел видеть²¹⁰⁰. Предполагалось, что это будут легкие войны, которые будут быстро завершены и обеспечат новый баланс, который будет достигнут в ключевом регионе Азии.

В обоих случаях, однако, войны оказались длительными и дорогостоящими. После падения Багдада и последовавших за этим мятежей Ирак был практически охвачен гражданской войной. В то же самое время реакция на вторжение была такой же решительной, как в случае с Советским Союзом в 1980-е годы. И сейчас, так же, как и тогда, Пакистан оказывал поддержку особенно бескомпромиссным борцам сопротивления. Многие тысячи

²⁰⁹⁶ ‘Remarks to the United Nations Security Council’, 5 February 2003; cf. ‘Iraqi Mobile Biological Warfare Agent Production Plants’, CIA report, 28 May 2003, National Security Archive.

²⁰⁹⁷ ‘The Future of the Iraq Project’, State Department, 20 April 2003, National Security Archive.

²⁰⁹⁸ Ari Fleischer, Press Briefing, 18 February 2003; Paul Wolfowitz, ‘Testimony before House Appropriations Subcommittee on Defense’, 27 March 2003.

²⁰⁹⁹ ‘US Strategy in Afghanistan: Draft for Discussion’, National Security Council Memorandum, 16 October 2001, National Security Archive.

²¹⁰⁰ Planning Group Polo Step, US Central Command Slide Compilation, c. 15 August 2002, National Security Archive.

военнослужащих отдали свои жизни, больше 150 000 американских солдат были сильно ранены, многие получили инвалидность²¹⁰¹. На фоне этого сотни тысяч афганских и иракских гражданских лиц, убитых или раненных в ходе военных действий или пострадавших в силу того, что оказались в неправильном месте в неправильное время, под перекрестным огнем, воздушными ударами или рядом со взрывающимися автомобилями, были оценены как «сопутствующий ущерб»²¹⁰².

Финансовые затраты поднимались с поразительной скоростью. Одно недавнее исследование оценивает стоимость участия в войне в Ираке и Афганистане не менее чем в 6 триллионов долларов, учитывая 75 000 долларов за долгосрочное медицинское обслуживание каждой американской семьи и компенсации по инвалидности. Это составило около 20 % государственного долга США в период между 2001 и 2012 годами²¹⁰³.

То, что эффект от интервенций был более ограниченным, чем ожидалось, только ухудшило ситуацию. К 2011 году президент Обама почти отказался от затеи с Афганистаном, согласно его бывшему министру обороны Роберту Гейтсу, который осознал всю мрачность ситуации во время встречи в Белом доме в марте 2011 года: «Когда я сидел там, я подумал: президент не доверяет своему командующему (генералу Петреусу), не выносит (президента Афганистана) Карзая, не верит в свою же собственную стратегию и не считает эту войну своей. Он думал о выходе из войны»²¹⁰⁴. Это описание со злостью повторил президент Карзай, который поднялся, получил поддержку и, по мнению многих, обогатился за счет Запада. «Как нация», отмечал автор Уильям Далримпл, Афганистан сильно пострадал от политики США. Американцы «не сражались с терроризмом, который до сих пор остается на своем месте. Они продолжали уничтожать Афганистан и его народ». Другого пути не было, заявил он: «Это предательство»²¹⁰⁵.

Тем временем в Ираке было нечем похвастаться, кроме больших потерь, высокой цены, которую пришлось уплатить, и крушения надежд на будущее. Через десять лет после падения Саддама Хусейна страна оказалась на нижних строчках рейтинга демократических стран. Уровень соблюдения прав человека, свободы прессы, прав меньшинств, свободы слова и противоборства коррупции в Ираке на тот момент оказались не выше, чем было при Саддаме Хусейне, а иногда даже ниже. Страна была парализована неопределенностью и страхом, меньшинства испытывали катастрофические потрясения и подвергались гротескному насилию. Перспективы на будущее выглядели довольно мрачными.

Это, конечно же, был удар по репутации Запада в целом и США в частности. «Мы должны избегать создания имиджа американцев, убивающих мусульман», — советовал Дональд Рамсфелд президенту Бушу через две недели после событий 11 сентября²¹⁰⁶. Такая очевидная чуткость была вскоре заменена изображениями заключенных под стражей без суда в «чистилище» Гуантанамо — месте, специально выбранном на том основании, что заключенные могут быть лишены защиты, согласно Конституции США. Исследования подготовки к войне в Ираке в Соединенных Штатах и Великобритании показали, что доказательства были искажены и использовались для манипулирования и получения поддержки решений, которые уже были приняты за закрытыми дверями. Усилия по контролю СМИ в

²¹⁰¹ H. Fischer, 'US Military Casualty Statistics: Operation New Dawn, Operation Iraqi Freedom and Operation Enduring Freedom', *Congressional Research Service*, RS22452 (Washington, DC, 2014).

²¹⁰² Оценки числа жертв среди гражданского населения в Ираке и Афганистане в период между 2001 и 2014 годами регулярно распределяются в пределах 170 000–220 000 человек. См., например, www.costsofwar.org.

²¹⁰³ L. Bilmes, 'The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets', *Harvard Kennedy School Faculty Research Working Paper Series*, March 2013.

²¹⁰⁴ R. Gates, *Memoirs of a Secretary at War* (New York, 2014), p. 577.

²¹⁰⁵ 'How is Hamid Karzai Still Standing?', *New York Times*, 20 November 2013.

²¹⁰⁶ 'Memorandum for President Bush: Strategic Thoughts', National Security Archive.

постсаддамском Ираке, а именно переход от свободы слова к использованию журналистами «информации, одобренной правительством США», чтобы подчеркнуть надежды на процветание и демократическое будущее, вызывали воспоминания о советских комиссарах, санкционировавших истории, которые основывались скорее на мечтах, чем на реальных событиях²¹⁰⁷.

Вдобавок ко всему наблюдались внесудебные выдачи, пытки в институциональном масштабе и удары беспилотников в отношении фигур, которые считались (но это не было доказано) угрозами. Это многое говорит об изощренности и плюрализме Запада, где подобные вопросы можно обсуждать в общественных местах и где, с одной стороны, многие ужасаются лицемерию сообщений о превосходстве демократии, а с другой – практикуют имперские обычаи. Некоторые были так потрясены, что решили устроить утечку секретной информации, которая показала, как осуществлялась политика: прагматично, второпях и часто без учета международного права и принципов справедливости. Ничего из этого не показывало Запад в хорошем свете – что-то остро ощущалось самими разведслужбами, которые боролись за то, чтобы сохранить секретные отчеты о характере и масштабах применения пыток, даже при условии прямых запросов Сената США.

В то время как внимание было сосредоточено на формировании облика и влиянии на Ирак и Афганистан, было важно не упустить из виду попытки добиться перемен в Иране. Для этого использовались санкции, навязанные Вашингтоном, которые, как оказалось, имели обратный эффект. Так же как и в Ираке в 1990-х годах, было ясно, что самый большой эффект они оказали на самые бедные, слабые и бесправные слои населения – их положение стало намного хуже. Запрет на экспорт иранской нефти сказался на уровне жизни не только иранцев, но и людей, которые проживали на другом конце мира. На мировом энергетическом рынке цена за единицу газа, электроэнергии и топлива влияет на фермеров в штате Миннесота, водителей такси в Мадриде, девушек, обучающихся в странах Африки южнее Сахары и производителей кофе во Вьетнаме. Мы все напрямую зависим от политических решений, реализуемых за тысячи миль от нас. Легко забыть, что в развивающихся странах цент может спасти жизнь. Наложение эмбарго может означать молчаливое удушье для тех, чьи голоса не могут быть услышаны, – матерей в трущобах Мумбаи, плетельщиков корзин в пригороде Момбасы или женщин, пытающихся противостоять незаконной деятельности предприятий горнодобывающей промышленности в Южной Америке. Таким образом, Иран был вынужден дезавуировать ядерную программу, созданную на основе технологий США, проданной деспотичному, нетерпимому и коррумпированному режиму в 1970-е годы.

Помимо дипломатического и экономического давления, оказанного на Тегеран, США дали понять, что рассмотрят вопрос о применении силы против Ирана, чтобы положить конец программе обогащения.

На заключительных этапах деятельности последней администрации Буша Дик Чейни утверждал, что он добивался ударов по иранским ядерным объектам, несмотря на то что реакторы, такие как Бушир, теперь были в значительной степени защищены сложными российскими зенитно-ракетными комплексами. «Я был, вероятно, большим сторонником военных действий, чем многие из моих коллег», – сказал он в 2009 году²¹⁰⁸. Другие предупреждали его, что упреждающие удары сделали бы ситуацию в регионе хуже, а не лучше. Он неоднократно возвращался к этой идее. Если не угроза военных действий, переговоры потер-

²¹⁰⁷ “‘Rapid Reaction Media Team’ Concept”, US Department of Defense, Office of the Assistant Secretary for Special Operations and Low-Intensity Conflict, 16 January 2003, National Security Archive.

²¹⁰⁸ М. Phillips, ‘Cheney Says He was Proponent for Military Action against Iran’, *Wall Street Journal*, 30 August 2009.

пят неудачу, сказал он в 2013 году. «Я не вижу, как мы собираемся достичь нашей цели без этого», — отмечал он в интервью ABC News²¹⁰⁹.

Идея о том, что Запад должен угрожать и быть готовым использовать силу, чтобы получить то, чего он хочет, стала мантрой в Вашингтоне. «Ирану придется доказать, что его программа является действительно мирной», — сказал госсекретарь Джон Керри в ноябре 2013 г. Иран должен иметь в виду, предупредил он, что «президент особенно отметил, что он не снимает вопрос угрозы с повестки дня». Это сообщение повторялось неоднократно. «Военный вариант, который доступен для Соединенных Штатов, уже готов», — сказал Керри в интервью каналу «Аль-Арабия» в январе 2014 года. Если потребуется, добавил он, США поступят так, «как необходимо»²¹¹⁰. «Как я говорил снова и снова во время моего президентства, — подчеркнул президент Обама, — я не колеблюсь использовать силу, когда необходимо будет защитить Соединенные Штаты и их интересы»²¹¹¹.

Несмотря на угрозы, направленные на то, чтобы усадить Иран за стол переговоров, США, по всей видимости, действовали за кулисами, чтобы в любом случае достичь желаемого. Хотя существует несколько потенциальных источников вируса Stuxnet, атаковавшего центрифуги на ядерном объекте в Натанзе в Иране, а затем другие реакторы по всей стране, многочисленные свидетельства говорят о том, что очень сложная и агрессивная стратегия киберориентированной ядерной программы может быть прослежена до Соединенных Штатов и непосредственно Белого дома²¹¹². Кибертерроризм является приемлемым, видимо, до тех пор, пока он находится в руках западных разведок. Так же как и угрозы применения силы против Ирана в стремлении защитить глобальный порядок, который соответствовал бы западным интересам, это просто новая глава, в которой предпринимаются попытки для сохранения позиции на древних перекрестках цивилизации. Для того чтобы поступать иначе, ставки слишком высоки.

²¹⁰⁹ 'Kerry presses Iran to prove its nuclear program peaceful', Reuters, 19 November 2013.

²¹¹⁰ 'Full Text: Al-Arabiya Interview with John Kerry', 23 January 2014. — www.alara-biya.com.

²¹¹¹ President Obama, 'Remarks by the President at AIPAC Policy Conference', 4 March 2012, White House.

²¹¹² D. Sanger, 'Obama Order Sped Up Wave of Cyber-Attacks against Iran', *New York Times*, 1 June 2012; D. Sanger, *Confront and Conceal: Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power* (New York, 2012).

Заключение. Новый Шелковый путь

Во многих отношениях конец XX века и начало XXI стали чем-то вроде катастрофы для США и Европы, так как они потерпели поражение в отчаянной войне за восстановление позиций в жизненно важных местах, которые соединяли Восток и Запад. Что было поразительно, на протяжении последних десятилетий у Запада отсутствовало видение мировой истории, общей картины и основных действующих лиц в регионе. С точки зрения политических планировщиков, политиков, дипломатов и генералов, проблемы Афганистана, Ирана и Ирака казались отдельными, слабо связанными друг с другом событиями.

Тем не менее взгляд назад позволяет оценить перспективу и понять, что происходит в обширном регионе, который находится в смятении. В Турции идет борьба за душу страны, в то время как интернет-провайдеры и СМИ закрываются по прихоти правительства. О будущем страны идут споры. Похожая дилемма наблюдается и на Украине, где различные силы раздирают страну на части. Сирия также проходит через тяжелые времена. Сражение либералов и консерваторов обошлось стране слишком дорого. Кавказ тоже находится в переходном периоде поиска собственной идентичности и национализма, в основном в Чечне и Грузии. Кроме того, на востоке также есть нестабильные регионы: «Тюльпановая революция» в Кыргызстане в 2005 году стала прелюдией к длительному периоду политической нестабильности, в Синьцзяне на западе Китая уйгуры стали чрезвычайно беспокойны и враждебны. Угрозы террористических атак привели к тому, что правительство постановило, что длинная борода подозрительна, и запустило программу, известную как «Проект Красота», одной из целей которого являлась отмена ношения женщинами чадры.

Более того, кроме неуклюжих попыток вмешательства Запада в дела Ирака, Афганистана, было использовано давление на Украине, в Иране и других местах. В направлении с востока на запад возрождается Шелковый путь. Очень легко впасть в заблуждение из-за расположения и жестокости исламского мира, религиозного фундаментализма, столкновений России с ее соседями или борьбы Китая против экстремизма в западных провинциях. Мы стали свидетелями мук рождения региона, который когда-то доминировал в интеллектуальном, культурном и экономическом плане и теперь возрождается. Мы видим, как центр гравитации мира смещается туда, где он был тысячелетие назад.

Существуют очевидные причины того, почему это происходит. Наиболее важными, конечно, являются природные ресурсы региона. Монополии на ресурсы Персии, Месопотамии и Залива были главным приоритетом во время Первой мировой войны, с тех пор попытки заполучить главный приз в истории занимали умы западного мира. Во всяком случае сейчас на кону стоит гораздо больше, чем в те времена, когда Нокс Д'Арси сделал свои первые находки. Только найденные запасы на дне Каспийского моря в два раза больше, чем на всей территории США²¹¹³. В Курдистане недавно были обнаружены крупные месторождения, такие как Так-Так, производительность которого после 2007 года возросла с 2000 до 250 000 баррелей в день, что равнозначно сотням миллионов долларов в месяц; или Кара-чаганакский заповедник на границе между Казахстаном и Россией, который содержит примерно 42 триллиона кубических футов природного газа, а также сжиженного газа и сырой нефти. Страны этого региона буквально полны природных ресурсов.

Кроме всего прочего, есть Донбасский угольный бассейн, который находится на восточной границе Украины с Россией и славится угольными запасами с выработкой около

²¹¹³ B. Gelb, *Caspian Oil and Gas: Production and Prospects* (2006); *BP Statistical Review of World Energy* June 2006; PennWell Publishing Company, *Oil & Gas Journal*, 19 December 2005; Energy Information Administration, *Caspian Sea Region: Survey of Key Oil and Gas Statistics and Forecasts*, July 2006; 'National Oil & Gas Assessment', US Geological Survey (2005).

10 миллионов тонн. Этот регион становится все более значимым из-за насыщенности ресурсами. Согласно недавним исследованиям геологической службы США, здесь предполагается наличие 1,4 миллиарда баррелей нефти, 2,4 триллиона кубических футов природного газа, а также бесчисленное количество сжиженного природного газа²¹¹⁴. Помимо этого, запасы природного газа есть в Туркменистане. С учетом того, что там находится примерно 700 триллионов футов природного газа, страна контролирует примерно четверть мировых запасов этого ресурса.

Шахты Узбекистана и Кыргызстана, которые являются частью Тяньшаньского пояса, уступают только месторождению Витватерсранд в Южной Африке из-за его запасов золота. В Казахстане были найдены бериллий и диспрозий, а также другие редкоземельные ресурсы, которые необходимы для производства мобильных телефонов, ноутбуков и аккумуляторных батарей, а также уран и плутоний, которые требуются для ядерной энергетики и ядерных боеголовок.

Земля сама по себе тоже представляет ценность. Когда-то главной ценностью Центральной Азии были лошади, желанные как при дворе в Китае, так и на рынках в Дели, они были известны летописцам как Киева, так и Константинополя и Бейджина. Сейчас большие пространства в степи превращены в плодородные поля южной России и Украины, земля, известная под названием «чернозем», настолько востребована, что одна неправительственная организация обнаружила, что только на Украине ежегодно продается этой почвы на миллиарды долларов²¹¹⁵.

Влияние нестабильности, беспорядков и войн в этом регионе сказывается не только на стоимости бензина на заправочных станциях всего мира, но и на ценах на технологии, которыми мы пользуемся, и даже на хлеб, который мы едим. Например, летом 2010 года из-за погодных условий в России был небольшой урожай, который не мог удовлетворить даже спрос на внутреннем рынке. Когда стало ясно, что будет дефицит, немедленно был наложен запрет на экспорт зерновых, вступающий в силу через десять дней после подписания. Влияние на мировые цены на зерновые было немедленным: они выросли на 15 % всего за два дня²¹¹⁶. Суматоха на Украине в начале 2014 года имела тот же эффект, цены на пшеницу резко возросли из-за опасений по поводу влияния на сельскохозяйственную продукцию третьего по величине экспортера пшеницы.

Культивация других культур в этой части света происходит по тем же принципам. Когда-то Центральная Азия была известна апельсиновыми деревьями Бабура и тюльпанами, которые ценились в столицах Западной Европы в XVII веке так высоко, что в Амстердаме можно было получить дом всего за одну луковицу. Сейчас ведется ожесточенная борьба с маком. Его культивация, прежде всего в Афганистане, лежит в основе мировых моделей потребления героина и определяет его цену, а также влияет на цены и результат лечения от наркотической зависимости и реабилитации, а также попытки полиции бороться с организованной преступностью²¹¹⁷.

С западной точки зрения, эта часть мира может показаться странной, незнакомой и даже эксцентричной. В Туркменистане в 1998 году была возведена гигантская статуя пре-

²¹¹⁴ T. Klett, C. Schenk, R. Charpentier, M. Brownfield, J. Pitman, T. Cook and M. Tennyson, 'Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of the Volga-Ural Region Province, Russia and Kazakhstan', US Geological Service (2010), pp. 3095–3096.

²¹¹⁵ Зеленый фронт. Вывоз чернозема в Песочине: браконьеры задержаны. Пресс Релиз. – Харьков, 12 июня 2011.

²¹¹⁶ World Bank, *World Price Watch* (Washington, DC, 2012).

²¹¹⁷ Афганистан отвечает за 74 процента мирового производства опиума, в 2007 году этот показатель составлял 92 процента, *United Nations Office on Drugs and Crime – World Drug Report 2011* (Vienna, 2011), p. 20. Как ни странно, как показывают местные цены на опий, чем более эффективна кампания по сокращению производства опиума, тем выше цены и, следовательно, более прибыльным становится выращивание и торговля. Точные цифры см. *Afghanistan Opium Price Monitoring: Monthly Report* (Ministry of Counter Narcotics, Islamic Republic of Afghanistan, Kabul, and United Nations Office on Drugs and Crime, Kabul, March 2010).

зидента из золота, которая указывает на солнце. Через четыре года были переименованы месяцы, так, например, апрيل (который ранее был апрелем) был изменен на гурбансолтан в честь покойной матери лидера страны. По соседству с Туркменистаном находится Казахстан, где президент Нурсултан Назарбаев был переизбран с впечатляющим результатом в 96 %. По дипломатическим каналам просочилась информация о том, что такие звезды, как Элтон Джон и Нелли Фуртадо, дали концерты для президентской семьи, получив предложение, от которого было невозможно отказаться²¹¹⁸. В Таджикистане, после того как был поставлен рекорд самого высокого флагштока, задумались о строительстве самого большого в Центральной Азии театра, самой большой в регионе библиотеки, самого большого музея и чайного дома²¹¹⁹.

В то же самое время в Азербайджане, на западном берегу Каспийского моря, президент Алиев, чью семью американские дипломаты сравнивают с семьей Корлеоне, на недавних выборах одержал менее впечатлительную победу, получив всего 86 % голосов. Мы также знаем, что сын президента владеет несколькими виллами и апартаментами в Дубае стоимостью 45 миллионов долларов, что эквивалентно среднему доходу в Азербайджане за 10 000 лет. Неплохо для одиннадцатилетнего²¹²⁰. Президент Ирана, который находится к югу от Азербайджана, официально отрицает холокост и обвиняет «западные державы в деспотизме» и развитии ВИЧ, чтобы продавать больше лекарств и медицинского оборудования в бедные страны²¹²¹.

Это регион, который в западном сознании ассоциируется с отсталостью, деспотизмом и жестокостью. Слишком долго, заявила госсекретарь Хиллари Клинтон в 2011 году, Центральную Азию «раздирали конфликты» и царил здесь развал. Это место, где торговля и сотрудничество были задушены «бюрократическими барьерами и другими препятствиями, которые затрудняли передвижение товаров и людей»; единственный способ «улучшить жизнь этих людей», заключила она, попытаться установить стабильность и безопасность. Только тогда будет возможно «привлечь больше инвестиций», которые, по ее мнению, чрезвычайно важны для социального и экономического развития²¹²².

При всей кажущейся «инаковости» эти земли всегда были чрезвычайно важны в мировой истории в том или ином качестве, соединяя Восток и Запад и представляя собой сосредоточие различных идей, обычаев и языков, которые дошли и до наших дней.

Сейчас Шелковый путь снова возрождается, незаметно для многих. Экономисты еще не обратили внимание на богатства, которые находятся под землей и водой, а также в горах, опоясывающих Черное море, Малую Азию, Левант и Гималаи. Вместо этого они сосредоточились на группах стран, у которых нет никаких исторических связей, а только внешне похожие данные, например, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), и которые стали затмеваться странами MIST (Малайзия, Индонезия, Южная Корея и Турция)²¹²³. На самом деле это истинный дух Средиземноморья, на который мы должны обратить внимание. Это не Дикий Восток, и не Новый мир, который нужно открывать, это регион с возрождающимися связями.

²¹¹⁸ 'Lifestyles of the Kazakhstani leadership', US diplomatic cable, EO 12958, 17 April 2008, WikiLeaks.

²¹¹⁹ *Guardian*, 20 April 2015

²¹²⁰ 'President Ilham Aliyev – Michael (Corleone) on the Outside, Sonny on the Inside', US diplomatic cable, 18 September 2009, WikiLeaks EO 12958; for Aliyev's property holding in Dubai, *Washington Post*, 5 March 2010.

²¹²¹ Цитируется в 'HIV created by West to enfeeble third world, claims Mahmoud Ahmadinejad', *Daily Telegraph*, 18 January 2012.

²¹²² Hillary Clinton, 'Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting', New York, 22 September 2011, US State Department.

²¹²³ J. O'Neill, *Building with Better BRICS*, Global Economics Paper, No. 66, Goldman Sachs (2003); R. Sharma, *Breakout Nations: In Pursuit of the Next Economic Miracles* (London, 2012); J. O'Neill, *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond* (London, 2011).

В городах появляется большое количество новых аэропортов, туристических зон, роскошных отелей, на которые тратятся огромные суммы денег. В Ашхабаде в Туркменистане построили новый президентский дворец и закрытый спортивный центр для зимних видов спорта, которые обошлись в сотни миллионов долларов. Консервативные оценки показывают, что на туристическую зону Аваза на восточном побережье Каспийского моря уже потратили больше 2 миллиардов долларов. Современный терминал в международном аэропорту Гейдара Алиева в Баку с гигантскими деревянными коконами и вогнутыми стеклянными стенами встречает путешественников в полном нефти Азербайджане, и они тут же уверяются в оправданности амбиций и богатстве, аналогичные чувства вызывает и «Кристалл-холл», в котором в 2012 году проходило «Евровидение». Теперь, когда Баку процветает, у международного путешественника есть богатый выбор, где остановиться: Hilton, Kempinski, Radisson, Ramada, Sheraton и Hyatt Regency, а также новое поколение отелей-бутиков. И это всего лишь начало: только за 2011 год количество отелей в городе увеличилось вдвое, и это число могло еще вырасти за последующие четыре года²¹²⁴. Город Эрбил, не известный практически никому, кроме тех, кто знаком с нефтяным бизнесом, тем не менее является главным городом Иракского Курдистана. Расценки на номера в отеле Erbil Rotana гораздо выше, чем в европейских столицах и многих крупных городах США. Стандартный номер стоит от 290 долларов за ночь. Это цена включает завтрак (но не wi-fi)²¹²⁵.

В Казахстане были созданы новые городские центры, включая новую столицу – Астану, которая поднялась менее чем за двадцать лет. Сейчас там располагается роскошный дворец Мира и Согласия, спроектированный Норманом Фостером, а также башня Байтерек 330 футов в высоту в форме дерева, на котором находится золотое яйцо, на нем есть отпечаток руки президента Казахстана, до которого нужно дотронуться, чтобы загадать желание.

Для нетренированного глаза этот регион выглядит как место, где миллиардеры появляются буквально ниоткуда, чтобы приобрести самые лучшие произведения искусства в аукционных домах Лондона, Нью-Йорка и Парижа, и счастливы, если им удастся купить недвижимость по ценам, которые невероятны для местных жителей. Согласно лондонскому рынку недвижимости, выходцы из бывших республик Советского Союза тратят на недвижимость примерно в три раза больше, чем покупатели из США или Китая и в четыре раза больше, чем местные жители²¹²⁶. Один за другим эксклюзивные частные дома и примечательные здания на Манхэттене, в Мейфэре, Найтсбридже и на юге Франции скупаются узбекскими медными магнатами, олигархами, которые сделали себе состояние на калии, нефтяными магнатами из Казахстана, которые платят огромные суммы, зачастую наличными. Некоторые вкладывают целые состояния во всемирно известных футболистов, например, Сэмюэля Это'о Фиса купил олигарх с Каспийского моря для клуба «Анжи Махачкала», который находится в Дагестане. Сэмюэль был самым высокооплачиваемым футболистом в мире. Другие тратят свои деньги на имидж своей страны. Например, в Баку был проведен чемпионат мира по футболу среди девушек до 17. На церемонии открытия чемпионата была замечена Дженифер Лопес. Разительный контраст с чемпионатом в Тринидаде и Тобаго, где небольшая группа танцоров выступала перед несколькими сотнями зрителей²¹²⁷.

²¹²⁴ Jones Lang Lasalle, *Central Asia: Emerging Markets with High Growth Potential* (February 2012).

²¹²⁵ Erbil Rotana. – www.rotana.com/erbilrotana.

²¹²⁶ *The World in London: How London's Residential Resale Market Attracts Capital from across the Globe*, Savills Research (2011).

²¹²⁷ The Cameroon international star, Samuel Eto'o, signed from Barcelona in 2011, Associated Press, 23 August 2011. Открытие молодежного чемпионата мира среди девушек до 17 лет ознаменовалось 10-минутной церемонией с участием «танцевальной группы Shiv Shakit», 'Grand Opening: Trinbagonian treat in store for U-17 Women's World Cup', *Trinidad Express*, 27 August 2010.

Новые связи возникают по всей Азии, объединяя этот важный регион с севером, югом, востоком и западом. Формируются различные пути, так же как и тысячелетие назад. Существовавшие ранее дополнены новыми видами путей, например, создана Северная распределительная сеть, серия транзитных коридоров, предназначенных для доставки «несмертельных грузов» для США и коалиционных сил в Афганистане через Россию, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, с использованием инфраструктуры времен СССР, созданной в 1980-х годах во время советской оккупации²¹²⁸.

Не стоит забывать и о нефте- и газопроводах, которые доставляют нефть и газ тем, кто желает и может платить в Европе, Индии, Китае и многих других местах. Трубопроводы пересекают регион во всех направлениях, соединяясь с портом Джейхан на юго-востоке Турции или растягиваясь по всей Центральной Азии, чтобы удовлетворить потребности в ископаемых видах топлива в Китае, увеличивающиеся по мере роста экономики.

Постоянно открываются новые рынки, между ними устанавливаются связи, что привело к тесному сотрудничеству между Афганистаном, Пакистаном и Индией, чьи интересы тесно переплетаются, когда дело касается вопросов доступа к более обильной и дешевой энергии через новый трубопровод проходимостью 950 миллионов кубических футов природного газа в год. Маршрут – от газовых месторождений Туркменистана в направлении Герата до Кандагара, а затем в Кетту и Мултан. Этот путь мог быть известен согдийским купцам 2000 лет назад, так же как и торговцам лошадьми XVII века, проектировщикам железных дорог в викторианскую эпоху и поэтам, которые отправлялись на работу ко двору Газневидов в Средние века.

Существующие и планируемые трубопроводы соединяют Европу с нефтяными и газовыми запасами в центре мира, одновременно поднимая политическую, экономическую и стратегическую значимость не только стран-экспортеров, но и тех стран, через которые они проходят: как уже показал пример России, энергетические запасы могут служить оружием за счет повышения цен или прекращения поставок (на Украину). Учитывая, что многие страны сильно зависят от российского газа, а многие компании, в которых «Газпром» при поддержке Кремля имеет большой, а иногда и контрольный пакет акций, использование энергии, ресурсов и трубопроводов в качестве экономического, дипломатического и политического оружия, кажется, будет одним из важнейших вопросов XXI века. Возможно, зловещим предзнаменованием является тот факт, что докторская диссертация президента Путина была посвящена стратегическому планированию и использованию российских минеральных ресурсов, некоторые ставят под сомнение оригинальность тезиса и даже правдивость присуждения докторской степени²¹²⁹.

На Востоке эти трубопроводы создают основу завтрашнего дня. Китай заключил контракт на поставки газа на тридцать лет стоимостью 400 миллиардов долларов. Эта гигантская сумма частично выплачивается авансом, тем самым обеспечивая Бейджину энергетическую безопасность, которой он так жаждет, и это более чем оправдывает расчетную стоимость нового трубопровода и дает Москве свободу и дополнительную уверенность в том, как она ведет дела со своими союзниками и врагами. Неудивительно, что Китай был единственным членом Совета Безопасности ООН, который не упрекал Россию за ее действия во время украинского кризиса в 2014 году. Суровая реальность взаимовыгодной торговли гораздо привлекательнее, чем политика балансирования Запада.

²¹²⁸ T. Kutchins, T. Sanderson and D. Gordon, *The Northern Distribution Network and the Modern Silk Road: Planning for Afghanistan's Future*, Center for Strategic and International Studies (Washington, DC, 2009).

²¹²⁹ I. Danchenko and C. Gaddy, 'The Mystery of Vladimir Putin's Dissertation', отредактированная версия презентаций авторов на панели программы Brookings Institution Foreign Policy, 30 March 2006.

За последние три десятилетия торговые связи и трубопроводы сильно расширились. Крупные инвестиции в трансконтинентальную железную дорогу уже способствовали открытию грузовых линий протяженностью 7000 миль.

Международная железная дорога Юйсину идет из Китая к крупному распределительному центру возле Дуйсбурга в Германии. Президент Си Цзиньпин лично посетил ее в 2014 году. Поезда длиной в половину мили начали перевозить миллионы ноутбуков, единиц обуви, одежды и других нескоропортящихся продуктов в одном направлении: так, электроника, автозапчасти и медицинское оборудование отправились в шестидневную поездку. Определенно, это гораздо быстрее, чем продвижение по морским путям из портов Китая в Тихом океане.

Уже было объявлено, что в улучшение железнодорожных соединений будет инвестировано 43 миллиона долларов. Некоторые предсказывают, что число контейнеров, которые перевозят каждый год, увеличится с 7500 в 2012 году до 7,5 миллиона в 2020 году²¹³⁰. И это только начало, планируется постройка железнодорожных линий через Иран, Турцию, Балканы и Сибирь в Москву, Берлин и Париж. Также новые пути должны соединить Бейджин с Пакистаном, Казахстаном и Индией. Ведутся разговоры о строительстве туннеля длиной 200 миль под Беринговым проливом, который позволит поездам проходить из Китая через Аляску и Канаду в США²¹³¹.

Правительство Китая тщательно строит сети, сознательно подключается к источникам минералов, энергетических ресурсов и стремится получить доступ к городам, гаваням и океанам. Не проходит и месяца без анонсирования широкомасштабного финансирования обновления или строительства с нуля инфраструктуры, которая позволит значительно увеличить объемы и скорость торговли. Это осуществляется в партнерстве с теми странами, которые перешли из статуса «железные друзья» в статус друзей, которые переживают что угодно²¹³².

Эти изменения уже привели к повторному появлению западных провинций Китая. Учитывая, что рабочая сила на континенте гораздо дешевле, чем на побережье, многие открыли свой бизнес недалеко от Джунгарских ворот – древнего входа в страну с запада, через который теперь проезжают поезда. Компания Hewlett-Packard перевела свои производственные подразделения из Шанхая в Чунцин, город на юго-западе, где ежегодно производятся 20 миллионов ноутбуков и 15 миллионов принтеров и откуда отправляются миллионы товаров на западные рынки. Другие, например компания Ford Motor, последовали этому примеру. Foxconn, ведущая компания в сфере IT и крупнейший поставщик Apple, увеличила свое присутствие в Чэнду за счет старых представительств в Шеньяне²¹³³.

Появлялись и другие транспортные цепи. Самолеты, перевозящие бизнесменов из Китая в Алма-Ату в Казахстане, Баку в Азербайджане, а также Стамбул и многие города России, совершают рейсы пять раз в неделю.

Расписание прилета и отправления в аэропортах Ашхабада, Тегерана, Астаны и Ташкента показывает увеличение сообщений между городами региона, в то же самое время демонстрируя незначительный объем контактов с Европой. Рейсы туда редкость, особенно по сравнению с рейсами в район Залива, Индию и Китай.

²¹³⁰ 'Putin pledges \$43 billion for infrastructure', Associated Press, 21 June 2013. Оценки см. в International Association 'Coordinating Council on Trans-Siberian Transportation', 'Transsib: Current Situation and New Business Perspectives in Europe-Asian Traffic', UNECE Workgroup, 9 September 2013.

²¹³¹ См., например, the *Beijing Times*, 8 May 2014.

²¹³² 'Hauling New Treasure along Silk Road', *New York Times*, 20 July 2013.

²¹³³ Отчет о влиянии Китая на розничные цены на золото – World Gold Council, *China's Gold Market: Progress and Prospects* (2014). Продажи в Китае Prada и связанных с ней компаний выросли на 40 процентов только в 2011 году, *Annual Report, Prada Group* (2011). К концу 2013 года доходы Prada Group в Большом Китае были почти вдвое выше, чем в Северной и Южной Америке, вместе взятых, *Annual Report* (2014).

В регионе появились новые передовые интеллектуальные центры, откуда в свое время вышли выдающиеся ученые. На всей территории Персидского залива стали появляться кампусы, которые обеспечиваются местными правительствами и управляются администрацией Йеля, Колумбийского и прочих университетов. Некоммерческие центры – Институты Конфуция появились в каждой стране между Китаем и Средиземноморьем, чтобы показать щедрость Бейджина.

Также активно строятся центры искусств, начиная с выдающегося национального музея в Катаре и заканчивая музеем Гуггенхайма в Абу-Даби и Музеем современного искусства в Баку. Появились новые, внушительные здания, например Национальная библиотека в Ташкенте или Собор Самеба в Тбилиси, строительство которого было оплачено грузинским олигархом Бидзиной Иванишвили, который на аукционе 2006 года приобрел картину Пикассо «Дора Маар» за 95 миллионов долларов. Регион возрождается и возвращается к былой славе.

Модные дома Запада – Prada, Burberry и Louis Vuitton – строят огромные новые магазины, которые приносят немалые прибыли по всему Персидскому заливу, России, Китаю и Дальнему Востоку (ирония заключается в том, что прекрасные шелка и ткани продаются туда, откуда они изначально произошли)²¹³⁴. Одежда являлась маркером социальной дифференциации и для вождей хунну 2000 лет назад, и для мужчин и женщин эпохи Ренессанса пять столетий назад. Огромные аппетиты на эксклюзивные бренды имеют большую историю и приводят к возникновению новой элиты в странах, богатство и значимость которых растут.

Для тех, у кого преобладает более экзотические и изощренные вкусы, существуют сайты, на которых можно анонимно заказать оружие, наркотики и многое другое. Название одного ресурса было выбрано намеренно, чтобы возродить в памяти центры торговли прошлого, – Шелковый путь. В то время как правоохранительные органы играют в кошки-мышки с новыми развивающимися технологиями и борются за контроль будущего, сражение за прошлое становится значимой частью наступающей новой эры.

Речь идет не только о пересмотре и переоценке истории, хотя это будет происходить ввиду появления и процветания новых университетов и кампусов. Прошлое – это объект живейшего изучения на Шелковом пути. Битва за душу ислама между противоборствующими сектами, лидерами и доктринами, такая же интенсивная, как в первом столетии после смерти пророка Мухаммеда, во многом зависит от толкования прошлого. Отношения России с ее соседями, с одной стороны, и западным миром – с другой, также оказались неустойчивыми и оживленными. Давняя вражда и соперничество могут вспыхнуть вновь, или быть забыты, или же стать односторонними. Установление полезных связей было важно в прошлом для обеспечения будущего – это одна из причин того, почему Китай инвестирует в создание прочных связей с Шелковым путем, который находится на Западе, подчеркивая коммерческое и интеллектуальное наследие.

Китай находился на передовой коммуникационной революции в регионе, продвигая создание фиксированной связи и систему передачи данных, которая позволила бы быстро загружать информацию со всего мира. Многие из новых технологий были созданы компаниями Huawei и ZTE, которые имели тесные связи с Народной освободительной армией Китая и поддерживались внутренними государственными займами Китайского банка развития. Это позволило распространить новейшие технологии в Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане, странах, в которых Китай стремится к построению долгосрочных сделок, в основном из-за стабильности и богатства минеральными ресурсами. Беспокойства,

²¹³⁴ См., например, недавнее заявление о вложении 46 миллиардов долларов США в строительство Китайско-Пакистанского экономического коридора, Xinhua, 21 April 2015.

которое вызывали эти телекоммуникационные компании, было достаточно, чтобы спровоцировать американский Конгресс объявить о том, что компаниям Huawei и ZTE «нельзя доверять», в основном из-за того, что они испытывают слишком сильное влияние правительства Китая, и это представляет угрозу безопасности Соединенных Штатов. Это было парадоксальное заявление, учитывая, что Агентство национальной безопасности открыло секретную программу под названием Operation Shotgiant для того, чтобы внедриться и взломать серверы компании Huawei²¹³⁵.

Растущая обеспокоенность насчет Китая неудивительна, так как новая китайская сеть, которая находится в разработке, будет охватывать весь земной шар. В конце XX века было возможно добраться по морю из Саутгемптона, Лондона или Ливерпуля на другой конец света, не покидая территории Британии: отправиться на Гибралтар, а затем на Мальту, в Порт-Саид, оттуда в Аден, Бомбей и Коломбо, остановиться на Малайском полуострове и, наконец, попасть в Гонконг.

Сегодня нечто подобное могут сделать китайцы. Китайские инвестиции в Карибы между 2004 и 2009 годами выросли более чем в четыре раза, по всему Тихоокеанскому региону при помощи займов или прямых инвестиций из Китая строились дорогие спортивные стадионы и сверкающие правительственные здания. Африка также активизировала свою деятельность при помощи ряда плацдармов, построенных китайцами, которые позволили Африке принять участие в Большой игре, которая идет полным ходом, – соревновании за энергетические и минеральные ресурсы, запасы еды и политическое влияние, в то время как окружающая среда наверняка окажет влияние на каждого.

Запад находится на распутье, если не сказать, что его эра приходит к концу. Во вступлении к обзору, подготовленному Департаментом безопасности США в 2012 году, президент Обама первыми же словами описал долгосрочное восприятие будущего, причем весьма недвусмысленно: «Наша нация находится в переходном состоянии». Мир меняется прямо на наших глазах, продолжил президент, и это «требует нашего руководства, (так что) США останутся величайшей силой, обеспечивающей свободу и защищающей все, что есть в этом мире»²¹³⁶. На практике из этого заявления становится ясно, что Соединенные Штаты полностью меняют курс. «Нам придется, – объяснил он, – перенастроиться на Азиатско-Тихоокеанский регион». Несмотря на сокращение бюджетных ассигнований на оборону на 500 миллиардов долларов на следующие десять лет и учитывая новые сокращения, президент Обама подчеркнул, что «это будет достигаться не за счет рискованного (Азиатско-Тихоокеанского) региона»²¹³⁷. Если перефразировать доклад более простыми словами, целое столетие США уделяли очень много внимания особым взаимоотношениям с Западной Европой, а теперь настало время взглянуть на что-то другое.

К тому же выводу пришли и в министерстве обороны в Лондоне. Отчет, подготовленный его специалистами, также свидетельствует о том, что мир находится в состоянии турбулентности и больших изменений. До 2014 года «ожидается переходный период», туманно отмечает автор исследования, что весьма характерно для британских служб. Среди прочих испытаний, с которыми предстоит столкнуться в грядущем десятилетии, заявляет он, «реальная возможность изменения климата, быстрый рост населения, нехватка ресурсов, возрождение идеологий и сдвиг власти с Запада на Восток»²¹³⁸.

²¹³⁵ *Investigative Report on the US National Security Issues Posed by Chinese Telecommunications Companies Huawei and ZTE*, US House of Representatives Report, 8 October 2012.

²¹³⁶ Department of Defense, *Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense* (Washington, DC, 2012).

²¹³⁷ President Obama, 'Remarks by the President on the Defense Strategic Review', 5 January 2012, White House.

²¹³⁸ Ministry of Defence, *Strategic Trends Programme: Global Strategic Trends – Out to 2040* (London, 2010), p. 10.

По мере того как сердце мира обретает форму, появляются институты и организации, которые призваны формализовать отношения в этом значимом регионе. Изначально созданная для облегчения политического, экономического и военного сотрудничества между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Китаем, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) увеличивает свою значимость и постепенно становится жизнеспособной заменой Европейскому союзу. Хотя некоторые порицают это объединение «как средство для нарушения прав человека» и подчеркивают неспособность государств-членов уважать конвенцию ООН в том, что касается пыток и вопиющего отсутствия защиты меньшинств, остальные считают, что за ней будущее, так как такие страны, как Беларусь и Шри-Ланка, получили официальное разрешение посещать собрания в качестве наблюдателей²¹³⁹. Этого оказалось недостаточно для Турции, которая потребовала полного членства и решила отдалиться от Европы. Страна прекратит разочаровывающие попытки вступления в Евросоюз, заявил премьер-министр Турции в телевизионном интервью в 2013 году, и обратится к Востоку. ШОС, подчеркнул он, «лучше и мощнее, и у нас много общего»²¹⁴⁰.

Возможно, это заявление не нужно воспринимать за чистую монету, так как страны и народы в этом регионе давно привыкли играть на два фронта против друг друга, конкурируя и жонглируя интересами соперников к своей выгоде. Тем не менее неслучайно все мысли обращаются к формированию нового мирового порядка. К этим же выводам пришли в Вашингтоне, Бейджине, Москве и других местах. Настало время, заявил госсекретарь США в 2011 году, «устремить наши взоры к новому Шелковому пути», что будет способствовать процветанию всего региона²¹⁴¹.

Эта тема была подхвачена председателем Си Цзиньпином. Больше 2000 лет, объявил он в Астане во время крупного турне по центральноазиатским странам в 2013 году, народы, которые проживают в этом регионе, объединяющем Запад и Восток, сосуществовали, сотрудничали и процветали, несмотря на «различия в расах, верованиях и культурных традициях». Это является «приоритетом внешней политики», продолжал он, «Китай должен развить дружеские отношения со странами Центральной Азии». Пришло время укрепить экономические связи, улучшить коммуникацию, поощрить торговлю и увеличить денежное обращение. Настал момент для появления «экономического пояса Шелкового пути», иными словами, нового Шелкового пути²¹⁴².

Мир вокруг нас меняется. По мере того как мы вступаем в эпоху, где политическое и экономическое доминирование Запада находится под давлением, чувство неопределенности порождает тревогу. Ложный рассвет «арабской весны», который обещал волну либерализма и всплеск демократии, уступил место нетерпимости, страданиям и страхам по всему региону и даже дальше. «Исламские государства Ирак и Сирия», а также их единомышленники стремятся взять под контроль территории, нефть и умы своих жертв. Лишь немногие сомневаются в том, что грядут новые волнения, не в последнюю очередь из-за резкого падения цен на нефть, которое угрожает повлиять на стабильность государств по всему Персидскому заливу, Аравийскому полуострову и Центральной Азии, которые обнаружили, что им приходится сражаться за балансирование своих бюджетов и вынуждены экономить, после того как целые поколения жили за счет богатых запасов нефти и газа. Экономическая компрессия и нестабильность идут рука об руку, и этот вопрос редко решается быстро и просто.

²¹³⁹ International Federation for Human Rights, *Shanghai Cooperation Organisation: A Vehicle for Human Rights Violations* (Paris, 2012).

²¹⁴⁰ 'Erdoğan's Shanghai Organization remarks lead to confusion, concern', *Today's Zaman*, 28 January 2013.

²¹⁴¹ Hillary Clinton, 'Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting', 22 September 2011, New York City.

²¹⁴² President Xi Jinping, 'Promote People-to-People Friendship and Create a Better Future', 7 September 2013, Xinhua.

На севере Черного моря поглощение Россией Крыма и вмешательство в дела Украины привело к дестабилизации отношений Москвы с Вашингтоном, а также Европейским союзом, в отличие от Ирана, который долгое время являлся государством-изгоем, а сейчас опять выполняет свою традиционную роль якоря, поддерживающего мир и процветание. Несомненно, Китай также вступает в эру изменений, при том что головокружительная скорость экономического роста последних двух десятилетий замедляется до темпа, который широко называют «новым нормальным» – последовательным, но не драматичным. То, как Китай взаимодействует со своими соседями и почти соседями, а также роль, которую он играет на мировой арене, будет способствовать формированию облика XXI века.

Огромные ресурсы были вложены в видение «Один пояс. Один путь», сформулированное Си Цзиньпином в 2013 году, в котором содержатся предложения по планированию будущего. Буквально повсюду наблюдаются травмы и сложности, препятствия и проблемы, которые кажутся родильной горячкой, признаками нового зарождающегося мира, который появляется прямо у нас на глазах. Пока мы размышляем, откуда придет новая угроза, как лучше поступать с религиозным экстремизмом, как вести переговоры с государствами, которые, похоже, готовы игнорировать нормы международного права, как устанавливать отношения с народами, культурами и регионами, которые мы не удосужились понять, в Азии создаются или, вернее, возрождаются связи. Шелковый путь снова возрождается.

Признательность

Нет ничего лучшего для историка, чем работать в Оксфорде. Здесь непревзойденные библиотеки и коллекции, а библиотекари просто блестящие специалисты в плане поиска нужных материалов. Выражаю особенную благодарность Бодлеанской библиотеке, Библиотеке Восточного института, Библиотеке Саклера, Библиотеке славянской литературы и современной греческой литературы в Коллежде святого Антония и всему их персоналу. Я не смог бы написать эту книгу без потрясающих материалов Оксфорда и без поддержки его сотрудников.

Я провел много времени в Национальном архиве в Кью за чтением писем, телеграмм, воспоминаний и записей Министерства иностранных дел. Я прорывался через протоколы совещаний и изучал речи. Все это приносили мне не более чем за сорок минут. Я очень благодарен персоналу за эффективность и вежливость.

Университетская библиотека в Кембридже позволила мне изучить бумаги Лорда Хардинджа, а Центр Черчилля в Черчилл-колледже Кембриджа позволил мне прочитать личную переписку Мориса (Лорда) Ханки и к тому же дал доступ к замечательной секции исследования пропаганды, собранной Марком Абрамсом. Я должен поблагодарить компанию ВР, архив университета в Уорике и Питера Хоусега, его управляющего, за то, что отыскал огромное количество файлов, касающихся ВР и ее предшественников, Англо-Персидской и Англо-Иранской нефтяных компаний.

Я также благодарен Архиву национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, неправительственной коллекции рассекреченных документов, относящихся к международным вопросам и прежде всего истории Соединенных Штатов XX и XXI веков. Это просто пещера сокровищ с важными материалами за последние десятилетия. Возможность ознакомиться с таким количеством нужных документов в одном месте позволила мне не совершать постоянных путешествий через Атлантику, что было бы крайне утомительно и затратно в плане времени.

Я должен поблагодарить ректора и стипендиатов Вустер-колледжа (Оксфорд) за их потрясающую доброту ко мне, которую они проявляют с тех пор, как я пришел сюда в качестве младшего научного сотрудника почти двадцать лет назад.

Мне повезло работать с замечательной группой ученых в Оксфордском центре изучения Византии. В частности, Марк Витоу всегда был неисчерпаемым источником вдохновения и поддержки. Беседы и дискуссии с коллегами и друзьями в Оксфорде и других местах по всей Британии, Европе, Азии и Африке очень помогли уточнить хорошие идеи, а иногда и отвергнуть плохие.

Некоторые мои коллеги и друзья читали главы моей книги, и я чрезвычайно им обязан. Пол Картледж, Аверил Кэмерон, Кристофер Тайерман, Марек Янковиак, Доминик Парвиц Брукшоу, Мэри Лейвен, Сина Файзел, Колин Гринвуд, Энтони МакГоуэн и Николас Виндзор – все они читали части этой книги и делали полезные комментарии, которые помогли улучшить ее. Я благодарен Анжеле МакКлин за то, что показала мне последние исследования, посвященные чуме и распространению болезней в Центральной Азии.

В последние годы книги по истории в основном сосредоточены на очень небольшой проблематике и узких временных рамках. Я очень рад, что издательство Bloomsbury and Knopf решило выпустить амбициозную книгу, которая охватывает века, континенты и различные культуры. Мой издатель, Майкл Фишвик, с самого начала был опорой и поддержкой, призывая меня расширить горизонты, и терпеливо ждал, пока я это делал. Его потрясающее чувство юмора, острый глаз и непоколебимую веру невозможно переоценить. Я благодарен

Эндрю Миллеру из Knopf за проницательные наблюдения, вопросы и идеи, которые были полезны и своевременны.

Я должен поблагодарить много кого из Bloomsbury. Анна Симпсон мастерски и с непередаваемым шармом исполняла роль циркового мастера. Каждая деталь была на своем месте и в правильном порядке, начиная от шрифтов, карт, иллюстраций и нумерации страниц и заканчивая превращением компьютерного файла в прекрасную, настоящую книгу. Питер Джеймс проработал рукопись несколько раз и каждый раз давал прекрасные советы, как ее можно улучшить. Я очень ценю его весомое мнение. Кэтрин Бест проделала прекрасную работу корректора, отлавливая проблемы, о которых я и понятия не имел. Героический Дэвид Аткинсон создал алфавитный указатель. Карты были созданы Мартином Любиковски, чье мастерство сравнимо только с его терпением. Фил Бересфорд помог свести все иллюстрации воедино. Эмма Эубанк создала просто потрясающий дизайн обложки.

Я благодарен Джуду Дрейке и Хелен Флад за помощь в мотивации людей к прочтению того, что я написал.

Особую благодарность я задолжал Кэтрин Кларк, которая несколько лет назад за ланчем в Оксфорде сказала, что я вполне способен развернуть несколько нитей в одной работе. В то время я посчитал это сомнительной затеей. Эти сомнения часто возвращались во время работы, обычно поздно ночью. Я благодарен за ее совет и поддержку. Зоуи Пагнамента – мой герой из Нью-Йорка, Хлоя Кэмпбелл – мой ангел-хранитель, вычитывающий все главы проекта и мастерски сглаживающий острые углы.

Мои родители любят напоминать мне, что именно они научили меня говорить и ходить. Именно они подарили мне чудесную карту мира, когда я был еще мальчишкой, и позволили повесить ее на стене в спальне (хотя никогда не разрешали мне использовать скотч и клеить стикеры Звездных войн на океаны). Они учили меня думать самостоятельно и задумываться о том, что я слышу и читаю. Моим братьям, сестрам и мне повезло расти в мультиязычной семье, в которой мы могли участвовать в общей беседе за столом. Это был ценный урок понимания того, что говорят другие люди и что они имеют в виду на самом деле. Я благодарен моим братьям и сестрам, моим лучшим друзьям с детского сада за то, что задали высокую планку, и за то, что были моими самыми суровыми критиками. Это единственные люди, которые считают, что изучение прошлого это просто.

Моя жена Джессика была рядом со мной двадцать пять лет, вдохновляя меня с тех пор, как мы были старшекурсниками, рассуждали о смысле жизни, говорили о важности племенного уклада и танцевали на университетских вечеринках. Каждый день я напоминаю себе, как же мне повезло. «Шелковый путь» никогда не был бы написан без нее.

Тем не менее эта книга посвящена нашим детям, которые смотрели, слушали и задавали удивительно хорошие вопросы, когда я выходил из своего кабинета или возвращался из кондиционированных или совершенно экзотических архивов, чтобы обдумать проблему дня. Катарина, Флора, Фрэнсис и Люк, вы моя гордость и радость. Сейчас, когда книга завершена, я наконец смогу играть с вами в саду столько, сколько вы пожелаете.

ПИТЕР ФРАНКОПАН – старший научный сотрудник Вустер-колледжа в Оксфорде и директор Центра исследования Византии в Оксфордском университете. Его пересмотренный перевод «Алексиады», написанной Анной Комниной, был опубликован в 2009 году, «Первый крестовый поход» – в 2012 году.

peterfrankopan.com / [@peterfrankopan](https://twitter.com/peterfrankopan)

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

